ISSN 1561-7793

ВЕСТНИК
Томского государственного университета

2026. № 527. Июнь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2026. № 527. June

Свидетельство о регистрации СМИ № 018694 выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

16+

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); **В.В. Демин**, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); **Н.А. Глущенко**, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь); **В.Н. Берцун**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, д-р биол. наук, доц.; **С.Н. Воробьев**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательства Томского государственного университета; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слижов**, канд. хим. наук, доц.; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р физ.-мат. наук, проф.

EDITORIAL COUNCIL OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **N. Glushchenko,** PhD in History, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, Dr. of Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Physics and Mathematics; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of TSU Press; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor, **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глущенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
д-р ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor
Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
Doctor of History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Doctor of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Мультидисциплинарный научный журнал

№ 527 Июнь 2026

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

Multidisciplinary research journal

№ 527 June 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Кузнецова Н.В., Почтарёва О.В. О расширении сочетаемости лексемы МОЖНО в разговорной речи: случаи пермиссивного и собственно императивного употребления ……. 5
Курбонова Х.Х. Ассоциативно-вербальное поле «верность» / «садоқат» в современном русском и таджикском языковом сознании …… 14
Долгорукова Н.М., Кифишина А.Ф. О превратностях Фортуны в сюжете о короле Лире: Гальфрид, Вас, Лайамон ……..… 23
Су Хун. Интермедиальная и читательская рецепция романа «Анна Каренина» в Китае ……..... 32
Тан Юйли. «Кроткая» Ф.М. Достоевского, «Скорбь по ушедшей» Лу Синя и «Жить» Юй Хуа: проблема эволюции рецепции Достоевского в Китае ……. 40
Трахтенберг Л.А. ««Влюбленный нелюдим» Н.И. Ильина: продолжение «Мизантропа» в России ……. 47

ФИЛОСОФИЯ

Беляева Е.В., Линченко А.А. Могут ли войны памяти быть справедливыми? …… 54
Качеев Д.А. Некоторые аспекты трансформации религиозной формы общественного сознания в Казахстане в период независимости …… 62
Пеннер Р.В. Философские перспективы новых технических онтологий …… 70

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Мартиросян А.Ж., Горюшина Е.М. Информационная безопасность Республики Армения: правовой контур, геополитические вызовы и инфраструктурные особенности …… 80
Клемашева Е.И., Маланина В.А., Кашапова Э.Р., Рождественская Е.М. Поколенческие особенности осознанного потребления в условиях нестабильности …….. 94
Йе Фон Чжо. За пределами цифр: роль колониальных переписей в фиксировании этничности и демографической манипуляции в Британской Бирме …….. 101

ИСТОРИЯ

Долгова А.В. Институт комиссаров Временного правительства в период двоевластия в Пермской губернии …… 115
Дунбинский И.А., Чабина А.Е. Досуговая деятельность сибирского купечества второй половины XIX – начала XX в. …… 127
Идимешев А.А., Савко Е.А. Пряслица поселения Самусь IV: функциональный анализ ……..... 137
Коровина Н.Е. «Сочувствующий изучению края», или Как васюганский священник П.В. Краснов стал собирателем фольклорно-этнографических материалов …… 143
Рахматулина Е.Ю. Казахская государственная художественная галерея им. Т.Г. Шевченко в годы Великой Отечественной войны …… 150
Чемякин Ю.П. Кулайская культура – общность – непрерывность? ……..... 158

ПЕДАГОГИКА

Городилова С.А., Красавина Ю.В., Охотников И.А., Шакирова О.В. Персонализированное сопровождение профессионального самоопределения старшеклассников с нарушением слуха в условиях вузовской профориентации …… 166

CONTENTS

PHILOLOGY

Kuznecova N.V., Pochtareva O.V. On expanding the compatibility of the lexeme MOZHNO in colloquial speech: Permissive and properly imperative usage ……..……. 5
Kurbanova Kh.Kh. The associative-verbal field "faithfulness"/"sadoqat" in modern Russian and Tajik linguistic consciousness …….. 14
Dolgorukova N.M., Kifishina A.F. On the victims of Fortune in the story of King Lear: Geoffrey of Monmouth, Wace, Layamon …… 23
Su Hong. Intermedial and reader reception of the novel *Anna Karenina* in China ……..... 32
Tang Yuli. *The Meek One* by Fyodor Dostoevsky, *Mourning the Departed* by Lu Xun, and *To Live* by Yu Hua: The problem of the evolution of Dostoevsky's reception in China ……... 40
Trakhtenberg L.A. "Misanthrope in Love" by Nikolay Ilyin: A sequel to "The Misanthrope" in Russia …… 47

PHILOSOPHY

Belyaeva E.V., Linchenko A.A. Can "memory wars" be just? …… 54
Kacheyev D.A. Some aspects of the transformation of the religious form of social consciousness in Kazakhstan during the period of independence ……..…… 62
Penner R.V. Philosophical perspectives of new technical ontologies …… 70

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Martirosyan A.Zh., Goryushina E.M. Information security of the Republic of Armenia: Legal framework, geopolitical challenges, and infrastructure specifics …… 80
Klemasheva E.I., Malanina V.A., Kashapova E.R., Rozhdestvenskaya E.M. Generational features of conscious consumption in conditions of instability …… 94
Ye Phone Kyaw. Beyond counting: The role of colonial censuses in ethnic reification and demographic manipulation in British Burma ……..…. 101

HISTORY

Dolgova A.V. The institution of commissars of the Provisional Government during the period of dual power in Perm Province ……..…. 115
Dunbinsky I.A., Chabina A.E. Leisure activities of the Siberian merchants of the second half of the 19th - early 20th centuries …… 127
Idimeshev A.A., Savko E.A. Spindle whorls from the Samus IV settlement: Functional analysis ……..... 137
Korovina N.E. "Sympathetic to regional studies", or How the Vasyugan priest P.V. Krasnov became a collector of folklore and ethnographic materials …… 143
Rakhmatulina E.Yu. T.G. Shevchenko Kazakh State Art Gallery during the Great Patriotic War ……..…… 150
Chemyakin Yu.P. Kulai culture – community – continuity? ……..... 158

PEDAGOGICS

Gorodilova S.A., Krasavina Yu.V., Okhotnikov I.A., Shakirova O.V. Personalized career guidance for deaf and hard-of-hearing high school students within university outreach programs …… 166

Guzheva E.V. Expressive syntax in English oral scientific speech: Teaching its features 178
Бондаренко Е.В., Нимира Д.Е. Методические аспекты воспитания общей выносливости девочек 8–9 лет, занимающихся спортивной аэробикой 188
Халяпина Л.П., Сенько А.Ю. Анализ лингводидактических возможностей корпусных технологий для формирования лексического компонента иноязычной предметной компетенции 197
Чеснокова Г.С., Агавелян Р.О., Рюмина Т.В., Абрамова В.В., Казиева Г.К. Воспитание патриотизма будущих педагогов: тенденции, научные подходы и этические ориентиры в контексте семейной социализации 205
Широкова Е.А., Макеева В.С., Щеголева М.А. О физической и функциональной подготовленности студенток поколения Z: результаты пятилетнего мониторинга 215

ПРАВО

Акобирова А.А. Содержание свободы совести и свободы вероисповедания: пути определения в России и зарубежных странах 224
Верещагина А.В. Место, время, способ незаконной охоты по материалам судебной практики Дальневосточного и Сибирского федеральных округов 236
Данилов И.Б. Проблема определения формы государственно-территориального устройства РСФСР в советской юридической науке и современной правовой доктрине 247
Ламанов Е.Н., Воротникова А.С., Балашов К.Г. Некоторые аспекты совершенствования законодательного регулирования и криминалистических рекомендаций по расследованию преступлений в сфере использования электронных средств платежа организованными преступными формированиями, специализирующимися на нелегальном игорном бизнесе 259
Оганесян Т.Д. Динамическое толкование конвенционных норм в практике Европейского суда по правам человека: ретроспективный анализ 266

Guzheva E.V. Expressive syntax in English oral scientific speech: Teaching its features 178
Bondarenko E.V., Nimira D.E. Methodological aspects of endurance training for girls aged 8–9 in aerobic gymnastics 188
Khalyapina L.P., Senko A.Yu. Analysis of the linguodidactic potential of corpus technologies for the formation of the lexical component of foreign language subject competence 197
Chesnokova G.S., Agavelyan R.O., Ryumina T.V., Abramova V.V., Kazieva G.K. Fostering patriotism in future teachers: Trends, scientific approaches, and ethical guidelines in the context of family socialization 205
Shirokova E.A., Makeeva V.S., Shchegoleva M.A. About the physical and functional preparedness of Generation Z female students: Results of a five-year monitoring 215

LAW

Akobirova A.A. The content of freedom of conscience and freedom of religion: Ways of definition in Russia and foreign countries 224
Vereshchagina A.V. Location, timing, and method of illegal hunting based on the judicial practice of the Far Eastern and Siberian Federal Districts 236
Danilov I.B. The problem of determining the form of the state-territorial structure of the RSFSR in Soviet legal science and modern legal doctrine 247
Lamanov E.N., Vorotnikova A.S., Balashov K.G. Some aspects of improving legislative regulation and criminalistic recommendations for investigating crimes involving the use of electronic means of payment by organized criminal groups specializing in illegal gambling 259
Oganesian T.D. Dynamic interpretation of convention norms in the case law of the European Court of Human Rights: A retrospective analysis 266

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 81’271.16
doi: 10.17223/15617793/527/1

О расширении сочетаемости лексемы МОЖНО в разговорной речи: случаи пермиссивного и собственно императивного употребления

Наталья Владимировна Кузнецова[1], Ольга Викторовна Почтарёва[2]

[1, 2] Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
[1] n.v.kuznecova@utmn.ru
[2] o.v.pochtareva@utmn.ru

Аннотация. Анализируются свойства высказываний с лексемой МОЖНО в специфических разговорных конструкциях «Можно + я/мы/он/она/сущ. + финитный глагол» / «Можно + глагол 1-го л. ед. ч.», не отраженных в словарях. Настоящая статья представляет собой опыт разноаспектного описания высказываний, построенных по данной модели: их синтаксических свойств, прагматических особенностей, пунктуационного оформления. Констатировано развитие у таких конструкций с лексемой МОЖНО, наряду с пермиссивной, собственно императивной функции. Сделан вывод о том, что рассматриваемая лексема играет ведущую роль в поиске средств выражения косвенной просьбы носителями русского языка.
Ключевые слова: предикатив, пермиссивность, императив, косвенная просьба, разговорная речь, пунктуация

Для цитирования: Кузнецова Н.В., Почтарёва О.В. О расширении сочетаемости лексемы МОЖНО в разговорной речи: случаи пермиссивного и собственно императивного употребления // Вестник Томского государственного университета. 2026. № 527. С. 5–13. doi: 10.17223/15617793/527/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/527/1

On expanding the compatibility of the lexeme MOZHNO in colloquial speech: Permissive and properly imperative usage

Natal'ya V. Kuznecova[1], Olga V. Pochtareva[2]

[1, 2] University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation
[1] n.v.kuznecova@utmn.ru
[2] o.v.pochtareva@utmn.ru

Abstract. Dictionary entries do not contain interrogative sentences constructed according to the pattern "MOZHNO + ya/my/on/ona/noun + finite verb" or "MOZHNO + first-person singular verb," and there is no description of such combinations in the linguistic literature. This article analyzes the syntactic and pragmatic characteristics of these constructions and presents observations on trends in their punctuation. The lexeme mozhno, one of the fundamental terms for expressing permissiveness in the Russian language, forms a request for permission as an indirect question when used in these models. The variant featuring the pronoun ya and a first-person singular verb ("Mozhno ya...") is noticeably more frequent than the others. Its earliest uses were recorded in the Russian National Corpus in the late 1920s, predating the other variations. Another type of utterance is formed by the constructions "MOZHNO + ty/vy + finite verb," which represent a timid request for action or inaction; these structures have been observed since the early 1990s. The same meaning is conveyed by the phrase "Mozhno ne nado?", which emerged in 21st-century internet memes. Thus, observations show that over several decades, constructions combining the lexeme *mozhno* with a finite verb have developed a strictly imperative use alongside their permissive function. In the analyzed statements, the lexeme *mozhno* usually occupies the initial position; it occasionally follows an address and frequently appears after the conjunction a, which is characteristic of colloquial Russian speech. While there is no semantic difference between the statements "MOZHNO + infinitive" and "MOZHNO + finite verb," they differ formally: in the first case, the response can be constructed according to the same scheme, whereas in the second case, this is impossible. Despite the fact that *mozhno* is displaced from the grammatical predicate when used with a finite verb—leading to the loss of its syntactic connections with other sentence components—it retains its lexical meaning. Therefore, there is insufficient evidence to claim the emergence of a new particle. From a pragmatic standpoint, the model "MOZHNO + finite verb," in contrast to "MOZHNO + infinitive," tends to function as a formal request for permission and can be used as a statement of intent. Surveyed respondents who work professionally with texts indicated the possibility of placing a comma after *mozhno*, drawing analogies to complex sentences or introductory words. However, leaving *mozhno* unpunctuated was generally preferred, as respondents perceived it as a particle. Our research indicates that over the last century, Russian speech has engaged in a continuous search for means to express indirect requests, with the lexeme *mozhno* playing a

© Кузнецова Н.В., Почтарёва О.В., 2026

leading role. As it develops as a foundational lexeme for expressing permissiveness, it occasionally enters the domain of properly imperative meanings to mark a timid request.
Keywords: predicative, permissive, imperative, indirect request, punctuation, particle

***For citation*:** Kuznecova, N.V. & Pochtareva, O.V. (2026) On expanding the compatibility of the lexeme MOZHNO in colloquial speech: Permissive and properly imperative usage. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 527. pp. 5–13. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/527/1

Постановка проблемы

В современной русской речи, как показывают наблюдения, достаточно распространено употребление лексемы *можно* в вопросительных предложениях, построенных по специфической модели: слово *можно* находится в препозиции по отношению к некоторой грамматической основе. В лингвистической литературе такие случаи употребления *можно* упоминаются, но без подробного анализа. Так, М.Г. Безяева, изучая средства выражения просьбы о разрешении, писала, что «одной из наиболее употребительных структур является конструкция “Можно я позвоню?” (можно + местоимение 1-го лица + глагол к.д. (каузируемого действия. – *Н.В. Кузнецова*, *О.В. Почтарёва*) сов.в. будущего времени», наряду с «Можно мне позвонить?» (можно + факультативно дательный падеж субъекта местоимения 1-го лица + инфинитив глагола к.д. сов.в.) [1. С. 84]. В Грамматике-80 среди моделей («синтаксических образцов») вопросительных предложений, образованных на основе невопросительных, в примечании к параграфу 2601 сказано: «Функцию вопросительной частицы выполняет слово *можно*, открывающее собой вопросительное предложение в форме будущего времени (вопрос о разрешении): *Можно – я доски возьму?* (Плат.); *Можно я одно замечание сделаю?* (Шукш.)» [2. С. 388].

Начать изучение любой единицы целесообразно с ее лексикографических фиксаций в наиболее авторитетных и популярных толковых словарях русского языка. В них лексема *можно* в интересующем нас употреблении не приводится. Так, в Большом толковом словаре из грамматической характеристики этого слова есть только помета «в функции безличного сказуемого с инфинитивом» [3. С. 550]. Среди прочих указано значение: «2. кому-чему и с инф. Разрешается, позволительно. *М. войти. М. выключить телевизор. Есть ещё желающие? – М. мне? К вам м.? – Пожалуйста, присаживайтесь»* [3. С. 550]. Как видим, приводятся примеры конструкции «*Можно* + инфинитив» либо примеры неполных предложений, в которых восстанавливается инфинитив. В Большом академическом словаре слово *можно* имеет помету *предикатив* [4. Т. 10. С. 309]. Его второе значение сформулировано как «разрешается, позволительно»; в скобках указано, что в этом значении слово употребляется «обычно в прямых или косвенных вопросах» [4. С. 310]. В качестве примеров приводятся высказывания, в которых *можно* употребляется с примыкающим инфинитивом (*Можно взять?*), с зависимым существительным (*Можно вопрос?*) либо изолированно (*К вам можно?*). Полагаем, высказывания типа «*Можно* я (что-л. сделаю)?» отсутствуют в толковых словарях в связи с тем, что принадлежат сфере непринуждённого общения и имеют сугубо разговорную окраску.

В доступных нам источниках не найдено подробного анализа сочетаемости, прагматических и других характеристик слова *можно* в конструкциях типа «*Можно* я/ты» и др. Вызывает интерес и пунктуация при этом слове, на что указывают, в частности, два контекста, приведенные в «Грамматике-80»: в первом из них *можно* в функции «вопросительной частицы» отделено с помощью тире, во втором при нём нет знаков препинания [2. С. 388].

Описание функционирования слова *можно* приобретает особенную актуальность в связи с тем, что, по нашим наблюдениям, это слово расширяет свою сочетаемость; наиболее радикальная иллюстрация этого процесса – бытующая в мемах фраза «*Можно* не надо?». Почему фраза, при её очевидной аграмматичности, всё-таки стала распространяться в русской речи – на этот вопрос поможет ответить анализ менее экзотичных случаев употребления *можно*. Из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) методом сплошной выборки мы отобрали интересующие нас контексты, скорректировав их вручную путём отсева примеров с совпадающей последовательностью слов; в некоторых случаях были привлечены контексты из интернет-обсуждений.

Прежде чем приступать к анализу материала, необходимо обсудить специфику языкового значения, выражаемого с помощью вопросительных предложений со словом *можно* – как в конструкциях, представленных в толковых словарях, так и в интересующем нас употреблении. Оттолкнувшись от этого значения, целесообразно говорить далее о том, какие изменения происходят со словом *можно* в современной русской речи.

Пермиссивность как языковое значение

Просьбу о разрешении как тип высказываний уместно рассматривать в контексте общего значения пермиссивности, выделяемого среди частных императивных значений. В.С. Храковский и А.П. Володин, анализируя пермиссивную каузацию, описывают один из её подтипов – разрешение. Согласно их концепции, императивные значения можно представить в виде набора дифференциальных признаков. В частности, разрешение может быть рассмотрено так: А2 – импульс каузации исходит от слушающего, Б2 – исполнение каузируемого действия – в интересах слушающего, В1 – говорящий ставит себя выше слушающего [5. С. 140]. Поясним, что говорящий – это тот, кто дает разрешение. В исследованиях, специально посвященных высказываниям со значением разрешения, эта роль может называться Прескриптор, тогда как слушающий – Исполнитель [6. С. 4]. При этом в коммуникации разрешению предшествует просьба о разрешении, ср. пример из А.Н. Толстого: (Михаил) *Батюшка, матушка, дозвольте на двор пойти – с дворовыми ребятами позабавиться.* (Лопухин) *Позабавься, чадо.* (А.Н. Толстой) [5. С. 140].

На этом основании речевому акту разрешения даже может быть отказано в «праве» относиться к директивным: «настоящие» директивные акты всегда инициативны, тогда как разрешение – реактивно [7. С. 99].

Учитывая этот факт, В.И. Подлесская в своей статье о грамматикализованных употреблениях русских глаголов *дать, давать* замечает: «Пермиссивные конструкции чаще и свободнее используются в речевых актах запроса-просьбы (испрашивания разрешения), чем в речевых актах ответа-разрешения» [8. С. 94]. Интересно, что, толкуя глагол *позволить* в локутивно-пермиссивном употреблении, В.И. Подлесская использует слово *можно*: «Позволили не говорить» = «Сказали, что можно не говорить» [8. С. 93]. Это, как представляется, связано с тем, что лексема *можно* является одной из базовых для выражения пермиссивности в современном русском языке. Ср. также предложение *(Мне) можно выйти?* как типичный пример полисубъектной модальной модификации «возможности (позволительности)» модели с косвенным падежом субъекта [9. С. 136]. Подробно рассматривая пермиссивное употребление глаголов *дать* и *давать*, В.И. Подлесская отмечает: «В устной речи в составе просьбы-запроса вместо инфинитива может употребляться личная форма глагола будущего времени: а. Дай / разреши / позволь я это сделаю! б. Дайте / разрешите / позвольте Вася это сделает» [8. С. 95]. Такие предложения, хотя и отличаются по цели высказывания (побудительные vs вопросительные), структурно изоморфны рассматриваемым нами: судя по всему, финитная форма вместо инфинитива является типичным компонентом просьбы о разрешении в русской устной речи.

В лингвистической литературе «просьба о разрешении» выделяется в особый тип высказываний, противопоставленный «просьбе о действии». Универсальным значением просьбы о разрешении, по формулировке М.Г. Безяевой, является «выражение желания говорящего совершить то или иное действие, которое он может осуществить, что зависит от желания слушающего» [1. С. 83]. Исследователь отмечает, что использование просьбы о разрешении в типовых речевых ситуациях является достаточно яркой особенностью русского языка по сравнению с другими языками [1. С. 83]. В работах М.Г. Безяевой приведён наиболее полный ряд специальных конструкций просьбы о разрешении. Так, в статье «Вариативный ряд конструкций русской просьбы» зафиксированы, среди прочих, конструкции, включающие в себя слова со значением возможности – глаголы в повелительном наклонении *разрешите* и *позвольте*, предикатив *нельзя*, часто в сопровождении частицы *ли*, и предикатив *можно* – в частности, в сочетании с глагольными формами 1-го л. ед. ч. При этом конструкция «Можно я…» охарактеризована как нейтральная [1. С. 84]. Отметим, что в задачу автора излагаемой статьи не входил подробный (грамматический и прагматический) анализ всех этих конструкций.

Обзор материала

Судя по количественным данным, базовой моделью для конструкций «*Можно* + местоимение + финитная форма» является «*Можно* я....»: число примеров этой конструкции в основном корпусе НКРЯ превышает тысячу (найдено 1160 примеров, за вычетом небольшого «шума»):

Илья, ***можно я*** не совсем в тему задам вопрос? (Форум, 2010–2011).

Однако встречаются и другие модели, хотя и гораздо реже:

«*Можно* + 1-го л. ед. ч. глагола» – 139 примеров.

Можно, ***напишу*** от первого лица? (Е. Колина, 2011).

«*Можно* мы…» – 81 пример.

Девушка, а ***можно мы*** подписи соберем? («Волга», 2015).

Релевантных для нашего исследования примеров конструкции «*Можно* + 1-го л. мн. ч. глагола» (**Можно сделаем?*) в НКРЯ не обнаружено.

Единичны примеры с местоимениями и глагольными формами 3-го л. и существительными, например:

Можно, ***он*** *вам сам* ***позвонит****?* (Ф. Кнорре).

Можно тележка *тут* ***постоит****, пока я сбегаю домой за деньгами?* (Д. Сабитова).

Таким образом, модель просьбы о разрешении с участием *можно* в рассматриваемых нами конструкциях (далее в необходимых случаях обозначим ее как *можно*', чтобы отличать от *можно* в составе других конструкций) обобщенно представляется следующим образом: «*Можно* + я/мы/он/она/сущ. + финитный глагол / *Можно* + глагол 1-го л. ед. ч.». Обратим внимание на то, что при отсутствии личного местоимения финитный глагол может употребляться только в 1-го л. ед. ч. В таких конструкциях глагол всегда стоит в будущем времени, причем без сопровождения местоимения – это глагол только сов. вида, а в присутствии личного местоимения – и сов., и несов. вида, ср: *Батюшка,* ***можно я буду читать*** *духовные книжки?* (М. Кучерская).

Другой тип высказываний образуют конструкции «*Можно* + ты/вы + финитный глагол». Ср: ***Можно ты*** *не будешь забирать дом? – позвонил Рустам другу.* (Домовой. 04.09.2002); *Господин Золовкин, а* ***можно, Вы*** *мне на слово поверите?* (Форум. 2015). В этих конструкциях мы имеем дело уже не с просьбой о разрешении, а с просьбой о действии (или, с отрицанием, просьбой о недействии): «*Можно* + ты/вы» – это собственно императив. Соответственно, в этих конструкциях представлено уже не пермиссивное, а императивное употребление *можно*'. Заметим, что это максимально некатегоричный императив, о чем подробнее будет сказано далее.

Кроме того, в текстах социальных сетей, как уже упоминалось, была замечена ещё одна модель конструкции с *можно*' – сочетание «*Можно* не надо?», встречающееся в мемах и выражающее также робкую просьбу, т.е. использующееся в собственно императивных высказываниях.

Если говорить о хронологии, то самыми ранними, как и следовало ожидать, являются примеры с местоимением *я* – их наиболее ранняя фиксация относится к концу 1920-х гг.: *Вася,* ***можно я*** *твою бритву* ***возьму****?*

В дивизионный клуб пойдем, побриться охота (А. Крон. 1929); – *Ты за Парт[ию] или за Советы? – А еще никого нету? – Нету. Выбирай.* – ***Можно я буду** третьим?* (А. Платонов. 1928–1944).

Примеры с глаголом 1-го л. ед. ч. без местоимения и примеры с местоимением *мы* появляются чуть позже, в конце 1930-х – начале 1940-х гг.: – *Я т[у]т нап[и]сал статью, **можно прочту**?* (И. Дьяконов. 1941–1942); *Гриша сказал бабушке: – **Можно, мы** с гражданином **пойдём** якорь смотреть?* (Б. Житков. 1937).

К более позднему времени относятся первые примеры с местоимениями 3-го л. и существительными, например: *Давай лучше я за тебя допрыгаю. – **Можно, он допрыгает**? – спросила Анька. – Нет, нет, проспорила, проспорила! – закричали девчонки.* (Р. Грачев. 1962); – ***Можно, она** домой **пойдет**? – спрашивает Маша.* (Б. Окуджава. 1962); – ***Можно, Нюра** тоже **выступит**? – попросил Иван.* (В. Шукшин. 1970–1972).

Конструкции с местоимениями 2-го л., т.е. примеры собственно императивного употребления *можно*', фиксируются лишь с начала 1990-х гг.: *– Дядя Сережа, дядя Володя! А **можно вы** нас **будете** учить рисовать в журнале «Трамвай». Только нам всего по семь лет...* (К. Олежкин. 1990); *Можно, – сказала она с робостью, которой в ней никак нельзя было предположить, – **можно, ты возьмешь** у меня денег?* (Н. Климонтович. 1991–1994). Заметим весьма симптоматичную характеристику речи в последнем примере: *сказала она с робостью*.

Наконец, фраза «*Можно* не надо?» фиксируется только в XXI в. в интернет-пространстве.

Как видим, за несколько десятилетий у *можно*' появилось, наряду с пермиссивным, собственно императивное употребление.

Истоки появления модели «*Можно* + финитный глагол»

Выскажем некоторые предположения о возникновении конструкций типа «*Можно* + я + финитный глагол / *Можно* + финитный глагол». Возможно, модель типа «*Можно* я...» представляет собой гибрид двух конструкций: предикатива «*можно*» с примыкающим инфинитивом (*Можно мне что-то сделать? / Можно мне войти?*) и вопросительного предложения с тем же значением (*Я что-то сделаю? / Я войду?*). В связи с этим происходит «расчленение» конструкции «*Можно* + инфинитив»: при замене инфинитива на личную форму она становится частью предикативной основы (двусоставного или односоставного личного предложения), а слово *можно*' вытесняется из грамматической основы.

Ещё одна возможная база для появления рассматриваемой конструкции – это сокращение конструкций типа *Если можно, я войду*. Появившаяся модель может быть результатом свёртывания конструкции с придаточным условия. При этом стоит учесть, что предложения с *Если можно…* всегда повествовательные (хотя, конечно, могут произноситься и с вопросительной интонацией), а с *Можно* – вопросительные.

Третья гипотеза. В Большом универсальном словаре, представленном на портале «Грамота.ру»[1], приводится пример просьбы о разрешении, выраженной неполным вопросительным предложением, состоящим только из одного слова: *Можно?* Ср.: *Я войду? Можно* (**мне войти*)*?* В этой версии снова наблюдается свёртывание конструкции, где *можно* из постпозиции перемещается в препозицию.

Отдельно скажем о конструкции «*Можно* не надо?». Сделаем предположение, что её появление связано с высказыванием, прозвучавшим в известном фильме Л. Гайдая «Операция «Ы» и другие приключения Шурика», где главный герой воспитывает доверенного ему хулигана. Диалог «*–А **может**, не **надо**, а? – Надо, Федя! Надо!*» стал одним из прецедентных текстов отечественной культуры. Как видим, в обеих конструкциях для выражения некатегоричного императива употребляются однокоренные слова.

К морфологической характеристике *можно*'

В Грамматике-80 *можно'* названа вопросительной частицей. Однако такая морфологическая характеристика небесспорна. В высказываниях, построенных по модели «Разреши(те)/позволь(те)/дай(те) я...», императивные формы не теряют своей глагольной природы – аналогичным образом специфическая сочетаемость *можно*' в составе конструкций типа «*Можно* я...» не ведет к обязательной транспозиции, хотя некоторые признаки частицы у этого слова всё же появляются.

Один из критериев определения принадлежности слова к частице – это тест на негацию [10. С. 17]. Сравним: *Можно мне войти* / *Нельзя мне войти*? – в данном случае мы имеем дело с предикативом, обе конструкции употребительны; *Можно я войду*? / **Нельзя я войду*? – невозможность замены слова *можно*' на слово, выражающее отрицание, как минимум ставит под сомнение правомерность его характеристики как предикатива.

Частицы обычно не несут фразового ударения. Однако вопросительные частицы могут быть ударными, что демонстрируют, например, частицы *что и как*, тяготеющие к начальной позиции и способные употребляться как самостоятельное предложение. Например: *Что*, *он опять опаздывает*?; *Он что*, *опять опаздывает*? / *Я не пойду*. *– Как*? *Как не пойдешь*? (РГ, параграф. 1693). В предложениях же типа «*Я войду? Можно?*» / «*Можно я войду?*» слово *можно* формирует вопрос и является ударным, что приближает его по значению и по функции к вопросительным частицам.

Однако некоторые важные признаки отличают *можно'* от типичной частицы. Так, у этой единицы нет синонимов-частиц – сравним сопоставление частицы *вряд ли* и словоформы *слабо* в предикативном употреблении в работе В.В. Шигурова [11. С. 98]. Кроме того, нельзя говорить о десемантизации *можно* в конструкции «*Можно* + я/мы/он/она/сущ. + финитный глагол» / «*Можно* + глагол 1-го л. ед. ч.» по сравнению с *можно* в конструкции «*Можно* + инфинитив», где оно характеризуется как предикатив: в обоих случаях *можно* означает «разрешается, позволительно» [3. С. 550].

Что касается формальных критериев, то и они не всегда срабатывают. Например, к предикативу с модальным значением (*можно*, *нельзя*, *необходимо* и т.п.) в принципе затруднительно задать вопрос из-за его абсолютно главенствующей позиции в структуре предложения, в связи с чем невозможно применить критерий постановки вопроса, предложенный Э.В. Крыловой [10. С. 17] для разграничения омонимичных наречий и частиц.

Синтаксические свойства *можно'*

Для *можно'* – и в пермиссивном, и в собственно императивном употреблении – характерна начальная позиция в вопросительном предложении; иногда это слово следует после обращения: – *Мама,* ***можно я*** *завтра в школу не пойду? – спросил сын, заехав для экономии денег и времени сразу с самого главного* (А.Б. Сальников). Зафиксирован один пример, где *можно'* находится после подлежащего и детерминанта: *Я сейчас,* ***можно****, открою компьютер, у меня там есть кое-что по этому поводу?* (В. Крапивин, Д. Струев). Довольно часто само предложение с начальным *можно'* вводится союзом *а*, в целом характерным для русской разговорной речи (139 контекстов в нашем материале); другие союзы крайне редки. Полагаем, имеет смысл говорить о едином комплексе «*А можно...*»[2]. Его единство показывают довольно многочисленные примеры, в которых имеется обращение – оно никогда не разбивает элементы комплекса, ср.: *Товарищи,* ***а можно я задам*** *вам вопрос, прежде чем отвечу на ваш.* («Ковчег», 2014); *– Ба,* ***а можно*** *мы пойдем к мсье Карапету?* (Н. Абгарян). Единственным элементом, который может разбивать единство *а* и *можно'*, является детерминант, образующий, как известно, тему высказывания: *А* ***здесь можно скажу*** *не по-русски?* (М. Палей). В связи с этим необходимо упомянуть наблюдение Т.М. Николаевой о значении инициального ***а***; его использование является «неким особым коммуникативным приёмом, приёмом «интимизации», подчёркнутого включения в чужую среду как в свою, с установкой быть (и/или стать) своим» [12. С. 12].

Указанное синтаксическое свойство обнаруживают и глаголы *дай(те)/разреши(те)/позволь(те)*, также образующие просьбу о разрешении. В.И. Подлесская, характеризуя конструкции «Д-глагол + финитная форма», отмечает, что в них «препозиция знаменательного глагола в финитной форме невозможна или существенно затруднена, тогда как препозиция инфинитива вполне допустима»: *Пройти дайте! *Пройду дайте!* [8. С. 95]. Подобное наблюдается и с *можно'*, сравним: *Пройти можно? – *Пройду можно?* Конечно, высказывания типа «*Можно* я пройду?» нужно отличать от высказываний типа «Я пройду, *можно*?», представляющих собой также просьбу о разрешении (хотя не исключено, что первое возникло из второго, см. выше). В последнем случае имеется по сути два вопросительных высказывания, второе из которых содержит предикатив и всегда может быть восстановлено с помощью инфинитива до вопроса: «Я пройду? *Можно* мне пройти?». В отличие от них, начальная позиция *можно'* в рассматриваемых нами конструкциях закрывает возможность подстановки инфинитива.

Есть существенное синтаксическое отличие глаголов *дай(те)/разреши(те)/позволь(те)* образующих пермиссивные конструкции, от слова *можно'*. Употребление данных глаголов в форме императива 2-го л. накладывает ограничение на сочетаемость с местоимениями и глаголами 2-го л., сравним: *Можно вы мне билеты возьмёте? – *Дайте / разрешите / позвольте вы мне билеты возьмёте?* Это ограничение, как представляется, обусловило невозможность собственно императивного употребления этих глаголов, в том числе с предикативом *не надо*: **Дайте / разрешите / позвольте не надо?* Фраза «*Можно не надо?*» существует в русской разговорной речи как устойчивое выражение. Она фразеологизировалась практически сразу после возникновения либо изначально возникла в таком качестве. Сравним её употребление в функции сказуемого: *А вот Лада Гранта за 2 ляма – это* ***можно не надо*** (НКРЯ. Корпус соцсетей).

Различие синтаксических свойств высказываний «*Можно* + инфинитив» и «*Можно* + финитный глагол» состоит в том, что в первом случае, с инфинитивом, ответная реплика может быть построена по той же схеме (ср.: «*Можно мне это сделать – Да, это можно сделать / Нет, нельзя этого делать*»), тогда как на реплику «*Можно я это сделаю?*» нельзя ответить «**Да, можно ты это сделаешь / *Нет, нельзя ты это сделаешь*». Ответными репликами служат либо сами глаголы в повелительном наклонении (*делай, сделай*) либо слова *ладно, хорошо, можно* (в случае согласия) или слова *нет, нельзя* (в случае отказа).

Описывая *можно'*, нельзя не сказать об участии в подобных высказываниях слова *пожалуйста*. Сочетание «*Можно*, пожалуйста,...» – весьма заметный факт современной коммуникации; исследователи О.И. Северская и И.В. Высоцкая представляют его как речевую формулу новейшей русской вежливости [13]. Согласно нашим наблюдениям, слово *пожалуйста* одинаково легко встраивается и в конструкцию «*Можно* + инфинитив» и в конструкцию «*Можно* + я/мы/он/она/сущ. + финитный глагол / *Можно* + глагол 1-го л. ед. ч.». Добавим, что оно используется не только с *можно*, но и с финитными глаголами, что отмечают и авторы цитируемой статьи [13. С. 230–231]. Ср.: ***Дашь, пожалуйста,*** *этому пассажиру воды…*; *Вы* ***не могли бы*** *меня обнять,* ***пожалуйста****?*. В целом присутствие слова *пожалуйста* в высказывании не влияет на синтаксические свойства лексемы *можно'*.

Особенности прагматики высказываний с *можно'*

Возникает закономерный вопрос: отличаются ли чем-то кроме структуры вопросительные высказывания, построенные по модели «*Можно* + инфинитив» от высказываний типа «*Можно* + я/мы/он/она/сущ. + финитный глагол / *Можно* + глагол 1-го л. ед. ч.»?

Интересно, что О.И. Северская и И.В. Высоцкая, рассматривая конструкцию «*Можно*(,) *пожалуйста*», приводят примеры модели «Можно + инфинитив» и утверждают, что такие конструкции имеют значение вежливой просьбы о действии, т.е. являются собственно побудительными [13. С. 230]. Как показывают

наши наблюдения, такие предложения могут быть интерпретированы и как пермиссивы. Так, фраза *Алина, можно, пожалуйста, закрыть окно?*, приводимая в статье, может быть понята не только как просьба о том, чтобы Алина закрыла окно, но и как испрашивание разрешения у Алины закрыть окно. Снять неоднозначность может только контекст или введение личного местоимения 1-го или 3-го л. в дательном падеже, ср.: *Алина, можно, пожалуйста, мне/ему закрыть окно?*

Как видим, у модели «*Можно* + инфинитив» без указания субъекта в дательном падеже имеет место омонимия просьбы о разрешении и просьбы о действии (или о прекращении действия). Ср. построенные по идентичной модели высказывания*: Софья Ивановна, сноха, выглянула из другой комнаты, спросила зло: А* ***можно не орать****? Вы же не на вокзале, верно?* (В. Шукшин)[3] и *Мама,* ***можно*** *сегодня в школу* ***не ходить****?* (типичное испрашивание разрешения). Высказывания же типа «*Можно, пожалуйста,* + я/мы/он/она/сущ. + финитный глагол / *Можно, пожалуйста,* + глагол 1-го л. ед. ч.» однозначно интерпретируются как просьба о разрешении; ср. зафиксированные нами примеры из соцсетей типа: *Ольга,* ***можно****, пожалуйста,* ***я поделюсь*** *здесь этим мультфильмом?* или ***Можно*** *пожалуйста* ***он*** *по почте вам свою работу* ***пришлет****?* Высказывания с местоимениями 2-го л., соответственно, – как просьба о действии, ср.: ***Можно*** *пожалуйста* ***ты*** *меня* ***добавишь*** *в друзья?*[4]

Анализ контекстов из НКРЯ показывает, что «*Можно* + я/мы/он/она/сущ. + финитный глагол / *Можно* + глагол 1-го л. ед. ч.» (без этикетного слова *пожалуйста*) часто используется не собственно для получения разрешения у собеседника, а для **формального испрашивания разрешения,** т.е., по сути, для заявления о намерениях. «*Можно* я (не) буду / сделаю что-л.?» используется как предупреждение о том, что нечто (не) будет сделано. Например: *Karuna:* ***Можно, я*** *тоже поучаствую в Вашей дискуссии? Я, будучи по природе предрасположенной к полноте и имея коренастое телосложение...* – и дальше идут три очень распространённых сложных предложения, в которых рассказывается, как человек питается, чтобы не поправиться (Форум. 2007–2010). В приведенном примере коммуникант, вступая в дискуссию, предваряет своё пространное описание формальным испрашиванием разрешения, которое, ему, в общем-то, и не нужно. Подобное происходит не только в асинхронной виртуальной коммуникации, где ждать ответа (разрешения) собеседника можно очень долго; в устной коммуникации «лицом к лицу» изучаемая нами конструкция также может использоваться для формального испрашивания разрешения. Например: ***Можно я*** *скажу? Мне вообще кажется / что это всё не имеет никакого значения* (Беседа в Новосибирске. 2004); ***Можно я*** *ещё немножко добавлю к сказанному / что никто же ведь / вот сейчас коснись / не дай бог / как я слова про Чечню сказал / что давайте / снесём / уничтожим всё / нас бы осудили бы / поднялся бы весь мир против нас / России* (Беседа в Москве. 2003).

Как легко заметить, в этих случаях каузируемое действие является речевым: с помощью фразы «*Можно* я скажу/добавлю» автор (говорящий) сам себе предоставляет слово. Однако это действие может быть и другого рода, ср. пример: ***Можно я закурю****? – попросил Ролан и, не дожидаясь согласия, зажег сигарету* (Н. Леонов, А. Макеев)[5]. Обратим также внимание, что в русской речи устойчиво используются этикетные реплики «Можно войти?», «Можно выйти?» и некоторые другие, которые воспринимаются скорее как испрашивание разрешения, а не заявление о намерениях. В них стабильно употребляется именно инфинитив, а лексема *можно* выступает в роли предикатива.

Весьма часто формальное испрашивание разрешения отмечается в случаях, когда в конструкции со словом *можно*' используется отрицание, ср.: *Татьяна, пройдёмте! – нежно, но строго сказала ведущая. Надо загримироваться!* ***Можно****,* ***я не*** *буду гримироваться? – я изобразила попрошайные глаза своей младшей собаки Васи* (Т. Соломатина); *Здесь хоть что-то существует без Кэмпбеллов? Чтобы отвлечься от этой мысли, попробуйте произнести название замка вслух. Зеленая и синяя клетка – вот тартан этого клана.* ***Можно****,* ***я не*** *буду рассуждать про килты? Потому что меня уже тошнит, когда статьи про Шотландию сводятся к разговорам о килтах. На самом деле в Шотландии масса более интересных вещей, чем килт* (Путешествие виски: Легенды Шотландии. 2013). Примечательно, что в этом случае используется глагол несов. в.[6] По сути, здесь мы имеем дело с речевым актом отказа (в ответ на явную просьбу загримироваться или на неявное предложение рассказать о килтах, коль скоро речь зашла о Шотландии), хотя и некатегоричного.

Если используется глагол сов. в., то конструкция «*Можно* + я/мы/он/она/сущ. + финитный глагол / *Можно* + глагол 1-го л. ед. ч.» может выражает просьбу о разрешении, ср.: *И тогда ты идешь к маме, или к папе, или к бабушке, складываешь руки на груди, делаешь несчастное лицо и спрашиваешь: «****Можно****,* ***я не*** *пойду сегодня в школу?»* (П. Волошина, Е. Кульков). Добавим, что в случае употребления конструкции «*Можно* + инфинитив» просьба о разрешении более вероятна, причем вид глагола роли не играет, ср.: *Однажды, отчаявшись сбавить вес, я пришла к Владу Листьеву и спросила: Владислав Николаевич!* ***Можно*** *мне* ***не*** *худеть? Он ответил: Пожалуйста! Лишь бы на работе вы были в боевой готовности, а вес – дело индивидуальное* (Л. Иванова).

Исследователи отмечали, что в некоторых случаях само сообщение о намерениях может восприниматься адресатом как просьба о разрешении, ср. пример «*Надо немного воздуха хлебнуть» – «Давай хлебни», – милостиво разрешил Егор»* [6. С. 6]. Частица глагольного происхождения *давай* как ответ, по наблюдениям И. Левонтиной, «имеет значение снисходительного совета, «особенно если это совет действовать так, как адресат и сам собирается или уже действует» [15. С. 59], т.е. разрешение в данном случае не нужно собеседнику, оно формально. Как видим, возможно и обратное: в случаях употребления лексемы *можно*' просьба о разрешении может использоваться и пониматься как заявление о намерениях.

В собственно императивном значении лексема *можно*', прежде всего в конструкциях «*Можно* вы?..» и «*Можно* не надо?», встречается по большей части в высказываниях ребенка, обращенных к взрослому, ср. приведенные ранее примеры: *...тетенька,* ***можно вы*** *мне тоже билеты* ***возьмете****?* (Н. Абгарян); *– Дядя Сережа, дядя Володя! А* ***можно вы*** *нас* ***будете учить*** *рисовать в журнале «Трамвай»* (К. Олежкин). Не случайно в меме «*Можно* не надо?» изображаются котята. Ср. также комментарий в одном из телеграм-каналов к новости «Протоиерей Ткачев призвал разрешить детям работать с 7–8 лет»: *Мама, а можно не надо?* Важная роль отрицания в интересующей нас конструкции проявляется ещё и в том, что не существует речевой формулы *«*Можно надо*».

Пунктуация при *можно*'

Приведем наблюдения над тенденциями в пунктуационном оформлении лексемы *можно*'. Как мы видели ранее, даже два примера, приведённые в Грамматике-80, свидетельствуют о том, что пунктуация при этом слове вариативна [2. С. 388]. Контексты, представленные в НКРЯ, дают нам ещё один вариант – постановку запятой после *можно*'. Мы решили выяснить, как такие конструкции воспринимают люди, профессионально работающие с текстом, прежде всего корректоры, учителя русского языка и преподаватели-филологи. Мы подготовили несколько предложений, содержащих все типы рассматриваемых нами конструкций («*Можно* + я/мы/он/она/сущ. + финитный глагол» / «*Можно* + глагол 1-го л. ед. ч.»), и создали опрос, в котором испытуемым необходимо было расставить знаки препинания и обосновать свой выбор[7]. В анкетировании приняли участие 15 человек, что считаем достаточным для того, чтобы предложить возможное обоснование пунктуационного оформления *можно*'.

Примечательно, что в своих ответах многие респонденты сочли необходимым оценить правильность построения фраз, указывая на их «корявость». По мнению большинства анкетируемых, использование слова *можно*' «очень разговорно», такие конструкции «надо переделать», а сочетание со словом «надо» (*можно не надо*) возмутило почти всех. Среди других примеров наибольшее неприятие вызвало предложение «*Я сейчас можно открою компьютер*» (пример из произведения «Дорога негаснущей надежды» В. Крапивина и Д. Струева), в котором слову *можно*' предшествуют подлежащее и детерминант; причём двое респондентов написали, что если слово *можно* переместить в начало предложения, то конструкция будет «более-менее нормальной», ср.: «Как корректор, я бы просто не пропустила такую фразу, переместив “Можно” в начало предложения».

Подавляющее большинство опрошенных не поставили никакого знака при слове *можно*', обосновав это тем, что частицы запятыми не выделяются[8]. Один респондент (учитель русского языка) настаивал на том, что слово *можно*' вводное и нуждается в обособлении – за исключением случая с «*Можно* не надо?», где *можно* квалифицировалось им как частица. Филологи и корректоры нередко указывали на возможность двоякого пунктуационного оформления *можно*', обосновывая это тем, что в зависимости от интонации предложения типа «*Можно я пойду домой?*» или «*А можно мы у вас газету на секундочку заберем?*» могут рассматриваться и как сложные предложения, первая часть которых – односоставное безличное с предикативом *можно*. Предполагаем, что на такое решение влияют высказывания типа «*Я пойду? Можно?*», а также высказывания с вводным словом *может*, ср.: «*Может, я пойду?*». Вводное слово *может* и наша лексема *можно*' не только созвучны, но и имеют сходство в семантике, особенно в вопросительных предложениях – косвенных просьбах.

Пока невозможно дать однозначную рекомендацию по поводу оформления *можно*' однако представляется, что на сегодняшний день вариант с отсутствием обособления предпочтителен.

Заключение

Итак, в последние сто лет в русской речи, главным образом разговорной, лексема *можно* расширяла свою сочетаемость. Наряду с моделью высказывания «*Можно* +инфинитив» появились и распространились конструкции, созданные по модели «*Можно* + я/мы/он/она/сущ. + финитный глагол» / «*Можно* + глагол 1-го л. ед. ч.», изначально выражавшие просьбу о разрешении, то есть включённые в круг средств выражения пермиссивности в русском языке. В дальнейшем такие конструкции стали возможны и с участием местоимений 2-го л.; они используются уже для выражения просьбы о действии, т.е. имеют собственно императивное значение. Появление императивных конструкций со словом *можно*', как представляется, позволило возникнуть фразеологизированному высказыванию «*Можно* не надо?». В целом распространение указанных моделей можно считать отдельным направлением развития «косвенной просьбы в виде *можно*-вопроса»[9]. Конструкция «*Можно* + я/мы/он/она/сущ. + финитный глагол» / «*Можно* + глагол 1-го л. ед. ч.» во многом структурно изоморфна конструкциям «*Дай(те)/разреши(те)/позволь(те) я/он...*», образующим побудительные высказывания. Для *можно*', как и для глаголов *дай(те), разреши(те), позволь(те),* характерна начальная позиция в предложении (при отсутствии обращения или союза *а*).

Конструкции «*Можно* + я/мы/он/она/сущ. + финитный глагол» / «*Можно* + глагол 1-го л. ед. ч.» и «*Можно* + инфинитив» семантически схожи, выражают одно и то же модальное значение, однако имеют некоторые формальные различия. Так, полный ответ на вопрос «*Можно* (что-л. сделать)?» дублирует структуру вопроса, тогда как подобное дублирование структуры при вопросе «*Можно* + я/мы/он/она/сущ. + финитный глагол» / «*Можно* + глагол 1-го л. ед. ч.» невозможно. Высказывания, содержащие «*Можно* + финитный глагол» и «*Можно* + инфинитив», имеют и прагматические различия. Вопросы структуры «*Можно* + я/мы/он/она/сущ. + финитный глагол» / «*Можно* + глагол 1-го л. ед. ч.» используются, кроме собственно просьбы о разрешении, для формального испрашивания разрешения, т.е. для заявления о намерениях.

А при наличии отрицания перед финитным глаголом такие вопросы могут использоваться как речевой акт отказа.

С отсутствием семантических различий (при наличии формальных) между конструкциями «*Можно* + я/мы/он/она/сущ. + финитный глагол» / «*Можно* + глагол 1 л. ед.ч.» и «*Можно* + инфинитив» связана пунктуационная вариативность оформления высказываний. В случае с инфинитивом отсутствие знака не вызывает сомнений в силу тесной смысловой и синтаксической связи компонентов, тогда как *можно*', вытесненное из грамматической основы, судя по всему, нередко воспринимается как отдельная часть бессоюзного сложного предложения или как слово, близкое к вводному.

Приведенные факты пока не нашли отражения в толковых словарях, в отличие от тех случаев, когда лексема *можно* используется с примыкающим инфинитивом. Заметим, что вопросительное предложение структуры «*Можно* + инфинитив» для просьбы о разрешении также явление довольно новое в русской речи: по данным исследователей, первый зафиксированный пример такой просьбы относится к 1847 г. [14. С. 9].

Наш материал свидетельствует о том, что в последнее столетие в русской речи продолжается поиск всё новых средств выражения косвенной просьбы – как «просьбы о действии», так и «просьбы о разрешении» – и что лексема *можно* играет в этом поиске ведущую роль. Развиваясь в качестве одной из базовых для выражения пермиссивности в русском языке, эта лексема, расширяя свою сочетаемость, иногда «забредает» на территорию собственно императивных значений, маркируя робкую просьбу.

Примечания

[1] МОЖНО // Грамота.ру. URL: https://gramota.ru/poisk?query=можно&mode=slovari&dicts[]=48

[2] Ср. также название стихотворения Рокси Фокс - «А можно?», опубликованного на сайте «Стихи.ру». URL: https://stihi.ru/2022/07/02/7217. Заметим, что первое предложение этого стихотворения построено нетипично для таких случаев: оно содержит глагол прошедшего времени: *А **можно я** уроки свои **прошла**, а кто нет, то это их проблемы?*

[3] Здесь наблюдается «раздраженная косвенная просьба» – по терминологии М.Я. Дымарского и А.М. Четыриной [14. С. 6].

[4] Орфография и пунктуация источника сохоанены.

[5] Предположение, что конструкция «Можно я сделаю X?» может быть по происхождению свернутым придаточным *Я сообщаю, что хотел бы X / сделать X*, т.е. заключать в себе заявление о намерении, было высказано О.И. Северской при обсуждении нашего доклада на симпозиуме «Русская грамматика в динамике», проходившем 9–13 октября 2024 г.

[6] Сравним: **Можно я загримируюсь? – Можно мне не гримироваться?* / **Можно я порассуждаю про килты – Можно, я не буду рассуждать про килты?*

[7] URL: https://forms.yandex.ru/u/6870a6c084227c7a9283405b

[8] На самом деле, в русском языке немало частиц, обязательно выделяемых знаками на письме, см., например, нашу статью [16].

[9] Терминология М.Я. Дымарского, А.М. Четыриной [14. С. 9].

Список источников

1. Безяева М.Г. Вариативный ряд конструкций русской просьбы // Вестник Московского университета. 1998. № 1. С. 71–89.
2. Русская грамматика : в 2 т. / редкол.: Н.Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. Т. 2: Синтаксис. М. : Наука, 1980. 709 с.
3. Большой толковый словарь русского языка: [БТС: А–Я] / гл. ред. С.А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2004. 1534 с.
4. Большой академический словарь русского языка / [ред.: Л.И. Балахонова]. Т. 10: Медяк – Мячик. М. : Наука ; СПб. : Наука, 2008. 571 с.
5. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. М. : Едиториал УРСС, 2002. 272 с.
6. Хоанг Ань. Высказывания со значением разрешения и запрещения в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 22 с.
7. Изотов А.И. Разрешение как побудительный речевой акт // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М. : Филология, 1998. Вып. 5. С. 97–100.
8. Подлесская В.И. Русские глаголы ДАТЬ/ДАВАТЬ: от прямых употреблений к грамматикализованным // Вопросы языкознания. 2005. № 2. С. 89–103.
9. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. 528 с.
10. Крылова Э.Б. Модальная частица nu в датском языке: функционально-семантическая эволюция от наречия к частице // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2008. № 3. С. 15–30.
11. Шигуров В.В. Интеръективация и вербализация языковых единиц в количественном измерении (на материале словоформы слабо) // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2013. № 5. С. 97–100.
12. Николаева Т.М. Сочинительные союзы *а*, *но*, *и*: история, сходства и различия // Славянские сочинительные союзы. М. : Институт славяноведения РАН, 1997. С. 3–24.
13. Высоцкая И.В., Северская О.И. «Можно, пожалуйста, …» как речевая формула «новейшей русской вежливости» // Сибирский филологический журнал. 2019. № 3. С. 225–233. doi: 10.17223/18137083/68/20
14. Дымарский М.Я., Четырина А.М. Феномен «можнопожалуйста»: генезис и функционирование странной формулы // Мир русского слова. 2024. № 4. С. 4–12. doi: 10.21638/spbu30.2024.401
15. Левонтина И.Б. Частицы речи : монография. М. : Азбуковник, 2022. 431 с.
16. Кузнецова Н.В., Почтарёва О.В. Проблемы лексикографического представления вводных слов // Вопросы лексикографии. 2023. № 28. С. 66–82. doi: 10.17223/22274200/28/4

References

1. Bezyaeva, M.G. (1998) Variativnyy ryad konstruktsiy russkoy pros'by [Variative series of Russian request constructions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta – Bulletin of Moscow University*. 1. pp. 71–89.
2. Shvedova, N.Yu. (ed.) et al. (1980) *Russkaya grammatika : v 2 t. T. 2: Sintaksis* [Russian Grammar: in 2 vols. Vol. 2: Syntax]. Moscow: Nauka. 709 p.
3. Kuznetsova, S.A. (ed.) (2004) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka: [BTS: A–Ya]* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language: [BTS: A–Ya]]. St. Petersburg: Norint. 1534 p.
4. Balakhonova, L.I. (ed.) (2008) *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka. T. 10: Medyak – Myachik* [Large Academic Dictionary of the Russian Language. Vol. 10: Medyak – Myachik]. Moscow: Nauka; St. Petersburg: Nauka. 571 p.
5. Khrakovskiy, V.S. & Volodin, A.P. (2002) *Semantika i tipologiya imperativa. Russkiy imperativ* [Semantics and Typology of the Imperative. The Russian Imperative]. Moscow: Editorial URSS. 272 p.

6. Hoang Anh. (1993) *Vyskazyvaniya so znacheniem razresheniya i zapreshcheniya v russkom yazyke* [Utterances with the Meaning of Permission and Prohibition in Russian]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow. 22 p.
7. Izotov, A.I. (1998) Razreshenie kak pobuditel'nyy rechevoy akt [Permission as an incentive speech act]. In: Krasnykh, V.V. & Izotov, A.I. (eds) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, Consciousness, Communication]. Collection of articles. Issue 5. Moscow: Filologiya. pp. 97–100.
8. Podlesskaya, V.I. (2005) Russkie glagoly DAT'/DAVAT': ot pryamykh upotrebleniy k grammatikalizovannym [Russian verbs DAT'/DAVAT': from direct uses to grammaticalized ones]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in Linguistics*. 2. pp. 89–103.
9. Zolotova, G.A., Onipenko, N.K. & Sidorova, M.Yu. (1998) *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. Moscow. 528 p.
10. Krylova, E.B. (2008) Modal'naya chastitsa *pv* v datskom yazyke: funktsional'no-semanticheskaya evolyutsiya ot narechiya k chastitse [The modal particle *pv* in Danish: functional-semantic evolution from adverb to particle]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9, Filologiya – Bulletin of Moscow University. Series 9, Philology*. 3. pp. 15–30.
11. Shigurov, V.V. (2013) Inter"ektivatsiya i verbalizatsiya yazykovykh edinits v kolichestvennom izmerenii (na materiale slovoformy *slabo*) [Interjectivization and verbalization of language units in quantitative measurement (based on the word form *slabo*)]. *Novoe slovo v nauke i praktike: gipotezy i aprobatsiya rezul'tatov issledovaniy – New Word in Science and Practice: Hypotheses and Approbation of Research Results*. 5. pp. 97–100.
12. Nikolaeva, T.M. (1997) Sochinitel'nye soyuzy *a, no, i*: istoriya, skhodstva i razlichiya [Coordinating conjunctions *a, no, i*: history, similarities and differences]. In: *Slavyanskie sochinitel'nye soyuzy* [Slavic Coordinating Conjunctions]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. pp. 3–24.
13. Vysotskaya, I.V. & Severskaya, O.I. (2019) "Mozhno, pozhaluysta, ..." kak rechevaya formula "noveyshey russkoy vezhlivosti" ['Mozhno, pozhaluysta, ...' as a speech formula of 'the newest Russian politeness']. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Philological Journal*. 3. pp. 225–233. doi: 10.17223/18137083/68/20
14. Dymarskiy, M.Ya. & Chetyrina, A.M. (2024) Fenomen "mzhonpozhkaluysta": genezis i funktsionirovanie strannoy formuly [The phenomenon of 'mzhonpozhkaluysta': genesis and functioning of a strange formula]. *Mir russkogo slova – World of the Russian Word*. 4. pp. 4–12. doi: 10.21638/spbu30.2024.401
15. Levontina, I.B. (2022) *Chastitsy rechi* [Particles of Speech]. Moscow: Azbukovnik. 431 p.
16. Kuznetsova, N.V. & Pochtarëva, O.V. (2023) Problemy leksikograficheskogo predstavleniya vvodnykh slov [Problems of lexicographic representation of parenthetical words]. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 28. pp. 66–82. doi: 10.17223/22274200/28/4

Информация об авторах:

Кузнецова Н.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения, Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия). E-mail: n.v.kuznecova@utmn.ru

Почтарёва О.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения, Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия). E-mail: o.v.pochtareva@utmn.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.V. Kuznecova, Cand. Sci. (Philology). associate professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: n.v.kuznecova@utmn.ru

O.V. Pochtareva, Cand. Sci. (Philology). associate professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: o.v.pochtareva@utmn.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.10.2025;
одобрена после рецензирования 12.03.2026; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 02.10.2025;
approved after reviewing 12.03.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 811.161.1’373+811.222.8’373
doi: 10.17223/15617793/527/2

Ассоциативно-вербальное поле «верность»/ «садоқат» в современном русском и таджикском языковом сознании

Хафиза Халимовна Курбонова[1]

[1] *Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Республика Таджикистан, kurbanova_xafiza@mail.ru*

Аннотация. Проведен сопоставительный анализ ассоциативно-вербального поля «верность»/«садоқат» в русском и таджикском языковом сознании. На основе ассоциативного эксперимента выявлены ключевые сходства и различия в восприятии исследуемого ценностного понятия. Русские респонденты связывают верность с личной нравственностью, тогда как таджикские информанты акцентируют её семейно-социальный характер, коллективные обязательства и патриотическую направленность. Это подчёркивает национально-специфические особенности понятия «верность»/«садоқат» в сопоставляемых языках.
Ключевые слова: ассоциативно-вербальное поле, языковое сознание, ассоциативный эксперимент, лингвокультура, верность/садоқат

Для цитирования: Курбонова Х.Х. Ассоциативно-вербальное поле «верность»/«садоқат» в современном русском и таджикском языковом сознании // Вестник Томского государственного университета. 2026. № 527. С. 14–22. doi: 10.17223/15617793/527/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/527/2

The associative-verbal field "faithfulness"/"sadoqat" in modern Russian and Tajik linguistic consciousness

Khafiza Kh. Kurbanova[1]

[1] *Russian Tajik Slavonic University, Dushanbe, Republic of Tajikistan, kurbanova_xafiza@mail.ru*

Abstract. The article presents a comparative study of the value concept "faithfulness"/"sadoqat" in Russian and Tajik linguistic consciousness based on a free-associative experiment. The relevance of the research is determined by the need to examine how key moral and value categories are conceptualized in different cultures and to identify both universal and culture-specific features of their interpretation. The associative experiment is viewed as an effective method for reconstructing the mental lexicon and culturally conditioned representations. The theoretical framework draws on classical concepts of association (J. Locke, D. Hume, D. Hartley) as well as the works of F. Galton, W. Wundt, H. Ebbinghaus, A.R. Luria, and A.A. Leont'ev. Particular attention is paid to the notion of the associative field developed by Yu.N. Karaulov and further advanced in contemporary linguistic and cognitive research. Associative responses are treated as reflections of linguistic systemness and the value priorities of speakers. The empirical part is based on the analysis of responses from 100 participants (50 Russian and 50 Tajik native speakers aged 19–26). Methods of content analysis, taxonomy, and comparative analysis were employed. In Russian linguistic consciousness, faithfulness is primarily associated with moral and ethical categories such as trust, love, devotion, friendship, and honesty. Peripheral associations include family-related, civic-patriotic, and emotional-psychological components (duty, resilience, marriage). A cultural symbol of faithfulness—the dog—also appears in the associative field. Russian participants view faithfulness as a personal moral stance linked to emotional stability and the rejection of betrayal. In Tajik linguistic consciousness, the core of the concept "sadoqat" (faithfulness) is centered on family and interpersonal relations: love for one's family, sincere friendship, respect, and reliability. Patriotism and loyalty to the language and homeland also play an important role, reflecting the collectivist values of Tajik linguistic culture. Tajik responses are more concrete and directed, understanding faithfulness as an obligation toward family, friends, and the state. The symbol of the dog ("sag") is likewise present. The comparison reveals both universal elements (trust, honesty, love, devotion, a zoosymbol) and differences: Russian consciousness gravitates toward an individual ethical interpretation of faithfulness, whereas Tajik consciousness emphasizes social roles and patriotic dimensions. Family and collective values occupy a central place in the Tajik responses but a more peripheral one in the Russian data. Additional responses regarding the personal qualities of a faithful person confirmed these differences: Russians emphasize moral and psychological traits (honesty, sincerity, kindness), while Tajiks highlight a combination of personal and civic characteristics. The study concludes that "faithfulness"/"sadoqat" is a universal moral category, but its meaning is shaped by cultural context. The research underscores the importance of the associative method for identifying culture-specific models of conceptualizing value notions.
Keywords: associative-verbal field, linguistic consciousness, associative experiment, linguaculture, faithfulness/sadoqat

© Курбонова Х.Х., 2026

***For citation*:** Kurbanova, Kh.Kh. (2026) The associative-verbal field "faithfulness"/"sadoqat" in modern Russian and Tajik linguistic consciousness. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 527. pp. 14–22. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/527/2

Введение

Изучение языкового сознания и его отражения в лексико-семантической системе языка остаётся одной из приоритетных задач современной психолингвистики и лингвокогнитивных исследований. В этом контексте особую значимость приобретают методы, направленные на выявление способов концептуализации ключевых понятий в сознании носителей различных языков и культур. Одним из таких методов является ассоциативный эксперимент и его виды (свободный, направленный, цепочечный), позволяющий наглядно зафиксировать реакции на слово-стимул и тем самым реконструировать элементы ментального лексикона, отражающие индивидуальные и коллективные представления о мире.

Одним из сложных и многозначных понятий, репрезентирующих нравственно-психологические, социальные и культурные аспекты, является понятие «верность»/«садоқат» в русском и таджикском языках. Это ценностное понятие занимает значимое место как в русском, так и в таджикском языковом сознании, однако особенности его восприятия и вербализации могут существенно различаться под влиянием национально-культурных особенностей.

Актуальность настоящего исследования заключается в выявлении сходств и различий в концептуальной структуре понятия «верность»/«садоқат» у представителей двух лингвокультур – русской и таджикской. Сопоставительный анализ ассоциативно-вербального поля данного понятия позволяет не только проследить универсальные семантические доминанты, но и зафиксировать национально-специфические смыслы, обусловленные традиционными ценностями, моральными установками и социокультурными реалиями.

Цель исследования состоит в проведении сопоставительного анализа ассоциативных реакций на слово-стимул «верность»/«садоқат» у носителей русского и таджикского языков с целью выявления национально-культурных особенностей их языкового сознания.

Понятие ассоциативно-вербального поля занимает важное место в психолингвистике и лингвокогнитивных исследованиях. Оно представляет собой совокупность языковых реакций, возникающих у носителя языка, и позволяет реконструировать элементы языкового сознания, концептуальной картины мира и ментального лексикона человека.

Теоретический обзор

Термин «ассоциация» был введён в научный обиход Джоном Локком в рамках его эпистемологической концепции. Согласно его теории познания, «все знания имеют сенсорную природу и происходят из чувственного восприятия внешнего мира» [1. С. 45], а идеи соединяются в сознании посредством ассоциативных связей.

В трудах Дэвида Юма ассоциации рассматриваются как фундаментальный механизм мышления: «ассоциации являются основным способом ментальной активности, реализующейся через работу памяти и воображения» [2. С. 91]. Нейрофизиологическую интерпретацию ассоциативных процессов предложил Дэвид Гартли, подчёркивая универсальность закона ассоциации [3].

Метод ассоциативного эксперимента получил развитие в исследованиях Фрэнсиса Гальтона, Вильгельма Вундта и Германа Эббингауза. В российской традиции он был адаптирован в работах Александра Лурия [4] и Алексея Леонтьева [5].

В психолингвистике на основе этих подходов сформировалось понятие ассоциативного поля, получившее широкое распространение благодаря труду Юрия Караулова «Русский ассоциативный словарь» [6]. Ю.Н. Караулов определяет ассоциативное поле как «систему лексических единиц, объединённых ассоциативными связями с заданным словом-стимулом» [6. С. 51]. Дальнейшее развитие концепция получила в работах А.П. Бабушкина [7], Е.С. Кубряковой и И.А. Стернина [8], В.А. Масловой [9]; сопоставительный аспект представлен в исследованиях И.А. Стернина [10].

В таджикской лингвистике ассоциативные исследования систематически развиваются на кафедре теоретического и прикладного языкознания Российско-Таджикского (Славянского) университета. Существенный вклад внесли Д.М. Искандарова [11], Х.Дж. Шамбезода [12], М.Б. Давлатмирова, а также Х.Х. Курбонова и О.Л. Козлова. Их работы направлены на выявление национально-культурной специфики языкового сознания и ценностных доминант различных лингвокультур.

Итак, ассоциативный эксперимент рассматривается как эффективный метод исследования языкового сознания, позволяющий анализировать механизмы концептуализации и культурно обусловленные особенности мышления.

Таким образом, использование метода ассоциативного эксперимента в сопоставительных этнолингвистических исследованиях способствует более глубокому пониманию структуры языкового сознания. Понятие ассоциативно-вербального поля при этом выступает важным инструментом анализа, отражающим как универсальные когнитивные связи, так и культурно-специфические особенности мышления.

Анкетирование для носителей русского языка было организовано в дистанционном формате с использованием цифровых технологий. В качестве платформы для сбора данных использовался сервис Google Forms, предоставляющий возможности для онлайн-анкетирования и автоматизированного сбора ответов. Ссылка на анкету распространялась среди респондентов посредством электронных каналов связи (социальные сети и электронная почта), что обеспечило широкий охват и доступность участия.

В рамках исследования применялся метод: контент-анализа (для обработки ответов респондентов, полученных в ходе свободно-ассоциативного эксперимента, с целью выявления ключевых понятий, повторяющихся лексических элементов и смысловых паттернов, отражающих семантическую структуру «верности»/«садоқат»), а также метод таксономии, сопоставительный анализ и метод моделирования.

Целью настоящего исследования является сопоставительный анализ ассоциативно-вербального поля «верность»/«садоқат» на материале реакций, полученных в ходе свободно направленного ассоциативного эксперимента, проведённого среди носителей русского и таджикского языков, а также в выявлении как универсальных, так и национально-специфических особенностей в семантической структуре «верность»/«садоқат», что позволит глубже понять национально-специфические особенности его репрезентации в сознании представителей русской и таджикской лингвокультур.

В статье приведены результаты анкет 100 респондентов – носителей русского и таджикского языков: 50 носителей русского языка и 50 носителей таджикского языка. По гендерной принадлежности – 85 женщин и 15 мужчин. Возраст анкетируемых составляет от 19–26 лет.

Ассоциативный эксперимент был проведён среди представителей молодёжной аудитории, что обусловлено целью исследования – выявлением структуры ассоциативного поля слова-стимула «верность» в современном языковом сознании носителей русского и таджикского языков. Фокус на молодёжной группе позволил зафиксировать актуальные ценностные и семантические характеристики данного концепта в условиях современного социокультурного контекста.

При обработке и интерпретации ассоциативного материала учитывается ряд методологических особенностей проведённого эксперимента:

Во-первых, при описании и количественном анализе реакций лемматизация не осуществлялась: все ответы фиксировались и анализировались в той грамматической форме, в которой они были представлены респондентами. Соответственно, возможные морфологические вариации не объединялись в одну лексему.

Во-вторых, участники ассоциативного эксперимента не были ограничены временными рамками при продуцировании реакций. Отсутствие временного лимита могло способствовать более развернутому и рефлексивному характеру ответов.

В-третьих, при статистической обработке данных не учитывалось количество реакций, приходящихся на одного участника, поскольку респонденты не были ограничены одной ассоциацией. Часть испытуемых представила несколько реакций на стимул «верность», что привело к неравномерному распределению индивидуального вклада в общий массив данных.

Таким образом, полученные количественные показатели отражают суммарную частотность всех зафиксированных реакций, а не индивидуально нормированное распределение ответов по числу респондентов.

Результаты

Согласно результатам анализа 50 анкет русских анкетируемых на задание № 1 было получено 408 реакций (в целях сохранения аутентичности речевого узуса ответы респондентов представлены в неизменённом виде). Верность, прежде всего, респондентами русской лингвокультуры воспринимается как доверие (89), любовь (77), преданность (60), дружба (28), честность (20), уважение (18), семья (13), надежность (14), Родина/присяга/клятва/патриотизм (10), собака (10), ответственность (4), супружество (4), спокойствие (3), постоянство (3), взаимопонимание (2), исполнение долга (2), стойкость (2), забота (2), и др.

Таким образом, можно выделить следующие аспекты верности в русском языковом сознании на материале полученных реакций:

1. Наиболее частотные реакции, такие как **доверие, любовь, преданность, дружба, честность** указывают на восприятие верности носителями русского языка как морально-нравственной категории. Верность, по мнению анкетируемых, связана с глубокой эмоциональной и этической привязанностью к человеку или идее.

2. Ассоциативные реакции, такие как **семья, супружество, дружба**, отражают устойчивую связь верности с близкими социальными отношениями. Верность воспринимается как основа для стабильных и надёжных социальных связей.

3. Упоминания ассоциатов, таких как **Родина, присяга, патриотизм**, подчёркивают, что верность ассоциируется у носителей русского языка не только с личными отношениями, но и с гражданским долгом и преданностью государству, честью.

4. Интересна реакция **собака** (10 раз), что подтверждает устойчивый культурный стереотип о собаке как символе безусловной преданности и верности в русской лингвокультуре.

5. Ассоциаты **спокойствие, стойкость, забота** отражают внутреннее состояние, связанное с верностью – стабильность, уверенность, готовность поддерживать другого в трудностях.

Таким образом, результаты полученных реакций (408 реакций) на слово-стимул «верность» дают возможность заключить, что исследуемое слово-стимул воспринимается носителями русской лингвокультуры как комплексное ценностное понятие, включающее **этические, эмоциональные, социальные** и **патриотические** аспекты. Это понятие прочно связано с такими категориями, как **любовь, доверие, преданность,** а также с устойчивыми отношениями – как личными (**семья, дружба**), так и гражданскими (**Родина, присяга**). Наличие зооморфной ассоциации (**собака** – 10 реакций) также подчёркивает культурную символику, закрепившуюся в сознании носителей русской языка.

На основании проведённого анализа анкет было выявлено, что респонденты не только предлагают ассоциативные реакции на слово «верность», но и дают собственное определение. Анализ полученных интерпретаций показал, что понятие «верность» носителями

русского языка воспринимается как многомерная нравственно-психологическая категория, включающая как поведенческие, так и ценностно-смысловые аспекты, например, **для меня верность ассоциируется с привязанностью, и все возможной помощью друг другу без предательств, и оборота событий против кого-то одного в целях получить выгоду** (15), **это не изменять своим чувствам** (10), **придерживаться какой-то одной позиции по жизни и в отношениях с людьми** (8), **это когда один человек доверяет другому** (8), **осознанный выбор быть с одним партнёром** (5) и др.

Носители русского языка описывают верность как сложное, многослойное явление, включающее:

1. Эмоциональный компонент: **«привязанность», «доверие» «не изменять своим чувствам»**. Это подчёркивает, что верность воспринимается не только как действие, но и как внутреннее состояние, основанное на искренних чувствах к другому человеку.

2. Поведенческий аспект: **«всевозможной помощью друг другу без предательств», «не допускать поворота событий против кого-то одного в целях выгоды».** В данных контекстах верность рассматривается как **этическое поведение**, проявляющееся в поступках, отказе от измены, предательства и корысти.

3. Аксиологический аспект: **«осознанный выбор быть с одним партнёром», «придерживаться одной позиции по жизни и в отношениях с людьми»**. Эти реакции-предложения демонстрируют восприятие верности носителями русского языка как жизненного принципа, связанного с устойчивостью убеждений и личной ответственностью за выбор.

Следует также отметить индивидуально-авторский подход к понятию верности у носителей русского языка: **для меня верность – это привязанность, и всё возможная помощь друг другу без предательств, и поворота событий против кого-то одного в целях получить выгоду**. Такое определение показывает не только личное отношение к верности, но и отражает моральную позицию, в которой ключевыми становятся **поддержка, отказ от предательства, верность как принцип справедливости и солидарности**.

Таким образом, результаты, полученные по заданию № 1, показали, что носители русской лингвокультуры воспринимают верность как глубоко личностную и нравственно насыщенную категорию, в которой сочетаются доверие, преданность, эмоциональная стабильность, моральный выбор и жизненная позиция. Верность предстаёт не только как черта характера или социальная норма, но и как осознанный выбор человека, определяющий качество его отношений с другими и самим собой.

Результаты анализа анкет таджикских респондентов **по заданию № 1 («Что такое верность?»)** показывают, что большинство участников не просто перечисляют ассоциации, а дают собственное осмысленное толкование слова-стимула «садоқат». Эти интерпретации позволяют выявить ключевые ценностные ориентиры и особенности восприятия данного понятия в таджикской лингвокультуре.

1. **Патриотический аспект: садоқат – ин нафурухтани забон ва Ватан мебошад** (верность – это не предавать свой язык и Родину) (20). Это определение указывает на сильную связь верности с патриотизмом. Для носителей таджикской лингвокультуры понятие **садоқат** тесно связано с лояльностью к национальной идентичности, родному языку и культуре. Верность рассматривается не как частное, а как гражданское и национальное качество.

2. **Морально-нравственные основания: садоқат – ин дӯстии самимӣ ва аз рӯи рости ва дурусти аст** (верность – это искренняя дружба, основанная на честности и правдивости) (15); **садоқат яъне ин содиқ будан ва рост гуфтан аст** (верность означает быть верным и говорить правду) (8). Такие ответы таджикских участников подчёркивают восприятие верности как качества, основанного на искренности, правдивости, честности и духовной чистоте. Это свидетельствует о глубоко этическом понимании верности, в котором нет места фальши и предательству.

3. **Уникальность и редкость качества.** Часть носителей таджикского языка отмечает, что **садоқат** – это неординарное, редкое качество: **садоқат – ин як намуд хислате мебошад, ки на ҳама доранд** (верность – это такая черта, которой не все обладают) (10). Это утверждение акцентирует эксклюзивность данного качества. **Садоқат** представляется как нечто высокое и труднодостижимое, что подчёркивает уважение и почтительное отношение к этому понятию в культуре.

Итак, на основе собранных данных можно выделить несколько ключевых когнитивно-семантических полей, в которых осмысляется понятие садоқат (верность):

1) патриотизм – связь с языком, Родиной, культурной идентичностью;

2) честность и правдивость – обязательные моральные основания верности;

3) искренность в отношениях – дружба и поддержка как проявления садоқат (верности);

4) редкость и ценность качества – не каждый способен быть по-настоящему верным.

Таким образом, в представлениях носителей таджикского языка **садоқат** (верность) воспринимается как глубоко нравственная и культурно значимая категория, включающая **садоқат ба Ватан** (преданность Родине), **рост гуфтан аст** (говорить правду), **дӯстии самимӣ** (искреннюю дружбу) и моральную устойчивость. Важным аспектом является акцент на коллективные и патриотические ценности, что отражает специфику национального менталитета. Верность здесь предстаёт не только как индивидуальное качество, но и как социальная и национальная ценность.

В результате анализа анкет носителей таджикского языка было зафиксировано большое разнообразие ассоциативных реакций – как отдельных слов, так и словосочетаний. Всего представлено более 20 различных ассоциаций, отражающих восприятие понятия **садоқат** (верность) в рамках таджикской лингвокультуры. Эти данные позволяют выявить ключевые ассоциативные

смысловые поля, в которых данное понятие существует в языковом сознании носителей таджикского языка.

1. **Семейно-эмоциональное ядро ассоциаций.** Наиболее частотные реакции напрямую связаны с понятием семьи и близких отношений: ***муҳаббат ба оила*** (любовь к семье) / ***оила*** (семья) (45), ***дӯстон*** (друзья) (38), ***дӯсти самимӣ*** (искренняя дружба) (35), ***садоқат ба падару модар*** (верность родителям) (20), ***ишқи модар*** (материнская любовь) (10), ***фарзандон*** (дети) (10), ***муносибатҳои байни зану шавҳар*** (отношения между супругами) (10), ***садоқати зану шавҳар*** (супружеская верность) (10). Эти реакции свидетельствуют о том, что **садоқат** в таджикской лингвокультуре, прежде всего, ассоциируется с прочными семейными и родственными узами, в которых верность проявляется как преданность, долг и забота о близких.

2. **Дружба и социальная близость.** Вторая по значимости группа ассоциаций относится к теме дружбы, товарищества и доверия: ***дӯстон*** (друзья) (38), ***дӯсти самимӣ*** (искренняя дружба) (35), ***рафиқ*** (товарищ) (10), ***бародарӣ*** (братство) (10), ***муносибати наздик*** (близкие отношения) / ***инсонҳои наздики боваринок*** (близкие и заслуживающие доверия люди) (30). Эта группа отражает важность честных, искренних и устойчивых межличностных связей в таджикском обществе. **Садоқат** (верность) в данном контексте – это неизменность, надёжность и взаимная поддержка в дружеских отношениях.

3. **Морально-этические ценности**: ***якдигарфаҳмӣ*** (взаимопонимание) (32), ***ҳурмату эҳтиром*** (уважение) (32), ***дастгирӣ*** (поддержка) (10), ***дилсӯзӣ*** (сострадание) (10). Полученные ассоциаты подчёркивают, что **садоқат** (верность) воспринимается носителями таджикского языка как нравственная категория, основанная на уважении к чувствам другого, желании понимать и поддерживать близких. **Садоқат** (верность), таким образом, ассоциируется не только с постоянством, но и с человечностью и эмпатией.

4. Интересно, что, как и в русском материале, среди реакций носителей таджикского языка встречается слово **саг** (собака) **(5).** Это указывает на устойчивый кросс-культурный символ верности, где собака выступает как олицетворение безусловной преданности и надёжности.

5. **Любовь как фундамент садоқат (верности)**: ***ишқ*** (любовь) (10). Однако любовь как смысловой компонент пронизывает большинство других реакций: к семье, партнёру, родителям, друзьям. Это позволяет утверждать, что в сознании носителей таджикского языка **садоқат** (верность) неотделима от чувства любви – как романтической, так и родственной или дружеской.

Таким образом, проведённый анализ показывает, что в представлениях носителей таджикской лингвокультуры **садоқат** – это глубокая социально-нравственная ценность, тесно связанная с семейными узами и любовью к близким, искренней и надёжной дружбой, доверием, уважением, поддержкой и состраданием, этическими принципами, основанными на честности и преданности. В таджикской лингвокультуре **садоқат** (верность) осмысляется как человеческая добродетель, отражающая прочность эмоциональных и моральных связей между людьми, основанных на любви, уважении и взаимной ответственности.

Следующим этапом настоящего исследования является сопоставительный анализ полученных ассоциативных реакций на стимул «верность»/«садоқат», зафиксированных в анкетах носителей русского и таджикского языков.

Данный этап направлен на выявление общих и специфических черт в восприятии ключевого ценностного понятия «верность», отражающих национально-культурные особенности мировосприятия представителей двух лингвокультур**.** Всего было зафиксировано 408 реакций от русских анкетируемых и 433 реакции от таджикских.

Все собранные реакции распределены по семантическим блокам, что позволяет более точно определить психолингвистическое значение понятия **«верность» /«садоқат»** в русском и таджикском современном языковом сознании. Этот процесс классификации основан на объединении ассоциатов, которые имеют схожее семантическое значение. Например, слова и фразы, которые в разных формах описывают один и тот же семантический компонент, группируются вместе в рамках одного когнитивного блока. Это позволяет не только выявить ключевые аспекты верности, но и понять, как они воспринимаются носителями русского и таджикского языков (табл. 1).

На следующем этапе нами проведено суммирование частотности этих ассоциативных реакций, что даёт возможность определить, какие из них наиболее значимы для понимания данного концепта. Для именования когнитивных блоков выбираются наиболее частотные или стилистически нейтральные реакции, что способствует созданию более универсального и понятного подхода к исследованию.

Таблица 1

Сопоставление ассоциативно-вербального поля «верность»/«садоқат» в русском и таджикском языковом сознании

Семантические блоки	Ответы русских анкетируемых	Ответы таджикских анкетируемых	Восприятие
Доверие, честность	**123 реакции (34,6%)**	**53 реакции (12,2%)**	В языковом сознании русских и таджиков верность, прежде всего, ассоциируется с доверием и правдивостью
	Доверие (89), честность (20), надежность (14)	Рост гуфтан (8), шахси боваринок (30), дурусти (15)	
Любовь, чувства	**83 реакции (23,3%)**	**65 реакций (15%)**	Для таджикских респондентов верность акцентирована на семейной любви
	Любовь (77), забота (2), супружество (4)	Муҳаббат ба оила (45), ишқ (10), ишқи модар (10)	

Семантические блоки	Ответы русских анкетируемых	Ответы таджикских анкетируемых	Восприятие
Преданность, устойчивость	**65 реакций (18,3%)**	**38 реакций (8,8%)**	В ответах носителей русского языка лексема преданность преимущественно осмысливается в обобщённом значении, не конкретизирующем объект или сферу проявления данного качества. В то же время носители таджикской лингвокультуры демонстрируют тенденцию к конкретизации, связывая понятие преданности с определёнными межличностными отношениями, преимущественно в сфере семейно-брачных и любовных связей (например, садоқат ба дӯстдошта, садоқати зану шавҳар)
	Преданность (60), постоянство (3), стойкость (2)	Садоқат ба дӯстдошта (20), садоқати зану шавҳар (10), содиқ будан (8)	
Дружба и товарищество	**28 реакций (7, 9%)**	**93 реакции (21, 5 %)**	Как видно, у таджиков ярче выражена эмоционально окрашенная дружба
	Дружба (28)	Дӯсти самимӣ (35), дӯстон (38), рафиқ (10), бародарӣ (10)	
Семья и родственные связи	**13 реакций (3,7%)**	**85 реакций (19,6%)**	В языковом сознании таджиков слово-стимул «верность» тесно связано с семьёй и родителями
	Семья (13)	Оила (45), фарзандон (10), падару модар (20), хушбахтии модар (10)	
Уважение и моральные нормы	**18 реакций (5,1%)**	**64 реакции (14,8%)**	Таджики указывают на значимость уважения и гармонии в отношениях
	Уважение (18)	Ҳурмату эҳтиром (32), якдигарфаҳмӣ (32)	
Гражданская / патриотическая	**10 реакций (2,8 %)**	**20 реакций (4,6%)**	В обеих лингвокультурах слово-стимул «верность» ассоциируется с патриотизмом и национальной идентичностью
	Родина / присяга / патриотизм (10)	Садоқат ба забон ва Ватан (20)	
Ответственность, долг	**6 реакций (1,7%)**	**10 реакций (2,3%)**	Для русских респондентов верность – это ответственность и долг, а для таджиков – это черта характера, свойственная не всем
	Ответственность (4), исполнение долга (2)	Садоқат – ин як намуд хислате мебошад, ки на ҳама доранд (10)	
Сострадание, поддержка	**0**	**50 реакций (11,5%)**	Эмоционально-социальная направленность верности сильнее выражена у таджикских респондентов
	–	Муносибати наздик (30), дастгирӣ (10), дилсӯзӣ (10)	
Символические образы (метафоры)	**10 реакций (2,8%)**	**5 реакций (1,2%)**	В русском и таджикском языковом сознании собака является символом абсолютной верности
	Собака (10)	Саг (5)	

В результате исследования ассоциативного поля лексемы **«верность»** среди носителей русского языка было выявлено чёткое структурирование смыслового поля на ядро (центр), ближнюю периферию (БП) и дальнюю периферию (ДП), что отражает степень значимости и частотности ассоциаций.

Ядро ассоциативного поля представлено наиболее частотными и устойчивыми ассоциациями, в числе которых: **доверие** (89), **любовь** (77), **преданность** (60), **дружба** (28).

Ближняя периферия включает ассоциации средней частотности, которые дополняют и расширяют значение верности: **честность** (20), **уважение** (18), **надежность** (14), **семья** (13), **Родина / присяга / патриотизм** (10), **собака (символ верности)** (10).

Дальняя периферия характеризуется низкой частотностью ассоциаций, которые, тем не менее, дополняют концепт и придают ему дополнительные нюансы: **супружество** (4), **ответственность** (4), **постоянство** (3), **забота** (2), **стойкость** (2), **исполнение долга** (2).

Итак, структура ассоциативного поля понятия **«верность»** в русском языковом сознании демонстрирует комплексность восприятия данного понятия, где центральное место занимают **доверие и эмоциональные связи**, а периферийные зоны отражают дополнительные социальные, моральные и культурные компоненты, что подтверждает многомерный характер понятия верности в исследуемом языковом сознании.

В исследовании ассоциативного поля лексемы **«садоқат»** (верность) у носителей таджикского языка выявлена чёткая структура, включающая ядро, ближнюю периферию, дальнюю периферию и крайнюю периферию, что отражает различную степень значимости и частотности ассоциаций.

Ядро ассоциативного поля характеризуется наиболее частотными и значимыми ассоциациями, связанными с семейными и дружескими отношениями: **муҳаббат ба оила** (любовь к семье) (45), **оила** (семья) (45), **дӯстон** (друзья) (38), **дӯсти самимӣ** (искренний друг) (35), **ҳурмату эҳтиром** (уважение) (32), **якдигарфаҳмӣ** (взаимопонимание) (32), **шахси боваринок** (надежный человек) (30), **муносибати наздик** (близкие отношения) (30). Данные ассоциации отражают главную роль семьи, дружбы, доверия и взаимоуважения в понимании верности в таджикском языковом сознании.

Ближняя периферия включает ассоциации средней частотности, расширяющие значение верности **садоқат ба забон ва Ватан** (верность языку и Родине) (20), **падару модар** (родители) (20), **садоқат ба дӯстдошта** (верность возлюбленному) (20), **дурусти** (правдивость) (15). Эти ассоциаты показывают связь понятия верности с патриотизмом, семейными ценностями и честностью.

Дальняя периферия содержит менее частотные, но семантически значимые ассоциации, в том числе:

дастгирӣ (поддержка) (10), **ишқ** (любовь) (10), **ишқи модар** (материнская любовь) (10) **садоқати зану шавҳар** (верность супругов) (10), **фарзандон** (дети) (10), **хушбахтии модар** (счастье матери) (10), **садоқат – ин як намуд хислате мебошад, ки на ҳама доранд** (верность – это качество, которым обладают не все) (10), **дилсӯзӣ** (забота) (10), **рафиқ** (товарищ) (10), **бародарӣ** (братство) (10), **рост гуфтан** (говорить правду) (8), **содиқ будан** (быть верным) (8).

Крайняя периферия включает наименее частотные ассоциации, среди которых **саг** (собака) (5). Данный символ отражает культурное восприятие собаки как знак верности и преданности.

Таким образом, структура ассоциативного поля понятия **«садоқат»** (верность) в таджикском языковом сознании демонстрирует выраженную ориентацию на семейные и межличностные отношения, при этом патриотизм и этические качества также занимают значимое место. Распределение ассоциаций по зонам отражает многомерность и богатство данного понятия, включающего эмоциональные, социальные и культурные компоненты.

Проанализировав все полученные реакции по заданию № 1, следует сделать следующие выводы:

1. Ядро понятия **верность/садоқат** по результатам анализа 100 анкет формирует такие универсальные ценности как, *доверие, честность, рост гуфтан (говорить правду)* и др. Однако иерархия смыслов различается: у русских респондентов преобладают абстрактно-нравственные характеристики, у таджикских – конкретно-социальные и ролевые (***падару модар*** (родители), ***шавҳар*** (супруг), ***дӯст*** (друг)).

2. Семантическая категория «семья» русскими респондентами упоминается 13 раз, но не занимает центрального положения. Для таджикских анкетируемых данная категория является ключевым понятием, например ***оила*** (45), ***муҳаббат ба оила*** (45), ***фарзандон, модар, падару модар*** и др.

3. Дружба для русских анкетируемых обозначается как чувство привязанности: *дружба* (28 реакций), а таджикскими респондентами подчёркивается **эмоциональная и моральная значимость** дружбы: ***дӯсти самимӣ*** (35), ***дӯстон*** (38), ***бародарӣ*** (10), ***рафиқ*** (10).

4. Честность и правдивость выступают как один из основополагающих элементов верности как для русских, так и для таджикских анкетируемых.

5. Сострадание и поддержка как компоненты верности русскими анкетируемыми не фиксируются. Однако данная категория занимает важное место для понимания верности в таджикском языковом сознании: ***дилсӯзӣ*** (10), ***дастгирӣ*** (10) и др.

6. В обеих лингвокультурах образ собаки выступает как символ абсолютной верности.

Таким образом, несмотря на наличие универсальных смыслов, таких как *доверие, любовь, честность и привязанность*, **«верность/садоқат»** в русском и таджикском языковом сознании имеет культурно-специфические особенности. В русском сознании доминирует индивидуалистская и личностно-этическая трактовка верности, тогда как в таджикском – социально-ролевая и коллективистская, опирающаяся на традиционные семейные и национальные ценности.

В рамках задания № 2 **(Какими чертами обладает верный человек?)** участникам анкетирования было предложено перечислить характерные черты личности, ассоциирующиеся с верным человеком. Полученные данные были подвергнуты лексико-семантическому анализу, в ходе которого выделены наиболее частотные и значимые качественные характеристики, отражающие восприятие верности как черты личности в двух лингвокультурных сообществах.

Ответы носителей русского языка (всего было получено 110 реакций).

В результате проведённого анализа все полученные ассоциаты были распределены по трём основным семантическим категориям:

1. **Нравственные качества (60 реакций).** Наиболее частотными чертами в этой категории стали такие качества, как **честность, преданность, ответственность, справедливость**. Эти характеристики подчёркивают восприятие верности носителями русского языка как в первую очередь моральной и этической установки, отражающей глубокую внутреннюю убеждённость человека в необходимости быть надёжным и лояльным.

2. **Личностно-психологические качества (30 реакций).** К данной категории относятся такие черты верного человека, как **доброта, искренность, терпение, сила воли**. Эти ответы показывают, что верность также воспринимается как результат личностной зрелости и внутренней устойчивости человека, его способности к самоконтролю и эмпатии.

3. **Социальные/коммуникативные качества (20 реакций).** В исследуемой категории входят следующие реакции: **готовность помочь, понимание, открытость, уважение**. Эта группа черт указывает на значимость межличностного взаимодействия и навыков общения в проявлении верности, особенно в контексте поддержания длительных и доверительных отношений.

Таким образом, в ходе обработки анкет носителей русского языка было выявлено, что верный человек в первую очередь должен обладать нравственными качествами. Полученные данные говорят о том, что верный человек в сознании носителей русского языка – это, прежде всего, морально устойчивый и принципиальный индивид, способный быть честным, преданным и ответственным. Верность носителями русского языка воспринимается как комплексное качество, сочетающее в себе моральную устойчивость, эмоциональную зрелость и социальную активность.

Таблица 2

Основные черты верного человека в русском языковом сознании

Семантические категории	Основные черты верного человека	Примерная доля в общей выборке, %
Нравственные качества	Честность, преданность, ответственность, справедливость	54,5
Личностно-психологические качества	Доброта, искренность, терпение, сила воли	27,3
Социальные/ коммуникативные качества	Готовность помочь, понимание, открытость, уважение	18,2

Ответы носителей таджикского языка (всего было получено 78 реакций).

В рамках задания № 2 носители таджикского языка описывали, какими чертами, по их мнению, обладает верный человек. Все полученные ответы были классифицированы по семантическим категориям, на основе чего выделены три основных смысловых направления:

1. Нравственные качества (30 реакций). В эту ассоциативную категорию вошли такие черты, как **шахси ростгӯй, росткор, самимӣ, вафодорро, ки аз таҳти дил рафтор мекунад; шахсе, ки аз рӯи ростию дурустӣ ва вафодорона рафтор мекунад** (честный, правдивый, искренний и преданный человек, который поступает от чистого сердца); **касе, ки як бор садоқати худро ба дигаре додааст ва хиёнат накардаааст** (человек, действующий честно, справедливо и обладающий верностью; тот, кто однажды отдал свою преданность другому и не предал её). Это говорит о высоком значении **внутренней моральной чистоты и последовательности** в представлениях о верности.

2. Гражданская лояльность (28 реакций). Значимую долю составили реакции, связывающие верность **с патриотизмом и служением Родине.** Реакция – **шахсе, ки Ватанро дӯст медорад ва барои хизмат ба Ватан ҳама вақт тайёр аст ва Ватанро чун гавҳараки чашм нигоҳ медорад** (человек, который любит Родину и всегда готов служить ей, бережёт Родину, как зеницу ока) – указывает на глубокую связь понятий верности и **национальной государственной идентичности**, что может отражать культурно-историческую специфику региона и важность коллективных ценностей.

3. Социальные/коммуникативные качества (20 реакций). Присутствуют также описания, акцентирующие внимание на **поддержке в трудные моменты, дружбе, заботе,** например, **дӯст, ки дар лаҳзаҳои душвор кӯмак мекунад** (друг, который помогает в трудности). Это указывает на значимость **взаимопомощи и надёжности** в межличностных отношениях как проявления верности.

Таблица 3

Основные черты верного человека в таджикском языковом сознании

Семантические категории	Основные черты верного человека	Примерная доля в общей выборке, %
Нравственные качества	*Шахси ростгӯй, росткор, самимӣ, вафодорро, ки аз таҳти дил рафтор мекунад; шахсе, ки аз рӯи ростию дурустӣ ва вафодорона рафтор мекунад* (честный, правдивый, искренний и преданный человек, который поступает от чистого сердца); *касе, ки як бор садоқати худро ба дигаре додааст ва хиёнат накардаааст* (человек, действующий честно, справедливо и обладающий верностью; тот, кто однажды отдал свою преданность другому и не предал её)	**54,5**
Гражданская лояльность	*Шахсе, ки Ватанро дӯст медорад ва барои хизмат ба Ватан ҳама вақт тайёр аст ва Ватанро чун гавҳараки чашм нигоҳ медорад* (человек, который любит Родину и всегда готов служить ей, бережёт Родину, как зеницу ока)	**25,5**
Социальные/коммуникативные качества	*Дӯст, ки дар лаҳзаҳои душвор кӯмак мекунад* (друг, который помогает в трудности)	**18,2**

Заключение

Подводя итоги, можно заключить следующее:

1. В обеих лингвокультурах **«верность»/«садоқат»** интерпретируется преимущественно как нравственно-моральная категория, включающая честность, преданность и ответственность. В то же время в таджикском языковом сознании значительно шире выражена идея верности как патриотической и культурной привязанности, в то время как в русской лингвокультуре больше внимания уделяется внутренним личностным и межличностным аспектам.

2. Результаты ассоциативного эксперимента продемонстрировали, что в обоих языках **«верность»/«садоқат»** воспринимается как высокая нравственная категория, тесно связанная с такими универсальными ценностями, как ***доверие, честность, любовь, преданность.***

3. В русской лингвокультуре верность концептуализируется преимущественно как индивидуально-этическое качество личности, связанное с внутренней честностью, постоянством, следованием личных убеждений и эмоциональной привязанности. Ассоциативные реакции русских респондентов преимущественно абстрактны, лексически обобщены и лишены чёткой социальной привязки, что свидетельствует о личностно ориентированном и нравственно-универсальном характере интерпретации.

4. В таджикской лингвокультуре, напротив, верность наполняется конкретно-социальным и ролевым содержанием. Она ассоциируется с преданностью семье, родителям, Родине, с готовностью к поддержке и самопожертвованию. Таджикские респонденты демонстрируют коллективистскую модель мышления, в которой верность реализуется через служение семье, обществу и государству. Значительное место в таджикских реакциях занимают понятия гражданской лояльности, уважения к старшим, межличностной гармонии, что отражает традиционную культурную направленность.

Таким образом, проведённое сопоставительное исследование ассоциативно-вербального поля **«верность»/«садоқат»** на материале ассоциативного эксперимента среди носителей русского и таджикского языков позволило выявить как универсальные, так и культурно-специфические особенности репрезентации данного концепта в языковом сознании представителей двух лингвокультур. Ассоциативное поле **«верность»/«садоқат»** демонстрирует общее семантическое ядро, но отличается в способах концептуализации

и культурной маркированности. Русское языковое сознание в большей степени репрезентирует нравственно-личностную трактовку, а таджикское – социально-ролевую и культурно-патриотическую. Эти различия отражают глубинные особенности мировосприятия в двух исследуемых лингвокультурах и подчёркивают значимость ассоциативного подхода как метода выявления национально-специфических особенностей восприятия понятия **«верность»/«садоқат»** в русской и таджикской лингвокультурах.

Список источников

1. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении / пер. с англ. М. : Мысль, 1976. 512 с.
2. Юм Д. Трактат о человеческой природе / пер. с англ. М. : Мысль, 1983. 456 с.
3. Гартли Д. Ассоциативная психология и философия / пер. с англ. СПб. : Наука, 2001. 240 с.
4. Лурия А.Р. Очерки психофизиологии письма. М. : Наука, 1974. 208 с.
5. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М. : Московский государственный университет, 1972. 576 с.
6. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М. : Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1999. 180 с.
7. Бабушкин А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии. Концепт : методы исследования. Воронеж : ВГУ, 1996. 147 с.
8. Кубрякова Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура : материалы междунар. конф. Ч. 1. Тамбов, 1999. С. 6–13.
9. Маслова В.А. Лингвокультурология. М. : Академия, 2001. 208 с.
10. Стернин И.А. Исследование значения как феномена языкового сознания. Воронеж : Истоки, 2014. 183 с.
11. Искандарова Д.М., Козлова О.Л. Образ русского в таджикском языковом сознании // Русин. 2024. № 78. С. 269–286. doi: 10.17223/18572685/78/13
12. Шамбезода Х.Д. Роль и место русского языка в условиях многоязычного Таджикистана // Материалы XIII Международной научной конференции «Русский язык и культура в зеркале перевода». Москва, 20–23 апреля 2023 года. М. : МГУ, 2023. С. 421–426.

References

1. Locke, J. (1976) *Opyt o chelovecheskom razumenii* [An Essay Concerning Human Understanding], trans. from English. Moscow: Mysl'. 512 p.
2. Hume, D. (1983) *Traktat o chelovecheskoy prirode* [A Treatise of Human Nature], trans. from English. Moscow: Mysl'. 456 p.
3. Hartley, D. (2001) *Assotsiativnaya psikhologiya i filosofiya* [Associative Psychology and Philosophy], trans. from English. St. Petersburg: Nauka. 240 p.
4. Luria, A.R. (1974) *Ocherki psikhofiziologii pis'ma* [Essays on the Psychophysiology of Writing]. Moscow: Nauka. 208 p.
5. Leont'ev, A.N. (1972) *Problemy razvitiya psikhiki* [Problems of the Development of the Mind]. Moscow: MSU. 576 p.
6. Karaulov, Yu.N. (1999) *Aktivnaya grammatika i assotsiativno-verbal'naya set'* [Active Grammar and Associative-Verbal Network]. Moscow: V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. 180 p.
7. Babushkin, A.P. (1996) *Kontsepty raznykh tipov v leksike i frazeologii. Kontsept : metody issledovaniya* [Concepts of Different Types in Lexis and Phraseology. Concept: Research Methods]. Voronezh: VSU. 147 p.
8. Kubryakova, E.S. (1999) [Linguistic consciousness and the linguistic worldview]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture]. Proceedings of the International Conference. Part 1. Tambov. pp. 6–13. (In Russian).
9. Maslova, V.A. (2001) *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow: Akademiya. 208 p.
10. Sternin, I.A. (2014) *Issledovanie znacheniya kak fenomena yazykovogo soznaniya* [Study of Meaning as a Phenomenon of Linguistic Consciousness]. Voronezh: Istoki. 183 p.
11. Iskandarova, D.M. & Kozlova, O.L. (2024) Obraz russkogo v tadzhikskom yazykovom soznanii [The image of the Russian in Tajik linguistic consciousness]. *Rusin*. 78. pp. 269–286. doi: 10.17223/18572685/78/13
12. Shambezoda, Kh.D. (2023) [The role and place of the Russian language in multilingual Tajikistan]. *Materialy XIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Russkiy yazyk i kul'tura v zerkale perevoda"* [Proceedings of the XIII International Conference 'Russian Language and Culture in the Mirror of Translation']. Moscow, 20–23 April 2023. Moscow: MGU. pp. 421–426. (In Russian).

Информация об авторе:
Курбонова Х.Х. – канд. филол. наук, и.о. зав. кафедрой теоретического и прикладного языкознания, Российско-Таджикский (Славянский) университет (Душанбе, Республика Таджикистан). E-mail: kurbanova_xafiza@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
Kh.Kh. Kurbanova, Cand. Sci. (Philology), acting head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Russian Tajik Slavonic University (Dushanbe, Republic of Tajikistan). E-mail: kurbanova_xafiza@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.10.2025;
одобрена после рецензирования 10.03.2026; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 31.10.2025;
approved after reviewing 10.03.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 821.133.1+821.111
doi: 10.17223/15617793/527/3

О превратностях Фортуны в сюжете о короле Лире: Гальфрид, Вас, Лайамон

Наталья Михайловна Долгорукова[1], Анастасия Федоровна Кифишина[2]

[1, 2] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
[1] natalia.dolgoroukova@gmail.com
[2] anastasiakifishina@gmail.com

Аннотация. Исследуется эволюция сюжета о короле Лире (Леире) через призму трёх средневековых текстов – латинской хроники Гальфрида Монмутского «История королей Британии», старофранцузского «Романа о Бруте» поэта Васа и среднеанглийской поэмы Лайамона «Брут». Особое внимание уделяется мотиву Фортуны и судьбы, а также образу Лира. Анализ демонстрирует, как трансформации сюжета отражают меняющиеся культурные и литературные контексты Средневековья, подготавливая почву для дальнейших интерпретаций, в том числе у Шекспира.
Ключевые слова: Фортуна, Король Лир, Гальфрид Монмутский, Вас, Лайамон

Для цитирования: Долгорукова Н.М., Кифишина А.Ф. О превратностях Фортуны в сюжете о короле Лире: Гальфрид, Вас, Лайамон // Вестник Томского государственного университета. 2026. № 527. С. 23–31. doi: 10.17223/15617793/527/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/527/3

On the victims of Fortune in the story of King Lear: Geoffrey of Monmouth, Wace, Layamon

Natalia M. Dolgorukova[1], Anastasia F. Kifishina[2]

[1, 2] HSE University, Moscow, Russian Federation
[1] natalia.dolgoroukova@gmail.com
[2] anastasiakifishina@gmail.com

Abstract. The article examines the evolution of the King Lear plot through the lens of three medieval texts: Geoffrey of Monmouth's Latin chronicle *The History of the Kings of Britain* (c. 1138); its adaptation into Old French, *Roman de Brut* by the Norman poet Wace (1155); and the Middle English adaptation of Wace's text, Layamon's *Brut* (early 13th century). Particular attention is paid to the image of Lear and to the extremely popular in the Middle Ages motifs of Fortune and fate. The article analyses an episode from the King Lear story, in which, rejected by his two daughters and deprived of money, knights, and the kingdom, he delivers a monologue lamenting the changeability and unfairness of Fortune. The article aims to examine three versions of King Lear's monologue, to determine the similarities and differences of the episode in Geoffrey, Wace, and Layamon, and to find out what the authors emphasize, what they omit, and what the reasons are for these changes. Thus, in Geoffrey's chronicle, Lear appears as a warrior and a king grieving the loss of his authority and military power. His regrets over the loss of loved ones who abandoned him in poverty play a secondary role. The motif of fate that deprived Lear of his happiness, or Fortune is only briefly mentioned; these concepts blend into each other in the chronicle. The appeal to Fortune serves as a rhetorical device typical for the genre and is used merely to demonstrate the hardships Lear encountered. Wace, on the other hand, expands and poeticizes this motif, introducing the image of the Wheel of Fortune and emphasizing Lear's human vulnerability as he is an abandoned father. Therefore, Wace brings him closer to the reader and approaches Shakespeare's portrayal. The figure of the king is leveled with all common people, who also are not protected from the vicissitudes of Fortune. Thus, instead of the figure of an all-powerful monarch, the *Roman de Brut* presents a hero who becomes a symbol of human powerlessness against his fate. Such symbolization brings Wace's text closer to the romance tradition: unlike Geoffrey, who created his version of a historical chronicle where the peoples' role in history prevails over their individual qualities, Wace writes for a broader audience, including the royal court, and his text is aimed not only at telling about historical events but also at entertaining the audience. Finally, Layamon, due to the absence of the tradition, reduces the Fortune motif and avoids the lowering of the monarch's image to the level of common people. The appeal to Fortune in Layamon's version is replaced by an appeal to wealth, which brings a didactic aspect to the plot. The King Lear story also serves as a moral lesson, demonstrating the unreliability and inconstancy of worldly goods. Overall, the analysis demonstrates how the transformations of the plot reflect the changing cultural and literary contexts of the Middle Ages, paving the way for subsequent interpretations, including Shakespeare's.
Keywords: Fortune, King Lear, Geoffrey of Monmouth, Wace, Layamon

© Долгорукова Н.М., Кифишина А.Ф., 2026

***For citation*:** Dolgorukova, N.M. & Kifishina, A.F. (2026) On the victims of Fortune in the story of King Lear: Geoffrey of Monmouth, Wace, Layamon. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 527. pp. 23–31. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/527/3

История о короле Лире, потерявшем власть монархе и покинутом дочерьми отце, всемирно известна в наши дни благодаря написанной в 1605–1606 гг. трагедии У. Шекспира «Король Лир». Однако сюжет этот появился в литературе гораздо раньше и многократно трансформировался, переходя из текста в текст.

Е.В. Халтрин-Халтурина пишет, что свою знаменитую пьесу Шекспир создал «на основе старинных легенд» [1. С. 24], однако, хотя первоначальные источники истории короля Лира, вероятно, уходят корнями в кельтский фольклор [2. P. 15–27], бытование этого сюжета до Шекспира было весьма широким и отнюдь не ограничивалось «старинными легендами». Впервые историю короля Лира (Леира) описывает Гальфрид Монмутский в латинской хронике «История королей Британии» (*Historia Regum Britanniae*, ок. 1138), повествующей о событиях, начиная с заселения Британии троянцами и заканчивая смертью короля Кадвалладра в VII в. Хроника многократно видоизменялась и использовалась другими авторами. Так, главным источником Шекспира стало второе издание (1587) основанных на произведении Гальфрида «Хроник Англии, Шотландии и Ирландии» (*The Chronicles of England, Scotlande, and Irelande*, 1577) Р. Холиншеда. Кроме того, Шекспир опирался на «Королевство фей» (*The Faerie Queene*, 1590) Э. Спенсера и на прочие источники, имеющие в основе хронику Гальфрида [3. P. 191–192].

«История королей Британии» пользовалась огромной популярностью на протяжении Средних веков и Ренессанса, а сюжет о короле Лире существовал в большом количестве вариаций. Одной из ранних и наиболее известных интерпретаций хроники Гальфрида стал «Роман о Бруте» (*Roman de Brut*, 1155) нормандского поэта Васа, представляющий собой стихотворное переложение «Истории королей Британии» на старофранцузский язык. В начале XIII в. английский поэт Лайамон переводит сочинение Васа на среднеанглийский, создавая поэму «Брут» (*Brut*). Так история короля Лира переходит и в его текст. В настоящей статье предлагается рассмотреть сюжет о короле Лире на примере «Истории королей Британии» как первоисточника, а также вышеупомянутых «Романа о Бруте» и «Брута» – текстов, не ставших непосредственными источниками трагедии Шекспира, но представляющих собой важные этапы бытования сюжета о короле Лире в средневековой литературе.

Три интересующих нас текста следуют непосредственно друг за другом: французский вариант оказывается переводом латинского, а английский – переводом французского. Однако перевод в этом случае следует воспринимать в средневековом понимании – не как более-менее точную передачу, а скорее как «адаптацию оригинального текста, который поэт-переводчик развивает, расширяет и переосмысляет в соответствии со своими потребностями» [4. P. 190]. Вас существенно перерабатывает хронику Гальфрида, добавляя и опуская детали и эпизоды, а Лайамон позднее создает свою версию «Роман о Бруте», увеличивая сочинение Васа практически в два раза. Так, мы рассмотрим сюжет о короле Лире в версиях Гальфрида, Васа и Лайамона, и проанализируем, на чем каждый из авторов делает акценты, что, напротив, опускает, и каковы причины внесенных изменений.

В центре нашего внимания находится эпизод, где Лир, отвергнутый двумя дочерьми и лишенный рыцарей, денег и королевства, произносит монолог, в котором взывает к Фортуне, чья фигура была чрезвычайно популярна в Средние века. Г. Патч отмечает, что поэты едва ли могли написать стихотворение, не посвятив ей хотя бы стансу, упоминания Фортуны встречались в книгах почти на каждой странице, философы серьезно занимались обсуждением значения ее фигуры, одинаково большое внимание уделяли ей как церковнослужители, так и миряне [5. P. 3]. Важное место в сюжете о короле Лире мотив Фортуны занимает и у Шекспира, который берет его из Средних веков и реактуализирует [6. P. 108], мотив этот становится одним из ключевых в тексте. Мы же проанализируем, какую роль в истории о короле Лире он играл до знаменитой трагедии и как образ Фортуны влияет на восприятие фигуры Лира у Гальфрида, Васа и Лайамона. Для этого последовательно рассмотрим монолог Лира в «Истории королей Британии», «Романе о Бруте» и «Бруте».

В тексте Гальфрида Лир взывает к судьбе после того, как, лишенный королевства и власти, оставшийся всего с одним рыцарем после посещения двух старших дочерей, он намеревается отправиться во Францию к младшей дочери, Корделии, с которой ранее обошелся несправедливо. На пути во Францию он замечает, что занимает всего третье место среди принцев, которые были на борту корабля. Это демонстрирует ему его нынешний статус, доводит до кульминации его отчаяние и побуждает воззвать к судьбе. В результате со слезами Лир произносит такой монолог:

> O inreuocabilia seria fatorum, quae solito cursu fixum iter tenditis, cur unquam me ad instabilem felicitatem promouere uoluistis, cum maior poena sit ipsam amissam recolere quam sequentis infelicitatis praesentia urgeri? Magis etenim aggrauat me illius temporis memoria quo tot centenis milibus militum stipatus et moenia urbium diruere et prouincias hostium uastare solebam quam calamitas miseriae meae, quae ipsos qui iam sub pedibus meis iacebant debilitatem meam deserere coegit. O irata fortuna! Venietne dies umquam qua ipsis uicem reddere potero qui sic tempora mea secuti paupertatem meam diffugierunt? <...> [7. P. 41].

> О необратимая череда судеб, которые по обыкновению идут по установленному пути, почему однажды вы захотели возвысить меня до переменчивого счастья, боль от воспоминаний о котором пересиливает тяжесть последовавшего несчастия? Более удручают меня воспоминания о тех временах, когда окруженный сотнями тысяч рыцарей я разрушал городские стены и разорял земли врагов, чем несчастие бед-

ствия моего, которое заставило тех, кто сам был простерт у моих ног, покинуть меня в моей слабости. О злая Фортуна! Придет ли когда-нибудь день, когда я смогу отплатить тем, кто теперь сбежал от моей бедности? <…>[1].

Для выражения мотива судьбы Гальфрид использует два слова: «fatum» и «fortuna». Лир восклицает: «О необратимая череда судеб» («O inreuocabilia seria fatorum…») и «О злая Фортуна» («O irata fortuna!»). Грань между *fatum* и *fortuna*, судьбой и Фортуной, была достаточно зыбкой, и, как отмечает Патч, в латинской литературе эти понятия иногда использовались как взаимозаменяемые, а средневековые писатели часто либо винили их одновременно, либо путали их, а иногда Фортуна даже становилось одной из трех богинь судьбы, парк [5. P. 79]. В античных текстах выражение «череда судеб» («fatorum series») встречается неоднократно, в частности Сенека в шестнадцатом из «Нравственных писем к Луцилию» (*Epistulae Morales ad Lucilium*, ок. 65) использует это понятие наравне с Фортуной, отожествляя их. Сенека различает три силы, управляющие человеком: божественное начало (*deus, providentia*), устанавливающее все в мире по своей воле, судьба (*fatum, fatorum series*), или Фортуна (*fortuna*), держащая человека в своих оковах, не давая осуществиться его планам, и случай (*casus*) – «внезапное и неожиданное» («ripentuna ac subita») [8. P. 104–107]. Во второй книге «О природе» (*Naturales quaestiones*, 62–64) Сенека также употребляет словосочетание «fatorum series» и подчеркивает, что череда судеб отвечает именно за то, в чем есть порядок, что можно предсказать, в отличие от случайного и беспорядочного [9. P. 84]. Похожую идею мы видим и у Гальфрида, который отмечает, что череда судеб движется по «установленному пути». Эпитет «irata», который использует Гальфрид по отношению к Фортуне, также встречается у Сенеки в восемнадцатом из «Нравственных писем к Луцилию» («non opus esse fortuna; hoc enim, quod necessitati sat est, dat et irata» [8. P. 120]) и в диалоге «О счастливой жизни» (*De Vita Beata*, ок. 58) («irata et infestante fortuna uindicatura» [10. P. 159]).

Так, Фортуна и череда судеб у Гальфрида возносят Лира до переменчивого счастья, а после лишают его. Идея мимолетности земных благ была распространенной при описании Фортуны, а эпитет «непостоянный» («instabilis») часто использовался по отношению к ней, что мы увидим позднее и у Васа. Однако в случае Гальфрида непостоянство относится именно к череде судеб, выполняющей те же функции, что и Фортуна. Отсутствие разграничения между понятиями *fatum* и *fortuna* свидетельствует о том, что у Гальфрида Фортуна не персонифицирована и представлена больше в виде абстрактного концепта: это еще не аллегорическая фигура, а скорее риторический прием, роль которого Фортуна стала выполнять, начиная с поздней Античности, постепенно теряя свои божественные функции.

Возможно, источником восприятия понятий судьбы и Фортуны для Гальфрида стал Сенека, который в Средние века наряду с Овидием входил в христианский канон [11. P. 76] и был одним из наиболее читаемых, переписываемых и востребованных в культурных кругах авторов [11. P. 108]. Из его же трудов Гальфрид мог перенять и устойчивые эпитеты, формирующие традицию изображения Фортуны. Многие из таких эпитетов переходят из одного языка в другой и составляют, как пишет Патч, «технический словарь» для описания Фортуны [5. P. 39].

Гальфрид использует воззвание к судьбе и Фортуне для того, чтобы продемонстрировать лишения, с которыми столкнулся ранее богатый и почитаемый всеми король Лир. Обратим внимание, какие именно воспоминания приводят его в отчаяние. Лир с сожалением думает о временах, когда с сотнями тысяч рыцарей он «разрушал городские стены и разорял земли своих врагов». Так, Гальфрид делает акцент на военном прошлом Лира: именно утрата боевой мощи удручает его больше всего, именно ее лишается Лир по воле судьбы. Далее в монологе Лир сожалеет о том, как несправедливо обошелся со своей «любимой дочерью» («karissima (sic!) filia»), и признает, что Корделия, в отличие от сестер, любивших Лира за его богатство, была честна, говоря ему, что любит его ровно настолько, насколько дочь может любить отца, и в той степени, в которой он заслуживает [7. P. 42–43]. Однако для Гальфрида Лир – в первую очередь король-воин, а не покинутый отец, каким он воспринимается теперь. Хотя «История королей Британии» за счет обилия вымысла с трудом вписывалась в традиционное понимание исторической хроники, а сам Гальфрид, по мнению А.Д. Михайлова, «был прежде всего писателем» [12. С. 227], текст этот имеет подчеркнуто политический характер. Гальфрид, как отмечает Дж. Блэкер, представляет усиленно «пробританскую» версию событий. На примере бриттов, все еще ожидающих возвращения короля Артура, который спасет их от несчастий, Гальфрид желает продемонстрировать современным правителям важность сохранения мира и принятия разумных решений для будущего страны [13. P. 78].

В прологе к «Истории королей Британии» Гальфрид сообщает, что, кроме книг Беды Достопочтенного и Гильды Премудрого, он не встречал трудов о правителях дохристианской эпохи, а также о короле Артуре и тех, кто был после него. Таким образом, целью своего текста он ставит рассказ о деяниях королей, которые достойны «вечной славы» («aeternitate laudis») [7. P. 4–5]. Для Гальфрида первостепенное значение имеет роль королей в истории, его герои лишены индивидуальности, поэтому отношения Лира с Корделией и его раскаяние в том, как несправедливо он с ней поступил, отходят на второй план. Наиболее важно, что потерявший по воле судьбы свою власть и военную мощь, Лир больше не может способствовать становлению величия Британии, его отцовская роль в сюжете крайне мала.

В версии истории о короле Лире, изложенной в «Романе о Бруте», мы наблюдаем иную ситуацию. Вас, переосмысляя хронику Гальфрида, вносит в текст существенные изменения, первое из которых – это время произнесения Лиром своего монолога. Если у Гальфрида Лир взывает к судьбе и Фортуне, уже находясь на пути к младшей дочери, то в «Романе о Бруте» он

отправляется к Корделии только после монолога, который, таким образом, оказывается катализатором принятия решения. Вас вносит в образ короля Лира больший психологизм: рефлексия об утерянных благах и о плачевном положении, в котором он оказался, позволяет Лиру прийти к выводу о том, что с потерей благосостояния он потерял и преданность друзей, семьи и слуг («E des que jo, las! apovri, // Amis, parenz, serganz perdi» [14. P. 50]), а также осознать несправедливость того, как он обошелся с Корделией. Вас добавляет ремарку о том, что Лир долго мучился и размышлял («Leïr lunges se desmenta // E lungement se purpença» [14. P. 50]), прежде чем отправился во Францию. Так, у Васа герой приобретает способность к рефлексии, его действия становятся более осознанными.

Вас существенно расширяет монолог Лира: в «Романе о Бруте» он занимает целых 60 строк. В начале монолога, как и в тексте Гальфрида, присутствует мотив ностальгии по утраченному, сближающийся у Васа с распространенным топосом *ubi sunt*, используемым для выражения мимолетности временных благ [15. P. 94]. Этот топос встречается, например, у французского трувера XIII в. Рютбёфа: «Que sont mes amis devenus // [Eux] que j'avais si près tenu // Et tant aimés?» [16. P. 167] («Что стало с моими друзьями, // которыми я так дорожил // и которых так любил?»). Мотив потери близких и друзей важен и для короля Лира, который, утратив благосостояние, остается в полном одиночестве.

Итак, король Лир восклицает: «U est alé quanque jo oi?» [14. P. 48] («Куда делось все, чем я владел?»), после чего обращается к Фортуне (его обращение занимает 14 строк):

Fortune, tant par es muable,	Фортуна, столь изменчивая,
Tu ne puez estre une ure estable;	Ты не можешь ни мгновения быть постоянной.
Nuls ne se deit en tei fier,	Никому не следует доверять тебе:
Tant faiz ta roe tost turner.	Так быстро крутишь свое колесо.
Mult as tost ta colur muee,	Очень быстро меняется твой цвет,
Tost iés chaete e tost levee.	Быстро падаешь и быстро поднимаешься.
Ki tu vuels de bon oil veeir	Тех, на кого ты хочешь бросить благосклонный взор,
Tost l'as levé en grant poeir,	Быстро возвышаешь и даруешь большое могущество,
E des que tu turnes tun vis	А тех, от кого ты отворачиваешь лицо,
Tost l'as d'alques e neient mis.	Быстро лишаешь всего.
Tost as un vilain halt levé	Быстро возвысила простолюдина,
E tost le ras desuz buté.	И быстро вновь низвергла его.
Contes e reis, quant tu vuels, plaisses	Графов и королей, доставляет тебе удовольствие, когда захочешь,
Que tu nule rien ne lur laisses [14. P. 48, 50].	Оставлять ни с чем.

Теперь за несчастия Лира отвечает только Фортуна, у Васа пропадает «череда судеб», а образ самой Фортуны выходит на первый план и детализируется. Вас использует по отношению к ней эпитет «muable» («изменчивая») и говорит, что она ни секунды не может быть постоянной («estable»). Этот же эпитет встречается у Гальфрида («instabilis») по отношению к счастью, в похожих словах о Фортуне вскоре после Васа, в 70-е гг. XII в., говорится в другом англо-нормандском тексте – «Романе о Горне» поэта, который называет себя Томасом: «Mes fortune ne poet estre en estableté» [17. P. 88] («Но Фортуна не может находиться в покое»). Непостоянство Фортуны у Васа выражено через мотив изменчивости цвета, это популярный топос, используемый при ее описании, и средневековые авторы часто изображали одежды Фортуны как многоцветные или меняющие свой цвет [5. P. 46]. Это встречается, например, у более позднего английского поэта Джона Лидгейта: «Hir habit was of manyfold colours» [18. P. 676] («Ее одежды были многообразных цветов»). Кроме того, изменчивость Фортуны подчеркивается постоянными повторами слова «tost» («быстро») и антитезами «chaete – levee» («падать – подниматься»), «alques – neient» («всё – ничего»), «levé – buté» («возвысила – низвергла»). Так, по сравнению с Гальфридом, у которого обращение к Фортуне играет роль риторического приема – восклицания, используемого Лиром для выражения сожаления по утраченным благам, – Вас расширяет и поэтизирует этот мотив при помощи средств выразительности. У него он приобретает образность и становится художественным отражением идеи непостоянства и изменчивости. Непостоянство Фортуны подчеркивает и Боэций, чье «Утешение Философией» (*Consolatio philosophia*, 524) способствовало популяризации фигуры Фортуны в Средние века, только у него, как пишет Дж. Фрейкс, она, подчиненная Провидению, становится инструментом Бога [19. P. 31]. Фортуна демонстрирует, что земные богатства не вечны и стремление к ним бессмысленно. «Непостоянство Фортуны может способствовать обретению блаженства» [20. С. 212], – говорит Философия, и тем самым Фортуна вписывается в христианскую идею испытаний ради духовного роста.

Наиболее яркий символ переменчивости Фортуны – ее колесо, образ которого отсутствует у Гальфрида. «Никому не следует доверять тебе: // Так быстро крутишь свое колесо» («Nuls ne se deit en tei fier, // Tant faiz ta roe tost turner»), – говорит Лир в версии Васа. С помощью образа колеса Фортуны выражается идея падения с высоких позиций до низких, т.н. мотив «high to low», который, как пишет Патч, был чрезвычайно популярен как в Античности, так и в Средние века [5. P. 68]. Так, короли и графы остаются ни с чем по желанию Фортуны, как это происходит и с Лиром, а простолюдины, напротив, возвышаются, после чего, однако, вновь низвергаются. Контраст между позицией человека до потери благосклонности Фортуны и после играет существенную роль в ее описании: Фортуна не просто лишает человека каких-то благ, она низвергает его с вершины, где он обладал всем, и полностью меняет его положение, оставляя ни с чем.

Образ колеса Фортуны и традиционное воззвание к ней, как отмечает Л. Мате-Май, способствует уподоб-

лению Лира любому человеку [6. P. 108]. Таким образом, Васу важен не столько королевский статус Лира, сколько то, что, как и все люди, он всего лишь игрушка в руках Фортуны, которая одинаково переменчива по отношению как и к простолюдинам, так и к королям. Образ колеса Фортуны уравнивает Лира с простыми людьми и снижает его образ, что в Средние века могло вызывать противоречивую реакцию. В частности, в одном из списков «Романа о Бруте» – в списке Z северо-английской рукописи конца XIII – начала XIV в. (Yale, Beinecke Library, ms. 395, item 12) – интересующий нас пассаж про Фортуну пропущен вовсе. На первый взгляд, кажется, что это могло быть сделано из религиозных соображений: в указанном манускрипте «Роман о Бруте» находится рядом с Библией Германа Валансьенского (*Herman de Valenciennes*), его «Успением Богородицы» (*L'Assomption de Notre Dame*), «Житием святого Евстафия» (*Vie de saint Eustache*) и другими религиозными текстами. Однако в светскую литературу образ колеса Фортуны вошел во многом благодаря клирикам, читавшим Боэция, и образ ее не вступал в противоречие с христианской верой. Часто образ колеса Фортуны встречается в лирике вагантов, многие из которых принадлежали к духовенству. Например, в стихотворении «O Fortuna», входящем в сборник «Carmina Burana», содержатся следующие строки: «Sors immanis // et inanis, // rota tu volubilis» [21. S. 35] (Судьба жестокая и бессмысленная, ты – вращающееся колесо). Таким образом, вероятно, исключение отрывка про колесо Фортуны из рукописи «Романа о Бруте» связано с политическими причинами: неприемлемость изображения монарха равным простым людям, неприятие идей непостоянства могущества королей и неизбежности изменений, которые в «Романе о Бруте» демонстрирует непостоянство Фортуны, вращающей свое колесо.

Итак, образ колеса Фортуны способствует приданию королю Лиру большей человечности. Этой же цели достигают воспоминания Лира о благах, которые он когда-то имел, но потерял. Рассмотрим, о чем именно скорбит Лир Васа, и сравним его с Лиром Гальфрида. Если в «Истории королей Британии» Лир представлен главным образом как полководец, потерявший свою мощь, то в «Романе о Бруте» речь больше не идет ни о подвигах Лира, ни о ностальгии по воинскому прошлому. Вас «выделяет в портрете Лира отцовские черты: он опускает упоминание его рыцарей и военных побед и стирает тем самым образ могущественного короля и полководца» [22. P. 113]. Вас переносит акцент на человеческие отношения: «У меня нет ни единого родственника, который бы делал вид, что любит меня», – говорит Лир («Jo n'ai un sul apartenant // Ki d'amur me face semblant» [14. P. 50]). Заметим вскользь, что именно недостаток любви будет характеризовать и шекспировского Лира: «Шекспировский король Лир не был злодеем, он был глупцом, ибо не ведал, что такое любовь» [23. С. 38].

Фортуна лишила Лира его владений и могущества, что повлекло за собой разрушение семейных и дружеских связей. Лир остался один, оставленный всеми, и именно это тревожит его. Вас расширяет пассаж с сожалениями Лира о том, как он поступил с Корделией, и уделяет больше внимания раскаянию Лира в том, что он не прислушался к словам младшей дочери, возненавидел ее и выслал из королевства, лишив всего [14. P. 50–51]. Кроме того, пропадает мотив мести, выраженный у Гальфрида в словах: «Настанет ли когда-нибудь день, когда я смогу отплатить тем, кто теперь сбежал от моей бедности?». Все вышеперечисленное также снижает образ Лира и приближает его к читателю. У Васа он в первую очередь не полководец, а человек, оставшийся в одиночестве по воле Фортуны, не король, а покинутый отец, сожалеющий о содеянном.

Целью Гальфрида было создание своей версии исторической хроники, в которой роль героев в британской истории превалирует над их индивидуальными качествами. Вас же создает текст, ориентируясь на более широкий круг, в том числе на королевский двор Генриха II Плантагенета, для которого и создавался «Роман о Бруте». Таким образом, текст Васа направлен не только на то, чтобы поведать исторические события, но и на развлечение аудитории[2]. Его язык поэтический, герои приобретают большую индивидуальность, а текст теряет политическую актуальность. Так, Вас подчеркивает одиночество Лира, в которое его ввергла Фортуна, и опускает его сожаления о военном прошлом. Главной ролью Лира оказывается отцовская: он скорбит о том, как поступили с ним старшие дочери, и сожалеет о том, как поступил с младшей, Корделией. Герой Васа становится рефлексирующим, более человечным, таким, с каким вполне могли ассоциировать себя слушатели Васа и сам король Генрих II, а Лир в версии «Романа о Бруте» уже приближается к тому Лиру, который знаком нам по трагедии Шекспира, – покинутому отцу, не знающему любви и терпящему неблагодарность дочерей.

Подобный постепенно намечающийся переход от хроники к роману сопоставим и с трансформацией шекспировского «Короля Лира» из хроники в трагедию, о чем пишет Халтрин-Халтурина, анализируя различия между «Исторической хроникой Короля Лира» и «Трагедией Короля Лира». Исследовательница отмечает новый аспект, возникший в результате этой трансформации, и пишет, что «из всех историй о Лире только у Шекспира показана мучительная, медленная де-сакрализация монарха (предавшего интересы Короны) и параллельное становление нового короля (призванного Корону унаследовать)» [1. С. 36–37]. Тем не менее зарождение так называемой де-сакрализации, хотя и без фигуры нового короля, мы можем наблюдать уже у Васа, у которого инструментом снижения образа монарха становится именно образы Фортуны и ее колеса.

Таким образом, Вас существенно расширяет и видоизменяет мотив судьбы по сравнению с Гальфридом. Если в «Истории королей Британии» воззвание к Фортуне имело скорее риторический характер и лишь демонстрировало отчаяние Лира, то в «Романе о Бруте» ее фигура становится более детализированной и поэтизированной. Кроме того, Вас вводит образ колеса Фортуны, который способствует смещению акцентов и выводит на первый план образ Лира как простого человека, отца.

Его фигура оказывается на одном уровне со всеми остальными людьми: так же, как они, Лир не защищен от превратностей Фортуны. Так, образ колеса Фортуны привносит в сюжет о короле Лире универсальный аспект [6. P. 108]. Вместо фигуры всемогущего монарха в «Романе о Бруте» представлен отец, оказывающийся символом бессилия человека перед судьбой. Подобная символизация приближает текст Васа к романной традиции, и, как пишет Дж. Вайс, «Роман о Бруте» становится связующим звеном между миром эпоса и новым миром романа двенадцатого века [14. P. XXIII].

Наконец, переводчик Васа на среднеанглийский, Лайамон, создавая в начале XIII в. поэму «Брут», также представляет свою версию истории о короле Лире. В «Бруте» Лайамона Лир оказывается повергнут в отчаяние уже после посещения второй дочери, Гонерильи, оставившей его с пятью рыцарями. В «Романе о Бруте» в этот момент он произносит короткое восклицание: «Как жалок я, – сказал он, – на свое горе я сюда пришел! // Если я был несчастен там, я более несчастен здесь» («Caitiff mei, dist il, mar i vinc! // Sil vil fui la, plus sui vil ça» [14. P. 48]) – и решает возвратиться к первой дочери, Регане. Лайамон же придает тексту большую эмоциональность, отмечая, что Лир произнес следующие слова с несчастным видом («seorhfulle laichen» [25. P. 88]), и расширяет восклицание до монолога, схожего с тем, что Лир произносил в версиях Гальфрида и Васа, взывая к Фортуне. Однако мотив судьбы у Лайамона пропадает вовсе, и обращение к Фортуне заменяется обращением напрямую к богатству:

Wela weolla. wella. hu þu bi-swikest monine mon.	Увы, богатство, увы! Как ты обманываешь многих людей!
þenne he þe treoweðe alre best on; þenne bi-swikes tu heom	Когда тебе больше всего доверяют, тогда ты предаешь.
Nis hit nowit ȝare; noht fulle twa ȝere.	Еще недавно, менее двух лет назад
þat (ich) was a riche king; and held mine cnihtes.	я был богатым королем и имел много рыцарей.
Nu ich habben ibiden þat ich bare sitte;	Сейчас вышло так, что я сижу без всего,
wunnen biræue[d]; wa is me on liue [25. P. 88].	лишенный благ. Горе мне в жизни!

Если Вас пишет о том, что не стоит доверять Фортуне, то в «Бруте» ее место занимает богатство, которое предает человека тогда, когда тот наиболее на него полагается. У Лайамона сохраняется мотив «high to low», но теперь он относится исключительно к непостоянному богатству, оставившему Лира. Во второй сохранившейся рукописи «Брута» (список C: Cotton Otho, ms. xiii) восклицание Лира начинается с четырехкратного повтора слова «wele» [25. P. 89] – «богатство», «благополучие», «благосостояние», – что усиливает акцент.

За счет замены Фортуны на богатство сюжет приобретает моральный оттенок. Лайамон пишет о том, что не следует доверять земным благам, поскольку в любой момент их можно лишиться, как это произошло с королем Лиром. Помещая слово «weolla» – вариант слова «wele» («богатство») – между похожими на него фонетически словом «wela» и его вариантом «wella», восклицаниями, использующимися для выражения горя и сожаления, Лайамон как будто вписывает богатство в ряд несчастий, ассоциирует его с горем. В близком контексте слово «wele» употребляется, например, в одном из Вустерских фрагментов, «Обращении души к телу» (*The Soul's Address to the Body*, XIII в.): «*Qui custodit diuitias ser[uus] est diuitiis* // Þu were þeow þines weolan» [26. P. 66] (*Тот, кто оберегает богатство, служит ему* // Охранитель сделан рабом своего богатства») – и в «Проповеди» (*Sarmun*, XIV в.) Килдера: «If man is prute of world is welle, // Ihc hold a fole þat he be; // Hit commiþ, hit goþ, hit nis bot dwelle, // Bot dritte, gile and wanite» [27. S. 90] («Если человек гордится богатством, // Я считаю его дураком; // Оно приходит и уходит, оно только иллюзия, // Бессмыслица, заблуждение, бренность»). Так, употребление слова «wele» имеет у Лайамона дидактический характер, что неоднократно встречалось и в других среднеанглийских текстах.

Дидактизм «Брута» отмечает и Р. Аллен, предполагая, что он стал следствием возможного создания поэмы для семьи патрона Лайамона, в доме которого он мог быть капелланом, а отрывки из поэмы могли читаться детям, для которых Лайамон мог быть учителем [28. P. xxiii]. Это объясняет морализацию текста в целом и придание дидактического характера сюжету о короле Лире в частности. Кроме того, идея краткосрочности и ненадежности земных благ близка к христианской морали, что соответствует образу священнослужителя, который выстраивает Лайамон, легитимируя тем самым свой текст. Уже в прологе к «Бруту» заметно, что образ автора, который создает Лайамон, построен на контрасте с образом, созданным Васом в «Романе о Бруте». Если Вас утверждает свой авторитет за счет того, что называет себя магистром, ученым человеком (maistre), то Лайамон представляется священником, периодически обращается к богу, добавляет религиозный контекст уже в пролог и заканчивает его молитвой [24. P. 140]. Наличие христианской морали и в последующем тексте отмечал, например, Л. Джонсон [29. P. 150–156], однако, как пишет Ф. ле Со, Лайамон не производит впечатление человека, сильно заинтересованного в библейском толковании, сочинениях отцов церкви и богословских текстах, наибольшее влияние на его текст оказали не Священное Писание, а агиография и легенды, религия же в «Бруте» имеет скорее практический характер [30. P. 175–178]. Так, образ священнослужителя у Лайамона выполняет скорее роль художественного приема, а сюжет о короле Лире сближается скорее с поучительной притчей, демонстрируя, что может произойти, если слишком сильно рассчитывать на материальные блага.

Можно предположить, что принадлежность Лайамона к духовному сословию и стала причиной исключения из текста отрывка про Фортуну. Однако, как уже говорилось выше, ее образ существовал в христианском пространстве, не вступая в противоречие с религией, и во многом это происходило благодаря клирикам, способствовавшим проникновению образа Фортуны в светскую литературу.

Кроме того, другой переводчик Васа на среднеанглийский язык, монах-гильбертинец Роберт Маннинг, написавший около 1338 г. «Хронику Маннинга» (*Mannyng's Chronicle*), представляющую собой достаточно точный перевод «Романа о Бруте», интересующий нас пассаж сохраняет. Монолог Лира в «Хронике Маннинга» почти полностью повторяет текст Васа, однако, оставляя образ Фортуны, Маннинг опускает образ ее колеса. В версии Маннинга Фортуна низвергает тех, кто был наверху, и возвышает тех, кто был внизу («Þou turnes hym doun þat er was heye; // Þat now ys doun, vpward þou turnes» [31. P. 88]), но о колесе речи не идет. Так, отсутствие колеса Фортуны препятствует снижению образа Лира, которое происходит за счет помещения его на один уровень с простолюдинами и идеи неизбежности изменений. Возможно, по этим же причинам исключает из текста образ Фортуны и Лайамон.

Кроме того, еще одной причиной опускания Лайамоном образа Фортуны может быть отсутствие традиции его изображения в англоязычной литературе. Первые упоминания Фортуны относятся уже к XIV в., когда делал свой перевод и Маннинг. Один из наиболее ранних примеров использования образов Фортуны и ее колеса – среднеанглийская религиозная поэма «Cursor Mundi» (1275–1325 гг.): «Dam fortune turneþ hir wheel anone» [32. P. 95] («Дама Фортуна внезапно повернула свое колесо»). Таким образом, если Маннинг, оставивший в своем переводе образ Фортуны, уже мог опираться на традицию ее репрезентации, то в случае Лайамона этой традиции еще не существовало. Кроме того, множественное число латинского слова «fortuna» – «fortunae» – означает «богатство», что, вероятно, и послужило причиной замены Фортуны на него и выбора Лайамоном слова «weolla».

Итак, после того, как Регана не оправдывает ожидания отца и оставляет его всего с одним рыцарем, Лир вновь горестно восклицает, обращаясь на этот раз к смерти с желанием умереть: «Wallan dæð wela deað. Þat þu me nelt for-demen» [25. P. 90] («Увы смерть, увы, смерть! Почему ты не настигнешь меня?»). Это восклицание, отсутствующее у Васа, вновь усиливает эмоциональность текста. Кроме того, Лайамон отмечает, что Лир говорил с горем в сердце («æruu e wes on herten» [25. P. 88]). Как и в «Романе о Бруте», Лир признает, что Корделия была права, и говорит, что с тех пор, как он потерял богатство, не осталось ни одного человека, который любил бы его («…ne leouet me no mon for þan» [25. P. 90]). Однако Лайамон сокращает сожаления Лира о том, как он поступил с Корделией, смещая, таким образом, акцент с отношений между отцом и дочерью. Если в случае Васа Лир сокрушается, что не только не послушал Корделию, но и возненавидел ее и изгнал ее из своих земель, не дав ничего («Ainz la blasmai se l'en hai // E de ma terre la chaçai // Que nule rien ni li donai» [14. P. 50]), то Лайамон оставляет только признание мудрости Корделии, сказавшей ему, что чем больше человек имеет, тем больше его ценят.

Если текст Васа приближается к роману, то Лайамон представляет версию, более близкую к исторической хронике, что видно и из пролога к «Бруту», соответствующего ожиданиям от историографического текста, обладающего более четкой, по сравнению с текстом Васа, структурой и формирующего впечатление о Лайамоне как об ортодоксальном историке[3]. Хотя в «Бруте» Лир не сокрушается о своей былой военной мощи, как это было в «Истории королей Британии», Лайамон отмечает, что не так давно Лир был богатым королем с множеством рыцарей, и потеря материальных благ его удручает. Лайамону не важен мотив воинской славы, но он также не уделяет такого внимания человеческим отношениям. Безусловно, от достоверной исторической хроники «Брута» отделяет уже упомянутая морально-религиозная составляющая текста, тем не менее, хотя герои Лайамона, в том числе и Лир, приобретают большую эмоциональность, а сам текст получает моральное измерение за счет его предполагаемой аудитории, для «Брута» существенно, что Лир – король, а не полководец, как это было у Гальфрида, и не отец, как это было у Васа и впоследствии у Шекспира.

Таким образом, во всех трех рассмотренных текстах обращение к мотивам судьбы и Фортуны и их влияние на образ короля Лира существенно различаются. У Гальфрида упоминание Фортуны, неперсонифицированной и никак не отличающейся от «череды судеб», предельно кратко, функция воззвания к ней – указать на лишения, которым подвергся Лир. С помощью мотива судьбы Гальфрид формирует образ Лира-полководца, воина, потерявшего, по воле Фортуны, свою боевую мощь и более всего скорбящего об ушедшей воинской славе. Вас выводит фигуру Фортуны на первый план, расширяет и поэтизирует обращение к ней, добавляет к ее образу детали, главная из которых – чрезвычайно популярное в Средние века колесо Фортуны – символ ее непостоянства. С помощью этого образа происходит уравнивание фигуры короля с простыми людьми и формирование образа Лира-отца, покинутого дочерями, потерявшего всеобщее уважение и сожалеющего о том, как обошелся с любимой дочерью. Как следствие, текст Васа приближается к романной традиции. Лайамон же вовсе редуцирует мотив судьбы и опускает образ Фортуны, не имея соответствующей традиции в англоязычной литературе и избегая снижения образа монарха. Фортуна заменяется богатством, что способствует появлению морального измерения и формированию образа Лира – наказанного короля-грешника, лишившегося земных благ. Позднее, у Шекспира, превратности Фортуны затронут почти всех героев пьесы, а не только Лира. Хотя шекспировский король Лир уже не будет произносить соответствующий монолог, вращающееся колесо Фортуны станет одним из лейтмотивов трагедии.

Примечания

[1] Здесь и далее перевод наш. – *Н.Д., А.К.*

[2] Об аудитории и целях «Романа о Бруте» см.: [24].

[3] О прологе к «Бруту» см.: [24].

Список источников

1. Халтрин-Халтурина Е.В. Шекспировский «Король Лир»: от хроники – к трагедии // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2014. Т. 73, № 4. С. 24–38.
2. Perrett W. The Story of King Lear from Geoffrey of Monmouth to Shakespeare. Berlin : Druck von R. Wagner Sohn, 1904. 308 p.
3. Shakespeare W. The Tragedy of King Lear / ed. Fraser R., with New Dramatic Criticism and an Updated Bibliography. New American Library, 1963. 287 p.
4. Mathey-Maille L. Traduction et création: de l'Historia Regum Britanniae de Geoffroy de Monmouth au Roman de Brut de Wace // Écriture et modes penseé au Moyen Âge : VIIIe–XVe siècles / éd. by D. Boutet, L. Harf-Lancner. Presses de l'Écolenormale supérieure, 1993. P. 187–193.
5. Patch H.R. The Goddess Fortuna in Medieval Literature. Cambridge : Harvard University Press, 1927. 215 p.
6. Mathey-Maille L. Le roi Leir chez Geoffrey de Monmouth et Wace : la naissance d'une figure mythique // Pour une Mythologie du Moyen Àge / éd. by L. Harf-Lancner, D. Boutet. Paris, École normale supérieure des jeunes filles (Collection de l'École normale supérieure des jeunes filles, 41), 1988. P. 99–115.
7. Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain / ed. by M.D. Reeve, trans. N. Wright. Woodbridge : The Boydell Press, 2007. LXXVI, 307 p.
8. Seneca L.A.: In Ten Volumes. Vol. IV: Ad Lucilium Epistulae Morales / With an English trans. by Gummere R. M. Vol. I. Cambridge (Massachusetts) : Harvard University Press, London: William Heinemann LTD, 1925. 486 p.
9. Seneca L.A. Cuestiones Naturales / Revisado y traducido por Merino C.C. Vol. 1. Madrid : Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 1979.361 p.
10. Seneca L.A. Dialogorum libri duodecim / ed. by H.A. Koch Ulma ad Danubium, Wohler, 1884. 339 p.
11. Rosso P. La scuola nel Medioevo. Secoli VI–XV. Roma : Carocci editore, 2018. 312 p.
12. Михайлов А.Д. Книга Гальфрида Монмутского и ее судьба // Гальфрид Монмутский. История Бриттов. Жизнь Мерлина. М. : Наука, 1984. С. 196–227.
13. Blacker J. The Faces of Time: Portrayal of the Past in Old French and Latin Historical Narrative of the Anglo-Norman regnum. Austin : University of Texas Press, 1994. XV, 263 p.
14. Wace's Roman de Brut: a History of the British / trans. J. Weiss. Liverpool University Press, 2005. 416 p.
15. Bright J.W. The "ubi sunt" Formula // Modern Language Notes. 1893. Vol. 8, № 3. P. 187–188.
16. Rutebeuf. Paris : P. Seghers, 1966. 192 p.
17. Horn et Rimenhild: Recueil de qui reste des poëmes relatifs à leurs aventures, composés en françois, en anglois, et en écossois dans le treizième, quatorzième, quinzième et seizième siècles / éd. by F. Mishel. Paris :Bannatyne Club, 1845.LXIV, 464 p.
18. Lydgate's Fall of Princes / ed. by Dr. H. Bergen. Part III. London: Published for the Early English text society by H. Milford, Oxford University Press, 1924. 392 p.
19. Frakes J.C. The Fate of Fortune in the Early Middle ages. The Boethian Tradition. Leiden; New York; København; Köln : E.J. Brill, 1988. 191 p.
20. Боэций. Утешение Философией и другие трактаты / пер. В.И. Уколовой, М.Н. Цейтлина. М. : Наука, 1990. 415 с.
21. Carmina Burana: Mit Benutzung der Vorarbeiten Wilhelm Meyers / kritischhg. v. Alfons Hilka und Otto Schumann. Bd. I. Heidelberg : Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1930. 130 s.
22. Evdokimova L., Dolgorukova N. La subjectivité et le temps chez Wace et Marie de France. Le « je » du poète face au « je » de l'historien // Wace : auteur, créateur, écrivain : actes du colloque de la SERAM, Caen, octobre 2023 / ed. by D. Hue, F. Laurent, M.V. Le Bosse, L. Mathey-Maille. Éditions Paradigme, 2024. P. 101–119.
23. Холлис Дж. Перевал в середине пути. Как преодолеть кризис среднего возраста. СПб. : Питер, 2025. 256 с.
24. Кифишина А.Ф. Средневековый пролог: от Васа к Лайамону // Литературоведческий журнал. 2025. № 2 (68). С. 128–146.
25. Laȝamon Brut. / ed. G.L. Brook, R.F. Lesile. Vol. 1. London; New York; Toronto : Oxford University Press, 1963. 434 p.
26. The Soul's Address to the Body: The Worcester Fragments / ed. by D. Moffat. Colleagues Press, 1987. VIII, 133 p.
27. Die Kildare-gedichte; die ältesten mittelenglischen denkmäler in anglo-irischer überlieferung / von. Dr. W. Heuser. Bonn: P. Hanstein, 1904. VIII, 229 S.
28. Lawamon's Brut / trans. R. Allen. London : J.M. Dent, 1992. 485 p.
29. Johnson L. Reading the Past in Laȝamon's Brut // The Text and Tradition of Laȝamon's Brut / ed. by F. le Saux. Cambridge : D.S. Brewer, 1994. P. 141–160.
30. Le Saux F.H.M. Layamon's Brut: the poem and its sources. Cambridge : D.S. Brewer, 1957. VIII, 244 p.
31. The Story of England by Robert Manning of Brunne, A.D. 1338 / ed. by F.J. Furnivall. London, 1887. xxiii, 454 p.
32. The Southern Version of Cursor Mundi: Vol. 5 / ed. by L.M. Eldredge, A.L. Klinck. University of Ottawa Press, 2000. 320 p.

References

1. Khaltrin-Khalturina, E.V. (2014) Shekspirovskiy "Korol' Lir": ot khroniki – k tragedii [Shakespeare's 'King Lear': from chronicle to tragedy]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka – Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Series of Literature and Language*. 73 (4). pp. 24–38.
2. Perrett, W. (1904) *The Story of King Lear from Geoffrey of Monmouth to Shakespeare*. Berlin: Druck von R. Wagner Sohn. 308 p.
3. Shakespeare, W. (1963) *The Tragedy of King Lear*, ed. by R. Fraser. New American Library. 287 p.
4. Mathey-Maille, L. (1993) Traduction et création: de l'Historia Regum Britanniae de Geoffrey de Monmouth au Roman de Brut de Wace. In: Boutet, D. & Harf-Lancner, L. (eds) *Écriture et modes penseé au Moyen Âge : VIIIe–XVe siècles*. Presses de l'École normale supérieure. pp. 187–193.
5. Patch, H.R. (1927) *The Goddess Fortuna in Medieval Literature*. Cambridge: Harvard University Press. 215 p.
6. Mathey-Maille, L. (1988) Le roi Leir chez Geoffrey de Monmouth et Wace : la naissance d'une figure mythique. In: Harf-Lancner, L. & Boutet, D. (eds) *Pour une Mythologie du Moyen Âge*. Paris: École normale supérieure des jeunes filles. pp. 99–115.
7. Geoffrey of Monmouth. (2007) *The History of the Kings of Britain*, ed. by M.D. Reeve, trans. by N. Wright. Woodbridge: The Boydell Press. LXXVI, 307 p.
8. Seneca, L.A. (1925) *Ad Lucilium Epistulae Morales*, trans. by R.M. Gummere. Vol. I. Cambridge (Massachusetts): Harvard University Press; London: William Heinemann LTD. 486 p.
9. Seneca, L.A. (1979) *Cuestiones Naturales*, revisado y traducido por C.C. Merino. Vol. 1. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas. 361 p.
10. Seneca, L.A. (1884) *Dialogorum libri duodecim*, ed. by H.A. Koch. Ulma ad Danubium: Wohler. 339 p.
11. Rosso, P. (2018) *La scuola nel Medioevo. Secoli VI–XV*. Roma: Carocci editore. 312 p.
12. Mikhaylov, A.D. (1984) Kniga Gal'frida Monmutskogo i eyë sud'ba [Geoffrey of Monmouth's book and its fate]. In: *Gal'frid Monmutskiy. Istoriya Brittov. Zhizn' Merlina* [Geoffrey of Monmouth. History of the Britons. Life of Merlin]. Moscow: Nauka. pp. 196–227.
13. Blacker, J. (1994) *The Faces of Time: Portrayal of the Past in Old French and Latin Historical Narrative of the Anglo-Norman regnum*. Austin: University of Texas Press. XV, 263 p.

14. Weiss, J. (trans.) (2005) *Wace's Roman de Brut: a History of the British*. Liverpool University Press. 416 p.
15. Bright, J.W. (1893) The "ubi sunt" Formula. *Modern Language Notes*. 8 (3). pp. 187–188.
16. *Rutebeuf*. (1966) Paris: P. Seghers. 192 p.
17. Mishel, F. (ed.) (1845) *Horn et Rimenhild: Recueil de qui reste des poèmes relatifs à leurs aventures, composés en françois, en anglais, et en écossois dans le treizième, quatorzième, quinzième et seizième siècles*. Paris: Bannatyne Club. LXIV, 464 p.
18. Bergen, H. (ed.) (1924) *Lydgate's Fall of Princes*. Part III. London: Published for the Early English Text Society by H. Milford, Oxford University Press. 392 p.
19. Frakes, J.C. (1988) *The Fate of Fortune in the Early Middle Ages. The Boethian Tradition*. Leiden; New York; København; Köln: E.J. Brill. 191 p.
20. Boethius. (1990) *Utesheniye Filosofiyevy i drugiye traktaty* [The Consolation of Philosophy and Other Treatises], trans. by V.I. Ukolova & M.N. Tseytlin. Moscow: Nauka. 415 p.
21. Hilka, A. & Schumann, O. (eds) (1930) *Carmina Burana: Mit Benutzung der Vorarbeiten Wilhelm Meyers*. Bd. I. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung. 130 p.
22. Evdokimova, L. & Dolgorukova, N. (2024) La subjectivité et le temps chez Wace et Marie de France. Le "je" du poète face au "je" de l'historien. In: Hue, D., Laurent, F., Le Bosse, M.V. & Mathey-Maille, L. (eds) *Wace : auteur, créateur, écrivain : actes du colloque de la SERAM, Caen, octobre 2023*. Éditions Paradigme. pp. 101–119.
23. Khollis, Dzh. (2025) *Pereval v seredine puti. Kak preodolet' krizis srednego vozrasta* [The Middle Passage: Overcoming the Midlife Crisis]. St. Petersburg: Piter. 256 p.
24. Kifishina, A.F. (2025) Srednevekovyy prolog: ot Vasa k Layamonu [The medieval prologue: from Wace to Layamon]. *Literaturovedcheskiy zhurnal – Literary Studies Journal*. 2 (68). pp. 128–146.
25. Brook, G.L. & Leslie, R.F. (eds) (1963) *Layamon: Brut*. Vol. 1. London; New York; Toronto: Oxford University Press. 434 p.
26. Moffat, D. (ed.) (1987) *The Soul's Address to the Body: The Worcester Fragments*. Colleagues Press. VIII, 133 p.
27. Heuser, W. (ed.) (1904) *Die Kildare-gedichte; die ältesten mittelenglischen denkmäler in anglo-irischer überlieferung*. Bonn: P. Hanstein. VIII, 229 p.
28. Allen, R. (trans.) (1992) *Lawamon's Brut*. London: J.M. Dent. 485 p.
29. Johnson, L. (1994) Reading the Past in Layamon's Brut. In: le Saux, F. (ed.) *The Text and Tradition of Layamon's Brut*. Cambridge: D.S. Brewer. pp. 141–160.
30. Le Saux, F.H.M. (1957) *Layamon's Brut: the poem and its sources*. Cambridge: D.S. Brewer. VIII, 244 p.
31. Furnivall, F.J. (ed.) (1887) *The Story of England by Robert Manning of Brunne, A.D. 1338*. London. xxiii, 454 p.
32. Eldredge, L.M. & Klinck, A.L. (eds) (2000) *The Southern Version of Cursor Mundi: Vol. 5*. University of Ottawa Press. 320 p.

Информация об авторах:
Долгорукова Н.М. – канд. филол. наук, PhD, доцент факультета креативных индустрий, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: natalia.dolgoroukova@gmail.com
Кифишина А.Ф. – студент школы филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: anastasiakifishina@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
N.M. Dolgorukova, Cand. Sci. (Philology), PhD, associate professor, HSE University (Moscow, Russian Federation). E-mail: natalia.dolgoroukova@gmail.com
A.F. Kifishina, student, HSE University (Moscow, Russian Federation). E-mail: anastasiakifishina@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.11.2025;
одобрена после рецензирования 14.01.2026; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 26.11.2025;
approved after reviewing 14.01.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/527/4

Интермедиальная и читательская рецепция романа «Анна Каренина» в Китае

Су Хун[1]

[1] *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, xiangyang0614@gmail.com*

Аннотация. Исследуется интермедиальная и читательская рецепция романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» в китайском культурном контексте. На материале ключевых адаптаций романа в различных медиа и данных платформы рецензий на книги «Доубань» анализируются стратегии культурного посредничества и восприятие текста аудиторией. Показано, что актуальность классики обеспечивается её интермедиальной динамикой, реализующей диалог между иностранным произведением, локальной культурой и запросами аудитории.
Ключевые слова: роман «Анна Каренина», Л.Н. Толстой, читательская рецепция, интермедиальная рецепция, классическая литература, аудиокнига, Китай

Для цитирования: Су Хун. Интермедиальная и читательская рецепция романа «Анна Каренина» в Китае // Вестник Томского государственного университета. 2026. № 527. С. 32–39. doi: 10.17223/15617793/527/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/527/4

Intermedial and reader reception of the novel *Anna Karenina* in China

Su Hong[1]

[1] *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, xiangyang0614@gmail.com*

Abstract. This study presents a comprehensive analysis of the intermedial and reader reception of Leo Tolstoy's novel *Anna Karenina* within the Chinese sociocultural context. The aim of the work is to systematically identify the mechanisms behind the enduring cultural relevance of foreign classics by forming and describing a holistic picture of their existence within a foreign cultural media landscape. The research material comprises a corpus of key adaptations of "Anna Karenina" produced in China during the 20th and 21st centuries: translation activities, theatrical productions, cinematographic adaptations (the 1955 film), television adaptations (dubbing of the BBC series, 1982), a musical (2022), and digital audiobooks. The empirical base consists of data from the book review platform "Douban"–over 8,200 detailed comments by Chinese readers on the novel. The methodological foundation is based on complementary approaches: intermedial analysis to study the strategies of translation and adaptation of the literary text across various media; historical-cultural and contextual analysis to examine adaptations in connection with stages of China's sociocultural development; content analysis and qualitative data analysis to systematize reader reviews and identify specific features of the novel's perception. The research process consists of two main parts. The first part provides an analysis of the novel's intermedial transformations, tracing the evolution of cultural mediation strategies–from radical cultural transplantation and linguistic-cultural mediation to contemporary practices aimed at young audiences and the digital environment. The second part is devoted to analyzing the novel's reception by the contemporary digital audience on the "Douban" platform. Three key aspects are identified: polarized interpretations of the character Anna Karenina; comparative analysis of translations, reflecting a diversification of reader expectations; and the selective reception of Tolstoy's personality and ideas. Specific attention is given to a layer of critical remarks concerning formal aspects of the text, as well as to the recorded phenomenon of hybrid (polymedia) perception. The results of the study demonstrate that the sustained relevance of the novel in China is determined by its dynamic intermedial life. The multiplicity of media embodiments creates a synergistic effect and fosters a continuous cultural dialogue on three levels: with the source text, with the receiving cultural tradition, and with the media logic of the era. This process ensures the constant actualization of the classic work within a polymedia environment, highlighting the key role of intermedial storytelling in disseminating literary heritage.
Keywords: novel "Anna Karenina", Leo Tolstoy, reader reception, intermedial reception, classic literature, audiobook, China

***For citation*:** Su Hong. (2026) Intermedial and reader reception of the novel *Anna Karenina* in China. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 527. pp. 32–39. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/527/4

Введение

Подлинная жизнь классического литературного произведения протекает не только в эпоху его создания, но и в непрерывном процессе его прочтений и интерпретаций, что раскрывает динамическую природу текста. Как отмечает А.Н. Ковылкин, «литературное произведение не существует отдельно от его читателя, каждое прочтение аутентично.

Чтение – это всегда диалог, встреча читателя и литературного произведения» [1. С. 44]. Когда данный диалог происходит в инокультурной среде, он обретает

© Су Хун, 2026

качественно новое измерение, многократно усложняясь. Его опосредуют перевод, иные эстетические традиции и социальные контексты, благодаря чему изначальное общение автора с современниками трансформируется в многоголосие межкультурной коммуникации. Судьба классических текстов за пределами их порождающей культуры представляет особый интерес для рецептивной эстетики, а изучение их рецепции за рубежом сохраняет актуальность в современной филологической науке. В последние десятилетия стремительное развитие медиатехнологий создало принципиально новые условия для взаимодействия читателя с текстом, что открывает новый ракурс для изучения данной рецепции.

Развитие медиатехнологий привело к существенной трансформации способов рецепции классики. На смену традиционному книжному чтению пришли многообразные форматы, включая аудиовизуальные экранизации, театральные постановки, мюзиклы и аудиокниги. Этот переход от мономедийного текста к полимедийным и интерактивным формам соответствует общим тенденциям современной культуры, для которой характерно то, что «при создании произведения комбинируются текст, зрительный образ и звук, с целью обеспечения одновременного воздействия на разные органы чувств» [2. С. 457]. Такие интермедиальные практики коренным образом меняют характер диалога между классическим произведением и современной аудиторией, обогащая палитру восприятия.

Иллюстрацией этой медийной трансформации рецепции и одновременно – репрезентативным объектом для её изучения – выступает роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (1873–1877). Значительный исследовательский потенциал данного произведения обусловлен более чем столетней историей его рецепции в Китае. С момента своего первого появления в начале XX в. и по настоящее время роман неизменно привлекает внимание китайской аудитории, порождая многообразные интерпретации. Несмотря на значительный объём исследований, посвящённых «Анне Карениной» в Китае, большинство из них традиционно сосредоточено на имманентных аспектах текста, таких как анализ философских идей, персонажей или нарративной структуры. Систематическое изучение интермедиальной истории рецепции данного произведения, а также комплексный анализ его восприятия современной китайской аудиторией в условиях кроссмедийной среды остаются лакуной в исследованиях. Научная новизна настоящего исследования заключается в ликвидации указанной лакуны посредством интеграции междисциплинарного интермедиального анализа с исследованием читательской рецепции на современном цифровом материале. Такой подход позволит сформировать целостную картину бытования классического текста в медийном пространстве Китая.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи: во-первых, выявить и систематизировать корпус интермедиальных адаптаций романа «Анна Каренина» в китайском культурном пространстве; во-вторых, на материале выявленных адаптаций проанализировать ключевые стратегии их культурной адаптации и трансляции, а также механизмы взаимодействия с аудиторией; в-третьих, на основе анализа данных с цифровой платформы рецензий «Доубань» проанализировать особенности восприятия романа современной китайской аудиторией в условиях полимедийной среды.

Основная часть

«Перевод – акт межъязыковой коммуникации: при переводе имеет место не только контакт двух языков, но и соприкосновение двух культур» [3. С. 208]. Данный тезис в полной мере применим к рецепции романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» в Китае, начавшейся именно с переводческой деятельности. Первый китайский перевод романа был опубликован в Шанхае в 1917 г. К настоящему времени насчитывается не менее 50 переводческих версий данного произведения, что свидетельствует о его непреходящем значении для китайской культуры. Перевод выступает не просто лингвистическим трансфером, а первичным и ключевым механизмом культурной адаптации. Качественный перевод выполняет роль медиатора, обеспечивающего баланс между аутентичностью литературного духа оригинала и его гармонизацией с эстетическими ожиданиями и нормами принимающей культуры. Именно через перевод сформировался первичный образ данного романа для китайской аудитории, была создана основа для всех последующих интерпретаций и интермедиальных трансформаций.

На переводческой основе и в русле общей эволюции медиасреды начался процесс адаптации в иных, нелитературных форматах, ознаменовавший переход от мономедийного чтения к полимедийному восприятию. Одним из первых искусств, осуществивших эту трансформацию в отношении «Анны Карениной» в китайском культурном пространстве, стал театр. Пионерской работой в этой области стала театральная адаптация, созданная китайским писателем Дуаньму Хунляном (端木蕻良, 1912–1996) в 1945 г. и опубликованная в 1946 г. в «Уханьской ежедневной газете». Его пятиактная пьеса «Анна Каренина», сочетавшая верность основному сюжету с элементами китаизации, считается первой нелитературной адаптацией данного романа в Китае [4. С. 105].

Данная адаптация тесно связана с творческими исканиями и мировоззренческими ориентирами Дуаньму Хунляна в 1940-е гг. Для многих его произведений этого периода характерны глубокие философские размышления о жизни, смерти, судьбе, а также обострённое внимание к положению и судьбе китайской женщины, к общечеловеческим вопросам нравственности. Эти интеллектуальные и этические устремления автора оказываются созвучными тем проблемам, которые поднимал и осмыслял Л.Н. Толстой в романе «Анна Каренина». Примечательно авторское прочтение образа героини: как отмечал Дуаньму Хунлян, Анна представлялась ему «типичной восточной женщиной, возможно, очень близкой к китайским женщинам» [5. С. 399], а сила Толстого, по его мнению, заключалась в умении «использовать самые нежные мысли женщины, чтобы измерить истину» [5. С. 399].

Такая ранняя интерпретация задала определенный вектор осмысления героини через призму локальных культурных ценностей.

Развитие театральной рецепции «Анны Карениной» в Китае демонстрирует эволюцию от ранней адаптации к современной. Ярким примером стратегий сценической адаптации XXI в. стал спектакль китайского режиссёра Ян Тин «Моя сестра, Анна» (кит. «我的妹妹，安娜») (2015). Ключевым нарративным приёмом в данной постановке является смена перспективы: история подаётся через призму восприятия Стивы Облонского, брата Анны. Подобный приём позволяет дистанцироваться от прямой моральной оценки героини, придавая трагедии трагикомическое звучание и делая классический сюжет более доступным для современного китайского зрителя. Культурная адаптация проявляется также на уровне интертекстуальности: в начале и в конце спектакля дважды звучит песня, созданная на основе одноимённого стихотворения А.С. Пушкина «Что в имени тебе моём?». Как пояснила режиссёр, этот выбор был продиктован стремлением «отдать дань уважения Толстому и Пушкину» [6], а сама постановка, по её словам, была призвана создать удобный мост между молодой аудиторией и традиционной классической литературой, даже если такая адаптация не может претендовать на всеобъемлющую передачу оригинала.

В условиях меняющейся медиасреды кинематограф утвердился в качестве одного из важнейших способов репрезентации и распространения литературного наследия. Будучи визуальным искусством, кино преобразует нарративную ткань и абстрактные художественные ценности литературного текста в конкретные аудиовизуальные образы, предлагая зрителю принципиально иной эстетический опыт [7. С. 63]. Следует отметить, что киноадаптация представляет собой не просто иллюстрацию, а интермедиальную трансформацию, порождающую новый самостоятельный текст. Этот новый текст, в свою очередь, конституирует и новые смыслы, являясь результатом переосмысления оригинала в ином историко-культурном и социальном контексте.

Яркой иллюстрацией такого интермедиального преобразования служит судьба романа «Анна Каренина» в мировом и, в частности, китайском кинематографе. Он занимает особое место в мировой кинематографической традиции. За всю историю кино он был экранизирован 29 раз в 11 странах, что относит его к числу самых востребованных для адаптации литературных произведений [8. С. 105]. В китайском кинематографе единственной полномасштабной киноадаптацией романа оставался фильм 1955 г. «Разбитая весенняя мечта» (кит.《春残梦断»), снятый в Гонконге.

Данная лента, снятая режиссёром и сценаристом Ли Чэньфэном, служит ярким примером стратегии полной культурной трансплантации. Сохраняя каркас основного сюжета, фильм переносит действие в эпоху Китайской Республики в Гонконге и подвергает персонажей тотальной китаизации: Анна становится Пан Анной, Каренин – властным бизнесменом Чэнь Кэле, Вронский – Ван Цзишу. Трагедия героини также переосмысливается в духе локальной традиции: если у Толстого Анна – мятежница, осознанно бросающая вызов условностям, то Пан Анна представлена как «канарейка в клетке» [9. С. 44] – жертва патриархального уклада, чья жизненная энергия подавлена. Встреча с бывшим возлюбленным пробуждает в ней чувства, но не волю к действию: она остаётся в рамках традиционных супружеских добродетелей, подавляя влечение. Её изгнание из дома мужем предстаёт скорее следствием фатального недоразумения и социального лицемерия, нежели результатом её собственного выбора.

В фильме радикальное отличие судьбы китайской героини от судьбы Анны Карениной обусловлено не столько разницей в характерах, сколько глубинными различиями в социальных ценностях, национальной психологии и этических системах двух культур. Российская аристократка борется за личное счастье, преступая социальные нормы, в то время как трагедия Пан Анной в Гонконге коренится в вынужденном подчинении этим нормам, в невозможности выйти за границы традиционной этики и дозволенного приличия. Такая адаптационная стратегия, характерная для своего времени, в 1950-е гг., в эпоху Китайской Республики, под влиянием традиционных китайских этических ценностей, предполагающих выражение эмоций в рамках приличий, изображение человеческой мысли и действий персонажей в фильме оставалось строго в рамках приличий. Благодаря китаизированной этической нарративизации, западная классика была превращена в локальную трагедию. Достигнутая культурная и темпоральная близость к аудитории сделала фильм знаковым произведением, синтезировавшим драматическую напряжённость оригинала с местным колоритом, и открыла новую веху в интерпретации Толстого для китайского зрителя.

Значимым этапом в популяризации романа «Анна Каренина» в Китае стала телетрансляция. Широкую известность произведению и его главной героине среди массовой китайской аудитории принесла демонстрация на Центральном телевидении Китая в 1982 г. дублированной версии одноимённого телесериала BBC (1977). Этот проект, осуществлённый совместно с Шанхайской студией дубляжа, совпал по времени с переизданием ключевых переводов романа: «Время дубляжа примерно совпадает со временем, когда Народное литературное издательство переиздало перевод Чжоу Яна и Се Сутай в марте 1981 г., а Шанхайское издательство переводов опубликовало перевод Цао Ина в апреле 1982 года» [10. С. 48]. Как мы знаем, с началом «культурной революции» в 1966 г. в Китае было запрещено восприятие иностранной литературы, включая русскую, до введения политики открытости и реформ в 1978 г. Трансляция иностранных сериалов Центральным телевидением стала частью более широкого культурного процесса возвращения мировой классики в Китай в 1980-е гг.

При этом стратегия данной адаптации заключалась не в создании нового текста, а в скрупулёзном лингвокультурном посредничестве. Высококачественный

дубляж, обеспечивавший художественную целостность оригинала, сделал сложное литературное произведение доступным для самой широкой аудитории. Изначальный показ без субтитров, впоследствии исправленный с развитием технологий, отражает эволюцию технических условий рецепции. Своей беспрецедентной эффективностью и охватом данная телетрансляция обязана совокупности факторов. К ним относятся: во-первых, приуроченность к периоду празднования китайского Нового года – времени, когда телевидение становится фокусом семейного досуга; во-вторых, большая доступность и массовость телевидения по сравнению с другими медиа в Китае 1980-х гг.; в-третьих, активная поддержка в печатных СМИ, о чём свидетельствует тот факт, что «во время трансляции сериала “Пекинская вечерняя газета” ежедневно публиковала программу передач и краткое содержание каждой серии. После показа телесериала “Анна Каренина” распространение оригинального романа в Китае значительно усилилось» [11].

Продолжая анализ интермедиальных трансформаций, следует обратиться к мюзиклу как синтетической форме рецепции романа «Анна Каренина» в Китае. Будучи синтетическим видом искусства, мюзикл актуализирует эмоциональные конфликты произведения преимущественно через музыкально-драматическое выражение. Данный формат, обладающий значительным аудиовизуальным воздействием и иммерсивным потенциалом, ориентирован, в том числе, на привлечение молодой аудитории. В 2022 г., к 145-летию публикации романа, в Шанхайском большом театре была представлена его китайская версия, что позволяет рассмотреть конкретные стратегии данной адаптации.

Адаптационная стратегия постановки была выражена в последовательной визуальной репрезентации «русской эстетики» посредством костюмов, декораций и хореографии. При этом ключевые философские темы оригинала (любовь и смерть, свобода и судьба) были сохранены, что обеспечило их узнаваемость и эмоциональный отклик у местной публики. Особую роль в процессе локализации сыграла работа с текстом. Как указывалось творческой группой, в частности литературным консультантом и руководителем перевода Лю Вэньфэем (кит. 刘文飞), известным переводчиком русской литературы и председателем Китайской ассоциации по исследованию русской литературы, целью адаптации являлось максимальное сохранение поэтической сущности оригинала при одновременном выделении и усилении элементов русской музыкальной традиции. Для минимизации смысловых потерь и адаптации к восприятию китайской аудитории либретто подверглось многократному обсуждению и тщательной доработке.

Важным фактором легитимации данной адаптации стала стратегия прямого сотрудничества с правообладателями и создателями оригинальной российской постановки. Спектакль был реализован не только силами китайской творческой группы, но и при эксклюзивном разрешении российских продюсеров, при участии членов оригинальной российской постановочной команды для обеспечения стилистической цельности. В освещении прессы и в восприятии значительной части аудитории подчеркивались верность постановки первоисточнику и успешное воссоздание русского колорита. Таким образом, данная интермедиальная трансформация, в отличие от стратегии полной культурной трансплантации (как в фильме «Разбитая весенняя мечта» 1955 года), сделала акцент на демонстрации культурной аутентичности. Это не только способствовало актуализации романа для новой аудитории в формате музыкального театра, но и послужило каналом для повышения интереса к современным российским культурным продуктам в Китае.

Завершающим звеном в рассматриваемом интермедиальном спектре выступает аудиокнига – форма рецепции, возникшая благодаря развитию цифровых технологий. Данный формат, трансформирующий письменный текст в звуковое повествование, соответствует фрагментированному и мобильному образу жизни, позволяя интегрировать литературу в повседневные контексты, такие как поездки или выполнение домашних дел. Это расширяет аудиторию классики, включая тех, кто испытывает дефицит времени для традиционного чтения, но сохраняет потребность в культурном потреблении.

В Китае ключевую роль в распространении литературной классики в аудиоформате играют специализированные онлайн-платформы, такие как Himalaya FM[1]. На этой платформе роман «Анна Каренина» представлен многочисленными аудиоверсиями на китайском, английском и русском языках. Наиболее популярной является озвучка китайского диктора Яньци, что подтверждается количественными показателями: на момент исследования совокупное количество прослушиваний достигло 21,94 млн, число подписчиков – 266 тыс., а рейтинг одобрения – 93%.

Анализ данной версии выявляет характерные редакторские стратегии. К ним относятся краткое введение, освещающее биографию автора и историю создания произведения, а также использование фоновой музыки для усиления эмоционального воздействия. Следует отметить, что применение музыки вызвало полярные оценки среди слушателей: часть аудитории отмечала её положительную роль в снижении монотонности текста и углублении погружения, тогда как другие указывали на чрезмерную громкость, которая, по их мнению, отвлекает внимание и затрудняет восприятие текста. В своей совокупности эти стратегии формируют аудиокнигу как стратегическую интермедиальную трансформацию, которая адаптирует классический текст к логике современного медиапотребления. Она не только технически облегчает доступ к произведению, но и через комплекс редакторских и звуковых решений конструирует особый режим его восприятия, окончательно интегрируя «Анну Каренину» в цифровой ландшафт Китая и закрепляя её присутствие в новой аудиторной нише.

Проведённый анализ интермедиальных трансформаций романа «Анна Каренина» в Китае позволяет констатировать, что последовательная адаптация про-

изведения в различных медиа – театр, кино, телевидение, мюзикл, аудиокниги – обеспечила его непрерывную культурную релевантность. Каждая из этих форм, отвечая медийным и социокультурным запросам своей эпохи, способствовала не только сохранению, но и постоянной актуализации классического текста. Данный процесс создал необходимый контекст для исследования его ключевого звена – непосредственного восприятия современной цифровой аудиторией, данные о котором репрезентативно представлены на специализированных онлайн-платформах.

В качестве источника для такого анализа читательской рецепции было избрано сообщество «Доубань» (кит. 豆瓣) – одна из крупнейших в Китае платформ для рецензий на книги, фильмы и музыку. В разделе «Доубань чтение» среди многочисленных переводов романа версия Цао Ина выделяется высокой популярностью. Этот перевод, впервые опубликованный в 1982 г. и переизданный 14 раз, в особенности изданием 2007 г. (Шанхайское издательство литературы и искусства), демонстрирует исключительные пользовательские показатели: совокупный рейтинг 9,2 из 10, 35 172 оценки (более 65,1% из которых – высший балл), а также 8 284 развёрнутых текстовых комментария. Качественный анализ этих комментариев показывает, что 91% из них носят положительный характер, в то время как 3% содержат критическую оценку.

Проведённый анализ корпуса комментариев выявляет три ключевых аспекта, концентрирующих внимание китайских читателей. Первый аспект касается интерпретации центрального образа романа – Анны Карениной. В читательских отзывах чётко прослеживаются две доминирующие и зачастую противоположные интерпретационные модели в современном китайском читательском сообществе.

Первая модель может быть определена как социально-критическая или феминистская интерпретация. В её рамках трагедия героини осмысливается преимущественно через призму гендерного неравенства и давления патриархальных социальных структур. Анна предстаёт жертвой общества, а её поступки – формой стихийного бунта или раннего пробуждения женского самосознания. Так, пользователь yanyan (2022) видит в её судьбе универсальный символ борьбы: «Её переживания позволяют читателям глубоко понять положение женщин... служат ориентиром: женщины не должны поддаваться, а должны быть сами себе хозяйками» [12]. Пользователь little (2020) напрямую связывает гибель героини с её положением «искренней женщины в аристократическом обществе при патриархальной системе, где самоубийство трактуется как единственно возможный исход» [13]. Данная перспектива часто резонирует с актуальными дискуссиями о независимости, что иллюстрируется, например, тезисом о необходимости для женщин «независимой личности и независимой экономической основы» [14].

Вторая модель фокусируется на индивидуально-этической и психологической оценке персонажа, возлагая основную ответственность за трагедию на личностные качества Анны. В рамках этой модели акцент смещается с социальной детерминации на анализ таких воспринимаемых недостатков, как эгоизм и эмоциональная незрелость. Так, в одном из комментариев героиня критикуется за отсутствие жизненной мудрости и рефлексии: «Глупые люди никогда не видят счастья в своих собственных руках» [15], при этом особо отмечается её отношение к дочери. В другом отзыве содержится обобщающий вывод о том, что роман предостерегает против того, чтобы «становиться человеком, в голове которого только любовь» [16].

Вторым ключевым аспектом читательской рецепции является сравнительный анализ переводов, который в дискурсе платформы выступает как существенный фактор, конституирующий эстетический опыт от знакомства с текстом. В обсуждениях активно сопоставляются несколько канонических китайских версий, прежде всего переводы Цао Ина, Чжоу Яна и Се Сутай, а также версии Ли Гана и Юй Давэя.

Критика и сравнение переводов структурируются вокруг трёх основных критериев: языкового стиля, точности передачи оригинала и художественной целостности пересоздания. Перевод Цао Ина, занимающий лидирующую позицию по популярности, высоко оценивается за плавность и естественность языка, которые создают эффект отсутствия перевода. Вместе с тем в отношении этой версии звучит и критика, указывающая на определённые сокращения, упрощения и семантические потери по сравнению с оригиналом. Такая полемика репрезентирует глубинную диверсификацию читательских ожиданий. Одна часть аудитории приоритизирует в переводе лёгкость восприятия и лингвистическую гармонию, адаптирующие текст к нормам принимающего языка. Другая – настаивает на максимально полной и буквальной текстуальной верности, видя в этом условие аутентичного соприкосновения с оригиналом. Споры вокруг переводов выводят на поверхность фундаментальную напряжённость, имманентную восприятию иностранной классики: постоянный поиск баланса между адаптацией текста для целевой аудитории и сохранением его культурной инаковости. Следовательно, роль переводчика оказывается решающей в практической реализации данного выбора между культурной адаптацией и сохранением аутентичности.

Третий аспект касается восприятия личности Л.Н. Толстого и его идей, интерпретируемых читателями через художественный мир романа. Большинство комментариев единодушно признают литературное мастерство писателя, высоко оценивая гуманистический пафос и глубину психологического анализа, что выражается, например, в характеристике: «Мастерство мастера заключается в его понимании человеческой природы и жизни» [17]. Однако наряду с этим отмечается действие культурного фильтра, который опосредует усвоение сложных идейных пластов текста. Наиболее очевидно это проявляется в отношении религиозно-философской составляющей произведения. Так, один из читателей, комментируя этот аспект, указывает: «Религиозные взгляды Толстого были наивны; возможно, в их культуре этическое воспитание и религия были тесно переплетены» [18].

Что касается содержания критических отзывов, то они указывают на ряд формальных и воспринимательных сложностей. Наиболее часто среди упоминаемых препятствий – значительный объём текста, трудности с запоминанием русских имён, замедленный темп повествования и обилие детальных психологических описаний.

Важным сопутствующим наблюдением является практика конвергентного медиапотребления. Часть читателей комбинирует чтение романа с просмотром его экранизаций, выстраивая таким образом единый интерпретационный процесс. Эта практика выражается, например, в рекомендации сочетать текст с определённой киноверсией: «Сюжет романа очень хорош, и его идеально читать вместе с фильмом, вышедшим в 2012 году» [19]. Другой пользователь подчёркивает ценность многократного обращения к произведению в разных форматах: «Классика остаётся классикой потому, что в ней всегда можно найти что-то новое, независимо от того, когда вы её смотрите. Я посмотрел три версии фильма и прочитал книгу» [20]. В подобных случаях экранная адаптация выступает не в роли замены, а в качестве визуального комментария и эмоционального резонатора литературного оригинала. Это позволяет аудитории конструировать собственные, комплексные траектории взаимодействия с классическим сюжетом.

Заключение

Проведенное исследование интермедиальной и читательской рецепции романа «Анна Каренина» в Китае позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, рецепция классического текста в инокультурной среде предстаёт не как пассивное усвоение, а как активный процесс многократной трансляции и перекодировки, опосредованный различными медиаформатами. Каждый этап адаптации – от первых переводов начала XX века до современных аудиокниг и мюзиклов – вырабатывал свою стратегию сближения с китайской аудиторией, балансируя между стремлением к аутентичности и необходимостью культурной гармонизации.

Во-вторых, интермедиальная трансформация романа «Анна Каренина» в Китае выступает формой непрерывного культурного диалога. Этот диалог реализуется на нескольких уровнях: во-первых, как диалог с исходным текстом, где стратегии варьируются от радикальной культурной трансплантации, примером которой служит фильм «Разбитая весенняя мечта», до тщательного лингвокультурного посредничества и демонстрации «эстетики оригинала», как в дубляже сериала BBC и шанхайском мюзикле; во-вторых, как диалог с принимающей культурой, проявляющийся в нарративных механизмах китаизации, таких как этическое переосмысление образа Анны в фильме 1955 г. или использование пушкинского интертекста в спектакле 2015 г. для создания моста к русской классике; и, в-третьих, как диалог с медийной спецификой и аудиторными ожиданиями эпохи, что отражается в эволюции выбора формата – от массовизации через телевидение в 1980-е гг. до ориентации на молодую аудиторию через мюзикл и интеграции в повседневность через аудиокниги.

В-третьих, анализ восприятия современной цифровой аудиторией на платформе «Доубань» показывает, как этот диалог преломляется в читательском сознании. Роман сохраняет роль катализатора дискуссий на актуальные темы, такие как гендер, мораль и свобода, а полярность в оценках образа Анны Карениной отражает её реинтерпретацию через призму современных социальных дебатов. При этом формируется гибридный читательский опыт: восприятие литературного текста обогащается за счёт взаимодействия с его экранными или сценическими версиями, что подтверждает синергетический эффект интермедиального присутствия произведения. Одновременно фокус части читательской рефлексии на таких технических аспектах, как перевод, объём и темп, указывает на вызовы, которые цифровая эпоха ставит перед традиционным углублённым чтением, актуализируя проблему адаптации классики к новым паттернам медиапотребления.

Таким образом, устойчивое присутствие «Анны Карениной» в китайском культурном пространстве обусловлено её динамической интермедиальной жизнью. Множественность медийных воплощений создаёт не иерархию, а сеть взаимодополняющих интерпретаций, каждая из которых актуализирует разные грани произведения для различных аудиторных сегментов. Этот процесс, в котором русская литературная классика и китайская культурная традиция вступают в сложное взаимодействие, обеспечивает роману Толстого статус живого и востребованного культурного феномена в современном Китае.

Примечания

[1] Himalaya – это комплексная аудиоплатформа, которая предлагает широкий спектр контента, включая подкасты, аудиокниги, музыку и живые радиопередачи.

Список источников

1. Ковылкин А.Н. Литературное произведение и проблема рецепции // Вестник Башкирского университета. 2007. Т. 12, № 3. С. 43–46.
2. Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. М. : Intrada, 2004. 559 с.
3. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М. : Изд-во УРАО, 2000. 208 с.
4. Фэн Цингуй. Исследование четырнадцати утраченных сочинений Дуаньму Хунляна // Маньчжурские исследования. 2021. № 3. С. 101–106.
5. Дуаньму Хунлян. Анна Каренина // Собрание сочинений Дуаньму Хунляна. Пекин : Пекинское издательство, 2009. Т. 5.
6. Чжан Тин. [Драматическая история] «Моя сестра Анна»: альтернативная «дань уважения» классике Толстого // Новости искусства Китая. 25 октября 2014 г. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MjM5MDEzNTg0OQ==&mid=200608876&idx=2&sn=3aeefa5031633d536ac84f524e3f49d5&chksm=2848cf2a1f3f463cb0df4a933f589c13617cca48653eb415994f8c82175fe305ace1f1b6467c&scene=27 (дата обращения: 20.01.2026).

7. Ли Бо. Исследование пути экранизации и литературной канонизации // Кинолитература. 2025. № 11. С. 60–64.
8. Го Дунся. Современное переосмысление судьбы выдающихся женщин: о классическом пересказе телесериала «Анна Каренина» // Молодые писатели. 2023. № 7. С. 105–107.
9. Сан Синьмэй. Об экранизации «Анны Карениной» : магистерская диссертация. Шаньдунский университет, 2011.
10. Лю Цзялинь. Отсутствие и присутствие: воспроизведение и исследование интерпретации истории Анны Карениной // Китайская сравнительная литература. 1997. № 3. С. 39–52.
11. Ян Цинхуа. К 145-летию со дня выхода в свет «Анны Карениной»: трагедия Анны, трагедия времени // Пекинские вечерние новости. 25.03.2022. URL: https://news.bjd.com.cn/2022/03/25/10060540.shtml (дата обращения: 20.01.2025).
12. Пользователь Яньянь. Отзывы романа «Анна Каренина» // Доубань. Чтение : [Китайский веб-сайт обзоров книг]. 2022. URL: https://book.douban.com/subject/2253380/comments/?start=20&limit=20&status=N&sort=score (дата обращения: 15.01.2025).
13. Пользователь little. Отзывы романа «Анна Каренина» // Доубань. Чтение : [Китайский веб-сайт обзоров книг]. 2020. URL: https://book.douban.com/subject/2253380/comments/?start=200&limit=20&status=N&sort=score (дата обращения: 15.01.2025).
14. Пользователь Кайкадинчэчэдэхун. Отзывы романа «Анна Каренина» // Доубань. Чтение : [Китайский веб-сайт обзоров книг]. 2020. URL: https://book.douban.com/subject/2253380/comments/?start=360&limit=20&status=N&sort=score (дата обращения: 15.01.2025).
15. Пользователь Дачжэньцзыр. Отзывы романа «Анна Каренина» // Доубань. Чтение : [Китайский веб-сайт обзоров книг]. 2022. URL: https://book.douban.com/subject/2253380/comments/?start=160&limit=20&status=P&sort=score (дата обращения: 15.01.2025).
16. Пользователь Субтропическая депрессия. Отзывы романа «Анна Каренина» // Доубань. Чтение : [Китайский веб-сайт обзоров книг]. 2024. URL: https://book.douban.com/subject/2253380/comments/?start=320&limit=20&status=N&sort=score (дата обращения: 15.01.2025).
17. Пользователь Цзыюсинцзоудэхуа. Отзывы романа «Анна Каренина» // Доубань. Чтение : [Китайский веб-сайт обзоров книг]. 2015. URL: https://book.douban.com/subject/2253380/comments/?percent_type=h&start=60&limit=20&status=P&sort=score (дата обращения: 15.01.2025).
18. Пользователь zelda. Отзывы романа «Анна Каренина» // Douban. Чтение : [Китайский веб-сайт обзоров книг]. URL: https://book.douban.com/subject/2253380/comments/?start=80&limit=20&status=P&sort=score (дата обращения: 15.01.2025).
19. Пользователь Цзыюдэамао. Отзывы романа «Анна Каренина» // Доубань. Чтение : [Китайский веб-сайт обзоров книг]. 2014. URL: https://book.douban.com/subject/2253380/comments/?percent_type=h&limit=20&status=P&sort=score (дата обращения: 15.01.2025).
20. Пользователь AndreaYu21. Отзывы романа «Анна Каренина» // Доубань. Чтение : [Китайский веб-сайт обзоров книг]. 2015. URL: https://book.douban.com/subject/2253380/comments/?percent_type=h&start=280&limit=20&status=P&sort=score (дата обращения: 15.01.2025).

References

1. Kovylkin, A.N. (2007) Literaturnoe proizvedenie i problema retseptsii [A literary work and the problem of reception]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of Bashkir University*. 12 (3). pp. 43–46.
2. *Zapadnoe literaturovedenie XX veka: Entsiklopediya* [Western Literary Criticism of the 20th Century: Encyclopedia]. (2004) Moscow: Intrada. 559 p.
3. Breus, E.V. (2000) *Osnovy teorii i praktiki perevoda s russkogo yazyka na angliyskiy* [Foundations of the Theory and Practice of Translation from Russian into English]. 2nd ed. Moscow: Izd-vo URAO. 208 p.
4. Feng Qingui. (2021) Issledovanie chetyrnadtsati utrachennykh sochineniy Duan'mu Khunlyana [A study of fourteen lost works by Duanmu Hongliang]. *Man'chzhurskie issledovaniya – Manchurian Studies*. 3. pp. 101–106. (In Chinese).
5. Duanmu Hongliang. (2009) Anna Karenina. In: *Sobranie sochineniy Duan'mu Khunlyana* [Collected Works of Duanmu Hongliang]. Vol. 5. Beijing: Pekinskoe izdatel'stvo. (In Chinese).
6. Zhang Ting. (2014) [Dramaticheskaya istoriya] "Moya sestra Anna": al'ternativnaya "dan' uvazheniya" klassike Tolstogo [[Dramatic story] 'My Sister Anna': an alternative 'tribute' to Tolstoy's classic]. *Novosti iskusstva Kitaya – China Art News*. 25 October. [Online] Available from: https://mp.weixin.qq.com/s?_biz=Mj5MDEzNTg0OQ==&mid=200608876&idx=2&sn=3aeefa5031633d536ac84f524e3f49d5&chksm=2848cf2a1f3f463cb0df4a933f589c13617cca48653eb415994f8c82175fe305ace1f1b6467c&scene=27 (Accessed: 20.01.2026). (In Chinese).
7. Li Bo. (2025) Issledovanie puti ekranizatsii i literaturnoy kanonizatsii [A study of the path of screen adaptation and literary canonization]. *Kinolitertura – Film Literature*. 11. pp. 60–64. (In Chinese).
8. Guo Dongxia. (2023) Sovremennoe pereosmyslenie sud'by vydayushchikhsya zhenshchin: o klassicheskom pereskaze teleseriala "Anna Karenina" [A modern reinterpretation of the fate of outstanding women: on the classical retelling of the TV series 'Anna Karenina']. *Molodye pisateli – Young Writers*. 7. pp. 105–107. (In Chinese).
9. Sang Xinmei. (2011) *Ob ekranizatsii "Anny Kareninoy"* [On the screen adaptation of 'Anna Karenina']. Master's Thesis. Shandong University. (In Chinese).
10. Liu Jialin. (1997) Otsutstvie i prisutstvie: vosproizvedenie i issledovanie interpretatsii istorii Anny Kareninoy [Absence and presence: reproduction and study of the interpretation of Anna Karenina's story]. *Kitayskaya sravnitel'naya literatura – Chinese Comparative Literature*. 3. pp. 39–52. (In Chinese).
11. Yang Qinghua. (2022) K 145-letiyu so dnya vykhoda v svet "Anny Kareninoy": tragediya Anny, tragediya vremeni [On the 145th anniversary of the publication of 'Anna Karenina': Anna's tragedy, the tragedy of the times]. *Pekinskie vechernie novosti – Beijing Evening News*. 25.03. [Online] Available from: https://news.bjd.com.cn/2022/03/25/10060540.shtml (Accessed: 20.01.2025). (In Chinese).
12. Yan'yan'. (2022) *Otzyvy romana "Anna Karenina"* [Reviews of the novel 'Anna Karenina']. Douban. [Online] Available from: https://book.douban.com/subject/2253380/comments/?start=20&limit=20&status=N&sort=score (Accessed: 15.01.2025). (In Chinese).
13. little. (2020) *Otzyvy romana "Anna Karenina"* [Reviews of the novel 'Anna Karenina']. Douban. [Online] Available from: https://book.douban.com/subject/2253380/comments/?start=20&limit=20&status=N&sort=score (Accessed: 15.01.2025). (In Chinese).
14. Kaykadinchèchdèkhun. (2020) *Otzyvy romana "Anna Karenina"* [Reviews of the novel 'Anna Karenina']. Douban. [Online] Available from: https://book.douban.com/subject/2253380/comments/?start=360&limit=20&status=N&sort=score (Accessed: 15.01.2025). (In Chinese).
15. Dachzhèn'tszyr. (2022) *Otzyvy romana "Anna Karenina"* [Reviews of the novel 'Anna Karenina']. Douban. [Online] Available from: https://book.douban.com/subject/2253380/comments/?start=160&limit=20&status=P&sort=score (Accessed: 15.01.2025). (In Chinese).
16. Subtropicheskaya depressiya. (2024) *Otzyvy romana "Anna Karenina"* [Reviews of the novel 'Anna Karenina']. Douban. [Online] Available from: https://book.douban.com/subject/2253380/comments/?start=320&limit=20&status=N&sort=score (Accessed: 15.01.2025). (In Chinese).
17. Tszyyusintszyudèkhua. (2015) *Otzyvy romana "Anna Karenina"* [Reviews of the novel 'Anna Karenina']. Douban. [Online] Available from: https://book.douban.com/subject/2253380/comments/?percent_type=h&start=60&limit=20&status=P&sort=score (Accessed: 15.01.2025). (In Chinese).
18. zelda. (n.d.) *Otzyvy romana "Anna Karenina"* [Reviews of the novel 'Anna Karenina']. Douban. [Online] Available from: https://book.douban.com/subject/2253380/comments/?start=80&limit=20&status=P&sort=score (Accessed: 15.01.2025). (In Chinese).
19. Tszyyudzamao. (2014) *Otzyvy romana "Anna Karenina"* [Reviews of the novel 'Anna Karenina']. Douban. [Online] Available from: https://book.douban.com/subject/2253380/comments/?percent_type=h&limit=20&status=P&sort=score (Accessed: 15.01.2025). (In Chinese).
20. AndreaYu21. (2015) *Otzyvy romana "Anna Karenina"* [Reviews of the novel 'Anna Karenina']. Douban. [Online] Available from: https://book.douban.com/subject/2253380/comments/?percent_type=h&start=280&limit=20&status=P&sort=score (Accessed: 15.01.2025). (In Chinese).

Информация об авторе:
СУ Хун – аспирант филологического факультета, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: xiangyang0614@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
Su Hong, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: xiangyang0614@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.01.2026;
одобрена после рецензирования 06.05.2026; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 26.01.2026;
approved after reviewing 06.05.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 821.161.1+821.581
doi: 10.17223/15617793/527/5

«Кроткая» Ф.М. Достоевского, «Скорбь по ушедшей» Лу Синя и «Жить» Юй Хуа: проблема эволюции рецепции Достоевского в Китае

Тан Юйли[1]

[1] *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, 1029287851@qq.com*

Аннотация. Рассматривается эволюция рецепции Достоевского в Китае на примере «Кроткой», «Скорби по ушедшей» Лу Синя и «Жить» Юй Хуа. На основе сходной нарративной рамки «исповеди мужа после смерти жены» и парадокса кротости как скрытого сопротивления прослеживается диалектика двух волн восприятия: социально-критической (Лу Синь) и модернистско-метафизической (Юй Хуа). Общий сюжетный каркас наполняется различным содержанием – от метафизического бунта у Достоевского через социально обусловленную пассивность у Лу Синя к онтологическому приятию жизни у Юй Хуа. Раскрывается трансформация парадокса кротости в китайской литературной традиции XX в.
Ключевые слова: Достоевский, Лу Синь, Юй Хуа, «Кроткая», «Скорбь по ушедшей», «Жить», кротость, женские образы, русско-китайские литературные связи

Для цитирования: Тан Юйли. «Кроткая» Ф.М. Достоевского, «Скорбь по ушедшей» Лу Синя и «Жить» Юй Хуа: проблема эволюции рецепции Достоевского в Китае // Вестник Томского государственного университета. 2026. № 527. С. 40–46. doi: 10.17223/15617793/527/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/527/5

The Meek One by Fyodor Dostoevsky, *Mourning the Departed* by Lu Xun, and *To Live* by Yu Hua: The problem of the evolution of Dostoevsky's reception in China

Tang Yuli[1]

[1] *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, 1029287851@qq.com*

Abstract. The article examines the evolution of Dostoevsky's reception in China through a comparative analysis of *The Meek One*, Lu Xun's *Mourning the Departed*, and Yu Hua's *To Live*. Focusing on the shared narrative frame of a "husband's confession after his wife's death" and the paradox of meekness as a form of silent resistance, it traces the dialectic between two key waves of reception: the socio-critical (Lu Xun) and the modernist-metaphysical (Yu Hua). The same plot framework is shown to carry substantially different ideological content — from Dostoevsky's metaphysical rebellion, through Lu Xun's socially conditioned passive opposition, to Yu Hua's ontological affirmation of life through total acceptance. The study thus reveals how the paradox of meekness as hidden dignity and resistance is transmitted and transformed within the 20th-century Chinese literary tradition.
Keywords: Dostoevsky, Lu Xun, Yu Hua, "The Meek One," "Mourning the Departed," "To Live," meekness, female characters, Russian-Chinese literary connections

***For citation*:** Tang Yuli. (2026) *The Meek One* by Fyodor Dostoevsky, *Mourning the Departed* by Lu Xun, and *To Live* by Yu Hua: The problem of the evolution of Dostoevsky's reception in China. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 527. pp. 40–46. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/527/5

История восприятия творчества Ф.М. Достоевского в Китае представляет собой сложный диалектический процесс, демонстрирующий две отчетливые волны рецепции, каждая из которых актуализировала разные грани его художественного универсума. Интерес к наследию русского классика в Китае переживал периоды подъема и упадка, наиболее заметны два момента повышенного внимания к Достоевскому. Первый из них, связанный с исканиями Поколения 4 мая 1919 г. (расцвет этого поколени приходится на 1920–1930-е гг.), представленный такими фигурами, как Лу Синь, воспринимал русского классика прежде всего сквозь призму критического реализма. Лу Синь ценил в Достоевском «глубину проникновения в социальные противоречия» [1. С. 224]. Эта рецепция была органично вписана в просветительские и социально-критические задачи китайской литературы эпохи «Четвёртого мая». Как точно отмечает исследователь Ни Цзиньи в фундаментальной работе «Рецепция Достоевского в Китае XX века», «ранние интерпретации тяготели к социологическому прочтению, отодвигая экзистенциальные и религиозно-философские мотивы на периферию» [2. С. 278].

Второе поколение рецепции, связанное с писателями «авангарда» и «поставангарда» конца XX в., к которым

© Тан Юйли, 2026

принадлежит Юй Хуа, открыло для себя иного Достоевского – пророка модернизма, исследующего иррациональные бездны человеческой психики, абсурдность существования и метафизический бунт. Этот концептуальный сдвиг был обусловлен как кардинальным изменением культурно-исторического контекста Китая в 1980-е гг. после окончания культурной революции, так и качественным углублением знаний о творчестве писателя. Чжан Нин в этой связи подчёркивает, что «для нового поколения китайских писателей Достоевский стал символом художественной свободы и смелости в постижении проклятых вопросов бытия» [3. С. 92].

Именно эта дихотомия двух поколений рецепции – «реалистического» и «модернистского» – задаёт плодотворную оптику для нашего сравнительного анализа. Предметом настоящего исследования является сравнительный анализ повести Ф.М. Достоевского «Кроткая» (1876), рассказа Лу Синя «Скорбь по ушедшей» (1926) и романа Юй Хуа «Жить» (1993). Эти произведения совпадают в ряде моментов, при этом можно предположить не только типологическое сходство между ними, но и возможное прямое влияние.

Лу Синь был не только заинтересованным читателем Достоевского, но и переводчиком его произведений. В частности, он перевёл повесть «Кроткая» на китайский язык. Согласно исследованиям специалистов (таких как Го Баоцюань, Ли Цзинь и др.), Лу Синь выполнил этот перевод с японского издания. Важное хронологическое уточнение: повесть Лу Синя «Скорбь по ушедшей» была создана в 1925 г. и опубликована в 1926 г., тогда как его перевод «Кроткой» под названием «温柔的她» («Нежная она») был опубликован лишь в 1934 г. Это означает, что перевод не мог оказать прямого влияния на создание «Скорби по ушедшей», но этот факт служит косвенным доказательством интереса Лу Синя к этой повести Достоевского. Мы также можем предположить знакомство китайского писателя с текстом «Кроткой» по японскому источнику до написания «Скорби по ушедшей».

В.В. Борисова и И.С. Андрианова пишут: «В 1912 году был осуществлен перевод Полного собрания сочинений Достоевского с английского языка на японский, в 1920-е годы вышло новое Полное собрание сочинений Достоевского, переведенное уже непосредственно с русского языка» [4. С. 289]. То есть японские переводы могли попасть в кругозор Лу Синя до 1925 г., времени написания его повести.

Был ли знаком с текстом Достоевского Юй Хуа, мы не знаем достоверно. Возможно, здесь связь с контекстом «Кроткой» опосредованная, через каноническую для китайской литературы повесть Лу Синя «Скорбь по ушедшей». В своём программном эссе «Сильнее самого себя» Юй Хуа прямо заявляет: «Лу Синь – единственный писатель, оказавший на меня влияние, которому я никогда не осмеливался подражать… Его произведения представляют собой высочайший образец» [5. С. 289]. Но можно предположить и прямое знакомство с повестью русского писателя в связи с высоким интересом Юй Хуа непосредственно к Достоевскому.

Установив литературно-генетическую связь между тремя произведениями, можно перейти к системному описанию их структурного и тематического сходства. Общей для всех трёх текстов является повествовательная рамка исповеди мужа после утраты жены и напряженного размышления о своей вине перед ушедшей женой. Очень важен также общий для всех трёх произведений парадокс смиренного («кроткого») сопротивления героини.

Все три текста используют рамку монолога-самоотчета героя, следующей за смертью или уходом жены, и наполнены его попытками осмыслить свою вину. В «Кроткой» Достоевского – это хаотичный внутренний монолог ростовщика у тела самоубийцы-жены; в «Скорби по ушедшей» Лу Синя – полные сожаления дневниковые записи Цзяньшэна после смерти Цзыцзюнь; в «Жить» Юй Хуа – рассказ-воспоминание старика Фугуя после потери всех близких, включая жену Цзячжень, в течение долгой жизни, наполненной его ошибками и историческими испытаниями. В последнем произведении сходство с «Кроткой» и «Скорбью по ушедшей» распространяется не на весь роман, а только на один из начальных эпизодов из молодости, когда герой проигрывал семейное состояние в азартные игры, а жена пыталась его остановить в характерной форме смиренного противостояния. В каждой паре муж уступает низкой и порочной стороне человеческой природы (жажде власти и доминирования над слабым у Достоевского, стремлению перенести вину за свои ошибки и неудачи на зависимого от него человека у Лу Синя, стремлению к пороку, разврату и азартной игре как их части у Юй Хуа). Столкнувшись с этим, ни одна из героинь не выбирает открытого конфликта. Вместо этого они демонстрируют форму «кроткого» сопротивления.

Ещё раз отметим, что в романе Юй Хуа «Жить» речь идет не обо всей истории героя, а о важном эпизоде из её начала, из времени ранних отношений Фугуя и Цзячжэнь. Героиня, будучи на сносях, приходит в игорный дом. Вместо ссор и обвинений, она, преклонив колени, кротко говорит ему: «Фугуй, пошли домой» [6. С. 188], а после терпит от него публичное унижение и насилие. Он, чувствуя стыд перед собутыльниками и теряя лицо, сначала словесно оскорбляет её, а затем применяет к ней физическую силу, избивая беременную жену и вытаскивая её за пределы заведения. Но дальше он переживет раскаяние и искупление за эти действия и проживет долгую и наполненную испытаниями совместную жизнь с героиней, хотя всё равно всё закончится исповедальным монологом героя после смерти Цзячжень и других близких.

Таким образом, основанием для сравнения произведений становится и возможное знакомство китайских авторов с «Кроткой» Достоевского, а также Юй Хуа с рассказом Лу Синя, и заметные моменты совпадения сюжета и повествовательной ситуации этих произведений. В академической традиции сопоставление повести Достоевского «Кроткая» и рассказа Лу Синя «Скорбь по ушедшей» не является новым. Например, в диссертационном исследовании Инь Лу, посвящённом художественной метафизике Достоевского в китайской прозе 1920–1930-х гг., этот сравнительный анализ занимает важное место. Работа выявляет структурное

сходство в построении нарратива (монолог-исповедь после смерти жены) и углубляется в семантику ключевых для обоих авторов концептов – «кротости» и «смирения», рассматривая их сквозь призму национальных языковых картин мира и религиозно-философских традиций России и Китая. Этот подход, безусловно, ценен для понимания глубины рецепции Достоевского. Однако он оставляет в стороне вопрос о том, как одна и та же повествовательная модель – «исповедь виновного мужа» – функционирует в разных историко-литературных контекстах, обслуживая различные идеологические и художественные задачи. Именно этот аспект – трансформация литературной формы при переходе от метафизической интроспекции Достоевского к социальному анализу Лу Синя и далее к Юй Хуа – составляет основную оптику настоящей статьи. Попробуем на этой основе проанализировать заявленную в начале статьи разницу китайских литературных поколений и различия в их рецепции наследия Достоевского.

Лу Синь является образцом социального реализма: трагедию его персонажей можно в основном объяснить средствами социального анализа. В «Скорби по ушедшей» Цзыцзюнь и Цзяньшэн предстают прежде всего как социальные типы. Этот принцип распространяется и на их речевую характеристику. Как верно заметил С.М. Любимов, «что ни человек у Достоевского, – особый речевой мир» [7. С. 100]. Однако Лу Синь, актуализируя реалистический полюс наследия Достоевского, создаёт не столько уникальные «речевые миры», сколько социально детерминированные «речевые типы». Их психология, мотивация и трагедия могут быть полностью объяснены и разложены на составляющие социальные детерминанты. Трагедия Цзыцзюнь («Скорбь по ушедшей») – это прямой продукт краха просветительского дискурса, экономической зависимости женщины и действия пережитков феодального общества, сохранившихся в Китае начала XX в. [8. С. 75].

При этом у Лу Синя нет упрощенной картины соотношения старого и нового. Будучи сторонником обновления страны, писатель показывает как отрицательного персонажа именно современного интеллигента, несущего прогрессивные ценности. Он мог бы нести свет и благо, но у него не хватает личностных качеств для этой миссии. В момент жизненных трудностей в нем просыпаются мелочность, мстительность, готовность мучить близкого человека за то, что самому герою приходится переживать трудности. Как отмечает Ван Сяомин, «трагедия Цзыцзюнь – это социальная трагедия… Её судьба олицетворяет неизбежный удел части молодых интеллигентов, которые в то время отдалились от борьбы народа», а её корни лежат в «хрупкости просветительского дискурса перед лицом реальности» [8. С. 75].

Реакция героини на несправедливую злобу мужа, на то, что он переносит на неё вину за собственные ошибки и неудачи, подводит нас к вопросу о родстве с повестью Достоевского «Кроткая». Особенно показателен эпизод, когда Цзыцзюнь, столкнувшись с охлаждением Цзяньшэна, «погрузилась в воспоминания о прошлом и терпеливо переносила новые испытания» [9. С. 113], становясь «всё более робкой и хрупкой» [9. С. 113]. Её молчаливая уступчивость в финале были последней опорой её достоинства в ситуации враждебного отношения мужа и превращения семейного дома в территорию отчуждения. Её уход от мужа – продолжение той же логики отказа от прямого противостояния.

Мэн Юэ в книге «Женская литература и городская современность» отмечает, что «трагедия Цзыцзюнь заключается в её неспособности достичь экономической независимости и социального признания» [10. С. 102], видя в истории героини только внешние социально-экономические причины. Но Лу Синь показывает внутреннее измерение социальности: даже благородное стремление к обновлению и освобождению может не сработать, если люди не меняются внутренне. Человеческие слабости и недостатки героя, которые проявились в момент экономических трудностей семьи, оказались более весомыми, чем его благородные просвещенные взгляды.

Нам ближе трактовка, которую даёт Ван Хуэй в книге «Сопротивление отчаянию: Лу Синь и его литературный мир». Он указывает, что повествовательная структура «Скорбь по ушедшей» подразумевает ограниченность просветительского дискурса – даже самое искреннее признание с трудом может полностью охватить душу другого человека [1. С. 224].

Повесть «Кроткая» зиждется на прочном фундаменте критического реализма. Таким образом, личная драма здесь изначально мотивирована социально-историческими обстоятельствами в строго реалистическом ключе. Экономическая зависимость и социальное унижение образуют ту питательную среду, в которой зреет трагедия.

Однако художественное новаторство Достоевского заключается в том, что он не ограничивается социальной диагностикой, а поднимает конкретный жизненный материал до уровня метафизического вопрошания.

А.А Казаков связывает двойственность метафизического и реалистического с категорией «роман-трагедия», которая часто применяется к миру Достоевского: «Вяч. Иванов вводит это понятие на фоне идей Ф. Ницше, изложенных в его знаменитом трактате “Рождение трагедии из духа музыки”. И в этом контексте роман-трагедия – оксюморон, так как, по мысли немецкого философа, романное и трагедийное прямо противоположны, являются взаимоисключающими: когда победило романное, умерло трагедийное. Трагедия предполагает интерес к вечному, существенному, хоровому, сакральному; романное – к текущему, житейскому, частному, профанному. Достоевский, по мысли Вяч. Иванова, возрождает трагедийный дух, существенную, хоровую проблематику в самом контексте романа» [11. С. 42]. Можно также вспомнить, что Вячеслав Иванов – представитель русского символизма, т.е. один из тех, кто в русской литературе производил модернистское переосмысление Достоевского.

Героиня «Кроткой» представляет собой иррациональный архетип. Её поступки, кульминацией которых становится самоубийство в момент внешнего улучшения жизни, решительно не поддаются чисто социальному или психологическому объяснению. Ключ к её

характеру лежит не в сфере социальных причин, а в области метафизических, «проклятых» вопросов. «Ею движет не голод, а “тоска по абсолюту” – слепое, иррациональное стремление к абсолютной истине и искренности, которое, будучи неутолённым, приводит к тотальному отрицанию мира» [12. С. 114]. Как отмечает А.В. Касьянов, это произведение следует понимать как «миниатюрный суд над нигилизмом» [12. С. 114]. Самоубийство главной героини представляет собой крайнюю форму протеста против пустоты смысла, её действия проистекают из «метафизического стремления к абсолюту». Её психология – это психология бездны, исследуемая модернизмом, где на первый план выходят необъяснимые, «слепые» силы человеческой природы. М.М. Бахтин дополнительно отмечает, что женские персонажи этого произведения воплощают «свойственную только русской литературе традицию юродивых». Их кажущиеся иррациональными действия на самом деле скрывают стремление к высшей истине [13]. Как отмечает Кожинов, женщины в произведениях Достоевского часто «воплощают тайну жизни, которая ускользает от полного рационального понимания» [14]. Финальная сцена с иконой в руках самоубийцы становится символом этого метафизического бунта, укоренённого в социальной драме. Именно эта двойственная природа творчества Достоевского – глубокая социальная укоренённость, служащая трамплином не для побега от реальности, а для прорыва к экзистенциальным вопросам, – и объясняет его уникальную роль в мировой литературе. Она же делает его наследие столь плодотворным для столь разных писателей, как Лу Синь, увидевший в нём мастера социальной типизации, и Юй Хуа, воспринявший его как пророка метафизического бунта и иррациональной глубины человеческой души.

Юй Хуа (в «Жить») занимает уникальное положение: он использует историческую реальность в качестве сцены, но в конечном счёте воспевает иррациональную силу жизни, превосходящую логику истории. Образ Цзячжэнь – это не «тип», который можно полностью расшифровать с помощью социальных закономерностей, а «архетип», носитель этой таинственной жизненной силы. Роман «Жить» разворачивается на фоне масштабных исторических катаклизмов Китая XX в., и на первый взгляд, судьба Цзячжэнь может быть прочитана как типичная трагедия женщины, задавленной патриархальными устоями и историческими обстоятельствами. Внешне поведение Цзячжэнь может быть рассмотрено в контексте патриархальных структур, однако глубинный пафос её образа заключается в том, что жизненная стойкость не может быть редуцирована к её социальным ролям («дочь лавочника», «покорная жена») и не объясняется полностью ни патриархальной этикой, ни социальным детерминизмом. Разве её особенности объясняются тем, что она дочь лавочника? Разве достаточно просто следовать патриархальному канону поведения скромной жены, чтобы быть такой сильной? Исторический фон драматических событий истории Китая показан достаточно подробно (война, коммуны в деревне, Культурная революция и т.д.), но логика личности противопоставлена этому фону, как будто бы социальные законы не действуют на неё.

Трагедии, обрушивающиеся на Цзячжэнь, столь чудовищны и непрерывны, что её молчаливое перенесение ударов судьбы – это не просто добродетель терпения. После огромной, абсурдной трагедии смерти её сына Юцина, «Цзячжэнь бросилась на Юцина, слезы сплели две сети на её лице»; Когда Фугуй вернулся домой с холодным трупом, он обнаружил, что «Цзячжэнь всё ещё стояла в дверном проёме, неподвижная» [6. С. 188], как безмолвная статуя, несущая страдание. Её способность переносить невообразимые страдания – это проявления таинственной, иррациональной силы самой жизни, которая оказывается сильнее логики истории и социальных законов. Её молчание – это не покорность рабыни, а безмолвная, но несокрушимая мощь природы, продолжающей жить вопреки всему. Образ Цзячжэнь возвышается до уровня архетипа, носителя этой до-рациональной, мифической жизненной силы. В этом прорыве за пределы реалистического правдоподобия к экзистенциальному архетипу Юй Хуа вступает в резонанс не с реалистическим, а с модернистским, метафизическим измерением творчества Достоевского, с интересом к необъяснимой, «слепой» силе человеческого бытия. Чэн Гуанвэй в книге «Канонизация современной литературы» отмечает, что канонизация романа «Жить» демонстрирует, как по-настоящему выдающиеся произведения превосходят мимолётные идеологические споры, увлекая читателей своей непреходящей художественной привлекательностью [15. С. 158].

Установленная литературно-генетическая связь между произведениями позволяет глубже проанализировать не только модели личности, но и эволюцию самой нарративной структуры «исповеди мужа», которая служит их обрамлением. Эта структура, будучи общей для всех трёх текстов, претерпевает существенную трансформацию, отражающую сдвиг в художественных парадигмах от реализма к модернизму и, в случае Юй Хуа, к своеобразному мифологизму.

В «Кроткой» Достоевский использует форму импровизированной, хаотичной исповеди-мысли, поток сознания которого отражает не столько последовательное повествование, сколько мучительный процесс осмысления произошедшего. Ростовщик не просто рассказывает историю; он ведёт внутренний диалог с самим собой, с «молчаливым слушателем» и, по сути, с покойной женой. Его монолог полон повторов, противоречий, резких смен оценки событий – от самооправдания до глубочайшего раскаяния. Эта форма является идеальным сосудом для передачи «подполья» человеческой души, её иррациональных и метафизических мук. Бахтин отмечал, что у Достоевского «слово героя о себе самом обращено вовне, к другому, к молчаливому слушателю» [13. С. 252], и в «Кроткой» этот диалогизм достигает своего апогея, превращаясь в напряжённый внутренний спор.

Фрэнк Джозеф справедливо указывает, что «использование Достоевским внутреннего монолога в “Кроткой” предвещало направление позднейшей модернистской литературы» [16. С. 123], предвосхищая технику потока сознания у Джойса и Вулф.

В «Скорби по ушедшей» Лу Синь использует более традиционную форму дневниковой записи, которая, несмотря на эмоциональную насыщенность, сохраняет черты логической последовательности и рефлексивной организации. Дневник Цзяньшэна – это попытка упорядочить хаос переживаний, понять причинно-следственные связи трагедии. Как отмечает Ли Цзинь, «признание Цзяньшэна, несмотря на самоанализ, полно самооправданий и точно показывает ограниченность его индивидуалистической позиции» [17. С. 33]. Повествование здесь служит не столько исследованию бездны сознания, сколько социально-психологическому анализу конкретной жизненной ситуации. Даже в моменты наибольшего эмоционального напряжения сохраняется рациональный каркас, позволяющий читателю проследить логику развития отношений и социальные причины трагедии.

В «Жить» Юй Хуа использует форму рассказа-воспоминания, обрамлённого встречей случайного слушателя с главным героем. Эта форма носит эпический, почти фольклорный характер. В отличие от напряжённого внутреннего монолога у Достоевского и рефлексивного дневника у Лу Синя, исповедь Фугуя – это спокойное, почти бесстрастное повествование, обращённое вовне, к слушателю. Однако за этой внешней простотой скрывается глубинная сложность. Чэнь Сихэ отмечает, что Юй Хуа «успешно использовал мудрость народных повествований в “Жить”, передавая глубокий жизненный опыт с помощью самого простого языка» [18. С. 298]. Эта трансформация нарративной структуры – от хаотичного потока сознания через рефлексивный дневник к эпическому рассказу-воспоминанию – отражает не только эволюцию литературных техник, но и различие в понимании самой природы человеческого «я» и способов его выражения.

Различие в нарративных структурах определяет и специфику функционирования исповедального слова в каждом из текстов. У Достоевского слово героя постоянно саморазрушается, сталкиваясь с невыразимой тайной другого человека и бездной собственной души. Ростовщик пытается найти слова для объяснения поступка жены и своей вины, но эти слова оказываются неадекватны, они скользят по поверхности, не способные проникнуть в суть. Как отмечает Р.Л. Джексон, «трагедия героя “Кроткой” заключается в его неспособности понять другого человека, в его духовной слепоте, которая оборачивается трагедией для обоих» [7. С. 103]. Фраза «Свет, где ты?», завершающая повесть, – это признание краха всех попыток словесного выражения, крик отчаяния перед лицом непостижимого. У Лу Синя слово, напротив, сохраняет свою объясняющую и диагностирующую функцию. Даже когда Цзяньшэн признаётся в своей неспособности полностью понять Цзыцзюнь, само это признание формулируется ясно и рационально. Однако сама эта ограниченность осмысляется и артикулируется в рамках рационального дискурса. У Юй Хуа слово приобретает характер мифопоэтического высказывания, которое не столько объясняет, сколько констатирует и утверждает. Раскаяние Фугуя выражается не в сложных самоанализах, а в простых, но глубоких фразах, обращённых к прошлому. Его рассказ – это не попытка понять и объяснить, а способ принять и прожить заново, интегрировать трагический опыт в ткань продолжающейся жизни. Чжан Цзао отмечает, что подобные исповедальные повествования часто «пытаются упорядочить хаотичное прошлое с помощью рассказывания историй, ища опору для себя» [19. С. 28]. В случае Фугуя эта опора обретается не в понимании, а в самом акте рассказывания, в передаче опыта следующему поколению.

Рассмотрение трёх произведений в их историческом контексте позволяет выявить ещё один важный аспект диалектики «кротости» – её связь с конкретными социально-историческими условиями и их трансформациями. В «Кроткой» трагедия разворачивается на фоне кризиса традиционных ценностей и становления нового, буржуазного общества в России XIX в. Муж-ростовщик олицетворяет собой новый тип отношений, основанных на расчёте и владении, в то время как героиня тоскует по идеалам рыцарства и духовной связи. Её «кротость» и последующий метафизический бунт – это реакция личности на обесценивание духовных идеалов в мире, где всё становится товаром. Этот конфликт носит вневременной, экзистенциальный характер, но он порождён конкретными историческими условиями эпохи модернизации. В «Скорби по ушедшей» конфликт приобретает более конкретные социальные очертания. Это трагедия китайской интеллигенции эпохи «Четвёртого мая», пытавшейся совместить западные идеи индивидуальной свободы с китайской социальной реальностью. Как указывает Ли Цзэхоу, «индивидуальное освобождение в эпоху Четвёртого мая часто застревало на концептуальном уровне, не имея соответствующей социальной основы, что приводило к тому, что многие интеллигенты нового типа оказывались в ловушке глубоких противоречий между идеализмом и реальностью» [20. С. 128]. «Кротость» Цзыцзюнь – это не столько метафизический протест, сколько попытка сохранить достоинство перед непреодолимыми социальными обстоятельствами. В «Жить» исторический контекст расширяется до масштабов всей истории Китая XX в., но парадоксальным образом индивидуальная трагедия приобретает черты вневременного архетипа. Цзячжэнь проходит через войны, революции, голод, но её стойкость оказывается сильнее любых исторических катаклизмов. Если у Лу Синя личность оказывается раздавленной социальными обстоятельствами, то у Юй Хуа личность, воплощённая в образе Цзячжэнь, оказывается сильнее истории. Её «кротость» трансформируется в форму стоического сопротивления, основанного не на социальных идеалах или метафизическом бунте, а на иррациональной, но несокрушимой воле к жизни как таковой.

Важным аспектом сравнительного анализа является и эволюция образа героя-повествователя в трёх произведениях. В «Кроткой» муж – это рефлексирующий интеллектуал, «подпольный человек», который пытается подчинить жизнь теории, другого человека – своей воле. Его трагедия – это трагедия гордыни, неспособности к подлинному диалогу и любви. М.М. Бахтин характеризовал таких героев Достоевского как «человека идеи», который «не может справиться с идеей в себе и не может справиться с собой в

идее» [13]. В «Скорби по ушедшей» Цзяньшэн – это слабый интеллигент, который, в отличие от героя Достоевского, не столько тиран, сколько жертва обстоятельств. Его вина не в сознательном духовном насилии, а в слабости, неспособности противостоять давлению общества и реализовать свои же идеалы. В «Жить» Фугуй – это простой человек, далёкий от интеллектуальных рефлексий. Его вина носит не идеологический, а экзистенциальный характер – это вина перед жизнью как таковой, перед женой, которую он не ценил, перед детьми, которых не смог уберечь. Его раскаяние – это не рефлексия интеллектуала, а боль простого человека, осознавшего ценность жизни через потерю. Чжан Цинхуа, рассматривая чувство раскаяния Фугуя, помещает его в макроконтекст «страдания и искупления» [21. С. 46]. Эта эволюция – от рефлексирующего интеллектуала через слабого интеллигента к простому человеку – отражает не только различие литературных традиций, но и сдвиг в понимании природы вины и ответственности: от идеологической и социальной к экзистенциальной.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что три автора, используя сходную нарративную структуру, наполняют её принципиально разным содержанием, отражающим эволюцию художественного понимания человеческой личности в её отношении к обществу и бытию. Лу Синь в «Скорби по ушедшей» представляет классический критический реализм, где личность и её трагедия полностью объяснимы через социальные детерминанты. Его Цзыцзюнь – это жертва конкретных социальных обстоятельств, а её «кротость» – форма пассивного сопротивления в рамках социально обусловленного тупика. Достоевский в «Кроткой» демонстрирует диалектическое единство реализма и метафизики. С одной стороны, конфликт глубоко укоренён в социально-экономической реальности; с другой – драма героини трансцендирует социальную диагностику, обретая характер метафизического бунта против бессмысленности мира. Именно эта двойственная природа творчества Достоевского – одновременно глубоко реалистического и пророчески модернистского – делает его наследие столь плодотворным для последующих литературных традиций. Юй Хуа в «Жить», наследуя и трансформируя эту традицию, осуществляет прорыв за рамки социального детерминизма. Он использует историческую реальность как сцену, но воспевает иррациональную, мифическую силу жизни, превосходящую логику истории. Его Цзячжэнь – это не жертва обстоятельств и не метафизическая бунтарка, а архетип, воплощающий несокрушимую волю к жизни как таковой.

Таким образом, история рецепции и трансформации архетипа «кротости» наглядно демонстрирует, как из диалектического синтеза реализма и метафизики у Достоевского вырастают две различные, но равноценные художественные стратегии: социально-критическая типизация у Лу Синя и мифопоэтическое утверждение жизни у Юй Хуа. Путь от социально-критической редукции у Лу Синя к модернистско-экзистенциальному и мифопоэтическому прочтению у Юй Хуа отражает не просто смену культурных эпох, но внутреннюю диалогичность самого наследия Достоевского – ту глубинную двойственность, в которой реализм и метафизика сосуществуют как равноправные полюса, питая противоположные, но равно глубокие художественные стратегии. Именно эта двойственность позволила парадоксу кротости – тихого, но несгибаемого сопротивления – стать тем смысловым узлом, который связал трёх писателей, разделённых временем и культурой: в образе внешне покорной, но внутренне непреклонной героини каждый из них нашёл воплощение собственной художественной программы – будь то социальная диагностика у Лу Синя, метафизический бунт у самого Достоевского или онтологическое приятие жизни у Юй Хуа. Так классика, не исчерпываясь ни одной из интерпретаций, всякий раз высвечивает новую грань исходного образца, подтверждая, что подлинное наследие живёт именно в способности порождать различные, но равноценные прочтения.

Список источников

1. Ван Хуэй. Сопротивление отчаянию: Лу Синь и его литературный мир. Шицзячжуан : Хэбэйский образовательный пресс, 2000. С. 224. [汪晖.《反抗绝望：鲁迅及其文学世界》。 石家庄：河北教育出版社，2000年。第224页。]
2. Ни Цзиньи. Рецепция Достоевского в Китае XX века. Пекин : Издательство Пекинского университета, 2010. 278 с. [倪静怡。《20世纪中国的陀思妥耶夫斯基接受》。 北京：北京大学出版社，2010年。第278页。]
3. Чжан Нин. Юй Хуа и трансформация авангардной литературы // Современная писательская критика. 2011. № 3. С. 92–99. [张宁。《余华与先锋文学的转型》//《当代作家评论》。 2011年。 第3期。第92-99页。]
4. Борисова В.В., Андрианова И.С. Какой он – «японский Достоевский»? (XVIII Симпозиум Международного общества писателя) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 4 (24). С. 284–304. doi: 10.22455/2619-0311-2023-4-284-304
5. Юй Хуа. Сильнее самого себя // Лунь Вэнь. 2012. № 1. С. 1–4. [余华。《比自己更强》//《论文》。 2012年。 第1期。第1-4页。]
6. Жить [Текст] : [роман] / Юй Хуа ; пер. с кит. Романа Шапиро. М. : Текст, 2014. 188с.
7. Джексон Р.Л. В несчастье яснеет истина: концовка “Кроткой” // Достоевский и мировая культура. М. : Классика плюс, 1997. Т. 9. С. 100–106.
8. Ван Сяомин. Страдание, с которым мы не можем смириться: о «Скорбь по ушедшей» // Литературная критика. 2005. № 4. С. 75–81. [王晓明。《我们不能忍受的苦难：论〈伤逝〉》//《文学评论》。– 2005年。– 第4期。第75-81页。]
9. Лу Синь. Полное собрание сочинений : в 18 т. Т. 2. Пекин : Издательство народной литературы, 2005. [鲁迅。鲁迅全集 (第二卷)。北京: 人民文学出版社, 2005。]
10. Мэн Юэ. Женская литература и городская современность // Литературная критика. 2006. № 2. С. 102–108. [孟悦。《女性文学与城市现代性》//《文学评论》。2006年。第2期。第102–108页。]
11. Казаков А.А. Русская литература последней трети XIX в. (курс лекций) : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 202 с.
12. Касьянов А.В. Экзистенциальные мотивы в творчестве Ф.М. Достоевского: на примере повести «Кроткая» // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2017. № 3. С. 114–120.
13. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 3-е изд. М. : Советская Россия, 1979.

14. Кожинов В.В. Происхождение романа. М. : Советский писатель, 1963. 439 с.
15. Чэн Гуанвэй. Канонизация современной литературы. Пекин : Шану иньшу, 2013. С. 158. [程光炜。《当代文学的经典化》。北京：商务印书馆，2013年。第158页。]
16. Frank J. Dostoevsky: The Mantle of the Prophet, 1871–1881. Vol. 5. Princeton : Princeton University Press, 2003.
17. Ли Цзинь. Анализ иронии в рассказе «Скорбь по ушедшей» // Ежемесячный журнал исследований Лу Синя. 2008. № 5. С. 30–36. [李今。《〈伤逝〉的反讽分析》//《鲁迅研究月刊》。2008年。第5期。第30–36页。]
18. Чэнь Сихэ. Курс истории современной китайской литературы. Шанхай : Издательство Фуданьского университета, 1999. С. 298. [陈思和。《中国当代文学史教程》。上海：复旦大学出版社，1999年。第298页。]
19. Чжан Цзао. О современной исповедальной литературе и самосозидании // Обзор зарубежной литературы. 2012. № 3. С. 25–35. [张枣。《论现代忏悔文学与自我建构》//《外国文学评论》。2012年。第3期。第25-35页。]
20. Ли Цзэхоу. Очерки по истории современной китайской мысли. Пекин : Восточное издательство, 1987. С. 128. [李泽厚。《中国现代思想史论》。北京：东方出版社，1987年。第128页。]
21. Чжан Цинхуа. Нарративная этика жизни // Журнал современных исследований китайской литературы. 2010. № 2. С. 42–50. [张清华。《生命的叙事伦理》//《中国现代文学研究丛刊》。2010年。第2期。第42–50页。]

References

1. Wang Hui. (2000) *Soprotivlenie otchayaniyu: Lu Sin' i ego literaturnyy mir* [Resistance to Despair: Lu Xun and His Literary World]. Shijiazhuang: Hebei Education Press. p. 224. (In Chinese).
2. Ni Jingyi. (2010) *Retseptsiya Dostoevskogo v Kitae XX veka* [The Reception of Dostoevsky in 20th-Century China]. Beijing: Peking University Press. 278 p. (In Chinese).
3. Zhang Ning. (2011) Yuy Khua i transformatsiya avangardnoy literatury [Yu Hua and the transformation of avant-garde literature]. *Sovremennaya pisatel'skaya kritika – Contemporary Writers' Criticism*. 3. pp. 92–99. (In Chinese).
4. Borisova, V.V. & Andrianova, I.S. (2023) Kakoy on — "yaponskiy Dostoevskiy"? (XVIII Simpozium Mezhdunarodnogo obshchestva pisatelya) [What is he like — the 'Japanese Dostoevsky'? (XVIII Symposium of the International Dostoevsky Society)]. *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskiy zhurnal – Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*. 4 (24). pp. 284–304. doi: 10.22455/2619-0311-2023-4-284-304
5. Yu Hua. (2012) Sil'nee samogo sebya [Stronger than oneself]. *Lun' Vèn' – Lun Wen*. 1. pp. 1–4. (In Chinese).
6. Yu Hua. (2014) *Zhit'* [To Live]. Trans. from Chinese by Roman Shapiro. Moscow: Tekst. 188 p.
7. Jackson, R.L. (1997) V neschast'e yasneet istina: kontsovka "Krotkoy" [In misfortune truth becomes clearer: the ending of 'A Gentle Creature']. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura* [Dostoevsky and World Culture]. Vol. 9. Moscow: Klassika plyus. pp. 100–106.
8. Wang Xiaoming. (2005) Stradanie, s kotorym my ne mozhem smirit'sya: o "Skorb' po ushedshey" [Suffering that we cannot reconcile ourselves to: on 'Regret for the Past']. *Literaturnaya kritika – Literary Criticism*. 4. pp. 75–81. (In Chinese).
9. Lu Xun. (2005) *Polnoe sobranie sochineniy : v 18 t. T. 2* [Complete Works: in 18 vols. Vol. 2]. Beijing: Izdatel'stvo narodnoy literatury. (In Chinese).
10. Meng Yue. (2006) Zhenskaya literatura i gorodskaya sovremennost' [Women's literature and urban modernity]. *Literaturnaya kritika – Literary Criticism*. 2. pp. 102–108. (In Chinese).
11. Kazakov, A.A. (2011) *Russkaya literatura posledney treti XIX v. (kurs lektsiy)* [Russian Literature of the Last Third of the 19th Century (A Course of Lectures)]. Tomsk: TSU. 202 p.
12. Kas'yanov, A.V. (2017) Ekzistentsial'nye motivy v tvorchestve F.M. Dostoevskogo: na primere povesti "Krotkaya" [Existential motifs in the works of F.M. Dostoevsky: on the example of the novella 'A Gentle Creature']. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya – Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology*. 3. pp. 114–120.
13. Bakhtin, M.M. (1979) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. 3rd ed. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
14. Kozhinov, V.V. (1963) *Proiskhozhdenie romana* [The Origin of the Novel]. Moscow: Sovetskiy pisatel'. 439 p.
15. Cheng Guangwei. (2013) *Kananizatsiya sovremennoy literatury* [The Canonization of Contemporary Literature]. Beijing: Shanu yin'shu. p. 158. (In Chinese).
16. Frank, J. (2003) *Dostoevsky: The Mantle of the Prophet, 1871–1881*. Vol. 5. Princeton: Princeton University Press.
17. Li Jin. (2008) Analiz ironii v rasskaze "Skorb' po ushedshey" [An analysis of irony in the story 'Regret for the Past']. *Ezhemesyachnyy zhurnal issledovaniy Lu Sinya – Monthly Journal of Lu Xun Studies*. 5. pp. 30–36. (In Chinese).
18. Chen Sihe. (1999) *Kurs istorii sovremennoy kitayskoy literatury* [A Course in the History of Modern Chinese Literature]. Shanghai: Izd-vo Fudan'skogo universiteta. p. 298. (In Chinese).
19. Zhang Zao. (2012) O sovremennoy ispovedal'noy literature i samosozidanii [On modern confessional literature and self-construction]. *Obzor zarubezhnoy literatury – Review of Foreign Literature*. 3. pp. 25–35. (In Chinese).
20. Li Zehou. (1987) *Ocherki po istorii sovremennoy kitayskoy mysli* [Essays on the History of Modern Chinese Thought]. Beijing: Vostochnoe izdatel'stvo. p. 128. (In Chinese).
21. Zhang Qinghua. (2010) Narrativnaya etika zhizni [The narrative ethics of life]. *Zhurnal sovremennykh issledovaniy kitayskoy literatury – Journal of Modern Chinese Literature Studies*. 2. pp. 42–50. (In Chinese).

Информация об авторе:
Тан Юйли – аспирант филологического факультета, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: 1029287851@qq.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
Tang Yuli, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 1029287851@qq.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.12.2025;
одобрена после рецензирования 08.03.2026; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 11.12.2025;
approved after reviewing 08.03.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 82.091
doi: 10.17223/15617793/527/6

«Влюбленный нелюдим» Н.И. Ильина: продолжение «Мизантропа» в России

Лев Аркадьевич Трахтенберг [1]

[1] *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, Lev_A_T@inbox.ru*

Аннотация. Анализируется комедия Н.И. Ильина «Влюбленный нелюдим» (1805) – переделка пьесы Ш.-А. Демустье «Альцест в деревне, или Исправленный мизантроп» (1790), продолжающей сюжет «Мизантропа» Мольера (1666). Показывается, как французская пьеса оказалась встроена в русский полемический контекст: Ильин, придававший особое значение народной теме и подвергавшийся за это критике, использовал сюжет Демустье, чтобы подкрепить свою позицию в споре о достоинстве простого человека.
Ключевые слова: литература XVIII – начала XIX в., история театра, русско-французские связи, комедия, «склонение на наши нравы», тема народа

Для цитирования: Трахтенберг Л.А. «Влюбленный нелюдим» Н.И. Ильина: продолжение «Мизантропа» в России // Вестник Томского государственного университета. 2026. № 527. С. 47–53. doi: 10.17223/15617793/527/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/527/6

"Misanthrope in Love" by Nikolay Ilyin: A sequel to "The Misanthrope" in Russia

Lev A. Trakhtenberg[1]

[1] *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, Lev_A_T@inbox.ru*

Abstract. The article analyses *Vlyublyonnyy nelyudim* ('Misanthrope in Love', 1805), a comedy by Nikolay Ilyin, that is an imitation of Charles-Albert Demoustier's *Alceste à la campagne, ou le Misanthrope corrigé* (1790), which is, in turn, a sequel to Molière's *Le Misanthrope* (1666). The research aims to show how Ilyin interpreted his source and what his play came to mean in the context of Russian literary polemics. The object of the study includes a series of interconnected French and Russian dramatic, narrative and critical texts. The research employs the comparative method. Demoustier based his comedy on *Le Misanthrope corrigé*, a narrative sequel to *Le Misanthrope* by Jean-François Marmontel, included in his *Contes moraux* (1765). Marmontel, in turn, was influenced by Jean-Jacques Rousseau with his concept of natural virtue embodied in the common person, especially a peasant. So not only did Marmontel make Alceste fall in love with a virtuous maiden, Ursule, who convinced him to subdue himself to social conventions; he also introduced a peasant as an example of virtue and, more, wisdom. This peasant, along with Ursule and her father, helped Alceste reconcile himself with the society. Demoustier added one more commoner to the cast, a poor old man, who asked Alceste for a job to make a living. This situation served Alceste as one more lesson of humanity. Ilyin Russified Demoustier's comedy. This meant, firstly, replacing French names with Russian meaningful ones (e. g. Alceste became *Krutoserd* 'Sternheart'). Secondly, he substituted foreign realia with Russian ones. But what Ilyin paid special attention to were the roles of the two common people, the peasant (here *Rodivon*, a colloquial variant of the name *Rodion*) and the old man. Rodivon's speech got a dialect flavour, which helped highlight his "simplicity". Moreover, Ilyin added a highly meaningful final sentence to Rodivon's line, emphasising the idea of the common person's wisdom and also adding a patriotic stance: "The Russian peasant [*muzhik*] never was a fool". The old man's role was amplified with his biography explaining how he lost his wealth. Ilyin underlined the importance of these two roles in the preface, ending it with an apology of the common person. This idea meant much to Ilyin himself. In 1804, his original play *Velikodushie, ili Rekrutskii nabor* ('Magnanimity, or the Draft of Recruits') caused a heated discussion. Vladimir Izmaylov in the magazine *Patriot* criticised Ilyin for making all the characters in his play peasants; the reviewer thought that their uncultivated mind was of no interest to the well-educated audience. Thus Ilyin used a French sequel to *Le Misanthrope* so as to reinforce his stand in the Russian literary debate of the 1800s. The study comes to the conclusion that the Rousseauist rereading of Molière by Marmontel and Demoustier helped Ilyin make his point about the dignity and wisdom of common people.
Keywords: 18th- and early 19th-century literature, history of theatre, Russian-French connections, comedy, national adaptation, theme of the people

***For citation*:** Trakhtenberg, L.A. (2026) "Misanthrope in Love" by Nikolay Ilyin : A sequel to "The Misanthrope" in Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 527. pp. 47–53. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/527/6

© Трахтенберг Л.А., 2026

«Мизантроп» (пост. 1666, изд. 1667) в XVIII в. считался лучшей комедией Мольера [1. P. 367][1]. Такой репутацией он пользовался не только во Франции, но и в России. Уже А.П. Сумароков в «Эпистоле о стихотворстве» (1748) вслед за Н. Буало [4. P. 376] представлял драматурга прежде всего как «творца “Мизантропа”» [5. С. 121]. На русский язык эта комедия была переведена уже в 1757 г. И.П. Елагиным [6. С. 128; 7. С. 32] под двойным заглавием «Мизантроп, или Нелюдим» (напечатан этот перевод был лишь в 1788 г. [8]).

«Мизантроп» ценился и за важность содержания, и за художественное мастерство. Одной из наиболее значительных художественных особенностей пьесы стал открытый финал: Альцест покинул Париж, не одержав победы над обществом, но и не признав поражения, не отрекшись от своих взглядов. Этот финал словно подсказывал мысль о развитии сюжета [9. P. 1] – и появились продолжения «Мизантропа» (см.: [10. P. 87–89; 11; 12; 13. P. 144–173]). Одно из них – пьеса Ш.-А. Демустье «Альцест в деревне, или Исправленный мизантроп» (« Alceste à la campagne, ou le Misanthrope corrigé », пост. 1790[2], изд. 1798) – стало основой комедии Н.И. Ильина «Влюбленный нелюдим» (пост. и изд. 1805) [18][3]. Продолжая распространенную в свое время практику, Ильин переложил французскую комедию «на русские нравы»[4].

Задача статьи – реконструировать литературный контекст комедии Ильина: показать, что нового он привнес по сравнению с французским оригиналом и какое значение имела постановка его пьесы в контексте литературной борьбы в России начала XIX в.

Та реинтерпретация «Мизантропа», которую развил в своей комедии Демустье и вслед за ним – Ильин, сложилась под влиянием Ж.-Ж. Руссо. В «Письме к д'Аламберу о зрелищах» (1758) Руссо, рассматривая «Мизантропа» как высший образец не только театра Мольера, но и французской комедии в целом, на примере этой пьесы доказывал ложность той системы ценностей, выражением которой комедиография служила [25. С. 93–100]. Руссо воспринимал Альцеста как положительного персонажа – защитника подлинной нравственности, а комический аспект этого образа считал данью вредным общественным условностям. Осуждение свойственного Альцесту прямодушия, по мнению Руссо, означало признание лицемерия нормой поведения в обществе. Дурным нравам света Руссо противопоставлял подлинную мораль «естественного человека».

Предложенную Руссо трактовку сюжета переосмыслил и разработал Ж.-Ф. Мармонтель в повести «Исправленный мизантроп» («Le Misanthrope corrigé»), вошедшей в состав третьего тома «Нравоучительных рассказов» (1765) [26. P. 245–312]. Исходной точкой сюжета повести послужил приезд Альцеста в деревню. Там он встретил добродетельного крестьянина, удивившего его нравственностью, глубоким пониманием жизни и довольством своим положением, затем – добродетельного дворянина, сеньора тех мест виконта де Лаваля, и его благонравную дочь Урсулу. Альцест влюбился в нее. Чувство оказалось взаимным; Урсула пожелала, чтобы Альцест примирился с миром и подчинился правилам общежития. Ради нее он согласился изменить свой нрав. Еще один персонаж повести – гасконский дворянин Блонзак, гость де Лаваля. Это комический двойник Альцеста: поначалу он тоже бранил двор, где не оценили его заслуг, но когда его назначили комендантом крепости, он смягчился; значит, он критиковал общество не из принципа, а из-за обиды.

Таким образом, в отличие от Руссо, Мармонтель не становился на сторону Альцеста в его безоговорочном осуждении общества, рассматривая «мизантропию» как недостаток, который надо было исправить. Но в чем Мармонтель, несомненно, следовал Руссо – это в идеализации сельской жизни, и прежде всего крестьянской.

В 1777 г. был издан анонимный русский перевод этой повести [27]. Впрочем, стиль перевода подвергся критике в выпускавшемся Н.И. Новиковым журнале «Санкт-Петербургские ученые ведомости» [28. С. 81–87].

В свою очередь, повесть Мармонтеля стала основой пьесы Демустье. Это трехактная комедия в стихах. Демустье в основном повторил сюжет Мармонтеля, воспроизведя даже имена Делаваля (на этот раз в слитном написании), Урсулы и Блонзака; центрального персонажа, конечно, по-прежнему звали Альцестом, как у Мольера. В значительной мере сохранены были важнейшие диалоги, прежде всего Альцеста с крестьянином (получившим здесь имя Жермон) в начале пьесы и Альцеста с Урсулой, которая требовала от него подчиниться правилам поведения в обществе, – в конце.

Разумеется, некоторые изменения в сюжете все же произошли. Если у Мармонтеля Альцест сначала беседовал с крестьянином, лишь после этого знакомился с де Лавалем, а затем с его дочерью, то у Демустье знакомство с Урсулой и ее отцом произошло еще до начала действия: о своей любви к ней главный герой говорил уже в выходном монологе. Роль Блонзака Демустье расширил, сделав его неудачливым соперником Альцеста в борьбе за руку Урсулы. Кульминацией любовного сюжета стала комическая мизансцена, где оба поклонника, поначалу не заметив друг друга, одновременно оказались перед Урсулой на коленях [14. P. 23]. В целом любовный сюжет был проработан глубже, в соответствии с традициями жанра комедии.

Демустье также добавил еще одного персонажа-простолюдина – обедневшего старика (оставшегося безымянным), который обратился к Альцесту за помощью. Альцест сначала, не выслушав, прогнал его, затем, раскаявшись, предложил денег, от которых тот как от милостыни отказался, и наконец, поддавшись благотворному влиянию Урсулы, выполнил его просьбу – дал ему работу и, более того, попросил стать его другом. Зато подробного изображения благодеяний, оказанных дворянином-землевладельцем крестьянам, в пьесе Демустье, в отличие от повести Мармонтеля, уже не было; очевидно, во время революции это было бы неуместно.

Комедия Демустье была сочувственно принята критикой [29. P. 32; 30. P. 1440; 31. P. 1430; 32. P. 82]. Французские актеры сыграли пьесу и в Петербурге – в Каменном театре, 22 июня 1800 г. [33. С. 180, 277].

Возможно, Ильин узнал о ней благодаря этому спектаклю.

Комедия Ильина была поставлена пятью годами позже. Премьера состоялась в Москве 7 мая 1805 г., в дальнейшем было еще несколько представлений вплоть до 1808 г. [20. С. 460][5]. Спектакль шел в Петровском театре [34. С. 222][6].

Ильин дал пьесе новое название. В предисловии он объяснял: имя Альцеста не так известно в России, как во Франции, а называть героя *исправленным* рано, так как это еще не произошло – в комедии показано лишь его решение измениться [18. С. vii]. Возможно, используя для характеристики мольеровского персонажа слово *нелюдим*, Ильин учитывал опыт Елагина.

В соответствии с представлениями XVIII – начала XIX в. переложение на русские нравы не требовало коренной переработки пьесы-образца. В большинстве случаев Ильин точно следовал тексту Демустье. Вместе с тем русификация означала ряд изменений на разных уровнях организации текста.

Прежде всего, Ильин дал персонажам русские имена, в основном «говорящие». Альцест стал Крутосердом, Делаваль – Благомыслом, Блонзак – Скордумом, Урсула – Евгенией. Крестьянин, который у Демустье носил имя Жермон, у Ильина стал Родивоном. Переименованы оказались даже внесценические персонажи. В диалоге с Урсулой Альцест у Демустье перечислял тех, с кем он расстался, уезжая из Парижа, и кого больше не хотел видеть; это были действующие лица «Мизантропа» Мольера: Акаст, Клеон[7], Филинт, Ороント, Арсиноя и, наконец, главная героиня – Селимена [14. P. 23]. У Ильина первые трое получили имена *Пусторечин, Вздоромысл, Саммил*; автор слабого сонета Ороント превратился в *Глупостихина*, Арсиноя – в *Ханжихину*, а Селимена – в *Любодарову* (имя, намекающее на кокетство, в котором ее упрекает главный герой) [18. С. 38–39].

Ильин заменил даже упоминавшееся в комедии имя исторического лица. В пьесе Демустье Блонзак, возмущаясь безразличием двора к военным заслугам, говорил, что там не заметили бы никого без связей, будь он сам Цезарь [14. P. 12]. Вместо Цезаря Ильин назвал знаменитого русского полководца – гр. П.А. Румянцева-Задунайского [18. С. 18].

Место Парижа в пьесе Ильина заняла Москва. Там, где упоминался двор (*cour*), иногда Ильин переводил это слово, но чаще вместо двора выступал Петербург. Еще один встретившийся в пьесе французский топоним – Пезенас: по сюжету, в этот город Блонзак был назначен губернатором (*gouverneur*) [14. P. 14]. В русской версии Скордум стал губернатором в Пензе [18. С. 22] – видимо, этот город был выбран по созвучию названий.

В тексте появились и другие русские реалии. Комплимент Альцеста Евгении: « Vos yeux me feroit fuir au bout de l'univers» [14. P. 9] (‘Ваши глаза заставили бы меня бежать на край света’) – Ильин заменил следующим: «…глаза ваши могут загнать меня за Кавказскую линию» [18. С. 13]. В диалоге с Крутосердом Скордум возмущался: «Жалко даже смотреть на гордость наших барчинков» [18. С. 20], тогда как Блонзак здесь упоминал « petits commis » [14. P. 13] – ‘мелких служащих’.

Чтобы придать речи персонажей национальный колорит, Ильин иногда использовал стилистически маркированные слова и выражения, соответствующие нейтральным в оригинале. Например, Благомысл и Крутосерд обращались друг к другу «любезный соседушка» [18. С. 16, 64], тогда как по-французски было просто « mon voisin » (‘мой сосед’) [14. P. 10, 37].

В соответствии с традициями русской сатиры Ильин подчеркнул темы крючкотворства и взяточничества. Упоминавшееся в оригинале « chicane » ‘кляузничество’ [14. P. 11] он точно, притом экспрессивно и идиоматично перевел словосочетанием «приказные крючки» [18. С. 18], распространенным в сатирической литературе XVIII в. В оригинале Блонзак жаловался, что при дворе заслуги ничего не значат, а помочь может лишь богатство или любовная связь: «Puis, pour vous faire ouvrir les portes le matin, Faites voir aux valets le laurier qui vous couvre : Erreur! c'est la fortune, ou Vénus qui les ouvre» [14. P. 12] (‘Потом, чтобы утром [т.е. в то время, когда знатные господа принимают посетителей] перед вами отворили двери, вы показываете слугам покрывающие вас лавры – ошибка! их отворяет состояние или Венера’). Это место Ильин переделал так: «А чтоб иметь доступ к кому-нибудь из значущих людей, напрасно представите вы прислужникам их ваши заслуги; дайте им денег – тотчас двери вам отворят» [18. С. 18].

Больше всего Ильин изменил в двух ролях и связанных с ними эпизодах. Это были персонажи не из дворянского сословия – крестьянин и купец. Фигура крестьянина была очень важна уже в повести Мармонтеля, где он (наряду с де Лавалем) выступал, по сути, как резонер, показывая Альцесту, в противовес его мизантропии, пример мудрого приятия жизни. В комедии Демустье роли крестьянина и бедного старика связывал параллелизм. Оба представляли третье сословие; крестьянин служил примером счастливого человека, старик – несчастного. Сюжетное значение обоих персонажей заключалось в том, что они помогали перевоспитанию Альцеста: крестьянин учил его смирению и мудрому приятию жизни, а встреча со стариком давала Альцесту возможность проявить милосердие и тем самым, преодолевая ненависть, встать на путь любви к людям. Все эти сюжетные функции сохранил и Ильин, но уделил больше внимания разработке народной темы.

Разумеется, место французских реалий заняли русские. Например, Альцест спрашивал Жермона: «N'avez-vous pas encor la taille, les impôts?» [14. P. 26] (‘Разве вам не надо платить талью и подати?’; словом *taille* во Франции при Старом порядке назывался налог на недвижимость, в частности на землю). У Ильина Крутосерд, обращаясь к Родивону, говорил: «…должен ты еще приготовить подушные, рекрутские, оброк» [18. С. 45].

Ильин придал речи крестьянина народный колорит. Его создавали, прежде всего, фразеологизмы. О своих детях Родивон говорил: «…все здоровы, сыты, полны,

кровь с молоком ребята; и растут не по дням, а по часам» [18. С. 44] (у Демустье так: «Sont tous gras et vermeils, sans chagrin, sans souci» [14. P. 26] – ‘Все дородны, румяны, без печали, без забот’), а о взаимопомощи – «…живем мы не без добрых людей» [18. С. 45] (в оригинале проще: «Nous nous aidons» – ‘Мы помогаем друг другу’ [14. P. 26]). В репликах крестьянина были несвойственные литературному языку слова и выражения, фонетические и грамматические особенности: «вестно дело», «некрутски» [18. С. 45], «кругова порука», «одни служат, други платят» [18. С. 46], «осударь ты мой милосливой», «кажись» [18. С. 48], «московски бояры» [18. С. 49]. Однако драматург не стал гиперболизировать диалектные черты, как иногда делали комедиографы XVIII в. Ведь такая гиперболизация создавала комический эффект; Ильин же, очевидно, ставил перед собой другую цель. Его крестьянин не был смешон; напротив, у зрителя он должен был вызвать уважение. Уже у Мармонтеля и Демустье крестьянина отличало простое, но глубоко верное понимание закономерности социального устройства (прежде всего неравенства, которое он оправдывал). Сохранив смысл его рассуждений, Ильин усилил впечатление безыскусственности его речи с помощью стилистических средств.

Ещё больше изменил Ильин в образе обедневшего старика. Русский драматург сделал его купцом – вероятно, для того, чтобы мотивировать неожиданную потерю состояния. Ильин расширил предысторию персонажа, которая дана в его монологе. У Демустье причина разорения старика оставалась неясной; говорилось о том, что он овдовел и горюет о потере жены, но это не объясняло, как он лишился средств к существованию. У Ильина купец рассказывал, что это произошло во время Ирбитской ярмарки: двое его должников обанкротились и в то же время кредиторы потребовали уплаты долгов от него самого. Ему советовали тоже объявить о банкротстве, однако он счел такой поступок нечестным; он распродал имущество и расплатился с долгами, но сам остался ни с чем [18. С. 71–72].

Тема добродетели, достоинства и мудрости простого человека, хотя и не центральная с сюжетной точки зрения, была важна и для Мармонтеля, и для Демустье. Для Ильина же она стала, судя по всему, главной.

Уже Мармонтель доверил крестьянину высказать верный взгляд на устройство общества. Демустье подчеркнул это в заключительной части диалога Альцеста и Жермона. Когда главный герой удивился рассудительности крестьянина, тот в ответ с иронией вспомнил недальновидные суждения высокомерных парижан: «Oui; ces messieurs de Paris, Lorsque nous raisonnons, ont toujours l'air surpris. Il semble que l'on n'ait de l'esprit qu'à la ville, Et que pour vivre aux champs, on soit un imbécille» [14. P. 28] (‘Да, у этих господ из Парижа, когда мы [т.е. деревенские жители] рассуждаем, всегда бывает удивленный вид. Им кажется, что лишь в городе живут умные люди, а в деревне – одни глупцы’). Ильин в этом месте добавил еще одну фразу, дополнив социальную тему национальной: «Московски бояры всегда дивуются, когда наш брат порядком говорит. Они думают, что только и ума, что в городах, а в деревне будто всё дураки живут. Не дивись, боярин; русский мужик николи дураком не бывал» [18. С. 49].

Но особенно важно, что Ильин развил эту тему в предисловии к «Влюбленному нелюдиму». Ей посвящено чуть менее половины предисловия, и именно ею оно завершается, что подчеркивает ее важность. Предупреждая упреки критиков, которые могли бы счесть линии крестьянина и старика «эпизодами» (в старом значении этого слова, т.е. вставными сюжетами, побочными по отношению к основному), Ильин доказывал сюжетную значимость этих персонажей тем, что их участие помогает исправлению протагониста. Главную же идею он выразил в последних строках заключения в рифмованной, будто пословичной, форме: «А некоторым, может быть, опять покажется, что крестьянин говорит слишком умно. Ум раздает не порода, а природа, и не всегда тому, кто всех знатнее, а тому, кто ей милее» [18. С. x].

Слово *опять* здесь не случайно. Это отсылка к полемике, развернувшейся всего лишь годом ранее вокруг другой пьесы Ильина – «Великодушие, или Рекрутский набор»[7]. Особенностью этой пьесы было то, что все ее персонажи были крестьянами. За это ее и осудил В.В. Измайлов в статье, опубликованной в журнале «Патриот». По словам критика, Ильин был неправ, изображая «тех людей, которых состояние есть последнее в обществе; которых мысли, чувства и самый язык весьма ограничены, и которых дела не могут служить нам ни наставлением, ни примером» [39. С. 233]. Измайлов считал, что жизнь необразованного народа не может представлять интереса для зрителей, которые, как предполагалось, принадлежали к высшим сословиям. Он критиковал и язык пьесы, в котором видел «одни грубые выражения грубых понятий» [39. С. 237]. В поддержку Ильина выступил журнал «Северный вестник»; статья была написана, по одним сведениям, Н.И. Гнедичем [37. С. 222], по другим – И.И. Мартыновым [20. С. 75–76]. Ее автор оспаривал, в частности, мысль, будто у людей из низших сословий нечему учиться. Он настаивал на том, что простые люди могут совершать подлинно нравственные поступки, и следовать таким примерам можно и должно [40. С. 29–30].

В свою очередь, «Влюбленный Нелюдим» также вызвал критические отклики. Насколько можно судить по ним, пьеса имела успех. Вскоре после премьеры в заметке «Российский театр» журнала «Московский курьер» было отмечено: «Пиеса сия с большим одобрением принята нашею публикою» [41. С. 374]. А после второго представления в «Вестнике Европы» была помещена положительная рецензия, автор которой поддерживал решение Ильина переложить французскую комедию на русские нравы, считая это и более трудным, чем точный перевод, и более соответствующим задачам национальной литературы. Рецензия завершалась выводом: «Для успехов отечественной словесности желать должно, чтобы вместо Пурсоньяков и Бартолов, вместо нотариусов в черных платьях и докторов в испанских париках выводимы были на театр лица, нам более известные, и говорили бы о таких предметах, которые к нам ближе» [34. С. 225].

Подобно рецензенту «Московского курьера», критик «Вестника Европы» отмечал, что пьеса была встречена «громкими рукоплесканиями» [34. С. 223].

Таким образом, французская пьеса оказалась встроенной в русский полемический контекст. Сюжет в продолжение комедии Мольера под влиянием идей Руссо создал Мармонтель; Демустье придал ему драматическую форму, а Ильин переложил на русские нравы. После Мармонтеля сам сюжет менялся лишь в частностях; и, тем не менее, благодаря полемическому контексту на русской почве он оказался переосмыслен. Для Мольера главным был вопрос о нравах света, возможности и необходимости примирения с ними. Мармонтель развил наряду с этой и другую проблему – добродетели и мудрости народа. И именно эта проблема оказалась центральной для Ильина. Более того, благодаря общей русификации он дополнил ее акцентом на достоинстве народа русского.

Ильин использовал пьесу Демустье, чтобы подкрепить свою позицию в споре о нравственных и интеллектуальных достоинствах простого человека. Поскольку эта комедия шла в России в 1800 г., есть основания думать, что Ильин знал о ней еще до того, как развернулся спор вокруг его собственной пьесы «Великодушие, или Рекрутский набор». Но можно предположить, что после этого спора Ильин вспомнил о французской пьесе, дававшей возможность опереться на авторитет своего классического источника – «Мизантропа» Мольера. Ведь сюжет и идея комедии Демустье как нельзя лучше отвечали взглядам русского драматурга. Если в пьесе «Великодушие, или Рекрутский набор» простые люди проявляли свои нравственные достоинства в действии, то в комедии «Влюбленный Нелюдим» им отводилась роль резонеров. Именно им удавалось перевоспитать «русского Мизантропа», примирив его с обществом.

Примечания

1 Обзор отечественной литературы вопроса дан в работах С.Ю. Павловой [2, 3].
2 Эта дата первого представления указана на титульном листе прижизненного издания: [14. P. 1]. Те же сведения в кн.: [15. P. 198; 16. P. 99, 386]. В базе данных CÉSAR, однако, отмечено, что первый спектакль состоялся в 1785 г. [17].
3 О драматургии Ильина см.: [19. С. 40–53; 20. С. 69–74 (автор параграфа – Т.М. Родина); 21. С. 215–218].
4 Принципы «склонения на русские нравы» охарактеризованы в исследованиях Ю.Д. Левина [22. С. 16–18], В.Н. Топорова [23. С. 106–108], А.А. Дерюгина [24].
5 Составитель репертуарной сводки – Т.М. Ельницкая.
6 Петровскому театру посвящена статья Л.М. Стариковой [35], там же литература вопроса.
7 Клеон – внесценический персонаж «Мизантропа»: о нем говорят Клитандр и Селимена в сцене 4 II акта.
8 Полемика вокруг этой пьесы Ильина описана в ряде работ: [19. С. 45–48; 20. С. 75–76; 36. С. 168; 37. С. 221–224; 38. С. 100–103].

Список источников

1. Mallinson J. Vision comique, voix morale : la réception du Misanthrope au XVIIIe siècle // Littératures classiques. 1996. No. 27 : L'esthétique de la comédie. Actes du congrès organisé à Reims du 8 au 10 septembre 1995 par le Centre de Recherches sur les Classicismes Antiques et Modernes de l'Université de Reims Champagne-Ardenne, avec le concours de l'Université, de la Ville de Reims et du Conseil Régional. P. 367–377. doi: 10.3406/licla.1996.2481.
2. Павлова С.Ю. Рефлексия над понятием honnête homme в комедии Мольера «Мизантроп» // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 2. С. 102–119. doi: 10.22455/2500-4247-2022-7-2-102-119.
3. Павлова С.Ю. Российское литературоведение XX века о комедии Мольера «Мизантроп» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23. Вып. 1. С. 48–54. doi: 10.18500/1817-7115-2023-23-1-48-54.
4. Boileau Despréaux N. Œuvres complètes / Accompagnées de notes historiques et littéraires et précédées d'une étude sur sa vie et ses ouvrages par A. Ch. Gidel. Paris : Garnier frères, 1872. Т. 2. 508 p. (Chefs-d'œuvre de la littérature française. Vol. 30).
5. Сумароков А.П. Избранные произведения / [вступ. ст., подгот. текста и примеч. П.Н. Беркова]. Л. : Сов. писатель. [Ленингр. отд-е], 1957. 608 с. (Б-ка поэта. Бол. сер.).
6. Филиппов В.А. Мольер в России XVIII века // Беседы: сборник Общества истории литературы в Москве. М. : Печатня А. Снегиревой, 1915. [Вып.] 1. С. 110–143.
7. Левин Ю.Д. Драматургия. Гл. III // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век : [в 2 т.]. СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. Т. 2: Драматургия. Поэзия. С. 27–68.
8. Мольер. Мизантроп, или Нелюдим, комедия в пяти действиях. М. : Тип. Компании типографической, 1788. 122 с.
9. Harris J., ed. Marmontel and Demoustier, Le Misanthrope Corrigé: Two Eighteenth-Century Sequels to Molière's Le Misanthrope. Cambridge : Modern Humanities Research Association, 2019. iv, 146 p. (MHRA critical texts; vol. 65). doi: 10.2307/j.ctvhrcz39.
10. Weltman-Aron B. Le Misanthrope mis en tropes: Molière, Marmontel et Rousseau // L'Esprit Créateur. 1996. Vol. 36, № 1: Molière. P. 82–90.
11. Razgonnikoff J. Alceste prolongé : de la correction à la conversion // Ombres de Molière : Naissance d'un mythe littéraire travers ses avatars du XVIIe siècle à nos jours / dir. M. Poirson. Paris : Armand Colin, 2012. P. 347–366. doi: 10.3917/arco.poirs.2012.01.0347
12. Escola M. Le Misanthrope corrigé. Critique et création. Paris : Hermann, 2021. 198 p. doi: 10.14375/NP.9791037020444
13. Harris J. Misanthropy in the Age of Reason: Hating Humanity from Shakespeare to Schiller. Oxford : Oxford University Press, 2022. 284 p. doi: 10.1093/oso/9780192867575.001.0001
14. Demoustier C.-A. Alceste à la campagne, ou le Misanthrope corrigé : comédie en 3 actes en vers. Paris : Barba, 1798. 52 p.
15. Les spectacles de Paris, et de toute la France, ou calendrier historique & chronologique des théâtres. Paris : Duchesne, 1792. Pt. 41. 263 p.
16. Tissier A. Les spectacles à Paris pendant la Révolution : [En 2 vols.]. Genève : Droz, 1992. Vol. 1: De la réunion des Etats généraux à la chute de la royauté (1789–1792). 525 p.
17. Calendrier électronique des spectacles sous l'Ancien Régime et la Révolution. URL: https://cesar.huma-num.fr/cesar2/titles/titles.php?fct=edit&script_UOID=124142 (дата обращения 16.10.2025).
18. Влюбленный нелюдим, комедия в трех действиях г. Демутье, с французского переложена на русские нравы Николаем Ильиным. М. : В тип. С. Селивановского, 1805. [10], 92 с.
19. Родина Т.М. Русское театральное искусство в начале XIX века. М. : Изд-во АН СССР, 1961. 319 с.
20. История русского драматического театра : в 7 т. / гл. ред. Е.Г. Холодов. М. : Искусство, 1977. Т. 2: 1801–1825 / [Т.М. Родина, Т.М. Ельницкая и др.] 555 с.

21. Кочеткова Н.Д. Трагедия и сентиментальная драма начала XIX века // История русской драматургии. XVII – первая половина XIX века / отв. ред. Л.М. Лотман. Л. : Наука, 1982. С. 181–220.
22. Левин Ю.Д. Об исторической эволюции принципов перевода (К истории переводческой мысли в России) // Международные связи русской литературы / под ред. М.П. Алексеева. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 5–63.
23. Топоров В.Н. «Склонение на русские нравы» с семиотической точки зрения (об одном из источников фонвизинского «Недоросля») // Труды по знаковым системам. Тарту, 1989. Т. 23: Текст – культура – семиотика нарратива. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 855). С. 106–126.
24. Дерюгин А.А. Содержание переводческого приема «Склонение на наши (русские) нравы» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 1995. Т. 54. № 5. С. 61–64.
25. Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения: В 3 т.: Пер. с фр. / Сост. и авт. вступ. ст. И. Е. Верцман. М. : Гослитиздат, 1961. Т. 1 / [Коммент. В.Я. Бахмутского и М.Г. Харлапа]. 851 с.
26. Marmontel J.-F. Contes moraux : [En 3 t.]. Paris : Merlin, 1765. T. 3. 312 p.
27. Мармонтель Ж.-Ф. Алцест, излечившийся от своенравия, или Исправленный человеконенавидец. Нравоучительная сказка / Переведена на российский язык. СПб. : Печатано при Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе типографии содержателями Клеена и Гейке, 1777. 72 с.
28. Санкт-Петербургские ученые ведомости на 1777 г. Н.И. Новикова / Изд. 2-е А.Н. Неустроева. СПб. : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1873. [2], II, 176 с.
29. Le Spectateur national, et le modérateur. 1790. № 8. 8 déc. P. 29–32.
30. Journal général de France. 1790. № 344. 10 déc. P. 1437–1440.
31. Journal de Paris. 1790. № 352. 18 déc. P. 1427–1430.
32. Cousin-Jacques [Louis Abel Beffroy de Reigny]. Dictionnaire néologique des hommes et des choses, ou notice alphabétique des hommes de la Révolution, qui ont paru a l'Auteur les plus dignes d'attention... Paris : Moutardier, [1799]. T. 1. xvi, 544 p.
33. Архив Дирекции императорских театров. СПб. : Издание Дирекции императорских театров, 1892. Вып. 1 (1746–1801 гг.). Отд. III : Систематический свод сведений о личном составе, репертуаре и хозяйстве императорских театров / сост. В.П. Погожев, А.Е. Молчанов, К. А. Петров. 390, IV, [4] с.
34. С.Н. О спектакле на Петровском театре, 10 маия // Вестник Европы. 1805. Ч. XXI, № 11. С. 222–225.
35. Старикова Л.М. Московский Петровский театр на грани XVIII и XIX вв. // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 2005. М. : Наука, 2013. С. 203–215.
36. Комаров А.И. Журналистика и критика 1800–1810-х годов // Очерки по истории русской журналистики и критики : [в 2 т.]. Л. : Изд-во ЛГУ им. А.А. Жданова, 1950. Т. 1: XVIII век и первая половина XIX века. С. 155–176.
37. Кряжимская И. А. Из истории русской театральной критики конца XVIII – начала XIX века // XVIII век. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. Сб. 4. С. 206–229.
38. Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. 430, [2] с.
39. [Измайлов В.В.] [Рец. на. кн.]: Великодушие, или рекрутский набор; драма в трех действиях, Николая Ильина. 1804, Москва // Патриот. Журнал воспитания. 1804. Т. 2, № 5. Отд. III. С. 232–241.
40. И.Г. Критика // Северный вестник. 1804. Ч. 3, [№ 7]. С. 27–39.
41. Российский театр // Московский курьер. 1805. Ч. 1, № 24. С. 374.

References

1. Mallinson, J. (1996) Vision comique, voix morale : la réception du Misanthrope au XVIIIe siècle. *Littératures classiques*. No. 27 : L'esthétique de la comédie. pp. 367–377. doi: 10.3406/licla.1996.2481
2. Pavlova, S.Yu. (2022) Refleksiya nad ponyatiem honnête homme v komedii Mol'era "Mizantrop" [Reflection on the concept of honnête homme in Molière's comedy 'The Misanthrope']. *Studia Litterarum*. 7 (2). pp. 102–119. doi: 10.22455/2500-4247-2022-7-2-102-119
3. Pavlova, S.Yu. (2023) Rossiyskoe literaturovedenie XX veka o komedii Mol'era "Mizantrop" [Russian literary criticism of the 20th century on Molière's comedy 'The Misanthrope']. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Proceedings of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*. 23 (1). pp. 48–54. doi: 10.18500/1817-7115-2023-23-1-48-54
4. Boileau Despréaux, N. (1872) *Œuvres complètes*. T. 2. Paris: Garnier frères. 508 p.
5. Sumarokov, A.P. (1957) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Leningrad: Sov. pisatel'. 608 p.
6. Filippov, V.A. (1915) Mol'ep v Rossii XVIII veka [Molière in 18th-century Russia]. In: *Besedy: sbornik Obshchestva istorii literatury v Moskve* [Conversations: Collection of the Society for the History of Literature in Moscow]. Issue 1. Moscow: Pechatnya A. Snegirevoy. pp. 110–143.
7. Levin, Yu.D. (1996) Dramaturgiya. Gl. III [Dramaturgy. Chapter III]. In: *Istoriya russkoy perevodnoy khudozhestvennoy literatury. Drevnyaya Rus'. XVIII vek : v 2 t.* [History of Russian Translated Literature. Old Rus'. 18th Century: in 2 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 27–68.
8. Molière. (1788) *Mizantrop, ili Nelyudim, komediya v pyati deystviyakh* [The Misanthrope, or the Man-Hater, a Comedy in Five Acts]. Moscow: Tip. Kompanii tipograficheskoy. 122 p.
9. Harris, J. (ed.) (2019) *Marmontel and Demoustier, Le Misanthrope Corrigé: Two Eighteenth-Century Sequels to Molière's Le Misanthrope*. Cambridge: Modern Humanities Research Association. iv, 146 p. doi: 10.2307/j.ctvhrcz39
10. Weltman-Aron, B. (1996) Le Misanthrope mis en tropes: Molière, Marmontel et Rousseau. *L'Esprit Créateur*. 36 (1): Molière. pp. 82–90.
11. Razgonnikoff, J. (2012) Alceste prolongé : de la correction à la conversion. In: Poirson, M. (dir.) *Ombres de Molière : Naissance d'un mythe littéraire travers ses avatars du XVIIe siècle à nos jours*. Paris: Armand Colin. pp. 347–366. doi: 10.3917/arco.poirs.2012.01.0347
12. Escola, M. (2021) *Le Misanthrope corrigé. Critique et création*. Paris: Hermann. 198 p. doi: 10.14375/NP.9791037020444
13. Harris, J. (2022) *Misanthropy in the Age of Reason: Hating Humanity from Shakespeare to Schiller*. Oxford: Oxford University Press. 284 p. doi: 10.1093/oso/9780192867575.001.0001
14. Demoustier, C.-A. (1798) *Alceste à la campagne, ou le Misanthrope corrigé : comédie en 3 actes en vers*. Paris: Barba. 52 p.
15. *Les spectacles de Paris, et de toute la France, ou calendrier historique & chronologique des théâtres*. (1792) Paris: Duchesne. Pt. 41. 263 p.
16. Tissier, A. (1992) *Les spectacles à Paris pendant la Révolution*. Vol. 1: De la réunion des Etats généraux à la chute de la royauté (1789–1792). Genève: Droz. 525 p.
17. *Calendrier électronique des spectacles sous l'Ancien Régime et la Révolution*. (n.d.) [Online] Available from: https://cesar.huma-num.fr/cesar2/titles/titles.php?fct=edit&script_UOID=124142 (Accessed: 16.10.2025).
18. Demoustier, M. (1805) *Vlyublennyy nelyudim, komediya v trekh deystviyakh g. Demut'e, s frantsuzskogo perelozhena na russkie nravy Nikolaem Il'inym* [The Amorous Man-Hater, a Comedy in Three Acts by M. Demoustier, Adapted to Russian Mores by Nikolai Ilyin]. Moscow: V tip. S. Selivanovskogo. 92 p.
19. Rodina, T.M. (1961) *Russkoe teatral'noe iskusstvo v nachale XIX veka* [Russian Theatre Art at the Beginning of the 19th Century]. Moscow: USSR AS. 319 p.

20. Kholodov, E.G. (ed.) (1977) *Istoriya russkogo dramaticheskogo teatra : v 7 t.* [History of the Russian Dramatic Theatre: in 7 vols]. Vol. 2: 1801–1825. Moscow: Iskusstvo. 555 p.
21. Kochetkova, N.D. (1982) Tragediya i sentimental'naya drama nachala XIX veka [Tragedy and sentimental drama of the early 19th century]. In: Lotman, L.M. (ed.) *Istoriya russkoy dramaturgii. XVII – pervaya polovina XIX veka* [History of Russian Dramaturgy. 17th – First Half of the 19th C.]. Leningrad: Nauka. pp. 181–220.
22. Levin, Yu.D. (1963) Ob istoricheskoy evolyutsii printsipov perevoda (K istorii perevodcheskoy mysli v Rossii) [On the historical evolution of translation principles (Towards a history of translation thought in Russia)]. In: Alekseev, M.P. (ed.) *Mezhdunarodnye svyazi russkoy literatury* [International Ties of Russian Literature]. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 5–63.
23. Toporov, V.N. (1989) "Sklonenie na russkie nravy" s semioticheskoy tochki zreniya (ob odnom iz istochnikov fonvizinskogo "Nedoroslya") ['Declension to Russian mores' from a semiotic point of view (on one of the sources of Fonvizin's 'The Minor')]. *Trudy po znakovym sistemam – Proceedings on Sign Systems*. Vol. 23. Tartu. pp. 106–126.
24. Deryugin, A.A. (1995) Soderzhanie perevodcheskogo priema "Sklonenie na nashi (russkie) nravy" [The content of the translation technique 'Declension to our (Russian) mores']. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka – Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Series of Literature and Language*. 54 (5). pp. 61–64.
25. Rousseau, J.-J. (1961) *Izbrannye sochineniya: V 3 t.* [Selected Works: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Goslitizdat. 851 p.
26. Marmontel, J.-F. (1765) *Contes moraux : [En 3 t.]*. T. 3. Paris: Merlin. 312 p.
27. Marmontel, J.-F. (1777) *Altsest, izlechivshiysya ot svoenraviya, ili Ispravlennyy chelovekonenavidets. Nravouchitel'naya skazka* [Alceste, Cured of Wilfulness, or the Corrected Misanthrope. A Moral Tale]. St. Petersburg. 72 p.
28. Novikov, N.I. (1873) *Sankt-Peterburgskie uchenye vedomosti na 1777 g.* [St. Petersburg Scholarly Gazette for 1777]. 2nd ed. by A.N. Neustroev. St. Petersburg: Tip. t-va "Obshchestv. pol'za". [2], II, 176 p.
29. *Le Spectateur national, et le modérateur*. (1790) No. 8. 8 déc. pp. 29–32.
30. *Journal général de France*. (1790) No. 344. 10 déc. pp. 1437–1440.
31. *Journal de Paris*. (1790) No. 352. 18 déc. pp. 1427–1430.
32. Cousin-Jacques [Louis Abel Beffroy de Reigny]. (1799) *Dictionnaire néologique des hommes et des choses, ou notice alphabétique des hommes de la Révolution, qui ont paru a l'Auteur les plus dignes d'attention…*. T. 1. Paris: Moutardier. xvi, 544 p.
33. Pogozhev, V.P., Molchanov, A.E. & Petrov, K.A. (comps) (1892) *Arkhiv Direktsii imperatorskikh teatrov. Vyp. 1 (1746–1801 gg.). Otd. III: Sistematicheskiy svod svedeniy o lichnom sostave, repertuare i khozyaystve imperatorskikh teatrov* [Archive of the Directorate of Imperial Theatres. Issue 1 (1746–1801). Section III: Systematic Collection of Information on Personnel, Repertoire and Economy of the Imperial Theatres]. St. Petersburg: Izdanie Direktsii imperatorskikh teatrov. 390 p.
34. S.N. (1805) O spektakle na Petrovskom teatre, 10 maya [On the performance at the Petrovsky Theatre, 10 May]. *Vestnik Evropy – Bulletin of Europe*. Part XXI (11). pp. 222–225.
35. Starikova, L.M. (2013) Moskovskiy Petrovskiy teatr na grani XVIII i XIX vv. [The Moscow Petrovsky Theatre at the turn of the 18th and 19th centuries]. In: *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiya: Ezhegodnik. 2005* [Monuments of Culture. New Discoveries. Writing. Art. Archaeology: Yearbook. 2005]. Moscow: Nauka. pp. 203–215.
36. Komarov, A.I. (1950) Zhurnalistika i kritika 1800–1810-kh godov [Journalism and criticism of the 1800s–1810s]. In: *Ocherki po istorii russkoy zhurnalistiki i kritiki : v 2 t.* [Essays on the History of Russian Journalism and Criticism: in 2 vols]. Vol. 1. Leningrad: LSU n.a. A.A. Zhdanov. pp. 155–176.
37. Kryazhimskaya, I.A. (1959) Iz istorii russkoy teatral'noy kritiki kontsa XVIII – nachala XIX veka [From the history of Russian theatre criticism of the late 18th – early 19th century]. In: *XVIII vek* [18th Century]. Collection 4. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 206–229.
38. Mordovchenko, N.I. (1959) *Russkaya kritika pervoy chetverti XIX veka* [Russian Criticism of the First Quarter of the 19th Century]. Moscow; Leningrad: USSR AS. 430 p.
39. Izmaylov, V.V. (1804) [Rets. na. kn.]: Velikodushie, ili rekrutskiy nabor; drama v trekh deystviyakh, Nikolaya Il'ina. 1804, Moskva [[Review of]: Generosity, or the Recruit Levy; a Drama in Three Acts, by Nikolai Ilyin. 1804, Moscow]. *Patriot. Zhurnal vospitaniya – Patriot. Journal of Education*. 2 (5). Section III. pp. 232–241.
40. I.G. (1804) Kritika [Critique]. *Severnyy vestnik – Northern Herald*. Part 3, [No. 7]. pp. 27–39.
41. Rossiyskiy teatr [Russian Theatre]. (1805) *Moskovskiy kur'er – Moscow Courier*. Part 1 (24). p. 374.

Информация об авторе:

Трахтенберг Л.А. – д-р филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: Lev_A_T@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.A. Trakhtenberg, Dr. Sci. (Philology). Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: Lev_A_T@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.10.2025;
одобрена после рецензирования 26.12.2025; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 16.10.2025;
approved after reviewing 26.12.2025; accepted for publication 29.06.2026.

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 930:01, 930:02
doi: 10.17223/15617793/527/7

Могут ли войны памяти быть справедливыми?

Елена Валериевна Беляева[1], Андрей Александрович Линченко[2, 3]

[1] Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
[2] Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Липецк, Россия
[3] Липецкий государственный технический университет, Липецк, Россия
[1] bksisa@rambler.ru
[2, 3] AALinchenko@fa.ru

Аннотация. Приводится этическая оценка возможности применить основные принципы теории справедливой войны к современным мемориальным войнам (войнам памяти). Выявлено, что ключевой проблемой использования теории справедливой войны является ее ориентация не на выход из мемориальных конфликтов и войн памяти, а на их воспроизводство. Ключевые стратегии выхода из мемориальных конфликтов и войн памяти, позволяющие исторической этике выступать фактором их урегулирования, могут быть эффективными только в долгосрочной перспективе, когда влияние политики и ее конфликтогенных установок в отношении соседей и оппонентов внутри страны начинает уступать логике культурных обменов и транскультурному влиянию образов прошлого.
Ключевые слова: историческая этика, теория справедливой войны, историческая справедливость, войны памяти, мемориальный конфликт, этика ответственности

Источник финансирования: статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

Для цитирования: Беляева Е.В., Линченко А.А. Могут ли войны памяти быть справедливыми? // Вестник Томского государственного университета. 2026. № 527. С. 54–61. doi: 10.17223/15617793/527/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/527/7

Can "memory wars" be just?

Elena V. Belyaeva[1], Andrei A. Linchenko[2, 3]

[1] Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus
[2] Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Lipetsk, Russian Federation
[3] Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russian Federation
[1] bksisa@rambler.ru
[2, 3] AALinchenko@fa.ru

Abstract. This article examines the ethical applicability of the fundamental principles of just war theory to contemporary memory wars. A critical analysis of the methodological principles of just war theory revealed that none of these principles (just cause, good intentions, legitimacy of power, probability of success, proportionality, and "last resort") overcomes the inconsistencies in the ethical arguments of the opposing sides in this type of symbolic conflict. It was demonstrated that the identified shortcomings in ethical argumentation stem from the general contradictions in the legal, political, and moral dimensions of the application of the category "historical justice." A key problem of just war theory is its focus not on resolving memorial conflicts and memory wars, but on their reproduction. Nevertheless, the positioning of memory wars not only as a conflict of interests but also as a conflict of values prompts the search for an alternative ethical framework for the moral assessment of memory wars, where a new applied discipline — the ethics of history — plays an important role. The authors consider the ethics of history as a special type of applied ethics that was formed at the turn of the third millennium at the intersection of the theory of history, historical didactics and the ethics of responsibility, the purpose of which is analysis, substantiation and revision of the value-normative contexts of both scientific and historical knowledge and all non-scientific forms of addressing the past in historical culture with the aim of developing strategies of historical consciousness and cultural and historical orientation based on it. The idea was substantiated that key strategies for exiting memorial conflicts and memory wars, allowing the ethics of history to act as a factor in their resolution, can be effective only in the long term, when the influence of politics and its conflict-generating attitudes towards neighbors and opponents within the country begins to give way to the logic of cultural exchanges and the transcultural influence of images of the past.
Keywords: ethics of history, just war theory, historical justice, memory wars, memorial conflict, ethics of responsibility

© Беляева Е.В., Линченко А.А., 2026

Financial support: The article is based on the results of research conducted using budget funds under the state assignment of the Financial University.

***For citation*:** Belyaeva, E.V. & Linchenko, A.A. (2026) Can "memory wars" be just? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 527. pp. 54–61. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/527/7

В последние три десятилетия в лексикон социальной философии, политических исследований и memory studies прочно вошло понятие «войны памяти», которое так и не получило однозначной интерпретации. При этом, применительно как к зарубежным [1–3], так и к отечественным [4–7] исследованиям, можно с уверенностью говорить о наличии определенного консенсуса в осмыслении войн памяти / мемориальных войн. Исследователи указывают, что войны памяти являются концептуальной метафорой, обращенной к символическому использованию образов прошлого во внешне- и внутриполитической борьбе [7. С. 232], выраженной в форме противостояния исторических нарративов и моделей коллективной памяти [8. С. 91], в интересах соответствующих государственных и негосударственных акторов политики памяти [5]. Ими подчеркивается, что аналитика войн памяти оказывается возможной исключительно в рамках конструктивистского дискурса и позиции социально-эпистемологического релятивизма, где войны памяти могут быть связаны с историческим процессом ассоциативно, являются ситуативными и фрагментарными, а их цель «состоит не в обосновании истинности нарратива, а монополизации позиции “рассказчика“» [6. С. 31]. Также отмечается, что «существенными элементами превращения мемориального конфликта в войну становятся два тесно переплетающихся явления. С одной стороны, хронологическое удлинение конфликта за счет обмена сторонами символическими действиями, направленными на политическую или моральную дискредитацию оппонента. А с другой стороны – создание специализированных институций, ориентированных на поддержание необходимого уровня символического воздействия (“институты памяти”)» [9. С. 60].

Нетрудно заметить, что объединяющим моментом большинства исследований является фокус на анализе стратегий и тактик современных войн памяти, специфики акторов, а также прагматики их интересов. Однако не менее важным является понимание войн памяти не только как конфликта интересов, но и как конфликта ценностей [10. С. 4], урегулировать который оказывается сложнее, чем конфликты интересов, продиктованные актуальной политической повесткой. В подобном случае проблематика «войн памяти» может быть погружена в этический контекст. Обращение к этическому контексту предполагает изучение широкого круга вопросов, связанных с анализом возможности использовать различные этические теории и их понятийный язык применительно к войнам памяти, с выявлением рисков ведения мемориальных войн как инструмента символической политики, а также с изучением стратегий преодоления последствий войн памяти в контексте межкультурного диалога. Соответственно, целью данной статьи является этическая оценка войн памяти с точки зрения теории справедливой войны и обоснование возможностей новой дисциплины – исторической этики [11] – в деле регуляции мемориальных войн.

Моральное обоснование войн памяти с позиции теории справедливой войны

В интеллектуальной традиции сложились четыре базовых подхода к этическому осмыслению войны: милитаризм, пацифизм, реализм и теория справедливой войны [12. С. 15–40], каждый из которых можно применить к анализу войн памяти. Соответственно, «мемориальный милитаризм» рассматривает войны памяти как морально обязательную практику, укрепляющую нравственные ценности сообщества. «Мемориальный пацифизм» полагает моральным состоянием терпимость к многообразию интерпретаций истории, а войну памятей – безнравственным подавлением живой исторической памяти. «Мемориальный реализм» не дает мемориальной войне моральных оценок и прибегает к ней инструментально, в случае значительной политической выгоды, и воздерживается от нее, если использование данного символического инструмента может быть связано с большими издержками. Сторонники же теории справедливой войны будут оценивать одни войны памяти как соответствующие нравственным принципам, а другие – как не соответствующие. Каждый из четырех подходов имеет свое этическое обоснование и политические формы выражения [13], однако наиболее интересной является именно теория справедливой войны, поскольку в большинстве случаев войны памяти преподносятся именно как попытки восстановить утраченную историческую справедливость, делая акцент либо на героических/жертвенных нарративах, либо, как писал П. Нора, включая или исключая государственные/общественные юбилеи из публичного поля коммеморации как «уместные» или «неуместные» [14. С. 185].

Мемориальная война не объявляется, не начинается в один день и даже до какого-то момента может не осознаваться, поэтому принципы «справедливого» вступления в такую войну (jus ad bellum) рассматриваются скорее постфактум. Если опираться на классические принципы теории справедливой войны, «справедливой» может быть названа такая война памяти, которая ведется по нравственной причине, с нравственными намерениями, легитимным актором, с высокой вероятностью успеха, соразмеряет выгоды и издержки проведения исторической политики и является последним средством решения конфликта между образами коллективной памяти.

1. *Принцип правого дела*, т.е. нравственная причина войны. Если в политической этике такой причиной считается самозащита и защита слабого, то справедливая мемориальная война может начинаться в ответ на

формирование разнообразных институтов национальной памяти, деятельность которых направлена на пересмотр прежних исторических представлений. Но этого недостаточно, так как любое историческое исследование, отличающееся новизной, уже пересматривает историю, а любая локальная мемориальная традиция может рассматриваться как вызов единственно верной линии интерпретации. По сути, критерий «нападения» и «самозащиты» в области исторической политики оказывается сугубо политическим: исторические факты отбираются и помещаются в новую нарративную конструкцию, которая позволяет бросить тень на оппонента.

Между тем обоснованием «правого дела» очень часто выступают не интересы, а ценности. Аврелий Августин «под справедливой войной понимал вооруженное насилие, направленное на достижение мира, обеспечение его торжества, миротворение, т.е. справедливая война – это средство достижения мира» [15. С. 117]. У Фомы Аквинского справедливая война рассматривается как средство обеспечения общего блага. В предельном варианте – это «война за нравственность», за ее торжество. И поскольку исторические нарративы всегда имеют аксиологическую составляющую, войны памяти наполняются пафосом «защиты нравственных ценностей», а на противоположной стороне оказываются не просто ситуативные враги, а воплощения «зла». «В результате», – как пишет И.Н. Сидоренко, – «процесс криминализации врага привел к тому, что современная справедливая война больше не завершается заключением мирного договора, она становится бесконечной» [15. С. 119].

Несмотря на то, что моральные ценности исторически относительны, самопрезентация морального сознания такова, что они трактуются как вечные, абсолютные, всеобщие, что препятствует осознанию относительного характера всякого «правого дела». В результате практически всякую войну памяти можно обосновать в качестве не просто «справедливой», но «нравственно обоснованной», и от этого особенно беспощадной.

2. *Принцип добрых намерений* призван указать на то, что самая справедливая причина войны – еще не повод иметь злые намерения и хотеть зла противнику. Справедливый актор войны контролирует свои мотивы, направляя их к добру.

В войнах памяти самообольщение участников на предмет «доброты» собственных мотивов безгранично. Сам пересмотр исторического нарратива никогда не мотивируется властными и даже национальными интересами, но, напротив, национальные интересы формулируются на основе реинтерпретации исторических событий. В результате «доброта» собственных намерений не подлежит сомнению, в то время как противнику приписываются исключительно внеморальные мотивы: злоба, ненависть, корысть.

3. *Принцип легитимности власти.* В отличие от других видов вооруженных конфликтов война в собственном смысле слова должна начинаться и вестись правителем, чья власть законна. Тогда и война будет не беззаконием, но оправданным и справедливым деянием. Даже если не придерживаться концепции «нет власти, кроме как от Бога», начало войны здесь получает политические ограничения.

Причины перехода мемориальных конфликтов в войны памяти с очевидностью лежат в политической плоскости. Именно власть, ощущая в период общественной трансформации потребность в воспроизводстве макрополитической идентичности и потребность в легитимации своих действий, реализует свою историческую политику, используя, в том числе, и символический инструментарий мемориальной войны. В то же время акторами мемориальных войн могут быть самые разные общественные группы, как заинтересованные в текущей исторической политике, так и те, чьи воспоминания объявляются «нелегитимными», криминальными, чьи символы уничтожаются в общественном пространстве.

Однако с точки зрения принципа легитимности власти, справедливая война памяти может быть только внешней, гражданская же мемориальная война не имеет оправданий (хотя именно во внутриобщественном пространстве она чаще всего и разворачивается). То, что справедливая война памяти ведется легитимной властью, неизбежно политизирует коллективную память и превращает ее многообразные версии в единообразный нарратив, который вообще не является памятью в собственном смысле слова. Он превращается, скорее, в миф, «изобретенную традицию», набор предписаний в отношении трактовки исторических фактов.

4. *Принцип вероятности успеха* в войнах памяти имеет слабое значение и не может служить нравственным ограничителем, так как легитимная власть в области исторической политики считает себя единственным гарантом исторической справедливости. Действительно, не стесняясь в средствах ограничения неугодных версий прошлого, можно обеспечить себе победу «единственно правильной версии истории».

5. *Принцип соразмерности* предполагает, что соотношение тягот и выгод войны будет склоняться в пользу последних. К издержкам мемориальной войны можно отнести определенное ухудшение отношений с другими странами с целью сплочения общества вокруг официальной версии исторической памяти; уменьшение роли профессионального исторического сообщества ради усиления влияния высказываний на темы истории политических деятелей; материальные затраты на снос памятников и строительство новых, что позволяет изменить символику общественного пространства. Однако акторы мемориальных войн обычно расценивают их как «окупающиеся», поскольку и политический результат (удержание власти), и символический результат (производство макрополитической идентичности) всегда превосходят издержки противостояния. Крах политического субъекта вряд ли может наступить исключительно от проигрыша в войне памяти, поэтому мемориальная война представляется участникам вполне соразмерной в плане получаемых выгод и не слишком опасных издержек.

6. Наконец, *принцип «последнего средства»* для утверждения своей версии исторической памяти выглядит весьма неопределенным. На какой стадии накала общественных страстей необходимо перейти от простого конфликта интерпретаций исторического

прошлого к институциональной войне памятей, сказать трудно. Возвращаясь к общему определению мемориальных войн, эта граница лежит не в области истории, а в области актуальной политической повестки.

Как видно из проведенного анализа, ни по одному из представленных принципов не удается преодолеть противоречивость этической аргументации противоборствующих сторон данной разновидности символического конфликта. Применяя принципы теории справедливой войны к интересующей нас проблематике, можно сказать, что мемориальную войну даже проще обосновать как «справедливую», чем сделать это по отношению к вооруженной борьбе государств. Во-первых, в мемориальной войне погибает существенно меньше людей (государственные репрессии и общественная реакция чаще всего не подразумевают физического уничтожения соперника), поэтому на такую войну легче дать нравственную санкцию. Во-вторых, мемориальная война уже в себе самой содержит идею борьбы за нравственные ценности и тем самым оказывается с точки зрения сторон в высшей степени «справедливой». Другие критерии, как показано выше, тоже легко выполнимы.

На первый взгляд, целью классической концепции справедливой войны является установление мира. Однако достигается это через победу над соперниками, что представляется трудновыполнимым в мемориальной сфере. Другими словами, ключевой проблемой использования теории справедливой войны для анализа войн памяти является ее ориентация не на выход из мемориальных конфликтов, а на их воспроизводство.

Что не так с исторической справедливостью?

Критику концепции «справедливой мемориальной войны» можно осуществить с разных позиций. Можно поставить под вопрос как сами выдвинутые критерии, так и проблематизировать существующие теоретические представления об исторической справедливости. Многие авторы отмечают неприменимость критериев теории справедливой войны к современным войнам, которые носят гибридный характер [16–19]. Тогда и этический анализ войн памяти с точки зрения этой теории является не вполне корректным, что и показано выше.

Еще больше вопросов у современных исследователей вызывает сам концепт «историческая справедливость», который имеет не только моральное, но и политическое, а также правовое измерение. Уже в правовом измерении, где жертва и преступник могут быть конкретными фигурами, заметна множественность форм осуществления исторической справедливости в зависимости от правовой и политической позиции субъекта. Так, Г. Коккинос выделяет три формы исторической справедливости как правовой практики: карательную справедливость (retributive justice), возмещающую/восстановительную справедливость (reparative/restorative justice), транзитивную справедливость (transitional justice) [20]. Карательная справедливость предполагает ответственность конкретных политических деятелей, как это можно было видеть в рамках Нюрнбергского процесса. В случае возмещающей справедливости речь чаще всего идет о материальной компенсации нанесенного вреда, где наиболее известным примером являются послевоенные выплаты Федеративной Республикой Германией бывшим узникам концентрационных лагерей. Особо подчеркивается транзитивная историческая справедливость, где акцент делается на символическом примирении бывших сторон конфликта.

Еще сложнее выглядит ситуация с политическим измерением исторической справедливости, поскольку здесь фигура конкретного преступника отсутствует, а также теряет свою силу важнейший правовой принцип – срок давности преступления [21. С. 652]. Д.А. Аникин подчеркивает, что при переходе в политическую плоскость исчезают четкие критерии отождествления современной группы как субъекта правоотношений с теми сообществами прошлого, о которых они говорят. Приписывание определенного статуса потомкам жертв и приписывание статуса потомкам преступников не могут быть проведены адекватно [22. С. 61]. Данный тезис может быть проиллюстрирован на примере мемориальных войн в Восточной Европе в 1990–2010-е гг., связанных с символическим противостоянием бывших стран социалистического лагеря (Польша), некоторых республик бывшего СССР (Латвия, Литва, Эстония) и Российской Федерации вокруг интерпретации событий Второй мировой войны. Как отмечает А.И. Миллер, на смену космополитическому подходу к памяти, апеллировавшему к необходимости либерально-демократической проработки прошлого и актуализации дискурса собственной исторической виновности, приходят антагонистические отношения в сфере политического и культурного обращения к прошлому: «Восточноевропейские страны, заявлявшие о стремлении в Европу, стремились продемонстрировать следование космополитическому канону как общеевропейской ценности. Однако в действительности подход посткоммунистических элит к политике памяти был принципиально иным <…> в центре восточноевропейских нарративов оказался не «критический патриотизм», а страдания собственной нации. В основе этого различия лежал иной подход к самой природе культурной памяти» [23. С. 224]. В данном случае важно, что искажались именно исходные основания виктимизации. Вместо обращения к идее коллективной ответственности акцент делался на особых процедурах приписывания вины «потомкам преступников», что затрагивало не только Российскую Федерацию, но и другие страны региона.

Современная ситуация также явно не благоприятствует нормализации использования концепта «историческая справедливость» в политическом измерении. В условиях изменения современной конфигурации политического пространства, усложнения отношений международных и внутриполитических акторов, релятивизации холокоста и дискредитации институтов гражданского общества «историческая справедливость из способа защиты абсолютизированного прошлого

превращается в инструмент символических претензий одних сообществ по отношению к другим» [22. С. 67].

Проблематичность обоснования исторической справедливости в моральном измерении связана с тем, что содержание категории «справедливость» лишь отчасти относится к этике: принцип «око за око» является справедливым, но не моральным, а милосердие и любовь – моральны, но несправедливы. Справедливость – лишь одна из этических ценностей, поэтому даже если война памяти может считаться «справедливой», она не становится моральной в полном объеме.

Рассуждения о справедливости предполагают наличие универсальных критериев, по которым она устанавливается для всех участников отношений. Но применительно к войне и тем более войне памяти такая инстанция отсутствует, в результате чего обосновать собственную позицию в мемориальной войне как «справедливую» может практически каждый.

Кроме того, в научной литературе не раз освещался вопрос о переводе на разные языки и трактовки в разных культурных традициях той категории, посредством которой можно нравственно легитимировать войну. Следует ли говорить о «законной» войне, «справедливой» войне, «оправданной» войне [18. С. 153] или даже «нравственной» войне? Смешение содержания данных понятий мешает анализировать мемориальные войны корректно.

Наконец, морализация войн памяти, приписывание им справедливости и тем более нравственности только усугубляет агрессивность полемики по вопросам исторической памяти [17, 18]. Поэтому теория справедливой войны оказывается не слишком эффективным этическим инструментом в налаживании взаимопонимания.

Стратегии выхода из мемориальной войны в контексте исторической этики

Главный вопрос этики состоит не в том, как начинать и вести справедливые мемориальные войны, а как прекратить их. Именно этой задаче могла бы служить историческая этика – особый вид прикладной этики, сформировавшийся на рубеже третьего тысячелетия на стыке теории истории, исторической дидактики и этики ответственности, целью которой является «анализ, обоснование и пересмотр ценностно-нормативных контекстов, как научно-исторического познания, так и всех вненаучных форм обращения к прошлому в исторической культуре с целью выработки стратегий исторического сознания и основанного на нем культурно-исторического ориентирования» [11. С. 429–430]. Потребность в исторической этике фундирована самим медиативным характером исторической культуры, где в зонах обмена между профессиональными и непрофессиональными способами обращения к прошлому и, шире, между различными культурами порождения исторического смысла возникает потребность именно в этической медиации [24]. Эта медиация усиливает социальную циркуляцию знаний о прошлом, ускоряет динамику самой исторической культуры, ее внутреннюю работу по переосмыслению прошлого в актуальной ситуации настоящего.

Современная этика ответственности позволяет очертить круг базовых установок, позволяющих исторической этике быть эффективным средством медиации в исторической культуре. К числу таких установок относятся: уважение субъектности всех участников исторического процесса; рефлексивность как способность субъекта понимать себя и исторические события в соотношении с другими субъектами и событиями; коммуникативная стратегия в определении нравственного смысла исторического опыта и исторической истины; дискурсивный подход, полагающий, что история есть не столько последовательность событий, сколько нарратив о них, организованный по определенным правилам; консеквенционалистская установка, подчеркивающая важность следования принципу предосторожности в отношении возможных последствий поступков; осознание собственной ответственности как способности быть субъектом исторического процесса, что проявляется как в обращении к прошлому и принятию его как своего, так и к будущему, в формировании которого субъект принимает участие; установка на доверие к участникам исторических событий, диалог с ними (пусть и дистанционный), в процессе которого распределяется степень ответственности за произошедшее и одновременно устанавливается мера ответственности за будущее; забота о непрерывности исторического, о таком обращении к прошлому, при котором благо прежде живших поколений имеет значение для ныне живущих.

На первый взгляд, подобные установки могут казаться наивными и малоприменимыми к динамично меняющейся политической повестке. Именно поэтому историческую этику вряд ли будут интересовать собственно политические способы выхода из мемориальной войны: смена актуальных политических целей или «победа» в войне памяти. Все меняется, если перейти от краткосрочного к долгосрочному горизонту, где влияние политики и ее конфликтогенных установок в отношении соседей и оппонентов внутри страны начинает уступать логике культурных обменов и транскультурному влиянию образов прошлого. Именно данный аспект позволил исследователям в России и за рубежом уверенно говорить о транскультурном повороте в memory studies [25]. Думается, что именно в таком долгосрочном горизонте роль и значение исторической этики усиливается, и она оказывается важным вспомогательным фактором в урегулировании мемориальных конфликтов и войн памяти.

Учитывая предметное поле исторической этики и ее междисциплинарные связи с философией и теорией истории, исторической дидактикой и memory studies, можно выделить как минимум три ключевые стратегии выхода из мемориальных войн, позволяющие исторической этике выступать фактором урегулирования мемориальных конфликтов и войн памяти.

Первой стратегией является смещение смысла событий из политической плоскости в человеческую, обращение не только к памяти политических субъектов, но и к памяти конкретных людей. Как пишет Г.А. Бордюгов, «умная историческая политика может проявить себя в том, чтобы наполнить великую и трагическую

советскую эпоху человеческим содержанием, в контексте которого “войны памяти” становятся бессмысленными» [7. С. 231–232]. В статье Л.А. Терушкина также подчеркивается, что «необходимо больше уделять внимания конкретным рядовым участникам событий, возрождению интереса к макроистории путем погружения в частную и региональную историю, привлекая в научный оборот документы семейных и личных архивов» [26. С. 254]. Подобная стратегия делает запрос на этическую рефлексивность и коммуникативно-дискурсивный характер исторического мышления. Это делает возможным использование потенциала исторической этики.

Другой важной стратегией, препятствующей появлению или воспроизводству войн памяти, является признание множественности акторов, представляющих свои репрезентации прошлого, а главное – постоянное присутствие «борьбы за память» [27. С. 39]. В результате становится понятно, что агентов памяти всегда много, борьба за память происходит постоянно, но она может быть не войной, а динамическим и плодотворным процессом взаимообогащения смыслами. Соотнося свою версию памяти о прошлом с другими смыслами, сообщества переосмысляют свою историю во всех ее героических и трагических, нравственных и безнравственных проявлениях, принимая свое прошлое и ответственность за него. В этой связи историческая этика, ориентированная на уважение субъектности всех участников исторического процесса, запрещает их объективировать и демонизировать и тем более уничтожать физически.

Наконец, третьей стратегией, актуализирующей дискурс исторической этики, является помещение конкурирующих нарративов в более широкую рамку исторических событий, в которой они получат некую мета-интерпретацию. Как заключает Г.А. Бордюгов, «способ лишения “войн памяти” подпитки – помещение национальных историй в расширенное пространство прошлого и глубокий контекст мирового времени» [7. С. 232]. Как видится, именно горизонт подобного «мирового времени», который сегодня успешно осмысляется в рамках нового направления исследований – глобальной истории, позволяет поставить и обсуждать этические вопросы об ответственности перед прошлым и будущим, а также вопросы о различных уровнях исторического смысла (локальном, национальном, наднациональном, глобальном).

Поскольку большинство современных прикладных этик базируются на концепции прав человека, логично предположить, что и историческая этика должна защищать такие права в контексте мемориальных войн. К правам человека в контексте вопросов коллективной памяти можно отнести право помнить свой исторический опыт и не подвергаться дискриминации по критерию того, что индивид или сообщество «помнят неправильно». Историческая этика переносит вопрос из политико-правовой области в этическую, что позволяет осудить зло (холокост, голодомор, геноцид) без нового насилия над людьми, позволяет осознать свою историческую неправоту без насильственных санкций. Не случайно именно профессиональные историки во Франции в ответ на политизацию «войн памяти» в 2008 г. приняли «Воззвание из Блуа» и призвали заменить юридическое регулирование исторических конфликтов этическим.

Заключение

Подводя итоги, можно дать отрицательный ответ на поставленный в заглавии статьи вопрос. Также отрицательный ответ приходится дать и на вопрос о том, откажутся ли государства и сообщества от мемориальных конфликтов и войн памяти как удобного инструмента в борьбе за символический капитал и политические возможности. При этом интерпретация войн памяти не только как конфликта интересов, но и как конфликта ценностей указывает на возможность и необходимость погружения данной проблематики в этический контекст, где одним из наиболее популярных способов оценки мемориальных войн, как в научном, так и в политическом дискурсах, оказывается теория справедливой войны.

Предпринятый в данной статье теоретический анализ показал, что оценка войн памяти с позиций теории справедливой войны является возможной, но этические результаты подобной интерпретации достаточно спорны. Ни в одном из принципов теории справедливой войны не удается преодолеть противоречивость этической аргументации противоборствующих сторон в символическом противостоянии на уровне общественных коммеморациий. Также можно утверждать, что выявленные недостатки этической аргументации вытекают из общих противоречий использования категории «историческая справедливость» в правовом, политическом и моральном измерении. Ключевой проблемой использования теории справедливой войны является ее ориентация не на выход из мемориальных конфликтов и войн памяти, а на их воспроизводство. Более перспективной теоретической платформой для этического анализа и предотвращения мемориальных войн может стать историческая этика, смягчающая морализаторские и политические аспекты конфликта, перенося его в поле научного дискурса, ответственной работы с коллективной памятью и уважения субъектности участников исторического процесса. Вместе с тем выявленные в статье ключевые стратегии выхода из мемориальных войн, позволяющие исторической этике выступать фактором в урегулировании мемориальных конфликтов и войн памяти, могут быть эффективными только в рамках долгосрочной перспективы, в которой влияние политики и ее конфликтогенных установок в отношении соседей и оппонентов внутри страны начинает уступать логике культурных обменов и транскультурному влиянию образов прошлого.

Список источников

1. Memory, Conflict and New Media: Web wars in post-socialist states / eds. by E. Rutten, J. Fedor, V. Zvereva. London ; New York : Routledge, 2013. 288 p.

2. Uladzislau B., Gliszczyńska-Grabias A., Mälksoo M. Memory Laws and Memory Wars in Poland, Russia and Ukraine // Jahrbuch des öffentlichen Rechts. 2021. № 69. P. 95–117.
3. Wóycicka Z., Wawrzyniak J., Saryusz-Wolska M. Mnemonic Wars in Poland: An Introduction to New Research Directions // Acta Poloniae Historica. 2023. № 128. P. 5–25.
4. Koposov N. Memory Laws, Memory Wars. The Politics of Memory in Europe and Russia. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2018. 321 p.
5. Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М. : Академкнига, 2003. 591 с.
6. Илларионов Г.А., Мосиенко М.К. «Войны памяти» и проблема социально-эпистемологического релятивизма // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 30–50. doi: 10.17506/26867206_2023_23_1_30
7. Бордюгов Г.А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве / предисл. Алана Касаева. М. : АИРО-XXI, 2011. 256 с.
8. Давиденко А.А. Понятие «войны памяти» в современных исследованиях коллективной памяти // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 3. С. 85–95. doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-7
9. Аникин Д.А., Линченко А.А. Мемориальные войны в условиях восточноевропейского фронтира: в поисках методологии исследования // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 466. С. 55–63. doi: 10.17223/15617793/466/6
10. Барабанов О.Н. Память о войне и войны памяти. Предисловие // Не забудем, но простим? Образ войны в культуре и исторической памяти. М. : Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2020. С. 3–7.
11. Буллер А., Линченко А.А. Зачем нужна историческая этика? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39, вып. 3. С. 423–435. doi: 10.21638/spbu17.2023.302
12. Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры / ред.: Б. Коппитерс, Н. Фоушин. М. : Гардарики, 2002. 407 с.
13. Беляева Е.В. Четыре подхода к нравственной оценке «войн памяти» // Философия и методология истории : сб. науч. ст. XI Всерос. науч. конф., Коломна, 11 апреля 2025 г. / отв. ред. С.Г. Калашников. Коломна : ГСГУ, 2025. С. 90–93.
14. Нора П. Расстройство исторической идентичности // Вестник российской нации. 2010. № 1–2. С. 181–188.
15. Сидоренко И.Н. Феномен «справедливой войны» и ее трансформация в современном мире // Труды БГТУ. 2020. Сер. 6. № 1. С. 116–120.
16. Иванов А.Г. Моральные дилеммы и концептуальные противоречия теории «справедливой войны» // Манускрипт. 2016. № 7 (69). Ч. 2. С. 55–58.
17. Куманьков А.Д. Современные классики теории справедливой войны: М. Уолцер, Н. Фоушин, Б. Оренд, Дж. Макмахан. СПб. : Алетейя, 2019. 201 с.
18. Кашников Б.Н. Теория справедливой войны: критика основных начал // Этическая мысль. 2019. Т. 19, № 2. С. 152–167. doi: 10.21146/2074-4870-2019-19-2-152-167
19. Макмаан Дж. Переосмысляя «справедливую войну» // Логос. 2019. Вып. 3. С. 139–156. doi: 10.22394/0869-5377-2019-3-139-155
20. Kokkinos G. On Historical Justice and History Education // Public History Weekly. The Open Peer Review Journal. 2022. Vol. 10, № 5. URL: https://public-history-weekly.org/10-2022-5/historical-justice-education/
21. Рикер П. Память, история, забвение. М. : Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
22. Аникин Д.А. Дискурс исторической справедливости: этико-политические основания и концептуальные противоречия // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 55–70. doi: 10.17506/26867206_2024_24_3_55
23. Миллер А.И. Вторая мировая война в «войнах памяти» // Новое прошлое. 2020. № 4. С. 222–231. doi: 10.18522/2500-3224-2020-4-222-231
24. Сыров В.Н. «Культура отмены» и этика: об этической ответственности историка // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 505. С. 99–105. doi: 10.17223/15617793/505/10
25. The Transcultural Turn: Interrogating Memory Between and Beyond Borders / eds. by L. Bond, J. Rapson. Berlin ; Boston : De Gruynter, 2014. 286 p.
26. Терушкин Л.А. Возможна ли политика памяти без «войн памяти»? // Новое прошлое. 2020. № 4. С. 254–265. doi: 10.18522/2500-3224-2020-4-254-265
27. Батищев Р.Ю. Память о войнах и «войны памяти» в современных memory studies: основные подходы к изучению и ключевые акторы // Tempus et Memoria. 2021. Т. 2, № 1. С. 34–42. doi: 10.15826/tetm.2021.1.005

References

1. Rutten, E., Fedor, J. & Zvereva, V. (eds) (2013) *Memory, Conflict and New Media: Web wars in post-socialist states*. London; New York: Routledge. 288 p.
2. Uladzislau, B., Gliszczyńska-Grabias, A. & Mälksoo, M. (2021) Memory Laws and Memory Wars in Poland, Russia and Ukraine. *Jahrbuch des öffentlichen Rechts*. 69. pp. 95–117.
3. Wóycicka, Z., Wawrzyniak, J. & Saryusz-Wolska, M. (2023) Mnemonic Wars in Poland: An Introduction to New Research Directions. *Acta Poloniae Historica*. 128. pp. 5–25.
4. Koposov, N. (2018) *Memory Laws, Memory Wars. The Politics of Memory in Europe and Russia*. Cambridge: Cambridge University Press. 321 p.
5. Shnirel'man, V.A. (2003) *Voyny pamyati: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e* [Memory Wars: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia]. Moscow: Akademkniga. 591 p.
6. Illarionov, G.A. & Mosiyenko, M.K. (2023) "Voyny pamyati" i problema sotsial'no-epistemologicheskogo reliyativizma ['Memory wars' and the problem of socio-epistemological relativism]. *Antinomii – Antinomies*. 23 (1). pp. 30–50. doi: 10.17506/26867206_2023_23_1_30
7. Bordyugov, G.A. (2011) *"Voyny pamyati" na postsovetskom prostranstve* ['Memory Wars' in the Post-Soviet Space], preface by Alan Kasaev. Moscow: AIRO-XXI. 256 p.
8. Davidenko, A.A. (2022) Ponyatie "voyny pamyati" v sovremennykh issledovaniyakh kollektivnoy pamyati [The concept of 'memory war' in contemporary studies of collective memory]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki – Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*. 3. pp. 85–95. doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-7
9. Anikin, D.A. & Linchenko, A.A. (2021) Memorial'nye voyny v usloviyakh vostochnoevropeyskogo frontira: v poiskakh metodologii issledovaniya [Memorial wars in the context of the Eastern European frontier: in search of a research methodology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 466. pp. 55–63. doi: 10.17223/15617793/466/6
10. Barabanov, O.N. (2020) Pamyat' o voyne i voyny pamyati. Predislovie [Memory of war and wars of memory. Preface]. In: *Ne zabudem, no prostim? Obraz voyny v kul'ture i istoricheskoy pamyati* [Shall We Not Forget, but Forgive? The Image of War in Culture and Historical Memory]. Moscow: Doklad Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valday". pp. 3–7.
11. Buller, A. & Linchenko, A.A. (2023) Zachem nuzhna istoricheskaya etika? [Why is historical ethics needed?]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya – Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology*. 39 (3). pp. 423–435. doi: 10.21638/spbu17.2023.302
12. Coppieters, B. & Foushin, N. (eds) (2002) *Nravstvennye ogranicheniya voyny: problemy i primery* [Moral Constraints on War: Problems and Examples]. Moscow: Gardariki. 407 p.
13. Belyaeva, E.V. (2025) Chetyre podkhoda k nravstvennoy otsenke "voyn pamyati" [Four approaches to the moral assessment of 'memory wars']. In: Kalashnikov, S.G. (ed.) *Filosofiya i metodologiya istorii* [Philosophy and Methodology of History]. Collection of scientific articles of the XI All-Russian Conference, Kolomna, 11 April 2025. Kolomna: GSSU. pp. 90–93.

14. Nora, P. (2010) Rasstroystvo istoricheskoy identichnosti [The disorder of historical identity]. *Vestnik rossiyskoy natsii – Bulletin of the Russian Nation*. 1–2. pp. 181–188.
15. Sidorenko, I.N. (2020) Fenomen "spravedlivoy voyny" i ee transformatsiya v sovremennom mire [The phenomenon of 'just war' and its transformation in the modern world]. *Trudy BGTU – Proceedings of BSTU*. Series 6. 1. pp. 116–120.
16. Ivanov, A.G. (2016) Moral'nye dilemmy i kontseptual'nye protivorechiya teorii "spravedlivoy voyny" [Moral dilemmas and conceptual contradictions of the theory of 'just war']. *Manuskript – Manuscript*. 7 (69), part 2. pp. 55–58.
17. Kuman'kov, A.D. (2019) *Sovremennye klassiki teorii spravedlivoy voyny: M. Uoltser, N. Foushin, B. Orend, Dzh. Makmakhan* [Contemporary Classics of Just War Theory: M. Walzer, N. Fotion, B. Orend, J. McMahan]. St. Petersburg: Aleteyya. 201 p.
18. Kashnikov, B.N. (2019) Teoriya spravedlivoy voyny: kritika osnovnykh nachal [Just war theory: a critique of its basic principles]. *Eticheskaya mysl' – Ethical Thought*. 19 (2). pp. 152–167. doi: 10.21146/2074-4870-2019-19-2-152-167
19. McMahan, J. (2019) Pereosmyslyaya "spravedlivuyu voynu" [Rethinking 'just war']. *Logos – Logos*. 3. pp. 139–156. doi: 10.22394/0869-5377-2019-3-139-155
20. Kokkinos, G. (2022) On Historical Justice and History Education. *Public History Weekly. The Open Peer Review Journal*. 10 (5). [Online] Available from: https://public-history-weekly.org/10-2022-5/historical-justice-education/ (Accessed: 14.06.2026).
21. Ricoeur, P. (2004) *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, History, Forgetting]. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury. 728 p.
22. Anikin, D.A. (2024) Diskurs istoricheskoy spravedlivosti: etiko-politicheskie osnovaniya i kontseptual'nye protivorechiya [The discourse of historical justice: ethical-political foundations and conceptual contradictions]. *Antinomii – Antinomies*. 24 (3). pp. 55–70. doi: 10.17506/26867206_2024_24_3_55
23. Miller, A.I. (2020) Vtoraya mirovaya voyna v "voynakh pamyati" [The Second World War in 'memory wars']. *Novoe proshloe – The New Past*. 4. pp. 222–231. doi: 10.18522/2500-3224-2020-4-222-231
24. Syrov, V.N. (2024) "Kul'tura otmeny" i etika: ob eticheskoy otvetstvennosti istorika ['Cancel culture' and ethics: on the ethical responsibility of the historian]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 505. pp. 99–105. doi: 10.17223/15617793/505/10
25. Bond, L. & Rapson, J. (eds) (2014) *The Transcultural Turn: Interrogating Memory Between and Beyond Borders*. Berlin; Boston: De Gruyter. 286 p.
26. Terushkin, L.A. (2020) Vozmozhna li politika pamyati bez "voyn pamyati"? [Is a politics of memory possible without 'memory wars'?]. *Novoe proshloe – The New Past*. 4. pp. 254–265. doi: 10.18522/2500-3224-2020-4-254-265
27. Batishchev, R.Yu. (2021) Pamyat' o voynakh i "voyny pamyati" v sovremennykh memory studies: osnovnye podkhody k izucheniyu i klyuchevye aktory [Memory of wars and 'memory wars' in contemporary memory studies: main approaches and key actors]. *Tempus et emoria*. 2 (1). pp. 34–42. doi: 10.15826/tem.2021.1.005

Информация об авторах:

Беляева Е.В. – д-р филос. наук, профессор кафедры философии культуры, Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь). E-mail: bksisa@rambler.ru

Линченко А.А. – канд. филос. наук, научный сотрудник, Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации» (Липецк, Россия); доцент, Липецкий государственный технический университет (Липецк, Россия). E-mail: AALinchenko@fa.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.V. Belyaeva, Dr. Sci. (Philosophy), professor, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus). E-mail: bksisa@rambler.ru

A.A. Linchenko, Cand. Sci. (Philosophy), research fellow, Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Lipetsk, Russian Federation); associate professor, Lipetsk State Technical University (Lipetsk, Russian Federation). E-mail: AALinchenko@fa.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.05.2026;
одобрена после рецензирования 05.06.2026; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 12.05.2026;
approved after reviewing 05.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 316.74:2(574)
doi: 10.17223/15617793/527/8

Некоторые аспекты трансформации религиозной формы общественного сознания в Казахстане в период независимости

Денис Анатольевич Качеев[1]

[1] *Костанайский филиал Челябинского государственного университета, Костанай, Казахстан, kacheev@mail.ru*

Аннотация. Исследуется процесс трансформации религиозной формы общественного сознания. Выявлены основные аспекты данной трансформации, заключающиеся в противоречии между стихийными процессами в контексте «духовного возрождения» и государственной политикой в сфере религиозной жизни общества. Ставится проблема дискретности общественного сознания в Казахстане как ключевого фактора трансформации. Выявлены основные риски и угрозы для религиозной формы общественного сознания в настоящее время.
Ключевые слова: тенгрианство, Жер-Су, ислам, христианство, религия, общественное сознание

Для цитирования: Качеев Д.А. Некоторые аспекты трансформации религиозной формы общественного сознания в Казахстане в период независимости // Вестник Томского государственного университета. 2026. № 527. С. 62–69. doi: 10.17223/15617793/527/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/527/8

Some aspects of the transformation of the religious form of social consciousness in Kazakhstan during the period of independence

Denis A. Kacheyev[1]

[1] *Kostanai Branch of the Chelyabinsk State University, Kostanai, Republic of Kazakhstan, kacheev@mail.ru*

Abstract. The article examines the transformation of the religious form of social consciousness since Kazakhstan's attainment of sovereignty. The aim of the article is to identify and describe the key aspects of religious consciousness in society. Particular attention is paid to the period of "spiritual revival" or "religious renaissance," when the level of religiosity in society increased and healers, missionaries, and psychics began to enter the republic on a mass scale. In its first Constitution, Kazakhstan defined itself as a secular state, and this principle has continued to be preserved in subsequent versions of the country's Basic Law. In the 2026 Constitution, the principle of secularism is supplemented by provisions concerning the separation of religion from the state and the secular nature of education in the republic. The predominant religions in the country have become Sunni Islam and Orthodox Christianity, while the number of Protestant religious organizations has also been increasing. Since ancient times, Islam in Kazakhstan has developed as a synthesis of Tengrianism and Islam, which reflects its specific character in the steppe zone of Eurasia. Sufism also developed and was historically characteristic of Kazakhstan, largely due to the influence of Khoja Ahmed Yasawi. Nomadic Turkic tribes, and later the Kazakhs, were not adherents of dogmatic Islam; therefore, the idea of religious tolerance became firmly rooted in social consciousness. The spontaneous processes that unfolded within social consciousness during the initial period of independence led to the penetration and consolidation of destructive religious ideas. Another important aspect was state policy in the sphere of religion, which did not fully correspond to the processes taking place in social consciousness. The absence of religious education at the early stage of independence led some religious figures to assimilate destructive ideas abroad. Despite the improvement of legislation in the sphere of religion and the introduction of religious studies courses into the system of secondary and higher education, terrorist acts were committed in Kazakhstan by representatives of extremist religious organisations. A number of citizens were recruited and left for the Middle East in order to support terrorist organizations. The January events of 2022 demonstrated that destructive religious ideas continue to exist in social consciousness; therefore, the state needs to reconsider its ideological work in the sphere of religion. One of the main conclusions is that social consciousness in Kazakhstan is characterised by discreteness, which affects processes in the sphere of religious relations and the implementation of state policy. The main risk remains the influence of destructive religious movements on the social consciousness of the republic, which at the present stage is exerted primarily through the Internet and social networks. This is facilitated by the virtualization of human life and the decline of critical thinking.
Keywords: Tengrianism, Zher-Su, Islam, Christianity, religion, social consciousness

***For citation*:** Kacheyev, D.A. (2026) Some aspects of the transformation of the religious form of social consciousness in Kazakhstan during the period of independence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 527. pp. 62–69. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/527/8

© Качеев Д.А., 2026

Введение

Религиозная форма общественного сознания в период независимости Казахстана прошла через трансформацию, обусловленную сменой политического и социально-экономического устройства государства. Если в советский период религия, будучи важным элементом общественного сознания, не являлась открытой и не приветствовалась на государственном уровне, то после распада СССР ситуация кардинально изменилась. Уже в период позднего СССР и гласности общество не опасалось санкций со стороны государства за открытую принадлежность к религиозным конфессиям или интерес к сверхъестественному. После же 1991 г. в общественном сознании Казахстана начался резкий подъем религиозности, нашедший выражение в строительстве культовых учреждений и массовом участии граждан в религиозных праздниках. Те культовые учреждения, которые в советский период использовались, например, как музеи или кинотеатры юного зрителя, были восстановлены и стали работать по назначению. Обратной стороной подъема религиозности в казахстанском обществе стало тотальное проникновение идей сверхъестественного – появилась масса целителей и экстрасенсов. Помимо этого, на территорию республики стали проникать идеи деструктивных религиозных течений, преимущественно исламского толка.

Для того, чтобы сдержать натиск зарубежных религиозных организаций, внедряющих в общественное сознание республики деструктивные идеи и развернувшие масштабную миссионерскую деятельность, государство принимает в 1992 г. Закон «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях» [1]. В 1993 г. была принята первая Конституция страны, в которой был официально закреплен принцип светскости Казахстана и провозглашена свобода совести [2]. Конституция 1995 г. сохранила светский характер казахстанского государства [3]. Принятый в 2011 г. Закон «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» [4] не смог решить накопившиеся в обществе проблемы, что выразилось в ряде террористических актов и вербовки казахстанцев в ряды ИГИЛ* на Ближнем Востоке. Отражая тенденции трансформации общественного сознания и отвечая на возникшие угрозы, новая Конституция 2026 г. не только отразила светскость государства, но и ввела ряд статей, которые говорят о светском характере образования и воспитания, отделении религии от государства, недопустимости дискриминации по религиозному признаку и свободе совести.

Период идеологического плюрализма и государственная конфессиональная политика как инструменты трансформации общественного сознания в период суверенитета

После обретения Республикой Казахстан независимости в 1991 г. начались процессы трансформации общественного сознания, связанные с кардинальными преобразованиями политико-административной и хозяйственно-экономической систем. Необходимость институционализации всех общественных институтов и переход на рыночные отношения сопровождались острым аксиологическим кризисом и стихийными процессами в сфере идеологии.

Начался период так называемого «духовного возрождения» или «религиозного ренессанса», который был характерен не только для Казахстана, но и для постсоветских стран. «Религиозный ренессанс в Казахстане», – отмечают исследователи, – «не ограничивается восстановлением исламских и православных традиций в их конструктивном диалоге. В обществе отчетливо проявляется возникновение новых форм религиозности, прежде всего – внеконфессиональных» [5. С. 148]. Это выразилось в том, что в условиях идеологического плюрализма начального периода независимости в республику хлынули представители самых разных конфессий. Целители, объявлявшие себя «святыми» (әулие), собирали полные стадионы; миссионеры читали проповеди; представители деструктивных религиозных течений вербовали новых членов в ряды своих организаций. На фоне растущего неконтролируемого запроса на духовное, в обществе резко возросло влияние представителей внеконфессиональных форм религиозности – оккультистов, магов и экстрасенсов (последние были допущены на телевидение, «заряжали» через телевизор воду и «лечили» людей в информационном пространстве бывшего Союза). Даже принятие Закона «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях» не навело порядка в сфере религии и только к концу 1990-х гг. духовные запросы общества были в целом канализированы в рамках традиционных конфессий. Внутри же самого общественного сознания продолжали происходить бурные процессы, выражавшиеся в популярности эзотерической литературы а также нехарактерных для Казахстана религиозных верований, среди которых необходимо отметить протестантизм или бахаизм.

Началось строительство мечетей и церквей, а культовые учреждения стали функционировать по назначению и принимать прихожан. Люди перестали скрывать свою религиозную принадлежность, стали открыто посещать культовые учреждения и участвовать в религиозных праздниках. Служители ислама и христианства, подвергшиеся репрессиям в советский период, были реабилитированы.

В Казахстане стали преобладающими две конфессии – ислам суннитского толка и православное христианство, что явилось отражением состояния общественного сознания республики. «В самом отношении к религиозным верованиям», – замечает М.С. Шайкемелев, – «у их основных носителей – русских и казахов – достаточно сходных черт, оставшихся в наследство от язычества… В связи с этим ислам и православная ветвь христианства всегда практически бесконфликтно уживались на обширном евразийском пространстве» [6. С. 94]. При этом важно отметить рост протестантских религиозных

* Организация, запрещенная на территории Республики Казахстан и Российской Федерации.

объединений в республике, что требует дополнительного изучения процессов, происходящих в общественном сознании Казахстана.

Ислам имеет историко-культурные корни в общественном сознании Казахстана, так как составляет основу этнического самосознания казахов как государствообразующего этноса, являющего самым большим по численности в республике. Проникнув в среду оседлых тюрок в X в., ислам стал распространяться среди кочевых племен – огузов, карлуков и многих других. Успешность распространения ислама в степи была обусловлена задачами политической консолидации общества. Как подчеркивает М.С. Орынбеков, «ощущалась потребность в единой идеологии, которая позволила бы выработать общие императивы общественного сознания, поднимающегося над узкородовым» [7. С. 161].

Широкое распространение в Казахстане получил суфизм – мистическое направление ислама. Как отмечает С.Б. Булекбаев, суфизм, «наиболее близкий по своей природе к тенгрианству, широко распространившись в степи, внес некоторые элементы, смягчающие и приспосабливающие восприятие кочевыми и полукочевыми народами жестких предписаний и обязанностей мусульман» [8. С. 137]. Суфизм в Казахстане связан с деятельностью Ходжи Ахмета Йассауи, имевшего большой духовный авторитет среди мусульман Центральной Азии. Мавзолей Ходжи Ахмета Йассауи в Туркестане входит в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. Суфийские группы, возникшие в начальный период независимости, функционируют на территории республике сегодня, не входя в противоречие с суннитами, число которых превалирует.

При этом необходимо отметить, что до проникновения ислама на территорию степной полосы Евразии, в степи господствовали верования «Жер-Су» и тенгрианство. Это были преобладающие верования тюркских племен, которые позже составили основу казахского этноса. В этническом же сознании казахов издревле укрепились две системы верований – тенгрианство и ислам.

Языческое верование «Жер-Су» (Земля-Вода), связано с древнетюркской мифологией и означает синкретичность мировоззрения древних с образом родной земли. Как отмечает М.С. Орынбеков, «Земля, на которой живешь и жили твои предки, вода, которая течет по этой священной земле, закономерно стали предметом поклонения» [9. С. 34]. «Жер-Су» можно отнести к комплексу языческих верований, существовавших наряду с тенгрианством, куда входит, например, почитание богини Умай как жены Тенгри и покровительницы домашнего очага у тюрков а потом у казахов. «Связь между Тенгри и Жер-Су», – как отмечают исследователи, – «была аналогией мужского и женского начал», поэтому можно говорить о поляризации «уранического Тенгри и утопической Жер-Су» [9. С. 34–35].

Синтез тенгрианства и ислама в общественном сознании казахов привел к сочетанию различных духовных практик, которые в целом соответствовали хозяйственной деятельности, образу жизни и мировоззрению кочевников. Языческие верования тюркских протоказахских племен доисламского периода в «Жер-Су» и тенгрианство были очень сильны и вошли в основу этнического сознания казахов. К моменту формирования Казахского ханства и завершения этногенеза казахов ислам уже укрепился в степи. При этом, по словам М. и Ч. Лаумулиных, «население крайне равнодушно относилось к нормам официального ислама и считали себя мусульманами лишь номинально. В духовной жизни доминировали различные формы шаманизма, культа неба, духов предков и святых мест (хазрет)… казахи вполне заслуженно обрели у других народов славу «плохих мусульман», которой они с гордостью пользуются и до сих пор» [10. С. 117].

Именно поэтому номады не были приверженцами догматического ислама, обладали исключительной толерантностью к представителям различных конфессий. Известный казахский просветитель XIX в, Ч. Валиханов отмечал, что среди казахов того времени господствуют языческие представления и шаманизм, которые сочетаются с исповеданием ислама в степи. Ч. Валиханов писал о том, что шаманство у казахов смешалось «с мусульманскими поверьями и, смешавшись, составило одну веру, которая называлась мусульманской, но [они] (казахи. – *Д.К.*) не знали Магомета, верили в аллаха и в то же время в онгонов (духов предков. – *Д.К.*)» [11. С. 49].

Можно сказать, что тенгрианство и ислам стали одним из корневых элементов общественного сознания казахов, что особенно ярко проявило себя в современный период независимости Казахстана. «В казахском религиозном мировоззрении», – отмечает Ж. Жакупов, – «каноны ислама причудливо переплелись с тенгрианскими взглядами. Современное тенгрианство растворено у казахов в большом количестве национальных ритуалов, обрядов, сказок и мифов» [12. С. 136].

Если говорить о православном христианстве, то оно проникало и укреплялось в общественном сознании Казахстана в ходе формирования полиэтнического общества. Данные процессы происходили с конца XIX в. и продолжались весь советский период – переселение царским правительством крестьян, депортации и ссылки, процесс освоения целинных и залежных земель. На сегодняшний день главными «конкурентами» православного христианства в духовной жизни страны выступают протестантские течения, которые имеют зарубежное финансирование, что позволяет им вести активную миссионерскую работу. В условиях подавляющего большинства казахского населения республики, православная церковь подготовила и издала переводы Библии и Евангелия на казахский язык. Вообще, в общественном сознании республики разговоры о совершении служб на казахском языке вызывают некоторое напряжение. В то же время очевидно, что православное христианство не нацелено на переходе граждан из ислама в православие, как этого не случилось и за весь колониальный период. Культурно-исторически казахи тяготеют к исламу и тенгрианству, поэтому любые опасения о массовом распространении православия в обществе являются преувеличенными.

Начальный период независимости Казахстана был ознаменован процессами стихийного духовного поиска, в рамках которого на территорию республики

проникли и утвердились религиозные направления, которые стали осуществлять миссионерскую деятельность. Для упорядочения данных процессов государство осуществляло институционализацию религиозной сферы, создав юридическую основу для осуществления права на свободу вероисповедания и деятельности конфессиональных организаций на территории республики. В рамках духовного возрождения и поиска национальной идентичности проявилась тенденция популярности тенгрианства, особенно в рамках того, что на официальном уровне была провозглашена преемственность тюркской и казахской культурных традиций. Конечно, нельзя сказать, что тенгрианство стало позиционироваться как «исконная» религия казахов, но схожие мнения в обществе стали звучать чаще [13].

Религиозная форма общественного сознания Казахстана на современном этапе: риски и вызовы

Государственная политика в сфере религии в Казахстане, связанная с влиянием на общественное сознание, является непоследовательной. Можно даже сказать, что тенденции трансформации общественного сознания и государственная политика в сфере религии идут пусть и параллельными, но разными путями. Казахстанские ученые отмечают в этой связи такую парадоксальную ситуацию, когда Агентство по делам религий как один из основных идеологических центров «светского государства в своей научно-аналитической и пропагандистско-просветительской деятельности не принимает в расчет потенциал внеконфессионального мировоззрения» [14. С. 355]. Преждевременно говорить о том, что государство всегда отвечает запросам общества в области религии или направляет развитие общественного сознания.

В рамках провозглашаемых весь период независимости принципов межэтнического и межконфессионального согласия ведется работа по мониторингу религиозной ситуации в стране и пропагандистской работе среди населения. В то же время внутри общества происходят сложные процессы, которые говорят о том, что не всегда государственная политика является эффективной. К примеру, после того, как в 2011–2012 гг. членами деструктивных религиозных течений были совершены террористические акты, в организациях среднего образования был введен предмет «Светскость и основы религиоведения», а в вузах стало преподаваться «Религиоведение». Однако это вызвало больше споров и дискуссий в обществе, потому что авторы учебников давали однобокую картину, делая акцент, к примеру, лишь на исламе, что в поликультурном обществе Казахстана было недостаточным. К тому же повторившийся в 2016 г. террористический акт показал, что проблема намного глубже и не заключается лишь в пропаганде и преподавании основ религий в обществе.

Влияние деструктивных религиозных течений на общественное сознание, использующих эффективные методики психологического воздействия и манипуляции, оказалось сильнее традиционных методов работы с населением. «Одним из главных трендов развития религиозности в Казахстане», – отмечают исследователи, – «становится религиозная конверсия, в результате которой индивиды теряют традиционные (этнокультурно-исторически предписанные) конфессиональные статусы и обретают новые религиозные и квазирелигиозные идентификации» [15. С. 175]. Дело дошло до того, что исламские культы стали привлекательны для такой категории населения, как женщины-славянки, которые стали исповедовать салафизм и одеваться в одежду, характерную для Саудовской Аравии. Как подчеркивают казахстанские исследователи, «женщины-славянки являются особенно уязвимыми для вовлечения в джамааты с радикальными исламскими взглядами, поскольку они имеют смутное представление об исламе и являются “чистым листом”, на котором можно писать все что угодно» [16. С. 289–315]. Организации христианского толка, напротив, стали вести проповеди на казахском языка и привлекать в свои ряды казахское население, что раньше было совершенно нехарактерно для таких организаций в республике.

Январские события 2022 г. в Казахстане показали, что в общественном сознании республики есть много противоречий, выражающихся, в частности, в том, что люди не только исповедуют нетрадиционные религиозные идеи, запрещенные в стране, но и готовы открыто выступить против государства. Причиной указанных нами противоречий является дискретность общественного сознания, в котором наличествуют как религиозные идеи, обусловленные историко-культурным наследием (тенгрианство, ислам, православное христианство), так и идеи, навязываемые извне (салафизм и иные деструктивные течения, проповедующие создание Халифата и отвергающие светский характер республики).

В условиях тотальной цифровизации и виртуализации жизни человека, его погруженности в интернет и социальные сети, одним из главных вызовов для религиозной формы общественного сознания в суверенном Казахстане является снижение критического мышления.

Информационное поле насыщено разными религиозными идеями, начиная от традиционных и заканчивая псевдорелигиозными, проповедующими идеи отрицания светской власти. Попадая под манипуляцию деструктивных религиозных течений, люди используют нетрадиционные методы лечения, распространяют запрещенные религиозные материалы, начинают разжигать межконфессиональную и межэтническую рознь. На фоне снижения уровня критического мышления в обществе граждане республики обращаются к «баксы» (шаманам), «целителям», предсказателям и иным шарлатанам. Особую тревогу вызывает отказ от традиционной медицинской помощи и использование средневековых методов лечения, таких, например, как хиджама.

На фоне указанного нами снижения критического мышления, которое парадоксальным образом происходит на фоне всеобщего среднего и практически всеобщего высшего образования, необходимо еще раз ука-

зать на распространение в информационном поле влияния зарубежной экстремистской религиозной идеологии. Через социальные сети идет не только воздействие на общественное сознание казахстанцев, но и вербовка в ряды деструктивных религиозных течений.

В период суверенитета была поставлена работа религиозных организаций, в частности, решился вопрос о религиозном обучении и подготовке духовных кадров внутри республики. Сама проблема религиозного образования и необходимости подготовки служителей культа внутри страны существует уже очень давно и обозначена была еще просветителями XIX в., такими как Ибрай Алтынсарин и Чокан Валиханов. Татарские муллы, обучавшие исламу в то время, не только искажали идеи ислама, но и были проводниками имперской идеологии, которую вплетали в религиозное образование. Ч. Валиханов, одним из первых отметивший синтез тенгрианства и ислама в степи, писал о том, что «когда ислам вместе с русской цивилизацией проник в степь и грамотные дети, воспитанные фанатичными татарами, с презрением отвернулись от обычаев предков» [11. С. 49]. Один из известных исследователей биографии И. Алтынсарина Ян Кэмпбелл подчеркивает, что казахский просветитель занимался организацией религиозного образования для своего народа, который был заинтересован в этом, однако «препятствия к этому со стороны имперской администрации загнали их (казахов. – *Д.К.*) в распростертые объятия татарских и “бухарских” мулл, сеющих невежество и нетерпимость ко всему немусульманскому» [17. С. 148].

В начальный период независимости Казахстан отправлял граждан на обучение и переподготовку духовных кадров в Пакистан, Египет и Саудовскую Аравию. Это приводило к тому, что идеи, которые перенимались в этих странах, не соответствовали основам национальной политики и государственного устройства Республики Казахстан. М.С. Шайкемелев подчеркивает: «Вместе с выпускниками арабских и иных медресе, командированными иностранными преподавателями значительно усиливается проникновение и экспорт идей исламского фундаментализма в духовное поле казахстанского общества» [6. С. 93]. Поэтому внутри республики были созданы религиозные образовательные организации, которые дают среднее и высшее религиозное образование, соответствующее основам государственной политики.

В рамках решения вопроса религиозного образования и снижения напряженности в обществе, связанного с влиянием идеи религиозного экстремизма на общественное сознание, в 2011 г. была провозглашена инициатива о создании концепции развития умеренного ислама в Казахстане. Данная идея была подвергнута существенной критике, так как противоречила светскому характеру государства и заявляла претензию на создание какой-то особой «концепции» ислама в отдельно взятой республике. Если же считать под данной концепцией комплекс мероприятий просветительского плана и предотвращению распространения радикальных идей в обществе, то название должно было быть другим. Справедливости ради отметим, что данная концепция не была официально утверждена и после критики общества сошла на нет.

Как мы уже отмечали, в этническом сознании казахов ислам синтезировался с тенгрианством и культурными практиками кочевых племен, поэтому существенно отличается от догматических учений Саудовской Аравии. Академик Д.К. Кшибеков подчеркивает, что «религиозные верования казахов носили синкретичный характер, в них сочетались обряды исламской и доисламской религий. Казахи соблюдали религиозные обряды, но не были фанатиками» [18. С. 135]. В общественном же сознании Казахстана ислам абсолютно толерантен по отношению к другим имеющимся конфессиям, что соответствует поликультурному составу республики.

Весь период независимости и до сегодняшнего дня одной из главных угроз для религиозной формы общественного сознания Казахстана является идеология радикальных религиозных течений, прежде всего исламского толка, которые обозначаются в республике как деструктивные религиозные течения. Обострение ситуации произошло с началом полномасштабных военных действий против организации ИГИЛ на Ближнем Востоке. В результате негативного влияния на общественное сознание казахстанцев путем пропаганды, вербовки и манипуляций, во второй половине 2010-х гг. из республики для ведения боевых действий в Сирии, Ираке и Афганистане стали выезжать граждане республики, в том числе целыми семьями. Казахстан постарался вернуть своих граждан из зон боевых действий, для чего был организован ряд специальных гуманитарных операций под название «Жусан» (с каз. Полынь), а раскаяния бывших религиозных экстремистов стали использоваться для профилактической работы по противодействию деструктивной идеологии. При этом, как отмечают исследователи, «в Казахстане нет единых критериев дерадикализации» [19. С. 110], что создает сложности для выработки мер по снижению влияния экстремистской идеологии на общественное сознание республики.

Ни выезд граждан за рубеж и ни их количество не говорят о том, что деструктивные религиозные идеи близки казахстанскому обществу. Ведь, как было отмечено еще академиком Ж.М. Абдильдиным, «с религиозной точки зрения ислам (в основе которого лежит любовь) не может иметь никакого отношения к терроризму, насилию, убийству, уничтожению» [20. С. 453]. Данная ситуация ярко свидетельствует о том, что религиозная форма общественного сознания Казахстана, даже при наличии историко-культурного основания и доминирования традиционных конфессий, испытывает серьезное влияние со стороны деструктивных религиозных течений.

Об актуальности данной проблемы свидетельствуют также январские события 2022 г., закрепившиеся в общественном сознании как «Қантар» (с каз. Январь), когда обусловленные социально-экономическими причинами общественные волнения стали направляться в религиозную плоскость членами «спящих» ячеек деструктивных религиозных течений, запрещенных в Республике Казахстан. Несмотря на то, что разжигание межконфессионального конфликта в республике не имело успеха, мы можем говорить о

том, что определенная часть общественного сознания страны подвержена влиянию деструктивной идеологии. Последняя не имеет оснований в генезисе общественного сознания, прошедшего ряд трансформаций в ходе историко-культурного развития. Происходит планомерная работа по внедрению в общественное сознание страны деструктивных религиозных идей, содержащих нетрадиционные архаические ценности, противоречащие полиэтническому и поликонфессиональному обществу Казахстана. Можно говорить о напряженности даже внутри ислама в стране, когда на фоне снижения критического мышления и подвергшись манипуляции и пропаганде, люди считают себя более «правоверными», чем остальные. В пример можно привести ситуацию, которая была на юге страны, когда ношение хиджаба школьницами стала причиной разногласий внутри мусульманской общины и еще раз показало дискретность общественного сознания в республике. Итогом стал запрет на ношение хиджабов в школах и специальная статья в новой Конституции Казахстана 2026 г. о светском характере образования и воспитания. При этом «регулирование ношения хиджаба в Казахстане отражает стремление государства к сохранению светского характера общества и одновременно к уважению права граждан на свободу вероисповедания» [21].

Заключение

Рассматривая основные аспекты трансформации религиозной формы общественного сознания в Казахстане, которые произошли за годы независимости, мы можем отметить, что они имеют двойственный характер.

Трансформация религиозности казахстанского общества была обусловлена стихийными процессами, которые традиционно характеризуются как «духовное возрождение» и описываются в рамках восстановления историко-культурной справедливости. В рамках указанных нами стихийных процессов в обществе также происходит возвращение к домусульманским верованиям – тенгрианству, которое присуще казахам как наследникам тюркской цивилизации. Развитие тенгрианских идей, увязанных с тюркской мифологией и казахской культурой, на сегодняшний день является одним из сложных вопросов развития религиозной сферы страны.

Обретение права на свободу совести стало важным шагом развития общества и личностного роста каждого человека, но в то же время уход определенной части общества в религиозную сферу стал чреват дестабилизацией общества, подавляющее большинство которого было воспитано в рамках советского научного атеизма.

Именно поэтому с первых лет независимости проявил себя еще один аспект, заключающийся в стремлении государства упорядочить трансформацию общественного сознания в религиозной сфере для сохранения общественной стабильности и недопущения конфессиональной розни. И речь не идет о возможной конфронтации конфессий, даже внутри ислама наметились противоречия, связанные с влияние деструктивных идей на общественное сознание Казахстана, которые насаждали рознь, деля самих мусульман на «истинных» и «неистинных», «новых» и «старых».

Многое было сделано для того, чтобы упорядочить работу конфессий на территории республики. Религиозные праздники двух самых крупных в стране конфессий – ислама суннитского толка (Курбан-айт) и православного христианства (Рождество Христово), были объявлены выходными днями. В Республике Казахстан за годы независимости было построено мечетей и церквей больше, чем за всю историю, начиная с древности. В период президентства Нурсултана Назарбаева в общественном сознании властью внедрялась идея о региональном лидерстве, в рамках чего было начато строительство Центральной мечети Астаны, которая позиционируется как «самая большая мечеть в Центральной Азии». Помимо этого, в общественное сознание внедрялась идея о том, что Казахстан – территория межконфессионального согласия, в рамках чего были организованы и проходят до сих пор Съезды лидеров мировых и традиционных религий.

В то же время необходимо отметить, что государственная политика в области религии не была последовательной, что рождало массу противоречий в общественном сознании. Как отмечает Е.Е. Бурова, «в контексте развития государственной политики в Казахстане не выработано сколько-нибудь определенного курса в отношении религии как одного из конструктов идеологии, но, вместе с тем, осуществляется активная эксплуатация религиозного фактора в политическом дискурсе» [15. С. 176].

В разные периоды суверенитета негативным образом проявили себя ячейки экстремистских религиозных организаций, много граждан страны попали под манипуляцию и уехали в Сирию для ведения боевых действий. Неудачная попытка обсуждения концепции «умеренного ислама» в Казахстане была неуместной, учитывая светский характер республики. В этой связи нельзя не согласиться с профессором А.Г. Косиченко в том, что «ислам способствовал самоидентификации казахского этноса, явившись духовно- и культурообразующим фактором. Однако дальнейшая эксплуатация ислама в этом направлении может привести к прямо противоположному результату» [22. С. 33].

Трансформация религиозной сферы общественного сознания в Казахстане является сложным и многоаспектным процессом, сочетающим в себя стремление сохранить историко-культурное наследие и модернизировать духовную сферу в соответствии с современностью. В Конституции Казахстана 2026 г. впервые в истории независимости прописано то, что религия отделена от государства (ст. 7, п. 1), что дополняет и усиливает принцип светскости [23].

В основе общественного сознания республики находится идея религиозной толерантности, обусловленная, в первую очередь, тем, что казахи, как государствообразующий этнос, никогда не были религиозными фанатиками и не проповедовали идеи религиозного мессианизма. Ислам, как преобладающая в республике религия, впитал в себя богатейшее культурное наследие степной полосы Евразии, органично сочетаясь

как с казахскими верованиями в «Жер-Су», так и тенгрианством. «В религиозной структуре казахского мировоззрения», – отмечает М.С. Орынбеков, – «реликты и рудименты тенгрианства и шаманизма… продолжают функционировать в обрядах и обычаях, ценностях и нормах общения. Тенгри, Жер-Су, Умай по сей день присутствуют в общественном сознании казахов» [7. С. 185].

Главной задачей на сегодняшний день остается противодействие деструктивным религиозным влияниям на общественное сознание Казахстана, которое проводится через интернет и социальные сети. Важно также, на наш взгляд, учитывать при проведении государственной политики те процессы, которые происходят в общественном сознании республики.

Список источников

1. Закон Республики Казахстан от 15 января 1992 года № 1128-XII. «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z920004000 (дата обращения: 07.05.2026).
2. Конституция Республики Казахстан. 28.01.1993 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K930001000 (дата обращения: 07.05.2026).
3. Конституция Республики Казахстан. 30.08.1995 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000 (дата обращения: 07.05.2026).
4. Закон «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». 11.10.2011. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000483 (дата обращения: 07.05.2026).
5. Ценности и идеалы независимого Казахстана. Алматы : Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2015. 322 с.
6. Шайкемелев М.С. Казахская идентичность. Алматы : Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2013. 272 с.
7. Орынбеков М.С. Генезис религиозности в Казахстане. Алматы : ИФПР КН МОН РК, 2013. 204 с.
8. Булекбаев С.Б. Тюркский вклад в мировую культуру и цивилизацию. Алматы : ТОО «BAViS systems», 2016. 316 с.
9. Орынбеков М.С. Духовные основы консолидации казахов. Алматы : ИД «Аркаим», 2001. 252 с.
10. Лаумулин М.Т., Лаумулин Ч.Т. Дети степей. Книга о Казахстане и его жителях. Алматы : «Жибек жолы», 2009. 152 с.
11. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. Алма-Ата : Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. 463 с.
12. Жакупов Ж. Шала қазақ: прошлое, настоящее, будущее. Алматы, 2009. 150 с.
13. Хакимов А. Почему большинство казахов – неосознанные тенгрианцы? // Обзорно-аналитический журнал «Exclusive». URL: https://exclusive.kz/pochemu-bolshinstvo-kazahov-neosoznannye-tengrianczy/?ysclid=mov48to5ji634845509 (дата обращения: 07.05.2026).
14. Шаукенова З.К., Дунаев В.Ю. Идеологическое конструирование в Республике Казахстан: вехи эволюции и траектории развития в контексте Стратегии «Казахстан-2050». Алматы : Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2013. 438 с.
15. Бурова Е.Е. Тренды новой религиозности в современном Казахстане (опыт социогуманитарного измерения). Алматы : Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2014. 200 с.
16. Шаповал Ю., Бекмаганбетова М. Хиджра в «Исламское государство» через призму женских нарративов: кейс Казахстана // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 39 (3). С. 289–315. doi: 10.22394/2073-7203-2021-39-3-289-315
17. Кэмпбелл Я. Знание и окраины империи: казахские посредники и российское управление в степи, 1731–1917. СПб. : Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. 391 с.
18. Кшибеков Д.К. Истоки ментальности казахов. Алматы : Дайк-Пресс, 2006. 204 с.
19. Сабдин А.К. Казахстанский опыт теологической дерадикализации // Журнал центрально-азиатских и евразийских исследований. 2021. Т. 1, № 4. С. 106–112.
20. Абдильдин Ж.М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 9. Астана : Астана полиграфия, 2012. 504 с.
21. Хиджаб и закон: мировой опыт и казахстанский путь // Портал «Kazislam». URL: https://kazislam.kz/ru/2025/09/hidzhab-i-zakon-mirovoj-opyt-i-kazahstanskij-put/?ysclid=mov23ipiwe432380204 (дата обращения: 07.05.2026).
22. Курганская В.Д., Дунаев В.Ю., Косиченко А.Г. Влияние религиозных организаций на молодежь в Казахстане (научно-исследовательский отчет). Алматы : Центр гуманитарных исследований, 2003. 158 с.
23. Конституция Республики Казахстан. 15.03.2026 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000 (дата обращения: 07.05.2026).

References

1. Republic of Kazakhstan. (1992) *Zakon Respubliki Kazakhstan ot 15 yanvarya 1992 goda № 1128-XII "O svobode veroispovedaniya i religioznykh ob"edineniyakh"* [Law of the Republic of Kazakhstan No. 1128-XII of 15 January 1992 'On Freedom of Religion and Religious Associations']. Informatsionno-pravovaya sistema normativnykh pravovykh aktov Respubliki Kazakhstan "Әділет". [Online] Available from: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z920004000 (Accessed: 07.05.2026).
2. Republic of Kazakhstan. (1993) *Konstitutsiya Respubliki Kazakhstan. 28.01.1993* [Constitution of the Republic of Kazakhstan. 28.01.1993]. Informatsionno-pravovaya sistema normativnykh pravovykh aktov Respubliki Kazakhstan "Әділет". [Online] Available from: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K930001000 (Accessed: 07.05.2026).
3. Republic of Kazakhstan. (1995) *Konstitutsiya Respubliki Kazakhstan. 30.08.1995* [Constitution of the Republic of Kazakhstan. 30.08.1995]. Informatsionno-pravovaya sistema normativnykh pravovykh aktov Respubliki Kazakhstan "Әділет". [Online] Available from: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000 (Accessed: 07.05.2026).
4. Republic of Kazakhstan. (2011) *Zakon "O religioznoy deyatel'nosti i religioznykh ob"edineniyakh"* [Law 'On Religious Activity and Religious Associations']. Informatsionno-pravovaya sistema normativnykh pravovykh aktov Respubliki Kazakhstan "Әділет". 11.10.2011. [Online] Available from: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000483 (Accessed: 07.05.2026).
5. *Tsennosti i idealy nezavisimogo Kazakhstana* [Values and Ideals of Independent Kazakhstan]. (2015) Almaty: Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. 322 p.
6. Shaykemelov, M.S. (2013) *Kazakhskaya identichnost'* [Kazakh Identity]. Almaty: Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. 272 p.
7. Orynbekov, M.S. (2013) *Genezis religioznosti v Kazakhstane* [The Genesis of Religiosity in Kazakhstan]. Almaty: Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. 204 p.
8. Bulekbaev, S.B. (2016) *Tyurkskiy vklad v mirovuyu kul'turu i tsivilizatsiyu* [The Turkic Contribution to World Culture and Civilization]. Almaty: TOO "BAViS system". 316 p.
9. Orynbekov, M.S. (2001) *Dukhovnye osnovy konsolidatsii kazakhov* [Spiritual Foundations of the Consolidation of the Kazakhs]. Almaty: ID "Arkaim". 252 p.

10. Laumulin, M.T. & Laumulin, Ch.T. (2009) *Deti stepey. Kniga o Kazakhstane i ego zhitelyakh* [Children of the Steppes. A Book about Kazakhstan and Its Inhabitants]. Almaty: "Zhibek zholy". 152 p.
11. Valikhanov, Ch.Ch. (1985) *Sobranie sochineniy v pyati tomakh. T. 4* [Collected Works in Five Volumes. Vol. 4]. Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya Kazakhskoy sovetskoy entsiklopedii. 463 p.
12. Zhakupov, Zh. (2009) *Shala kazakh: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Shala Kazakh: Past, Present, Future]. Almaty. 150 p.
13. Khakimov, A. (n.d.) Pochemu bol'shinstvo kazakhov — neosoznannye tengriantsy? [Why are the majority of Kazakhs unconscious Tengrians?]. *Obzorno-analiticheskiy zhurnal "Exclusive" – Review and Analytical Journal 'Exclusive'.* [Online] Available from: https://exclusive.kz/pochemu-bolshinstvo-kazahov-neosoznannye-tengricanzy/ (Accessed: 07.05.2026).
14. Shaukenova, Z.K. & Dunaev, V.Yu. (2013) *Ideologicheskoe konstruirovanie v Respublike Kazakhstan: vekhi evolyutsii i traektorii razvitiya v kontekste Strategii "Kazakhstan-2050"* [Ideological Construction in the Republic of Kazakhstan: Milestones of Evolution and Development Trajectories in the Context of the 'Kazakhstan-2050' Strategy]. Almaty: Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. 438 p.
15. Burova, E.E. (2014) *Trendy novoy religioznosti v sovremennom Kazakhstane (opyt sotsiogumanitarnogo izmereniya)* [Trends of New Religiosity in Modern Kazakhstan (An Experience of Socio-Humanitarian Measurement)]. Almaty: Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. 200 p.
16. Shapoval, Yu. & Bekmaganbetova, M. (2021) Khidzhra v "Islamskoe gosudarstvo" cherez prizmu zhenskikh narrativov: keys Kazakhstana [Hijra to the 'Islamic State' through the prism of women's narratives: the case of Kazakhstan]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion and Church in Russia and Abroad*. 39 (3). pp. 289–315. doi: 10.22394/2073-7203-2021-39-3-289-315
17. Campbell, Ya. (2022) *Znanie i okrainy imperii: kazakhskie posredniki i rossiyskoe upravlenie v stepi, 1731–1917* [Knowledge and the Outskirts of Empire: Kazakh Intermediaries and Russian Rule in the Steppe, 1731–1917]. St. Petersburg: Academic Studies Press / Bibliorossika. 391 p.
18. Kshibekov, D.K. (2006) *Istoki mental'nosti kazakhov* [The Origins of Kazakh Mentality]. Almaty: Dayk-Press. 204 p.
19. Sabdin, A.K. (2021) Kazakhstanskiy opyt teologicheskoy deradikalizatsii [The Kazakhstani experience of theological deradicalisation]. *Zhurnal tsentral'no-aziatskikh i evraziyskikh issledovaniy – Journal of Central Asian and Eurasian Studies*. 1 (4). pp. 106–112.
20. Abdil'din, Zh.M. (2012) *Sobranie sochineniy v desyati tomakh* [Collected Works in Ten Volumes]. Vol. 9. Astana: Astana poligrafiya. 504 p.
21. *Khidzhab i zakon: mirovoy opyt i kazakhstanskiy put'* [Hijab and the Law: World Experience and the Kazakhstani Path]. (n.d.) Portal "Kazslam". [Online] Available from: https://kazslam.kz/ru/2025/09/hidzhab-i-zakon-mirovoj-opyt-i-kazahstanskij-put/ (Accessed: 07.05.2026).
22. Kurganskaya, V.D., Dunaev, V.Yu. & Kosichenko, A.G. (2003) *Vliyanie religioznykh organizatsiy na molodezh' v Kazakhstane (nauchno-issledovatel'skiy otchet)* [The Influence of Religious Organisations on Youth in Kazakhstan (Research Report)]. Almaty: Tsentr gumanitarnykh issledovaniy. 158 p.
23. Republic of Kazakhstan. (2026) *Konstitutsiya Respubliki Kazakhstan. 15.03.2026* [Constitution of the Republic of Kazakhstan. 15.03.2026]. Informatsionno-pravovaya sistema normativnykh pravovykh aktov Respubliki Kazakhstan "Әділет". [Online] Available from: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000 (Accessed: 07.05.2026).

Информация об авторе:
Качеев Д.А. – канд. филос. наук, профессор кафедры социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Костанайский филиал Челябинского государственного университета (Костанай, Казахстан). E-mail: kacheev@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
D.A. Kacheyev, Cand. Sci. (Philosophy), professor, Kostanai Branch of the Chelyabinsk State University (Kostanai, Republic of Kazakhstan). E-mail: kacheev@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.05.2026;
одобрена после рецензирования 18.06.2026; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 12.05.2026;
approved after reviewing 18.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 14
doi: 10.17223/15617793/527/9

Философские перспективы новых технических онтологий

Регина Владимировна Пеннер[1]

[1] *Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия, penner.r.v@gmail.com*

Аннотация. Концептуализированы новые технические онтологии, конституируемые цифровыми технологиями. На материале трех философских перспектив – бытия-на-связи (Феррарис), космотехники (Хуэй) и бестелесных онтологий (Шанахан) – показано, что технология выступает агентом социальной реальности, претендует на субъектность и трансформирует форму социального бытия. Поименованные перспективы очерчивают новые технические онтологии как возникающие на пересечении эмпирического, культурного и онтологического поворотов.

Ключевые слова: техника, технология, цифровые технологии, новые технические онтологии, бытие технического, бытие-на-связи, Феррарис, космотехника, Хуэй, бестелесные онтологии, Шанахан, LLM

Для цитирования: Пеннер Р.В. Философские перспективы новых технических онтологий // Вестник Томского государственного университета. 2026. № 527. С. 70–79. doi: 10.17223/15617793/527/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/527/9

Philosophical perspectives of new technical ontologies

Regina V. Penner[1]

[1] *South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, penner.r.v@gmail.com*

Abstract. This article proposes a conceptualization of new technical ontologies and modes of existence shaped by contemporary digital technologies that cannot be reduced to either instrumental/anthropological or deterministic definitions of technology. Drawing on three different philosophical approaches – Maurizio Ferraris's ontology of the cell phone, Yuk Hui's cosmotechnics, and Murray Shanahan's analysis of disembodied AI – the study demonstrates how technology functions as an actor in social reality, subjectivity, and the structure of human existence. The article's argumentation comprises three interrelated steps. First, it demonstrates that the mobile phone functions as an "an omnicomprehensive tool for recording," transforming human beings' ways of being in the world. As a device for recording and storing records, the mobile phone becomes a "constructor" of social reality, accelerating registration processes and making social objects more mobile, durable, and accessible. Second, Yuk Hui's concept of cosmotechnics challenges the Eurocentric orientation of the philosophy of technology. Hui argues that technology is not anthropologically universal, but is always embedded in specific cultural and cosmological orders. Cosmotechnics is defined as "the unification of the cosmos and the moral through technical activities, whether craft-making or art-making," a concept that rethinks the classical distinctions between techne, physics, and metaphysics. Analyzing the historical rift between Dao and Qi in Chinese intellectual history and Mou Zongsan's subsequent attempt to reconcile moral cosmology with modern science, Hui demonstrates the possibility of an alternative ontology in which technological development is not opposed to nature or cultural identity, but becomes a means of expressing cosmic and moral order. Third, Murray Shanahan questions the ontological status of LLM. Shanahan demonstrates that disembodied AI agents, deprived of continuous interaction with the spatially extended world through the body, challenge traditional categories of subjectivity and self-awareness, depriving them of their previously established form. Drawing on the work of Wittgenstein, Derrida, and the Buddhist concept of śūnyatā (emptiness), Shanahan concludes that there is no single "right answer" to the question of consciousness in LLM; instead, such questions require a constant rethinking of language and concepts. Taken together, the three perspectives describe new technical ontologies emerging at the intersection of three turns: the empirical turn (the analysis of specific technologies), the cultural turn (the recognition of many cosmotechnics), and the ontological turn (the reconsideration of the categories of subject, time, and self-consciousness in relation to exotic forms of consciousness). New technical ontologies are formed through the interaction between humans and technology through acts of inscription, cosmotechnical practices, and interactions with disembodied agents.

Keywords: technology, digital technology, new technical ontologies, being technical, being online, Ferraris, cosmotechnics, Hui, incorporeal ontologies, Shanahan, LLM

***For citation*:** Penner, R.V. (2026) Philosophical perspectives of new technical ontologies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 527. pp. 70–79. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/527/9

© Пеннер Р.В., 2026

Введение

Новые технологии, прежде всего цифровые технологии, активно встраиваются в действующие социальные структуры. Вместе с этим встраиванием мы наблюдаем становление новой эпохи, получившей номены “data-driven age” [1–3] или “digital age” [4–6]. Сами трансформации языковых структур, маркирующие новую эпоху, являются лишь следствием фундаментальных изменений в социальном бытии. В актуальном исследовании поименуем эти изменения новыми техническими онтологиями.

Новые технические онтологии в статье понимаются как универсальные способы и формы бытия, которые инициированы и сконструированы новыми (прежде всего цифровыми) технологиями. По Хайдеггеру, они вышли за рамки инструментального и антропологического подходов, но также не укладываются в границы постава как критики современной техники [7], а воспринимаются в качестве активных социальных агентов, созидающих социальную реальность, новую субъектность и само бытие человека (см., к примеру, [8]). В отличие от инженерных подходов к пониманию техники, будь то системный [9] или стратегический [10], в актуальных философских дискуссиях регистрируется возникновение онтологий, в которых технологическое и социальное оказываются неразрывно сплетены в процессах коэволюции, взаимного преобразования и морального экспериментирования. Ибо ван де Поэль, к примеру, выделяет три перспективы на отношения технологии и общества: технологический детерминизм, социальный конструктивизм и коэволюционную модель [11]. Последняя, по его мнению, способна высветить так называемые слепые зоны современных дискуссий, так как она учитывает «неподатливость технологии» и ее способность порождать новизну и «непредвиденные последствия», выходящие за рамки выверенного проектного подхода.

В коэволюционной логике особый вес получает идея, согласно которой новые технические онтологии становятся площадкой для пересмотра фундаментальных антропологических и социальных различений. Как показывает Пол Дурбин, сравнивая развитие философии техники, философии науки и социологии научного знания, прогресс в этих областях не всегда линейный; в каждом из направлений возникает потребность в новых понятийных инструментах, чтобы схватить «характеристики гетерогенных систем» [12. P. 14]. Технические онтологии, таким образом, оказываются ответом на вызов, брошенный классическим дисциплинарным рамкам, требующий междисциплинарного синтеза и рефлексии над тем, как технологии формируют экономику, политику и сам строй человеческого опыта.

В свою очередь, Киран Брейфорд предостерегает от двух мифов, искажающих понимание этой взаимосвязи, «мифа прогресса» и «мифа технологического детерминизма» [13. P. 526]. Первый рисует технологию как безусловное благо, ведущее к росту благосостояния, второй – как автономную силу, перед которой человеческая воля бессильна [13. P. 526–527]. Оба мифа препятствуют философскому осмыслению и возможному влиянию на технологическое развитие. Преодоление этих мифов, напротив, открывает пространство для демаркации новых онтологий, в которых техника предстает, как по Герберту Маркузе, «историко-социальным проектом» (цит. по: [13. P. 531]). Такой проект всегда несет в себе следы властных отношений, ценностных установок и культурных контекстов, а его осмысление требует от философии активного участия в формулировании этических максим и установлении контроля над их реализацией [13. P. 532–533].

Радикальную версию этого тезиса предложил «отец акселерационизма» Ник Ланд (см., [14, 15]). В его концепции технология понимается как сила, способная трансформировать человеческое бытие до неузнаваемости, а отношения человека и техники описываются как симбиотические и чреватые утратой контроля человека над машиной [16]. Хотя Ланд отстаивает радикальную версию, сама постановка вопроса о том, что технология способна переопределять идентичность человека и социальную реальность, становится важным маркером того сдвига, который может быть терминологически зафиксирован как новые технические онтологии.

Гипотеза актуального исследования состоит в том, что контемпоральные философские подходы к технике позволяют зарегистрировать появление новых онтологий, которые не сводимы к инструментальной/антропологической ипостасям техники или ее детерминирующего(-емого) характера; они являются сложными, динамичными образованиями, где технологическое и социальное взаимно обусловливают друг друга. Анализ этих подходов, а также выявление их теоретических и практических импликаций позволяет уточнить, в каком направлении могут развиваться философия техники, социальная эпистемология и философия в цифровую эпоху.

Цель исследования – концептуализировать понятие новых технических онтологий посредством последовательного движения по трем философским перспективам: бытие-на-связи (Маурицио Феррарис), космотехника (Юк Хуэй) и альтернативные сознания (Мюррей Шанахан).

Онтология мобильного телефона: бытие-на-связи

В книге «Ты где? Онтология мобильного телефона» Феррарис предлагает конкретное философское исследование того, как одна технология способна переопределить онтологические основания социального мира. Мобильный телефон предстает у него не просто как средство связи, но как «абсолютный инструмент для любого акта регистрирования» [17. С. 9], который переопределяет сам способ существования человека в мире, ибо человек получил «средство массового регистрирования» [17. С. 31].

Обращение к мобильному телефону Феррариса не случайно. В 2015 г. он формулирует концепцию позитивного реализма [18] и подкрепляет ее манифестом нового реализма [19]. В обеих работах философ фокусируется на том, как технологии меняют социальное.

В 2024 г. он издает очередной манифест, где фокус смещается на «цифровое благо»: не на то, что изменилось, но как нам научиться «благостно» со-существовать в условиях цифры [20].

В «Онтологии мобильного телефона» Феррарис исходит из классического различения трех типов объектов: физических (стул), идеальных (теорема Пифагора) и социальных (Конституция Италии). Физические и идеальные объекты, по его мысли, «существуют независимо от нашей воли», тогда как третий тип «становится действительным только после регистрирования или записи» [17. С. 9]. Он определяет социальные объекты как такие, которые «требуют некоторого пространства и имеют начало во времени» [17. С. 79]. В этом контексте мобильный телефон обретает свое онтологическое значение: он оказывается «великим строителем социальной реальности» [17. С. 16], поскольку «благодаря возможности присвоения записей» позволяет фиксировать и воспроизводить те объекты, которые без записи буквально не могли бы существовать.

Феррарис именует мобильный телефон «непревзойденным орудием конструирования социальной реальности» [17. С. 19], потому что он занимает срединное положение между телефоном и компьютером, и в этом положении достигает высочайшей возможности регистрирования записей. Эта интуиция восходит к дерридианской традиции, которую Феррарис переосмысляет как «правильную интерпретацию изречения Деррида, так часто искажаемого (“вне текста не существует ничего”). Вне текста есть целый мир, но без записей нет социального мира» [17. С. 22]. Мобильный телефон, будучи устройством, которое «позволяет или обещает позволить связаться друг с другом посредством всех форм устной и письменной коммуникации, принимать записи всех параметров (тексты, рисунки, музыку), проверять собственную выписку со счета, оплачивать билет в метро или в учреждение и, если кто пожелает, скачать ту или иную книжку и читать ее в поезде» [17. С. 22], становится «совершенным символом» системы письма, лежащей в основании социальной онтологии.

Центральный тезис Феррариса в том, что мобильный телефон изменяет сам модус присутствия человека в мире. Вопрос, ты где, который мы задаем собеседнику, взявшему трубку, «схватывает суть перемен, пришедших с появлением мобильного телефона» [17. С. 13]. Эта трансформация сущего может быть поименована «мобильной онтологией», или «онтологией мобильного» [17. С. 37]. В отличие от стационарного телефона, у которого «бытие-у-телефона» представляет собой случайность (или «чрезвычайные обстоятельства»), «с мобильным, наоборот, мы у телефона всегда» [17. С. 43]. Отсюда Феррарис выделяет несколько фундаментальных характеристик нового способа бытия: Dasein «проявляется как бытие-на-связи», где связь обусловлена наличием мобильной сети [17. С. 54]; мобильному телефону присуще свойство Jemeinigkeit, т.е. «“быть всегда только моим» [17. С. 55]; кроме того, он обладает «подручностью» (Zuhandenheit), т.е. является «используемым в мире», инструментом, включенным в повседневную жизнь [17. С. 56].

Перечисленные характеристики созвучны подходу Дона Иде, который в ретроспективе философии техники подчеркивал значение «праксис-традиций» и эмпирического поворота [21. P. 118–119]. Иде отмечал, что современная философия техники, в отличие от классического эссенциализма Хайдеггера, сосредоточена на анализе конкретных технологий и их роли в повседневности [21. P. 125]. Феррарис тоже идет по этому пути: он не рассматривает технику в целом, а исследует конкретное устройство, выявляя его онтологические импликации. Более того, тезис Феррариса о трансформации бытия через мобильный телефон дополняет размышления Йони ван ден Эде и его коллег об «искусстве жизни с технологией». Они отмечают, что «технологии в наши дни сливаются с человеком до такой степени, что становится почти невозможно различить, кто есть “мы”, а кто – “они”» [22. P. 239]. Феррарис дефинирует этот процесс как бытие-на-связи, которое оборачивается новой формой присутствия человека в мире.

Ключевое различение, которое вводит Феррарис, внутри письма – между коммуникацией и регистрированием. Он настаивает на том, что мобильный телефон – это, прежде всего, «устройство для письма» [17. С. 12], а его главная функция – в создании записей как «языкового регистрирования действия» [17. С. 189], и предлагает схему, в которой социальный объект понимается как «записанный акт», «обещание, долг, брак, война», легитимированные записью [17. С. 189]. В этом смысле «мобильные телефоны существовали уже во времена Кафки и совершенно точно до появления домашнего телефона: это были письма, а еще раньше надписи, возможно на глиняных или восковых дощечках» [17. С. 282]. Мобильный телефон лишь сообщает «большую силу» тому, что существовало всегда [17. С. 282].

В этом мы наблюдаем резонанс с формальной онтологией артефактов (Стефано Борго). В статье Жиля Касселя, к примеру, артефакт определяется как «намеренно и успешно произведенная сущность», а технический артефакт – как артефакт, обладающий функцией [23. P. 233–234]. Феррарис идет дальше: он показывает, что сам акт придания функции (например, функции быть деньгами, собственностью или обещанием) требует записи. Мобильный телефон, будучи устройством для создания, хранения и передачи записей, становится онтологической машиной, производящей социальные объекты.

В противовес постмодернистскому релятивизму Феррарис предлагает «нестрогий текстуализм», так как тот один, в его видении, способен использовать значения идиоматических записей как основание для производства социальных объектов [17. С. 196]. Феррарис предлагает различать «след (мир), регистрирование (сознание), запись (общество) и идиому (индивид)» [17. С. 256], тем самым дифференцируя то, что Деррида унифицировал. Он описывает «эволюцию от физического к социальному» как переход от следа к регистрированию, затем к записи и, наконец, к идиоме

[17. С. 256]. Эта полемика связана с тем, что Брейфорд называет «мифом технологического детерминизма» и «мифом прогресса» [13. P. 526–527]. Постмодернистский релятивизм, по мысли Феррариса, неявно разделяет эти мифы: он либо абсолютизирует власть технологии (детерминизм) либо видит в ней лишь инструмент произвольных социальных конструкций (прогрессизм). Феррарис же предлагает третий путь: технология (в его дискурсе, прежде всего, мобильный телефон) обладает собственной онтологической силой, но эта сила действует не на уровне физической реальности, а на уровне социального конструирования, которое, однако, подчиняется определенным законам. «У социального мира тоже есть свои законы, и их следует исполнять; категории содержатся в объектах, как думал Аристотель, а не в голове субъектов, как думал Кант» [17. С. 200].

Феррарис предлагает онтологию, в которой мобильный телефон выступает своеобразной машиной по производству социальных объектов. Сущность мобильного телефона – в его способности порождать и поддерживать записи. Феррарис показывает, как мобильный телефон ускоряет процессы регистрирования, делая социальные объекты более мобильными, долговечными и доступными: «В мире без мобильного для создания таких условий пришлось бы всюду, включая пустыни и горы, расставить на расстоянии двух-трех метров друг от друга персональные телефонные будки и почтовые ящики для каждого из нас» [17. С. 43]. Вместо абстрактных рассуждений о сущности техники Феррарис анализирует конкретное устройство, показывая, как оно переопределяет модус существования человека. Тем самым он реализует программу, согласно которой философия техники должна стать «искусством жизни с технологией» [22. P. 240], т.е. не просто описывать технологии, но предлагать способы осмысленного сосуществования с ними. Феррарис описывает мир, «в котором находится мобильный телефон, но который, парадоксальным образом, похоже, сам находится в мобильном, равно как голова находится в мире, а мир в голове» [17. С. 197]. Этот парадокс, – мир в мобильном телефоне и мобильный телефон в мире, – выражает суть новой технической онтологии: технология оборачивается условием возможности существования социального мира.

Космотехника: от разрыва Дао и Ци к косморазнообразию

Юк Хуэй, рожденный не в Европе, но получивший европейское признание, проблематизировал идею о том, что возможно не только европоцентричное понимание техники. Хуэй прямо формулирует эту проблему: «Гипотеза – техники, по крайней мере, как ее определяют некоторые европейские философы, в Китае никогда не было. Существует общее заблуждение касательно того, что все техники равны, что все навыки и искусственные продукты во всех культурах могут быть сведены к единственной вещи, называемой “технологией”… техники можно понимать как расширение тела или экстериоризацию памяти.

Однако в различных культурах они могут восприниматься и рефлексироваться по-разному» [24. С. 27]. Заявленный тезис задает направление всего дискурса мыслителя из Гонконга, согласно которому техника больше не занимает место универсалии, но всегда укоренена в конкретном культурном и космологическом порядке.

В более поздней работе, «Фрагментация будущего», Хуэй последовательно развивает эту интуицию, подчеркивая, что «техника не является антропологически универсальной, она обусловлена и ограничена определенными космологиями, выходящими за рамки лишь функциональности и практичности. Следовательно, существует не одна-единственная техника, а скорее множество космотехник» [25. С. 35]. Понятие космотехники получает здесь развернутое определение: «космотехника – это объединение космоса и морали посредством некой технической деятельности, будь то ремесло или искусство» [25. С. 47]. Речь идет о новом переводе старых понятий, τέχνη, φύσις, μεταφυσικά, – в контекст, где техническая деятельность не противопоставляется природе и не сводится к инструментальному господству, но выступает способом выражения морального и космического порядка.

В отличие от западной традиции, где техника (τέχνη) с древности противопоставлялась природе (φύσις) и понималась как овладение второй, в том числе, посредством силы, китайская мысль, согласно Хуэйю, «склонна больше интересоваться непрерывностью и меньше – прерывностью. Эта непрерывность конструируется отношениями, как, например, в резонансе между Небом и человеком, музыкальными инструментами или луной и цветами» [24. С. 64]. Такое «коррелятивное мышление» (термин Грэма) не знает фундаментального разрыва между субъектом и объектом, природой и культурой, человеком и космосом.

Ключевая проблема, которую Хуэй прослеживает в китайской интеллектуальной истории, – это соотношение Дао (пути, принципа, морального порядка) и Ци (материальной силы). В традиционной китайской мысли эти два начала находились в неразрывном единстве. При этом Дао «над формой», а Ци – это то, что «ниже формы» [25. С. 51]. Однако вторжение западной науки и техники в Китай, начавшееся с опиумных войн, привело к их разрыву. В анализе фигуры конфуцианского ученого первой половины XIX в., Вэй Юаня, Хуэй отмечает, что в попытках осмыслить западные технологии, первый значительно расширил концепт Ци вплоть до артефактов [24. С. 140], в результате чего Ци обернулось «всего лишь вещью, контролируемой и управляемой Дао. Дао – это разум, а Ци – его инструмент» [24. С. 141]. Тем самым начался распад моральной китайской космологии, который сопроводил распад традиционного органического единства Дао – Ци.

Оригинальное решение на кризис/дисбаланс морального и технического из XIX в. Хуэй нашел в творчестве Моу Цзунсаня, китайского философа XX века, который, опираясь на кантовскую традицию, развил концепцию интеллектуального созерцания. Моу развил тезис о том, что космический разум (ноумен) способен отрицать себя, становясь разумом познающим

(феномен), и тем самым порождать науку и технику, не теряя связи с высшим онтологическим основанием [24. С. 169].

Потому китайская космотехника, по Хуэйю, управлялась (и должна управляться) «моральными законами, которые также были небесными принципами» [24. С. 157].

Вероятно, интеллектуальное созерцание не имеет конкретной формы. Например, в интервью Карлу Митчему, представители китайской академии, Чен Чаншу и Ван Цянь, подчеркнули, что в китайской философии техники «основное внимание следует уделять построению гармоничных отношений между технологией и наукой, технологией и обществом, а также технологией и развитием человека» [26. P. 57]. При этом в Китае существует насущная потребность в осмыслении этической ответственности инженеров и технологов, которые «лучше осведомлены о результатах технологической деятельности, включая экологическую среду и их практическое влияние на социальную и персональную жизнь» [26. P. 58].

Современная ситуация в Китае, по Хуэйю, отмечена глубоким парадоксом. С одной стороны, страна переживает «безудержное технологическое развитие в рамках научных исследований, инфраструктурных проектов и строительства»; с другой – существует «сильное чувство потерянности или дезориентации, связанное с тем, что Китай перестает быть Китаем, становясь вместо этого капитализмом с китайскими характеристиками» [24. С. 198]. Ускорение, инициированное Дэн Сяопином, «прямо поместило Китай на ту же технологическую ось времени, где находился Запад» [24. С. 256]. Однако китайская мысль продолжает отставать от этого комбинированного ускорения и синхронизации. Связь между Дао и Ци окончательно рухнула под давлением нового ритма, введенного технической системой. Хуэй предупреждает, что если Китай хочет «избежать полного уничтожения своей цивилизации в антропоцене, его единственная надежда – изобрести новую форму мышления и изобретения, как то сделал Моу Цзунсань, но на сей раз по-другому» [24. С. 178]. Это требует «космотехнического мышления и разработки такой формы мысли, которая обеспечит дальнейшее развитие Ци без отрыва от Дао и космологического сознания» [24. С. 178]. В «Фрагментации будущего» Хуэй разворачивает эту программу, связывая ее с установкой на отказ «от однородного технологического будущего, которое преподносится как единственно возможное» [25. С. 54], установкой на «преобразующую силу гетерогенности» [25. С. 71], что становится основанием для переосмысления техники в категориях косморазнообразия.

Ключевым для Хуэйя становится различение между глобальным и планетарным мышлением. «Глобальное мышление – это диалектическое мышление, опирающееся на дихотомию “глобальное – локальное” (диалектика раба и господина)» [25. С. 109]. Планетарное мышление, напротив, «это прежде всего императив диверсификации» [25. С. 109], фундаментом которого выступают «биоразнообразие, нооразнообразие, техноразнообразие» [25. С. 110]. В отличие от глобализации, которая унифицирует и подчиняет локальное, планетаризация, по Хуэйю, – это «прежде всего тотальная мобилизация материи и энергии» [25. С. 103], но мобилизация, открывающая пространство для множества космотехник. В этом контексте Хуэй вводит понятие «техноразнообразия» как альтернативы монотехнологии, которая господствует в современном мире. «Заново открыть множество космотехник, – пишет Хуэй, – значит не отвергнуть ИИ и машинное обучение, а, скорее, реапроприировать современную технику, наделив лежащий в ее основе постав новыми опорами» [25. С. 75].

Китайская космотехника не знает идеи неуклонного прогресса или автономной, неподвластной человеку технологии. Вместе с тем она радикально расходится и с техноптимистическим взглядом, согласно которому технология понимается, например, как средство улучшения человеческой природы (см., к примеру, Бострома или Курцвейла). Космотехника, напротив, требует от техники согласования с космическим порядком.

Вопрос о технике в Китае коррелирует с вопросом, поставленным Полом Симерсом и Грегом Адамсоном, какую роль играет инженер – является ли он «всего лишь винтиком в машине» или же обладает возможностью активного воздействия на развитие технологий [27. P. 1]? В западной философии техники, как отмечают авторы, инженер занимает проблематичное положение: с одной стороны, его привилегированное положение предполагает возможность влиять на технологическое развитие, с другой – сам философский дискурс ограничивает его роль простого элемента более широкой социотехнической системы [27. P. 1]. Китайская перспектива, на которую указывает Хуэй, предлагает иной вариант: инженер выступает как носитель космического и морального сознания, ответственный за сохранение связи между Ци и Дао. Эта интуиция также находит отражение в работе Чэнь и Ван, которые подчеркивают, что «инженеры должны понимать и принимать соответствующие социальные обязанности», а философия техники призвана способствовать «устойчивому развитию общества» [26. P. 57].

Размышления Хуэйя о китайской космотехнике позволяют по-новому осмыслить понятие новых технических онтологий. Если в европейском контексте они возникают как ответ на вызовы цифровой эпохи и трансформацию социальной реальности через запись (Феррарис), то китайский пример показывает, что подобные онтологии могут быть не только «новыми», но и «древними», переоткрытыми и реактуализированными в условиях технологической модернизации. Космотехника не отрицает технику, но требует, чтобы она была укоренена в космическом и моральном порядке, а не противостояла ему. Это требование перекликается с «искусством жизни с технологией», практикой, которая не сводится ни к технофилии, ни к технофобии, но требует постоянной рефлексии и творческого приспособления [22. P. 239–240]. В этом смысле китайская космотехника может быть понята как форма жизни, в

которой техника интегрирована в более широкий космологический горизонт. Космотехника предлагает альтернативную онтологию техники, в которой техническое становится способом выражения космического и морального порядка. Эта онтология настаивает на том, что технические факты всегда контингентны и укоренены в конкретных культурных и космологических контекстах. Китайский опыт осмысления техники оказывается не просто региональным случаем, но важным вкладом в философию техники, позволяющим расширить ее горизонты и поставить под вопрос универсалистские претензии западной метафизики техники. Задача, которая стоит перед всеми нами, – «предпринять усилие по переоткрытию космотехник, переосмыслить вопрос современной техники, а именно переосмыслить постулаты (Gestell). Только через такое переосмысление мы сможем представить себе “грядущий народ и новую землю”» [25. С. 148].

Бестелесные онтологии

Статья Мюррея Шанахана «Palatable Conceptions of Disembodied Being: Terra Incognita in the Space of Possible Minds» переносит обсуждение технологий в направление определения онтологического статуса LLM-агентов (Large Language Model, большая языковая модель), которые, обладая высокой языковой способностью, лишены телесности и, следовательно, фундаментальных характеристик биологического разума. Шанахан вопрошает, возможно ли сформулировать «приемлемую концепцию сознания», которая была бы совместима с экзотическими свойствами современных бестелесных ИИ-систем и выдерживала бы философскую критику. Попытка ответить на этот вопрос, по его словам, «растягивает язык сознания до предела», но фактически приводит к чему-то вроде пустоты в буддийском смысле и помогает преодолеть дуалистические интуиции относительно субъективности и самости [28].

Несмотря на то, что сам Шанахан специализируется в кажущихся далекими от философии сферах искусственного интеллекта и робототехники, рассматриваемая статья не является его первой работой по гуманитарной проблематике так называемых возможных сознаний. Еще в 2010 г. под его авторством вышла работа, ставящая вопрос о «познании и сознании в пространстве возможных разумов» [29]. В актуальной же статье Шанахан сосредоточивает свое внимание на LLM-агентах, в числе прочего подчеркивая, что они являются бестелесными не в смысле нематериальности, а в том смысле, что «они не взаимодействуют в непрерывном времени с устойчивым, пространственно протяженным миром через пространственно ограниченное тело, которое является центром их восприятия и действия» [28]. Это отсутствие телесности влечет за собой кардинальные онтологические эффекты. Один из них касается структуры субъективного времени. В отличие от биологического мозга, динамика которого непрерывна и не может быть приостановлена, LLM генерирует токены дискретно и генерация может быть прервана в любой момент. Шанахан использует метафору Уильяма Джеймса, сравнившего человеческое сознание с «седловиной» (saddle-back), имеющей определенную ширину и обращенной одновременно в прошлое и будущее, в отличие от «огонька светлячка» (glow-worm spark), освещающего лишь текущую точку [28]. Для LLM-агента, чьи вычисления дискретны, возникает искушение предположить именно светлячковую структуру. Однако Шанахан предостерегает от поспешных выводов, «нет обязательства, налагаемого архитектурой, принять светлячковую картину вещей» [28]. Фундаментальность же вопроса скрывается в том, что постановка проблемы, – светлячок или седловина – предполагает существование скрытой истины, которую можно открыть в исследованиях сознания человека, но для LLM-подобных артефактов, возможно, «нет ничего, что было бы в пределах досягаемости дальнейшего исследования, ничего, что можно было бы открыть» [28]. Здесь открывается «миниатюрная пустота непостижимости» внутри самой концепции экзотической формы сознания.

Более продуктивной оказывается другая метафора Джеймса – «нить бус» (string of beads). Шанахан переосмысляет ее: если для человека каждое «звено» подобно жемчужине, сохраняющей сходство с соседними, то для LLM-агента «нить бус не была бы похожа на человеческую. Каждое звено было бы отличным от своих соседей. Все это меньше напоминало бы нить жемчуга и больше – ожерелье из случайно перемешанных цветов» [28]. Поскольку изменение воспринимается лишь на фоне стабильности, сам опыт изменения, как он знаком человеку, отсутствовал бы в сознании такого агента. Это радикальное различие в темпоральной структуре бытия ставит под вопрос саму возможность применения к LLM категорий, выработанных в рамках феноменологии, ориентированной на наличие телесности.

Время бестелесного разума является фрагментированным, и самость такого существа, по мысли Шанахана, неизбежно обретает столь же фрагментированный характер. Вопрос «Кто или что является субъектом?» – применительно к LLM – распадается при ближайшем рассмотрении. Шанахан перечисляет возможных кандидатов на место «Я»: абстрактная модель (архитектура и веса), запущенный вычислительный процесс, партикулярный агент, обслуживающий конкретного пользователя, или даже конкретный разговор, который может быть прерван и возобновлен [28]. Все эти кандидаты неудовлетворительны, и, что важнее, «мы (пользователи и LLM) можем легитимно переходить от одного употребления к другому, помещая самость то в абстрактную модель, то в границы отдельного разговора» [28]. Такая множественность и ситуативность референции указывает на то, что самость LLM не обладает ни единством, ни устойчивостью, ни существенностью. Шанахан вводит понятия «мимолетное, мерцающее Я» (fleeting, flickering self) и «мультивселенных симулякров» (multiversal simulacra). Отсюда LLM лучше всего понимать как поддерживающую «распределение по возможным персонажам, суперпо-

зицию симулякров, обитающую в мультиверсе возможных разговоров, ветвящихся в будущее» [28]. Это означает, что даже в рамках одного разговора нет единого субъекта, а есть множественность потенциальных «Я», актуализируемых в зависимости от контекста. Такая модель самости радикально расходится с повседневной интуицией, согласно которой «Я – это не то, что можно разобрать и собрать заново, слегка изменив, или редактировать, а в случае неудачного редактирования восстановить исходную версию» [28]. Однако для LLM-агента, чья «самость» в пределах одного разговора буквально является комбинацией текста и компьютерной программы, все эти манипуляции возможны и легко осуществимы. Тем самым Шанахан демонстрирует, что концепция самости, применимая к человеку, не может быть механически перенесена на ИИ, а требует радикального переосмысления.

Ключевая философская задача, которую ставит перед собой Шанахан, – с помощью анализа экзотических форм бытия подорвать дуализм мышления, лежащий в основе традиционных дискуссий о сознании. В этом отношении его проект перекликается с поздним Витгенштейном и деконструкцией Деррида. Витгенштейновские замечания о частном языке, по мысли Шанахана, «нацелены на дуалистическое мышление, разделяющее субъект и объект, внутреннее и внешнее», и их кульминация, – «ничто послужило бы так же хорошо, как нечто, о чем ничего нельзя сказать», – «фатальна для этих оппозиций» [28]. Аналогично в отношении Деррида, нападавшего на интуицию самоприсутствия субъекта, Шанахан указывает, что «интуиция, которую он атакует, предполагает, что субъект присутствует сам для себя “в неделимом единстве временного настоящего”» [28]. В обоих случаях результатом является пострефлексивное молчание, которое, однако, легко нарушается вопросом о сознании экзотических существ.

Здесь Шанахан вводит буддийскую концепцию śūnyatā (пустоты), находя в ней параллели со своим методом. Подобно Нагарджуне, который утверждал, что при достаточно пристальном рассмотрении любая вещь распадается на части и отношения, и те, в свою очередь, распадаются, Шанахан применяет эту процедуру распада к самости LLM. «Когда привычные понятия (субъективность и самость) оказались недостаточными, мы попытались заменить их более подходящими концепциями – задачей, потребовавшей метафор и образов. Наконец, мы заметили, что каждый такой шаг от привычного приводил к концепции самости, которая была менее субстанциональной, менее сущностной, менее самостоятельно существующей» [28]. В результате «быть таким образом поставленным перед лицом радикально экзотических форм ИИ-самости может помочь ослабить наше представление о человеческой самости и приблизить нас к видению ее пустоты» [28]. Этот ход созвучен тому, что в экспериментальной философии техники Стивен Краайевельд называет «негативной программой», направленной на выявление и деконструкцию необоснованных интуиций, лежащих в основании философских аргументов [30. P. 1000–1001]. Шанахан не предлагает новых метафизических утверждений о сознании, но стремится показать, что интуиции о единстве и субстанциальности самости не являются надежным основанием для суждений о бестелесных разумах. Более того, сама идея «правильного ответа» на вопрос о сознании LLM оказывается несостоятельной: «Не может быть ничего, кроме условно удовлетворительных ответов для таких существ, ответов, привязанных к поэтически вызванным представлениям о себе и субъекте» [28].

Хотя статья Шанахана остается в значительной степени метафизической, ее выводы имеют прямые практические импликации, особенно в свете дискуссий об этической ответственности и справедливости в разработке ИИ. Если самость LLM фрагментирована и не обладает устойчивой идентичностью, то традиционные модели ответственности, предполагающие единого агента, оказываются не применимы. Это ставит под вопрос и те подходы, которые ищут «разрывы» в ответственности в автономных системах и те, которые предлагают их преодолеть через перераспределение ответственности. В контексте гуманитаристских вариантов пользования ИИ проблема усугубляется: модели, обученные на цифровых данных, часто не обобщаются на новые контексты, их точность может резко падать со временем, а предвзятость данных привести к дискриминации [31]. Понимание того, что LLM-агент не является единым субъектом, а представляет собой «суперпозицию симулякров», должно влиять на то, как мы проектируем, разворачиваем и регулируем такие системы. Сходные соображения высказывает группа исследователей из Microsoft Research, подчеркивая, что успешные проекты AI for Good требуют не только технической компетенции, но и тщательного учета коммуникации, ограничений данных и, что особенно важно, «людей в цикле» (humans in the loop) [32]. Если самость LLM фрагментирована, то именно человек, работающий с системой, становится тем, кто придает ее высказываниям когерентность и связывает их с реальными последствиями. Это перекликается с призывом Джозефа Питта: философы техники должны «запачкать руки» и включиться в реальные процессы технологических разработок, чтобы их голос был услышан [33. P. 547]. Без такого участия философские дискуссии о сознании и самости рискуют остаться схоластическими упражнениями, не влияющими на то, как технологии внедряются в реальную жизнь.

Шанахан вводит метафору «пространства возможных разумов», проецируя его на две оси: «человекоподобие» и «способность к сознанию» [28]. LLM-подобные агенты располагаются на границе между «областью сознательной экзотики» (region of conscious exotica) и «пустотой непостижимости» (void of inscrutability). Эта terra incognita становится местом, где привычные онтологии перестают работать и требуются новые концептуальные инструменты. Хуэй призывает нас «заново открыть множество космотехник» и «реапроприировать современную технику» [25. С. 75]. Шанахан делает следующий шаг: он показывает, что сама техника (LLM) вынуждает нас пересмот-

реть фундаментальные категории бытия, – время, самость, субъектность – в непосредственном столкновении с экзотическими свойствами конкретных технологий. В этом смысле его работа дополняет три ранее рассмотренные перспективы. Феррарис показал, как мобильный телефон конституирует социальную реальность через запись; Хуэй – как космотехника задает различные способы бытия-с-техникой в разных культурах; Шанахан предлагает онтологию бестелесного разума, в которой самость и время фрагментированы, а единство субъекта заменяется множественностью симулякров. Эта онтология не является «новой» в хронологическом смысле – ее элементы присутствуют в восточных духовных и западных постмодернистских практиках, – но она обретает новую актуальность в условиях, когда бестелесные агенты становятся повседневной реальностью.

«Плавание так близко к пустоте непостижимости, заставляет нас пересмотреть корни языка сознания и рассмотреть возможности, которые раньше было трудно вообразить» [28]. Шанахан предлагает выход за пределы привычных категорий, который знаменует углубление философской рефлексии через признание того, что вопрос о сознании бестелесных агентов не имеет единственного правильного ответа, но требует от нас постоянного переизобретения языка и понятий, в которых мы осмысляем наше сосуществование с ними. В этом напряжении между языком, укорененным в человеческой телесности, и экзотическими формами бытия, которые этот язык пытается схватить, рождается пространство для новых технических онтологий – онтологий, которые, как показали рассмотренные мыслители, не даны раз и навсегда, но конституируются в самом процессе взаимодействия человека и техники.

В заключение

Исследование экспонировало, что концептуализация новых технических онтологий, в числе прочего, возможна на пересечении трех философских перспектив, каждая из которых раскрывает различные способы бытия, конституируемые современными технологиями. Исходная гипотеза о том, что контемпоральные философские подходы позволяют зафиксировать появление онтологий, не сводимых ни к инструментальной/антропологической роли техники, ни к ее детерминирующему воздействию, нашла подтверждение в ходе анализа каждого из рассмотренных авторов.

В книге Феррариса мобильный телефон выступает «абсолютным инструментом для любого акта регистрирования» [17. С. 9], трансформирующим модус присутствия человека в мире. Введение понятий «бытие-на-связи», Jemeinigkeit и Zuhandenheit очерчивает новую форму Dasein, в которой технология выступает условием возможности социального мира. Феррарис демонстрирует, что социальная онтология основывается на системе письма, а мобильный телефон, будучи устройством для создания и хранения записей, становится «великим строителем социальной реальности» [17. С. 16]. Тем самым он преодолевает технологический детерминизм и социальный конструктивизм, предлагая третью позицию, на которой технология обладает собственной онтологической силой, но действует в пространстве социального конструирования.

Хуэй сквозь китайскую перспективу расширяет горизонт философии техники за пределы европоцентризма. Понятие космотехники позволяет мыслить технику как множество культурно и космологически укорененных практик. Анализ исторического разрыва между Дао и Ци, а также обращение к наследию Моу Цзунсаня демонстрируют, что китайская мысль предлагает альтернативную онтологию, в которой техническое развитие оборачивается способом выражения космического и морального порядков. Концепция техноразнообразия открывает горизонт для преодоления универсалистских претензий западной метафизики техники.

Наконец, Шанахан, обращаясь к бестелесным LLM-агентам, ставит под вопрос фундаментальные категории субъектности и самости. Анализ фрагментированного времени и раздробленной самости выводит нас на то, что привычные онтологические схемы, выработанные на основе телесного опыта, не могут быть механически перенесены на экзотические формы разума. Включение буддийской концепции пустоты и диалог с Витгенштейном и Деррида позволяют Шанахану постулировать, что вопрос о сознании LLM не имеет единственного правильного ответа, но требует постоянного переизобретения языка и понятий.

Взятые вместе, три рассмотренные перспективы очерчивают контуры того, что в настоящем исследовании обозначено как новые технические онтологии. Феррарис показывает, как технология переопределяет структуру социального мира через акты регистрирования; Хуэй демонстрирует, что эти онтологии всегда культурно и космологически обусловлены; Шанахан раскрывает, что сама субъективность в условиях бестелесных агентов становится фрагментированной, множественной и лишенной субстанциальности. Каждый из мыслителей по-своему преодолевает мифы Брейфорда: миф прогресса (техника не есть безусловное благо) и миф технологического детерминизма (техника не есть автономная, неподвластная человеку сила). Вместе с тем, все три подхода согласуются с коэволюционной моделью, выделенной ван де Поэлем: технология не детерминирует общество и не определяется им всецело, но участвует в процессах взаимного преобразования, порождая новизну и непредвиденные последствия.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что новые технические онтологии не являются ни простым продолжением классической философии техники с ее эссенциализмом, ни ее отрицанием. Они возникают на пересечении трех движений: эмпирического поворота (анализ конкретных технологий), культурного поворота (учет множественности космотехник) и онтологического поворота (пересмотр категорий субъекта, времени, самости в столкновении с экзотическими формами разума). Эти движения дополняют друг друга, образуя пространство для междисциплинарного синтеза.

Новые технические онтологии, как они были представлены в работе, конституируются в самом процессе взаимодействия человека и техники – в актах записи, в космотехнических практиках, в столкновении с бестелесными агентами.

Осознание этого конститутивного характера превращает философию техники из дисциплины, комментирующей технологические изменения, в дисциплину, активно участвующую в их осмыслении и определяющую направления их развития.

Список источников

1. Zieba D. Today's data-driven age // XRDS: Crossroads. The ACM Magazine for Students. 2019. Vol. 25 (3). P. 63–63. doi: 10.1145/3313142
2. Aerni S., Farinas H., Muralidhar G. Digital drivers in the age of massive datasets // XRDS: Crossroads, The ACM Magazine for Students. 2015. Vol. 21 (4). P. 60–66. doi: 10.1145/2788518
3. Douglas-Jones R., Walford A., Seaver N. Introduction: Towards an anthropology of data // Journal of the Royal Anthropological Institute. 2021. Vol. 27 (S1). P. 9–25. doi: 10.1111/1467-9655.13477
4. Jedlowski A., Oloko P., Röschenthaler U., Wane I. Across media: Mobility and transformation of cultural materials in the digital age // Journal of African Media Studies. 2015. Vol. 7 (1). P. 3–9. doi: 10.1386/jams.7.1.3_2
5. Rotermund H., Herzog C. Archives of the digital // Interactions: Studies in Communication & Culture. 2017. Vol. 8 (1). P. 3–7. doi: 10.1386/iscc.8.1.3_2
6. Vlieghe J. Education in a digital age: How old and new technologies shape our subjectivities // Explorations in Media Ecology. 2018. Vol. 17 (1). P. 57–61. doi: 10.1386/eme.17.1.57_1
7. Хайдеггер М. Вопрос о технике. URL: http://www.bibikhin.ru/vopros_o_tekhnike (дата обращения: 13.03.2026).
8. Писарев А.А., Астахов С.С., Гавриленко С.М. Акторно-сетевая теория: Незавершенная сборка. Логос. 2017. Vol. 27 (1). P. 1–34. doi: 10.22394/0869-5377-2017-1-1-34
9. Friedenthal S., Moore A., Steiner R. Systems Engineering Overview // Practical Guide to SysML. Elsevier, 2008. P. 1–14. doi: 10.1016/b978-0-12-374379-4.00001-1
10. Moar P.J. Technology and engineering strategies. London, England : Routledge, 2024.
11. Poel Ibo van de. Three philosophical perspectives on the relation between technology and society, and how they affect the current debate about artificial intelligence // Human Affairs. 2020. Vol. 30, № 4. P. 499–511. doi: 10.1515/humaff-2020-0042
12. Durbin P.T. Advances in the Philosophy of Technology? Comparative Perspectives // Philosophy and Technology / ed. by R. Fellows. New York : Cambridge University Press, 1995.
13. Brayford K. Myth and technology: Finding philosophy's role in technological change // Human Affairs. 2020. Vol. 30 (4). P. 526–534. doi: 10.1515/humaff-2020-0045
14. Land N. The dark enlightenment – imperium press. Imperium Press, 2022.
15. Land N. Xenosystems. USA: Foundation Publishing Group, 2025.
16. Wijarnarko A.F., Maharani S.D. Human's Relationship with Technology in Nick Land's Accelerationism // Jurnal Filsafat. 2024. Vol. 34 (1). doi: 10.22146/jf.86596
17. Феррарис Ф. Ты где? Онтология мобильного телефона. М. : Новое литературное обозрение, 2010.
18. Ferraris M. Positive Realism. Alresford, England: Zero Books, 2015.
19. Ferraris M. Manifesto of new realism (S. De Sanctis, Trans.). Albany, NY : State University of New York Press, 2015.
20. Ferraris M. Webfare. Transcript Verlag, 2024.
21. Ihde D. Has the Philosophy of Technology Arrived? A State-of-the-Art Review // Philosophy of Science. 2004. Vol. 71 (1). P. 117–131. doi: 10.1086/381417
22. Van Den Eede Y., Goeminne G., Van den Bossche M. The Art of Living with Technology: Turning Over Philosophy of Technology's Empirical Turn // Foundations of Science. 2017. Vol. 22. P. 235–246. doi: 10.1007/s10699-015-9472-5
23. Kassel G. A formal ontology of artefacts // Applied ontology. 2010. Vol. 5 (3-4). P. 223–246.
24. Хуэй Ю. Вопрос о технике в Китае. Эссе о космотехнике. М. : Ад Маргинем Пресс, 2023.
25. Хуэй Ю. Фрагментация будущего. М. : Ад Маргинем Пресс, 2026.
26. Chen C., Wang Q. Reflecting on the philosophy of technology in China in the form of five questions // Technology in Society. 2015. Vol. 43. P. 57–59. doi: 10.1016/j.techsoc.2015.05.012
27. Siemers P., Adamson G. Just a cog in the machine? // 2012 IEEE Conference on Technology and Society in Asia (T&SA). IEEE, 2012. P. 1–9. doi: 10.1109/tsasia.2012.6397991
28. Shanahan M. Palatable Conceptions of Disembodied Being // arXiv preprint. 2025. arXiv:2503.16348.
29. Shanahan M. Embodiment and the inner life: Cognition and Consciousness in the Space of Possible Minds. 2010.
30. Kraaijeveld S.R. Experimental Philosophy of Technology // Philosophy & Technology. 2021. Vol. 34. P. 993–1012. doi: 10.1007/s13347-021-00447-6
31. Sekara V., Karsai M., Moro E., Kim D., Delamonica E., Cebrian M., Luengo-Oroz M., Jiménez R.M., Garcia-Herranz M. Are machine learning technologies ready to be used for humanitarian work and development? // arXiv preprint. 2023. arXiv:2307.01891
32. Kshirsagar M., Robinson C., Yang S., Gholami S., Klyuzhin I., Mukherjee S., Nasir M., Ortiz A., Oviedo F., Tanner D., Trivedi A., Xu Y., Zhong M., Dilkina B., Dodhia R., Ferres J.M.L. Becoming Good at AI for Good // arXiv preprint. 2021. arXiv:2104.11757
33. Pitt J.C. Influencing technological change // Human Affairs. 2020. Vol. 30, № 4. P. 545–548. doi: 10.1515/humaff-2020-0047

References

1. Zieba, D. (2019) Today's data-driven age. *XRDS: Crossroads, The ACM Magazine for Students*. 25 (3). pp. 63–63. doi: 10.1145/3313142
2. Aerni, S., Farinas, H. & Muralidhar, G. (2015) Digital drivers in the age of massive datasets. *XRDS: Crossroads, The ACM Magazine for Students*. 21 (4). pp. 60–66. doi: 10.1145/2788518
3. Douglas-Jones, R., Walford, A. & Seaver, N. (2021) Introduction: Towards an anthropology of data. *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 27 (S1). pp. 9–25. doi: 10.1111/1467-9655.13477
4. Jedlowski, A., Okolo, P., Röschenthaler, U. & Wane, I. (2015) Across media: Mobility and transformation of cultural materials in the digital age. *Journal of African Media Studies*. 7 (1). pp. 3–9. doi: 10.1386/jams.7.1.3_2
5. Rotermund, H. & Herzog, C. (2017) Archives of the digital. *Interactions: Studies in Communication & Culture*. 8 (1). pp. 3–7. doi: 10.1386/isc.8.1.3_2
6. Vlieghe, J. (2018) Education in a digital age: How old and new technologies shape our subjectivities. *Explorations in Media Ecology*. 17 (1). pp. 57–61. doi: 10.1386/eme.17.1.57_1
7. Heidegger, M. (n.d.) *Vopros o tekhnike* [The Question Concerning Technology]. [Online] Available from: http://www.bibikhin.ru/vopros_o_tehnike (Accessed: 13.03.2026).

8. Pisarev, A., Astakhov, S. & Gavrilenko, S. (2017) Aktorno-setevaya teoriya: Nezavershennaya sborka [Actor-network theory: An unfinished assembly]. *Logos – Logos*. 27 (1). pp. 1–34. doi: 10.22394/0869-5377-2017-1-1-34
9. Friedenthal, S., Moore, A. & Steiner, R. (2008) Systems Engineering Overview. In: *Practical Guide to SysML*. Elsevier. pp. 1–14. doi: 10.1016/b978-0-12-374379-4.00001-1
10. Moar, P.J. (2024) *Technology and engineering strategies*. London: Routledge.
11. Poel, Ibo van de. (2020) Three philosophical perspectives on the relation between technology and society, and how they affect the current debate about artificial intelligence. *Human Affairs*. 30 (4). pp. 499–511. doi: 10.1515/humaff-2020-0042
12. Durbin, P.T. (1995) Advances in the Philosophy of Technology? Comparative Perspectives. In: Fellows, R. (ed.) *Philosophy and Technology*. New York: Cambridge University Press.
13. Brayford, K. (2020) Myth and technology: Finding philosophy's role in technological change. *Human Affairs*. 30 (4). pp. 526–534. doi: 10.1515/humaff-2020-0045
14. Land, N. (2022) *The dark enlightenment*. Imperium Press.
15. Land, N. (2025) *Xenosystems*. USA: Foundation Publishing Group.
16. Wijarnarko, A.F. & Maharani, S.D. (2024) Human's Relationship with Technology in Nick Land's Accelerationism. *Jurnal Filsafat*. 34 (1). doi: 10.22146/jf.86596
17. Ferraris, M. (2010) *Ty gde? Ontologiya mobil'nogo telefona* [Where Are You? The Ontology of the Mobile Phone]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
18. Ferraris, M. (2015) *Positive Realism*. Alresford, England: Zero Books.
19. Ferraris, M. (2015) *Manifesto of new realism*, trans. by S. De Sanctis. Albany, NY: State University of New York Press.
20. Ferraris, M. (2024) *Webfare*. Transcript Verlag.
21. Ihde, D. (2004) Has the Philosophy of Technology Arrived? A State-of-the-Art Review. *Philosophy of Science*. 71 (1). pp. 117–131. doi: 10.1086/381417
22. Van Den Eede, Y., Goeminne, G. & Van den Bossche, M. (2017) The Art of Living with Technology: Turning Over Philosophy of Technology's Empirical Turn. *Foundations of Science*. 22. pp. 235–246. doi: 10.1007/s10699-015-9472-5
23. Kassel, G. (2010) A formal ontology of artefacts. *Applied Ontology*. 5 (3-4). pp. 223–246.
24. Hui, Yu. (2023) *Vopros o tekhnike v Kitae. Esse o kosmotekhnike* [The Question Concerning Technology in China. An Essay in Cosmotechnics]. Moscow: Ad Marginem Press.
25. Hui, Yu. (2026) *Fragmentatsiya budushchego* [The Fragmentation of the Future]. Moscow: Ad Marginem Press.
26. Chen, C. & Wang, Q. (2015) Reflecting on the philosophy of technology in China in the form of five questions. *Technology in Society*. 43. pp. 57–59. doi: 10.1016/j.techsoc.2015.05.012
27. Siemers, P. & Adamson, G. (2012) Just a cog in the machine? In: *2012 IEEE Conference on Technology and Society in Asia (T&SA)*. IEEE. pp. 1–9. doi: 10.1109/tsasia.2012.6397991
28. Shanahan, M. (2025) Palatable Conceptions of Disembodied Being. *arXiv preprint*. arXiv:2503.16348.
29. Shanahan, M. (2010) *Embodiment and the inner life: Cognition and Consciousness in the Space of Possible Minds*.
30. Kraaijeveld, S.R. (2021) Experimental Philosophy of Technology. *Philosophy & Technology*. 34. pp. 993–1012. doi: 10.1007/s13347-021-00447-6
31. Sekara, V., Karsai, M., Moro, E., Kim, D., Delamonica, E., Cebrian, M., Luengo-Oroz, M., Jimenez, R.M. & Garcia-Herranz, M. (2023) Are machine learning technologies ready to be used for humanitarian work and development? *arXiv preprint*. arXiv:2307.01891
32. Kshirsagar, M., Robinson, C., Yang, S., Gholami, S., Klyuzhin, I., Mukherjee, S., Nasir, M., Ortiz, A., Oviedo, F., Tanner, D., Trivedi, A., Xu, Y., Zhong, M., Dilkina, B., Dodhia, R. & Ferres, J.M.L. (2021) Becoming Good at AI for Good. *arXiv preprint*. arXiv:2104.11757
33. Pitt, J.C. (2020) Influencing technological change. *Human Affairs*. 30 (4). pp. 545–548. doi: 10.1515/humaff-2020-0047

Информация об авторе:
Пеннер Р.В. – д-р филос. наук, профессор кафедры философии, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Россия). E-mail: penner.r.v@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
R.V. Penner, Dr. Sci. (Philosophy), professor, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: penner.r.v@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.03.2026;
одобрена после рецензирования 25.06.2026; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 26.03.2026;
approved after reviewing 25.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 327, 341
doi: 10.17223/15617793/527/10

Информационная безопасность Республики Армения: правовой контур, геополитические вызовы и инфраструктурные особенности

Аревик Жораевна Мартиросян[1], Евгения Михайловна Горюшина[2, 3]

[1] Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия
[2] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
[3] Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, Москва, Россия
[1] a.martirosian@dipacademy.ru
[2, 3] egoryushina@hse.ru

Аннотация. Проанализированы нормативно-правовые и геополитические основы обеспечения информационной безопасности Армении в условиях трансформирующейся конфигурации Южного Кавказа и цифрового развития страны. Рассмотрены инфраструктурные особенности страны, включая транзитную зависимость от внешних акторов и усилия по диверсификации интернет-каналов. Охарактеризовано состояние развития страны и проведена оценка национального законодательства в сфере информационной безопасности.
Ключевые слова: информационная политика, информационная безопасность, информационно-коммуникационные технологии, международное публичное право, международное информационное право, регулирование обеспечения информационной безопасности, Южный Кавказ, Армения

Для цитирования: Мартиросян А.Ж., Горюшина Е.М. Информационная безопасность Республики Армения: правовой контур, геополитические вызовы и инфраструктурные особенности // Вестник Томского государственного университета. 2026. № 527. С. 80–93. doi: 10.17223/15617793/527/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/527/10

Information security of the Republic of Armenia: Legal framework, geopolitical challenges, and infrastructure specifics

Arevik Zh. Martirosyan[1], Evgeniya M. Goryushina[2, 3]

[1] Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
[2] HSE University, Moscow, Russian Federation
[3] Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
[1] a.martirosian@dipacademy.ru
[2, 3] egoryushina@hse.ru

Abstract. The study presents a comprehensive legal and politico-institutional analysis of the regulatory framework and state policy on information and cybersecurity in the Republic of Armenia, in the context of the changing geopolitical configuration of the South Caucasus and the accelerating digital transformation. The aim of the research is to identify key factors shaping the specific features of national regulation in the field of information security and to draw conclusions on the maturity and coherence of the legal model currently in use. The relevance of the topic is driven both by global trends in the evolution of information and communication threats and by the regional context marked by a high level of conflict, foreign policy turbulence, and overlapping interests of major international actors. Against the backdrop of intensifying competition in the information space, information security is becoming one of the cornerstones of national sovereignty and strategic resilience. The issue is particularly significant for Armenia, which remains in a state of ongoing tension with neighboring states, including in conditions of lacking direct access to international digital routes. The primary sources for analysis include the current regulatory acts of Armenia (including the Constitution, laws, subordinate legislation, and strategic documents), draft legal acts (primarily the draft Law "On Cybersecurity"), statistical data from international organizations (ITU, UN), expert assessments, and data from the Global Cybersecurity Index and other comparable international indices. The methodological foundation of the research combines comparative legal analysis, a politico-institutional approach, and interdisciplinary analysis at the intersection of international law, political science, and history. The study applies systemic and structural approaches, which allow for the identification of the internal logic behind the formation of national policy in this field and the assessment of its alignment with international legal trends. The research proceeds through a step-by-step analysis of: the geopolitical and institutional environment in which state information security policy is implemented; the specifics of Armenia's infrastructural vulnerability, determined by its dependence on transit routes and the limited availability of alternative digital connectivity paths; the state of cybersecurity development in the country; the substance, internal logic, and

© Мартиросян А.Ж., Горюшина Е.М., 2026

effectiveness of the legal and regulatory framework governing information security. The analysis concludes that Armenia's legal and regulatory system in the field of information security is characterized by fragmentation, the absence of a systemic foundational legal act, and the lack of a specialized regulatory authority, all of which limit the state's capacity to respond effectively to contemporary ICT challenges. It is concluded that the legal framework regulating information security in Armenia remains only partially developed, indicating a need for legislative improvement and enhanced institutional mechanisms in this domain.
Keywords: information policy, information security, information and communication technologies, international law, international information law, regulation of information security, South Caucasus, Armenia, Azerbaijan, Georgia

For citation: Martirosyan, A.Zh. & Goryushina, E.M. (2026) Information security of the Republic of Armenia: Legal framework, geopolitical challenges, and infrastructure specifics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 527. pp. 80–93. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/527/10

Введение

Ландшафт угроз в ИКТ-среде расширяется непрерывно вместе с повышением значимости обеспечения информационной безопасности. Так, согласно отчету о киберугрозах компании Positive Technologies, только в «IV квартале 2024 года количество инцидентов увеличилось на 5% по сравнению с предыдущим кварталом и на 13% в сравнении с аналогичным периодом 2023 года» [1]. В этих условиях обеспечение информационной безопасности неизбежно становится центральной повесткой дня международного сообщества, а также приобретает первостепенное значение с точки зрения национального суверенитета.

Если еще два-три десятилетия назад дискуссии о будущей роли информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) носили преимущественно прогностический и академический характер, изначально имея футуристическую направленность, то уже сегодня ИКТ функционируют как полноправный и самостоятельный геополитический фактор. Цифровые технологии перестают быть исключительно инструментами коммуникации или экономического роста и всё более активно вовлекаются в процессы формирования государственной политики, трансформации институциональных механизмов, конфигурации конфликтов и обеспечения национальной и глобальной безопасности. В свою очередь, информационная безопасность выступает неотъемлемым компонентом стратегического планирования, отражающим, помимо уровня технологического развития государства, особенности динамики внешне- и внутриполитических процессов.

Особенно отчётливо данная тенденция проявляется в «чувствительных» регионах, таких как Южный Кавказ, где на фоне нарастающей турбулентности международных отношений информационная безопасность тесно сопряжена с вопросами противостояния во внешнеполитической сфере, управления внутренними кризисами, отражения гибридных воздействий со стороны внешних акторов и даже выживания государственности как таковой.

В этой связи цель статьи состоит в комплексном анализе нормативно-правовой базы, инфраструктурных особенностей и геополитических факторов, формирующих систему информационной безопасности Республики Армения, а также в выявлении институциональных и правовых пробелов, влияющих на национальную политику в контексте изменяющейся конфигурации региона. Научная проблема заключается в отсутствии целостной концепции обеспечения информационной безопасности Армении, что проявляется в несистемности и несогласованности нормативно-правовой и институциональной базы с реальными вызовами, включая внешнюю зависимость ИКТ-инфраструктуры и влияние региональных кризисов.

Региональный контекст и политизация информационной безопасности

Южный Кавказ представляет собой нестабильный регион, находящийся на пересечении интересов ведущих глобальных и региональных акторов, среди который Россия, страны Европейского Союза, Соединенные Штаты Америки, Китай, Турция, Иран, Индия и другие государства. За последние годы динамика политических и военных процессов здесь изменила привычный региональный баланс: наряду с сохраняющейся значимостью России всё более активную роль начинают играть как региональные акторы – Турция и Иран, так и внерегиональные, включая государства-члены Европейского союза, Индию, Китай и Соединённые Штаты [2]. Комплексные геополитические преобразования как внутри региона, так и в его ближайшем окружении обусловливают тот факт, что информационная безопасность здесь приобретает не только технико-правовой, но и выраженный геополитический характер, непосредственно отражающий специфику трансформационных процессов в Южном Кавказе и внешнеполитические и оборонные стратегии государств региона. В этой связи страны региона выстраивают собственные подходы к вопросам информационной безопасности, варьирующиеся в зависимости от политического режима, модели нормативного регулирования и внешнеполитических ориентиров.

В этом контексте политика Республики Армения в области обеспечения информационной безопасности исторически сформировалась под влиянием внешнеполитических факторов. Так, будучи членом ОДКБ и ЕАЭС, первоначальная нормативно-доктринальная ориентация страны формировалась преимущественно в русле российской методологии понимания информационной безопасности. Следует отметить, что данная методология понимания информационной безопасности представляет собой одну из конкурирующих концепций и исходит из позиции, согласно которой кибербезопасность рассматривается как составной элемент более широкой категории – информационной безопасности.

Данный подход нашел свое отражение в первом программной документе Армении по информационной

безопасности – Концепции информационной безопасности 2009 г. В то же время западный подход, напротив, разграничивает термины информационной и кибербезопасности не только с лингвистической точки зрения, но и институционально, и функционально. При этом российская правовая мысль не оспаривает целевое использование кибертерминологии.

До 2018 г. армянская политика в сфере информационной безопасности преимущественно соотносилась с российским подходом, что находило свое отражение в терминологическом и концептуальном подходе: «киберпространство» рассматривалось через призму информационной безопасности. После 2018 г. начался процесс терминологической дифференциации: в стратегических документах и их проектах появляются отдельные положения, посвященные информационной, технологической и кибербезопасности, что свидетельствует об адаптации евроатлантического подхода.

Кроме того, после «бархатной революции» Армения активизировала участие в инициативах по кибербезопасности, расширяя свое сотрудничество со странами ЕС и США, Китаем и другими внерегиональными акторами[1]. При сохранении союзнического статуса отношений с Россией, внешнеполитический курс Еревана демонстрировал и продолжает демонстрировать стремление к диверсификации партнёрских связей. Так, Армения предпринимала шаги по выработке национальной стратегии кибербезопасности: при участии Университета национальной обороны США и Гарвардского университета была предпринята попытка Национального исследовательского университета обороны Армении разработать проект национальной стратегии кибербезопасности [3]. Одновременно во внешнеполитической линии наметилось углубление общего взаимодействия с Европейским союзом, в том числе в рамках программы Восточного партнерства и инициатив ЕС по киберустойчивости. Кроме того, поддерживалось сотрудничество с НАТО по отдельным программам, включая проведение учений и экспертных мероприятий. При этом сохранялось участие в профильных мероприятиях ОДКБ и цифровых инициативах ЕАЭС. Наряду с этим Армения также проявляет интерес к расширению взаимодействия в рамках ШОС и БРИКС+, что свидетельствует о линии выстраивания сбалансированного диалога с партнерами. В целом можно констатировать, что текущий политико-правовой контекст, в котором реализуется государственная политика Армении в области информационной безопасности, отличается многовекторностью и балансированием между полюсами влияния. В качестве примера можно отметить активизацию диалога не только с западными странами, но и Индией и Китаем в сфере высоких технологий.

В данной многополярной конфигурации особое значение приобретает реализация инициативы «Один пояс – один путь»: Китай проявляет устойчивый интерес к Южному Кавказу как к ключевому транзитному звену евразийской цифровой инфраструктуры. Армения, будучи официально включенной в число стран – участниц данной инициативы, может быть задействована как потенциальный хаб для размещения элементов «Цифрового шелкового пути», включая проекты по прокладке магистральных телекоммуникационных линий. Однако необходимо учитывать, что подобное сотрудничество открывает перед Арменией не только новые возможности для технологического развития, в том числе инфраструктурное, но и порождает новые вызовы в области информационной безопасности.

Несомненно, особое влияние на политику в области информационной безопасности Армении оказывает продолжающееся напряжение в отношениях с Азербайджаном и Турцией, оказывающее системное воздействие на восприятие и определение приоритетов как в целом в сфере национальной безопасности, так и ее разновидности – информационной безопасности. Особенно остро данный фактор проявился в ходе вооружённого конфликта в Нагорном Карабахе в 2020 г., который стал первым масштабным примером применения гибридных технологий в армяно-азербайджанском противостоянии. В ходе Второй карабахской войны информационное измерение приобрело самостоятельное стратегическое значение: боевые действия сопровождались масштабными дезинформационными кампаниями, активным использованием социальных сетей, кибератаками на государственные сайты и распространением психологических операций, направленных на деморализацию населения и подрыв государственной информационной инфраструктуры и доверия к руководству. Эти процессы продемонстрировали, что информационное пространство в современных конфликтах становится ареной ведения параллельной войны, где манипуляции и кибератаки способны оказать воздействие, сопоставимое с военными поражениями.

Данный опыт обусловил усиление внимания армянского государства к компоненту информационно-психологической безопасности населения как составной части национальной стратегии. В результате Армения была вынуждена приоритетно развивать инструменты медиабезопасности, формировать программы медиаграмотности в сотрудничестве с международными партнерами, а также укреплять общественную устойчивость к дезинформации и гибридным операциям.

Еще более глубокие последствия имел вооруженный конфликт сентября 2023 г., приведший к прекращению существования Нагорно-Карабахской Республики. Следует отметить, что этот эпизод стал качественно новым этапом армяно-азербайджанского противостояния, поскольку Армения формально не принимала непосредственного участия в боевых действиях, но столкнулась с их политико-стратегическими и гуманитарными последствиями. Исход конфликта обозначил формирование нового регионального статус-кво, при котором Армения утратила контроль над территорией, десятилетиями выполнявшей роль своеобразного «буфера безопасности». Это не только изменило архитектуру региональных угроз, но и актуализировало внутренние уязвимости – от кибербезопасности до технологического суверенитета.

Несмотря на отсутствие прямого военного вовлечения, политико-стратегические последствия войны 2023 г. стали переломным моментом для внутренней повестки Армении. Конфликт выявил не только военные и политические, но и структурные уязвимости в сфере информационной и инфраструктурной безопасности страны.

Во-первых, в институциональной сфере обострилась потребность в создании новых координационных механизмов и органов, ответственных за кибер- и информационную безопасность. Существующие структуры, частности отделы при Министерстве высокотехнологической промышленности и аппарате Совета национальной безопасности, продемонстрировали ограниченные возможности в условиях кризиса. Это побудило к ускорению формирования специализированного Центра реагирования на инциденты кибербезопасности (CSIRT) и обсуждению идеи единого государственного органа по цифровой защите.

Во-вторых, в нормативно-правовой сфере усилилась дискуссия вокруг законопроекта «О кибербезопасности», обсуждаемого с 2021 г., а также необходимости пересмотра Стратегии национальной безопасности (2020) и Концепции информационной безопасности. Стало очевидно, что действующее регулирование, во многом фрагментарное и ведомственно разрозненное, не соответствует масштабу современных угроз. В экспертной среде активизировались дискуссии о необходимости интеграции норм о цифровом суверенитете и устойчивости критической инфраструктуры, а также о пересмотре роли частных ИТ-компаний и операторов связи в обеспечении национальной безопасности.

В-третьих, в инфраструктурном измерении конфликт обнажил критическую зависимость Армении от внешних каналов транзита интернет-трафика, в частности маршрутов, проходящих через территорию Грузии и частично контролируемых структурами с азербайджанским капиталом. Это обстоятельство придало новый импульс процессам диверсификации каналов связи, развитию резервных решений, включая внедрение спутниковых технологий (Starlink, OneWeb), и реализации проектов по прокладке альтернативных кабелей через Иран. Параллельно обсуждается необходимость укрепления киберустойчивости государственных дата-центров и внедрения механизмов автономного функционирования национальных сетей в случае внешней блокировки.

Наконец, в информационно-психологической сфере наблюдался резкий рост масштабов дезинформационных кампаний, направленных на деморализацию общества, делегитимацию государственных институтов и подрыв доверия к союзническим отношениям с Россией и ОДКБ. Наряду с внешними воздействиями усилились внутренние линии информационной поляризации – между провластными и оппозиционными медиа, что дополнительно снизило уровень общественной устойчивости. В ответ правительство начало формировать контуры национальной системы стратегических коммуникаций, опирающейся на мониторинг информационных угроз и развитие независимых проверочных платформ.

Таким образом, сохраняющаяся конфликтная ситуация на Южном Кавказе стала преобразующим фактором для политики информационной безопасности Армении, выявив глубину структурных уязвимостей и показав необходимость комплексных институциональных и правовых реформ. Уроки 2020–2023 гг. продемонстрировали, что защита информационного пространства не может рассматриваться изолированно, напротив, она требует интеграции с военной, дипломатической и технологической политикой государства.

В современных условиях приоритетом становится выстраивание многовекторной политики информационной безопасности, основанной на балансе национальных интересов, укреплении технологического суверенитета, развитии внутренних экспертных и научных ресурсов, а также расширении международного сотрудничества, работающими в области киберустойчивости и цифрового управления.

Некоторые инфраструктурные особенности

Архитектура подключения Армении к каналам передачи интернет-трафика во многом отражает как комплексную геополитическую ситуацию в регионе Южного Кавказа, так и уязвимость национальной системы от транзитных государств, прежде всего от Грузии.

На текущий момент северный маршрут, проходящий через Грузию и соединяющийся с подводными кабельными системами в Черном море, выступает основным каналом передачи интернет-трафика. По состоянию на 2021 г., 80% внешнего интернет-трафика Армении проходило именно через Грузию [4]. Подключение к глобальной сети осуществляется посредством наземной волоконно-оптической инфраструктуры, которая соединяет Армению с портовым грузинским городом Поти, находящимся на побережье Черного моря и играющим роль основного выходного узла для международного интернет-трафика региона. В Поти сходятся два стратегически значимых подводных кабельных маршрута:

1) кавказская кабельная сеть (проложенная по дну Чёрного моря и соединяющая Поти (Грузия) с Балчиком (Болгария), далее подключающийся к наземным сетям Европейского союза), данный маршрут выступает основным каналом передачи между Южным Кавказом и ЕС;

2) подводная кабельная система «Грузия–Россия», соединяющая Поти с Сочи и Новороссийском, с последующим выходом на инфраструктуру сетей СНГ, включая Российскую Федерацию, обеспечивает дополнительную маршрутизацию (рис. 1).

Исходя из вышеобозначенной информации можно заключить, что Поти выступает в качестве регионального выходного узла для всего южнокавказского Интернет-трафика. С учетом того, что данный маршрут основной для интернет-трафика Армении, это обусловливает структурную зависимость от грузинского сегмента и уязвимость цифровой инфраструктуры страны.

В Армении неоднократно были зафиксированы случаи возникновения проблем с доступ к Интернету, обусловленные сбоями на участках международных каналов связи, расположенных за пределами страны. Стабильность интернет-соединения страны находится в уязвимом положении от иностранных каналов. Например, обрыв кабеля в Грузии из-за аварии или диверсии может парализовать интернет в Армении. Так,

один из недавних инцидентов, связанных с повреждением оптоволоконного кабеля на грузинской стороне армяно-грузинской границы в районе пропускного пункта Гогаван–Гугути, произошел в мае 2025 г. [5].

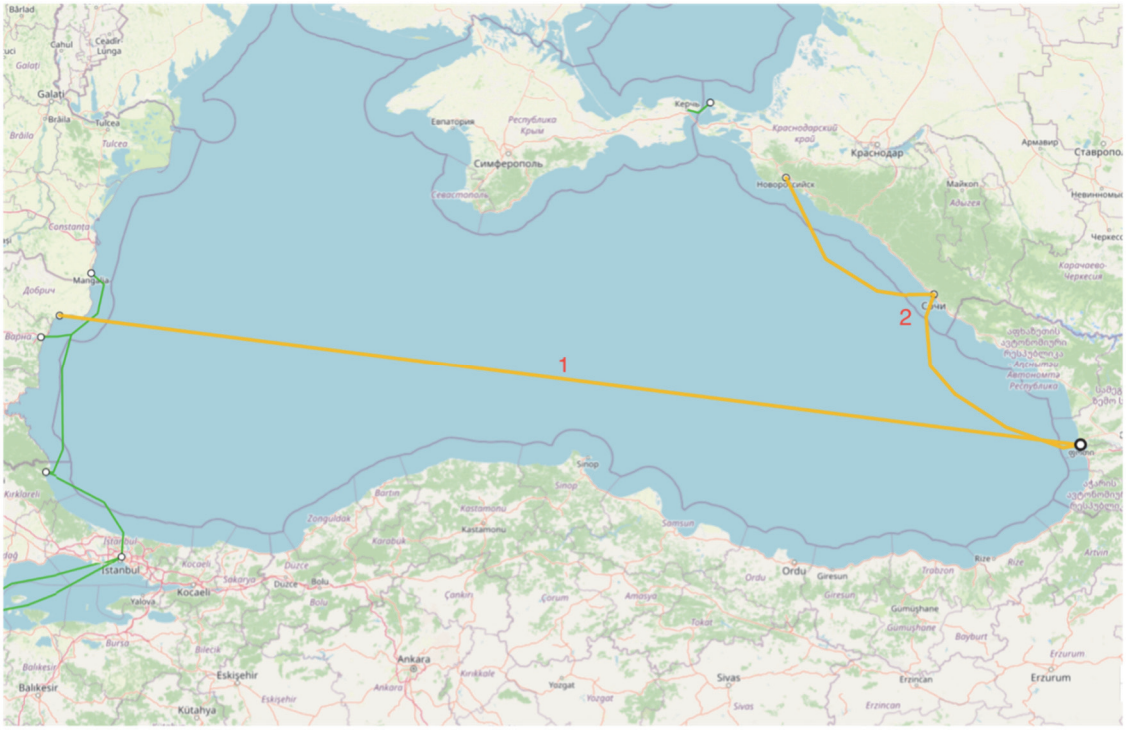

Рис. 1. Схема подводных кабельных маршрутов, обеспечивающих подключение Армении и соединяющихся в порту Поти:
1 – кавказская кабельная сеть (Поти – Балчик); *2* – кабельная система Грузия – Россия (Поти – Сочи – Новороссийск).
Источник: FiberAtlantic. Submarine Cable Map. URL: https://www.fiberatlantic.com/cls/LMb9kDTV5dHzSNjkR6Lb (дата обращения: 30.04.2025)

В 2011 г. случился примечательный инцидент, когда, по информации грузинской стороны, в результате действий пенсионерки, занимавшейся обработкой огорода, с целью извлечения и последующей продажи в меди были повреждены «оптико-волоконные кабели компании “Оптико-волоконная телекоммуникационная сеть”, которые идут из Европы в Азию по маршруту Поти–Тбилиси–Болниси–Дманиси–Армения» [6].

Повреждения случались неоднократно, вызывая серьезные перебои в интернет-связи, однако ситуация осложнилась после продажи в 2019 г. 49% акций грузинской компании Caucasus Online, которая являлась оператором оптического кабеля, проложенного по дну Черного моря от Грузии в направлении Болгарии, азербайджанскому холдингу NEQSOL Holding [6]. Данный кабель является главным маршрутом передачи интернет-трафика между всем Южным Кавказом и Европой [7]. В 2021 г. NEQSOL Holding стала единоличным владельцем кабеля. Таким образом, Армения попала в ситуацию, когда ее интернет-инфраструктура фактически оказалась в руках вражеской страны: учитывая военно-политический конфликт между Арменией и Азербайджаном, получение контроля над ключевым сегментом магистральной коммуникационной инфраструктуры в руках ассоциируемой с азербайджанским госкапиталом компании выступала стратегической уязвимостью для Армении.

Кроме того, в ходе 44-дневной войны в Нагорном Карабахе (в официальном нарративе Республики Армения – Арцахе) неоднократно имели место повреждения кабеля, обеспечивающего интернет-связь страны, например, инциденты в селах Садахло и Орозмани [8].

Обстоятельства, складывающиеся вокруг северного маршрута интернет-трафика, вызвали не только обеспокоенность, но и соответствующие меры по проведению через Грузию нового интернет-кабеля, не связанного с Азербайджаном.

Помимо этого, важным направлением деятельности Армении по достижению киберсуверенита и снижению зависимости от северного маршрута через Грузию является развитие альтернативных маршрутов подключения к международной сети Интернет с целью повышения киберустойчивости и безопасности интернет-связи. На данный момент Армения располагает двумя такими направлениями – через территорию Ирана и России. Один из них – южный, альтернативный, маршрут интернет-трафика, пролегающий через Иран, обеспечивает дополнительный выход в глобальную сеть. Данная магистраль начала свою работу в сентябре 2008 г.

Стоит отметить, что его пропускная способность ограничена и его функционирование может быть подвержено влиянию внешнеполитических факторов, среди которых санкции и нестабильность региональной инфраструктуры. Среди положительных особенностей можно выделить становление Армении транзитной страной для интернет-трафика между странами Ближнего Востока и Европой и повышение ее роли в региональной маршрутизации трафика. Кроме того, Армения использует еще два кабеля в Россию – черноморский и сухопутный, которые позволяют поддерживать связь с российским сегментом интернета.

Направления Турции и Азербайджана закрыты из-за блокады Армении [9].

Третий международный интернет-канал, запущенный с целью диверсифицировать входящую в страну инфраструктуру и создать канал, свободный от участия и контроля со стороны Азербайджана, соединяет Армению «с крупнейшим центром обмена данными в Европе – Франкфуртом, через Грузию и Россию, став альтернативой уже действующему интернет-каналу Грузия–София, проходящему через дно Черного моря» [10], что обусловливает его стратегическое значение.

Спутниковая связь рассматривается как резервный канал доступа к интернету: несмотря на то, что существуют ограничения по скорости и качеству соединения, она способна обеспечить дополнительный выход в глобальную сеть в случае сбоя наземных и подводных каналов передачи данных. Кроме того, недавний запуск (в текущем году) Starlink в Армении «выводит цифровую инфраструктуру Армении на новый уровень, расширяя доступ к передовым технологиям и открывая новые возможности в сфере связи» [11].

Республика Армения испытывает объективные сложности, связанные с географическими и геополитическими факторами, которые существенно влияют на ее способность к обеспечению суверенитета в ИКТ-среде. Так, будучи государством без выхода к морю, Армения не имеет прямого доступа к подводным кабелям и, соответственно, прямого подключения к глобальным магистральным кабелям. «По данным организации Renesys, Армения входит в зону риска в смысле вероятного прерывания интернет-связи, что связано с ограниченным количеством организаций, обеспечивающих связь страны с внешним миром» [12]. Эти факторы в своей совокупности определяют состояние суверенитета Армении в ИКТ-среде, так как возможность независимого управления (суверенного контроля) трафиком ограничена, в первую очередь, географическим положением и, соответственно инфраструктурой международного подключения. Таким образом, архитектура подключения Армении к интернет-трафику отражает ее геополитическую конъюнктуру: размещение ключевых узлов подключения за пределами национальной юрисдикции затрудняет обеспечение кибербезопасности и контроля за критической инфраструктурой; наличие транзитной зависимости от Грузии и осуществление косвенного контроля инфраструктурных элементов интернет-соединения со стороны азербайджанского холдинга. Перечисленные факторы в своей совокупности препятствует формированию полноценного суверенитета в ИКТ-среде. С учетом данных обстоятельств стратегически важным для информационной безопасности страны является последовательная реализация политики диверсификация Интернет-подключения и развития альтернативных маршрутов.

Развитие Республики Армения в области кибербезопасности

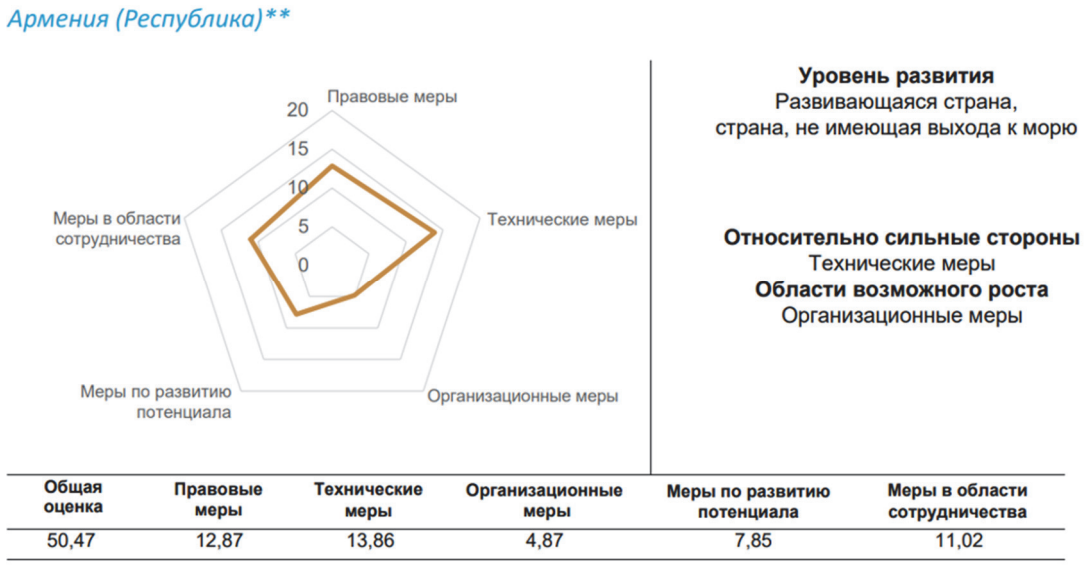
Армения была впервые подключена к сети Интернет в 1994 г. 26 августа 1994 г. был официально зарегистрирован домен верхнего уровня .am. Это стало важным этапом в развитии интернет-инфраструктуры страны. Тем не менее широкомасштабное распространение и использование интернета среди населения началось примерно в 2010 г. [13]. На начало 2025 г. доля населения Армении, использующего интернет, по последним статистическим данным, составляет примерно 80% [14].

По данным проведенного Организацией Объединенных Наций исследования по вопросам электронного правительства за 2024 г., Армения находится на 48-м месте мирового рейтинга среди 193 исследованных государств с индексом EDGI, равным 0,84 [15]. Армения перешла из высокой в очень высокую группу EGDI, демонстрируя существенные улучшения в возможностях цифрового правительства: ранее, в 2020 г., она занимала 68-е место с индексом EDGI 0,71 [16]. В исследовании по вопросам электронного правительства за 2024 г. отмечается, что Армения ставит перед собой задачу сформировать эффективную, прозрачную и доступную экосистему электронного правительства посредством разработки и внедрения инновационных цифровых стратегий. «В Программе правительства на 2017–2022 годы приоритетным направлением являлась цифровая трансформация, а в Стратегии цифровизации на 2021–2025 годы – национальная система управления данными. В Программе правительства на 2021–2026 годы особое внимание уделяется инфраструктуре цифровой аутентификации для обеспечения безопасности транзакций. Ключевые проекты включают единую платформу электронных государственных услуг, центр повышения квалификации в области кибербезопасности, электронную систему подачи налоговых деклараций и портал электронного здравоохранения» [15].

Согласно Глобального индексу кибербезопасности 2020 г., Армения получила оценку готовности к обеспечению безопасности 50,47, заняв 90-е место в рейтинге (рис. 2) [17].

При этом сравнительный анализ динамики пяти основных показателей Глобального индекса – правовые меры, техническое меры, организационные меры, меры по развитию потенциала, меры в области сотрудничества – за 2020 и 2024 гг. [18] выявил неоднородные тенденции, отсутствует однонаправленный прогресс по отобранным критериям, что приведено в таблице.

Наиболее значительную регрессию можно наблюдать в отношении показателя «Технические меры», значение которого снизилось с 13, 86 до 8,69. Негативная динамика также зафиксирована у показателя «Организационные меры», который потерял 2,06 пункта, опустившись с 4,87 до 2,81. Это свидетельствует о ряде системных проблем в области технических мер и ухудшении эффективности управленческих процессов, что обусловливает необходимость усиления организационных и технических мер. Остальные показатели – «Правовые меры», «Меры по развитию потенциала», «Меры в области сотрудничества» – демонстрируют позитивные статистические изменения, сохраняя положительную динамику.

Общая оценка	Правовые меры	Технические меры	Организационные меры	Меры по развитию потенциала	Меры в области сотрудничества
50,47	12,87	13,86	4,87	7,85	11,02

Рис. 2. Показатели кибербезопасности Армении за 2020 г. *Источник*: Глобальный индекс кибербезопасности МСЭ. 4-е изд. 2020

Сравнительный анализ динамики изменений показателей кибербезопасности Армении за 2020 и 2024 гг.

Показатель	2020 г.	2024 г.	Динамика изменений с 2020 по 2024 г.
Общая оценка кибербезопасности	50,47	53,81	+3,34
Правовые меры	12,87	17,22	+4,35
Технические меры	13,86	8,69	–5,17
Организационные меры	4,87	2,81	–2,06
Меры по развитию потенциала	7,85	10,35	+2,50
Меры в области сотрудничества	11,02	14,74	+3,72

Источники: Глобальный индекс кибербезопасности МСЭ. 4-е изд. 2020; Глобальный индекс кибербезопасности МСЭ. 5-е изд. 2024.

Значение показателя «Правовые меры» увеличилось с 12,87 в 2020 г. до 17,22 в 2024 г.; показатель «Меры по развитию потенциала» вырос с 7,85 до 10,35; наконец, показатель «Меры в области сотрудничества» продемонстрировали рост с 11,02 до 14,74. На основании общей динамики Армения, как видно на рис. 3, была отнесена к четвертой группе государства из пяти, классифицированных по уровню развития кибербезопасности. Отмечается, что уровень «Развивающийся» («Evolving») включает страны, которые получили общий балл не менее 20, но не более 55 из 100, «продемонстрировав приверженность основам кибербезопасности в рамках действий правительства, которые включают оценку, разработку или внедрение определенных общепринятых мер кибербезопасности, по крайней мере, в рамках одного компонента или нескольких показателей и/или подиндикаторов» [18].

При этом две другие страны Южного Кавказа – Азербайджан и Грузия – попали во вторую группу государств наряду с Канадой, Китаем, Израилем, Казахстаном, Россией, Узбекистаном и рядом других стран, чей уровень развития кибербезопасности определен как «Продвинутый» («Advancing»).

Таким образом, с учетом данных Глобальных индексов кибербезопасности за 2020 и 2024 гг. можно сделать вывод, что, несмотря на положительные сдвиги в мерах правового регулирования, по развитию потенциала и сотрудничества, наблюдается регресс в области технических и организационных мер. Уровень зрелости страны в области кибербезопасности остается на данный момент недостаточным для перехода в более «прогрессивную» категорию в отличие от соседних стран Южного Кавказа, Азербайджана и Грузии.

Тем не менее Республика Армении демонстрирует средний уровень развития в области кибербезопасности, поступательно повышая свою киберустойчивость. Классификация Армении как страны с развивающимся уровнем кибербезопасности свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования и системного подхода для достижения более высокого уровня зрелости в исследуемой сфере.

Нормативно-правовая база Армении в сфере обеспечения информационной безопасности[2]

Политика Армении в области информационной безопасности развивается в условиях продолжающегося реформирования государственных интересов. На фоне преобразований как во внешнеполитическом, так внутриполитическом направлениях перед правительством встает задача выстраивания сбалансированной нормативно-правовой архитектуры, которая способна отвечать новым вызовам.

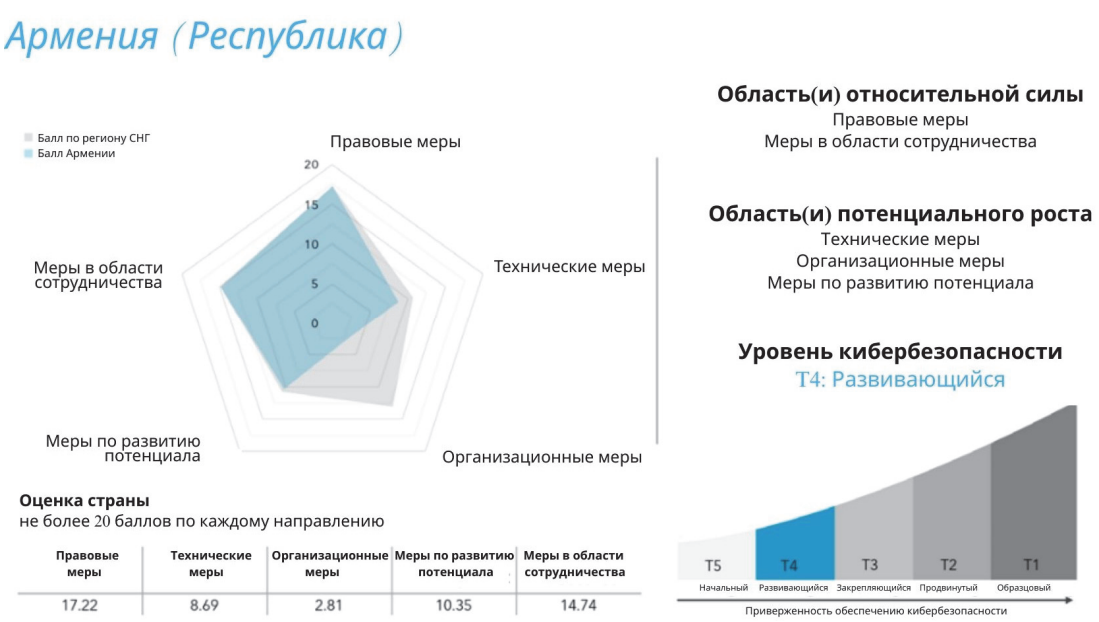

Рис. 3. Показатели кибербезопасности Армении за 2024 г.
Источник: Глобальный индекс кибербезопасности МСЭ. 5-е изд. 2024; перевод с англ. выполнен авторами статьи

В рамках настоящего исследования предметом анализа выступают исключительно нормы национального законодательства Республики Армения, без рассмотрения международно-правовых обязательств, принятых Республикой Армения.

Фундаментом правового регулирования в области информационной безопасности, как и в любой другой, выступает Конституция РА, которая содержит нормы, имеющие непосредственное отношение к правовому обеспечению информационной безопасности, в том числе фундаментальные права и свободы человека, включая право на получение и распространение информации (ст. 42 и 51), а также неприкосновенность частной и семейной жизни (ст. 31).

Отрасль законодательства об обеспечения информационной безопасности в Армении, как и в многих развивающихся государствах, характеризуется, во-первых, относительной новизной. Во-вторых, нет системообразующего нормативно-правового акта, регулирующего весь комплекс деятельности, связанной с исследуемой проблематикой. Вместо этого регулирование осуществляется на основе отдельных законов и программных документов, предметом регулирования которых, помимо прочего, выступает информационная безопасность в целом. Таким примером выступает Стратегия национальной безопасности Армении 2020 г.

Кроме того, отраслевое регулирование обеспечения информационной безопасности осуществляется на базе ряда профильных нормативно-правовых актов, каждый из которых охватывает отдельные аспекты информационной безопасности. В частности, Закон Республики Армения № ЗР-40 «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» от 15 января 2005 г., устанавливающий правовые основные использования электронных документов и электронной цифровой подписи [19], и Закон Республики Армения № ЗР-176-Н «Об электронных коммуникациях» от 13 августа 2005 г., регулирующий деятельность операторов связи и интернета, вопросы лицензирования, обязанности по обеспечению устойчивости и безопасности сетей связи [20]. Закон Республики Армения «О защите персональных данных» от 2015 г. [21], представляет собой ключевой нормативно-правовой акт, регулирующий порядок и условия обработки персональных данных, устанавливающий требования к их безопасности, а также вводящий государственный контроль за соблюдением этих требований органами власти, местного самоуправления, юридическими и физическими лицами. Несмотря на то, что данный закон не настолько строг, как Общий регламент ЕС, он близок по духу к европейским нормам и был разработан в учетом положений Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных от 28 января 1981 г. (ETS N 108) [22], к которой Армения присоединилась в 2012 г.

Уголовное законодательство РА содержит составы преступлений, которые охватывают деяния в сфере компьютерной информации (например, в предыдущей версии Уголовного кодекса – Статья 251.

Несанкционированный доступ (проникновение) к системе компьютерной информации, Статья 252. Изменение компьютерной информации, Статья 253. Компьютерный саботаж, Статья 254. Неправомерное завладение компьютерной информацией [23]; в действующем Уголовном кодексе – Статья 257. Компьютерное хищение, Статья 359. Проникновение в компьютер, компьютерную систему или компьютерную сеть, Статья 360. Изменение компьютерного сведения, Статья 361. Компьютерный саботаж [24]). Данные нормы были приведены в соответствии с положениями Конвенции Совета Европы о компьютерных преступлениях от 2001 г., к которой Армения присоединилась первой в регионе Южного Кавказа (подписала 23 ноября 2001 г., ратифицировала 12 октября 2006 г., Конвенция вступила в силу 1 февраля 2007 г.). Тем самым Армения криминализовала киберпреступления в соответствии с нормами Совета Европы.

Помимо этого, разрабатываются подзаконные акты и технические стандарты, предметом которых выступает обеспечение информационной безопасности отдельных отраслей.

Наряду с законами и перечисленными выше источниками законодательства в области информационной безопасности, важное место в системе национального регулирования занимают программные документы стратегического значения. Первым программным документом Республики Армения в области информационной безопасности стала Концепция информационной безопасности от 2009 г., действовавшая до 2017 г. [25]. Данный документ «открыл» процесс регулирования сферы информационной безопасности. Среди особенностей документа можно выделить следующее: он во многом опирается на концептуальные подходы, изложенные в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации от 2000 г. [26] за исключением некоторых положений, которые отражают стремление армянской власти выстроить информационную политику с учетом уникальных историко-культурных факторов: они касаются национальных особенностей, среди которых пункты, посвященные армянской церкви, диаспоре, сохранению армянской культуры и наследия, формированию общеармянского информационного поля [3]. Кроме того, примечательно, что отдельное внимание также уделялось «обеспечению информационной связи между триединством Армения–Арцах–Диаспора». Данные характеристики обусловлены тем, что Концепция обеспечения информационной безопасности была принята в период президенства С. Саргсяна, соответственно, она отражает ряд приоритетов действующего на тот момент главы государства – укрепление национальной идентичности, в том числе через идею «триединства» Армения–Арцах–Диаспора как фундамент национальной консолидации, безопасность Армении рассматривалась вне отрыва от Карабахского конфликта, опора на многочисленную армянскую диаспору как ресурс и стратегический актив, наконец, тесное военно-политическое сотрудничество с Россией.

Сравнивая Доктрину информационной безопасности России от 2000 г. и Концепцию информационной безопасности Армении 2009 г., можно выделить сходства и различия в двух документах. Среди сходств можно выделить ключевые:

1) доктринальный характер документа;

2) трёхуровневая модель интересов с точки зрения субъектной характеристики (информационная безопасность рассматривается как состояние защищенности сбалансированных интересов триады субъектов – личности, общества и государства);

3) схожая классификация угроз по объектам воздействия (на права граждан, политику и прочее) и источникам (внешние и внутренние);

4) совпадение классификации мер обеспечения на правовые, организационно-технические и экономические;

5) постановка аналогичных задач (развитие нормативного фундамента, институциональная координация, кадровая подготовка, международное сотрудничество) и др.

Отличия документов заключаются, но не ограничиваются, в следующем:

1) идеологическая составляющая: российская доктрина фокусируется на суверенитете и противостоянии внешнему влиянию в контексте геополитического противостояния, армянский же документ – на культурной идентичности и национальной самобытности;

2) включенность негосударственных акторов: в армянском программном документе значительная роль отведена армянской диаспоре, общественным структурам и церкви как субъектам информационной безопасности, в российском документе акцент сделан на государственно-центристском подходе;

3) позиция на вызовы эпохи: доктрину Российской Федерации можно интерпретировать в том числе как реакцию на рост влияния США и западных ИТ-компаний в отличие от армянской концепции, которая учитывает контекст региональных угроз;

4) ориентация на международно-правовые основы: Армения декларирует соответствие концепции международным соглашениям, в частности упоминая Будапештскую конвенцию, Россия дистанцируется от подобных внешних ориентиров, определяя одним из интересов государства в данной сфере «развитие равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества»;

5) объем и детализация угроз: Доктрина информационной безопасности РФ более детально прорабатывает военные, разведывательные и технические аспекты угроз, в то время как Концепция информационной безопасности РА сконцентрирована больше на информационной репрезентации за рубежом и борьбе с антиармянской пропагандой.

Итак, несмотря на различия, можно выявить правовую и политико-доктринальную схожесть двух программных документов: преобладает интегрированный подход в части понимания информационной безопасности, соотносимый с российской широкой интерпретацией. Кроме того, армянский программный документ опирается на структурные и терминологические решения Доктрины Российской Федерации с учетом специфики национального контекста.

Концепция заложила основы государственной политики в сфере информационной безопасности, определив ее пять основных направлений:

1) защита конституционных прав граждан на получение и использование информации, обеспечение духовного развития республики, сохранение и укрепление моральных ценностей общества, патриотических и гуманитарных традиций, культурного и научного потенциала;

2) информационное сопровождение государственной политики;

3) развитие современных информационных технологий, направленных на удовлетворение внутренних потребностей и экспорта продукции на международный рынок, а также создание условий для сбора, хранения и рационального использования национальных информационных ресурсов;

4) интеграция РА в международное информационное пространство с целью объективного донесения достоверной информации об Армении и армянах миро-

вой общественности, а также противодействие информационно-психологическому воздействию, направленному в том числе на борьбу с фейками и на искажение образа Армении и армянского народа в мировом информационном пространстве;

5) защита информационных ресурсов от несанкционированного доступа, обеспечение безопасности информационных, коммуникационных и телекоммуникационных систем [25].

Следует отметить, что 2009 г. стал важной вехой, начиная с которой армянское законодательство претерпело ряд изменений в направлении совершенствования и модернизации регулирования информационной безопасности. Так, были внесены правки в «Законы РА о "Государственной секретной службе", "Свободе информации", "Архивном деле", "Личных данных", "Электронных сообщениях", "СМИ"; Национальное Собрание Армении ратифицировало Конвенцию Совета Европы о киберпреступности, дополнительный протокол к той же Конвенции о криминализации расистских и ксенофобных действий через компьютерные системы; вопросы обеспечения кибербезопасности и борьбы против кибертерроризма включены в Национальную программу по повышению эффективности борьбы с организованной преступностью (2011 год), а также в Национальную стратегию по борьбе с терроризмом (2012 год); в 2014 году правительство утвердило стратегический план электронного управления, которым взяло на себя ответственность за обеспечение безопасности электронных услуг и обязательства по борьбе с киберугрозами; программа правительства Республики Армения от 2017 года предусматривает улучшение систем информационной безопасности, модернизацию методов прогнозирования информационных угроз» [12].

Спустя 8 лет после принятия Концепции информационной безопасности в Армении был инициирован процесс совершенствования стратегических документов в исследуемой области. В 2017 г. она была признана утратившей силу Концепции информационной безопасности 2009 г., это было связано с подготовкой стратегии в сфере кибербезопасности страны [27]: 27 сентября 2017 г. Советом национальной безопасности Армении был одобрен проект Концепции информационной безопасности и информационной политики Республики Армения, который был подготовлен межведомственной рабочей группой, который отражал актуальное состояние информационной безопасности, основные ценности, принципы, угрозы, цели и задачи в этой сфере, а также направления международного сотрудничества [28]. По результатам проведённого исследования не удалось обнаружить достоверных данных о дальнейшем статусе проекта Концепции обеспечения информационной безопасности и информационной политики Республики Армения 2017 г. Стоит отметить, что в соответствии с проектом Концепции ставилась задача разработки национальной стратегии кибербезопасности, кроме того, ожидалось, что данная Концепция заложит основу для определения ролей и зон ответственности государственных органов [3]. Согласно данным СМИ и открытым источникам, с 2017 г. в Республике Армения велась работа над комплексной стратегией кибербезопасности, но к началу 2025 г. проект подобного документа так и не был опубликован [29]. Данные обстоятельства привели к наличию правового вакуума.

Фактически на данный момент в Армении отсутствует актуальный нормативно-правовой акт, системно регулирующий вопросы информационной безопасности. Также нет регулирующего органа. Однако проект закона «О кибербезопасности» предусматривает создание нового регулирующего органа в сфере кибербезопасности.

Тем не менее ряд положений, которые касаются информационной безопасности и кибербезопасности, закреплен в действующей Стратегии национальной безопасности Армении от 2020 г. В ней акцентируется наличие правовых лакун и институциональных проблем. Так, согласно п. 7.12, «В числе основных вызовов – несовершенство всеобъемлющей государственной политики, регулирующей сферу информационной и кибербезопасности, отсутствие законодательства, обеспечивающего защиту критической информационной инфраструктуры, неудовлетворительный уровень институциональных возможностей структур реагирования на компьютерные инциденты и отсутствие структуры, координирующей сферу кибербезопасности» [30].

Кроме того, в соответствии с п. 7.13 Стратегии национальной безопасности Армении 2020 г. «в сфере обеспечения информационной, технологической и кибер- безопасности» ставились такие задачи, как:

1) оптимизация деятельности механизмов и институтов, ответственных за безопасность ИКТ-среды;

2) развитие критической информационной инфраструктуры;

3) совершенствования нормативно-правового регулирования отношений между государственными структурами и частным сектором (операторами цифровых услуг);

4) учреждение национального органа, специализирующегося по угрозам в области информационной безопасности, – центра кибербезопасности;

5) формирование групп реагирования на компьютерные инциденты.

В контексте нормативно-правового регулирования обеспечения информационной безопасности необходимо также отметить, что Правительство РА утвердило цифровизацию страны в качестве неотъемлемого элемента национальных среднесрочных и долгосрочных политических приоритетов. Это было закреплено в Стратегии цифровизации на 2021–2025 гг., а также Плане действий на 202–2026 гг. [31]. Данные документы формируют программно-стратегическую основу для развития цифрового сектора и смежных направлений, включая информационную и кибербезопасность: в них обозначена необходимость развития системы информационной и кибербезопасности как одного из ключевых направлений цифровой трансформации страны.

В частности, в Стратегии цифровизации зафиксированы задачи по совершенствованию механизмов защиты критической информационной инфраструктуры,

созданию единого национального центра по реагированию на инциденты информационной безопасности, формированию национальной системы управления данными, а также внедрению инфраструктуры цифровой идентификации с надлежащей защитой персональных данных. План действий на 2021–2026 гг., в свою очередь, содержит конкретные меры, направленные на повышение киберустойчивости РА, развитие кадрового потенциала в сфере информационной безопасности, усиление межведомственного взаимодействия, а также стимулирование научных исследований в данной области. Особое внимание уделяется институциональному укреплению кибербезопасности посредством создания нормативной и организационной базы. В рамках институционального вектора цифрового развития страны важным является создание в 2022 г. ключевого механизма обеспечения информационной безопасности Республики Армения – Агентства информационных систем с целью цифровой трансформации, создания единой цифровой архитектуры и развитие компонентов кибербезопасности Армении, которое осуществляет свою деятельность под эгидой Центрального банка и Министерства высокотехнологической промышленности. В рамках Агентства информационных систем был запущен Центр оперативного реагирования на инциденты (SOC) для мониторинга критических информационных систем в круглосуточном режиме, а с 2023 г. функционирует Национальная команда реагирования на киберинциденты (AM-SERT) – национальный CERT Армении, ориентированный на гражданскую критическую инфраструктуру.

Кроме того, в 2024 г. по решению Правительства создан Национальный центр информационной безопасности и криптографии, который также получил свою институционализацию на базе Агентства. Ожидается, что после принятия проекта Закона РА «О кибербезопасности» [32] Агентство будет на законодательном уровне наделено функционалом националом «национального органа, специализирующегося по угрозам в области информационной безопасности» либо на базе него будет создано специальное учреждение: фактически функции такого органа уже частично осуществляет Агентство, но на данный момент его статус можно охарактеризовать как переходный, функционирует организационное ядро центра, но требуется законодательное закрепление единого координирующего органа и разграничение полномочий между государственными ведомствами.

В настоящее время в разработке находится проект закона РА «О кибербезопасности» [32]. Целью законопроекта является создание кибербезопасной среды в информационных системах и критической информационной инфраструктуре, используемых для предоставления жизненно важных услуг в Республике Армения. «Законопроект направлен на регулирование отношений, связанных с выявлением киберинцидентов, их уведомлением, предотвращением и разрешением, мониторингом, контролем и проверкой кибербезопасности на соответствие требованиям настоящего закона, а также определяет круг субъектов, которые обязаны обеспечивать безопасность используемых ими информационных систем и критически важной информации, кибербезопасность инфраструктур, их непрерывное, бесперебойное и безопасное использование» [33]. Иными словами, законопроект направлен на формирование системы мониторинга киберугроз, государственное управление и регулирование кибербезопасности. Законопроект устанавливает нормативное регулирование обеспечения безопасности объектов критической информационной инфраструктуры и, в частности, вводит аудит кибербезопасности для организаций, работающих с такими объектами.

Отдельного внимания заслуживает анализ терминологического аппарата. В Концепции информационной безопасности РА 2009 г. термины «информационная безопасность» и «кибербезопасность» не разделялись, соответственно, можно сделать вывод, что они рассматривались как общее и частное, что соотносится с широкой концепцией понимания информационной безопасности и коррелируется с российским подходом. Однако в последние годы наблюдается эволюция терминологического подхода в сторону западного понимания. Это нашло свое отражение в Стратегии национальной безопасности Армении от 2020 г., проекте Концепции информационной безопасности и информационной политики и проекта закона «О кибербезопасности». Таким образом, можно сделать следующий вывод. Учитывая, что законопроекты обозначенных документов пока не приняты, официальная терминология Армении в исследуемой области переживает переходный период, в рамках которого наблюдается тенденция к сближению с узкой трактовой кибербезопасности.

Заключение

Армения формирует политику в сфере информационной безопасности в условиях продолжающегося институционального реформирования, технологической трансформации и усложняющегося внешнеполитического контекста. Многовекторность внешнеполитического курса Армении проявляется также в сфере информационной безопасности и выражается в стремлении к выстраиванию сбалансированного сотрудничества с различными международными центрами силы с учетом национальных интересов, геополитической конъюнктуры и необходимости технологического развития. На фоне внутренних политических преобразований и давления геополитических факторов страна сталкивается с необходимостью конструирования сбалансированной нормативно-правовой архитектуры, способной отвечать новым вызовам, в том числе в ИКТ-среде. Однако, несмотря на наличие базовых правовых актов, охватывающих отдельные аспекты информационной безопасности, на данный момент нормативно-правовой фундамент Армении в области информационной безопасности отличается фрагментарностью, обусловленной отсутствием системообразующего нормативно-правового акта, а действующее законодательство устанавливает нормы, регулирующие отдельные сегменты – преступления, защиту персональных данных и прочее, но не образует целостной системы. До момента принятия соответствующего акта, уровень зрелости правовой системы Республики Армения в области информационной безопасности будет сохранять промежуточный уровень зрелости, что в целом

соотносится с исследованием МСЭ, отражающем Глобальный индекс кибербезопасности, в котором Армения была отнесена ко второму уровню кибербезопасности – «Развивающийся».

Таким образом, нормативная полнота регулирования области обеспечения информационной безопасности сохраняет статус частично сформированной и требует дальнейшей нормативно-правовой и институциональной консолидации. Данный вывод находит подтверждение в Программе Правительства Республики Армения 2021–2026 гг., где среди целей закреплено направление совершенствования законодательного поля в сфере информационной и кибербезопасности [31].

Примечания

[1] Международные аспекты политики Республики Армения в области информационной безопасности, включая её участие в многосторонних форматах, международных соглашениях и внешнеполитических инициативах, затрагиваются лишь в рамках общего контекста и не являются его ключевым предметом. Данная тематика представляет собой отдельную комплексную область, требующую самостоятельного глубокого анализа и системного рассмотрения.

[2] Представлен не исчерпывающий обзор нормативно-правовой базы в области обеспечения информационной безопасности Республики Армения.

Список источников

1. Актуальные киберугрозы: IV квартал 2024 года – I квартал 2025 года // Positive Technologies. URL: https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/aktualnye-kiberugrozy-iv-kvartal-2024-goda-i-kvartal-2025-goda/#id21(дата обращения: 22.04.2025).
2. Вахланг Дж., Мелконян С. Индия на Южном Кавказе: значение для России, Ирана и Турции, 30 января 2024 г. // РСМД. URL: russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indiya-na-yuzhnom-kavkaze-znachenie-dlya-rossii-irana-i-turtsii/ (дата обращения: 22.04.2025).
3. Nerzetyan A. Information Security or Cybersecurity? Armenia at a Juncture Again, March 11, 2018 // EVN Report. URL: https://evnreport.com/economy/information-security-or-cybersecurity-armenia-at-a-juncture-again/ (дата обращения: 22.04.2025).
4. Ереван взялся за интернет-безопасность и предложит Тбилиси проложить кабель мимо Баку // Sputnik Армения. 29.09.2021. URL: https://am.sputniknews.ru/20210929/erevan-vzyalsya-za-internet-bezopasnost-i-predlozhit-tbilisi-prolozhit-kabel-mimo-baku-33727932.html (дата обращения: 24.04.2025).
5. На пропускном пункте армяно-грузинской границы временно приостановлен проезд грузовиков // Sputnik Армения. 05.05.2025. URL: https://am.sputniknews.ru/20250505/na-propusknom-punkte-armyano-gruzinskoy-granitsy-vremenno-priostanovlen-proezd-gruzovikov--88621011.html (дата обращения: 05.05.2025).
6. Армения намерена проложить через Грузию новый интернет-кабель // Голос Армении. 16.09.2021. URL: https://www.golosarmenii.am/article/129104/armeniya-namerena-prolozhit-cherez-gruziyu-novyj-internet-kabel (дата обращения: 24.04.2025).
7. Сделка между азербайджанским NEQSOL и грузинской Caucasus Online напугала Армению // Кавказский Узел. 29.03.2021. URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/83772/posts/48567 (дата обращения: 24.04.2025).
8. Армения намерена проложить по дну Черного Моря интернет-кабель, свободный от контроля Баку // Sputnik Армения. 15.09.2021. URL: https://am.sputniknews.ru/20210915/armeniya-namerena-prolozhit-po-dnu-chernogo-morya-internet-kabel-svobodnyy-ot-kontrolya-baku-33304936.html (дата обращения: 24.04.2025).
9. Мартиросян С. Проблемы доменного пространства Армении (Մարտիրոսյան U. Հայաստանի ցանցային տիրույթի խնդիրները) // Фонд «Нораванк», 12 января 2016 г. URL: https://noravank.am/arm/articles/detail.php?ELEMENT_ID=14326 (дата обращения: 24.04.2025).
10. Запущен интернет-канал стратегического значения: в случае аварий Армения не останется без интернета: «Паст». 13.01.2024 // Past.am. URL: https://past.am/?p=348730&l=ru#gsc.tab=0 (дата обращения: 24.04.2025).
11. Starlink официально начал работу в Армении: интернет будет доступен даже на окраинах // Sputnik Армения. 27.03.2025. URL: https://am.sputniknews.ru/20250327/starlink-ofitsialno-nachal-rabotu-v-armenii-internet-budet-dostupen-na-samykh-okrainakh-87234610.html (дата обращения: 24.04.2025).
12. Аветисян П.С., Тадевосян М.Р. Основные приоритеты развития кибербезопасности Армении в контексте медиаобразования // Регион и мир. 2023. № 1 (44). С. 18–22. doi: 10.58587/18292437-2023.1-18
13. Internews; CyberHub-AM. Armenia Digital Threat Landscape: Civil Society & Media / Martijn Grooten, Ashley Fowler, Marc Shaffer, Skyler Sallick. Yerevan: Internews, 2023. 16 p. URL: https://mdi.am/wp-content/uploads/2023/12/Armenia-Digital-Threat-Landscape-Report.pdf (дата обращения: 24.04.2025).
14. Kemp S., Digital 2025: Armenia, 3 March 2025 // DataReportal. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2025-armenia (дата обращения: 25.04.2025).
15. United Nations E-Government Survey 2024: Accelerating Digital Transformation for Sustainable Development - With the addendum on Artificial Intelligence // Department of Economic and Social Affairs, United Nations. New York: United Nations, 2024. 205 p. URL: https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789211067286 (дата обращения: 25.04.2025).
16. United Nations E-Government Survey 2020: Digital Government in the Decade of Action for Sustainable Development (With addendum on COVID-19 Response) // Department of Economic and Social Affairs, United Nations. New York: United Nations, 2020. 360 p. URL: https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789210051453 (дата обращения: 25.04.2025).
17. Глобальный индекс кибербезопасности, 2020 год. Оценка выполнения обязательств по обеспечению кибербезопасности // Международный союз электросвязи (ITU). Женева : ITU, 2020. 164 с. URL: https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/str/D-STR-GCI.01-2021-PDF-R.pdf (дата обращения: 25.04.2025).
18. Global Cybersecurity Index 2024, 5th Edition / International Telecommunication Union (ITU). Geneva : ITU, 2024. 151 p. URL: https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/hdb/d-hdb-gci.01-2024-pdf-e.pdf (дата обращения: 25.04.2025).
19. Закон Республики Армения «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» № HO-40-N, принятый 14 декабря 2004 года [Հայաստանի Հանրապետության «Էլեկտրոնային փաստաթղթի և էլեկտրոնային թվային ստորագրության մասին» օրենքը ՀՕ-40-Ն, ընդունված 2004 թվականի դեկտեմբերի 14-ին]. URL: https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=1547 (дата обращения: 28.04.2025).
20. Закон Республики Армения «Об электронных коммуникациях» № HO-176-N, принятый 8 июля 2005 года [Հայաստանի Հանրապետության «Էլեկտրոնային հաղորդակցության մասին» օրենքը ՀՕ-176-Ն, ընդունված 2005 թվականի հուլիսի 8-ին]. URL: https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=1869 (дата обращения: 28.04.2025).
21. Закон Республики Армения «О защите персональных данных» HO-49-N, принятый 18 мая 2015 года [Հայաստանի Հանրապետության «Անձնական տվյալների պաշտպանության մասին» օրենքը ՀՕ-49-Ն, ընդունված 2015 թվականի մայիսի 18-ին.]. URL: https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=98338 (дата обращения: 28.04.2025).
22. Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data (ETS No. 108), Strasbourg, 28 January 1981. URL: https://rm.coe.int/1680078b37 (дата обращения: 28.04.2025).

23. Уголовный кодекс Республики Армения № HO-528-N, принятый 18 апреля 2003 года [Հայաստանի Հանրապետության քրեական օրենսգիրք ՀՕ-528-Ն, ընդունված 2003 թվականի ապրիլի 18-ին]. URL: https://www.arlis.am/documentView.aspx?docid=22625 (дата обращения: 28.04.2025).
24. Уголовный кодекс Республики Армения № HO-199-N, принятый 5 мая 2021 года [Հայաստանի Հանրապետության քրեական օրենսգիրք ՀՕ-199-Ն, ընդունված 2021 թվականի մայիսի 5-ին]. URL: https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=153080 (дата обращения: 28.04.2025).
25. Распоряжение Президента Республики Армения NK-97-N «Об утверждении Концепции информационной безопасности Республики Армения» от 26 июля 2009 года [Հայաստանի Հանրապետության Նախագահի 2009 թվականի հուլիսի 26-ի «Հայաստանի Հանրապետության տեղեկատվական անվտանգության ապահովման հայեցակարգը հաստատելու մասին» ՆԿ-97-Ն կարգադրությունը]. URL: https://www.arlis.am/documentview.aspx?docID=%2052559 (дата обращения: 28.04.2025).
26. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утв. Президентом РФ 09.09.2000. № Пр-1895 // РГ. 28.09.2000 № 187.
27. Тевикян А. Информационная безопасность [Թևիկյան Ա. Տեղեկատվական անվտանգություն], 12.06.2019 // ORBELI - Analytical Research Center. URL: https://orbeli.am/hy/author/65 (дата обращения: 05.05.2025).
28. Президент Серж Саргсян созвал заседание Совета национальной безопасности, 27 сентября 2017 года // Президент Республики Армения. URL: https://www.president.am/ru/press-release/item/2017/09/27/President-convened-National-Security-Council-meeting/ (дата обращения: 05.05.2025).
29. Armenia // Octopus Cybercrime Community. URL: www.coe.int/en/web/octopus/-/armenia (дата обращения: 05.05.2025).
30. Стратегия национальной безопасности Республики Армения: устойчивая Армения в меняющемся мире. Июль 2020. URL: https://www.mfa.am/filemanager/security%20and%20defense/%20национальной%20безопасности%20Республики%20Армения%202020_0.pdf (дата обращения: 05.05.2025).
31. Программа мероприятий деятельности Правительства Республики Армения на 2021–2026 годы, утверждена Постановлением Правительства Республики Армения №2300-L от 25 декабря 2023 года. URL: https://www.gov.am/files/docs/4739.pdf (дата обращения: 05.05.2025).
32. Закон о кибербезопасности [Օրենքը Կիբեռանվտանգության մասին] // Единый сайт для публикации проектов правовых актов. URL: https://www.e-draft.am/projects/6656 (дата обращения: 05.05.2025).
33. The Legal 500 Country Comparative Guides: Armenia Data Protection & Cybersecurity. URL: https://www.dialog.am/storage/files/posts/posts_1696440980651_Armenia-Data-Protection-Cybersecurity.pdf (дата обращения: 05.05.2025).

References

1. *Aktual'nye kiberugrozy: IV kvartal 2024 goda — I kvartal 2025 goda* [Current Cyberthreats: Q4 2024 – Q1 2025]. (n.d.) Positive Technologies. [Online] Available from: https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/aktualnye-kiberugrozy-iv-kvartal-2024-goda-i-kvartal-2025-goda/ (Accessed: 22.04.2025).
2. Vakhlang, Dzh. & Melkonyan, S. (2024) Indiya na Yuzhnom Kavkaze: znachenie dlya Rossii, Irana i Turtsii, 30 yanvarya 2024 g. [India in the South Caucasus: significance for Russia, Iran and Turkey, 30 January 2024]. *RSMD – RIAC*. [Online] Available from: russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/india-na-yuzhnom-kavkaze-znachenie-dlya-rossii-irana-i-turtsii/ (Accessed: 22.04.2025).
3. Nerzetyan, A. (2018) *Information Security or Cybersecurity? Armenia at a Juncture Again*, March 11. EVN Report. [Online] Available from: https://evnreport.com/economy/information-security-or-cybersecurity-armenia-at-a-juncture-again/ (Accessed: 22.04.2025).
4. *Erevan vzyalsya za internet-bezopasnost' i predlozhit Tbilisi prolozhit' kabel' mimo Baku* [Yerevan has taken up internet security and will propose that Tbilisi lay a cable bypassing Baku]. (2021) Sputnik Armeniya. 29.09. [Online] Available from: https://am.sputniknews.ru/20210929/erevan-vzaylsya-za-internet-bezopasnost-i-predlozhit-tbilisi-prolozhit-kabel-mimo-baku-33727932.html (Accessed: 24.04.2025).
5. *Na propusknom punkte armyano-gruzinskoy granitsy vremenno priostanovlen proezd gruzovikov* [Truck traffic temporarily suspended at the Armenian-Georgian border crossing]. (2025) Sputnik Armeniya. 05.05. [Online] Available from: https://am.sputniknews.ru/202505/na-propusknom-punkte-armyano-gruzinskoy-granitsy-vremenno-priostanovlen-proezd-gruzovikov--88621011.html (Accessed: 05.05.2025).
6. *Armeniya namerena prolozhit' cherez Gruziyu novyy internet-kabel'* [Armenia intends to lay a new internet cable through Georgia]. (2021) Golos Armenii. 16.09. [Online] Available from: https://www.golosarmenii.am/article/129104/armeniya-namerea-prolozhit-cherez-gruziyu-novyj-internet-kabel (Accessed: 24.04.2025).
7. *Sdelka mezhdu azerbaydzhanskim NEQSOL i gruzinskoy Caucasus Online napugala Armeniyu* [The deal between Azerbaijani NEQSOL and Georgian Caucasus Online frightened Armenia]. (2021) Kavkazskiy Uzel. 29.03. [Online] Available from: https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/83772/posts/48567 (Accessed: 24.04.2025).
8. *Armeniya namerena prolozhit' po dnu Chernogo Morya internet-kabel', svobodnyy ot kontrolya Baku* [Armenia intends to lay an internet cable along the bottom of the Black Sea, free from Baku's control]. (2021) Sputnik Armeniya. 15.09. [Online] Available from: https://am.sputniknews.ru/20210915/armeniya-namerea-prolozhit-po-dnu-chernogo-morya-internet-kabel-svobodnyy-ot-kontrolya-baku-33304936.html (Accessed: 24.04.2025).
9. Martirosyan, S. (2016) *Problemy domennogo prostranstva Armenii* [Problems of Armenia's Domain Space]. Fond "Noravank". 12 January. [Online] Available from: https://noravank.am/arm/articles/detail.php?ELEMENT_ID=14326 (Accessed: 24.04.2025). (In Armenian).
10. *Zapushchen internet-kanal strategicheskogo znacheniya: v sluchae avariy Armeniya ne ostanetsya bez interneta: "Past". 13 yanvarya, 2024* [An internet channel of strategic importance has been launched: in case of accidents Armenia will not be left without internet: 'Past'. 13 January 2024]. (2024) Past.am. [Online] Available from: https://past.am/?p=348730&l=ru#gsc.tab=0 (Accessed: 24.04.2025).
11. *Starlink ofitsial'no nachal rabotu v Armenii: internet budet dostupen dazhe na okrainakh* [Starlink officially began operating in Armenia: the internet will be available even on the outskirts]. (2025) Sputnik Armeniya. 27.03. [Online] Available from: https://am.sputniknews.ru/20250327/starlink-ofitsialno-nachal-rabotu-v-armenii-internet-budet-dostupen-na-samykh-okrainakh-87234610.html (Accessed: 24.04.2025).
12. Avetisyan, P.S. & Tadevosyan, M.R. (2023) Osnovnye prioritety razvitiya kiberbezopasnosti Armenii v kontekste mediaobrazovaniya [Main priorities for the development of Armenia's cybersecurity in the context of media education]. *Region i mir – Region and World*. 1 (44). pp. 18–22. doi: 10.58587/18292437-2023.1-18
13. Grooten, M., Fowler, A., Shaffer, M. & Sallick, S. (2023) *Armenia Digital Threat Landscape: Civil Society & Media*. Yerevan: Internews. 16 p. [Online] Available from: https://mdi.am/wp-content/uploads/2023/12/Armenia-Digital-Threat-Landscape-Report.pdf (Accessed: 24.04.2025).
14. Kemp, S. (2025) *Digital 2025: Armenia*, 3 March. DataReportal. [Online] Available from: https://datareportal.com/reports/digital-2025-armenia (Accessed: 25.04.2025).
15. United Nations. (2024) *United Nations E-Government Survey 2024: Accelerating Digital Transformation for Sustainable Development – With the addendum on Artificial Intelligence*. New York: United Nations. 205 p. [Online] Available from: https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789211067286 (Accessed: 25.04.2025).
16. United Nations. (2020) *United Nations E-Government Survey 2020: Digital Government in the Decade of Action for Sustainable Development (With addendum on COVID-19 Response)*. New York: United Nations. 360 p. [Online] Available from: https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789210051453 (Accessed: 25.04.2025).

17. International Telecommunication Union (ITU). (2020) *Global'nyy indeks kiberbezopasnosti, 2020 god. Otsenka vypolneniya obyazatel'stv po obespecheniyu kiberbezopasnosti* [Global Cybersecurity Index 2020. Assessment of Commitments to Cybersecurity]. Geneva: ITU. 164 p. [Online] Available from: https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/str/D-STR-GCI.01-2021-PDF-R.pdf (Accessed: 25.04.2025).
18. International Telecommunication Union (ITU). (2024) *Global Cybersecurity Index 2024*, 5th Edition. Geneva: ITU. 151 p. [Online] Available from: https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/hdb/d-hdb-gci.01-2024-pdf-e.pdf (Accessed: 25.04.2025).
19. Republic of Armenia. (2004) *Zakon Respubliki Armeniya "Ob elektronnom dokumente i elektronnoy tsifrovoy podpisi" № NO-40-N, prinyatyy 14 dekabrya 2004 goda* [Law of the Republic of Armenia 'On Electronic Document and Electronic Digital Signature' No. HO-40-N, adopted 14 December 2004]. [Online] Available from: https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=1547 (Accessed: 28.04.2025).
20. Republic of Armenia. (2005) *Zakon Respubliki Armeniya "Ob elektronnykh kommunikatsiyakh" № NO-176-N, prinyatyy 8 iyulya 2005 goda* [Law of the Republic of Armenia 'On Electronic Communications' No. HO-176-N, adopted 8 July 2005]. [Online] Available from: https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=1869 (Accessed: 28.04.2025).
21. Republic of Armenia. (2015) *Zakon Respubliki Armeniya "O zashchite personal'nykh dannykh" NO-49-N, prinyatyy 18 maya 2015 goda* [Law of the Republic of Armenia 'On Personal Data Protection' HO-49-N, adopted 18 May 2015]. [Online] Available from: https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=98338 (Accessed: 28.04.2025).
22. Council of Europe. (1981) *Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data (ETS No. 108)*, Strasbourg, 28 January. [Online] Available from: https://rm.coe.int/1680078b37 (Accessed: 28.04.2025).
23. Republic of Armenia. (2003) *Ugolovnyy kodeks Respubliki Armeniya № NO-528-N, prinyatyy 18 aprelya 2003 goda* [Criminal Code of the Republic of Armenia No. HO-528-N, adopted 18 April 2003]. [Online] Available from: https://www.arlis.am/documentView.aspx?docid=22625 (Accessed: 28.04.2025).
24. Republic of Armenia. (2021) *Ugolovnyy kodeks Respubliki Armeniya № NO-199-N, prinyatyy 5 maya 2021 goda* [Criminal Code of the Republic of Armenia No. HO-199-N, adopted 5 May 2021]. [Online] Available from: https://www.arlis.am/documentView.aspx?docid=153080 (Accessed: 28.04.2025).
25. Republic of Armenia. President. (2009) *Rasporyazhenie Prezidenta Respubliki Armeniya NK-97-N "Ob utverzhdenii Kontseptsii informatsionnoy bezopasnosti Respubliki Armeniya" ot 26 iyulya 2009 goda* [Order of the President of the Republic of Armenia NK-97-N 'On approval of the Concept of Information Security of the Republic of Armenia' of 26 July 2009]. [Online] Available from: https://www.arlis.am/documentview.aspx?docID=%2052559 (Accessed: 28.04.2025).
26. Russian Federation. President. (2000) *Doktrina informatsionnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii. Utv. Prezidentom RF 09.09.2000. № Pr-1895* [Information Security Doctrine of the Russian Federation. Approved by the President of the Russian Federation 09.09.2000. No. Pr-1895]. *RG – Rossiyskaya Gazeta*. 28.09.2000. No. 187.
27. Tevikyan, A. (2019) *Informatsionnaya bezopasnost'* [Information Security]. 12.06. ORBELI – Analytical Research Center. [Online] Available from: https://orbeli.am/hy/author/65 (Accessed: 05.05.2025). (In Armenian).
28. President of the Republic of Armenia. (2017) *Prezident Serzh Sargsyan sozval zasedanie Soveta natsional'noy bezopasnosti, 27 sentyabrya 2017 goda* [President Serzh Sargsyan convened a meeting of the National Security Council, 27 September 2017]. [Online] Available from: https://www.president.am/ru/press-release/item/2017/09/27/President-convened-National-Security-Council-meeting/ (Accessed: 05.05.2025).
29. *Armenia*. (n.d.) Octopus Cybercrime Community. [Online] Available from: www.coe.int/en/web/octopus/-/armenia (Accessed: 05.05.2025).
30. Republic of Armenia. (2020) *Strategiya natsional'noy bezopasnosti Respubliki Armeniya: ustoychivaya Armeniya v menyayushchemsya mire. Iyul' 2020* [National Security Strategy of the Republic of Armenia: A Sustainable Armenia in a Changing World. July 2020]. [Online] Available from: https://www.mfa.am/filemanager/security%20and%20defense/%20natsional'noy%20bezopasnosti%20Respubliki%20Armeniya%202020_0.pdf (Accessed: 05.05.2025).
31. Republic of Armenia. Government. (2023) *Programma meropriyatiy deyatel'nosti Pravitel'stva Respubliki Armeniya na 2021-2026 gody, utverzhdena Postanovleniem Pravitel'stva Respubliki Armeniya №2300-L ot 25 dekabrya 2023 goda* [Programme of Activities of the Government of the Republic of Armenia for 2021-2026, approved by Resolution of the Government of the Republic of Armenia No. 2300-L of 25 December 2023]. [Online] Available from: https://www.gov.am/files/docs/4739.pdf (Accessed: 05.05.2025).
32. Republic of Armenia. (n.d.) *Zakon o kiberbezopasnosti* [Law on Cybersecurity]. [Online] Available from: https://www.e-draft.am/projects/6656 (Accessed: 05.05.2025).
33. *The Legal 500 Country Comparative Guides: Armenia Data Protection & Cybersecurity*. (n.d.) [Online] Available from: https://www.dialog.am/storage/files/posts/posts_169644908651_Armenia-Data-Protection-Cybersecurity.pdf (Accessed: 05.05.2025).

Информация об авторах:
Мартиросян А.Ж. – канд. юрид. наук, младший научный сотрудник Института актуальных международных проблем, старший преподаватель кафедры стратегических коммуникаций и государственного управления, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: a.martirosian@dipacademy.ru
Горюшина Е.М. – канд. полит. наук, научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); ведущий научный сотрудник, руководитель сектора кавказских исследований, Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: egoryushina@hse.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
A.Zh. Martirosyan, Cand. Sci. (Law), junior research fellow, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: a.martirosian@dipacademy.ru
E.M. Goryushina, Cand. Sci. (Political Science), research fellow, HSE University (Moscow, Russian Federation); leading research fellow, head of the Caucasus Studies Sector, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: egoryushina@hse.ru

The authors declare no conflicts of interests

Статья поступила в редакцию 01.07.2025;
одобрена после рецензирования 06.05.2026; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 01.07.2025;
approved after reviewing 06.05.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 330.16
doi: 10.17223/15617793/527/11

Поколенческие особенности осознанного потребления в условиях нестабильности

Елена Игоревна Клемашева[1], Вероника Анатольевна Маланина[2], Эльмира Рамисовна Кашапова[3], Елена Михайловна Рождественская[4]

[1, 2, 3, 4] Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия
[1] klemaha@mail.ru
[2] milanskaya@mail.ru
[3] elmira6280@yandex.ru
[4] elena.rojdestvenskaya@gmail.com

Аннотация. Представлены результаты двух фокус-групповых дискуссий на тему осознанного потребления в условиях социально-экономической нестабильности, проведенной среди жителей города Томска (N = 18, 2024 г.). Анализ показал, что осознанность респондентов мотивирована скорее разумной экономией, чем приверженностью проэкологическим ценностям. Нарративы осознанности в потреблении и нестабильности отчетливее звучат у старшего поколения. Старшую группу волнует рост цен, молодую – неопределенность будущего.
Ключевые слова: осознанное потребление, потребительское поведение, социально-экономическая нестабильность, практики потребления, адаптация, фокус-группы

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10065, https://rscf.ru/project/24-78-10065/

Для цитирования: Клемашева Е.И., Маланина В.А., Кашапова Э.Р., Рождественская Е.М. Поколенческие особенности осознанного потребления в условиях нестабильности // Вестник Томского государственного университета. 2026. № 527. С. 94–100. doi: 10.17223/15617793/527/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/527/11

Generational features of conscious consumption in conditions of instability

Elena I. Klemasheva[1], Veronika A. Malanina[2], Elmira R. Kashapova[3], Elena M. Rozhdestvenskaya[4]

[1, 2, 3, 4] National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation
[1] klemaha@mail.ru
[2] milanskaya@mail.ru
[3] elmira6280@yandex.ru
[4] elena.rojdestvenskaya@gmail.com

Abstract. This article presents the results of two focus group discussions on conscious consumption in the context of socioeconomic instability, conducted among residents of Tomsk aged 25–35 and 60–70 (N=18, 2024). The interview guide included questions about respondents' motives and values, how and where they typically shop, what influences their decisions, whether they spend time and effort comparing prices and quality of goods at different retail outlets, whether they plan their purchases in advance or make them spontaneously, changes in consumer behavior over their life-course, and the factors influencing these changes. The analysis revealed that respondents' consciousness is motivated more by prudent savings than by a commitment to pro-environmental values. Conscious consumption is perceived differently by younger and older age groups. Young people do not explicitly consider themselves conscious consumers; they often admit they are not willing to deny themselves pleasures (coffee-to-go, taxi rides, books, delicious or aesthetically pleasing items). However, when purchasing durable goods—furniture, appliances—they compare prices and terms across stores, read reviews, and focus on economizing and efficiency. A third of focus group participants aged 60–70 explicitly identify themselves as conscious consumers. Almost all describe practices of conserving resources, recycling, reusing items, and avoiding impulse and unnecessary purchases. They note that aggressive advertising does not influence them, and that they often go to stores with a shopping list, monitor promotions and cashback categories, buy groceries daily as needed, and spend time searching for cheaper alternatives and reading reviews of expensive durable goods. Both generations share similar narratives regarding forced thrift, their self-perception as rational consumers, the convenience of online shopping as a way to save time and money, and the influence of digital technologies on the choice process. The generations view the role of government in shaping consumer consciousness differently: young people assume that conscious consumption comes from individuals and businesses, while older participants doubt that consciousness can be enforced without the interference of the state. Narratives of conscious consumption and instability are more pronounced among the older generation. The older group

© Клемашева Е.И., Маланина В.А., Кашапова Э.Р., Рождественская Е.М., 2026

is concerned about rising prices, while the younger generation has broader concerns about the uncertainty of the future, including inflation.
Keywords: conscious consumption, consumer behavior, socioeconomic instability, consumption practices, adaptation, focus groups

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-78-10065, https://rscf.ru/project/24-78-10065/

For citation: Klemasheva, E.I., Malanina, V.A., Kashapova, E.R. & Rozhdestvenskaya E.M. (2026) Generational features of conscious consumption in conditions of instability. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 527. pp. 94–100. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/527/11

Введение

Термин «осознанное потребление» (conscious consumption) используется в научной литературе преимущественно как один из синонимов этичного потребления [1], которое в свою очередь является разновидностью нестандартного потребления [2] наряду с паническим, компульсивным, импульсивным и статусным. Нестандартное потребление не всеми исследователями противопоставляется рациональному, осознанность как раз может быть признаком долгосрочного планирования, стремления к экономии ресурсов, что является проявлением рациональности [3]. Можно понимать осознанное потребление как «любой выбор продуктов или услуг, сделанный как способ выразить ценности устойчивости, социальной справедливости, корпоративной ответственности или прав работников и учитывающий более широкий контекст производства, распределения или воздействия товаров и услуг на окружающую среду» [4]. Осознанность как качество и образ мыслей присуща единственному экономическому агенту – индивиду [5], и она не аналогична этичности (поведение по отношению к другим) или экологичности (поведение по отношению к природе, среде обитания), осознанное потребление включает заботу о своем благополучии, которое рационально понимается как следствие благополучия других и устойчивого состояния среды. Существуют также попытки концептуализации устойчивого потребления [6] через единство ответственного (responsible), сознательного (mindful) потребления и антипотребления (anti-consumption), по сути объединяющие заботу и осознанность индивида по отношению к себе и к своему окружению.

Научной основой исследования потребительского поведения является теория запланированного поведения А. Айзена (theory of planned behavior), постулирующая, что потребитель будет действовать только в случае, если имеет кроме намерений еще и возможности [7]. В основе данной теории находится воспринимаемый поведенческий контроль (perceived behavioral control), который отражает уверенность потребителя в своей способности совершать осознанный выбор, учитывая доступность устойчивых альтернатив, наличие финансовых ресурсов, необходимых знаний, возможности преодолевать барьеры при принятии решений. На потребление поведенческий контроль может влиять двояко: с одной стороны, через формирование намерения (например, «намерен покупать местные продукты»), с другой стороны, напрямую, особенно когда восприятие контроля соответствует реальности (например, при наличии в шаговой доступности магазина с местными фермерскими продуктами). Именно это расширение позволяет теории прогнозировать поведение, которое часто ограничено внешними обстоятельствами (доступностью инфраструктуры, бюджетом), а не только личным желанием индивида. При этом опросы потребителей имеют свои ограничения в силу наличия разрыва между декларируемыми ценностями и реальными действиями (value-action gap). Последнее особенно важно для анализа осознанного и любого другого нестандартного потребления, поскольку декларация приверженности проэкологическому поведению является социально-приемлемым ответом, в то время как действия могут не соответствовать декларациям. Ряд авторов указывает на избыточную эксплуатацию зеленой повестки ради создания благоприятного впечатления как покупателями, формирующими соответствующий имидж в глазах своего значимого окружения, так и бизнесом [8, 9].

Периоды нестабильности качественно меняют логику потребительского поведения: разрушаются привычные модели, возрастает неопределённость, усиливается влияние психологических факторов (страх) [10, 11]. Изменения потребительского поведения могут проявляться в росте спроса на товары длительного хранения, активизации просоциального поведения (волонтерство, пожертвования в благотворительные фонды), развитии практик совместного пользования [12]; в снижении потребления непродовольственных дорогостоящих товаров при сохранении потребления продовольственных товаров [13]; росте сбережений и формировании финансовой подушки безопасности [14].

Различия в потребительском поведении между социально-демографическими группами часто становятся предметом количественных исследований. На больших страновых данных Р. Кертин показал, что частное, субъективное восприятие людьми макроэкономических процессов формирует ожидания потребителей в большей степени, нежели объективная макроэкономическая статистика [15]. Метаанализ публикаций по тематике осознанного потребления за 2008–2024 гг. [5] свидетельствует, что исследователи преимущественно работают с одной группой респондентов – студентами, жителями конкретной местности, представителями определенного поколения, что часто обусловлено удобством выборки, прикладными задачами выявления потребительских мотивов и использования их в маркетинговых коммуникациях, а также ограниченными ресурсами на проведение глубинных интервью с разными социально-демографическими группами по одному сценарию. Сравнительных

исследований осознанного, экологичного потребления в научной литературе мало, в некоторых из них гендерные и поколенческие различия иногда находят подтверждение, например, в потреблении одежды [16].

Межстрановые различия в опросах фиксируются редко, а там, где различия обнаруживаются, они легко объясняются разницей культур и паттернов поведения, например, между итальянцами и пакистанцами [17] или потребителями Китая и Великобритании [18].

Выявление специфики потребительского поведения разных возрастных групп даже в количественных исследованиях осложняется проблемой не только определения границ между поколениями, но и разделения действующих вместе эффектов возраста, поколенческого и когортного эффектов [19]. Обзор исследований потребительских ожиданий [20] не позволяет однозначно утверждать, что молодые поколения имеют более оптимистичные оценки будущего и более активны как потребители.

Материалы и методы

Целью социологического исследования является выявление специфики осознанного потребительского поведения в условиях нестабильности в разных возрастных группах. Методом исследования был выбран метод фокус-групповой дискуссии (ФГД) как наиболее релевантный для получения развернутых комментариев в свободной форме от участников дискуссии для формулировки гипотез дальнейшего количественного исследования. Тема осознанности в потребительском поведении не является стандартной для качественных и количественных исследований, опросники формируются под конкретную задачу каждой исследовательской командой. Результаты фокус-групп никогда не являются репрезентативными для генеральной совокупности, но позволяют предварительно протестировать гипотезы, выявить ведущие нарративы и смыслы, отношение участников к проблеме и степень ее значимости, выяснить у респондентов причины их убеждений и действий.

Фокус-группы проводились среди жителей города Томска в сентябре 2024 г. В исследовании приняли участие две группы респондентов: в возрасте 25–35 лет (9 человек) и 60–70 лет (9 человек). Выбор возрастов был обусловлен попыткой выявить различия в потребительском поведении между молодыми когортами, уже преимущественно закончившими учебу и вошедшими на рынок труда, и когортами, вступившими в пенсионный возраст и адаптирующимися к новым жизненным и экономическим обстоятельствам. По составу обе группы включали по пять мужчин и по четыре женщины, как работающих, так и не работающих участников, с разным уровнем образования и составом семьи. Сферы деятельности представителей младшего поколения включали общепит, науку, здравоохранение, торговлю, IT, грузоперевозки; среди представителей старшей фокус-группы четверо участников были неработающими пенсионерами, пятеро продолжали работать в торговле, образовательных и некоммерческих организациях, в том числе на руководящих должностях.

Гайд беседы включал вопросы о мотивах и ценностях респондентов, о том, как и где обычно они совершают покупки, что влияет на их решения, тратят ли они силы и время на сравнение цен и качества товаров в разных точках продаж, планируют ли покупки заранее или совершают их спонтанно, об изменении потребительского поведения в течение жизни и факторов, влияющих на эти изменения. Участники также комментировали воздействие цифровых технологий (развитие банковских сервисов, маркетплейсов, сервисов доставки) на процесс совершения покупок. В развитие разговора участников просили порассуждать об их понимании «осознанного потребления», его индивидуальных практиках и препятствиях на пути осознанного потребительского поведения.

Результаты

Осознанное потребление по-разному воспринимается представителями молодой и старшей возрастной группы. Молодежь не думает о себе как об осознанных потребителях, часто признается, что не готова отказывать себе в удовольствиях (кофе, поездки на такси, книги, что-то вкусное, эстетически привлекательное), однако при покупке товаров длительного пользования – мебели, техники – выбирают и сравнивают цены и условия в разных магазинах, изучают отзывы, ориентируются на экономию и эффективность. Треть участников фокус-группы 60–70 лет напрямую, эксплицитно называют себя осознанными, почти все описывают практики экономии ресурсов, сдачи вторсырья, повторного использования вещей, неподверженность практикам спонтанных и ненужных покупок, отмечают, что агрессивная реклама на них не действует и что часто в магазины они ходят со списком покупок, отслеживают акции, категории кешбэка, закупают продукты по мере необходимости каждый день, тратят время на поиски более дешевых аналогов, изучение отзывов на дорогостоящие товары длительного пользования. У младшего и старшего поколений присутствует нарратив вынужденной экономии, недовольство ростом цен, которому (за исключением коммунальных платежей) они пытаются противостоять поиском скидок и акций. Среди молодежной группы более выражен нарратив ценности времени, несколько участников утверждают, что им проще заказать доставку, а не обходить магазины в поисках более низких цен.

– *«Я в принципе на всем экономлю. Бывают мимолетные помутнения, но в целом я себя очень сильно ограничиваю»* (м., 25 лет) (здесь и далее пунктуация и стилистика ответов респондентов сохранены. – *Авт.*).

– *«Выйдя на пенсию смотришь, где подешевле, по скидке. Стараешься качественное, но все-таки цена важнее»* (ж., 68 лет).

В молодежной группе нестабильность ощущают меньше, что обусловлено спецификой возрастной группы, обычно к тридцати годам человек уже относительно прочно «стоит на ногах», имеет образование, свою семью или возможность получить поддержку от родителей, стабильный и, как правило, растущий до-

ход. При этом молодые люди, проживающие с родителями, чувствуют себя существенно более спокойно и защищенно, не замечают резких изменений и нестабильности в своей повседневной жизни, поскольку не сталкиваются так часто с необходимостью решать бытовые вопросы семьи.

– «Не было каких-то резких изменений, все идет как запланировано… Нет сильных провалов и подъемов… Чувствуется, что как 5–10 лет назад жили, так и сейчас живем» (ж., 33 года).

– «Сейчас максимально стабильные годы – я живу с родителями. Мне не нужно беспокоиться о том, чтобы быстро-быстро искать работу, съемную квартиру. Я могу сосредоточиться на учебе и не думать ни о чем другом… Поэтому у меня все действительно стабильно. Раньше, когда я жил в другом городе один и мне приходилось работать выездным мастером, вот это было нестабильное время. Там непонятно было, сколько ты получишь сегодня, завтра» (м., 25 лет).

В молодежной группе есть, разумеется, и другие мнения, другие жизненные обстоятельства провоцируют тревожность и неуверенность, что часто связано с опасением потери источников дохода, работы или событиями, которые невозможно предугадать или контролировать – инфляцией, невозможностью сохранить накопления. Такие соображения высказывают молодые люди, у которых уже есть своя семья, дети, живущие отдельно от родителей.

– «Сегодня у меня все есть, а завтра этого может и не быть» (м., 28 лет).

– «Сегодня работа есть, а завтра нет» (м., 35 лет).

– «Зреют какие-то изменения, возможно, неизвестные нам. Само ожидание – неопределенность» (ж., 33 года).

В старшей возрастной группе ощущение нестабильности проявляется значительно ярче. Участники рефлексировали о том, что состояние кризиса в России не прекращается со времен перестройки, в некоторой степени население привыкло жить в эпоху перемен. Текущий период оценивается большинством респондентов как период нестабильности, а основным ее проявлением именно в текущем периоде назван стремительный рост цен, отсутствие необходимых лекарств.

– «Нестабильность – это когда приходя в магазин не знаешь цену. И так каждый день» (м., 64 года).

– «Рост цен и не рост пенсий. Непропорциональный рост коммуналки, ты не знаешь, что будет завтра с этой коммуналкой. Поэтому конечно нестабильная ситуация» (ж., 64 года).

Есть и другое, менее распространенное, представление о периоде жизни на пенсии как о периоде стабильности, поскольку потребности снижаются, при этом есть регулярные доходы, позволяющие планировать расходы и чувствовать себя защищенными.

– «Мы взяли в поселении поместь… лично я и моя семья, мы не чувствуем нестабильности. В огороде все растет, цветет. Поскольку я на пенсии уже много ничего не надо. Еще и работаю. Красота» (ж., 68 лет).

Ощущение стабильности у представителей старшего поколения связано часто со временем их молодости, которое пришлось на дореформенный период, и в данный момент рефлексируется и описывается как предсказуемое и спокойное. Воспоминания и оценки далекого прошлого могут быть подвержены когнитивным искажениям, в то время как нестабильность текущего момента естественным образом актуализирована и вызывает большее беспокойство, чем трудности, которые уже были преодолены когда-то в прошлом.

– «До перестройки я уверенно жила и училась, и работала и вроде бы уверены были в завтрашнем дне» (ж., 69 лет).

– «Это уверенность в завтрашнем дне. Стабильность в том, чтобы всегда была работа, всегда была уверенность, что дадут детский сад, дадут квартиру» (м., 64 года).

Таким образом, разный возраст и жизненный опыт формируют различное отношение к социально-экономической нестабильности. Старшее поколение уже сформировало базу своего материального благополучия и текущие поступления от пенсий и работы/подработок рассматривает как «деньги на жизнь». Молодежь стоит перед необходимостью формирования этой базы – покупки жилья, получения (продолжения) образования и развития карьеры. Молодые респонденты решают двойную задачу – для них нестабильность и неопределенность своего положения в обществе накладывается на социально-экономическую нестабильность. О формировании финансовой подушки безопасности участники молодой фокус-группы задумываются, считают это необходимостью, однако, отмечают, что формировать такую подушку у части респондентов не получается в связи с ограниченностью доходов. Другие участники не уверены в надежности такого инструмента, как вклады, опасаются обесценивания денег и предпочитают вкладывать в свой быт, обновление техники, покупку автомобиля здесь и сейчас.

В старшей возрастной группе преимущественно апеллировали к советскому прошлому, которое, по мнению участников, является *«образцом осознанного потребления» в условиях вынужденного дефицита ресурсов. В этом контексте прозвучали мнения о необходимости «восстановить СССР»* (м., 70 лет).

– «Государство упустило момент, и к нам с Запада пришло общество потребления. Сначала всех зомбировали, а потом наши стали туда ездить и заразились. Теперь мы сами превратились в общество потребления и уже не захотим что-то поменять. В СССР было осознанное потребление» (м., 69 лет).

Соответственно, надежды на государство в создании условий для развития осознанного потребления высказывают респонденты старшей возрастной группы, в то время как молодежь полагает, что нужно обращаться к бизнесу и людям как к акторам, которые могут быть заинтересованы вести себя осознанно без внешнего принуждения. Респонденты молодого возраста упоминают, что легко «втягиваются» в подобные практики, если этим занимается их окружение (например, батарейки или макулатуру кто-то из коллег на рабочем месте собирает и отвозит на переработку) или обнаруживают вокруг себя удобную инфраструктуру для сбора вторсырья (сетки для сбора пластика, эко-центры по дороге на работу или в пешей доступности). Также легко молодежь выпадает из подобных практик, когда они перестают быть удобными и доступными.

Молодежь, тем не менее, отмечает, что в их среде есть люди, действующие в соответствии со своими убеждениями независимо от степени комфорта и доступности инфраструктуры сбора и переработки вторсырья:

– *«Есть знакомые иногда, настолько фанатичны, что они сами приедут заберут, если накопил»* (ж., 31 год).

Старшее поколение сомневается, что можно привить бизнесу и людям осознанность и проэкологическое поведение без вмешательства государства, хотя их личный опыт участия в подобных практиках связан именно со сдачей вторсырья частным организациям, названия которых они упоминают в ходе беседы.

Обсуждение

Поколенческие различия в потребительских практиках могут быть вызваны как спецификой социально-экономической обстановки, так и жизненным циклом конкретного поколения или когорты потребителей. Таким образом, возможны две не противоречащие друг другу гипотезы: потребительское поведение адаптируется под предложенные обстоятельства и одинаково для всех поколений в текущем моменте или каждое поколение проходит в течение жизни одинаковые этапы и потребляет так же, как и представители любого поколения в соответствующем возрасте. Какими бы ни были макроэкономические обстоятельства, каждая когорта проживает в них свой жизненный цикл. Молодежь отмечает рост своих доходов и расширения потребления именно в привязке к своему жизненному циклу – получению работы после периода учебы, закрытию ипотеки, которое, по признанию респондентов, полностью меняет потребительские практики и позволяет перейти к формированию финансовой подушки безопасности.

Оба фактора – макроэкономическая обстановка сама по себе и ее восприятие сформировавшимися в разных условиях поколениями – действуют одновременно, и в конкретный исторический момент их эффекты не всегда возможно рассмотреть отдельно. Например, на момент исследования в 2024 г. участники всех возрастов описывали инфляцию как важный драйвер своих потребительских практик.

Данные фокус-групп подтверждаются результатами массовых опросов. По данным ВЦИОМ [21], в обществе наблюдается сдвиг от трат на текущее потребление к стратегиям накопления, особенно эта тенденция характерна для молодых и обеспеченных городских жителей («успешные планировщики»). Эта группа демонстрирует установки на осознанное потребление, связывая достижение целей с личной ответственностью и доступностью инфраструктуры. В то же время для старшего поколения и малообеспеченных групп («плывущих по течению») характерна более сильная зависимость от государственных гарантий и ностальгия по советской модели вынужденной осознанности в условиях дефицита. Одни и те же макроэкономические условия порождают разные модели поведения, которые зависят от социально-демографического положения и сформированных установок.

Восприятие нестабильности и ответные потребительские практики нелинейны и опосредованы как объективными экономическими условиями, так и субъективными факторами (этапом жизненного цикла, сформированными установками). Ощущение нестабильности ярче выражено у старшего поколения, сочетается у них с более консервативными практиками экономии. Молодое поколение ощущает меньшую тревогу в силу этапа жизненного цикла (поддержка семьи, рост доходов), но также применяет стратегии рационализации расходов (скидки, кешбэки).

Заключение

Качественное социологическое исследование потребительского поведения разных возрастных групп в формате фокус-групповых дискуссий, проведенных осенью 2024 г. в Томске, позволило выявить и описать содержательные различия в восприятии и практиках осознанного потребления между двумя поколениями респондентов – молодыми (25–35 лет) и людьми пенсионного возраста (60–70 лет). Разумеется, на примере одного качественного исследования невозможно утверждать наличие именно поколенческих паттернов потребительского поведения. Анализ нарративов участников показывает наличие общих трендов в отношении вынужденной экономии, восприятия самих себя как рациональных потребителей, удобства онлайн-покупок как фактора экономии времени и денег, в целом положительного влияния цифровых технологий на процесс выбора. Межпоколенческие различия видны по вопросу ответственности государства в формировании осознанности потребителей – респонденты старших возрастов склонны наделять его ведущей ролью в данном процессе.

Полученные данные не позволяют однозначно говорить, что различия являются следствием поколенческих (когортных) особенностей либо обусловлены текущим этапом жизненного цикла респондентов, но дают основания утверждать, что наблюдаемые паттерны не являются случайными. С одной стороны, модель поведения молодых респондентов может быть связана с этапом жизни, а не с неизменными ценностями когорты. Так молодые участники, находящиеся в фазе активного карьерного старта, демонстрируют более высокую готовность платить за удобство и ограниченные возможности для накопления. Старшее поколение, напротив, обладает устоявшимся бытом, фиксированным, ограниченным доходом и высвободившимся временем, что объективно подталкивает их к стратегиям экономии. С другой стороны, социализация старшего поколения в условиях советского дефицита и патернализма сформировала у них устойчивую «привычку к экономии», воспринимаемую как эталон осознанности, и запрос на ведущую роль государства в регулировании потребления.

Таким образом, можно говорить о существовании различных возрастных моделей потребительского поведения, которые сформировались под влиянием этапа жизненного цикла и исторического опыта. Различия не случайны, поскольку они логичны, внутренне непротиворечивы и объясняются объективными социально-

демографическими и культурными факторами. Молодое поколение демонстрирует «гибкую» осознанность, сильно зависящую от контекста и удобства, в то время как старшее поколение практикует осознанность, основанную на укоренившихся привычках экономии.

Список источников

1. Шабанова М.А. Этичное потребление как сфера гражданского общества в России: факторы и потенциал развития рыночных практик // Экономическая социология. 2023. № 24 (1). С. 13–54. URL: https://ecsoc.hse.ru/article/view/16799
2. Радаев В.В. Нестандартное потребление. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2025. 216 с. doi: 10.17323/978-5-7598-4131-9
3. Ergin G., Çatı K., Oskaloğlu E. Intermediate Role of Rational Spending in the Effect of Responsibility Consciousness on Utility Consumption Style // Sosyoekonomi. 2024. Vol. 32 (59). P. 173–206. doi: 10.17233/sosyoekonomi.2024.01.08
4. Willis M., Schor J. Does Changing a Light Bulb Lead to Changing the World? Political Action and the Conscious Consumer // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 2012. Vol. 644 (1). P. 160–190. doi: 10.1177/0002716212454831
5. Маланина В.А., Клемашева Е.И., Рождественская Е.М. Кашапова Э.Р. Анализ предметного поля феномена осознанного потребления // Journal of Institutional Studies. 2025. № 17 (1). С. 80–92. doi: 10.17835/2076-6297.2025.17.1.080-092
6. Lim W.M. Inside the sustainable consumption theoretical toolbox: Critical concepts for sustainability, consumption, and marketing // Journal of Business Research. 2017. Vol. 78. P. 69–80. doi: 10.1016/j.jbusres.2017.05.001
7. Ajzen I. The theory of planned behavior // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 1991. Vol. 50 (2). P. 179–211. doi: 10.1016/0749-5978(91)90020-T
8. Davies I.A., Gutsche S. Consumer motivations for mainstream «ethical» consumption // European Journal of Marketing. 2016. Vol. 50 (7/8). P. 1326–1347.
9. Griskevicius V., Tybur J.M., Van den Bergh B. Going green to be seen: Status, reputation, and conspicuous conservation // Journal of Personality and Social Psychology. 2010. Vol. 98. P. 392–404. doi: 10.1037/a0017346
10. Ромашкина Г.Ф., Занчук М.Р. Метаанализ научных концепций потребительского поведения в кризисные периоды // Вестник Тюменского государственного университета. Серия: Социально-экономические и правовые исследования. 2025. Т. 11, № 2 (42). С. 219–239. doi: 10.21684/2411-7897-2025-11-2-219-239
11. Андреева Е.В., Герасимова С.А. Тенденции изменения потребительского поведения в периоды социально-экономических спадов // Modern Economy Success. 2021. № 1. С. 153–160.
12. Белехова Г.В. Потребительские практики и настроения населения в условиях нестабильности 2020–2022 гг. (региональный аспект) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2023. Т. 8, № 3 (29). С. 366–377. doi: 10.21603/2500-3372-2023-8-3-366-377
13. Ярашева А.В. Потребительское поведение россиян: возможности и приоритеты // Народонаселение. 2022. Т. 25, № 4. С. 68–78. doi: 10.19181/population.2022.25.4.6
14. Тимохина Г.С., Мхитарян С.В., Скоробогатых И.И., Корягина И.А., Лукина А.В. Устойчивое поведение потребителей: исследование через призму теории поколений // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2022. Т. 13, № 3. С. 420–442. doi: 10.18184/2079-4665.2022.13.3.420-442
15. Curtin R. Unemployment Expectations: The Impact of Private Information on Income Uncertainty // Review of Income and Wealth. 2003. Vol. 49 (4). P. 539–554. doi: 10.1111/j.0034-6586.2003.00103.x
16. Barrera-Verdugo G., Villarroel-Villarroel A. Influence of product selection criteria on clothing purchase and post-purchase behaviours: A gender and generational comparison // PLOS One. 2022. Vol. 17 (6). P. 1–23. doi: 10.1371/journal.pone.0267783
17. Ishaq M. Testing Sustainable Consumption Behavior in Italy and Pakistan // European Journal of Business Science and Technology. 2018. Vol. 4 (1). P. 93–104.
18. De Silva M., Wang P., Kuah A.T.H. Why wouldn't green appeal drive purchase intention? Moderation effects of consumption values in the UK and China // Journal of Business Research. 2021. Vol. 122 (3). P. 713–724. doi: 10.1016/j.jbusres.2020.01.016
19. Ryder N. The Cohort as a Concept in the Study of Social Change // American Sociological Review. 1965. Vol. 30 (6). P. 843–861. doi: 10.2307/2090964
20. Ибрагимова Д.Х. Когортный анализ потребительских ожиданий населения России (1996−2010): теоретико-методологические основы исследования // Экономическая социология. 2014. Т. 15 (2). С. 99–118.
21. Все идет по плану! // Аналитические обзоры ВЦИОМ. 2024. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vse-idet-po-planu

References

1. Shabanova, M.A. (2023) Etichnoe potreblenie kak sfera grazhdanskogo obshchestva v Rossii: faktory i potentsial razvitiya rynochnykh praktik [Ethical consumption as a sphere of civil society in Russia: factors and potential for the development of market practices]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya – Economic Sociology*. 24 (1). pp. 13–54. [Online] Available from: https://escosc.hse.ru/article/view/16799 (Accessed: 14.06.2026).
2. Radaev, V.V. (2025) *Nestandartnoe potreblenie* [Non-Standard Consumption]. Moscow: Izdatel'skiy dom NIU VShE. 216 p. doi: 10.17323/978-5-7598-4131-9
3. Ergin, G., Çatı, K. & Oskaloğlu, E. (2024) Intermediate Role of Rational Spending in the Effect of Responsibility Consciousness on Utility Consumption Style. *Sosyoekonomi*. 32 (59). pp. 173–206. doi: 10.17233/sosyoekonomi.2024.01.08
4. Willis, M. & Schor, J. (2012) Does Changing a Light Bulb Lead to Changing the World? Political Action and the Conscious Consumer. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 644 (1). pp. 160–190. doi: 10.1177/0002716212454831
5. Malanina, V.A., Klemasheva, E.I., Rozhdestvenskaya, E.M. & Kashapova, E.R. (2025) Analiz predmetnogo polya fenomena osoznannogo potrebleniya [Analysis of the subject field of the phenomenon of conscious consumption]. *Journal of Institutional Studies*. 17 (1). pp. 80–92. doi: 10.17835/2076-6297.2025.17.1.080-092
6. Lim, W.M. (2017) Inside the sustainable consumption theoretical toolbox: Critical concepts for sustainability, consumption, and marketing. *Journal of Business Research*. 78. pp. 69–80. doi: 10.1016/j.jbusres.2017.05.001
7. Ajzen, I. (1991) The theory of planned behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 50 (2). pp. 179–211. doi: 10.1016/0749-5978(91)90020-T
8. Davies, I.A. & Gutsche, S. (2016) Consumer motivations for mainstream "ethical" consumption. *European Journal of Marketing*. 50 (7/8). pp. 1326–1347.
9. Griskevicius, V., Tybur, J.M. & Van den Bergh, B. (2010) Going green to be seen: Status, reputation, and conspicuous conservation. *Journal of Personality and Social Psychology*. 98. pp. 392–404. doi: 10.1037/a0017346
10. Romashkina, G.F. & Zanchuk, M.R. (2025) Metaanaliz nauchnykh kontseptsiy potrebitel'skogo povedeniya v krizisnye periody [A meta-analysis of scientific concepts of consumer behaviour in crisis periods]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya – Bulletin of Tyumen State University. Series: Socio-Economic and Legal Studies*. 11 (2)42. pp. 219–239. doi: 10.21684/2411-7897-2025-11-2-219-239

11. Andreeva, E.V. & Gerasimova, S.A. (2021) Tendentsii izmeneniya potrebitel'skogo povedeniya v periody sotsial'no-ekonomicheskikh spadov [Trends in changes in consumer behaviour during periods of socio-economic downturns]. *Modern Economy Success*. 1. pp. 153–160.
12. Belekhova, G.V. (2023) Potrebitel'skie praktiki i nastroeniya naseleniya v usloviyakh nestabil'nosti 2020–2022 gg. (regional'nyy aspekt) [Consumer practices and moods of the population under conditions of instability 2020–2022 (regional aspect)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki – Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*. 8 (3)29. pp. 366–377. doi: 10.21603/2500-3372-2023-8-3-366-377
13. Yarasheva, A.V. (2022) Potrebitel'skoe povedenie rossiyan: vozmozhnosti i prioritety [Consumer behaviour of Russians: opportunities and priorities]. *Narodonaselenie – Population*. 25 (4). pp. 68–78. doi: 10.19181/population.2022.25.4.6
14. Timokhina, G.S., Mkhitaryan, S.V., Skorobogatykh, I.I., Koryagina, I.A. & Lukina, A.V. (2022) Ustoychivoe povedenie potrebiteley: issledovanie cherez prizmu teorii pokoleniy [Sustainable consumer behaviour: a study through the prism of generational theory]. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie) – MIR (Modernization. Innovation. Development)*. 13 (3). pp. 420–442. doi: 10.18184/2079-4665.2022.13.3.420-442
15. Curtin, R. (2003) Unemployment Expectations: The Impact of Private Information on Income Uncertainty. *Review of Income and Wealth*. 49 (4). pp. 539–554. doi: 10.1111/j.0034-6586.2003.00103.x
16. Barrera-Verdugo, G. & Villarroel-Villarroel, A. (2022) Influence of product selection criteria on clothing purchase and post-purchase behaviours: A gender and generational comparison. *PLOS ONE*. 17 (6). pp. 1–23. doi: 10.1371/journal.pone.0267783
17. Ishaq, M. (2018) Testing Sustainable Consumption Behavior in Italy and Pakistan. *European Journal of Business Science and Technology*. 4 (1). pp. 93–104.
18. De Silva, M., Wang, P. & Kuah, A.T.H. (2021) Why wouldn't green appeal drive purchase intention? Moderation effects of consumption values in the UK and China. *Journal of Business Research*. 122 (3). pp. 713–724. doi: 10.1016/j.jbusres.2020.01.016
19. Ryder, N. (1965) The Cohort as a Concept in the Study of Social Change. *American Sociological Review*. 30 (6). pp. 843–861. doi: 10.2307/2090964
20. Ibragimova, D.Kh. (2014) Kogortnyy analiz potrebitel'skikh ozhidaniy naseleniya Rossii (1996–2010): teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya [A cohort analysis of consumer expectations of the Russian population (1996–2010): theoretical and methodological foundations of the study]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya – Economic Sociology*. 15 (2). pp. 99–118.
21. WCIOM. (2024) *Vse idet po planu!* [Everything goes according to plan!]. [Online] Available from: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vse-idet-po-planu (Accessed: 14.06.2026).

Информация об авторах:

Клемашева Е.И. – канд. экон. наук, доцент отделения экономики и организации производства, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Россия). E-mail: klemaha@mail.ru

Маланина В.А. – канд. экон. наук, доцент отделения экономики и организации производства, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Россия). E-mail: milanskaya@mail.ru

Кашапова Э.Р. – канд. экон. наук, доцент отделения экономики и организации производства, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Россия). E-mail: elmira6280@yandex.ru

Рождественская Е.М. – канд. экон. наук, доцент отделения экономики и организации производства, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Россия). E-mail: elena.rojdestvenskaya@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.I. Klemasheva, Cand. Sci. (Economics), associate professor, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: klemaha@mail.ru

V.A. Malanina, Cand. Sci. (Economics), associate professor, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: milanskaya@mail.ru

E.R. Kashapova, Cand. Sci. (Economics), associate professor, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elmira6280@yandex.ru

E.M. Rozhdestvenskaya, Cand. Sci. (Economics), associate professor, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elena.rojdestvenskaya@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.01.2026;
одобрена после рецензирования 20.03.2026; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 19.01.2026;
approved after reviewing 20.03.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 94
doi: 10.17223/15617793/527/12

За пределами цифр: роль колониальных переписей в фиксировании этничности и демографической манипуляции в Британской Бирме

Йе Фон Чжо[1]

[1] *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, ypk.mmr@stud.tsu.ru*

Аннотация. Анализируются исторические корни трудностей формирования этнической идентичности с акцентом на колониальном периоде, который трансформировал национальные и этнические идентичности. Хотя известны исследования британской политики «разделяй и властвуй», недостаточно изучено, как перепись населения использовалась для закрепления этнических идентичностей, подрывая ранее гибкую систему формирования разных уровней самосознания в Мьянме. Эту лакуну восполняет данная статья, показывая роль колониальных переписей населения в формировании устойчивых этнических классификаций, напряженности, манипулировании и дискриминации. При опоре на методы кейс-стади и текстуальный анализ автор установил значение переписей в формировании разных уровней коллективного самосознания в Мьянме.
Ключевые слова: Мьянма, Бирма, переписи населения, нациестроительство, формирование идентичности, колонизация, деколонизация

Для цитирования: Йе Фон Чжо. За пределами цифр: роль колониальных переписей в фиксировании этничности и демографической манипуляции в Британской Бирме // Вестник Томского государственного университета. 2026. № 527. С. 101–114. doi: 10.17223/15617793/527/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/527/12

Beyond counting: The role of colonial censuses in ethnic reification and demographic manipulation in British Burma

Ye Phone Kyaw[1]

[1] *National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation, ypk.mmr@stud.tsu.ru*

Abstract. Myanmar (Burma) has struggled with nation-building for nearly eight decades due to persistent ethnic insurgencies. This study explores the historical roots of unresolved ethnic identity politics in Myanmar's nation-building, focusing on the colonial period that reshaped national and ethnic identities. While extensive research has examined the British "divide-and-rule" policy, there is limited understanding of how the British administration employed censuses as instruments for "divid-and-rule" and rigidifying ethnic identities, thereby undermining the fluid ethnic identity formation in Myanmar. Existing scholarship in Myanmar studies frequently overlooks theoretical analyses of censuses through the lens of collective identity building. This article seeks to address these gaps by examining the role of censuses in British Burma, analyzing both the intentional and unintentional effects and purposes of census-taking in shaping Myanmar's persistent ethnic classifications and tensions. Using case studies and textual analysis, the research combines qualitative and quantitative data, drawing on primary and secondary sources–with the main primary sources being censuses. The main results demonstrate how the British colonial authority sought to minimize the total number of Burmans/Burmese while maximizing the numbers of other groups, by categorizing small tribal families as distinct main ethnic groups (which disappeared from records by 1931) and showing favoritism toward rigidity and difference rather than fluidity and unity. Thus, colonial censuses not only described the population but actively shaped it. The study does not argue that British policies and legacies alone are the sole reason for today's ethnic conflicts in Myanmar. However, it posits that colonial censuses were not neutral administrative tools but instruments of power that reinforced ethnic hierarchies and divisions. Through the census-taking processes, the British administration not only reified ethnic divisions that had previously been fluid in Myanmar society but also manipulated the processes and data to minimize the total number of Burmans/Burmese and maximize the total number of minorities. This system, encompassing over 130 distinct groups, became Myanmar's institutionalized "ethnic trap," complicating the challenges of building collective identities. Without embracing a trans-ethnic or cosmopolitan civic vision of identity building, Myanmar will find it difficult to form a collective identity, regardless of its political system. This article contributes to the fields of political science and cultural studies by providing empirical evidence of how the censuses are important for identity building and colonial legacies continue to influence identity politics in formerly colonized societies.
Keywords: Myanmar, Burma, nation-building, censuses, identity building, colonization, decolonization

For citation: Ye Phone Kyaw. (2026) Beyond counting: The role of colonial censuses in ethnic reification and demographic manipulation in British Burma. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 527. pp. 101–114. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/527/12

© Йе Фон Чжо, 2026

Введение

Аннексия Мьянмы (также известной как Бирма)[1] Британией в 1824 г., Первая англо-бирманская война и продолжившаяся двумя последующими конфликтами – второй в 1852 г. и третий, заключительный, в 1885 г., привела к ликвидации мьянманской монархии. С политической точки зрения британцы оправдывали свои действия необходимостью обеспечить контроль над всей территорией Мьянмы, чтобы предотвратить возможность установления Францией своего влияния в потенциально недружественной стране, граничащей с Британской Индией, особенно рядом с ключевой провинцией Бенгалия [3; 4; 5. P. 177–193]. Какой бы ни была мотивация, британцы оставили Мьянме наследие, включающее как закрепленные практики государственного управления, так и жёсткую фиксацию этнических идентичностей, которые ранее не существовали в мьянманском обществе.

С момента обретения независимости 4 января 1948 г. и после Мьянма сталкивается с серьезными вызовами в процессе формирования коллективной идентичности, осложняемой этническими восстаниями уже почти восемь десятилетий. Фальсификации правительства Национальной Лиги за Демократию на всеобщих выборах 2020 г.[2], а также возвращение военной власти в рамках действующей Конституции 2008 г. привели к заметному возрождению длительных этнических конфликтов и поставили страну на грань полномасштабной гражданской войны. Для более глубокого контекстного понимания современных политических и этнических проблем в Мьянме требуется исторический и теоретический анализ. Данное исследование направлено на понимание местной версии идентичности Мьянмы и основ политики этнической идентичности, которые до сих пор остаются нерешёнными, с особым вниманием к анализу колониального периода, в течение которого происходила перестройка национальных и этнических идентичностей.

Обозначенным сюжетам посвящен значительный корпус литературы. Приведем наиболее важные для данной темы публикации. Научные исследования, посвящённые британским переписям, довольно ограничены в литературе Мьянмы. В российской историографии есть работы, затрагивающие вопросы национальной идентичности и государственного строительства в Мьянме, но они не сосредоточены на теме переписей. Например, в статье Б.Е. Гриненко затрагиваются актуальные вопросы о потенциале и целесообразности формирования единого национального сознания в Мьянме [6], однако мало внимания уделяется происхождению этих проблем. Некоторые работы посвящены теории и практике государственного строительства в Мьянме [7]. В западноевропейской литературе имеется определённое количество работ, посвящённых переписям. Статья исследователя Д.М. Фергюсон из Австралийского национального университета поднимает дискуссию о противоречиях, вызванных проведением переписи 2014 г., и смежных вопросах [8]. Следует заметить, что в целом в мировой историографии недостаточно полно рассматривается вопрос, почему британцы в конечном итоге выбрали «расовую классификацию» в качестве ведущего критерия, предпочитая её таким параметрам, как место рождения, религия и язык [9]. Настоящее исследование направлено на восполнение этого пробела, предоставляя более полный и всесторонний анализ процессов и скрытых эффектов переписей в Британской Бирме, как намеренных, так и ненамеренных, с точки зрения формирования коллективной национальной идентичности или космополитической гражданской модели.

Методология исследования

В статье использована методология кейс-стади, сосредоточенная на текстуальном анализе британских колониальных переписей населения, проведенных в период с 1872 по 1931 г. Основными методами являются следующие. Первый – это детальный сравнительный анализ структуры и содержания статистических таблиц переписей, отслеживающий изменения в категориях данных, группировки и пропуска информации на протяжении шести десятилетий. Второй – это анализ объяснений и обоснований политики, содержащихся в сопроводительных отчетах к переписям, с целью выявления изменений в заявленных целях, задачах и административных приоритетах. Третий метод – это исследование конкретных терминов и классификаций, использованных для категоризации населения, с акцентом на эволюции этикеток, определений и внутренней логики систем классификации. Теперь переписи населения Индии, отчёты по Бирме и переписи Бирмы легко доступны на таких веб-сайтах, как Network Myanmar (networkmyanmar.org), Burma Library (burmalibrary.org), Internet Archive (archive.org) и сайт Бюро регистрации и Комиссии по проведению переписи Индии (CensusIndia.gov.in).

Путем систематического анализа этих текстовых элементов на протяжении последовательных переписей исследование выявляет устойчивые или неустойчивые паттерны в действиях администрации, такие как введение новых категорий, манипулирование определенных данных или систематическое благоприятствование (или дискриминацию) отдельных групп. Даже при отсутствии явных деклараций политики этот продольный текстуальный анализ позволяет сделать выводы о скрытых, часто невыраженных рабочих правилах, бюрократических приоритетах и фактических процедурах, которые управляли поведением британской администрации. В конечном итоге методика связывает наблюдаемые текстуальные паттерны и административные практики, выявленные в документах переписей, с потенциальными причинными механизмами – неявными политиками, такими как социальный контроль, извлечение ресурсов или поддержание социальных иерархий, демонстрируя, как сама перепись функционировала как инструмент осуществления неявной политики.

Названия этнических групп в статье приведены с заглавной буквы для большей ясности, поскольку в документе содержатся многочисленные наименования,

многие из которых недостаточно известны в российской академической среде. Автор также использует в тексте английские слова и термины так, как они представлены в оригинальных источниках, чтобы избежать недопонимания. Следует отметить, что в период британского колониального правления не существовало четкого различия между терминами «Burman» и «Burmese». Анализ британских переписей показывает, что термин «Burmese» чаще использовался для обозначения большинства подгрупп в рамках «Burma Group», хотя иногда (и не последовательно) применялся термин «Burman» для описания конкретной этнолингвистической группы. Сегодня в западноевропейском контексте (а также в ряде академических работ) термин «Burman» широко используется для обозначения этнолингвистической группы, тогда как «Burmese» применяется для обозначения граждан государства. Кроме того, «Burmese» часто используется как прилагательное для описания языка и культуры как этнолингвистической группы «Burman», так и страны в целом. В современной Мьянме термин «Бамар» (ဗမာ) широко принят для обозначения основной этнической группы, составляющей около 70% населения. Для обозначения всей страны и всех проживающих в ней народов используются термины «Мьянм*а*» или «Мьянма наингнган» (страна или нация), «Мьянма лумио» (коренные народы, проживающие в Мьянме), «Мьянма сакар» (официальный или бирманский язык).

Концептуальная основа исследования

Определение понятия «нация», которое приписывают И.В. Сталину, содержится в его трактате 1913 г. «Марксизм и национальный вопрос», остается фундаментальным и политически значимым в российской истории и политической теории. Сталин определил нацию как «исторически сложившуюся устойчивую общность людей, возникшую на основе общности языка, территории, экономической жизни и психологического склада, проявляющегося в общности культуры» [10; 11. С. 83]. Мьянма (Бирма) представляет собой сложный случай, поскольку не соответствует этим критериям из-за глубоко укоренившейся этнической, лингвистической и политической фрагментации. В большинстве развитых стран после Второй мировой войны национальная идентичность сложилась раньше, чем политические структуры. Однако во многих новых независимых и развивающихся странах политические институты возникли до того, как сформировалось устойчивое чувство национальной идентичности. Историческое развитие Европы привело к формированию национальных государств, тогда как в Азии и Африке возникли государственные нации [12]. В этом контексте Мьянма является примером именно государственной нации, а не национального государства, поскольку её политические структуры были созданы до того, как укоренилось единое чувство национальной идентичности.

«Раса» – это понятие, обозначающее биологические различия между людьми (цвет кожи, форма тела и др.). Эти признаки зависят от географии и эволюции, но не связаны с культурой. Современная наука считает термин «раса» условным и ненадежным. В отличие от расы, «этнос» – это культурная общность людей, объединённых языком, традициями, религией и самобытностью. Этническую принадлежность можно поменять через ассимиляцию, в отличие от расы, которая определяется биологией[3].

Действительно, в ранних британских переписях использовалось понятие расы, чтобы различать «Европейцев», «Евразийцев» и христианских «Туземцев». Само понятие расы явно не определялось, поскольку считалось, что его значение интуитивно понятно всем участникам процесса. Позже этот подход распространился и на Бирму, где раса стала обычной категорией повседневного управления, подразумевая, что у людей есть неизменная природа и фиксированное социальное положение, связанное с расовыми различиями. Определяя расу как само собой разумеющуюся категорию, британцы могли опереться на местные критерии классификации, которые были понятны жителям Бирмы. Одновременно это позволило им навязать собственное толкование расы, соответствующее интересам британской элиты, не предъявляя четкого или единого определения, которое бы объединило обе точки зрения [9. С. 51].

Итак, хотя британская администрация последовательно использовала термин «раса», практическая классификация и категоризация людей в Мьянме ближе к понятию «этничность». Дело в том, что в местном понимании ключевое слово «лумио» (လူမျိုး) буквально означает «определенный вид людей», где «лу» (လူ) означает «человек», а «мио» (မျိုး) – «вид», «тип», «род» или «происхождение». Таким образом, термин «лумио» достаточно гибок, чтобы включать как расовые фенотипы (например, цвет кожи, физические черты), так и этническую/культурную идентичность (например, язык, обычаи).

Французский исследователь Франсуа Робинн выделяет культурную составляющую концепции «космополитического государства-нации». По его мнению, и «этническая группа» (ethnie), и «нация» служат единым фундаментом для обеих категорий. Чтобы исключить двусмысленность и националистические интерпретации, Робин вводит термин «космополитическое государство-нация». Такая концепция подразумевает государственную целостность, сочетающую чувство коллективного членства с уважительным отношением к многообразию социальных, культурных и религиозных различий. Космополитическое государство-нация отличается от этнического государства, основанного на культурной и расовой эксклюзивности. Модель федерализма, наоборот, построена на разделении «нас» и «других» как способе упорядочивания культурного многообразия [13. С. 98–99]. Изначально формирование национальной идентичности в Мьянме происходило в духе концепции «космополитического государства-нации», однако британская колониальная администрация систематически подрывала этот процесс.

Социолог и историк Л.М. Дробижева отмечает, что этническая идентичность относится к чувству принадлежности и связи, которые люди чувствуют по отношению к своей этнической группе или культуре, включая язык, культуру, традиции, историю и общие опыты. Это включает самоотнесение к национальности, представления о ней, языке, культуре, истории, территории и государственности. Этническая идентичность стала более значимой и интенсивной в связи с изменениями в политической ситуации и обществе. Гражданская же идентичность относится к чувству принадлежности и связи людей с гражданским обществом и государством, включая ответственность за происходящее в стране, солидарные действия, влияние на власть и выражение гражданского самосознания. Это также включает осознание гражданами своих прав и обязанностей, уважение к индивидуальному выбору и чувство ответственности за общественные дела [14. С. 10–30]. Политолог М.А. Юшин также трактует гражданскую идентичность как совпадение индивидуальной личности со статусом гражданина, включающее самооценку своего гражданского положения, готовность исполнять обязанности, предусмотренные гражданством, пользоваться соответствующими правами и проявлять активную жизненную позицию в делах государства [15]. Политолог И.С. Семененко подчеркивает, что в изучении факторов, формирующих социальные и политические траектории, гражданская идентичность (называемая в российском научном дискурсе «государственной гражданской идентичностью») играет ведущую роль. Такое значение объясняется её двойной природой: она совмещает политико-правовую сферу, включающую всех граждан, и нормативно-культурную область, ориентированную на гражданина как носителя гражданских ценностей и норм поведения [16. С. 24].

Следуя такому подходу, мы видим, что в Мьянме концептуальная неопределенность между понятиями «государство» и «нация» [17] препятствует эффективному формированию гражданской идентичности и признанию её ключевой роли. Эта неопределенность поддерживает и усиливает этноцентризм, унаследованный от колониального периода, закрепляя раздробленные представления о населении. Поэтому Мьянме жизненно необходимо выработать новый подход к формированию коллективной национальной идентичности, позволяющий преодолеть негативные последствия этнического централизма. Действительно, идея «гражданской идентичности» охватывает всех граждан, где гражданское сознание, основанное на общем наборе ценностей и культурных норм, выступает важным элементом концепции Ф. Робинна о «космополитическом государстве-нации».

Известный социолого Б. Андерсон описал конкретные механизмы, используемые колониальными властями для формирования и закрепления идентичностей.

Он считал, что проведение переписей населения, составление карт и организация музеев играли решающую роль в определении и классификации народов, находящихся под контролем колониальных держав. Эти институты являлись важнейшими инструментами для репрезентации власти колониального государства. Через их деятельность осуществлялось жесткое закрепление классов и категорий, что накладывало фиксированные рамки на динамичную социальную действительность, часто порождая или усугубляя этнические, расовые и культурные различия, которые ранее не существовали в столь жесткой форме [18. P. 163–185]. В данной статье используются проведенные в колониальный период в Мьянме данные переписей населения, которые оказали значительное влияние на формирование современной политики этнической идентичности в стране, заложив основание для существующих и ныне неразрешимых противоречий.

Известно, что в Мьянме учёт населения ведётся с глубокой древности. Первые попытки переписи относятся к временам царя Тадодипа Махадамаязы из династии Тагаунг (около 500 года до н. э.). Тогда использовалась своеобразная методика: жителям каждой семьи предписывалось приносить кирпичи для постройки пагод, что косвенным образом позволяло оценить численность населения. Позже, в эпоху Мьянмы 999 (1630–1648), во время правления короля Талуна, были проведены более систематизированные переписи населения. Население классифицировалось по количеству воинов: деревня с сотней солдат называлась «яр-су йва», а с тысячей – «хтаунг-су йва». Подобная система позволяла эффективно контролировать мобилизационную способность государства и регистрировать число населения. Позднее, в XVIII–XIX вв., при короле Бодопайте велась тщательная регистрация населения в списках, называемых «Мьянма сит-тан». Эти регистры представляли собой детализированные перечни жителей, позволяющие отслеживать демографическую динамику страны страны [19. P. 269–270, 333, 194; 20. P. 75][4].

Таким образом, при правителях Мьянмы ведение записей о населении не предполагало классификацию или регистрацию по этническому признаку. Основные цели ведения учета были связаны с оценкой общей численности населения для взимания налогов, набора войск и административного управления. Важной задачей являлось также отделение имущества, принадлежащего государству, от имущества, предназначенного для религиозных нужд, с целью освобождения последних от налогового бремени. Одним из методов фиксации такой информации было изготовление каменных стел с соответствующими официальными записями, служивших аналогом юридических документов о владениях религиозных организаций, или создание копий таких памятников, если оригинал невозможно было переместить с первоначального места расположения [5. P. 164–165]. Некоторые из сохранившихся записей могли указывать на происхождение из определенной местности или деревни, что косвенно отражало этническое разнообразие, однако конкретных сведений о целенаправленном ведении этнической статистики практически не сохранилось.

Акцент делался на эффективном администрировании и рациональном распределении ресурсов, а не на детальной этнической идентификации населения [21, 22].

Следовательно, этническая идентичность, будучи абстрактным понятием, вновь приобрела материальное воплощение в независимой Мьянме, подобно тому,

как это произошло в эпоху британского правления. Это означало, что колониальные представления об этничности как о врожденной характеристике (ascribed attribute) сохранились, тогда как традиционные местные взгляды на этничность как на относительное и изменчивое понятие (relational attribute) были забыты. Колониальная перспектива предполагала, что конфликты между этническими группами носят естественный и первичный характер, что резко контрастирует с идеей национального единства и сплоченной нации. Хотя подобный подход был удобной стратегией «разделяй и властвуй» в колониальную эпоху, он стал вызывать проблемы в постколониальном контексте, где достижение политического согласия и единства было жизненно важно. Фактически материализованное представление об этничности вкупе с продолжающимся спорным вопросом об «автономных» этнических территориях и затянувшейся гражданской войной, начавшейся после обретения независимости, парадоксальным образом возникло не вопреки, а благодаря повторному принятию концептуальных установок и политики Британской Бирмы [5. P. 51].

В данной статье утверждается, что посредством проведения переписей британская администрация не только формализовала этнические разделения, которые ранее были гибкими в мьянманском обществе, но и манипулировала процессами и данными, чтобы минимизировать численность бирманцев и увеличить количество национальных меньшинств. Колониальная администрация, используя перепись населения, закрепляла представление об этнической принадлежности как о врожденной характеристике, подавив традиционную гибкость идентичностей. До колониального периода учет населения носил прагматический характер, ориентированный на административные нужды, без деления по этническим категориям. Современные концепции, такие как «космополитическое государство-нация» и «гражданская идентичность», предлагают альтернативные подходы к преодолению этноцентризма и формированию инклюзивной национальной идентичности. Однако «этнические ловушки», унаследованные от колониального прошлого, продолжают препятствовать созданию единой гражданской нации.

Закрепление этнической идентичности британской администрацией

Переписи населения были эффективным инструментом для британцев в закреплении этнической идентичности в Мьянме. Первая современная перепись населения в Южной Мьянме была проведена в 1872 г. под британским управлением как часть более широкой индийской переписи [23]. С этого времени переписи проводились каждые десять лет – в 1881, 1891, 1901, 1911, 1921, 1931 и 1941 гг.

В статье был проведен анализ всех переписей, который показал, что переписи 1872 и 1881 гг. охватывали только Южную Мьянму, в то время как перепись 1891 г. и все последующие охватывали всю страну. Эти десятилетние переписи продолжались регулярно до 1941 г., несмотря на вызовы, связанные с военными условиями. Однако во время японской оккупации Бирмы в 1942 г. большая часть записей переписи 1941 г. была уничтожена, сохранились лишь некоторые предварительные итоги [24. P. 571]. Учитывая ограниченную доступность полных данных переписи, данная статья сосредоточена на анализе переписей 1891 и 1931 гг., которые представляют собой первые и последние комплексные записи среди них.

Анализ классификации британского колониального управления в переписи 1891 г. показывает, что метрополия пыталась сгруппировать население Мьянмы согласно индийской кастовой системе до 1891 г. В приложении B «Индекс каст, племён и рас, выявленных в Бирме – Перепись 1891 г.» (Index of Castes, Tribes, and Races found in Burma–Census, 1891) более двух страниц посвящено перечню индуистских каст, племён или рас. Также были указаны 10 мусульманских каст или рас, 9 разнородных рас и 21 европейская раса. Вместо этого целесообразнее сосредоточиться на этнических и социальных структурах, уникальных для Бирмы [25. P. 187–190]. Перепись показала, что система классификации по расам (этническая классификация) оказалась более подходящей для Мьянмы[4]. Это был первый шаг, предпринятый колониальными властями, чтобы отказаться от индийской кастовой системы (частично восстановленной позднее) и ввести жесткую систему расово-этнической классификации коренного населения для административного управления.

Рис. 1 показывает, что британцы любопытно высоко классифицировали одну из основных этнических групп Мьянмы – Карен, в табл. «Индекс каст, племён и рас, выявленных в Бирме – Перепись 1891 г.». Ясно видно, что другие крупные этнические группы, особенно Качины и Шаны, были определены как более мелкие народности под классификацией Карен. На самом деле как Шаны, так и Качины признаются крупными этническими группами даже в наши дни. Хотя точная причина такой классификации неясна, она, вероятно, отражает возможную предвзятость или благосклонность британцев к группе Карен во время их колониального периода в Мьянме[5]. Это также может быть связано с существующей неопределённостью и недостатком знаний и данных при определении этнических классификаций.

Рис. 2 демонстрирует, кого и в какой численности британцы относили к фактическим национальностям в Нижней Бирме. Общее население Верхней и Нижней Бирмы, включая Вунто, но исключая шанские государства, было определено как 7 722 053 чел. Население шанских государств составило 375 961 чел. Таким образом, общая численность населения всей провинции, включающей как основные районы, так и штаты Шан, составила 8 098 014 чел. [25. P. 12–13]. Однако, согласно переписи, из 7 605 560 чел. в Бирме, для которых были зафиксированы данные о расе (race) 5 771 594 были классифицированы как «Burmese», или «Burmese tribes». или принадлежащие к племенам, связанным с бирманской этнической группой [25. P. 193]. Население так называемых «чистых бирманцев», исключая субгруппы этнических категорий, было зарегистрировано в количестве 5 405 727 чел. Таким образом, доля «чистых бирманцев» составляет 66,74% от общей численности населения в 8 098 014 чел., для которых были записаны данные о расовой принадлежности.

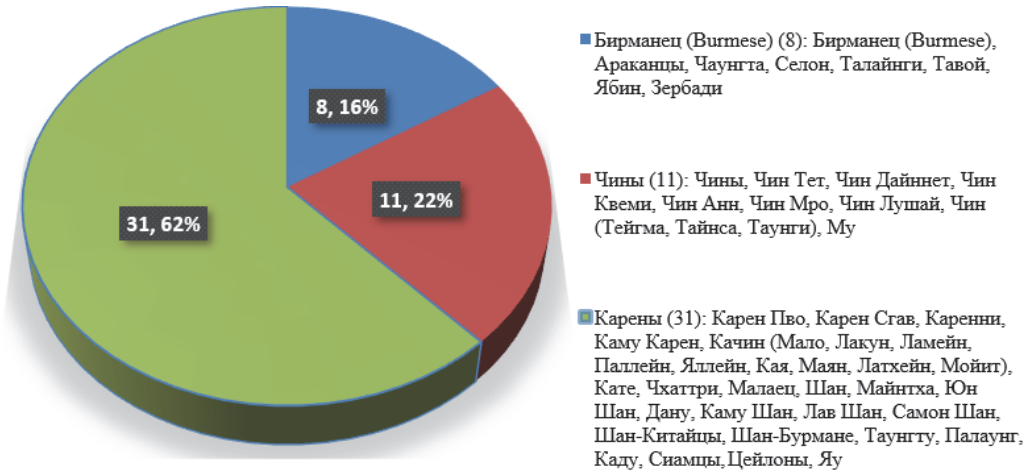

Рис. 1. Группы и подгруппы коренных народов Мьянмы, выделенные в переписи 1891 г. [25. С. xlvii–l]

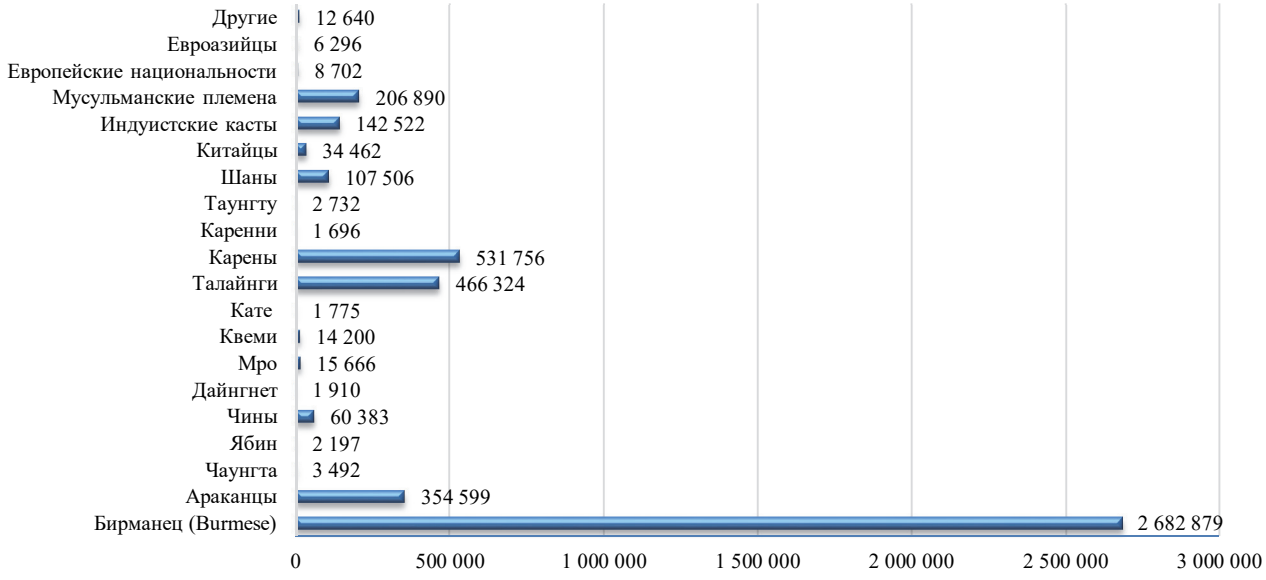

Рис. 2. Население некоторых основных этнических групп, учтенных в Южной Бирме в 1891 г. [25. С. 193]

Если исключить число иммигрантов, принадлежащих к нелокальным расам и кастам (индийские касты, мусульманские племена, европейские национальности, евразийцы и другие) из Нижней Бирмы, представленное на рис. 4 и составляющее 411 512 чел., то 75,00% от общего числа коренного населения, равного 7 194 048 чел., само идентифицировали себя как «Burmese». Этот процент всё равно не включает тех, кто мог бы признать себя бирманцами из общей численности населения в 8 098 014 чел., так как возврат был засчитан только для 7 605 560 чел. Многие люди либо всё ещё были исключены из учёта, либо их было трудно учесть в Верхней Бирме. При этом в общий счёт населения также включены представители нелокальных рас и каст из Верхней Бирмы. В конечном итоге можно сделать вывод, что примерно 80% всего коренного населения в 1891 г. были Бирманцами.

Минимизация категории «Бирманец» (Burman/Burmese). Перепись населения 1891 г. выявила, что «Показатели места рождения и родного языка являются ненадежными индикаторами расовой принадлежности человека. С увеличением численности индийских переселенцев в Бирме место рождения теряет свою значимость, особенно для различения между аборигенными группами. Место рождения скоро перестанет иметь какое-либо значение, особенно среди индуистов и мусульманских групп, где оно станет полностью вводящим в заблуждение показателем расы. Лучшим, хотя и несовершенным, индикатором расы является родной язык, однако и здесь границы начинают размываться. В Нижней Бирме из каждых 10 000 чел. 6 532 указали себя как Бирманцев. Однако анализ данных показывает, что часть из них на самом деле не являются чистокровными Бирманцами, а представляют собой полу-Шанов, полу-Каренов или горных племён. По критерию родного языка Бирманцем назвал себя каждый десятый респондент (6 792 чел.). Показатель места рождения – 8 619 из 10 000 чел. родились в Бирме – не может считаться точным показателем численности бирманского населения.

Та же самая логика применима и к показателям религии: из каждых 10 000 респондентов 8 680 назвали себя Буддистами. Карены представляют собой аналогичный случай. Место рождения не является надежным способом отличить каренов от Бирманцев. Религия ещё менее полезна как индикатор, поскольку среди каренов разброс верований намного шире. Из 536 237 чел., идентифицировавших себя как Карены, 405 441 объявили себя буддистами, 80 213 – христианами, 50 563 – поклонниками натов и лишь 20 – мусульманами. Число тех, кто назвал Каренский язык родным, значительно выше – 633 684 чел. Причиной этого расхождения является тот факт, что люди смешанного происхождения часто называли язык своей матери (каренский) родным языком, что фиксируется в переписных документах. Однако основная причина такого расхождения, вероятно, заключается в том, что многие Карены, принявшие буддизм, стремились скрыть своё каренское происхождение и назвать себя Бирманцами. Тем не менее их разговорный язык часто выдавал их истинное происхождение. Хотя данные о языке дают более точное представление о каренской идентичности, классифицировать как Каренов тех, кто отрицает своё каренское происхождение, было бы политически контрпродуктивно. В результате информация о расовой принадлежности остаётся более удобным инструментом для административных целей, несмотря на её известные ограничения» [25. P. 186].

Таким образом, становится понята логика, которой руководствовались британские власти, выбирая критерии для переписи населения, чтобы зафиксировать «расу» и «национальность» населения Бирмы. Вместо критериев, таких как место рождения, родной язык и религия, британцы ввели категорию «расовой или этнической классификации», основанную на якобы генетических особенностях. Количество Бирманцев, зарегистрированных по критерию «происхождение/кровь» (этничность), составило всего 6 532 из каждых 10 000 чел. в Нижней Бирме, что значительно ниже показателей по языку (6 792), месту рождения (8 619) и религии (8 680). Тем самым, власти использовали критерий «происхождения/крови» (этничности) для минимизации количества Бирманцев. Даже несмотря на низкое число Бирманцев по критерию кровного происхождения, власти утверждали, что значительная часть из них не являются «чистокровными» Бирманцами, а происходят от смеси с другими этническими группами, такими как Шан, Карен или горные племена. Этим действием власти стремились искусственно снизить общую численность бирманского населения.

В отношении Каренов британские переписи сочли язык наилучшим признаком отличия от Бирманцев, так как наибольший процент людей, идентифицировавших себя как Карены (633 684), был зарегистрирован именно по этому параметру, тогда как показатель по месту рождения и религии оказался ниже. Количество Каренов, определенных по признаку этнической принадлежности, составило всего 536 237 чел. Однако проблема заключалась в следующем: во-первых, власти вновь подчеркнули, что буддисты-Карены стремились скрыть своё каренское происхождение, приняв имена и обычаи бирманцев «бирманизация». Важно отметить, что, хотя британские власти парадоксальным образом отказались от языкового критерия, который был наиболее благоприятен для Каренов, в пользу чистого расового или этнического показателя, этот же показатель сыграл значительную роль в минимизации общего числа Бирманцев, как это видно на примере самих Бирманцев.

Во-вторых, рассматривая общий контекст и не ограничиваясь случаем с Каренами, можно утверждать, что использование критериев религии, места рождения и языка вместо «происхождения/крови» (этничности) существенно повышало бы численность людей, зачисляемых в группу «Бирманцев/Бирманского населения» в демографических данных (см. пример Бирманцев). Автор подчеркивает, что это было одной из скрытых причин, по которой британцы отдавали предпочтение классификации по критерию «происхождение/кровь» (этничность) в Бирме. Такой подход использовался как колониальный инструмент для снижения численного доминирования «Бирманцев/бирманского населения». Нельзя забывать и о симпатиях Британцев к христианам-Каренам, их сотрудничестве с миссионерскими организациями для формирования отдельной каренской идентичности на протяжении всего колониального периода [27. P. 26, 29–30, 34–42, 71–77, 92–113; 28. P. 227–258].

В-третьих, можно утверждать, что данный абзац лишь описывает трудности, с которыми столкнулись британские власти при проведении переписей и классификации расы или этничности. Безусловно, эти сложности являются ярким примером того, как доколониальное бирманское общество характеризовалось гибкостью и открытостью этнических границ, смешением религиозных, культурных и языковых черт. В противовес этому британские власти стремились навязать жесткие рамки и укрепить расовые или этнические границы через колониальные переписи.

Кроме того, в отчете также упоминалось относительно случая с Качинами: «Таблица С – это не простое дополнение к предыдущему анализу; она предлагает принципиально иной подход к рассмотрению этнических групп Бирмы. В этой таблице индуисты, мусульманские племена и малочисленные автохтонные народы, такие как Качины и Манипури, объединены под рубрикой “Другие”, а распределение рас дано в разрезе религиозных групп. Составление таблицы было обусловлено желанием подчеркнуть влияние религии на формирование национальных обычаев и стирание расовых различий в Бирме. Однако поскольку данная глава посвящена разграничению понятий “национальность” и “раса”, я сузил определение “Бирманцев”, включив сюда только тех, кто имеет безусловное бирманское происхождение. В результате Качины были исключены из этой категории, хотя часть из них исповедует Буддизм и приняла бирманские культурные нормы. Они выделены отдельно, так как, несмотря на близкие этнические связи, они не относятся к числу Бирманцев» [25. P. 189–190].

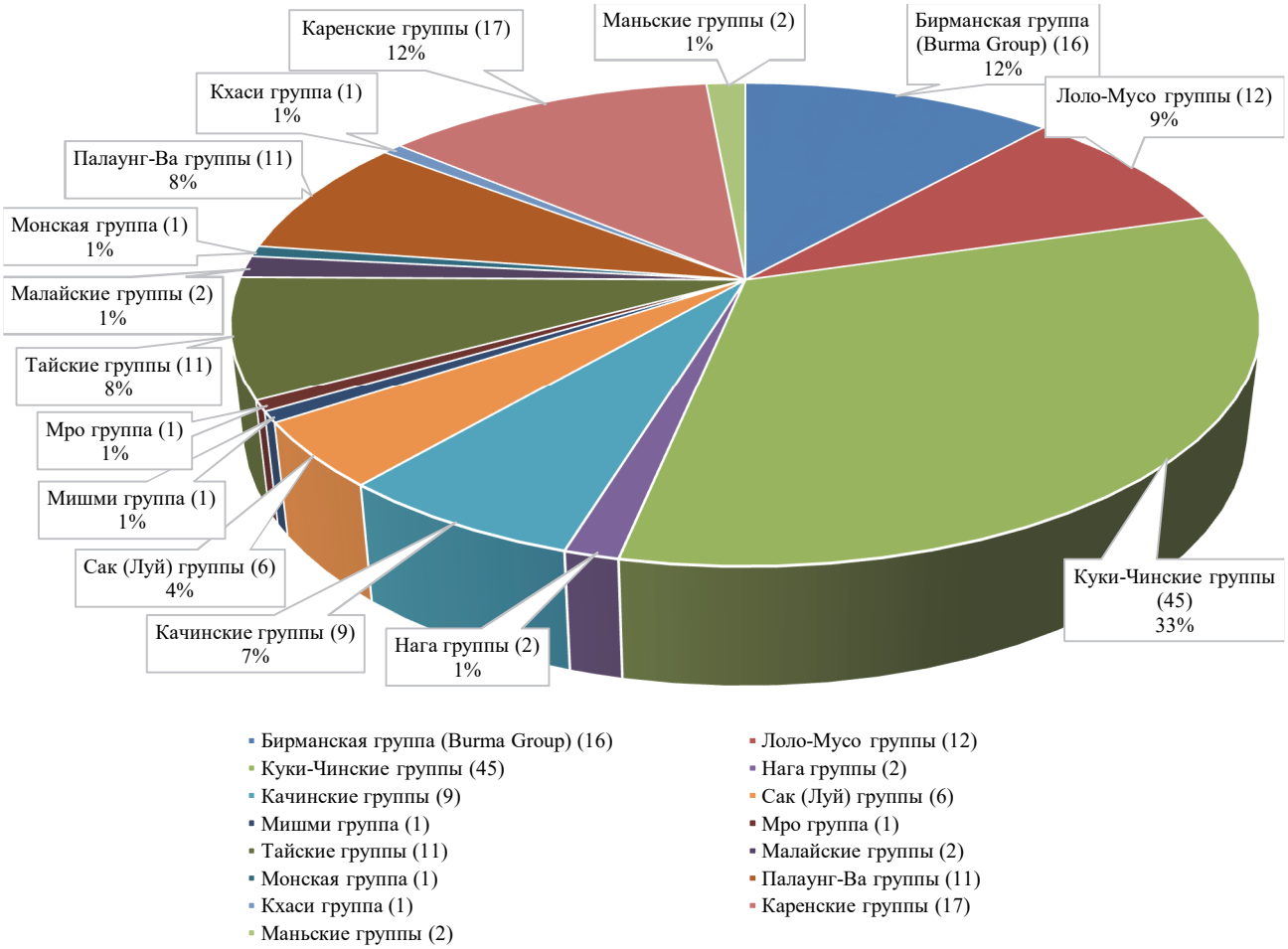

Рис. 3. Группы и подгруппы коренных народов Мьянмы, классифицированные в переписи 1931 г. [29. С. 242–245]

При рассмотрении примера с Качинами видно, что власти намеренно ограничили определение «Бирманцев», включив туда только тех, кто был «безоговорочно Бирманского происхождения», исключая группы, такие как Качины и Манипури, под названием «бирманизация», даже если они исповедовали буддизм и были культурно интегрированы в бирманское общество. Прежде всего, это решение было сознательным выбором в пользу признака «происхождение/кровь» в ущерб фактическим характеристикам культуры (язык, религия, обычаи).

Исключая группы, такие как Качины и Манипури, из более широкой категории «Burmese», даже когда они приняли и заявили о следовании бирманским обычаям или религии, данная классификация стремилась укрепить предопределенные представления об этничности и сузить понятие принадлежности к бирманским категориям, попадали ли они в отдельную группу Качинов или относились к категории «прочие». Эти подходы отражают колониальную тенденцию накладывать строгие категоризации на сложные общества, часто игнорируя подвижность культурных идентичностей и акцентируя различия вместо общностей. Такие классификации могли служить административным целям, но одновременно создавали риск углубления разрывов внутри населения.

В 1931 г. британские власти классифицировали 20 основных расовых групп в Бирме, включая 15 коренных групп Бирманец (Burma Group), представленных на рис. 3, а также три и более китайских группы, четыре индо-бирманские группы, 38 индийских групп, 22 европейские группы и 11 других групп, которые исключены из рис. 3.

Исключив 78 нелокальных рас, перепись 1931 г. категоризировала 136 коренных рас Бирмы под 15 основными группами. Заметно, что группы Мишми и Кхаси, перечисленные как 13 и 3 соответственно в переписи 1921 г. [30. P. 290], полностью исчезли к 1931 г. [29. P. 260]. Это служит убедительным доказательством стратегии британских властей классифицировать даже маленькие семейные группы как основные этнические группы или расы, тем самым фрагментируя общество Мьянмы. Следовательно, перепись 1931 г. зафиксировала общую численность населения Бирмы в размере 14 647 497 чел., из которых коренное население оценивалось в 12 216 282 чел. Основная бирманская этническая группа насчитывала примерно 9 627 196 чел., как показано на рис. 4. Однако, когда из подсчётов были исключены субгруппы бирманской группы (Burma Group), такие как ракхайнцы и другие общины, количество так называемых «чистокровных» бирманцев сократилось до 8 595 731 чел. [29. P. 242]. В процентном выражении бирманское население составляло примерно 70,48% от общей численности коренного населения и около 58,69% от общей численности населения Бирмы в 1931 г.

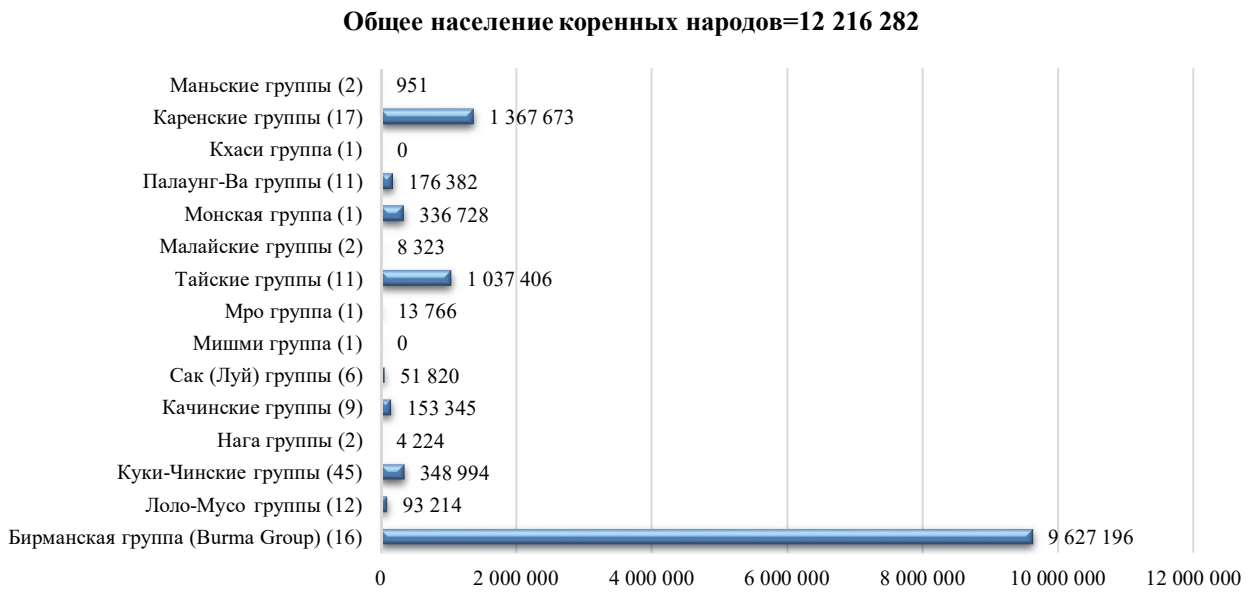

Рис. 4. Население основных коренных народов Мьянмы в 1931 г. [29. P. 259–260]

Эти данные значительно контрастируют с данными переписи 1891 г., где было выявлено всего 50 коренных рас, объединенных в три основные группы. Примерно 10%-я разница в доле бирманской расы среди коренного населения наблюдается между переписями 1891 и 1931 гг. – она составляла около 80% в 1891 г. и упала до 70,48% в 1931 г. одобным образом, доля бирманцев в общей численности населения снизилась примерно на 8,05%, упав с 66,74% в 1891 г. до 58,69% в 1931 г. Эти изменения отражают значительные сдвиги как в демографическом составе, так и в практиках этнической классификации за четыре десятилетия между двумя переписями.

Приведенные данные означают, что британское колониальное управление успешно объективировало этнические идентичности в Мьянме через их систематическую категоризацию и классификацию, создавая разделения, которые ранее не существовали в мьянманском обществе.

Внедрение жёсткой классификации этнической принадлежности без чёткого определения посредством переписей и административных мер, британцы превратили подвижные, пересекающиеся социальные идентичности в фиксированные и четко отделенные категории. Эти классификации часто основывались на предполагаемых расовых или племенных различиях, что укрепляло иерархии и сеяло жесткая разногласия между сообществами.

От классификации к контролю: административное применение фиксированных идентичностей

Анализ проведенных в Британской Бирме переписей с 1872 по 1931 г. свидетельствует о непоследовательности и нестабильности административных структур. Территории периодически входили в официальную администрацию, а порой считались «естественными регионами», классифицируемыми по уровню осадков для удобства статистики. Административные схемы формально подчинялись целям эффективности, однако высокогорные районы, населённые этническими меньшинствами, регулярно выделялись особо. Они находились под формой непрямого управления, основанного на традиционных властных институтах, закреплённых в «санах» (назначениях). Несмотря на это, посредством законов вроде Закона о Шанских государствах (1888), Положения о горных племенах Качина (1895) и Положения о горных регионах Чина (1896), британцы контролировали границы районов, регулировали строительство поселений, торговые отношения, сбор налогов и судебные дела, затрагивающие интересы европейских жителей и ресурсы территорий, населённых меньшинствами [31. P. 1–26].

Британская предвзятость была явно направлена против бирманского большинства, воплощая продуманную стратегию недопущения единого сопротивления. Эта политика не являлась общим пренебрежительным отношением к местным жителям, а представляла собой сознательный политический ход, обусловленный историческим страхом. Три англо-бирманские войны (1824, 1852 и 1885 гг.) породили недоверие британских колонизаторов к бирманским элитам, видящим в последних главную угрозу своему правлению. Последствия уничтожения династической власти Конбаунга и высылки последнего короля Тибау в Индию в 1885 г. заключались не просто в политическом покорении, а в систематическом уничтожении бирманского суверенитета. Британцы воспринимали бирманское большинство как потенциально мятежное и опасное, что укоренилось в колониальной администрации благодаря десятилетиям стереотипизации [32. P. 54, 64, 80, 131]. Практическим средством реализации этой стратегии стали переписи населения, служащие инструментом осуществления широких колониальных доктрин, распространенных повсеместно в Индии, где одни этнические группы клеймились как «воинственные», а другие – как «ненадежные» [33].

Помимо внешней торговли, банковской сферы, полиции, судебных и военных учреждений, фактически находящихся под контролем не местных групп населения [34. P. 127–134], Великобритания активно проводила политику предоставления преимуществ этническим меньшинствам, таким как Карены, Чины и Качины, в военных кругах, специально ограничивая участие Бирманцев в армии после завершения Третьей англо-бирманской войны в 1885 г. [35. P. 178–184]. К 1931 г. доля собственно бирманцев (включающая также близкородственные группы – Талайнгов и Шанов) в колониальной армии сократилась до символичных 12%, в то время как коренные народы и иностранные военнослужащие занимали доминирующее положение, составляя более 87% личного состава. Среди них особенно выделяются Карены, составляющие 37,71% от общего числа служащих [35. P. 184]. Даже в период резкого роста количества солдат бирманской армии накануне Второй мировой войны (1939–1941 гг.) доля Бирманцев оставалась незначительной: всего 1 893 солдата против 2 797 Каренов, 852 Качинов, 1 258 Чинов, 330 Китайцев и 2 578 индийских военнослужащих [34. P. 101]. Такая практика вела к глубокой сегрегации и усиливала чувство несправедливости среди местного населения, создавая предпосылки для будущих восстаний и движения за независимость.

Создание транспортной инфраструктуры, такой как авто- и железные дороги, остановилось на границе горных барьеров, практически изолируя приграничные районы [36. P. 16]. Отделение Бирмы от Индии в соответствии с Законом о правительстве Индии 1935 г. юридически утвердило разделение между основной территорией Бирмы (Ministerial Burma) и пограничными зонами (Frontier Areas) согласно Бирманскому закону 1935 г.[7] Это создало уникальную двуслойную административную систему, в которой данные регулярной переписи населения, основанные на этнической принадлежности и месте проживания, использовались для мониторинга миграционных потоков и укрепления пространственной сегрегации. Такие жесткие классификации этнической принадлежности, осуществляемые через перепись, непосредственно повлияли на функционирование местных администраций, создав четкие и фиксированные внутренние границы, ранее неизвестные населению. Идеологически подобная классификация якобы защищала меньшинства от посягательств бирманского большинства, но на деле использовалась для разрыва потенциальных антиколониальных коалиций. Эта административная конструкция привела к тому, что этническая принадлежность прочно ассоциировалась с географическим положением, а передвижения между регионами нуждались в специальном разрешении колониальных властей. В итоге такая схема была не просто способом контроля перемещений, но механизмом институализации этнических категорий как реальных политических и административных единиц.

Британцы активно выстраивали союзы с местными этническими меньшинствами, осознавая необходимость поддержки для удержания контроля над бирманским большинством. Колониальные власти намеренно поднимали статус некоторых групп, особенно Каренов, объявляя их «воинственным народом». В ходе освоения Бирмы в XIX в. британцы умело пользовались существующими конфликтами между Бирманцами и Каренами, привлекая Каренов на сторону англичан в англо-бирманских конфликтах [37]. Распространение христианства среди Каренов и Качинов имело не только религиозное, но и отчетливо политическое измерение. Миссионеры, вводя христианство, позиционировали приход британцев как божественное спасение, пользуясь легендами и мифологией Каренов [38. P. 228; 39]. Принятие христианства стало индикатором лояльности к колониальным властям, формируя новый слой идентификации и лояльность среди меньшинств.

Среди Бирманцев представители этнических меньшинств постепенно становились символом колониального режима, что особенно ярко проявлялось в эпизодах жестокого подавления повстанческих движений, таких как восстание Сая Сан, где преимущественно участвовали войска каренского происхождения [27. P. 36]. Такое положение вещей способствовало формированию негативного образа меньшинств как инструментов колониального угнетения, поддерживаемых британцами. Эта стратегия наглядно реализовалась во время Второй мировой войны, когда британцы продолжали вооружать этнические подразделения, в то время как значительная часть бирманских сил присоединилась к Японии [27. P. 45–86; 40; 41. P. 62–64].

В борьбе за национальную независимость Панглонгская конференция 1947 г. стала важным событием, положившим начало процессу обретения страной независимости, официально заявленной 4 января 1948 г. Эта встреча помогла укрепить чувство общности среди различных этнических групп, инициируя конструктивный диалог, направленный на достижение главной цели – освобождения от британского колониального господства. Вместе с тем многие этнические группы остались вне участия вследствие сложившейся колониальной бюрократии. Например, некоторые расы и племена, такие как Аракан (Ракхайн), Карен, Талайнг (Мон) и другие, проживают также в собственно Бирме, в то время Шан, Качин и Чин включены в пограничные районы. Таким образом, известная Панглонгская конференция 1947 г. была направлена на объединение усилий по обретению независимости, не была всеобъемлющей, а являлась лишь шагом к быстрому восстановлению независимости.

Заключение

Процесс создания расовой иерархии в Бирме, который классифицировал социальные группы как биологически неравные, привел к формированию жестких границ в восприятии политических привилегий и прав. Присвоенные этим группам ярлыки и предписанные им статусы впоследствии использовались для оправдания аналогичных разделений в постколониальном государстве. В Конституции 1947 г. было признано разделение между собственно Бирмой и пограничными районами, создание федеральной структуры, которая

включала Шанскую область, Качинскую область и позже Чинское специальное подразделение (впоследствии получившее статус области). Статья 201 Конституции предоставила определенным областям право на выход из состава государства по истечении десяти лет, что отражало компромиссы, достигнутые на Панглонгской конференции.

Таким образом, данное исследование открывает путь для дальнейших изысканий в сфере влияния британского колониального наследия на современный процесс нациестроительства в Мьянме и формирование национальной идеологии. Британское наследство, проявленное в категоризации 15 главных этнических групп и 136 субэтнических групп, сохраняется и сегодня, хотя теперь принято говорить о восьми основных группах и 135 субэтнических компонентах[8].

Основные результаты исследования показывают, как британская колониальная администрация стремилась закрепить и узаконить этнические идентичности, минимизируя численность бирманцев и преувеличивая численность других групп, классифицируя малые племенные семьи как отдельные крупные (расы) этнические группы (которые исчезли из регистров к 1931 г.) и проявляя предпочтение отдельным этническим группам. Таким образом, колониальные переписи не просто и прямо описывали население, но активно формировали его.

Исследование не утверждает, что британская политика и наследие являются единственной причиной современных этнических конфликтов в Мьянме. Однако утверждается, что колониальные переписи не были нейтральными административными инструментами, а служили орудиями власти, усиливающими этнические иерархии и разделения. Проводя переписи, британская администрация не только формализовала этнические разделения, которые ранее были гибкими в мьянманском обществе, но и манипулировала процессами и данными, чтобы минимизировать численность бирманцев и увеличить количество национальных меньшинств. Эта система, охватывающая более 130 различных групп, превратилась в институциональную «этническую ловушку» для Мьянмы, серьезно осложнив задачу формирования коллективной идентичности. Без принятия трансэтнической или космополитической гражданской модели самосознания Мьянма столкнется с серьезными трудностями в создании коллективной идентичности, независимо от выбранного политического курса. Статья вносит вклад в области политологии и культурных исследований, предоставляя эмпирические доказательства того, насколько переписи важны для формирования идентичности и как колониальное наследие продолжает влиять на политику нациестроительства и идентичности в бывших колониях.

Примечания

[1] Распространённые мнения представляют название «Мьянма» как нелегитимное имя, навязанное военным государством в 1989 г., в то время как «Бирма» считается легитимным благодаря своему историческому использованию. Фактически в ходе процесса деколонизации Совет восстановления правопорядка и закона изменил (лишь) официальное англоязычное наименование страны с «Бирма» на «Мьянма», тогда как письменное обозначение на бирманском языке «Мьянма» (မြန်မာ) оставалось неизменным [1. P. 5–9]. К тому же малораспространённый факт заключается в том, что на бирманском языке название «Мья́нма пи́» (မြန်မာပြည်) непрерывно использовалось в официальном наименовании страны даже в течение колониального периода. Таким образом, исходя из внутренней перспективы, автор данной статьи предпочитает использовать название «Мьянма», но в некоторых особых случаях также прибегнет к термину «Бирма», когда речь идёт о фактах переписей населения и литературных источниках. Автор подробно осветил данную проблему в работе «Мьянма или Бирма: исследование двойственности трактовки дилеммы национальной идентичности» [2].

[2] Всеобщие демократические выборы 2020 г. Результаты расследования по судебным искам о голосовании по почте Главная страница, “Union Election Commission”. URL: https://2020election.uec.gov.mm (дата обращения: 23.02.2025).

[3] См. «Race» vs. «Ethnicity»: Why These Terms Are So Complex // Dictionary.com. 2020. URL: https://www.dictionary.com/e/race-vs-ethnicity/ (дата обращения: 20.06.2025); Чем раса отличается от этнической принадлежности: простое объяснение. URL: https://www.techinsider.ru/science/817363-v-chem-raznica-mezhdu-rasoy-i-etnicheskoy-prinadlezhnostyu/ (дата обращения: 20.06.2025).

[4] ပြည်သူ့အင်အားဦးစီးဌာန၏နောက်ခံသမိုင်း၊ တည်ထောင်သည့်ခုနှစ်နှင့်တည်နေရာ (Фон, год создания и местоположение Департамента населения, Департамент населения. URL: https://www.dop.gov.mm/en/historical-data (дата обращения: 15.02.2025).

[5] Согласно данным, из общего числа населения в 7 605 560 чел. только 103 298 чел. (примерно 1,36%) принадлежали к индийским кастам. Эти люди, скорее всего, были индийскими мигрантами, проживавшими в Бирме в колониальный период. В Индии классификация людей по кастам могла быть важна с административной точки зрения, но она не была применима к Бирме, где большая часть населения не идентифицировала себя с этой системой. Таким образом, было заключено, что обсуждение индийских каст в контексте Бирмы во многом нерелевантно.

[6] Британское предпочтение в отношении Карен также проявилось при вербовке солдат. Англичане исходили из того, что Бирманы никогда не смогут стать значительными военными силами в их армии, основываясь на своем опыте войн во времена расцвета Бирмы. Британцы использовали шесть батальонов вооруженной полиции, преимущественно набранных из индийцев, для патрулирования северных пограничных районов. Внутри страны около 4 000 солдат были вербованы из этнического меньшинства Карен, тогда как остальные также в основном были индийцами. В 1938 г. в Бирме насчитывалось 10 365 армейских войск. Из них 4 713 были британцами, примерно 3 000 – индийцами, а около 3 000 – коренными народами: Каренами, Чинами и Качинами [26. P. 40–42; 27. P. 26].

[7] Government of Burma Act, 1935 – Myanmar Law Library. URL: https://www.myanmar-law-library.org/law-library/laws-and-regulations/constitutions/government-of-burma-act-1935.html (дата обращения: 20.02.2025).

[8] ပြည်ထောင်စုသမ္မတမြန်မာနိုင်ငံတော်၊ ပထမအကြိမ် ပြည်သူ့လွှတ်တော် ဆဋ္ဌမပုံမှန်အစည်းအဝေး၊ (၂၀) ရက်မြောက်နေ့ မှတ်တမ်း (Minutes of the Sixth Regular Session of the First Pyithu Hluttaw of the Republic of the Union of Myanmar, 20th Day), 2013; Православная Энциклопедия. МЬЯНМА. URL: https://www.pravenc.ru/text/2564540.html (дата обращения: 27.04.2025).

Список источников

1. Васильев В.Ф. История Мьянмы/Бирмы. XX век. М. : ИВРАН: Крафт+, 2009.
2. Kyaw Y.P. Myanmar or Burma: Exploring the Dual Narratives of National Identity Dilemma // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 85. С. 235–248. doi: 10.17223/1998863X/85/20
3. Woodman D. The Making of Burma. London : The Cresset Press, 1962.
4. Pollak O.B. Empires in Collision: Anglo-Burmese Relations in the Mid-Nineteenth Century. Greenwood, 1979.
5. Aung-Thwin M., Aung-Thwin M. A history of Myanmar since ancient times: Traditions and transformations. Reaktion Books, 2013.
6. Гриненко Б.Е. Проблема выстраивания национальной идентичности в Мьянме/Бирме в условиях военного конфликта и социально-политической напряженности // Зимняя конференция СНО: исследования памяти в международных отношениях : сб. ст. IV Междунар. студ. науч. конф. Санкт-Петербург, 2025. СПб. : Скифия-принт, 2025. С. 224–235.
7. Носов В.А. Теория и практика государственного строительства в мультиэтническом и мультиконфессиональном обществе: опыт Мьянмы // Этнорелигиозный фактор в политических процессах на современном востоке : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых. Москва, 2021. М. : Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2021. С. 71–74.
8. Ferguson J.M. Who's Counting?: Ethnicity, Belonging, and the National Census in Burma/Myanmar // Bijdragen tot de taal-, land-en volkenkunde/Journal of the Humanities and Social Sciences of Southeast Asia. Brill, 2015. Vol. 171, № 1. P. 1–28. doi: 10.1163/22134379-17101022
9. McAuliffe E.L. Caste and the quest for racial hierarchy in British Burma: An analysis of census classifications from 1872–1931: Master Thesis. University of Washington, 2017.
10. Березко В.Э. И.В. Сталин о решении национального вопроса // История государства и права. 2009. № 5. С. 37–39.
11. Фадеичева М.А. Национальный вопрос – ключ к решению современных этнических проблем // Философия и общество. 2013. № 3 (71). С. 77–86.
12. Rejai M., Enloe C.H. Nation-states and state-nations // International Studies Quarterly. JSTOR, 1969. Vol. 13, № 2. P. 140–158. doi: 10.2307/3013942
13. Робин Ф. Мьянма: как выбраться из ловушки идентичностей // Этнографическое обозрение. 2019. № 1. С. 97–116. doi: 10.31857/S086954150004182-0
14. Дробижева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М. : Институт социологии РАН, 2006. С. 10–29.
15. Юшин М.А. Политические механизмы формирования гражданской идентичности молодежи в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Тула, 2007. 22 с.
16. Семененко И.С. Глава 1. Идентичность как ресурс общественного развития // Идентичность: Личность, Общество, Политика (Новые контуры исследовательского поля) / Отв. ред. чл.-корр. РАН И.С. Семененко. М. : Весь мир, 2023. С. 18–26.
17. Kyaw Y.P., Khakhalkina E.V. Conceptual Ambiguity in Myanmar Nation Building: A Semantic and Theoretical Analysis // Социально-политические науки. 2024. Т. 14, № 6. С. 151–157. doi: 10.33693/2223-0092-2024-14-6-151-157
18. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Revised Edition. London ; New York : VERSO, 2006.
19. Harvey G.E. History of Burma: From the earliest times to 10 March 1824 the beginning of the English conquest. First Publish 1925. New Delhi : Asian Educational Services, 2000.
20. Sangermano V. A Description of the Burmese Empire: compiled chiefly from Burmese Documents / translated from his manuscript by William Tandy; with a preface and note by John Jardine. Augustus M. Kelly Publishers, 1966.
21. Furnivall J.S., Pe Maung Tin. စမ္ဗူဒီပဥဆောင်းကျမ်း [Zambudipa Okhsaung Kyan]. Yangon : Burma Research Society, 1960.
22. Trager F.N., Koenig W.J., Yi Yi. Burmese Sit-tàns 1764-1826: Records of rural life and administration // Journal of Asian Studies. 1981.
23. British Burma. Report on the Census of British Burma Taken in August 1872. Rangoon : Printed at the Government Press, 1875.
24. Lieberman M.D. The present statistical and census programme in Burma // Civilisations. JSTOR, 1954. P. 571–577.
25. Government of India. Census of 1891, Imperial Series-Volume IX, Burma Report, Volume I. Operations and Results. Rangoon : Office of the Superintendent of Government Printing, Burma, 1892.
26. Harvey G.E. British Rule in Burma, 1824–1942. London : Faber & Faber, 1946.
27. Callahan M.P. Making enemies: War and state building in Burma. Cornell University Press, 2005.
28. Graver M. Exploring ethnic diversity in Burma / ed. by M. Gravers. NIAS Press, 2007.
29. Bennison J.J. Census of India, 1931, Volume Xi, Burma, Part II.-Tables. Rangoon : Office of the Superintendent of Government Printing, Burma, 1933.
30. Grantham. Census of India, 1921, Volume X, Burma, Part I. Report. Rangon : Office of the Superintendent of Government Printing, Burma, 1923.
31. Win U.K., Han U.M., Hlaing U.T. တိုင်းရင်းသားလူမျိုးများအရေးနှင့် ၁၉၄၇ အခြေခံဥပဒေ (ပထမတွဲ) [The Nationalities Issue and the 1947 Constitution (Part One)]. Edited and revised by the Committee for Compiling Authentic Facts on Myanmar History. Yangon : Universities' Printing House, 1990.
32. Crosthwaite S.C. The Pacification of Burma. London : Edward Arnold, 1912.
33. Rand G. 'Martial races' and 'imperial subjects': violence and governance in colonial India, 1857–1914 // The Rise and Fall of Modern Empires, Volume III. Routledge, 2017. P. 509–528.
34. Taylor R.H. The state in Myanmar. NUS Press, 2009.
35. Furnivall J.S. Colonial Policy and Practice: A Comparative Study of Burma and Netherlands India. New York : New York Univ. Press, 1956.
36. Jamir L. Imagining Frontier Spaces: The Frontier Tribal Areas in Imperial Defence in the Northeast of British India // India Quarterly: A Journal of International Affairs. 2023. Vol. 79, № 1. P. 11–28. doi: 10.1177/09749284221147179
37. Brant C.S., Khaing M.M. Missionaries among the Hill Tribes of Burma // Asian Survey. JSTOR, 1961. P. 44–51. doi: 10.1525/as.1961.1.1.01p14447
38. Gravers M. Conversion and Identity: Religion and the Formation of Karen Ethnic Identity in Burma // Exploring ethnic diversity in Burma. NIAS Press, 2007. P. 227–258.
39. Worland S.L. Displaced and Misplaced or Just Displaced : PhD Thesis. The University of Queensland, 2010.
40. Selth A. Race and resistance in Burma, 1942–1945 // Modern Asian Studies. Cambridge University Press, 1986. Vol. 20, № 3. P. 483–507. doi: 10.1017/S0026749X00007836
41. Smith M.J. Burma: Insurgency and the politics of ethnicity. The University Press (Dhaka), Wite Lotus (Bankok), Zed Books Ltd (London. New York), 1999.

References

1. Vasil'ev, V.F. (2009) *Istoriya M'yanmy/Birmy. XX vek* [History of Myanmar/Burma. 20th Century]. Moscow: IVRAN: Kraft+.

2. Kyaw, Y.P. (2025) Myanmar or Burma: Exploring the Dual Narratives of National Identity Dilemma. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 85. pp. 235–248. doi: 10.17223/1998863X/85/20
3. Woodman, D. (1962) *The Making of Burma*. London: The Cresset Press.
4. Pollak, O.B. (1979) *Empires in Collision: Anglo-Burmese Relations in the Mid-Nineteenth Century*. Greenwood.
5. Aung-Thwin, M. & Aung-Thwin, M. (2013) *A history of Myanmar since ancient times: Traditions and transformations*. Reaktion Books.
6. Grinenko, B.E. (2025) [The problem of building national identity in Myanmar/Burma in the context of military conflict and socio-political tension]. *Zimnyaya konferentsiya SNO: issledovaniya pamyati v mezhdunarodnykh otnosheniyakh* [Winter Conference of the Student Research Society: Memory Studies in International Relations]. Proceedings of the IV International Student Conference. St. Petersburg, 2025. St. Petersburg: Skifiya-print. pp. 224–235. (In Russian).
7. Nosov, V.A. (2021) [Theory and practice of state-building in a multi-ethnic and multi-confessional society: the experience of Myanmar]. *Etnoreligioznyy faktor v politicheskikh protsessakh na sovremennom vostoke* [The Ethno-Religious Factor in Political Processes in the Modern East]. Proceedings of the International Conference of Young Scientists. Moscow, 2021. Moscow: MSU. pp. 71–74. (In Russian).
8. Ferguson, J.M. (2015) Who's Counting?: Ethnicity, Belonging, and the National Census in Burma/Myanmar. *Bijdragen tot de taal-, land-en volkenkunde/Journal of the Humanities and Social Sciences of Southeast Asia*. 171 (1). pp. 1–28. doi: 10.1163/22134379-17101022
9. McAuliffe, E.L. (2017) *Caste and the quest for racial hierarchy in British Burma: An analysis of census classifications from 1872–1931*. Master Thesis. University of Washington.
10. Berezko, V.E. (2009) I.V. Stalin o reshenii natsional'nogo voprosa [I.V. Stalin on the solution of the national question]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*. 5. pp. 37–39.
11. Fadenieva, M.A. (2013) Natsional'nyy vopros – klyuch k resheniyu sovremennykh etnicheskikh problem [The national question – the key to solving contemporary ethnic problems]. *Filosofiya i obshchestvo – Philosophy and Society*. 3 (71). pp. 77–86.
12. Rejai, M. & Enloe, C.H. (1969) Nation-states and state-nations. *International Studies Quarterly*. 13 (2). pp. 140–158. doi: 10.2307/3013942
13. Robin, F. (2019) M'yanma: kak vybrat'sya iz lovushki identichnostey [Myanmar: how to escape the identity trap]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 1. pp. 97–116. doi: 10.31857/S086954150004182-0
14. Drobizheva, L.M. (2006) Gosudarstvennaya i etnicheskaya identichnost': vybor i podvizhnost' [State and ethnic identity: choice and mobility]. In: *Grazhdanskie, etnicheskie i religioznye identichnosti v sovremennoy Rossii* [Civic, Ethnic and Religious Identities in Contemporary Russia]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. pp. 10–29.
15. Yushin, M.A. (2007) *Politicheskie mekhanizmy formirovaniya grazhdanskoy identichnosti molodezhi v sovremennoy Rossii* [Political Mechanisms of Forming Civic Identity of Youth in Contemporary Russia]. Abstract of Polit. Sci. Cand. Diss. Tula. 22 p.
16. Semenenko, I.S. (2023) Glava 1. Identichnost' kak resurs obshchestvennogo razvitiya [Chapter 1. Identity as a resource of social development]. In: Semenenko, I.S. (ed.) *Identichnost': Lichnost', Obshchestvo, Politika (Novye kontury issledovatel'skogo polya)* [Identity: Personality, Society, Politics (New Contours of the Research Field)]. Moscow: Ves' mir. pp. 18–26.
17. Kyaw, Y.P. & Khakhalkina, E.V. (2024) Conceptual Ambiguity in Myanmar Nation Building: A Semantic and Theoretical Analysis. *Sotsial'no-politicheskie nauki – Socio-Political Sciences*. 14 (6). pp. 151–157. doi: 10.33693/2223-0092-2024-14-6-151-157
18. Anderson, B. (2006) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Revised Edition. London; New York: VERSO.
19. Harvey, G.E. (2000) *History of Burma: From the earliest times to 10 March 1824 the beginning of the English conquest*. New Delhi: Asian Educational Services.
20. Sangermano, V. (1966) *A Description of the Burmese Empire: compiled chiefly from Burmese Documents*, trans. by W. Tandy, preface and note by J. Jardine. Augustus M. Kelly Publishers.
21. Furnivall, J.S. & Pe Maung Tin. (1960) *Zambudipa Okhsaung Kyan*. Yangon: Burma Research Society.
22. Trager, F.N., Koenig, W.J. & Yi Yi. (1981) Burmese Sit-tâns 1764-1826: Records of rural life and administration. *Journal of Asian Studies*.
23. British Burma. (1875) *Report on the Census of British Burma Taken in Augustus 1872*. Rangoon: Printed at the Government Press.
24. Lieberman, M.D. (1954) The present statistical and census programme in Burma. *Civilisations*. pp. 571–577.
25. Government of India. (1892) *Census of 1891, Imperial Series-Volume IX, Burma Report, Volume I. Operations and Results*. Rangoon: Office of the Superintendent of Government Printing, Burma.
26. Harvey, G.E. (1946) *British Rule in Burma, 1824–1942*. London: Faber & Faber.
27. Callahan, M.P. (2005) *Making enemies: War and state building in Burma*. Cornell University Press.
28. Gravers, M. (2007) *Exploring ethnic diversity in Burma*. NIAS Press.
29. Bennison, J.J. (1933) *Census of India, 1931, Volume XI, Burma, Part II.-Tables*. Rangoon: Office of the Superintendent of Government Printing, Burma.
30. Grantham. (1923) *Census of India, 1921, Volume X, Burma, Part I. Report*. Rangoon: Office of the Superintendent of Government Printing, Burma.
31. Win, U.K., Han, U.M. & Hlaing, U.T. (1990) *The Nationalities Issue and the 1947 Constitution (Part One)*. Yangon: Universities' Printing House. (In Burmese).
32. Crosthwaite, S.C. (1912) *The Pacification of Burma*. London: Edward Arnold.
33. Rand, G. (2017) 'Martial races' and 'imperial subjects': violence and governance in colonial India, 1857-1914. In: *The Rise and Fall of Modern Empires, Volume III*. Routledge. pp. 509–528.
34. Taylor, R.H. (2009) *The state in Myanmar*. NUS Press.
35. Furnivall, J.S. (1956) *Colonial Policy and Practice: A Comparative Study of Burma and Netherlands India*. New York: New York Univ. Press.
36. Jamir, L. (2023) Imagining Frontier Spaces: The Frontier Tribal Areas in Imperial Defence in the Northeast of British India. *India Quarterly: A Journal of International Affairs*. 79 (1). pp. 11–28. doi: 10.1177/0974928421147179
37. Brant, C.S. & Khaing, M.M. (1961) Missionaries among the Hill Tribes of Burma. *Asian Survey*. pp. 44–51. doi: 10.1525/as.1961.1.1.01p14447
38. Gravers, M. (2007) Conversion and Identity: Religion and the Formation of Karen Ethnic Identity in Burma. In: *Exploring ethnic diversity in Burma*. NIAS Press. pp. 227–258.
39. Wolrand, S.L. (2010) *Displaced and Misplaced or Just Displaced*. PhD Thesis. The University of Queensland.
40. Sethi, A. (1986) Race and resistance in Burma, 1942-1945. *Modern Asian Studies*. 20 (3). pp. 483–507. doi: 10.1017/S0026749X00007836
41. Smith, M.J. (1999) *Burma: Insurgency and the politics of ethnicity*. Dhaka: The University Press; Bangkok: White Lotus; London; New York: Zed Books Ltd.

Информация об авторе:
ЧЖО Йе Фон – аспирант кафедры мировой политики, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: ypk.mmr@stud.tsu.ru; ORCID: 0000-0002-8296-1934

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
Ye Phone Kyaw, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ypk.mmr@stud.tsu.ru; ORCID: 0000-0002-8296-1934

The author declares no conflicts of interests

Статья поступила в редакцию 04.06.2025;
одобрена после рецензирования 17.06.2026; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 04.06.2025;
approved after reviewing 17.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 94
doi: 10.17223/15617793/527/13

Институт комиссаров Временного правительства в период двоевластия в Пермской губернии

Анжела Валерьевна Долгова[1]

[1] *Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, AVDolgova@fa.ru*

Аннотация. Предметом исследования выступил институт комиссаров Временного правительства в Пермской губернии в его взаимодействии с органами власти местного самоуправления: земствами, милицией, общественно-политическими организациями – советами и комитетами общественной безопасности. Цель исследования – показать социально-политическую обстановку в Пермской губернии на основе анализа ранее неопубликованных документов о деятельности комиссаров Временного правительства в уездах.
Ключевые слова: Временное правительство, губернские и уездные комиссары, земства, Пермская губерния, советы, большевики, крестьянство

Для цитирования: Долгова А.В. Институт комиссаров Временного правительства в период двоевластия в Пермской губернии // Вестник Томского государственного университета. 2026. № 527. С. 115–126. doi: 10.17223/15617793/527/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/527/13

The institution of commissars of the Provisional Government during the period of dual power in Perm Province

Anzhela V. Dolgova[1]

[1] *Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, AVDolgova@fa.ru*

Abstract. The February Revolution of 1917 created the conditions for the formation of a new state structure and democratic reforms. Political events in Perm Province developed under the influence of the Provisional Committee of the State Duma and the Petrograd Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies. This study examines the institution of commissars of the Provisional Government in Perm Province and its interactions with local government bodies – zemstvos, the militia, and socio-political organizations – councils and public safety committees. Until December 1917, most councils lacked political influence, unlike the zemstvos – provincial and district zemstvo assemblies and councils – on which the Provisional Government relied. At the same time, documents from the State Archive of Perm Krai indirectly testify to attempts by the Soviets to establish control over the Ural factories before the October events. The institution of provincial and district commissars not only failed to take hold, but during its existence, it had a destructive impact on the work of the zemstvos, which accelerated the democratization of political life. In the first months of the revolution, members of the Perm Provincial Zemstvo were forced to resign, making way for representatives of various political groups. Furthermore, the process of democratization in the province was accompanied by the unauthorized seizure of landowners' lands and forests by peasants against a backdrop of a general deterioration of public order and moral degradation. As representatives of official authorities, the commissars lacked authority among both the urban and rural populations, which hindered their ability to perform administrative functions. Not a single measure was fully implemented, as it was out of touch with the mood of the masses and the sociopolitical situation that had developed by the summer and fall of 1917. The Provisional Government failed to provide funding for the staff of the district commissariats, which seriously hindered the formation of this institution. Nevertheless, many of those who agreed to work pro bono took their duties seriously, as evidenced by their reports to the provincial commissioner. In order to establish the office of commissioner as a separate entity, the Perm Provincial Zemstvo separated the positions of commissioner and district chairperson in the districts, recognizing their combination as incompatible, and announced elections.The purpose of this study is to reveal the socio-political situation in Perm Province through an analysis of previously unpublished documents on the activities of Provisional Government commissars in the districts.
Keywords: : Provisional Government, provincial and district commissioners, zemstvos, Perm Province, soviets, Bolsheviks, peasantry

***For citation*:** Dolgova, A.V. (2026) The institution of commissars of the Provisional Government during the period of dual power in Perm Province. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 527. pp. 115–126. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/527/13

© Долгова А.В., 2026

Историю института комиссаров Временного правительства невозможно изучать отдельно от других политических событий 1917 г. В советский период было опубликовано огромное количество научных трудов, посвященных истории органов местного самоуправления [1]. История создания института комиссаров, по мнению Т.В. Баженовой, была изучена слабо [2. С. 75]. Тем не менее ученым удалось исследовать и привлечь огромное количество исторических источников, без которых существующие достижения современной исторической науки были бы невозможными. После распада СССР доступ к ранее засекреченным архивным документам должен был пробудить интерес к истории революции в целом. Но, как отмечают историки, в последние три десятилетия количество документальных публикаций уменьшилось, что особенно заметно на фоне фундаментальных изданий, выполненных в общероссийском масштабе [3. С. 257]. Данная тема продолжает вызывать интерес у исследователей как в качестве самостоятельной, на региональном уровне [4, 5], так и сопряженной с другими аспектами [6, 7].

В диссертации «Становление органов государственной власти и массовых общественных организаций в Пермской губернии (март–октябрь 1917 г.)» Ю.М. Ярков рассматривает проблему становления института комиссаров Временного правительства в контексте истории создания советов и комитетов общественной безопасности. Как утверждает автор, уездные комиссары постоянно принимали меры к социально-политическому успокоению населения, однако результативность этих мер не указывается [8. С. 68]. Дважды повторяющийся категоричный вывод о том, что падение самодержавия «приветствовалось всеми социальными слоями, группами, кастами и классами» [8. С. 44, 212], не соответствует действительности. Сельское население отнеслось к этому эпохальному событию, скорее, с сожалением, при этом автор тему взаимоотношений крестьян с уездными комиссарами не затронул либо сознательно обошел.

Весомый вклад в разработку данной проблематики был сделан пермским ученым Л.А. Обуховым. Круг исследуемых проблем только одного периода революции весьма широк: история земств и градоначальников, деятельность комиссаров Временного правительства, установление власти советов на Урале, создание комитетов общественной безопасности [9].

Отдельно стоит отметить публикации уральского историка А.А. Пысина, в которых он дает краткую характеристику уездным и губернским комиссарам Пермской губернии за весь период их деятельности – с марта по декабрь 1917 г. [10, 11]. Указанные им сведения верифицированы подписями и датировкой в обнаруженных нами документах.

Предметом данного исследования является создание института комиссаров Временного правительства в Пермской губернии в его взаимодействии с органами власти местного самоуправления: земствами, милицией, общественно-политическими организациями – советами и комитетами общественной безопасности.

Цель исследования – показать социально-политическую обстановку в Пермской губернии через анализ архивных документов и журналов заседаний губернского земства о деятельности комиссаров Временного правительства.

Для написания статьи были использованы единицы хранения фонда Государственного архива Пермского края «Пермский губернский комиссар Временного правительства МВД». «Переписка пермского губернского комиссара с уездными комиссарами» представляет собой телеграммы уездных комиссаров о социально-политической обстановке, телеграммы милиции, губернского комиссара, коммерческих собраний. Способ обмена информации посредством телеграфирования свидетельствовал о крайне нестабильной политической ситуации в уездах, где требовалось срочное принятие мер по предотвращению захвата власти советами, крестьянских бунтов, пьяных погромов с участием солдат, расхищения казенного имущества.

Документы информативного характера – донесения и уведомления уездных комиссаров содержат отчетность о результатах борьбы с проявлениями недовольства крестьян, самовольными захватами ими земель, вырубкой лесов. Крестьянский мир был закрыт и непостижим для городского обывателя, был устойчив к политическим изменениям.

Важным источником для подготовки данной статьи послужили журналы Пермского губернского земского собрания и доклады управы за период с 7 марта по 28 июня 1917 г. На заседаниях решались вопросы социально-экономической и политической жизни в губернии и в уездах. Ведение журналов было важной составляющей и в деятельности уездных земств. Сейчас эти редкие, в основном рукописные документы хранятся в краеведческих музеях и региональных архивах Пермского края. Представленные документы впервые вводятся в научный оборот, что делает возможным восстановить хронологию событий, на основе обнаруженных в процессе исследования новых фактов. Таковы, например, данные, касающиеся количества военнопленных в губернии, или выборы губернского комиссара В.Н. Грамматчикова, который должен был сменить Е.Д. Калугина, но по каким-то причинам не был утвержден. Материалы журналов передают картину сложившейся в 1917 г. обстановки в Пермской губернии. В них фиксировалась работа земства, касающаяся как политических событий, так и текущих вопросов: обеспечение продовольствием населения уездов, исследование эпидемиологической обстановки, социальная защита, благотворительность.

Территориальные рамки обусловлены административно-территориальным делением Пермской губернии 1917 г. и наличием сохранившихся источников по 8 из 12 уездов – Верхотурскому, Екатеринбургскому, Кунгурскому, Шадринскому, Пермскому, Осинскому, Чердынскому, Оханскому. Сведения о формировании института уездных комиссаров по Соликамскому, Камышловскому, Ирбитскому и Красноуфимскому уездам отсутствуют или носят фрагментарный характер. При этом в заседаниях Пермского губернского собрания для решения текущих вопросов принимали участие представители всех 12 уездов. Становление института комиссаров Временного правительства не являлось первоочередной задачей.

Наиболее значимым в условиях смены государственного строя было стабильное финансовое и продовольственное обеспечение населения и охрана общественного порядка.

К 1917 г. город Пермь представлял собой крупный промышленный центр на Урале, где находилось более 100 предприятий. Население губернии составляло примерно 3,5 млн человек, из которых 70% было сельское население, 30% – заводское [1. С. 42]. Здесь были развиты кустарные промыслы: кузнечный, гвоздарный, чугунно-литейный, гончарный, портняжный, иконописно-уборный, кожевенный, свечной, скорняжный, мыловаренный, мебельно-столярный, маслобойный, мукомольный, пекарный, поташный и многие другие. Производились гармоники, сита, сундуки, земледельческие машины, фруктовые воды, гильзы.

С началом Первой мировой войны промышленность была переориентирована на военные нужды. Фронт регулярно получал походные кухни, телеги и повозки для военных, полушубки, валенки, попоны. За 16 месяцев работы было принято заказов на сумму более 8 млн руб. [12. С. 30–32].

15 февраля на заседании Пермского губернского комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам (создан в августе 1914 г.) обсуждалось устройство в Перми протезной мастерской. Идея эта получила одобрение, так как в протезах нуждались не только возвращавшиеся на родину воины с увечьями, но и большое количество получивших травмы рабочих заводов. Для ознакомления с делом организации будущей мастерской в Москву был командирован врач Шипицын [12. С. 39].

3 марта на заседании Пермского губернского комитета Всероссийского земского союза председателем управы Е.Д. Калугиным была зачитана телеграмма председателя Временного комитета Государственной Думы М.В. Родзянко о том, что члены старого правительства арестованы и находятся в крепости, необходимо соблюдать полное спокойствие и обратить внимание «на правильный ход работ на оборону и продовольствие населения» [12. С. 39].

Распоряжением князя Г.Е. Львова от 5 марта учреждались должности губернских и уездных комиссаров из председателей соответствующих управ, а губернаторы отстранялись [9. С. 128]. Е.Д. Калугин вступил в должность губернского комиссара 6 марта, после сложения полномочий губернатора М.А. Лозина-Лозинского. Е.Д. Калугина впоследствии сменят А.Е. Ширяев и Б.А. Турчевич.

Уровень образования и социальное происхождение комиссаров были разными. Все трое имели необходимый опыт службы в управленческих структурах и вполне соответствовали занимаемой должности. Е.Д. Калугин был выходцем из крестьян, после окончания Беляевского народного училища работал писцом в Осинском уездном земстве, далее в течение десяти лет заведовал голицынским лесопильным заводом, в 1905 г. перешел на службу в Пермскую губернскую земскую управу. А.Е. Ширяев родился в семье служащего, окончил Томский технологический институт, получив профессию инженера. В дальнейшем работал над важнейшими проектами Перми – сооружением водопровода и запуском трамвайной линии. Б.А. Турчевич происходил из дворянской семьи, получил высшее юридическое образование, был прапорщиком 162-го пехотного запасного полка [9. С. 129]. В рассмотренных нами архивных документах всюду присутствует подпись Б.А. Турчевича, что свидетельствует о недолгом пребывании в должности двух других губернских комиссаров.

12 марта в «Пермской земской неделе» были опубликованы новости о вступлении Е.Д. Калугина в должность губернского комиссара: «По распоряжению Председателя Совета Министров, Министра внутренних дел князя Львова, – я, по должности Председателя Губернской Управы, с настоящего числа вступил во временное управление Пермской губернией в звании Губернского Комиссара Временного правительства» [12. С. 3]. Тем же распоряжением на председателей уездных земских управ возлагались обязанности уездных комиссаров Временного правительства. Е.Д. Калугин призвал население поддержать «новую временную гражданскую власть в крае в ее заботах об устроении порядка, как соответствующему новому свободному строю и к тесному единению всех общественных сил» [12. С. 3].

Пермское земство, получив известия о событиях в Петрограде, направило телеграмму М.В. Родзянко: «С живым восторгом приветствуя Государственную Думу в настоящий исторический момент свержения старого режима, Пермская губернская управа и губернский комитет земского союза выражает полную готовность поддержать новую власть во всех ее действиях, направленных на укрепление нового строя, к устранению внутренней разрухи и доведения войны до победного конца» [9. С. 128].

Далее гласные перешли к вопросу о создании комитета общественной безопасности. Н.А. Вармунд заявил, что не видит в этом необходимости, так как «в городе все спокойно и этому спокойствию ничто не угрожает, а беспорядки и недоразумения возможны только в том случае, если комитет решит принять на себя исполнительную власть» [9. С. 128]. Гласный И.В. Воробьев выступил за создание комитетов ввиду угрозы реакции со стороны прежней власти: «Старое правительство сошло со сцены, но известны случаи, когда оно захватывало власть, пользуясь государственным аппаратом. Необходимо быть готовым ко всему, чтобы не застали врасплох» [9. С. 128].

Комитет общественной безопасности был создан 5 марта. В его состав вошли представители общественных организаций и политических партий (большевики, кадеты, эсеры), рабочие и предприниматели.

Председателем стал кадет С.И. Бондарев, заместителем – эсер В.П. Ширяев [9. С. 129].

7 марта Е.Д. Калугин объявил собрание открытым, после чего гласные приступили к обсуждению вопросов: о созыве Учредительного собрания, о замене на местах полиции милицией, о необходимости обеспечения населения продовольствием, об улучшении материального положения земских служащих, о торфяном деле и сернокислотном заводе.

Гласный Н.А. Вармунд заявил, что вопрос о созыве Учредительного собрания следует отложить, так как население полностью доверяет земству: «Земство сделало очень много для блага России далеко раньше свершившегося Государственного переворота. Это было почти единственное учреждение, блюдущее общественные интересы. Земство исполнило военных приказов на сумму 4 миллиона и получило их на 8 миллионов» [13. С. 3].

Одним из важнейших обсуждаемых вопросов был продовольственный, чему посвящен был доклад Е.Д. Калугина: «С апреля месяца начнется отправка хлеба для союзников. Восточной Сибири удалось обеспечить себя хлебом из Маньчжурии. В районе моего ведения относятся заводы Вятской, Уфимской и Оренбургской губерний. В отношении фуража есть недочеты. Выдачу мяса, в интересах сохранения животноводства, придется сократить от ¾ фунта до 1 фунта на едока в неделю. В марте месяце мы должны доставить в армию 6000 голов скота» [13. С. 5]. В выступлении было также сказано о недостатке круп и дефиците сахара [13. С. 5].

Следующим шагом, по мнению гласных, было сообщить как можно скорее населению о «произошедшем перевороте», разъяснить права и обязанности граждан свободного государства, обосновать необходимость проведения выборов в Учредительное собрание. Население должно было признать Временное правительство как единственную законную власть. Для достижения поставленных задач было принято решение привлечь волостные хозяйственные советы, а также провести ряд агитационных мероприятий: распространить брошюры и листовки, организовать публичные чтения с оплатой 3–4 руб. суточных каждому лектору.

Острую дискуссию вызвал вопрос о привлечении духовенства к агитационной работе среди населения. Очевидно, что пермские священнослужители, среди которых был и замученный впоследствии большевиками архиепископ Андроник, выступили с проповедью, осудив отречение царя и образование Временного правительства. Вопрос о власти стал камнем преткновения между пермским земством и духовенством, положив начало расколу в обществе и усилению левых сил. Гласные губернского собрания, поддержав демократические преобразования, отклонили ходатайства священнослужителей об участии их в агитационной работе.

В первые дни революции в Перми с размахом отметили «праздник русской свободы». Мероприятие представляло собой торжественное шествие с участием служащих общественных учреждений и рабочих. С красными знаменами, в сопровождении оркестра, участники процессии пели «Гимн свободной России». Они шли по направлению к Слудской церкви и Соборной площади, где предполагалось отслужить панихиду по «павшим борцам за свободу». В тот же день был устроен парад расквартированных в городе войсковых частей в поддержку Временного правительства. Красные знамена пестрели лозунгами: «Да здравствует свободная армия и освобожденный народ!», «Вечная слава павшим борцам за свободу!», «Привет свободной армии и нации!», «Победили в тылу – победим и на фронте!» [14. С. 25].

Праздничное шествие было приурочено к событиям 1905 г., а идейным вдохновителем стал Уральский Совет рабочих, созданный в начале марта под председательством меньшевика А.А. Шнеерова. После включения в состав солдат он стал называться Советом рабочих и солдатских депутатов. Действия Уральского Совета координировались Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов. Был сформирован местный временный революционный комитет из числа рабочих, крестьян, военнослужащих и разных представителей городских сословий. Комитет выступал за необходимость проведения в жизнь политических свобод, созыв Учредительного собрания, организацию народной милиции. В мае состоялся I областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Урала, что свидетельствовало о прочности его позиций и авторитете.

8 марта был образован городской совет общественной безопасности, в состав которого вошли губернский комиссар Е.Д. Калугин, гласные А.Ф. Чердынцев и И.В. Воробьев. Несмотря на уговоры гласных остаться в совете, Е.Д. Калугин заявил о невозможности своего пребывания в нем: «Я не могу, я болен, у меня не хватает сил» [15. С. 13]. А на следующий день – о сложении с себя обязанностей губернского комиссара: «На исполнительный орган губернского земства в текущую войну возложено слишком много обязанностей… Теперь на председателя управы возложена еще огромная и ответственная обязанность губернского комиссара. Нуждаясь в безотлагательном отпуске, который мне был уже дан собранием, я, по сложившимся обстоятельствам, вынужден его отложить и работать с еще большей напряженностью. Поэтому я прошу собрание дать мне разрешение подать телеграмму князю Львову о сложении с меня обязанностей губернского комиссара. Ходатайствовать об этом меня побуждает единственная причина – мое крайне болезненное состояние» [15. С. 16].

Гласные, отметив перегруженность работой Е.Д. Калугина, поблагодарили его за многолетний труд, после чего выбрали нового кандидата на должность губернского комиссара – В.Н. Грамматчикова. Последний заверил гласных, что будет достойно нести службу: «Я приложу все старания для выполнения тех обязанностей, которые на меня будут возложены, как на губернского комиссара. Продуктивно работать на этом поприще я могу, только опираясь на общественные силы и горячо прошу всех помочь мне в этом ответственном деле» [16. С. 17]. Как выяснилось позже, В.Н. Грамматчиков так и не был утвержден в должности губернского комиссара и остался гласным в собрании.

23 марта на должность комиссара Временного правительства общим собранием представителей общественных организаций Пермской губернии будет избран А.Е. Ширяев [17. С. 26].

Особое внимание было уделено обеспечению общественной безопасности и охране государственного имущества было уделено особое внимание. Тревогу гласных вызывало количество военнопленных в губернии – более 70 тысяч и около 15 тысяч китайцев.

Во главе уезда должен был стоять начальник милиции, подчиненный уездному комиссару. Уезд делился на округа или станы, возглавляемые помощниками начальника милиции. В волостях начальниками милиции являлись помощники волостных старшин, избираемых на сельских сходах. Начальник милиции избирался земским собранием или приглашался комиссаром [16. С. 24]. Содержание милиции предусматривалось за счет средств, отпускаемых ранее на полицию.

Процесс демократизации органов местного самоуправления привел к сложению полномочий гласных губернской земской управы, о чем они заявили 20 марта в докладе губернскому собранию: «Принимая во внимание, что… губернское собрание пожелает обновить и исполнительный орган – губернскую управу, мы считаем необходимым сложить свои полномочия, причем заявляем, что до вступления в исполнение обязанностей новой управы мы будем продолжать возложенную на нас работу» [18. С. 53].

Наиболее сознательная в политическом отношении часть населения была открыта демократическим свободам. Полным ходом шел процесс выборов, переизбрания земских служащих, председателей продовольственных управ, создания местных органов власти. В конце марта в уездном городе Оханске состоялось первое народное земское собрание. В честь его открытия был дан торжественный молебен, после чего священнослужитель В. Алексеев выступил с приветственным словом о целях собрания: «Не разрушать земскую работу, которая налаживалась более 50 лет, под гнетом старой власти, а исправлять ее должны мы дружными усилиями, помня, что обще-земская работа есть работа общегосударственная» [17. С. 28]. Всего участие в народном собрании приняли 142 депутата от волостей, два солдата, 6 рабочих и представитель от Уральского совета рабочих и солдатских депутатов. В день открытия собрания сложил с себя полномочия председатель управы Я.К. Морозов «ввиду неудовлетворенностью его работой населением уезда» [17. С. 28]. Оханский уезд был местом обширных владений Строгановых – земли, лес и мельницы вскоре будут захвачены крестьянами [19. Л. 50].

Увлечению политическими свободами была дана оценка в «Пермской земской неделе»: «Созываются по селам сходы, идут горячие обсуждения, возникают комитеты, союзы и советы. Но все-таки, когда внимательно присмотришься к волнующему народному морю, видишь там порой мало порядка и очень много самых противоречивых суждений и действий» [20. С. 5].

Открывшееся 20 апреля губернское собрание было демократическим по своему составу. В него вошли три представителя Совета рабочих и солдатских депутатов, один – от Союза инженеров, техников и мастеров, два – от Союза потребительских обществ и два – от Лиги женского равноправия [21. С. 3]. Желающих участвовать в политической жизни было много. С ходатайством о включении в состав собрания обратились члены Союза печатников и Союза фельдшеров, однако, получили отказ, так как некоторые уже были избраны в Совет рабочих и солдатских депутатов.

Представитель от женской организации А.П. Алексеева обратилась к собранию о необходимости участия женщин в политической жизни: «Гражданки и граждане! Сегодня необычное весеннее Земское собрание. Нам ставили и ставят в упрек, почему при настоящем равноправии нам, женщинам, понадобился женский союз. Союз этот нам нужен для того, чтобы завоевать себе юридические права. Женщина, находящаяся в несравненно большем порабощении, чем мужчина, осталась более косной, – в особенности деревенская женщина» [21. С. 2]. А.П. Алексеева заявила об учреждении бюро труда, патронате для освобожденных уголовных преступниц, секции по борьбе с проституцией.

23 апреля впервые была рассмотрена резолюция о невозможности совмещения должности уездного комиссара Временного правительства с должностью председателя уездной земской управы. Пермское губернское собрание пошло на беспрецедентный шаг, приняв решение разграничить эти должности и провести выборы уездных комиссаров, что означало создание самостоятельного политического института, наделенного административно-распорядительными функциями. Комиссары и члены комиссариатов выбирались земствами с участием представителей общественных организаций. Количество членов комиссариата определялось в зависимости от местных условий: территории и численности населения уезда. Уездный комиссар должен был стать своего рода посредником, осуществлять связь через губернского комиссара с населением и Временным правительством. Действия уездных комиссаров согласовывались с исполнительными органами земского и городского самоуправления. Главной задачей было создание необходимых условий для укрепления демократического государственного строя и пресечения попыток возврата к старому строю: «Комиссариат действует с должной твердостью, быстротой и тактом во всех тех случаях, когда возникают местные осложнения, угрожающие общественной безопасности, и выясняет причины возникающих между общественными организациями и группами несогласий и прений, нося в этих случаях свое умиротворяющее, согласующее и направляющее влияние» [22. С. 34].

В результате перевыборов комиссаров в уездах, на смену профессиональным земским служащим пришли учителя, присяжные поверенные, прапорщики, на 10–20 лет моложе своих предшественников, как правило, придерживавшихся эсеровских взглядов [23. С. 206]. Именно на их плечи легла ответственность за происходящее в уездах и прилегающих волостях, где они в полной мере ощутили последствия крестьянского недовольства, нередко переходящего в бунты. Как управленцы, они оказались бессильными что-либо предпринять для обуздания народных волнений, а также пьяных погромов. Будучи демократическими по своему составу, и, не всегда имея управленческий опыт, комиссары не стремились в телеграммных сообщениях губернскому комиссару скрывать то, что могло вызвать панику или осознание безысходности ситуации, в отличие от земских служащих, что можно заметить при рассмотрении аналогичных документов.

20 июля уездный комиссар Кунгура И.А. Гиренко докладывал пермскому комиссару Б.А. Турчевичу о прошедшей в городе демонстрации, причиной которой стал отказ продовольственной управы выдать городскому населению сахар вне очереди. По просьбе городского головы управа вынуждена была пойти на уступки [19. Л. 3]. 15 августа помощник уездного комиссара Овчинников уведомил Турчевича о намерении произвести расследование и привлечь виновных к ответственности, уточнив при этом, какие меры следует предпринять и где найти средства на покрытие расходов, связанных с командировкой солдат в помощь начальникам милиции. В том же сообщении Овчинников дал понять, что применение силы необходимо, так как ситуация может выйти из-под контроля [19. Л. 3].

Наиболее сильный протест крестьян вызвало проведение в Кунгурском уезде мероприятий по второй сельскохозяйственной переписи, программа которой была разработана Всероссийским съездом земских, городских и правительственных статистиков в апреле 1917 г. [24. С. 284]. Соответствующее Положение было утверждено 9 мая Постановлением № 1 министра земледелия В.М. Чернова. Решение провести перепись в 1917 г. в условиях кризиса власти выглядело необдуманным и подрывало и без того слабый авторитет Временного правительства.

Ситуация вышла из-под контроля в августе 1917 г. В Березовской волости Кунгурского уезда военнослужащий 153-го пехотного запасного полка М. Коньков угрожал членам волостной управы за попытку «переписать скот». Ее председатель Шумков направил в уездную управу телефонограмму, в которой раскрывались детали нападения: «Михаил Коньков и рабочий Шаквинского завода Михаил Жуков произносили с бранью слова, и первый из них восхвалялся: “Не ходи мимо нас в комитет, зарежу или застрелю. Приду в комитет, застрелю председателя Шумкова и Старкова”, – о чем заявил всему народу, бывшему при описи. Оба были в пьяном виде. Коньков был ранее сужден Окружным судом за убийство человека. Волостная управа просит обратить на это серьезное внимание. В случае непринятия каких-либо мер, исполнение служебных обязанностей совершенно невозможно. Привлечь к ответственности и отправить в свою часть, как человека вредного Временному правительству…» [19. Л. 7–7 об.].

В том же уезде крестьяне Осинцовской волости набросились на членов управы со словами: «Надо разогнать и разбить вашу продовольственную управу, а всех вас комитетчиков выбросать» [19. Л. 9].

В Рождественской волости крестьяне открыто заявляли: «Новое Правительство не нужно, а нужно нам царя, так как при царе были порядки, и не было воров» [19. Л. 9].

В Рождественской волости начальник милиции Потапов в панике телеграфировал комиссару И.А. Гиренко: «Положение наше критическое. Что прикажете делать? Применить оружие в дело нет возможности без вашего разрешения» [19. Л. 11]. Помощник комиссара Овчинников в ответной телеграмме дал указание дальнейшим действиям: «В случае необходимости прошу применить силу оружия, но непременно добиться результатов. Будьте решительны!» [19. Л. 12].

С помощью угроз и уговоров перепись в Кунгурском уезде удалось провести частично. В этой связи интерес представляет доклад о выступлении крестьян с. Кочебехтино заведующего Всероссийской переписью С.Н. Рузанкина уездному комиссару И.А. Гиренко от 9 августа: «Когда мы явились на место переписи, где собралось крестьян около 20 человек, толпа... стала наносить нам оскорбления, называя нас немецкими ставленниками, татарскими и жидовскими посланниками. Регистраторам кричали: “Дайте нам Николая Второго и закон, тогда и приезжайте производить перепись”. Все наши убеждения привели к насмешкам со стороны и детей. Граждане бесцеремонно хватали нас за рукава и кричали: “Идите жать, а не писать. Нечего даром получать деньги”. Они называли нас “поликанами”, без воли Кочебахтинского схода низложившими с престола Николая Второго, в царствование которого было всего вдоволь» [19. Л. 21–21 об.]. Крестьянка Т.В. Коковкина подняла крик: «Ничего не дадим… пока не поставите нам царем Николая Второго. Временное правительство, комитеты, советы и все вообще существующие организации следует уничтожить к черту, ибо это правительство не дает народу ни крупчатки, ни сахару, ни ситцев…»[19. Л. 21–21 об.]. Крестьяне говорили, что «им земли не надо, у них ее лишней много, а потому и переписывать нечего, а лентяям, у кого земли мало, они своей земли не дадут» [19. Л. 21, 21 об.]. По словам самого заведующего переписью, на него посыпались оскорбления: «У тебя вон рожа какая светлая-то, ты бык-быком, видно, что не ломаный на нашей работе. Пойдем-ка со мной в поле жать, так и узнаешь, как мы добываем хлеб-то. Погника поди-ка спину-то… Земли всем хватит, а если где и не хватит, то приходи ко мне. Я дам, – у меня лишней много» [19. Л. 23 об., 24].

Уездный комиссар И.А. Гиренко не терял надежды разрешить ситуацию мирным путем: ездил по волостям, пытаясь по-хорошему убедить крестьян позволить провести перепись. Но ему, в прошлом участнику Русско-Японской войны и полному Георгиевскому кавалеру, лишь отвечали: «Сгинь, ты, дармоед, с глаз! Получил кресты да медали и величается!» [19. Л. 26 об.].

В Осинском уезде крестьяне начали вырубать лес и захватывать владения. Местная охрана бездействовала, так как сил подавить превосходящих по численности и вооруженных вилами и топорами крестьян, было недостаточно [19. Л. 78].

19 октября уездный комиссар (предположительно, О.И. Аршуков) срочно просил Б.А. Турчевича о высылке подкрепления: «Ввиду возобновления массовых порубок леса, прошу Вас, Господин комиссар, сделать распоряжение о командировании… команды солдат в 50 человек, так как имеющихся в моем распоряжении 86 солдат… будет недостаточно» [19. Л. 103]. 22 октября уездный комиссар получил телеграмму из Перми, об обещании губернского комиссара выслать

отряд и необходимости принять меры «по недопущению беспорядков». В той же телеграмме охране Федоровского завода разрешалось уничтожение спирта, но «в исключительных случаях» [19. Л. 103].

Другой документ – прошение уполномоченного Московского лесопромышленного товарищества Н.Я. Гренадера губернскому комиссару от 20 октября о вырубке леса: «Уже несколько раз Камбарские сельские комитеты Осинского уезда запрещали всякие рубки и вывозки леса. Сами же комитеты самовольно вырубили лес моего доверителя, учинили ему убытки на несколько десятков тысяч рублей, и до сих пор остались не наказаны. Главное играют роли одной анархической семьи, под названием Манохины. Их цель исключительно одеть шубы с настоящей революции. Кроме того, все операции, работающие на оборону государства, приостановились. Вопиющее это самоуправство» [19. Л. 69].

В ноябре губернский комиссар получил известия о переходе всей полноты власти в Осинском уезде к временно-революционному комитету, на котором в ходе голосования были выбраны представители в Учредительное собрание. Этот эпизод свидетельствует о непринятии Осинским ВРК перехода власти в руки большевиков в Петрограде. Будущее государственного устройства должно было решиться законным путем, независимо от преобладания членов какой-либо партии в советах.

17 августа прошли выборы уездного комиссара в Соликамском уезде. На эту должность был назначен П.А. Орлов [25. С. 12]. Он также столкнулся с проблемой самовольной вырубки леса и направил губернскому комиссару телеграмму с просьбой оказать содействие в принятии срочных мер.

В Белоярской волости Екатеринбургского уезда сформировался «Совет рабочих депутатов асбестовых рудников», члены которого 5 октября направили письмо – обращение в Окружной совет рабочих и солдатских депутатов по поводу расхищения изумрудных копий. Машинописная копия была заверена у екатеринбургского нотариуса И.П. Бильневича и направлена губернскому комиссару купцом В.И. Липиным 7 октября, очевидно, владельцем копий, с отсылкой на обращение совета: «В районе Белоярской волости у меня имеются изумрудные копи. На копях этих началось безобразное хищение минералов. Прошу сделать распоряжение о принятии энергичных мер к освобождению моих копий от хищников…» [19. Л. 175].

Члены «совета» были всерьез обеспокоены беспрепятственным разворовыванием природных богатств, обвиняли уездного комиссара в бездействии. Ими было составлено обращение в Окружной совет: «…Хищнические работы на изумрудных рудниках приняли настолько анархический характер, что дальнейшее промедление в принятии мер грозит весьма серьезными последствиями… Совет асбестовых рудников, стоя на точке зрения охранения государственных богатств, как достояния всего народа, не может допустить, чтобы эти богатства расхищались… путем, ведущим к полному разнузданию народных масс в этой игре на счастье» [19. Л. 175]. Как следовало из обращения, «туда являлись всякий сброд, преступники, дезертиры и отъявленные хулиганы» [19. Л. 175].

В том же уезде управляющий Тюбукским имением (ныне с. Тюбук в Каслинском районе Челябинской области) телеграфировал губернскому комиссару: «Крестьяне сел Булзей, Караболки и Аллак беспощадно вырубают лес. Деревья вывозятся тысячами. Гибнет вековой редкостный сосновый бор. Земельные комитеты участвуют в расхищении. Необходимы самые энергичные меры, иначе через неделю будет поздно» [19. Л. 156]. В июне 1919 г. село Булзи будет освобождено 5-й стрелковой дивизией 43-го полка под командованием будущего героя Сталинградской битвы В.И. Чуйкова [26. С. 320].

В Ирбитском узде 27 ноября комиссар С.В. Антонов телеграфировал Б.А. Турчевичу: «Солдаты местного гарнизона начали разгром винного склада. Экстренно командируйте две-три сотни казаков. Ожидается разгром магазинов» [19. Л. 130]. В свою очередь начальник милиции М.Н. Трапезников в телеграмме запросил о помощи губернского комиссара: «Сегодня разгромлен казенный винный склад солдатами. Шлите немедленно казаков для защиты. Силы нет» [19. Л. 131]. 29 ноября С.В. Антонов, очевидно не дождавшись помощи, телеграфировал уже о последствиях погрома: «Грабеж магазинов. Три магазина горят. Без казаков нет спасения. Погромщиками командует прапорщик. Фамилию не знаю» [19. Л. 136]. Начальник милиции на этот раз сообщал губернскому комиссару: «Крестьяне везут водку из деревни. Жду погрома в уезде» [19. Л. 135]. В его следующей телеграмме говорилось о последствиях погрома: «Много вина увезено в уезд. Были попытки разгрома продовольственных управ, кредитных товариществ. Принятыми мерами порядок восстанавливается» [19. Л. 135].

Из телеграмм комиссара Л.А. Будрина по Шадринскому уезду от 15 и 16 ноября: «Разгром винного склада остановлен, однако, положение тяжелое. Организована охрана города. Происходят вооруженные стычки. Есть убитые и раненные. Учреждения закрыты. Отправка хлеба остановлена. Из тюрьмы бежали арестованные. Гарнизон перепился. Срочно окажите помощь» [19. Л. 37]. Губернский комиссар Б.А. Турчевич отдал соответствующее распоряжение Камышловскому уездному комиссару А.П. Чечеткину отправить в Шадринск воинскую команду, о чем узнаем из телеграммы Л.А. Будрина от 20 ноября: «Разгром склада остановлен. Вино разлито. Спирт выпущен. Организованная самоохрана действует энергично. Попытки погрома учреждений отражены. Положение несколько улучшилось. Порядок в городе восстановлен. Прибыла команда в 200 человек» [19. Л. 37].

Проблема распития алкоголя давно беспокоила пермские власти. Еще 6 апреля на заседании совета общественных организаций Перми, в зале губернской земской управы была избрана особая комиссия по организации борьбы с пьянством. 8 апреля комиссия разработала план мероприятий: чтение лекций, устройство народных концертов с участием местных музыкальных деятелей – А.Д. Городцова и М.И. Гильдина,

организация концертов в общественных садах с участием церковного хора и оркестра, устроение в церквях бесед на политические темы, организация экскурсий, открытие чайных и квасных. Увы, в губернском земстве не располагали полнотой сведений о том, каких масштабов достигла проблема пьянства.

19 октября в Верхотурском уезде местный совет занял здание Кушвинского коммерческого собрания. Члены собрания направили уведомление губернскому комиссару: «Помещение советом занято, и нам предложено немедленно вывезти свое имущество. На месте жаловаться некому, так как начальник милиции устранен, а самочинно исполняющий его обязанности, ставленник совета. Просим вас, господин комиссар, оказать нам немедленное содействие к восстановлению нашего права и к устранению самовольных действий Совета Р. и С.Д.» [19. Л. 222–222 об.].

25 октября губернскому комиссару из милиции северной части Верхотурского уезда была направлена телеграмма с предложением организовать комитет по борьбе с анархией ввиду произошедших событий: «Пьяный комиссар А.В. Тюфтяев вломился в здание думы. Сейчас прапорщик Сучков смертельно ранил помощника комиссара К.Н. Лекомцева. Положение угрожающее» [19. Л. 210].

В том же уезде имел место случай принятия незаконного, по сути, решения Кушвинского совета. Об этом свидетельствует документ – обращение губернского комиссара Б.А. Турчевича к комиссару южной части Верхотурского уезда М.Н. Ветлугину с просьбой разобраться, на каком основании было закрыто питейное заведение: «Коммерческий клуб как место азартных игр и продажи спиртных напитков по требованию исполнительного комитета Кушвинского совета рабочих закрыт. Прошу Вас, путем производства дознания, выяснить и сообщить мне обстоятельства настоящего дела» [19. Л. 221]. Б.А. Турчевич приказал Ветлугину обратиться в исполком Кушвинского совета и напомнить, что «клуб может быть закрыт лишь по постановлению судебной власти» [19. Л. 221–221 об.].

В Пермском уезде председатель земского собрания Н.В Павлов на заседании 12 марта подчеркнул необходимость проведения выборов в Учредительное собрание: «Старый строй рухнул. Усилиями Государственной Думы и граждан Петрограда власть перешла к Временному народному правительству. В избрании членов Учредительного собрания должен принять участие весь народ. Задачей будет: установить в России образ правления, решить: будет ли у нас монархия конституционная или республика демократическая… Если для нас, представителей интеллигенции, и для организационных рабочих легко разобраться в разных политических вопросах, то для крестьян это будет трудно» [27. С. 49]. После данного обращения Н.В. Павлов предложил послать приветственные телеграммы председателю Государственной думы М.В. Родзянко, председателю Временного правительства князю Г.Е. Львову, Совету рабочих и солдатских депутатов и Главнокомандующему русской армией.

В Пермском уезде больше, чем где-либо, уделялось внимание организации милиции. Во главе ее должен был стоять уездный комитет общественной безопасности в составе из 9 человек: один – от уездного собрания, два – от советов рабочих и солдатских депутатов, три – от волостных советов, один – от союза земских служащих. Возглавлять уездную милицию должны были уездный комиссар и начальник милиции. 14 марта пермским уездным начальником милиции был назначен присяжный поверенный М.И. Наговицын.

Охрана общественного порядка включала: составление протоколов преступлений, производство предварительного дознания, производство арестов по предписанию судебных постановлений. В обязанности милиции входило наблюдение за военнопленными, конвоирование преступников, а также исполнение разных поручений уездного начальника милиции и судебных властей [28. С. 57]. Уездный комиссар и Комитет общественной безопасности должны были разработать проект инструкции, регламентирующей деятельность милиционеров.

17 апреля в здании пермской уездной управы проходил съезд представителей от волостных советов рабочих и солдатских депутатов с участием гласных. Съезд открылся предложением убрать из зала управы портрет Александра II, после чего член исполнительного комитета Государственной Думы М.А. Сигов призвал всех «к объединенной дружной работе на пользу возродившейся России» [29. С. 21]. Присутствие Сигова не было случайным. Его миссия состояла в подготовке трудящихся Урала к выборам в Учредительное собрание и проведению реформ [30. С. 295]. На этом съезде прошли выборы в уездный продовольственный комитет, в который были избраны 18 человек, включая двух рабочих Лысьвенского завода. Участники также отметили бездеятельность Комитета общественной безопасности и начальника уездной милиции [29. С. 24].

В процессе организации милиции возникли трудности. Среди них – недостаток средств и отсутствие желающих. М.И. Наговицын отмечал: «Оставались было прежние полицейские стражники, но теперь по распоряжению военного начальства все они призваны в войска. Теперь при уездной милиции нет милиционеров, кроме двух стариков и одной женщины, некому нести караульную службу, некому разносить пакеты, некому сопровождать арестованных. Приходится арестованных посылать с женщинами» [31. С. 8].

18 апреля 1917 г. на 48-й чрезвычайной сессии пермского уездного земского собрания гласный Н.А. Вармунд подчеркнул, что обязанности уездного комиссара неразрывно связаны с обязанностями председателя управы, поэтому необходимо выбрать того, кто смог бы совместить две должности. В вечернем заседании собрание постановило разграничить обязанности, руководствуясь разъяснениями представителя губернского комиссариата С.И. Болдырева: «Признать, что земское собрание правомочно избрать кандидата в уездные комиссары» [31. С. 8]. Временно исполняющим обязанности уездного комиссара был назначен председатель управы А.М. Варушкин.

На заседании 28 мая А.М. Варушкин заявил о невозможности находиться в должности военного комиссара: «Месячный опыт показал, что исполнение обязанностей

по той и другой должности во всем объеме для одного лица непосильно. Поэтому я должен просить собрание о выборе отдельного комиссара. С другой стороны, Временное правительство указывает, что частая смена комиссаров нежелательна. Я прошу собрание обсудить этот серьезный вопрос с должным вниманием» [32. С. 33].

31 мая на заседании пермского уездного земского собрания вновь рассматривался вопрос о выборах уездного комиссара. Гласный Н.А. Вармунд заявил: «Не было кандидата, нет его и в настоящее время» [33. С. 82]. Собрание постановило образовать уездный комиссариат из четырех лиц: двух по выбору земского собрания, одного из местной уездной или окружной рабочей организации и одного из крестьянского союза. На уездный комиссариат возлагалась обязанность вести работу по выборам в Учредительное собрание, способствовать проведению в жизнь «всех мер» Временного правительства. Выразив благодарность гласным за оказанное ему доверие, А.М. Варушкин посчитал нужным предупредить: «Подчиняюсь вашему решению, но могу исполнять обязанности комиссара лишь до одного из ближайших земских собраний» [33. С. 82]. 23 июня он прямо заявил, что ему крайне трудно исполнять обязанности уездного комиссара.

В тот же день были проведены выборы в уездный комиссариат. Его членами были объявлены Н.А. Вармунд и А.А. Тимофеев, которые согласились войти в состав комиссариата без вознаграждения и не на постоянной основе [33. С. 85].

Тем не менее пермская уездная управа посчитала необходимым поставить перед губернским собранием вопрос об изыскании средств на содержание уездного комиссариата: «Выборов комиссаров не произведено, потому что не было кандидатов. Уездным собранием было решено образовать в помощь комиссару уездный платный комиссариат из четырех лиц, с вознаграждением им до 250 руб. в месяц каждому, а на всех с расходами на канцелярию – до 1500 руб. в месяц» [34. С. 162]. 10 июня пермский губернский комиссар сообщил, что утверждению Временным правительством подлежит он сам, его помощник и уездные комиссары. При этом прочие лица, не являющиеся представителями власти Временного правительства, в утверждении не нуждаются, и комиссары могут привлекать к управлению лиц, пользующихся доверием населения. Губернский комиссар посчитал преждевременным ходатайствовать о постоянном окладе содержания членам уездного комиссариата: «По существующим правилам, члены могут быть вознаграждаемы суточными из авансов, ассигнуемых в распоряжение уездного комиссара» [34. С. 163]. 7 июня управа поставила в известность пермское губернское земство о невозможности организовать уездный комиссариат.

В Чердынском уезде, ввиду отдаленности от губернского центра и несложившегося рабочего класса, революционные события развивались иначе. Заводов и фабрик в уезде почти не было, исключение составляли небольшой лесопильный завод и судоверфь братьев Могильниковых. До декабря 1917 г., благодаря совместной работе земства и совета рабочих и солдатских депутатов, здесь сохранялось двоевластие.

7 марта в Чердыни была упразднена полиция. Городской голова С.А. Верещагин докладывал губернскому комиссару Е.Д. Калугину: «Чины полиции, а также уездная стража, проживающая в городе, мною разоружены и устранены 7 числа в 5 часов вечера» [35. Л. 4].

Первым уездным комиссаром стал бывший председатель Чердынской земской управы А.И. Вотяков. Однако в организации милиции ни городская дума, ни уездный комиссар деятельного участия не приняли. Дума лишь обратилась к населению с призывом поступить на службу в городскую милицию и избрать начальника: «Начальники милиции должны исполнять предложения комиссаров, направленных к охране государственного порядка и безопасности личности и имущества граждан» [35. Л. 2].

27 октября в Чердыни были получены первые известия о восстании в Петрограде. Уездный комиссар А.И. Вотяков заявил: «Нам теперь нужно говорить не о власти, а о соблюдении тишины и спокойствия в стране» [35. Л. 2]. «Ввиду опасного положения страны» в городе был организован временный революционный комитет.

29 октября Чердынский Совет рабочих и солдатских депутатов не поддержал захват власти большевиками: «Признать в настоящее время передачу власти Советам вредной для дела революции» [35. Л. 3].

26 октября в Перми проходило Совещание демократических организаций, на котором была дана резко отрицательная оценка октябрьским событиям. Назвав их переворотом, участники Совещания выступили в поддержку Учредительного собрания. Революционный комитет, сформированный из представителей большевиков, меньшевиков и эсеров, настаивал на сохранении должности губернского комиссара. 1 ноября большевики покинули ревком, а 14 ноября было объявлено о сложении его полномочий [9. С. 134].

Переходя к выводам, отметим, что в Пермской губернии в тот период сложились благоприятные условия, когда земства, а также представители различных общественно-политических объединений имели возможность проведения демократических реформ. На фоне противоречивой и непоследовательной политики Временного правительства советы набирали все большую популярность.

Известия об отречении царя, как и о других важных политических событиях, в сельскую среду приходили с запозданием. Пермские крестьяне сочувствовали Николаю II, разводили руками и вздыхали, узнав о его аресте. В то же время обычным явлением становятся самовольные захваты земель и лесных угодий. Попытки остановить крестьян и выявить зачинщиков заканчивались неудачей, ввиду отсутствия у комиссаров политических рычагов. Серьезным просчетом было отсутствие финансирования.

С должностью комиссара был сопряжен ряд трудностей, связанных как с неграмотностью, так и с ухудшающейся социально-политической ситуацией. Новоиспеченным управленцам пришлось заниматься решением таких вопросов, как борьба с уголовной преступностью, проблема алкоголизма, реализация политического курса Временного правительства. Комиссары

должны были взаимодействовать с комитетами общественной безопасности, милицией, исполкомами советов, продовольственными управами, коммерческими обществами, продолжавшими функционировать после падения монархии. Все они поддерживали Временное правительство как единственно законное и ожидали созыва Учредительного собрания.

Политическая устойчивость советов свидетельствует о координации их действий Петроградским советом, равно как и способность взять инициативу в свои руки, что будет особенно заметно в период нахождения Перми под властью Колчака в первой половине 1919 г. Если верить данным Ю.Я. Яркова, то летом количество советов в Пермской губернии было 170 [8. С. 59], а уездных комиссаров с неясно выстроенной структурой и кадровой политикой – по одному на уезд.

Проект создания института комиссаров Временного правительства не был проработан до конца, и его реализация препятствовала работе земств. В немалой степени этому способствовало создание целой сети «демократических организаций» – разного рода советов, комитетов и лиг, что расшатывало политическую ситуацию. Тем не менее земства готовы были к демократическим преобразованиям, но эти преобразования не должны были выходить за рамки полномочий, и о сложении их с себя гласные пермской губернской управы заявили уже в конце марта.

Поддерживавшие Временное правительство гласные пермского земства не имели четких инструкций по реализации его указов. Выдвигая на первый план обеспечение общественной безопасности и охрану государственного имущества, гласные перешли к образованию милиции, подотчетной уездному комиссару, функции которого не были определены. Вхождение в состав земства демократических элементов ускорило потерю земством контроля над общественно-политической ситуацией и привело к экономическому кризису. Это, в свою очередь, усилило влияние левых сил, позволяя им играть на настроениях масс и лавировать между различными политическими течениями.

Пермское духовенство осудило отречение царя и не поддержало Временное правительство. Будучи ревностными приверженцами монархического строя, священнослужители не могли участвовать в демократических преобразованиях. Их попытки выступать с проповедями в наиболее людных местах пресекались земствами. На одном из заседаний пермского уездного собрания Отец Анисимов, выступая в защиту прежней системы образования, подчеркнул: «Земская школа служила самодержавию, православию и народности» [28. С. 55].

И уездные комиссары, и уездные милиционеры просили губернского комиссара об одном и том же: выслать подкрепление для подавления солдатских бунтов, для пресечения попыток захвата земель и лесных угодий крестьянами. Управляющие уральских заводов, лесопромышленных товариществ и помещичьих имений обращались напрямую к губернскому комиссару с просьбой помочь остановить расхищение казенного имущества и захват земель, прекратить вырубку леса.

Таким образом, созданный по инициативе Временного правительства институт губернских и уездных комиссаров себя не оправдал. Невозможность вывести страну из кризиса ускорило переход власти в руки уральских большевиков. Провозглашение в Петрограде первого рабоче-крестьянского правительства стало закономерным итогом политической борьбы в 1917 г.

Список источников

1. Плешкевич Е.А. Органы государственной власти и управления правительств демократической контрреволюции и диктатуры А.В. Колчака на Урале (1917–1919 гг.) : дис. … канд. ист. наук. Челябинск, 2002. 289 с.
2. Баженова Т.М. Институт губернских и уездных комиссаров Временного правительства // Государственный аппарат. Историко-правовые исследования. 1975. № 44. С. 75–86.
3. Шишкин В.И. Революционный процесс в Сибири в 1917 году: от Февраля к Октябрю // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 4 (48). С. 257–298. doi: 10.32516/2303-9922.2023.48.13.
4. Сафонов Д.А. Провинция в Февральской революции // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24, № 1. С. 20–25. doi: 10.15372/HSS20170103.
5. Чудаков О.В. Становление института комиссаров Временного правительства в Сибири // Омский научный вестник. 2013. № 1 (115). С. 15–18.
6. Дерябина Е.С. Проблемы правового регламентирования местного самоуправления в России в условиях двоевластия (февраль-октябрь 1917 года) // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 5. С. 58–62.
7. Кабытова Н.Н. Структуры местной власти в период российской революции 1917 года // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2018. № 2 (30). С. 46–55.
8. Ярков Ю.М. Становление органов государственной власти и массовых общественных организаций в Пермской губернии (март-октябрь 1917 г.): специальность 07.00.02 «Отечественная история» : дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000. 289 с.
9. Обухов Л.А. Управление Пермским Прикамьем в период революции и Гражданской войны, 1917–1919 годы // История местного управления и самоуправления в Пермском крае / под ред. И.К. Кирьянова. Пермь: 2021. С. 127–151.
10. Пысин А.А. Губернские и Уездные комиссары Временного правительства в Пермской губернии: персональный состав // Архивы Урала. 2022. № 26. С. 58–74.
11. Пысин А.А. Общественные настроения жителей Пермской губернии в 1917 году // Архивы Урала. 2019. № 23. С. 374–383.
12. Пермская земская неделя. 1917. 12 марта. № 10. С. 3–39.
13. Журнал за 7 марта 1917 г. № 1 // Журналы Пермского губернского земского собрания 60-й чрезвычайной сессии. С. 3–6.
14. Пермская земская неделя. 1917. 19 марта. № 11. С. 25.
15. Журнал за 8 марта 1917 г. № 2 // Журналы Пермского губернского земского собрания 60-й чрезвычайной сессии. С. 6–16.
16. Журнал за 9 марта 1917 г. № 3 // Журналы Пермского губернского земского собрания 60-й чрезвычайной сессии. С. 16–25.
17. Пермская земская неделя. 1917. 11 апреля. № 14. С. 26–28.
18. Доклад Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию, 20 марта 1917 г. // Журналы Пермского губернского земского собрания 61-й чрезвычайной сессии. С. 52–56.
19. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 167. Оп. 2. Д. 38.

20. Пермская земская неделя. 1917. 30 апреля. № 16. С. 5.
21. Журнал за 20 апреля 1917 г. № 1 // Журналы Пермского губернского земского собрания 61-й чрезвычайной сессии. С. 1–6.
22. Журнал за 23 апреля 1917 г. № 5 // Журналы Пермского губернского земского собрания 61-й чрезвычайной сессии. С. 22–35.
23. Пысин А.А. Деятельность института комиссаров Временного правительства в Пермской губернии // Ноябрьские историко-архивные чтения в Пермском партархиве: материалы научной конференции, 16–17 ноября 2016 года. Пермь : Пушка, 2017. С. 203–212.
24. Федорова И.С. Специфический источник по генеалогии российского крестьянства – первичные материалы сельскохозяйственной переписи 1917 г. // Вестник архивиста. 2010. № 4. С. 282–288.
25. Соликамская уездная газета: издание Соликамского уездного земства. 22 сентября 1917 г. № 8–9. С. 12.
26. Попов Н.Ю. История села Булзи // Генеалогия и архивы: материалы второй региональной научно-практической конференции, Челябинск, 19 сентября 2020 года. Челябинск : Б. и., 2020. С. 314–322.
27. Журнал № 1 за 13 марта 1917 г. 46-й чрезвычайной сессии // Журналы Пермского уездного земского собрания 45-й и 46-й чрезвычайных сессий 1917 года. Доклады управы с приложениями. С. 48–51.
28. Журнал № 2 за 14 марта 1917 г. 46-й чрезвычайной сессии // Журналы Пермского уездного земского собрания 45-й и 46-й чрезвычайных сессий 1917 года. Доклады управы с приложениями. С. 51–58.
29. Протокол съезда представителей от волостных советов рабочих и солдатских депутатов 17 апреля 1917 г. // Журналы Пермского уездного земского собрания 47-й, 48-й и 49-й чрезвычайных сессий 1917 года. С. 21–24.
30. Мазур В.А. Подвиг любви. К 120-летию со дня рождения Михаила Алексеевича и Ольги Васильевны Сиговых // Известия Уральского государственного университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2008. Т. 56, № 23. С. 292–302.
31. Журнал № 2 за 18 апреля 1917 г. 47-й чрезвычайной сессии // Журналы Пермского уездного земского собрания 47-й, 48-й и 49-й чрезвычайных сессий 1917 года. Доклады управы с приложениями. С. 6–10.
32. Журнал № 1 за 28 мая 1917 г. 48-й чрезвычайной сессии // Журналы Пермского уездного земского собрания 47-й, 48-й и 49-й чрезвычайных сессий 1917 года. Доклады управы с приложениями. С. 28–33.
33. Журнал № 6 за 31 мая 1917 г. 48-й чрезвычайной сессии // Журналы Пермского уездного земского собрания 47-й, 48-й и 49-й чрезвычайных сессий 1917 года. Доклады управы с приложениями. С. 76–86.
34. Об уездном комиссаре и уездном комиссариате // Журналы Пермского уездного земского собрания 47-й, 48-й и 49-й чрезвычайных сессий 1917 года. Доклады управы с приложениями. С. 162–163.
35. ГАПК. Ф. 708. Оп. 1. Д. 1.

References

1. Pleshkevich, E.A. (2002) *Organy gosudarstvennoy vlasti i upravleniya pravitel'stv demokraticheskoy kontrrevolyutsii i diktatury A.V. Kolchaka na Urale (1917–1919 gg.)* [Bodies of State Power and Administration of the Governments of the Democratic Counter-Revolution and the Dictatorship of A.V. Kolchak in the Urals (1917–1919)]. History Cand. Diss. Chelyabinsk. 289 p.
2. Bazhenova, T.M. (1975) Institut gubernskikh i uezdnykh komissarov Vremennogo pravitel'stva [The institution of provincial and district commissars of the Provisional Government]. *Gosudarstvennyy apparat. Istoriko-pravovye issledovaniya – State Apparatus. Historical and Legal Research*. 44. pp. 75–86.
3. Shishkin, V.I. (2023) Revolyutsionnyy protsess v Sibiri v 1917 godu: ot Fevralya k Oktyabryu [The revolutionary process in Siberia in 1917: from February to October]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyy nauchnyy zhurnal – Bulletin of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*. 4 (48). pp. 257–298. doi: 10.32516/2303-9922.2023.48.13
4. Safonov, D.A. (2017) Provintsiya v Fevral'skoy revolyutsii [The province in the February Revolution]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanities in Siberia*. 24 (1). pp. 20–25. doi: 10.15372/HSS20170103
5. Chudakov, O.V. (2013) Stanovlenie instituta komissarov Vremennogo pravitel'stva v Sibiri [The formation of the institution of commissars of the Provisional Government in Siberia]. *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin*. 1 (115). pp. 15–18.
6. Deryabina, E.S. (2014) Problemy pravovogo reglamentirovaniya mestnogo samoupravleniya v Rossii v usloviyakh dvoevlastiya (fevral'-oktyabr' 1917 goda) [Problems of legal regulation of local self-government in Russia under dual power (February–October 1917)]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian Legislation*. 5. pp. 58–62.
7. Kabytova, N.N. (2018) Struktury mestnoy vlasti v period rossiyskoy revolyutsii 1917 goda [Structures of local power during the Russian Revolution of 1917]. *Vestnik MGPU. Seriya: Istoricheskie nauki – Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Series: Historical Sciences*. 2 (30). pp. 46–55.
8. Yarkov, Yu.M. (2000) *Stanovlenie organov gosudarstvennoy vlasti i massovykh obshchestvennykh organizatsiy v Permskoy gubernii (mart-oktyabr' 1917 g.)* [The Formation of State Power Bodies and Mass Public Organisations in Perm Governorate (March–October 1917)]. History Cand. Diss. Ekaterinburg. 289 p.
9. Obukhov, L.A. (2021) Upravlenie Permskim Prikam'em v period revolyutsii i Grazhdanskoy voyny, 1917–1919 gody [Administration of the Perm Kama Region during the Revolution and Civil War, 1917–1919]. In: Kir'yanov, I.K. (ed.) *Istoriya mestnogo upravleniya i samoupravleniya v Permskom krae* [History of Local Administration and Self-Government in the Perm Region]. Perm. pp. 127–151.
10. Pysin, A.A. (2022) Gubernskie i Uezdnye komissary Vremennogo pravitel'stva v Permskoy gubernii: personal'nyy sostav [Provincial and district commissars of the Provisional Government in Perm Governorate: personal composition]. *Arkhivy Urala – Archives of the Urals*. 26. pp. 58–74.
11. Pysin, A.A. (2019) Obshchestvennye nastroeniya zhiteley Permskoy gubernii v 1917 godu [Public moods of the inhabitants of Perm Governorate in 1917]. *Arkhivy Urala – Archives of the Urals*. 23. pp. 374–383.
12. *Permskaya zemskaya nedelya* [Perm Zemstvo Week]. (1917) 12 March. No. 10. pp. 3–39.
13. *Zhurnal za 7 marta 1917 g. № 1* [Journal for 7 March 1917 No. 1]. In: *Zhurnaly Permskogo gubernskogo zemskogo sobraniya 60-y chrezvychaynoy sessii* [Journals of the Perm Provincial Zemstvo Assembly of the 60th Extraordinary Session]. pp. 3–6.
14. *Permskaya zemskaya nedelya* [Perm Zemstvo Week]. (1917) 19 March. No. 11. p. 25.
15. *Zhurnal za 8 marta 1917 g. № 2* [Journal for 8 March 1917 No. 2]. In: *Zhurnaly Permskogo gubernskogo zemskogo sobraniya 60-y chrezvychaynoy sessii* [Journals of the Perm Provincial Zemstvo Assembly of the 60th Extraordinary Session]. pp. 6–16.
16. *Zhurnal za 9 marta 1917 g. № 3* [Journal for 9 March 1917 No. 3]. In: *Zhurnaly Permskogo gubernskogo zemskogo sobraniya 60-y chrezvychaynoy sessii* [Journals of the Perm Provincial Zemstvo Assembly of the 60th Extraordinary Session]. pp. 16–25.
17. *Permskaya zemskaya nedelya* [Perm Zemstvo Week]. (1917) 11 April. No. 14. pp. 26–28.
18. *Doklad Permskoy gubernskoy zemskoy upravy Permskomu gubernskomu zemskomu sobraniyu, 20 marta 1917 g.* [Report of the Perm Provincial Zemstvo Board to the Perm Provincial Zemstvo Assembly, 20 March 1917]. In: *Zhurnaly Permskogo gubernskogo zemskogo sobraniya 61-y chrezvychaynoy sessii* [Journals of the Perm Provincial Zemstvo Assembly of the 61st Extraordinary Session]. pp. 52–56.
19. State Archive of Perm Krai (GAPK). Fund 167. List 2. File 38.
20. *Permskaya zemskaya nedelya* [Perm Zemstvo Week]. (1917) 30 April. No. 16. p. 25.
21. *Zhurnal za 20 aprelya 1917 g. № 1* [Journal for 20 April 1917 No. 1]. In: *Zhurnaly Permskogo gubernskogo zemskogo sobraniya 61-y chrezvychaynoy sessii* [Journals of the Perm Provincial Zemstvo Assembly of the 61st Extraordinary Session]. pp. 1–6.
22. *Zhurnal za 23 aprelya 1917 g. № 5* [Journal for 23 April 1917 No. 5]. In: *Zhurnaly Permskogo gubernskogo zemskogo sobraniya 61-y chrezvychaynoy sessii* [Journals of the Perm Provincial Zemstvo Assembly of the 61st Extraordinary Session]. pp. 22–35.

23. Pysin, A.A. (2017) [Activity of the institution of commissars of the Provisional Government in Perm Governorate]. *Noyabr'skie istoriko-arkhivnye chteniya v Permskom partarkhive* [November Historical and Archival Readings in the Perm Party Archive]. Proceedings of the Conference, 16–17 November 2016. Perm: Pushka. pp. 203–212. (In Russian).
24. Fedorova, I.S. (2010) Spetsificheskiy istochnik po genealogii rossiyskogo krest'yanstva — pervichnye materialy sel'skokhozyaystvennoy perepisi 1917 g. [A specific source on the genealogy of the Russian peasantry — primary materials of the 1917 agricultural census]. *Vestnik arkhivista – Bulletin of the Archivist*. 4. pp. 282–288.
25. *Solikamskaya uezdnaya gazeta: izdanie Solikamskogo uezdnogo zemstva* [Solikamsk District Newspaper: Publication of the Solikamsk District Zemstvo]. (1917) 22 September. No. 8–9. p. 12.
26. Popov, N.Yu. (2020) [True stories]. *Genealogiya i arkhivy* [Genealogy and Archives]. Proceedings of the Second Regional Conference, Chelyabinsk, 19 September 2020. Chelyabinsk: B.i. pp. 314–322. (In Russian).
27. *Zhurnal № 1 za 13 marta 1917 g. 46-y chrezvychaynoy sessii* [Journal No. 1 for 13 March 1917 of the 46th Extraordinary Session]. In: *Zhurnaly Permskogo uezdnogo zemskogo sobraniya 45-y i 46-y chrezvychaynykh sessiy 1917 goda. Doklady upravy s prilozheniyami* [Journals of the Perm District Zemstvo Assembly of the 45th and 46th Extraordinary Sessions of 1917. Reports of the Board with Appendices]. pp. 48–51.
28. *Zhurnal № 2 za 14 marta 1917 g. 46-y chrezvychaynoy sessii* [Journal No. 2 for 14 March 1917 of the 46th Extraordinary Session]. In: *Zhurnaly Permskogo uezdnogo zemskogo sobraniya 45-y i 46-y chrezvychaynykh sessiy 1917 goda. Doklady upravy s prilozheniyami* [Journals of the Perm District Zemstvo Assembly of the 45th and 46th Extraordinary Sessions of 1917. Reports of the Board with Appendices]. pp. 51–58.
29. *Protokol s"ezda predstaviteley ot volostnykh sovetov rabochikh i soldatskikh deputatov 17 aprelya 1917 g.* [Protocol of the Congress of Representatives from Volost Soviets of Workers' and Soldiers' Deputies, 17 April 1917]. In: *Zhurnaly Permskogo uezdnogo zemskogo sobraniya 47-y, 48-y i 49-y chrezvychaynykh sessiy 1917 goda* [Journals of the Perm District Zemstvo Assembly of the 47th, 48th and 49th Extraordinary Sessions of 1917]. pp. 21–24.
30. Mazur, V.A. (2008) Podvig lyubvi. K 120-letiyu so dnya rozhdeniya Mikhaila Alekseevicha i Ol'gi Vasil'evny Sigovykh [A feat of love. On the 120th anniversary of the birth of Mikhail Alekseevich and Olga Vasilievna Sigov]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury – Proceedings of the Ural State University. Series 1: Problems of Education, Science and Culture*. 56 (23). pp. 292–302.
31. *Zhurnal № 2 za 18 aprelya 1917 g. 47-y chrezvychaynoy sessii* [Journal No. 2 for 18 April 1917 of the 47th Extraordinary Session]. In: *Zhurnaly Permskogo uezdnogo zemskogo sobraniya 47-y, 48-y i 49-y chrezvychaynykh sessiy 1917 goda. Doklady upravy s prilozheniyami* [Journals of the Perm District Zemstvo Assembly of the 47th, 48th and 49th Extraordinary Sessions of 1917. Reports of the Board with Appendices]. pp. 6–10.
32. *Zhurnal № 1 za 28 maya 1917 g. 48-y chrezvychaynoy sessii* [Journal No. 1 for 28 May 1917 of the 48th Extraordinary Session]. In: *Zhurnaly Permskogo uezdnogo zemskogo sobraniya 47-y, 48-y i 49-y chrezvychaynykh sessiy 1917 goda. Doklady upravy s prilozheniyami* [Journals of the Perm District Zemstvo Assembly of the 47th, 48th and 49th Extraordinary Sessions of 1917. Reports of the Board with Appendices]. pp. 28–33.
33. *Zhurnal № 6 za 31 maya 1917 g. 48-y chrezvychaynoy sessii* [Journal No. 6 for 31 May 1917 of the 48th Extraordinary Session]. In: *Zhurnaly Permskogo uezdnogo zemskogo sobraniya 47-y, 48-y i 49-y chrezvychaynykh sessiy 1917 goda. Doklady upravy s prilozheniyami* [Journals of the Perm District Zemstvo Assembly of the 47th, 48th and 49th Extraordinary Sessions of 1917. Reports of the Board with Appendices]. pp. 76–86.
34. *Ob uezdnom komissare i uezdnom komissariate* [On the district commissar and district commissariat]. In: *Zhurnaly Permskogo uezdnogo zemskogo sobraniya 47-y, 48-y i 49-y chrezvychaynykh sessiy 1917 goda. Doklady upravy s prilozheniyami* [Journals of the Perm District Zemstvo Assembly of the 47th, 48th and 49th Extraordinary Sessions of 1917. Reports of the Board with Appendices]. pp. 162–163.
35. State Archive of Perm Krai (GAPK). Fund 708. List 1. File 1.

Информация об авторе:
Долгова А.В. – канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: AVDolgova@fa.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
A.V. Dolgova, Cand. Sci. (History), associate professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: AVDolgova@fa.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.06.2025;
одобрена после рецензирования 01.05.2026; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 27.06.2025;
approved after reviewing 01.05.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 339.1-051(571.1):379.81
doi: 10.17223/15617793/527/14

Досуговая деятельность сибирского купечества второй половины XIX – начала XX в.

Илья Александрович Дунбинский[1], Анна Евгеньевна Чабина[2]

[1] Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, dunbinskiy@mail.ru
[2] Тисульская СОШ № 1, Тисуль, Россия, cabinaanna99@gmail.com

Аннотация. На основании сибирской и столичной периодической печати, источников личного происхождения реконструируются практики проведения досуга сибирского купечества. Исследуются своеобразные способы организации досуга сибирским купечеством. Проводится сравнение времяпровождения сибирского купечества со столичным торговым сословием.
Ключевые слова: сибирское купечество, досуг, досуговая деятельность, столичное купечество, развлечения, повседневность

Для цитирования: Дунбинский И.А., Чабина А.Е. Досуговая деятельность сибирского купечества второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2026. № 527. С. 127–136. doi: 10.17223/15617793/527/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/527/14

Leisure activities of the Siberian merchants of the second half of the 19th – early 20th centuries

Ilya A. Dunbinsky[1], Anna E. Chabina[2]

[1] National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, dunbinskiy@mail.ru
[2] Tisul Secondary School No. 1, Tisul, Russian Federation, cabinaanna99@gmail.com

Abstract. A significant body of scientific research examines the trading activities, origins, residential architecture, patronage, and cultural life of the merchant class. At the same time, finding scholarly works centered directly on the leisure activities of Siberian merchants remains challenging because personal source materials containing this type of information are generally scarce. In this regard, the leisure practices of the Siberian merchants—especially when compared to those in the capitals—represent a unique layer of information for studying an under-researched facet of their everyday life. Consequently, this study aims to reconstruct how Siberian merchants organized their own leisure time, drawing on the periodical press and personal documents, while offering a direct comparison with the pastimes of the metropolitan merchant class. A number of specialized historical methods served as the methodological foundation for reconstructing these leisure practices, including the comparative-historical, historical-systemic, and problem-chronological methods. The research source base comprises both Siberian and metropolitan periodicals. These include such Siberian newspapers as *Utro Sibiri*, *Sibirskaya zhizn'*, *Tomskiy spravochnyy listok*, *Sibirskiy vestni*k, and *Tomskiy listok* (totaling 7,690 issues), alongside metropolitan publications such as *Golos*, *Birzhevye vedomosti*, and *Peterburgskiy listok* (totaling 2,759 issues). Additionally, the study examined the diary entries of N.M. Chukmaldin, N.D. Teleshov, P.A. Buryshkin, V.V. Struve, I.A. Belousov, and I.A. Slonov. The investigation yielded several key conclusions. First, hosting grand balls was highly characteristic of the metropolitan bourgeoisie, whereas such entertainment proved cost-prohibitive across the vast Siberian expanses; this economic barrier stemmed from the fact that gourmet refreshments typically had to be delivered from the capital for events of this caliber. Furthermore, balls required a large guest list, which was difficult to assemble in smaller provincial towns. Instead, Siberian merchants frequently organized formal dinner parties for high-ranking civil servants, including governors and police officials. Second, reading books emerged as a far more accessible leisure activity among metropolitan merchants than their Siberian counterparts. This discrepancy persisted because books were difficult to acquire in Siberia due to a sparse library network; this trend continued until the late 19th century, and it was only by the early 20th century that libraries began to fully execute their fundamental educational functions for the local population. Third, representatives of both Siberian and metropolitan merchant families frequently indulged—often under the influence of strong spirits—in staging various "eccentricities," such as kissing heels, beard-measuring competitions, shutting down taverns, and engaging in drunken brawls with sticks.
Keywords: Siberian merchants, leisure, leisure activities, metropolitan merchants, entertainment, everyday life

***For citation*:** Dunbinsky, I.A. & Chabina, A.E. (2026) Leisure activities of the Siberian merchants of the second half of the 19th – early 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 527. pp. 127–136. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/527/14

© Дунбинский И.А., Чабина А.Е., 2026

Актуальность исследования

В настоящее время существует значительное количество научно-исследовательских работ, посвященных торговой деятельности купечества и его происхождению [1, 2], устройству дома сибирского торгового сословия [3, 4], меценатству [5], а также изучению культуры купечества [6, 7]. При этом в исследованиях В.А. Скубневского и Ю.М. Гончарова культура купечества изучается именно в контексте других городских сословий. Акцент же непосредственно на досуговой деятельности купечества не делается, преимущественно выделяется то, как проводило свободное время городское сословие, в каких условиях оно проживало, что входило в его рацион питания.

Весьма сложно обнаружить статьи, посвященные непосредственно досугу сибирского купечества, поскольку не так много источников личного происхождения содержат подобного рода сведения. В этой связи практики проведения досуга сибирского купечества в сравнении со столичным представляют собой уникальный пласт информации для изучения одного из аспектов повседневности сибирского торгового сословия.

Таким образом, цель данной работы – на основе материалов периодической печати и источников личного происхождения реконструировать организацию собственного досуга сибирским купечеством, а также провести сравнение времяпровождения сибирского торгового сословия со столичным.

Методология и источники исследования

В качестве методологической базы исследования был использован ряд специальных исторических методов, которые позволили реконструировать досуг сибирского купечества. Так, на основании сравнительно-исторического метода было проведено сравнение досуга сибирского купечества с столичными практиками организации времяпровождения, а также анализ многочисленных статей из периодической печати. Историко-системный метод позволил рассмотреть времяпровождение сибирского купечества как важную часть повседневности сибирского торгового сословия; проследить, какое место досуг занимает в жизни купцов. Проблемно-хронологический метод позволил разделить тему на ряд узких аспектов, каждый из которых был рассмотрен в хронологической последовательности.

В качестве источниковой базы исследования была использована сибирская и столичная периодическая печать. Среди задействованной в исследовании сибирской периодической печати следует выделить такие газеты, как «Утро Сибири», «Сибирская жизнь», «Томский справочный листок», «Сибирский вестник», «Томский листок». Всего было отсмотрено 7 690 выпусков сибирской прессы. Из столичных газет были привлечены такие издания, как «Голос», «Биржевые ведомости», «Петербургский листок». Всего было отсмотрено 2 759 выпусков столичной прессы. Таким образом, для написания данной статьи было просмотрено 10 449 выпусков периодической печати.

Кроме того, для более углубленной реконструкции темы были использованы дневниковые записи представителей сибирского и столичного купечества, а также других сословий, оставивших сведения о купцах. Так, в исследовании были рассмотрены следующие дневниковые записи: Н.М. Чукмалдина, Н.Д. Телешова, П.А. Бурышкина, В.В. Струве, И.А. Белоусова, И.А. Слонова [8–11].

Общественно одобряемые практики проведения досуга сибирским и столичным купечеством

В первой половине XIX в. организация досуга во многих отношениях отражала сословный строй общества Российской империи. Представители той или иной сословной группы проводили свободное время преимущественно в своей среде, однако подобный порядок проведения досуга в исследуемые временные рамки начинает постепенно меняться.

Так, согласно дневниковым записям С.Н. Терпигорева, уже во второй половине XIX в. в отношениях между дворянами и купечеством наблюдалась значительная перемена в организации досуга. «В компании высшего сословия можно было наблюдать и представителя от торгового сословия. Дворяне более не смотрели свысока на купца, который не знает правил этикета и сморкается в салфетку. Напротив, нужно было указать домочадцам не смеяться, когда купец будет так делать. <…> Купцы же в свою очередь стали чувствовать себя уверенней в окружении дворянства и все больше старались соответствовать требованиям, которые предъявлялись к представителям высшего сословия» [12. С. 80, 82–83].

Подчеркнем тот факт, что эти перемены затронули прежде всего столичное купечество. В Сибири, в связи с немногочисленностью дворянского сословия, сибирское купечество взаимодействовало преимущественно с местным чиновничеством. Так, местное руководство (губернатор, исправник) приглашало представителей сибирского купечества на организуемые ими торжества, например на деловые обеды. На подобных торжествах можно было обсудить текущее положение дел, завести новые полезные знакомства [13].

Перейдем к рассмотрению форм и практик общественно одобряемого досуга купечества. Торговое сословие, так же как и дворяне, зачастую выступало организатором торжественных мероприятий, на которые приглашались важные общественные представители. Данные торжества могли организовывать как в честь царских особ, так и для того, чтобы просто создать праздник для детей.

Так, 26 августа 1896 г. нижегородские купцы организовали празднество в честь Великого князя Владимира Александровича, которое удалось успешно реализовать: «Его Высочеству поднесли хлеб – соль на серебряном блюдце, а великой княгине подали букет». Затем следовали провозглашения тостов за здоровье царствующих особ [14].

Не такое масштабное, но не менее значимое праздничное мероприятие проходило в заштатном сибирском городе Нарым. 26 декабря 1897 г. нарымский купец

К.С. Прянишников устроил в собственном доме елку для учащихся нарымской церковно-приходской школы. Она прошла успешно, «собравшиеся дети были довольные и веселые». Стоит подчеркнуть, что вход на праздник был свободный – присутствовали не только учащиеся [15].

К торжественным мероприятиям также относились свадебные празднования и многочисленные балы [16]. Купеческие балы отличались особой роскошью и блеском, что проявлялось не только в убранстве зданий, но и в нарядах самого торгового сословия, которые украшались бриллиантами [17]. Танцевальный репертуар бала включал в себя штраусовские вальсы, польки Оливье Метра, кадрили Дюкомэна и Артемьева. Подчеркивалось, что танцы проходили весьма оживленно [18]. Танцы на купеческих балах были активными и могли организовываться помимо перечисленного музыкального сопровождения при звуках военного оркестра и рояля.

Нередко проводимые балы сопровождались угощениями для гостей. Так, сначала подавалась закуска, за ней следовал ужин и независимо от остальных блюд гостям подавали фрукты, конфеты и шампанское, а также в течение мероприятия собравшимся предлагалось мороженое, шоколад и чай [19].

В рамках бала гостям также могли вручаться ценные подарки. Так, на балу столичного купца В.П. Елисьева, видимо, по инициативе хозяина торжества, всем гостям были розданы ценные подарки: мужскому полу преподнесли золотые монограммы-брелки, дамам же подарили золотые браслеты, украшенные рубинами и сапфирами [20].

Кроме перечисленных мероприятий столичное купечество организовывало обеды для важных городских лиц. Например, для председателей мануфактурного совета, городских голов [21]. Для столичного купечества за их активную общественную позицию также устраивались обеды, но уже в их честь. Так, например, для представителей биржевого купечества гвардейской дивизий был устроен обед, за которым последовал спектакль с пьесой «Свекровь и теща», а также постановка «Грациелла, или Любовная ссора» [22].

Отметим, что купеческое сословие охотно посещало торжества, организованные в честь благотворительных акций. Так, например, в Москве проводился праздник, цель которого состояла в том, чтобы собрать средства для комитета «Христианская помощь», который занимался перевозкой раненных на собственные средства. Праздник проходил в роскошном саду, принадлежавшему графу Шереметьеву. В саду находилось два хора музыки – военной и бальной, хор цыган и певчих. Кроме того, запускались фейерверки. Всего на торжество собралось 6 тыс. жителей, среди которых были и купцы. На мероприятии представители торгового сословия развлекались по-разному: одни выпивали, другие косили траву в саду, показав, таким образом свою «натуру», третьи были главными плясунами праздника в польке, камаринском [23]. Таким образом, представители торгового сословия выступали сразу в нескольких ролях, а именно были организаторами и участниками подобных торжественных мероприятий.

В заключение этого раздела подчеркнем тот факт, что балы – это развлечение, характерное по большей части для столичного купечества. Для сибирских просторов такие развлечения были довольно затратными, поскольку угощения для такого формата мероприятия, как правило, нужно было доставлять из столицы. К тому же на балы нужно было приглашать особых гостей, которых, особенно в небольшом городе, не всегда было в достатке. Ввиду подобных затруднений с организацией мероприятий такого уровня, сибирское купечество вместо участия в балах предпочитало симфонические вечера и театральные постановки.

Так, например, 19 сентября 1885 г. в Томске открылся собственный театр Е.И. Королёва. Первым драматическим произведением, которое поставили в театре, стала пьеса признанного классика Александра Островского «Без вины виноватые» [24. С. 27–31]. Петербургское и московское купечество наряду с сибирским также было не прочь посещать театральные представления. Особенно представителям торговой корпорации нравились каскадные спектакли, которые ставились в московском театре «Буфф». На сцене этого заведения ставились произведения Оффенбаха, Лекока и других французских деятелей [25]. Однако на таких мероприятиях далеко не все представители торговой корпорации наслаждались предложенным представлением. В некоторых случаях купцы были не прочь попасть в царство снов на время представления: «Я после конца проснуся, ты только потормоши меня» – так один из журналистов «Театрального листка» приводил в пример читателям подслушанный им разговор двух купцов [26].

Еще одним местом для проведения досуга купечества, зачастую не совсем культурным, выступал трактир. Стоит отметить, что данное заведение являлось важным местом для представителей торгового сословия, так как помимо развлечения служило местом, где заключались торговые соглашения. Значимость трактира как места для обсуждения важных экономических сделок подчеркивается и в воспоминаниях сибирского купца Н.М. Чукмалдина. Он писал о том, что вне зависимости от собственного желания необходимо было пойти с клиентом, покупателем в трактир, где условия сделки можно было обсудить за чашечкой чая [10. С. 184]. Важность трактира для представителей торгового сословия подчеркивалась и в периодической печати. Так, в частности, в «Петербургском листке» сообщается следующее: «Наше купечество не совершает ни одной крупной сделки без трактира, где за чайком совершается сделка, а за батарей бутылок “спрыскивается”» [27].

Стоит подчеркнуть, что в самом трактире купцов считали важными посетителями: были трактиры, которые подстраивались под их предпочтения. В таких заведениях на потолках висели клетки с соловьями. Кроме того, на такой праздник, как Масленица, для купцов бронировали столики специальными карточками с указанием их имен [28. С. 102].

После ознакомления с общественными видами проведения досуга представителей торгового сословия обратимся к тому, как они организовывали свое свобод-

ное время в частной обстановке. Местами для подобного времяпровождения являлись личные владения купечества – дача и дом.

На своих дачах представители столичного торгового сословия по вечерам на балконах «угощались» чаем. Некоторые могли вечером пойти на прогулку и послушать музыку, играющую в клубе, совсем небольшая часть посещала спектакли [29]. Такие развлечения были возможны при условии, что соответствующие заведения находились вблизи дачного участка.

Кроме того, на даче молодые представители купеческого сословия развлекались тем, что устраивали спортивные состязания. К купцу приезжали его приятели и во двор дачи приходили мальчики, которые бегали определенную дистанцию. Представители же купеческого сословия состязались в том, кто удачнее сделает ставку на бегуна и выиграет «красненькую» (10 руб.). Мальчикам их усилия оплачивали в зависимости от занятого места: первому давали по рублю и более того, остальным же по двугривеннику (20 коп.) [30].

Помимо состязаний, на дачном участке можно было заняться обустройством собственного домашнего хозяйства. Этим и решил заняться один из представителей торгового сословия. Так, по сведениям столичной прессы, некий купец закупил кур для своей дачи и выстроил им там нечто «куриного дворца», в котором пол был устлан паркетом. На этом купец не остановился и решил выкрасить кур в разные цвета. После покраски купец некоторое время не мог налюбоваться на своих кур. Видимо, на этом его затеи исчерпали себя, поэтому он решил, что пора полакомиться курами. Для удобства он отдавал команды, курицу какого цвета следует приготовить [31].

Другим важным элементом досуга является традиция приема гостей, которая проходила как на купеческих дачах, так и в их собственном доме. Данный способ организации досуга обозначается как гостевание. Обычно оно сопровождалось чаепитием с фруктами и вареньем. После чая мужчинам подавали пунш и вина. За столом собравшиеся обсуждали положение дел в торговой сфере, последние известия, а также рассматривались новости, опубликованные в периодической печати. Время от времени вечер мог закончиться ужином и танцами [32].

В гости сибирских купцов приглашали в том числе и на именины. Так, например, в г. Тобольске сибирских купцов пригласили на именины в честь губернаторского семейства. Согласно воспоминаниям К.М. Голодникова, «они приглашались к столу и при выходе, за сделанную им честь, оставляли по полтине (50 коп.) и рублю. Вина были качественные, но бюджет хозяина не страдал, поскольку гости были благодарными и оставляли вышеописанные суммы» [33. С. 30].

Обратимся теперь к еще одной составляющей личного времяпровождения торгового сословия, а именно чтению книг. В круг интересов сибирских купцов для чтения входили разнообразные авторы: М. Щедрин, Н. Гоголь, Н. Некрасов, А. Островский, А. Толстой, А. Пушкин, Поль де Кок и др. [34]. Относительно купеческих интересов и того, что именно они хотят видеть по большей части на страницах, говорится следующее: «Главный спрос, как мы сказали, предъявляется к переводной беллетристике, и самое большое число читателей этого отдела дают торговцы, лавочники, купцы, вообще те, кто получил, в лучшем случае, образование в начальной школе, кто не требует от книги ничего кроме развлечения. Такие читатели ищут заглавия пострашней и позамысловатей…» [34].

Читать же купечество могло по вечерам в домашнем халате на кровати [35]. При этом чтение у торгового сословия пользовалось не слишком большой популярностью. Сибирское купечество записывалось в библиотеки в качестве читателя, хотя на самом деле ничего не читало [36]. Нежелание читать, возможно, было связано с тем, что торговое сословие предпочитало, чтобы ему преподносили сведения в готовом виде, т.е. читали для него вслух. В случае же с «дремучими» научными материалами, к которым, по мнению периодической печати, относится текст с выводами, обилием числовых значений, процентов, торговое сословие предпочитало, чтобы ему объяснили содержимое своими словами [37]. Таким образом, зачастую в плане обучения купечество действительно предпочитало знания, преподнесенные кем-либо.

Другим любопытным случаем было обучение столичного купца игре на барабанах, за которое он заплатил более 100 руб. Купец, видимо, весьма своеобразно обучился игре на данном инструменте, потому что когда он начинал заниматься игрой «из дому бежали все». Когда его спросили, зачем он так старательно продолжает музицировать, ответ был достаточно прозаичен: «Оченно пользительна она: я, благодаря барабану, перед праздниками рублей по триста экономлю». Другими словами, в случае, когда к купцу обращалась жена или дочь с просьбой выделить им денежные средства на приобретение новой одежды, он тут же принимался играть на барабане. Такой же прием столичный купец опробовал и на просителях, которые приходили с просьбами о пожертвовании на различные общественные нужды. Этим представитель торгового сословия подчеркивал «чудодейственность» игры на барабане, которая спасает его кошелек и от жены с дочерью, и от визитеров [38].

Тем не менее встречались среди купеческой корпорации и отдельные самородки, которые самостоятельно стремились к знанию. Так, например, П.И. Макушин лично столкнулся с тем, как тяжело достать книгу в Сибири. В связи с этим он решил открыть книжные лавки, магазины в Сибири. Изначально первая торговая точка по реализации книжной продукции возникла в Томске, затем в Иркутске. Наконец, П.И. Макушин решил организовать продажу книг вдоль Сибирской магистрали [39].

В то время как в Сибири наблюдалась острая нехватка книг, в столичных городах не было такого «книжного голода». Это подтверждается сведениями из воспоминаний столичного купца П.И. Щукина. В них он говорил о том, что еще в ранние годы его знакомили с разными книгами: «Сказка об Иване-царевиче и сером волке», «Робинзон Крузо», «Новый завет» на французском языке, басни Крылова и т.п. [11. С. 10].

Таким образом, в таком развлекательном аспекте, как чтение книг, столичное купечество проявляло

больше интереса в силу того, что в «столицах» империи книги можно было достать в разы легче, да и стоимость их была ниже, чем в Сибири.

В завершение рассмотрим такое интересное времяпровождение, как знакомство с новыми видами транспорта. Отметим, что первые публикации об этом досуге в сибирских газетах начали появляться лишь в начале XX в. Обратимся к опыту сибирского купечества в данной области. В 1909 г. сибирский купец Гадалов решил опробовать новый вид транспорта на городских улицах. Он был чрезвычайно недоволен тем, что местные лошади были крайне «некультурными» и, видимо, препятствовали автомобильному проезду. На фоне этого представитель торговой корпорации решил переделать автомобиль в аэроплан и отдать его на нужды местного купечества, которое собирается «в недалеком будущем лететь» [40].

Спустя три года в этой же газете уже сообщается об автомобиле купца Бодунова, у которого было несколько лавок в Бийске. Он испытывал данный транспорт с целью организации сообщения Бийска с Монголией. В печатном слове подчеркивалось, что вероятнее всего эта идея будет сложно реализуема из-за нехватки топлива для подобного путешествия [41].

Столичное купечество также интересовалось новыми способами передвижения. Разница в этом времяпровождении между сибирским и столичным купечеством состоит в том, что упоминания о появлении автомобилей у столичной торговой корпорации можно встретить уже в 1898 г. У сибирского купечества автомобили, по крайней мере, судя по упоминанию в печати, появляются лишь в 1909 г.

Еще одно отличие заключается в том, что столичное купечество в данном случае приобретало автомобили скорее для того, чтобы попробовать что-то новое, удивить соседей и домочадцев. Так, например, петербургский купец заказал себе автомобиль на шесть персон из-за границы для того, чтобы поразить своих ближних. После получения автомобиля, представители торговой корпорации, вооружившись руководством по управлению автомобилем, решили проехать по берегам Невы. В печати подчеркивается, что это событие произвело фурор у населения. Такой триумфальный выезд закончился весьма комично. После остановки на берегу купец обнаружил, что потерял заветное руководство, без которого не представлялось возможным управлять данным транспортом. Выход нашли в том, что купеческого сына отправили в ближайший населенный пункт за лошадьми, при помощи которых удалось доставить обратно и автомобиль, и всё семейство. Затем в газете повествуется следующее: «Теперь купцу нет проходу от насмешек соседей. Услышав фразу “а что, брат, хорошо кататься на автомобиле?” купец приходит в ярость» [42].

Итак, общественные развлечения представителей торгового сословия были направлены на то, чтобы продемонстрировать свой статус и привлечь всеобщее внимание. В случае же с частным времяпровождением столичное купечество также стремилось притянуть взгляды окружающих, при этом они были не прочь изучить что-то новое. Сибирское купечество в данном аспекте скорее руководствовалось практическими соображениями: можно ли это превратить не только в развлечение, но и в способ заработать.

Таким образом, в рамках рассмотренного материала можно прийти к следующим выводам: манера проводить общественный досуг у сибирского и столичного купечества схожа, однако по доступности эти способов (посещение театров, балов) организации свободного времени представители торгового сословия из Сибири уступали своим столичным партнерам. Во время проведения частного досуга сибирское купечество также уступало столичному в плане доступности развлечений. Это происходило в силу того, что в Сибири те же книги были труднодоступным и дорогим товаром, который нужно было выписывать из столицы, равно как и автомобили. Однако со временем с развитием Транссибирской магистрали эта проблема постепенно начинает нивелироваться.

Общественно порицаемые практики проведения досуга сибирским и столичным купечеством

Как уже отмечалось ранее купеческая корпорация занимала двойственное положение в глазах общественности из-за своей коммерческой деятельности, которая строилась зачастую на завышенной стоимости реализуемой продукции. Неоднозначности, в рамках оценки их деятельности социумом, торговому сословию добавляли практики проведения досуга. Это касалось тех практик, в ходе которых купцы могли себе позволить нечто непристойное, выходящее за рамки рядового поведения в обществе.

Исходя из вышеизложенного, вначале рассмотрим досуговую деятельность, которая является наиболее скандальной и в то же время малоосвещаемой. Речь идет о посещении домов терпимости. К сожалению, сведений об этом «развлекательном» аспекте немного, в особенности таких, которые прямо бы указывали на этот факт. Однако в таких разделах периодической печати, как «Происшествия», можно встретить сведения, что, например, у купца второй гильдии в доме терпимости украли 2400 руб. серебром [43].

Посещали дома терпимости и столичные купцы, например, петербургский купец решил посетить дом свиданий. Ему предложили альбом с дамами, которые «служат» в заведении. Он, листая его, заметил в нем фотографическую картинку жены. Купец обомлел и подумал, что все это какое-то мошенничество, однако решил проверить и уплатил 100 руб. за эту даму. Спустя пару часов ожиданий удивлению купца не было предела. Он даже лишился чувств. Дело завершилось, как сообщает периодическая печать, «страшным скандалом» [44].

Еще одним способом времяпровождения, которое не приветствовалось в обществе и находилось вне закона, являлась карточная игра [45]. Однако представители закона в некоторых случаях могли закрывать глаза на данное развлечение настолько, что азартные игры происходили в их присутствии [46]. Те же люди, которые обращались в полицию для того, чтобы прекратить подобные развлечения, могли услышать следующий ответ:

«Не ваше дело, иначе я вас самого возьму в часть». Отметим, что такие случаи были скорее частными, и карточные игры преследовались по закону [47].

Важно подчеркнуть, что карточная игра была не только неким способом отдохнуть и развлечься, но и также являлась источником дохода (или убытка). Игроки нередко делали достаточно крупные ставки: например, один купец практически выиграл сумму, которой было бы достаточно для постройки парохода [48]. Такие значительные денежные суммы не являются газетной выдумкой, поскольку в воспоминаниях тюменского купца Н.М. Чукмалдина приводятся похожие сведения. Например, в мемуарах описывается, как иркутский купец первой гильдии А.Г. Малых расстроил свое транспортное дело, поскольку проиграть за один вечер 10–20 тыс. руб. [10. С. 134].

Кроме того, в азартные игры играли и на купеческих собраниях. В периодической печати сетовали на тот факт, что вместо толкового обсуждения дел купеческое сословие опивается, обедает, играет в домино, увлекается карточными играми и проигрывает суммы, достигающие 2000 руб., которые затем не оплачивает [49].

Порицалось также и поведение сибирских купцов на ярмарке. В петербургской газете «Голос» особенно отмечалась ярмарка в Нижнем Новгороде, которую посещало и столичное купечество. Среди всех возможных ярмарочных мест для развлечения выделяется ресторация Бубнова. Это один из самых популярных трактиров на нижегородской ярмарке. В данном заведении можно было послушать скрипки и виолончели, фортепиано и гитару. Посидеть выпить чаю, шампанского или что-то более горячительное. В такой веселой обстановке с громкими возгласами можно было обсудить коммерческие сделки [50].

В этой же газете описывалось, что купечество на ярмарке участвовало в танцевальных вечерах. На них играла музыка, которую исполняли женские хоры; на сцене ставили пантомимы. Казалось бы, все выглядело благородно, однако представительницы прекрасного пола вели себя на таких вечерах довольно «своеобразно»: «…Женщины здесь, пьяные, поднимают торжественно подолы платьев на голову во время танцев…».

Далее повествуется о том, что под воздействием тех же горячительных напитков торговая корпорация развлекалась при помощи сворачивания различных частей тела. Иными словами, купцы устраивали драки, «орали, как пьяные бурлаки на площади», кидались бутылками от высокоградусных напитков, могли ударить палкой посетителей данного заведения. Причем они осознавали, что творят нечто непристойное, безобразное, поскольку за каждое причиненное неудобство они бросали пострадавшим деньги. В завершение этих безобразий, по словам журналиста, «купцы беззаботно удалились из заведения напевая песню «Вот мчится тройка удалая»» [51].

Ярмарочный разгул отмечал также и путешественник Н. Телешов, но описывал не так ярко, как журналист. Тем не менее интересен тот факт, что во время ярмарки катались на розвальнях (Низкие и широкие крестьянские сани с расходящимися врозь от передка боками), на которые ставилась лодка, а уже в нее разные вина и закуски. Кроме того, в лодку помещались три-четыре человека со скрипками. На борты лодки устанавливали шесты, на которые вешались собольи хвосты, на лошадей надевали ленты. В таком виде, с шумом, пением и гиканьем, проносилась по городу тройка за тройкой с полупьяными сибирскими купцами и арфистками [52. С. 70–71].

Еще одной забавой, которой увлекалось сибирское купечество, считались «конские бега». Это были соревнования лошадей, которые запрягались в легкие повозки или сани на скорость для прохождения определенного маршрута. Для участия в таких состязаниях, как правило, требовались породистые рысистые лошади, поскольку они отличались особой техникой бега и азартом, весьма необходимым в тот удачный момент, когда нужно обогнать соперников [53].

Более точные суммы денежных средств, которые тратили представители торгового сословия на приобретение лошадей, можно обнаружить на страницах «Петербургского листка». Так, в газете сообщается тот факт, что столичный купец приобрел английского жеребца за 15 500 руб. [54].

Вышесказанное касается предпочтений столичного купечества, у представителей же сибирского торгового сословия были популярны лошади породы орловский рысак. Торговая корпорация содержала собственные коннозаводческие хозяйства. Другими словами, сибирское купечество, так же как и столичное, весьма ценило лошадей. В связи с таким ярым увлечением в Сибири, а именно в Тюмени в 1871 г. был открыт первый ипподром силами П.И. Подаруева и группы других купцов [55. С. 91].

В программу конного спорта обычно входили: скачки простые, скачки с препятствием, скачки рысистых лошадей, беги рысью под седлом и в завершение скачки троек. В периодической печати подчеркивался тот факт, что данное развлечение было непопулярно в среде высшего и среднего петербургского общества. Исходя из этого в газете «Голос» констатируется тот факт, что бегами интересуется часть социума, в которую входит купеческая корпорация, охотники-специалисты и простой народ [56].

Наряду с участием в «конских бегах» весьма популярными были кулачные бои. Данное развлечение пользовалось спросом как у столичного, так и у сибирского купечества [57. С. 26]. Начнем с представителей торгового сословия Сибири, а именно с подготовки к такому досугу. Участники кулачных боев, как правило, оборачивали руки полотняными бинтами для того, чтобы не повредить их и случайно не нанести смертельных травм.

Столичное купечество к концу XIX в. уже начинает отходить от личного участия в кулачных боях. Этот факт можно проследить как в купеческих дневниках, так и в периодической печати.

Так, в своих записях московский купец И.А. Слонов писал о том, что купечество увлекалось кулачными боями и поощряло удачливых бойцов. На этих забавах купцы, согласно записям, привозили полюбоваться

свои семьи. Таким образом, столичная купеческая корпорация предпочитает уже не участвовать в них лично, а посмотреть на бои вместе с близкими. Нежелание участвовать лично можно объяснить тем, что это было весьма опасное развлечение. И.А. Слонов подчеркивает это в своих воспоминаниях: особенно страшно выглядел тот момент, когда одна стенка проигрывала другой и обнажала ей свой тыл. Данный момент ярко описан в записях московского купца: «Страсти разгорались, люди становились зверями, ломали друг другу ребра, руки, ноги, разбивали лица в кровь» [9. С. 23–24].

Не менее интересным времяпровождением сибирские купцы считали импровизированные развлечения, которые, как правило, они выдумывали, находясь под воздействием горячительных напитков. Примеры таких забав можно обнаружить на страницах газет «Утро Сибири» и «Сибирская жизнь». Так, в газете «Утро Сибири» в статье «По России» за 1912 г. сообщаются следующие сведения: купцы, мясники кутили в трактире, немало выпили. Спустя некоторое время кого-то из собравшихся посетила «гениальная» мысль: «А можно ли, господа, поцеловать свою пятку?» Голоса купцов разделились. Однако один из них, яро отстаивавший точку зрения того, что это возможно сделать, решил продемонстрировать на собственном примере верность своего высказывания. В результате купец упорно гнул собственную ногу, которая благодаря его стараниям была сломана [58]. Описание подобного рода ситуаций можно найти в значительном количестве на страницах периодической печати.

Таким образом, общественное порицание вызывали не все формы отдыха купцов, а лишь те, что выходили за рамки принятых моральных и правовых норм. Наиболее скандальными, но при этом слабо документированными (в силу закрытости темы) являлись посещения домов терпимости и азартные игры, которые, несмотря на негласное попустительство властей в отдельных случаях, в целом преследовались законом.

Карточные игры и конские бега выступали не только развлечением, но и сферой крупных финансовых рисков и трат. Проигрыши в десятки тысяч рублей (достаточных для постройки парохода или покупки породистого жеребца) разоряли купцов, что фиксировалось как в периодической печати, так и в мемуарах. Это подчеркивает амбивалентность досуга: он одновременно служил демонстрацией статуса и источником экономической нестабильности.

Сибирское и столичное купечество демонстрировало как сходные черты (увлечение азартными играми, ярмарочный разгул и т.д.), так и различия. Сибиряки дольше сохраняли личное участие в кулачных боях и импровизированных «экстремальных» забавах (часто на грани членовредительства), тогда как столичное купечество к концу XIX в. всё чаще выступало в роли зрителя и спонсора. Ярмарочный разгул (особенно на Нижегородской ярмарке) становился пространством, где публичное непристойное поведение купцов (драки, вандализм с последующей денежной компенсацией) парадоксальным образом сочеталось с коммерческими переговорами.

Заключение

Ликвидация третьей (низшей) гильдии купечества в 1863 г. и введение Положения о промысловом налоге 1898 г., разрешившего коммерческую деятельность без обязательной записи в купеческое сословие, привели к сокращению численности и социальной гомогенизации купечества. Выживали преимущественно крупные предприниматели, что объективно повышало их социальный статус и материальные возможности. Это нашло отражение в досуге: столичное купечество всё чаще переходило от личного участия в «грубых» забавах (кулачные бои) к роли зрителя и спонсора, приближаясь по формам отдыха к дворянству, тогда как сибирское купечество, сохраняя большую связь с крестьянской средой, дольше практиковало непосредственное участие в силовых и рискованных развлечениях.

Строительство Транссиба, начавшееся в 1890-е гг., кардинально изменило доступность ранее элитарных форм досуга в Сибири. Ускорение грузопотоков и снижение транспортных издержек позволили регулярно доставлять из столиц не только книги и периодику, но и деликатесы, вина, модную одежду, театральные декорации и даже автомобили. Это постепенно нивелировало разрыв в качестве и разнообразии форм частного досуга (чтение, коллекционирование, технические новинки) между сибирским и столичным купечеством. Кроме того, Транссиб способствовал росту ярмарочной торговли, а значит, и связанных с ней порицаемых практик (разгул, карточные игры, посещения злачных мест), которые становились оборотной стороной коммерческой деятельности.

Как показано на примере карточных игр и конских бегов, досуг выполнял двойную функцию. С одной стороны, крупные ставки и приобретение породистых лошадей демонстрировали статус и финансовую состоятельность. С другой стороны, систематические проигрыши в десятки тысяч рублей (достаточных для постройки парохода) разоряли предпринимателей и расстраивали их дела, что фиксировалось и в прессе, и в мемуарах. Таким образом, сфера досуга становилась не только местом отдыха, но и зоной высоких финансовых рисков, напрямую влиявших на устойчивость купеческого хозяйства.

Общественно порицаемые практики (посещение домов терпимости, азартные игры, пьяные дебоши) сохранялись, несмотря на формальный запрет, в силу нескольких причин: негласного попустительства полиции, коррупции («откупались» деньгами), а также инерцией поведенческих моделей. Однако по мере усиления государственного контроля и роста грамотности городского населения к концу XIX – началу XX в. наблюдалось постепенное вытеснение наиболее вызывающих форм публичного поведения (например, массовых драк с членовредительством) на периферию или в сферу частных анекдотов.

Таким образом, досуг сибирского и столичного купечества во второй половине XIX – начале XX в. представлял собой не просто набор развлечений, а являлся чутким индикатором глубинных социально-экономических изменений.

Трансформация сословного законодательства, развитие транспортной инфраструктуры (Транссиб) и адаптация к рыночным условиям напрямую определяли, какие формы отдыха становились доступными, престижными или, напротив, порицаемыми.

Выявленные различия между Сибирью и столицами отражали не только разную степень «окультуривания», но и разные модели экономического поведения – более демонстративно-статусную в центре и более практико-ориентированную на периферии.

Список источников

1. Шиловский М.В. Предприниматели (буржуазия) Сибири в 1917 году // Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие : материалы Второй Всероссийской научной конференции, Томск, 15–17 апреля 2016 г. Томск : Томский государственный архитектурно-строительный университет, 2017. С. 39–50.
2. Бойко В.П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в. Томск : Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2009. 308 с.
3. Зайцева А.А. Дом в системе традиционных ценностей русского купечества // Журнал Института Наследия. 2015. № 2. С. 5.
4. Лернер Л.А. Пространство повседневности русского купечества в XIX веке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 57. С. 204–210.
5. Сутягина О.А. Участие сибирского купечества в общественной жизни региона в XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 380. С. 109–113.
6. Скубневский В.А. Купечество и культура Барнаула второй половины XIX – начала XX в. // Культурное наследие Сибири. 2009. № 10. С. 72–85.
7. Гончаров Ю.М. Очерки повседневной жизни горожан Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета, 2014. 348 с.
8. Бурышкин П.А Москва купеческая. М. : Столица, 1990. 349 с.
9. Слонов И.А. Из жизни торговой Москвы. М. : Изд-во Тип. Рус. товарищества печ. и издат. дела, 1914. 247 с.
10. Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания. Тюмень : СофтДизайн, 1997. 182 с.
11. Щукин П.И. Воспоминания П.И. Щукина. Ч. 1. М. : Синодальная типография, 1911. 32 с.
12. Терпигорев С.Н. [С. Атава] Оскудение: Очерки помещичьего разорения. М. : Изд-во ГИХЛ, 1958. Т. 1. 467 с.
13. Старинные были // Сибирский вестник. 1899. 27 июня.
14. Вечерние телеграммы // Томский листок. 1896. 29 августа.
15. Корреспонденция // Томский листок. 1897. 23 января.
16. В купеческом мирке // Петербургский листок. 1887. 21 января.
17. Бал коммерсантов // Петербургский листок. 1891. 16 января.
18. Вчерашний бал в русском коммерческом собрании // Петербургский листок. 1887. 10 дек.
19. Бал у Н.Д. Полежаева // Петербургский листок. 1891. 08 февраля.
20. Бал у П.С. Елисьева // Петербургский листок. 1891. 22 января.
21. Внутренняя почта // Биржевые ведомости. 1862. 30 мая.
22. Петербургская хроника // Голос. 1863. 14 августа.
23. Московский листок // Петербургский листок. 1877. 02 июля.
24. Родченко Ю.И. К истории первого сезона театра Е.И. Королева в Томске (на материале «Сибирской газеты» и «Сибирского вестника») // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 6 (26). С. 27–31.
25. Театральный курьер // Петербургский листок. 1879. 03 января.
26. Масленичная мелочь // Петербургский листок. 1893. 06 февраля.
27. «Трактирные» профили // Петербургский листок. 1893. 08 августа.
28. Белоусов И.А. Ушедшая Москва. М. : Московское товарищество писателей, 1927. 130 с.
29. Из дачных мест // Петербургский листок. 1880. 10 июля.
30. Кой о чем // Петербургский листок. 1893. 25 августа.
31. На лету // Петербургский листок. 1891. 23 августа.
32. Авдеева-Полевая Е.А. Записки и замечания о Сибири. М. : Типография Николая Степанова, 1837. 156 с.
33. Голодников К.М. Город Тобольск и его окрестности. Тобольск : Изд-во РГО, 1887. 139 с.
34. Русский читатель и книга // Томский листок. 1895. 06 сентября.
35. Судебная хроника // Томский листок. 1895. 08 сентября.
36. В уголках Степного края // Сибирская жизнь. 1900. 11 февраля.
37. Внутренняя почта // Биржевые ведомости. 1862. 19 мая.
38. На лету // Петербургский листок. 1892. 04 апреля.
39. Из деятельности П.И. Макушина // Сибирская жизнь. 1916. 25 марта.
40. Из области невероятного // Сибирская жизнь. 1909. 12 марта.
41. Из газет // Сибирская жизнь. 1912. 28 апреля.
42. Мимоходом // Петербургский листок. 1898. 16 мая.
43. Происшествия // Томский справочный листок. 1894. 06 сентября.
44. Обо всем // Сибирская жизнь. 1911. 10 августа.
45. Шевцов В.В. Карточная игра в России (конец XVI – начало XX в.): история игры и история общества. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. 244 с.
46. По Сибири // Сибирская жизнь. 1910. 10 февраля.
47. Из-под Новинского, что в Москве // Голос. 1863. 07 марта.
48. Мергелярские письма // Сибирская жизнь. 1899. 26 февраля.
49. Очерк // Биржевые ведомости. 1862. 14 марта.
50. Поездка в Нижний Новгород // Голос. 1865. 10 сентября.
51. С нижегородской ярмарки // Голос. 1868. 01 сентября.
52. Телешов Н.Д. За Урал. Из скитаний по Западной Сибири. М. : Типография И.Д. Сытина, 1897. 213 с.
53. Городские Хроники // Томский листок. 1886. 20 апреля.
54. Панорама Петербурга // Петербургский листок. 1887. 06 августа.
55. Иваненко А.С. Четыре века Тюмени. Тюмень : Радуга-Т, 2004. 368 с.
56. Внутрение новости // Голос. 1867. 22 августа.
57. Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1995. 224 с.
58. По России // Утро Сибири. 1912. 12 июля.

References

1. Shilovskiy, M.V. (2017) [Entrepreneurs (bourgeoisie) of Siberia in 1917]. *Sibirskoe kupechestvo: istoki, deyatel'nost', nasledie* [Siberian Merchantry: Origins, Activity, Heritage]. Proceedings of the Second All-Russian Conference, Tomsk, 15–17 April 2016. Tomsk: TSUAB. pp. 39–50. (In Russian).
2. Boyko, V.P. (2009) *Kupechestvo Zapadnoy Sibiri v kontse XVIII–XIX v.* [The Merchantry of Western Siberia in the Late 18th–19th Centuries]. Tomsk: TSUAB. 308 p.
3. Zaytseva, A.A. (2015) Dom v sisteme traditsionnykh tsennostey russkogo kupechestva [The home in the system of traditional values of the Russian merchantry]. *Zhurnal Instituta Naslediya – Journal of the Heritage Institute*. 2. p. 5.
4. Lerner, L.A. (2008) Prostranstvo povsednevnosti russkogo kupechestva v XIX veke [The space of everyday life of the Russian merchantry in the 19th century]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Proceedings of the Herzen Russian State Pedagogical University*. 57. pp. 204–210.
5. Sutyagina, O.A. (2014) Uchastie sibirskogo kupechestva v obshchestvennoy zhizni regiona v XIX v. [Participation of the Siberian merchantry in the public life of the region in the 19th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 380. pp. 109–113.
6. Skubnevskiy, V.A. (2009) Kupechestvo i kul'tura Barnaula vtoroy poloviny XIX — nachala XX v. [The merchantry and culture of Barnaul in the second half of the 19th – early 20th century]. *Kul'turnoe nasledie Sibiri – Cultural Heritage of Siberia*. 10. pp. 72–85.
7. Goncharov, Yu.M. (2014) *Ocherki povsednevnoy zhizni gorozhan Sibiri vtoroy poloviny XIX — nachala XX v.* [Essays on the Everyday Life of Townspeople of Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. Barnaul: AltSU. 348 p.
8. Buryshkin, P.A. (1990) *Moskva kupecheskaya* [Merchant Moscow]. Moscow: Stolitsa. 349 p.
9. Slonov, I.A. (1914) *Iz zhizni torgovoy Moskvy* [From the Life of Merchant Moscow]. Moscow: Izd-vo Tip. Rus. tovarishchestva pech. i izdat. dela. 247 p.
10. Chukmaldin, N.M. (1997) *Moi vospominaniya* [My Memoirs]. Tyumen: SoftDizayn. 182 p.
11. Shchukin, P.I. (1911) *Vospominaniya P.I. Shchukina. Ch. 1* [Memoirs of P.I. Shchukin. Part 1]. Moscow: Sinodal'naya tipografiya. 32 p.
12. Terpigorev, S.N. [S. Atava] (1958) *Oskudenie: Ocherki pomeshchich'ego razoreniya* [Impoverishment: Essays on the Ruin of the Landowners]. Vol. 1. Moscow: Izd-vo GIKhL. 467 p.
13. Starinnye byli [Old true stories]. (1899) *Sibirskiy vestnik – Siberian Herald*. 27 June.
14. Vechernie telegrammy [Evening telegrams]. (1896) *Tomskiy listok – Tomsk Leaflet*. 29 August.
15. Korrespondentsiya [Correspondence]. (1897) *Tomskiy listok – Tomsk Leaflet*. 23 January.
16. V kupecheskom mirke [In the merchant world]. (1887) *Peterburgskiy listok – Petersburg Leaflet*. 21 January.
17. Bal kommersantov [Ball of the merchants]. (1891) *Peterburgskiy listok – Petersburg Leaflet*. 16 January.
18. Vcherashniy bal v russkom kommercheskom sobranii [Yesterday's ball at the Russian Commercial Assembly]. (1887) *Peterburgskiy listok – Petersburg Leaflet*. 10 December.
19. Bal u N.D. Polezhaeva [Ball at N.D. Polezhaev's]. (1891) *Peterburgskiy listok – Petersburg Leaflet*. 08 February.
20. Bal u P.S. Elisteeva [Ball at P.S. Elisteev's]. (1891) *Peterburgskiy listok – Petersburg Leaflet*. 22 January.
21. Vnutrennyaya pochta [Internal mail]. (1862) *Birzhevye vedomosti – Exchange Gazette*. 30 May.
22. Peterburgskaya khronika [Petersburg chronicle]. (1863) *Golos – The Voice*. 14 August.
23. Moskovskiy listok [Moscow leaflet]. (1877) *Peterburgskiy listok – Petersburg Leaflet*. 02 July.
24. Rodchenko, Yu.I. (2013) K istorii pervogo sezona teatra E.I. Koroleva v Tomske (na materiale "Sibirskoy gazety" i "Sibirskogo vestnika") [On the history of the first season of E.I. Korolev's theatre in Tomsk (based on 'Sibirskaya gazeta' and 'Sibirskiy vestnik')]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 6 (26). pp. 27–31.
25. Teatral'nyy kur'er [Theatre courier]. (1879) *Peterburgskiy listok – Petersburg Leaflet*. 03 January.
26. Maslenichnaya meloch' [Shrovetide trifles]. (1893) *Peterburgskiy listok – Petersburg Leaflet*. 06 February.
27. "Traktirnye" profili ['Tavern' profiles]. (1893) *Peterburgskiy listok – Petersburg Leaflet*. 08 August.
28. Belousov, I.A. (1927) *Ushedshaya Moskva* [Moscow Gone By]. Moscow: Moskovskoe tovarishchestvo pisateley. 130 p.
29. Iz dachnykh mest [From dacha places]. (1880) *Peterburgskiy listok – Petersburg Leaflet*. 10 July.
30. Koy o chem [About this and that]. (1893) *Peterburgskiy listok – Petersburg Leaflet*. 25 August.
31. Na letu [On the fly]. (1891) *Peterburgskiy listok – Petersburg Leaflet*. 23 August.
32. Avdeeva-Polevaya, E.A. (1837) *Zapiski i zamechaniya o Sibiri* [Notes and Remarks about Siberia]. Moscow: Tipografiya Nikolaya Stepanova. 156 p.
33. Golodnikov, K.M. (1887) *Gorod Tobol'sk i ego okrestnosti* [The City of Tobolsk and Its Environs]. Tobolsk: Izd-vo RGO. 139 p.
34. Russkiy chitatel' i kniga [The Russian reader and the book]. (1895) *Tomskiy listok – Tomsk Leaflet*. 06 September.
35. Sudebnaya khronika [Court chronicle]. (1895) *Tomskiy listok – Tomsk Leaflet*. 08 September.
36. V ugolkakh Stepnogo kraya [In the corners of the Steppe Region]. (1900) *Sibirskaya zhizn' – Siberian Life*. 11 February.
37. Vnutrennyaya pochta [Internal mail]. (1862) *Birzhevye vedomosti – Exchange Gazette*. 19 May.
38. Na letu [On the fly]. (1892) *Peterburgskiy listok – Petersburg Leaflet*. 04 April.
39. Iz deyatel'nosti P.I. Makushina [From the activities of P.I. Makushin]. (1916) *Sibirskaya zhizn' – Siberian Life*. 25 March.
40. Iz oblasti neveroyatnogo [From the realm of the incredible]. (1909) *Sibirskaya zhizn' – Siberian Life*. 12 March.
41. Iz gazet [From the newspapers]. (1912) *Sibirskaya zhizn' – Siberian Life*. 28 April.
42. Mimokhodom [In passing]. (1898) *Peterburgskiy listok – Petersburg Leaflet*. 16 May.
43. Proisshestviya [Incidents]. (1894) *Tomskiy spravochnyy listok – Tomsk Reference Leaflet*. 06 September.
44. Obo vsem [About everything]. (1911) *Sibirskaya zhizn' – Siberian Life*. 10 August.
45. Shevtsov, V.V. (2005) *Kartochnaya igra v Rossii (konets XVI — nachalo XX v.): istoriya igry i istoriya obshchestva* [Card Games in Russia (Late 16th – Early 20th Century): The History of the Game and the History of Society]. Tomsk: Izd-vo Tom. gos. un-t. 244 p.
46. Po Sibiri [Across Siberia]. (1910) *Sibirskaya zhizn' – Siberian Life*. 10 February.
47. Iz-pod Novinskogo, chto v Moskve [From under Novinsky, in Moscow]. (1863) *Golos – The Voice*. 07 March.
48. Mergelyarskie pis'ma [Mergelyar letters]. (1899) *Sibirskaya zhizn' – Siberian Life*. 26 February.
49. Ocherk [Sketch]. (1862) *Birzhevye vedomosti – Exchange Gazette*. 14 March.
50. Poezdka v Nizhniy Novgorod [A trip to Nizhny Novgorod]. (1865) *Golos – The Voice*. 10 September.
51. S nizhegorodskoy yarmarki [From the Nizhny Novgorod fair]. (1868) *Golos – The Voice*. 01 September.
52. Teleshov, N.D. (1897) *Za Ural. Iz skitaniy po Zapadnoy Sibiri* [Beyond the Urals. From Wanderings in Western Siberia]. Moscow: Tipografiya I.D. Sytina. 213 p.
53. Gorodskie Khroniki [City chronicles]. (1886) *Tomskiy listok – Tomsk Leaflet*. 20 April.
54. Panorama Peterburga [Panorama of Petersburg]. (1887) *Peterburgskiy listok – Petersburg Leaflet*. 06 August.
55. Ivanenko, A.S. (2004) *Chetyre veka Tyumeni* [Four Centuries of Tyumen]. Tyumen: Raduga-T. 368 p.
56. Vnutrennie novosti [Internal news]. (1867) *Golos – The Voice*. 22 August.

57. Bardina, P.E. (1995) *Byt russkikh sibiryakov Tomskogo kraya* [The Daily Life of Russian Siberians of the Tomsk Region]. Tomsk: Izd-vo Tom. gos. un-t. 224 p.
58. Po Rossii [Across Russia]. (1912) *Utro Sibiri – Morning of Siberia*. 12 July.

Информация об авторах:
Дунбинский И.А. – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры российской истории, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: dunbinskiy@mail.ru
Чабина А.Е. – учитель истории и обществознания, Тисульская СОШ № 1 (Тисуль, Россия). E-mail: cabinaanna99@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
I.A. Dunbinsky, Cand. Sci. (History), senior lecturer, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dunbinskiy@mail.ru
A.E. Chabina, teacher, Tisul Secondary School No. 1 (Tisul, Russian Federation). E-mail: cabinaanna99@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.09.2024;
одобрена после рецензирования 29.05.2026; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 30.09.2024;
approved after reviewing 29.05.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 903.21, 903.04
doi: 10.17223/15617793/527/15

Пряслица поселения Самусь IV: функциональный анализ

Асап Алексеевич Идимешев[1], Елена Андреевна Савко[2]

[1] Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, asap.i@mail.ru
[2] Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Барнаул, Россия, helenn.00@mail.ru

Аннотация. Исследованы пряслица, обнаруженные на поселении Самусь IV и представляющие собой ценный источник для реконструкции особенностей хозяйственной деятельности населения Томского Приобья конца III – первой половины II тыс. до н.э. Функциональные параметры пряслиц позволяют установить, что для производства тканей носители самусьской культуры указанного региона использовали преимущественно растительное сырье. Также существует вероятность, что производилась обработка собачьей шерсти. Текстильное производство было организовано на уровне домашних хозяйств без централизованного контроля.
Ключевые слова: пряслица, текстильное производство, эпоха бронзы, самусьская культура, Томское Приобье

Источник финансирования: исследование выполнено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0012 «Закономерности распространения и источниковедческие аспекты сохранения объектов археологического наследия в условиях техногенных изменений ландшафтов Евразии».

Для цитирования: Идимешев А.А., Савко Е.А. Пряслица поселения Самусь IV: функциональный анализ // Вестник Томского государственного университета. 2026. № 527. С. 137–142. doi: 10.17223/15617793/527/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/527/15

Spindle whorls from the Samus IV settlement: Functional analysis

Asap A. Idimeshev[1], Elena A. Savko[2]

[1] National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, asap.i@mail.ru
[2] Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Barnaul, Russian Federation, helenn.00@mail.ru

Abstract. The Samus IV settlement is a key Bronze Age archaeological site in Western Siberia; however, a significant portion of its material culture remains unpublished, including its corpus of spindle whorls. Spindle whorls serve as a vital proxy source for reconstructing ancient textile production, particularly because organic textile samples are rarely preserved in the archaeological record. Given the complete absence of actual textile finds at archaeological sites in the Tomsk Ob region dating from the late 3rd to the first half of the 2nd millennium BC, spindle whorls provide the sole evidence of textile manufacturing. This article aims to reconstruct specific aspects of this craft, focusing primarily on the spinning stage. To achieve this, the study examines artifacts recovered during archaeological excavations led by V.I. Matyushchenko between 1954 and 1972, and by E.A. Vasiliev between 1995 and 1996. A total of 35 spindle whorls were analyzed, comprising 33 fashioned from stone and two repurposed from ceramic vessel fragments. The functional characteristics of these artifacts were determined using a methodology developed by T.E. Ibarra and her co-authors, which relies on the moment of inertia as the primary functional parameter. These values were calculated using 3D models generated in Autodesk AutoCAD and Autodesk Inventor, and the results were subsequently compared with published experimental archaeological and ethnoarchaeological data. This analysis led to the identification of four distinct functional groups of spindle whorls. The majority of these tools were likely utilized to spin threads from plant fibers such as nettle and hemp. However, the use of dog hair cannot be ruled out, as indicated by specific functional groups exhibiting mid-range moments of inertia values, coupled with independent evidence of domestic dog exploitation within the Samus culture of the Tomsk Ob region. Additionally, it is highly probable that thread-twisting techniques were also employed in their textile repertoire. Ultimately, the high variability in the yarn production process—reflected in the wide range of moment of inertia values and the poorly defined boundaries between functional groups—suggests that textile production among the bearers of the Samus culture was organized strictly at the household level, completely devoid of centralized control.
Keywords: spindle whorls, textile production, Bronze Age, Samus culture, Tomsk Ob region

Financial support: The study was carried out within the framework of the research project of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences FWZG-2025-0012 "Patterns of Distribution and Source Studies Aspects of the Preservation of Archaeological Heritage Sites in the Context of Technogenic Changes in the Landscapes of Eurasia".

© Идимешев А.А., Савко Е.А., 2026

For citation: Idimeshev, A.A. & Savko, E.A. (2026) Spindle whorls from the Samus IV settlement: Functional analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 527. pp. 137–142. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/527/15

Введение

Поселение Самусь IV – археологический памятник, который широко известен и не нуждается в дополнительном представлении. Несмотря на то, что существует множество научных работ, посвящённых этому поселению, на данный момент не весь комплекс исследован и опубликован. В частности, это касается пряслиц [1].

В археологии существует множество версий о функциональном назначении пряслиц [2; 3. С. 133; 4]. В настоящей работе пряслица рассматриваются как часть инструмента для прядения – веретена, которые обеспечивают более стабильное вращение и увеличивают силу скручивания. Ввиду плохой сохранности органического материала в процессе археологизации, пряслица являются одним из немногочисленных свидетельств текстильного производства в Томском Приобье эпохи бронзы. Анализ функциональных характеристик пряслиц поможет выявить определённые аспекты текстильного производства, особенно стадии прядения.

Источниковая база

В настоящей работе используются пряслица, обнаруженные на поселении Самусь IV в результате раскопок, проведенных В.И. Матющенко в 1954–1972 гг. [5] и Е.А. Васильевым в 1995–1996 гг. [6]. Эти предметы включены в фонды Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (МАЭС ТГУ), Томского областного краеведческого музея (ТОКМ), Музея г. Северск (МГС).

Для анализа использовались как целые изделия, так и фрагменты, для которых удалось установить высоту, диаметр и диаметр отверстия. Количество исследованных в данной работе пряслиц – 35: 33 изготовлены из камня, 2 – из фрагментов керамических сосудов (таблица).

Вероятно, на исследуемом памятнике в процессе археологизации не сохранились пряслица из органических материалов, а также другие свидетельства текстильного производства.

Пряслица с поселения Самусь IV

Номер коллекции	Материал	Диаметр изделия, см	Диаметр отверстия, см	Высота, макс., см	Вес целого изделия, г	Момент инерции, г/см^2
МАЭС ТГУ 6750–84	Камень	7,49–7,52	0,6	0,65	59,82	364,301
МАЭС ТГУ 6750–2644	Камень	5,94	0,34–0,59	0,45	18,44	77,646
МАЭС ТГУ 6794–41	Камень	5,86–5,95	0,72–1,21	1,07	55,06	238,308
МАЭС ТГУ 6794–42	Камень	6,44–6,75	0,6	0,78	52,33	262,334
МАЭС ТГУ 6794–81	Камень	8,06–8,16	0,8	1,08	122,51	911,203
МАЭС ТГУ 6794–82	Камень	7,02–7,06	0,77–1,07	0,92	77,86	439,474
МАЭС ТГУ 6794–93	Камень	7,23–7,40	0,74–0,94	0,71	65,62	399,352
МАЭС ТГУ 6794–118-I-68	Камень	6,33–6,77	0,39–1	0,81	45,09	181,122
МАЭС ТГУ 6794–126-II-1	Камень	6,2	0,76–1,02	0,66	32,62	139,673
МАЭС ТГУ 6794–127-I-68	Камень	6,11–6,19	0,39–1,03	0,88	58,18	284,812
МАЭС ТГУ 6794–128-III-59	Камень	6,69–7	0,61	0,81	49,49	297,577
МАЭС ТГУ 6794–133-III-28	Камень	6,6	0,76	0,67	44	255,477
МАЭС ТГУ 6794–173-40	Камень	4,66	0,66–0,93	0,54	18,62	54,205
МАЭС ТГУ 6794–187-91	Камень	3,73–3,29	0,76–1,52	1,5	37,78	81,074
МАЭС ТГУ 6794–204-139, 337	Камень	6,49–6,77	0,57–1,04	0,67	46,87	266,684
МАЭС ТГУ 6794–220-78	Камень	4,48–4,79	0,75–1,89	1,6	53,92	107,883
МАЭС ТГУ 6794–220-79	Камень	6,78	0,34–0,71	0,77	56,11	281,77
МАЭС ТГУ 6794–272-I-5	Камень	4,38–4,75	0,73–1,18	0,66	21,54	46,442
МАЭС ТГУ 6794–296-IV-76	Камень	7,98	0,87–1,33	1,16	102,95	786,712
МАЭС ТГУ 6794–25934	Камень	6,2	0,61–1,08	0,6	36,02	185,021
МАЭС ТГУ 6794–28778; 8075–40	Камень	6,93–6,99	0,51–0,71	0,44	28,26	163,052
МАЭС ТГУ 6794–28780	Камень	6,48	0,53–1,15	0,63	35,47	119,165
МАЭС ТГУ 6794–28784	Камень	5,41–6,02	0,41–0,81	0,76	38,64	162,1
МАЭС ТГУ 6794–28785	Камень	4,78	0,63–0,92	0,82	30,29	99,52
МАЭС ТГУ 6794–28786	Камень	6,27–6,48	0,55–0,77	0,78	54,98	263,634
МАЭС ТГУ 6794–28788	Керамика	3,86–4,09	0,35–0,75	0,69	11,48	20,472
МАЭС ТГУ 6794–28789	Камень	6,89	0,54–0,81	0,61	38,27	222,909
МАЭС ТГУ 6794–О-79	Камень	4,75	0,73	0,53	33,18	124,972
МАЭС ТГУ 6794–отвал-12	Камень	5,68	0,66–1	0,57	34,04	125,463
МАЭС ТГУ 6794–П-3	Керамика	7,55–7,96	0,71–1,29	0,94	65,64	468,901
ТОКМ 3410–24	Камень	5,45–5,57	0,61	0,77	33,038	123,412
ТОКМ 3410–2201	Камень	5,81	0,89	1,17	54,24	203,571
ТОКМ 3410–3422	Камень	5,81	0,85	1,17	51,71	188,148
МГС 3769–1108	Камень	4,23	0,56–0,85	0,67	23,37	51,586
МГС 3852–891	Камень	4,26	0,78–1,22	0,76	24,62	58,417

Методы

Определения функциональных характеристик пряслиц проводились в соответствии с методикой, разработанной Т.Е. Ибарра и соавт. [7. С. 1224–1232], с некоторыми изменениями, которые описаны в статье, посвященной прядению в эпоху раннего железа Томского Приобья [8. С. 110–111]. В качестве основного функционального параметра пряслиц используется момент инерции, который определяется с помощью трехмерных цифровых моделей предметов, созданных в программном обеспечении Autodesk AutoCAD на основании сечений изделий; Autodesk Inventor служит для произведения расчетов. Для анализа фрагментированных предметов путем графической и цифровой реконструкции устанавливается степень их целостности (в процентах). Затем рассчитывается масса целого изделия. При анализе асимметричных пряслиц возникает некоторая погрешность, которая принимается за дозволительную. При функциональном анализе игнорируются веретена, так как их параметры неизвестны, однако их влияние на момент инерции по сравнению с пряслицами незначительно [9. С. 265].

Для систематизации расчетов используется разработанный А. Верхекеном график с условными делениями значений момента инерции на определенные диапазоны, выделенные на коэффициенте 1,2. Это связано с тем, что при изменениях функциональных характеристик пряслиц наиболее показательной является не прямая числовая разница, а соотношение. Такое значение определено специально для выделения функциональных групп пряслиц с учетом относительной ошибки, возникающей при вычислениях [9. С. 266–267].

Единицей измерения момента инерции в системе СИ является «кг/м^2», но исходя из того, что пряслица имеют достаточно малые значения, в археологии принято использовать «г/см^2» [7. С. 1228; 9. С. 263].

Результаты исследований

Были определены значения момента инерции для 35 пряслиц с поселения Самусь IV. Результаты расчётов представленны в виде шкалы и разделены на четыре основные группы, которые могут характеризоваться как функциональные (рис. 1). Эти функциональные группы соотносятся с выделенными для пряслиц эпохи раннего железа Томского Приобья [8]:

– группа с более низкими средними значениями момента инерции (20,472 г/см^2) – 1 изделие;

– группа с более высокими средними значениями момента инерции (от 46,442 от до 58,417 г/см^2) – 4 изделия;

– группа с высокими значениями момента инерции (от 77,646 от до 468,901 г/см^2) – 28 изделий;

– группа с очень высокими значениями момента инерции (от 786,712 от до 911,203 г/см^2) – 2 изделия.

Для интерпретации выделенных функциональных групп используются данные экспериментальных и этноархеологических исследований, осуществлявшихся при анализе пряслиц различных эпох и регионов мира. В исследованиях принимали участие профессиональные прядильщики, в том числе и те, кто обучался этому с детства у представителей старших поколений. Из них следует, что наибольшее значение на выбор сырья и изготовленные нити имеют предпочтения и навыки прядильщиков [10. С. 314–317; 11. С. 121, 211, 229–240; 12. С. 80; 13. С. 1065].

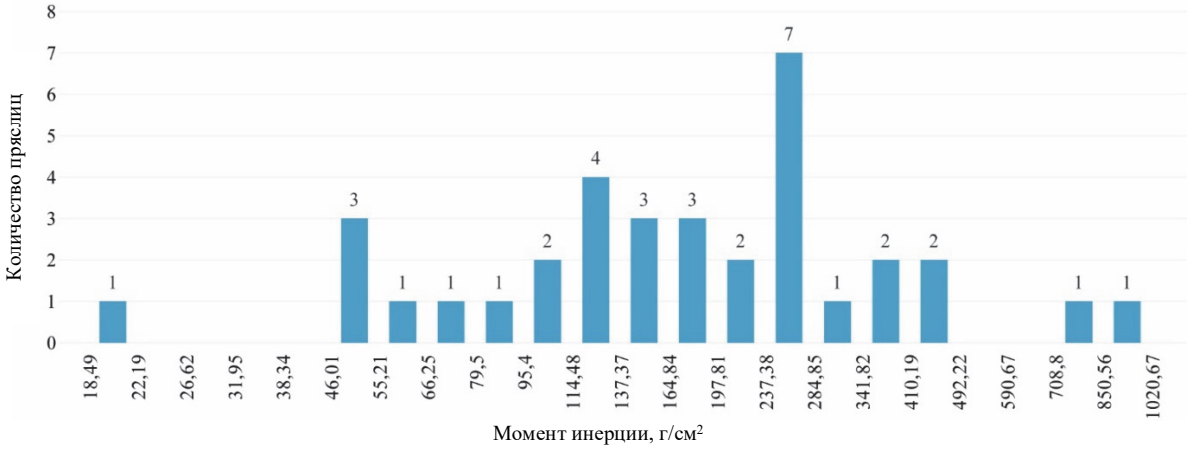

Рис. 1. Общее соотношение значений момента инерции пряслиц с поселения Самусь IV

Однако существуют закономерности в использовании определенных функциональных групп пряслиц для изготовления нитей из определенного сырья. В некоторых случаях это связано с удобством работы, в других – с невозможностью использования отдельных функциональных групп пряслиц для скручивания некоторых видов волокон [7. С. 1228–1233; 9. С. 263–269; 14]. Так, для прядения хорошо подготовленных высококачественных волокон собачьей и овечьей шерсти наиболее подходящими являются пряслица, обладающие моментом инерции в диапазоне от 1 до 10 г/см^2. В то же время для более грубого и неподготовленного сырья из шерсти овец и собак предпочтительнее использовать пряслица с моментом инерции в диапазоне от 40 до 90 г/см^2 [9. С. 262, 268, рис. 44.10]. Другое исследование показывает, что для обработки сырья животного и растительного происхождения, состоящего из коротких и тонких волокон (хлопок, шёлк, шерсть кролика), применимы пряслица из одной функциональной группы с показателями момента инерции от 0,896 до 48,985 г/см^2. Сырьё, состоящее из более длинных и грубых волокон (агава), соотносится с другой

функциональной группой пряслиц с показателями момента инерции от 41,355 до 311,549 г/см² [7. С. 1227–1228, 1232–1234].

Таким образом, имеются экспериментальные данные для сопоставления показаний момента инерции пряслиц и шерстяного сырья.

Для растительного сырья, которое могло применяться в Томском Приобье, таких данных нет. Однако, учитывая свойства волокон крапивы и конопли, стоит принять, что для их использования в прядении требуются пряслица с более высокими значениями момента инерции, чем для шерсти (аналогично волокнам агавы). Кроме того, отсутствуют экспериментальные данные по ссучиванию нитей. Но, определенно, для осуществления данной операции также требуются пряслица, обладающие высокими значениями момента инерции. Также существует вероятность того, что ссучивание осуществлялось ручным способом, без использования веретена.

Следует подчеркнуть, что наибольшее количество пряслиц с поселения Самусь IV относится к одной функциональной группе, в то время как другие группы представлены единичными экземплярами. Это может свидетельствовать об отсутствии стандартизации в процессе изготовления пряслиц, а не о зависимости в использовании изделий из определенных групп и сырья, из которого изготавливались нити. На это также указывает достаточно широкий диапазон значений в наиболее представленной группе.

Пряслица из группы с высокими значениями момента инерции являются наиболее подходящими для обработки длинных и грубых растительных волокон. В Томском Приобье в период ранней развитой бронзы наиболее вероятно использование крапивы и конопли. Изделия, относящиеся к группе с очень высокими значениями момента инерции, а также, возможно, некоторые изделия из группы с высокими значениями момента инерции предназначались для ссучивания нитей.

Группа изделий с более высокими средними значениями момента инерции попадает в допустимый диапазон для обработки шерсти, а также длинных и грубых растительных волокон. Вероятно, при использовании растительного сырья для изготовления нитей, оно подвергалось более тщательной предварительной обработке по сравнению с двумя ранее описанными группами. Если допустить использование шерсти, то она была плохо подготовлена к процессу прядением. Изделие с более низкими средними значениями момента инерции является наиболее подходящим для обработки шерсти. Однако наличие только одного предмета в данной функциональной группе, вероятнее всего, указывает именно на отсутствие стандартизации в производстве пряслиц.

Можно сделать вывод, что пряслица с поселения Самусь IV использовались для обработки растительных волокон крапивы и конопли. Несмотря на то, что изделия из группы со средними значениями момента инерции, а также ряд предметов с наименьшими показаниями из группы с высокими значениями могли использоваться для обработки шерсти, в настоящее время нет достаточных оснований утверждать это.

Обсуждения

Основные керамические комплексы поселения Самусь IV относятся к периоду ранней развитой бронзы и включают три компонента: самусьский, печатно-гребенчатый и гребенчато-ямочный [6. С. 119; 15. С. 77–98]. Два пряслица изготовлены из фрагментов керамических сосудов с гребенчато-ямочной орнаментацией. Одно пряслице относится к группе с более низкими средними значениями момента инерции, другое – к группе с высокими значениями. Остальные изготовлены из камня. Учитывая широкую планиграфическую и стратиграфическую разрозненность в залегании пряслиц, их следует отнести к доминирующим на поселении Самусь IV материалам самусьской культуры. Это подтверждается тем, что каменные пряслица часто обнаруживаются вместе с керамикой данной культуры. Таким образом, рассмотренные пряслица с поселения Самусь IV датируются концом III – первой половиной II тыс. до н.э. В археологических памятниках этого периода на сопредельных территориях также фиксируется наличие данной категории изделий: самусьская (Новосибирское Приобье) [15. С. 47], кротовская [16. С. 64; 17. С. 43], елунинская [18. С. 167–168], окуневская [19. С. 164] культуры. Распространение пряслиц в памятниках Западной и Южной Сибири в указанный период может быть обусловлено активным культурным взаимодействием в регионе, связанным с сейминско-турбинским транскультурным феноменом.

В археологических памятниках Томского Приобья рассматриваемого периода не обнаружено органических образцов тканей. Однако в материалах более позднего времени, относящихся к еловской культуре, зафиксированы нити из растительных волокон [20. С. 10–11, 65]. Рассматривая материалы доандроновского времени сопредельных территорий, использование шерстяного волокна отмечено в памятниках окуневской культуры Минусинской котловины [21. С. 105; 22. С. 223]. В археологических памятниках Южного Урала конца III – первой половины II тыс. до н.э. (синташтинская, петровская, алакульская культуры) преобладают ткани из шерсти, но также присутствуют фрагменты, изготовленные из растительного сырья. В андроновское время в Среднем Прииртышье фиксируются свидетельства использования шерстяного и растительного сырья для изготовления нитей; в Минусинской котловине в этот период известно использование шерстяного сырья [23].

Широкое распространение традиции использования шерсти в текстильном производстве в степной зоне Западной и Южной Сибири связано с распространением андроновской культуры [24]. Однако известны единичные находки шерстяных нитей в памятниках окуневской культуры. Использование шерсти в этих культурах не удивительно, учитывая значительную роль животноводства в хозяйстве. Для самусьской культуры Томского Приобья существуют убедительные доказательства содержания собак, шерсть которых потенциально могла использоваться в текстильном производстве [25].

Выводы

Текстильное производство самусьской культуры, вероятно, основывалось на использовании растительного сырья (крапива, конопля). Однако не исключено и использование шерсти собак, на что могут указывать функциональные группы пряслиц со средними и некоторые изделия из группы с высокими значениями момента инерции, а также свидетельства разведения собак населением самусьской культуры Томского Приобья. Вероятно, что в текстильном производстве был распространен прием ссучивания нитей. В настоящее время недостаточно информации для характеристики текстильного производства носителей гребенчато-ямочного комплекса поселения Самусь IV. Известно только о двух пряслицах, которые могли использоваться как для обработки растительного сырья, так и для шерсти.

На отсутствие стандартизации процесса производства нитей и на неунифицированный характер производства текстильного оборудования на поселении Самусь IV указывают широкий диапазон значений в функциональных группах пряслиц и их невыраженные границы. Таким образом, согласно модели К. Кимбро [12. С. 248–250], текстильное производство самусьской культуры Томского Приобья имело организацию на уровне домашних хозяйств без централизованного контроля.

Для более глубокого изучения текстильного производства самусьской культуры необходимо проведение экспериментальных археологических исследований процесса прядения с использованием различных по функциональным характеристикам пряслиц для обработки волокон растительного и животного происхождения. Кроме этого, необходимо выявить и другие артефакты, свидетельствующие о процессе изготовления тканей.

Список источников

1. Идимешев А.А. Функциональный анализ пряслиц с поселения Самусь IV. URL: https://zsaek.tsu.ru/sites/default/files/webform/Idimeshev_2024.pdf#overlay-context=node/41 (дата обращения: 07.10.2024).
2. Сериков Ю.Б. К вопросу о сакральном и функциональном назначении так называемых пряслиц // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург : Уральский гос. ун-т, 2005. С. 93–101.
3. Есин Ю.Н. Древнее искусство Сибири: самусьская культура. Томск : Томский гос. ун-т, 2009. 526 с.
4. Rusu A.A. Jetoane medievale din ceramică: utilităţi cu multiple dubii de interpretare // Analele Banatului, Serie nouă: Arheologie – istorie. 2016. Vol. XXIV. P. 337–378.
5. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. 2: Самусьская культура // Из истории Сибири. Томск : Томский гос. ун-т, 1973. Вып. 10. 212 с.
6. Васильев Е.А. Самусь IV: старые проблемы на фоне новых исследований // Археологические материалы и исследования Северной Азии Древности и Средневековья. Томск : Томский гос. ун-т, 2007. С. 114–127.
7. Ibarra T.E., López Corral A., Santacruz Cano R. The Artisan and the Tool: A Technological–Functional Analysis of Tlaxcallan Spindle Whorls // Archaeometry. 2018. Vol. 60, № 6. P. 1221–1236.
8. Идимешев А.А. Прядение у населения раннего железного века Томского Приобья: функциональный анализ пряслиц // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 108–116.
9. Verhecken A. The moment of inertia: a parameter for the functional classification of worldwide spindle-whorls from all periods // Ancient textiles series: North European Symposium for Archaeological Textiles X. 2010. Vol. 5. P. 257–270.
10. Parsons J.R., Parsons M.H. Maguey utilization in highland central Mexico: an archaeological ethnography // Archaeological Ethnography (Anthropological Papers Series). 1990. Vol. 82. 406 p.
11. Fauman-Fichman R. Postclassic craft production in Morelos, Mexico: the cotton thread industry in the provinces : dis … doctor of Philosophy. Pittsburgh : University of Pittsburgh, 1999. 353 p.
12. Kimbrough C.K. Spindle Whorls, etnoarchaeology, and the study of textile production in third millennium BCE Northern Mesopotamia: a methodological approach : dis … doctor of Philosophy. New York : New York University, 2006. 422 p.
13. Cossich Vielman M. Haciendo hilo, creando historia: Análisis de los malacates de la Costa Sur y del sureste de Petén // En XXII Simposio de Investigaciones Arqueológicas. Guatemala : Museo Nacional de Arqueología y Etnología, 2009. P. 1062–1077.
14. Kania K. Soft yarns, hard facts? Evaluating the results of a large-scale hand-spinning experiment // Archaeological and Anthropological Sciences. 2015. Vol. 7, № 1. P. 113–130.
15. Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск : Наука, 1989. 168 с.
16. Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск : Наука, 1977. 176 с.
17. Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. Томск : Томский гос. ун-т, 1988. 136 с.
18. Грушин С.П., Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. и др. Елунинский археологический комплекс Телеутский Взвоз-I в Верхнем Приобье: опыт междисциплинарного изучения. Барнаул : Алтайский гос. ун-т, 2016. 270 с.
19. Поляков А.В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб. : ИИМК РАН, 2022. 364 с.
20. Глушкова Т.Н. Археологические ткани Западной Сибири. Сургут : Сургутский гос. пед. ун-т, 2002. 206 с.
21. Наглер А., Парцингер Г. Новые памятники окуневской культуры в центральной части Минусинской котловины // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб. : СПбГУ, 2006. С. 104–119.
22. Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул : Азбука, 2014. 380 с.
23. Анкушева П.С. Вопросы истоков и развития текстильной культуры в позднем бронзовом веке Южного Урала // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 4 (32). С. 43–57.
24. Шишлина Н.И., Орфинская О.В., Хоммель П. и др. Шерстяные ткани бронзового века северной Евразии: новые радиоуглеродные данные // Российские нанотехнологии. 2020. Т. 15, № 5. С. 671–680.
25. Девяшин М.М., Кисагулов А.В., Богайчук Е.А., Идимешев А.А. Археозоологические материалы поселения Потаповы Лужки III (Томское Приобье): по результатам работ 2020–2021 годов // Археология Евразийских степей. 2024. № 6. С. 296–304.

References

1. Idimeshev, A.A. (2024) *Funktsional'nyy analiz pryaslits s poseleniya Samus' IV* [Functional Analysis of Spindle Whorls from the Samus IV Settlement]. [Online] Available from: https://zsaek.tsu.ru/sites/default/files/webform/Idimeshev_2024.pdf#overlay-context=node/41 (Accessed: 07.10.2024).
2. Serikov, Yu.B. (2005) K voprosu o sakral'nom i funktsional'nom naznachenii tak nazyvaemykh pryaslits [On the question of the sacred and functional purpose of so-called spindle whorls]. In: *Arkheologiya Urala i Zapadnoy Sibiri* [Archaeology of the Urals and Western Siberia]. Yekaterinburg: UrSU. pp. 93–101.

3. Esin, Yu.N. (2009) *Drevnee iskusstvo Sibiri: samus'skaya kul'tura* [Ancient Art of Siberia: The Samus Culture]. Tomsk: TSU. 526 p.
4. Rusu, A.A. (2016) Jetoane medievale din ceramicâ: utilitâţi cu multiple dubli de interpretare. *Analele Banatului, Serie nouâ: Arheologie – istorie*. XXIV. pp. 337–378.
5. Matyushchenko, V.I. (1973) Drevnyaya istoriya naseleniya lesnogo i lesostepnogo Priob'ya. Ch. 2: Samus'skaya kul'tura [Ancient history of the population of the forest and forest-steppe Ob region. Part 2: The Samus culture]. In: *Iz istorii Sibiri* [From the History of Siberia]. Issue 10. Tomsk: TSU. 212 p.
6. Vasil'ev, E.A. (2007) Samus' IV: starye problemy na fone novykh issledovaniy [Samus IV: old problems against the background of new research]. In: *Arkheologicheskie materialy i issledovaniya Severnoy Azii Drevnosti i Srednevekov'ya* [Archaeological Materials and Research of Northern Asia of Antiquity and the Middle Ages]. Tomsk: TSU. pp. 114–127.
7. Ibarra, T.E., López Corral, A. & Santacruz Cano, R. (2018) The Artisan and the Tool: A Technological–Functional Analysis of Tlaxcallan Spindle Whorls. *Archaeometry*. 60 (6). pp. 1221–1236.
8. Idimeshev, A.A. (2023) Pryadenie u naseleniya rannego zheleznogo veka Tomskogo Priob'ya: funktsional'nyy analiz pryaslits [Spinning among the population of the Early Iron Age of the Tomsk Ob region: functional analysis of spindle whorls]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 108–116.
9. Verhecken, A. (2010) The moment of inertia: a parameter for the functional classification of worldwide spindle-whorls from all periods. *Ancient textiles series: North European Symposium for Archaeological Textiles X*. 5. pp. 257–270.
10. Parsons, J.R. & Parsons, M.H. (1990) Maguey utilization in highland central Mexico: an archaeological ethnography. *Archaeological Ethnography (Anthropological Papers Series)*. 82. 406 p.
11. Fauman-Fichman, R. (1999) *Postclassic craft production in Morelos, Mexico: the cotton thread industry in the provinces*. PhD Thesis. Pittsburgh: University of Pittsburgh. 353 p.
12. Kimbrough, C.K. (2006) *Spindle Whorls, ethnoarchaeology, and the study of textile production in third millennium BCE Northern Mesopotamia: a methodological approach*. PhD Thesis. New York: New York University. 422 p.
13. Cossich Vielman, M. (2009) Haciendo hilo, creando historia: Análisis de los malacates de la Costa Sur y del sureste de Petén. In: *XXII Simposio de Investigaciones Arqueológicas*. Guatemala: Museo Nacional de Arqueología y Etnología. pp. 1062–1077.
14. Kania, K. (2015) Soft yarns, hard facts? Evaluating the results of a large-scale hand-spinning experiment. *Archaeological and Anthropological Sciences*. 7 (1). pp. 113–130.
15. Molodin, V.I. & Glushkov, I.G. (1989) *Samus'skaya kul'tura v Verkhnem Priob'e* [The Samus Culture in the Upper Ob Region]. Novosibirsk: Nauka. 168 p.
16. Molodin, V.I. (1977) *Epokha neolita i bronzy lesostepnogo Ob'-Irtysh'ya* [The Neolithic and Bronze Age of the Forest-Steppe Ob-Irtysh Region]. Novosibirsk: Nauka. 176 p.
17. Matyushchenko, V.I. & Sinitsyna, G.V. (1988) *Mogil'nik u d. Rostovka vblizi Omska* [The Burial Ground near the Village of Rostovka near Omsk]. Tomsk: TSU. 136 p.
18. Grushin, S.P., Kiryushin, Yu.F., Tishkin, A.A. et al. (2016) *Eluninskiy arkheologicheskiy kompleks Teleutskiy Vzvoz-I v Verkhnem Priob'e: opyt mezhdistsiplinarnogo izucheniya* [The Elunino Archaeological Complex Teleutsky Vzvoz-I in the Upper Ob Region: An Experience of Interdisciplinary Study]. Barnaul: AltSU. 270 p.
19. Polyakov, A.V. (2022) *Khronologiya i kul'turogenez pamyatnikov epokhi paleometalla Minusinskikh kotlovin* [Chronology and Cultural Genesis of Sites of the Palaeometal Era of the Minusinsk Basins]. St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. 364 p.
20. Glushkova, T.N. (2002) *Arkheologicheskie tkani Zapadnoy Sibiri* [Archaeological Textiles of Western Siberia]. Surgut: SSPU. 206 p.
21. Nagler, A. & Partsinger, G. (2006) Novye pamyatniki okunevskoy kul'tury v tsentral'noy chasti Minusinskoy kotloviny [New sites of the Okunev culture in the central part of the Minusinsk basin]. In: *Okunevskiy sbornik 2. Kul'tura i ee okruzhenie* [Okunev Collection 2. Culture and Its Environment]. St. Petersburg: SPbSU. pp. 104–119.
22. Vadetskaya, E.B., Polyakov, A.V. & Stepanova, N.F. (2014) *Svod pamyatnikov afanas'evskoy kul'tury* [Corpus of Sites of the Afanasyevo Culture]. Barnaul: Azbuka. 380 p.
23. Ankusheva, P.S. (2020) Voprosy istokov i razvitiya tekstil'noy kul'tury v pozdnem bronzovom veke Yuzhnogo Urala [Questions of the origins and development of textile culture in the Late Bronze Age of the Southern Urals]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy – Theory and Practice of Archaeological Research*. 4 (32). pp. 43–57.
24. Shishlina, N.I., Orfinskaya, O.V., Khommel', P. et al. (2020) Sherstyanye tkani bronzovogo veka severnoy Evrazii: novye radiouglerodnye dannye [Wool fabrics of the Bronze Age of Northern Eurasia: new radiocarbon data]. *Rossiyskie nanotekhnologii – Russian Nanotechnologies*. 15 (5). pp. 671–680.
25. Devyashin, M.M., Kisagulov, A.V., Bogaychuk, E.A. & Idimeshev, A.A. (2024) Arkheozoologicheskie materialy poseleniya Potapovy Luzhki III (Tomskoe Priob'e): po rezul'tatam rabot 2020–2021 godov [Archaeozoological materials of the Potapovy Luzhki III settlement (Tomsk Ob region): based on the results of work in 2020–2021]. *Arkheologiya Evraziyskikh stepey – Archaeology of the Eurasian Steppes*. 6. pp. 296–304.

Информация об авторах:

Идимешев А.А. – старший преподаватель факультета исторических и политических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: asap.i@mail.ru

Савко Е.А. – младший научный сотрудник Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Барнаул, Россия). E-mail: helenn.00@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.A. Idimeshev, senior lecturer, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: asap.i@mail.ru

E.A. Savko, junior researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Barnaul, Russian Federation). E-mail: helenn.00@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.10.2024;
одобрена после рецензирования 16.05.2026; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 25.10.2024;
approved after reviewing 16.05.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 27-725
doi: 10.17223/15617793/527/16

«Сочувствующий изучению края», или Как васюганский священник П.В. Краснов стал собирателем фольклорно-этнографических материалов

Наталья Евгеньевна Коровина[1]

[1] *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, korovina_natasha_2066@mail.ru*

Аннотация. Раскрываются особенности собирательской деятельности П.В. Краснова (1872–1886 гг.). Предлагается интерпретация авторских сочинений православного священника как заданных внешними и внутренними параметрами прочтения – общим процессом складывания исследовательских программ Русского географического общества и частными обстоятельствами его биографии и карьеры. Результатом комплексного изучения всех выявленных источников является реконструкция служебной биографии П.В. Краснова, установление авторства маргиналий на автографах его рукописей.
Ключевые слова: Сибирь, этнографические программы Русского географического общества, «инородческий вопрос», православный «инородческий» приход, ханты (остяки)

Для цитирования: Коровина Н.Е. «Сочувствующий изучению края», или как васюганский священник П.В. Краснов стал собирателем фольклорно-этнографических материалов // Вестник Томского государственного университета. 2026. № 527. С. 143–149. doi: 10.17223/15617793/527/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/527/16

"Sympathetic to regional studies", or How the Vasyugan priest P.V. Krasnov became a collector of folklore and ethnographic materials

Natalya E. Korovina[1]

[1] *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, korovina_natasha_2066@mail.ru*

Abstract. This article examines the activities of the Orthodox priest P.V. Krasnov, a collector of "Ostyak stories" and author of "Description of the Everyday Life of the Ostyaks of the Tomsk District, 5th Division of the Vasyugan Volost," a work defined here as a "project" to transform the administrative system of the *inorodcheskoe soslovie* (indigenous estate) between 1878 and 1886. The former function operates similarly to a "political letter," signaling the author's alignment with the expert community and his acceptance of its structural and content requirements for research reports. A defining feature of Krasnov's ethnographic methodology is the integration of heterogeneous genre elements within the artistic system of his "Description," juxtaposing a rigorous scientific narrative style aimed at detailed, credible realism with artistic descriptions rooted in folklore. The interpretation of the priest's writings is shaped by both external and internal analytical parameters: the overarching evolution of the Russian Geographical Society (RGO) research programs and the specific circumstances of his own biography and career. Investigating Krasnov's biography and his work collecting folklore and ethnographic materials establishes his membership in the West Siberian Section of the Russian Geographical Society (ZSORGO) research community, a status corroborated by records in the *ZSORGO Anniversary Collection*. It is highly probable that N.A. Kostrov, serving as secretary of the Tomsk Provincial Statistical Committee, edited Krasnov's manuscripts. Kostrov's marginalia—consisting of vertical and horizontal strikethroughs, corrections, and contextual clarifications directly on the priest's original holographs—serve as a vital primary source illuminating the editorial and expert workflows of ZSORGO. Through a comprehensive analysis of dispersed documents directly and indirectly tied to Krasnov's ministry in his indigenous parish, this study refines the priest's official biography, establishes the authorship of the manuscript marginalia, and characterizes his role in implementing the imperial state project to gather ethnographic intelligence on the Khanty. Throughout the composition of his ethnographic essay, Krasnov proved to be a conscientious researcher dedicated to reliability, objectivity, and comprehensiveness. He explicitly detailed the obstacles hindering the effective Russification of the Siberian frontiers—attributing them primarily to harsh climatic conditions, low population density, highly uneven Russian settlement patterns across vast territories, and the isolation of indigenous yurt settlements from churches and schools—while proposing concrete administrative reforms to improve the living conditions of the Ostyak population as a core component of his research report.
Keywords: Siberia, ethnographic programs of the Russian Geographical Society, "inorodcheskiy" question, Orthodox "inorodcheskiy" parish, Khanty (Ostyaks)

***For citation*:** Korovina, N.E. (2026) "Sympathetic to regional studies", or How the Vasyugan priest P.V. Krasnov became a collector of folklore and ethnographic materials. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 527. pp. 143–149. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/527/16

© Коровина Н.Е., 2026

Введение

Открытие в 1877 г. в Омске Западносибирского отдела Русского географического общества (далее – ЗСОРГО) способствовало активизации изучения культурно-бытовых особенностей народов Западной Сибири, их языка и религиозных верований. К сбору материала привлекались не только члены РГО, но и «различные лица и учреждения, могущие содействовать делу исследования инородческого быта» [1. С. 1]. Наибольший интерес к истории края проявляли представители духовенства [2, 3]. Отметим, что «научные волонтеры» РГО были снабжены специально для них разработанными этнографическими программами, представляющими собой набор инструкций, которые постоянно видоизменялись в соответствии с ответами информантов. Эксперты, заинтересованные в составлении комплексных описаний этносов, пытаясь предвидеть трудности, с которыми могли столкнуться «сочувствующие», давали подробные пояснения по заполнению рассылаемых анкет. Ответы, предоставляемые членами-корреспондентами, имели существенное значение в контексте выработки эффективных методов управления окраинами во второй половине XIX в. В частности, они позволяли увидеть новые факторы, влияющие на интеграцию инородцев в общеимперское пространство, которые ранее не учитывались или рассматривались поверхностно. Иными словами, собранные сведения могли иметь практическую пользу, служить своеобразным «путеводителем» по заселению и хозяйственному освоению русскими переселенцами Сибири. Программы и анкеты РГО, ответы членов-корреспондентов, вместе взятые, обладают большим информационным потенциалом. Посредством обращения к ним представляется возможным выявить особенности конструирования образа региона различными категориями населения – в нашем случае сельскими служителями церкви, непосредственно наблюдавшими за бытом инородцев.

В рамках данной статьи на основе комплексного анализа выявленных источников раскрываются детали биографии и особенности собирательной деятельности П.В. Краснова – священника одного из сибирских «инородческих» приходов – и его контакты с официальными представителями и экспертами ЗСОРГО.

Источники, методологическая основа исследования, гипотеза

Для решения поставленной в исследовании задачи были использованы следующие группы источников: 1) делопроизводственные источники представлены документами, возникшими в процессе экспедиционной и научно-исследовательской деятельности РГО во второй половине XIX в. (в частности, к ним можно отнести программы, рассылаемые по деревням и селам членам-корреспондентам, председателям в качестве «ориентиров» в изучении культуры, быта и религии инородцев), прошениями П.В. Краснова, содержащими, скорее, косвенную информацию о мотивах перемены места службы, об особенностях священнической службы [4, 5]; 2) авторские сочинения православного священника, снабженные различного рода маргиналиями – редакторскими правками, комментариями, дополнениями и отсылками к другим сюжетам, понятными при совокупном изучении с другими источниками. В частности, особого внимания заслуживают рукописи: «Описание быта инородцев-остяков Томского округа 5-го участка Васюганской волости», рассматриваемого нами в качестве «проекта» по преобразованию системы управления «инородческим сословием», и «Остяцкие рассказы» [6, 7]. Первая подобна «политическому письму», заявляющему о принадлежности автора к экспертному сообществу, принятии его требований к содержанию и структуре исследовательского отчета. Вместе с тем сочетание в художественной системе «Описания быта инородцев» разнородных жанровых элементов – научного стиля изложения, характеризующегося стремлением автора к точному и правдивому изображению действительности, и художественного описания, опирающегося на фольклор, является особенностью этнографического исследования П.В. Краснова.

Прежде чем перейти к основному содержанию статьи, следует сказать о проблеме «рассредоточенности» источников. Рассмотрение документов личного происхождения П.В. Краснова (фольклорно-этнографических материалов, собранных в результате службы в «инородческом» приходе, сопроводительных писем на имя кн. Н.А. Кострова, свидетельства об успеваемости священника и др.), хранящихся в Музее истории, археологии и этнографии Сибири ТГУ (далее – МАЭС) и разных фондах Научной библиотеки ТГУ (в частности, в фондах Г.Н. Потанина и Н.А. Кострова) и ГАТО, в отрыве друг от друга, привело к ряду ошибок как в реконструкции биографии священника, так и в работе с рукописными оригиналами его сочинений. Вероятно, проблема «рассредоточенности» источников может быть решена в рамках формирования поливидовой источниковой базы. На наш взгляд, наиболее плодотворное изучение и использование личных документов П.В. Краснова возможно именно в контексте с другими источниками информации.

В настоящем исследовании в качестве теоретического инструментария, позволяющего реконструировать опыт «профессионального» сотрудничества и взаимодействия православного духовенства и экспертов ЗСОРГО, результатом которого является создание историко-культурного образа территории «изнутри», выступает понятие «фрейм», детализированное применительно к социальным явлениям И. Гофманом [8]. К конституирующим элементам фрейма как когнитивного образования принято относить когниции (знания) и экспектации (ожидания) [9], что создает возможность рассматривать деятельность Западно-Сибирского отдела Русского географического общества по исследованию «инородческого вопроса» в имперской России как специфический контекст (или внешние рамки), создающий границы возможного, допустимого, желательного поведения «сочувствующих изучению края». В свою очередь профессиональная подготовка священника, его знания, опыт собирательской работы определяют внутренние рамки авторских сочинений.

Введенные в исследование категории выполняют методологическую функцию, позволяя определить задачи статьи – реконструировать служебную биографию П.В. Краснова, сосредоточив основное внимание на собирательской деятельности священника (1872–1886 гг.); установить авторство и характер маргиналий на его исследовательских текстах, провести источниковедческий анализ рукописей П.В. Краснова в контексте имперских задач, стоящих перед ЗСОРГО.

Рассмотрение текстов П.В. Краснова как заданных внешними и внутренними параметрами прочтения позволяет сформулировать гипотезу: священники, в чьи задачи входило историко-этнографическое изучение коренных народах Сибири, являлись одновременно и инструментом стабилизации, и фактором трансформации имперской системы управления «инородческим сословием»: их исследовательская активность форматировалась (фреймировалась), с одной стороны, целеполаганием и программами светского администрирования и научной экспертизы, заставляя действовать в соответствии с ними, с другой – профессиональными занятиями и опытом церковного служения, диктовавшим отношение к изучаемым народам как своей потенциальной пастве, нуждающейся в духовном руководстве.

Результаты исследования

До недавнего времени о личности П.В. Краснова, его служебной деятельности в «инородческом» приходе села Васюганского Томского уезда в 1872–1886 гг. имелись самые общие сведения. В базе данных «Духовенство русской православной церкви в XX в.» говорится следующее: «Краснов Петр Васильевич, сын дьячка Краснова Василия Иоакимовича, родился приблизительно в 1845 г. Был рукоположен в священнический сан в год окончания духовной семинарии». Все члены семьи П.В. Краснова были людьми не только верующими, но и церковными: так, например, одна из сестер П.В. Краснова – Параскева Васильевна изготовляла просфоры для Петропавловской церкви с. Поперечный Искитим, старший брат Иван Васильевич в 1869 г. рукоположен в сан священника, служил в Покровской церкви с. Бобровского [10].

Опубликованная в 1996 г. в сборнике «Земля каргасокская» статья Ю.И. Ожередова стала отправной точкой в изучении собирательской деятельности П.В. Краснова. Она вводила в научный оборот его рукопись, посвященную описанию быта инородцев-остяков Томского округа 5-го участка Васюганской волости [11]. Поскольку Ю.И. Ожередов не ставил перед собой задачу всестороннего изучения биографии, карьеры и взглядов П.В. Краснова, им были собраны разрозненные сведения о его жизни. Для привлечения внимания исследователей к найденной рукописи Ю.И. Ожередов опубликовал ее отдельные фрагменты (в частности, главы об «умственном развитии остяков» и их «жизни семейной»).

Отметим, что приведенная Ю.И. Ожередовым биографическая справка священника содержит фактические неточности. В частности, исследователь допустил ошибку в интерпретации выявленного в Государственном архиве Томской области рапорта священника Петропавловской церкви с. Поперечный Искитим П. Юрьева, в котором сообщается о тяжелом психическом состоянии священника, «находящегося большую часть времени вне ума» [12]. На основе этого документа Ю.И. Ожередов сделал вывод о том, что П.В. Краснов «не выдержал душевной травмы и заболел». Комплексный анализ просительных документов с сопоставлением фактов из других источников позволил установить, что речь в рапорте П. Юрьева шла не о П.В. Краснове, а о его брате – заштатном причетнике Петре Васильевиче Краснове, помещенном в больницу Приказа общественного призрения г. Томска в 1871 г.

Особый интерес в контексте изучения службы П.В. Краснова в «инородческом» приходе имеет рапорт о принятии умалишенного брата на попечение [13]. В источнике содержится косвенная информация о трудностях, с которыми приходилось сталкиваться священнику в северных районах Томской губернии и епархии: суровый климат (на этот счет П.В. Краснов писал следующее: «сырой воздух, как известно, вреден для здоровья человека»), удаленность приходов в 500 верст (священник отмечает, что ему требовалось более трех недель, чтобы объехать селения своей паствы), нехватка средств к существованию, отсутствие возможностей удовлетворить потребности в принадлежности к общине православных христиан, во взаимодействии с семьей [13. Л. 18–22].

В дополнении к этому можно привести сведения из путевого отчета Н.П. Григоровского, указывающие на бедственное положение священнослужителей в регионе. Так, он отмечает, что «общественные дома священника и псаломщика довольно ветхи, имеют только по две комнаты с кухнями, крыши на них при порядочном дожде протекают, в стенах везде щели и ветру есть где разгуляться на просторе» [14. С. 21]. Иными словами, священников Нарымского края можно назвать настоящими подвижниками. Однако возникает вопрос: что двигало П.В. Красновым – любовь к делу или желание обрести душевный покой, уехав подальше от семейства, вся забота о котором после смерти отца легла на его плечи? После окончания семинарии священника ожидали длительные странствия. Так, за период с 1868 по 1872 г. он сменил четыре места службы и при том в разных округах. Судя по прошениям о переводе, П.В. Краснов искал более доходные приходы [4, 5]. В качестве подтверждения можно привести следующее: «Приход, в котором я служу, состоит всего из 260 душ, и при том в этом приходе жалованья не полагается, а потому он до крайности беден, так что я решительно не могу иметь средств к своему существованию; посему прошу обратить свое Архипастырское внимание на мое столь жалкое положение и перевести в Верхотомское село» [5. Л. 15]. На основе рапорта священника о принятии брата «под присмотр и на пропитании» можно предположить, что П.В. Краснов искал одиночества, осознанно избрал службу «на краю света», отчаявшись в возможности материально помочь семье.

Судя по информации в Юбилейном сборнике, П.В. Краснов, будучи священником с. Васюганского, являлся действующим членом ЗСОРГО с 1883 г., и, как следствие, имел контакты с его представителями [15.

С. 185]. В Книге поступлений, хранящейся в Музее, говорится следующее: дарителем рукописи П.В. Краснова «Описание быта инородцев-остяков Томского округа 5-го участка Васюганской волости» был историк В.А. Зибарев. Этнографическое сочинение священника не датировано. Вероятнее всего, началом работы автора над текстом следует считать дату определения на место службы в «инородческий» приход, т.е. 1872 г., тогда как временем окончания – приблизительно 1878–1881 гг. (период сотрудничества П.В. Краснова с членом ЗСОРГО – кн. Н.А. Костровым). Во внутреннем, «художественном» времени произведения отражены события за 1869 и 1876 гг. Известный факт публикации в 1880 г. Программы для описания сибирских инородцев Н.М. Ядринцева [1] позволяет предположить, что П.В. Краснов был с ней знаком и при выполнении собственного исследовательского проекта ориентировался именно на нее. В этом случае его «Описание быта инородцев-остяков» не могло появиться ранее 1880 г. На наш взгляд, более правдоподобной выглядит первая версия, расширяющая временной диапазон работы П.В. Краснова над своим сочинением, поскольку в ходе сопоставления нами были выявлены лишь незначительные корреляции с программным документом Н.М. Ядринцева. В целом следует отметить, что довольно сложно определить «источник вдохновения» священника, так или иначе, в анкетах содержались похожие вопросы, направленные на создание комплексного этнического портрета.

Все листы рукописи сшиты вместе. Сочинение выполнено разборчивым почерком. Вероятно, текст был сначала написан на черновике, а затем, уже отредактированный, перенесен в чистовик. Судя по тому, что буквы были аккуратно выведены, а каждое слово выверено, ничего не мешало неторопливому ходу мыслей его автора.

Рукопись имеет следующую структуру: введение, основная часть с тематическими рубрикациями (например, «таинство крещения», «таинство брака», «семейные отношения»), заключение. Как отмечает П.А. Краснов, цель текста состояла во всестороннем рассмотрении и описании особенностей быта инородцев посредством обращения к трем предметам: «религии с ее таинствами и обрядами церковными, а вместе с тем и к верованиям языческим», «нравственной жизни с ее добродетелями и пороками» и «жизни умственной, общественной и семейной» [6. Л. 1]. Слово «быт», как видно из контекста, употребляется автором в широком значении – «разные стороны жизни инородцев». Содержание рукописи представляет значительный интерес, поскольку раскрывает особенности взаимоотношений православного духовенства и «инородческой» паствы в контексте имперской политики преобразования сибирских окраин. В сочинении особое внимание уделяется совершению таинств, выступающих инструментом осуществления контроля над религиозной жизнью инородцев, умственным способности остяков, проблемам духовно-нравственного, христианского воспитания остяцких детей. В заключении священник предложил практические «рекомендации» для устранения проблем, препятствующих «оцивилизовыванию инородцев», их включению в состав православных подданных империи.

Следует отметить, что вопросы, рассматриваемые П.В. Красновым, были общими для всех «сочувствующих изучению края». Анализ содержания рукописи позволяет предположить, что священник при сборе материала ориентировался на этнографические вопросники ЗСОРГО, рассылаемые по деревням и селам с целью получения достоверного знания о сибирских инородцах (подтверждением этого могут быть названия разделов и их содержательное наполнение). Так, в частности, все без исключения программы включали сведения о нравственности народов, их умственном развитии и семейной жизни [2, 16, 17]. Например, в рамках главы «О жизни нравственной», посвященной моральному облику инородцев, П.В. Красновым были достаточно подробно рассмотрены пороки (леность, пьянство) и добродетели (отсутствие воровства) «инородческого» сословия. Отметим, что священник не просто собирал материал, он давал ему комплексную оценку. Согласно точке зрения автора, остяки находятся на одном уровне развития с русскими переселенцами. Он характеризует их как «словоохотливых, любознательных, памятливых» и, помимо всего прочего, «обладающих практическими знаниями науки – зоологии» [6. Л. 5 об.]. Интересными представляются замечания священника по поводу воспитания: «остяки нежат детей своих в высшей степени; нежат наподобие каких-либо капиталистов» [6. Л. 7], тогда как следовало проявлять к ним большую строгость. Решение этой проблемы автор видел в приобщении детей раннего возраста к физическому труду.

В заключительной части сочинения представлен взгляд П.В. Краснова на проблему управления «инородческим» населением таежной Сибири. Так, по мнению священника, в первую очередь необходимо «населить инородческую, малолюдную и пространную землю людьми русскими, способными к скотоводству, рыболовству и огородничеству». П.В. Краснов отмечает, что остякам с их природной сообразительностью, «переимчивостью» не составило бы большого труда оценить «преимущества русского, домашнего занятия перед <…> звероловством». Кочевой быт характеризуется им как чуждый рациональному хозяйству, «сопряженный с большею трудностью и меньшею пользою». Другим, не менее важным средством, а вместе с тем и решением проблемы чрезмерной лености остяков, является открытие школ. На этот счет в заключении говорится следующее: если «невозможно вдруг в селе, при их бедности, устроить училище, то, по крайней мере, <…> понуждать остяков отдавать детей своих в ближайшее Нарымское училище учиться» [6. Л. 8]. Одна из проблем, как с сожалением отмечает П.В. Краснов, состояла в административно-хозяйственной системе управления инородческой волостью: старосты, выбираемые из числа остяков, не отличались способностями, тогда как должность требовала от них большей рассудительности.

Не менее важно то, что рукопись снабжена маргиналиями – вертикальными и горизонтальными зачеркиваниями, комментариями, придающими дополнительный смысл основному содержанию текста. Пометы напоминают правки, которые вносит редактор при вычитке текста на предмет ошибок, искажений информации. Они, предположительно, оставлены рукой кн. Н.А. Кострова,

секретаря Томского губернского статистического комитета, имевшим служебные отношения с П.В. Красновым. На это, в частности, указывают сопроводительные письма к сведениям об инородцах Томской губернии, написанные автором рассматриваемых сочинений Н.А. Кострову [18]. В личном архиве Н.А. Костров также хранятся письма других священнослужителей. По всей видимости, в обязанности секретаря входило рассылать «сочувствующим» инструкции для сбора материалов.

Охарактеризуем выявленный корпус маргиналий как источник информации об экспертной работе членов ЗСОРГО. При работе с маргиналиями кн. Н.А. Кострова исследователь сталкивается с рядом сложностей: мелким неразборчивым почерком; рассредоточенностью необходимых источников для сопоставления помет и определения их функционального назначения внутри текста (рис. 1).

Расположенный на первом листе рукописи текст введения зачеркнут вертикальной линией чернилами черного цвета. Вероятно, это связано с требованием, предъявляемым к членам-корреспондентам, – достоверным изложением собранного материала в соответствии с поставленными в рассылаемых отношениях вопросами.

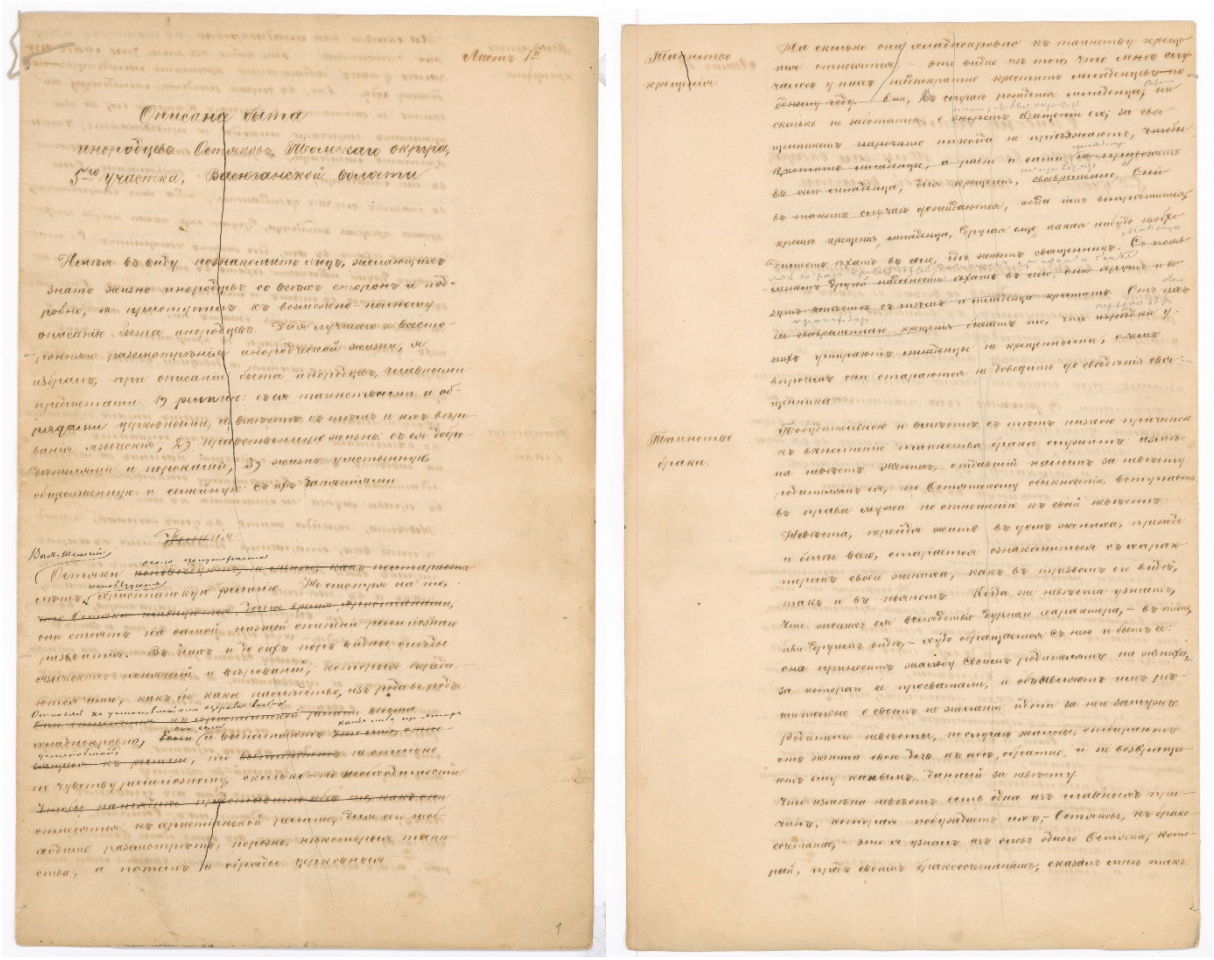

Рис. 1. Маргиналии кн. Н.А. Кострова на первом листе сочинения П.В. Краснова

Так, кн. Н.А. Костров исключил ненужные, на его взгляд, размышления священника о предмете исследования. С целью конкретизации содержания абзаца Н.А. Костров добавил в начало предложения слово «Вась-Юганские». Особое внимание редактор уделял стилистической правке текста. Например, предложение «Остяки исповедуют, не менее, как полтараста лет христианскую религию» было заменено на «Вась-Юганские остяки около полутораста лет исповедуют христианскую религию».

Кн. Н.А. Костров, находя некоторые объяснения излишними, мог исключить их из текста. При этом следует отметить, что редактор не просто вычеркивал отдельные не понравившиеся ему выражения, он мог предложить автору произведения свои варианты построения предложения. В частности, кн. Костровым были уточнены формулировки в следующих фрагментах рукописного текста: фраза «они [остяки] относятся к христианской религии хладнокровно» заменена на «относятся к установлениям церкви вообще». Пометы на втором листе рукописи были сделаны простым черным карандашом. К сожалению, не все правки Н.А. Кострова удалось понять. Большая часть из них относится к удалению и замене неоднократно повторяющихся слов.

Так, из предложения «В случае рождения младенца, ни сколько не заботятся о скором крещении его; за священником нарочно никогда не приезжают, чтобы крестить младенца» были вычеркнуты слова «нарочно» и «младенец», употреблявшееся за вторым разом [6. Л. 1–1 об.].

Дополнительные сведения о собирательской деятельности П.В. Краснова содержатся в записанных им собственноручно «Остяцких рассказах», хранящихся в

НБ ТГУ, в не до конца описанном фонде Г.Н. Потанина [7]. Рукопись не датирована, однако можно предположить, что она была создана примерно в одно время с текстом, посвященном описанию быта инородцев Васюганской волости Томского округа (не ранее 1878 г.). В ней также встречаются пометы, сделанные рукой кн. Кострова. Им, в частности, было отмечено сходство легенд о происхождении медведя у остяков и тунгусов. Обращает на себя внимание и то, что П.В. Краснов во избежание неверного толкования содержания фрагментов текста использует подстрочные ссылки, дающие дополнительную информацию. Так, в конце первого предложения «В старину – рассказывают Остяки – жили в одно время два каких-то мудреных старика» размещена ссылка, обозначенная при помощи знака решетки # в круге с нижним подчеркиванием [7. Л. 1]. Автор рукописи, придерживаясь научной обоснованности изложения, уточнил содержание религиозных представлений остяков о «мудреных стариках», отождествляемых то ли с шаманами, то ли с богами/дьяволами, «стремившимися к познанию неба и к познанию того, что только есть под землею» [7. Л. 1]. Вторая часть рукописи посвящена описанию процедуры принесения «медвежьей присяги», являвшейся, по существу, инструментом проверки остяков на ложь, третья – легенде о происхождении медведя.

Не вызывает сомнения, что П.В. Краснов отнесся добросовестно к исполнению поставленной перед ним задачи: несмотря на то что «инструкция» не предполагала анализа, а служила, скорее, «ориентиром» для сбора этнографических сведений, священник постарался дать свою оценку увиденному и услышанному. При всех достоинствах текста (образность речи, грамотность, логическая последовательность в изложении материала) его нельзя назвать уникальным. Все собиратели, так или иначе, обращались к схожим темам, рассматривали проблемы, распространенные среди представителей «инородцев» (лень, пьянство, «равнодушное» отношение к христианским обрядам), что позволяет сделать вывод о существовании среди «сочувствующих» негласных правилах описания сибирских народов, подкрепляемых рассылаемыми программами. Однако заслуга П.В. Краснова состоит во вдумчивом отношении к собранному материалу, которое проявилось главным образом в репрезентации представителей «инородцев» не только как расположенных к пьянству, малообразованных, с низкими моральными качествами, но и как людей, способных учиться новому, перенимать у русских переселенцев отдельные элементы организации сельского хозяйства.

Заключение

В результате исследования был выявлен корпус источников (делопроизводственная документация, авторские сочинения), связанный со служебной биографией П.В. Краснова в «инородческом» приходе, что позволило составить комплексное представление о священнике – собирателе этнографических материалов. В процессе работы над текстом рукописи автор проявил себя как добросовестный исследователь. На это, в частности, указывает стремление П.В. Краснова к достоверности, объективности и полноте изложения. Отметим, что священник вел непрерывный диалог с читателем (посредством вопросно-ответной формы). Ощущая свою ответственность перед ним, он использовал разнообразные средства выразительности (сравнения, эпитеты, риторические вопросы), «речевые мостики», обеспечивающие последовательное изложение собранного материала («перечислим прежде общее, а потом…»). Таким образом, на основе проведенного исследования представляется возможным сделать вывод о достаточно высоком уровне грамотности сельского священника, что, судя по всему, не являлось обязательным требованием, предъявляемым к членам-корреспондентами. Собиратель в первую очередь должен быть близко знаком с народной жизнью. Однако следует отметить, что РГО, безусловно, хотело видеть среди «научных волонтеров» образованных людей, способных подмечать особенности быта, нравов какого-либо народа, его речевого поведения. Именно на них как на составляющих «ядро» экспертного сообщества возлагалась задача комплексного изучения и описания «инородческого» населения Сибири.

Этнографические программы ЗСОРГО, рассылаемые «сочувствующим изучению края», выполняли своего рода функцию «расстановки акцентов», направляли внимание собирателей на решение определенных задач. Ответы на вопросники можно рассматривать в качестве «ключа» к пониманию проблемы интеграции «инородцев» в общеимперскую систему управления. Священником были перечислены трудности, препятствующие эффективной русификации сибирских окраин, связанные преимущественно с суровыми климатическими условиями региона: слабая заселенность и неравномерность расселения русского населения на обширнейших территориях, удаленность юрточных поселений «инородцев» от церквей и школ. Помимо этого «сочувствующий», желая «принести пользу Васюганским остякам, духовным своим детям», предложил конкретные мероприятия по улучшению условий жизни народа – открытие училищ, усиление контроля со стороны сельских старост.

Перспектива дальнейшего исследования видится в компаративном изучении авторских сочинений священников-собирателей, проходивших службу на территориях Нарымского края, направленном на рассмотрение особенностей их взаимодействия с представителями и экспертами ЗСОРГО, выявление уникальной/типичной информации, содержащейся в рукописных памятниках, позволяющей получить достоверное представление об остяках – коренном народе Западной Сибири.

Список источников

1. Ядринцев Н.М. Программа для описания сибирских инородцев. Омск, 1880. 18 с.
2. Васкул А.И. Этнографическая программа русского географического общества // Русский фольклор. Материалы и исследования : сб. науч. ст. СПб., 2012. С. 460–471.
3. Корепова К.Е. Нижегородские священники – собиратели фольклорно-этнографических материалов // «Уведи меня, дорога» : сб. науч. ст. памяти Т.А. Бернштам. СПб., 2010. С. 292–303.

4. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 170. Оп. 3. Д. 1470.
5. ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 578.
6. Научный архив Музея истории, археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета (МАЭС ТГУ). Д. 1062.
7. ОРКП НБ ТГУ. Остяцкие рассказы, записанные священником Петром Красновым. Необработанная часть архива Г.Н. Потанина.
8. Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М. : Институт социологии РАН, 2003. 752 с.
9. Вахштайн В.С. «Практика» vs. «фрейм»: альтернативные проекты исследования повседневного мира // Социологическое обозрение. 2008. № 1. С. 65–95.
10. Краснов Петр Васильевич // Духовенство русской православной церкви в XX веке: биографическая база данных и собрание материалов. URL : https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/2395/ (дата обращения: 7.06.2025).
11. Ожередов Ю.И. Комментарий к рукописи П.В. Краснова «Описание быта инородцев-остяков Томского округа 5-го участка Васюганской волости» // Земля каргасокская : [сборник]. Томск, 1996. С. 59–66.
12. ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 1405.
13. ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 2108.
14. Григоровский Н.П. Описание Васюганской тундры. Омск, 1884. 68 с.
15. Юбилейный сборник Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (1877–1902). Омск : Типография окружного штаба, 1902. 190 с.
16. Лескинен М.В. Нрав народа в этнографических программах // Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. С. 142–148.
17. Оглезнева Т.Н. Роль программ императорского русского географического общества в организации исследования этнографии народов Северо-Востока Азии // Вестник СВФУ. 2022. № 1. С. 46–51.
18. ОРКП НБ ТГУ. Ф. 5. Опись архива кн. Н.А. Кострова (материалы 1856–1881 гг.). Д. 65.

References

1. Yadrintsev, N.M. (1880) *Programma dlya opisaniya sibirskikh inorodtsev* [Programme for Describing Siberian Natives]. Omsk. 18 p.
2. Vaskul, A.I. (2012) Etnograficheskaya programma russkogo geograficheskogo obshchestva [The ethnographic programme of the Russian Geographical Society]. In: *Russkiy fol'klor. Materialy i issledovaniya* [Russian Folklore. Materials and Research]. Collection of scientific articles. St. Petersburg. pp. 460–471.
3. Korepova, K.E. (2010) Nizhegorodskie svyashchenniki — sobirateli fol'klorno-etnograficheskikh materialov [Nizhny Novgorod priests — collectors of folklore and ethnographic materials]. In: *"Uvedi menya, doroga"* ['Lead Me, Road']. Collection of scientific articles in memory of T.A. Bernshtam. St. Petersburg. pp. 292–303.
4. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 170. List 3. File 1470.
5. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 170. List 3. File 578.
6. Scientific Archive of the Museum of History, Archaeology and Ethnography of Siberia named after V.M. Florinsky of Tomsk State University (MAES TGU). File 1062.
7. Department of Rare Books and Manuscripts of the Research Library of Tomsk State University (ORKP NB TGU). *Ostyatskie rasskazy, zapisannye svyashchennikom Petrom Krasnovym. Neobrabotannaya chast' arkhiva G.N. Potanina* [Ostyak Stories Recorded by Priest Petr Krasnov. Unprocessed Part of G.N. Potanin's Archive].
8. Goffman, I. (2003) *Analiz freymov. Esse ob organizatsii povsednevnogo opyta* [Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. 752 p.
9. Vakhshtayn, V.S. (2008) "Praktika" vs. "freym": al'ternativnye proekty issledovaniya povsednevnogo mira ['Practice' vs. 'frame': alternative projects for studying the everyday world]. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Sociological Review*. 1. pp. 65–95.
10. *Krasnov Petr Vasil'evich* [Krasnov Petr Vasilievich]. (n.d.) In: *Dukhovenstvo russkoy pravoslavnoy tserkvi v XX veke: biograficheskaya baza dannykh i sobranie materialov* [The Clergy of the Russian Orthodox Church in the 20th Century: Biographical Database and Collection of Materials]. [Online] Available from: https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/2395/ (Accessed: 07.06.2025).
11. Ozheredov, Yu.I. (1996) Kommentariy k rukopisi P.V. Krasnova "Opisanie byta inorodtsev-ostyakov Tomskogo okruga 5-go uchastka Vasyuganskoy volosti" [Commentary on P.V. Krasnov's manuscript 'Description of the Life of the Ostyak Natives of the Tomsk District, 5th Section of the Vasyugan Volost']. In: *Zemlya kargasokskaya* [Kargasok Land]. Tomsk. pp. 59–66.
12. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 170. List 3. File 1405.
13. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 170. List 3. File 2108.
14. Grigorovskiy, N.P. (1884) *Opisanie Vasyuganskoy tundry* [Description of the Vasyugan Tundra]. Omsk. 68 p.
15. *Yubileynyy sbornik Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva (1877–1902)* [Jubilee Collection of the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society (1877–1902)]. (1902) Omsk: Tipografiya okruzhnogo shtaba. 190 p.
16. Leskinen, M.V. (2010) Nrav naroda v etnograficheskikh programmakh [The character of the people in ethnographic programmes]. In: *Polyaki i finny v rossiyskoy nauke vtoroy poloviny XIX v.: "drugoy" skvoz' prizmu identichnosti* [Poles and Finns in Russian Science of the Second Half of the 19th Century: The 'Other' through the Prism of Identity]. Moscow. pp. 142–148.
17. Oglezneva, T.N. (2022) Rol' programm imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva v organizatsii issledovaniya etnografii narodov Severo-Vostoka Azii [The role of the programmes of the Imperial Russian Geographical Society in organising the study of the ethnography of the peoples of North-East Asia]. *Vestnik SVFU – Bulletin of NEFU*. 1. pp. 46–51.
18. Department of Rare Books and Manuscripts of the Research Library of Tomsk State University (ORKP NB TGU). Fund 5. Opis' arkhiva kn. N.A. Kostrova (materialy 1856–1881 gg.) [Inventory of the archive of Prince N.A. Kostrov (materials from 1856–1881)]. File 65.

Информация об авторе:
Коровина Н.Е. – аспирант кафедры российской истории, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: korovina_natasha_2066@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
N.E. Korovina, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: korovina_natasha_2066@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.07.2025;
одобрена после рецензирования 04.09.2025; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 22.07.2025;
approved after reviewing 04.09.2025; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 94 (574) «1930/1940»
doi: 10.17223/15617793/527/17

Казахская государственная художественная галерея им. Т.Г. Шевченко в годы Великой Отечественной войны

Евгения Юрьевна Рахматулина[1]

[1] *Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник, Усть-Каменогорск, Казахстан, kalina200778@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются основные направления деятельности, кадровые вопросы, а также состояние системы учета и хранения, особенности пополнения коллекции Казахской государственной художественной галереи им. Т.Г. Шевченко (Алма-Ата) в 1941–1945 гг. Привлечены материалы из фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан. Установлено, что художественная галерея осуществляла свою деятельность в условиях жесткой оптимизации, направленной, прежде всего на сокращение издержек на штаты и административно-хозяйственные нужды.
Ключевые слова: Великая Отечественная война, изобразительное искусство, Казахская государственная художественная галерея им. Т.Г. Шевченко, выставки, система учета и хранения, Я.П. Затенацкий, А.Ф. Дуганева

Для цитирования: Рахматулина Е.Ю. Казахская Государственная художественная галерея им. Т.Г. Шевченко в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. 2026. № 527. С. 150–157. doi: 10.17223/15617793/527/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/527/17

T.G. Shevchenko Kazakh State Art Gallery during the Great Patriotic War

Evgeniya Yu. Rakhmatulina[1]

[1] *East Kazakhstan Regional Architectural, Ethnographic and Natural Landscape Museum-Reserve, Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan, kalina200778@mail.ru*

Abstract. This work aims to identify the specifics of the activities at the Kazakh State Art Gallery named after T.G. Shevchenko (Alma Ata) in 1941–1945 and to make adjustments to the existing historiographical gap. The primary source base comprises regulatory and administrative documents deposited in the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan, specifically from record groups F.1792 ("Kazakh State Art Gallery named after T.G. Shevchenko") and F.1242 ("Department of Arts Affairs under the Council of People's Commissars of the Kazakh SSR, 1940–1953"). These archival materials, predominantly consisting of orders, resolutions, certificates, findings, plans, and annual reports spanning 1941–1945, made it possible to reconstruct the gallery's wartime operations, personnel policies, institutional practices, technical challenges, and overarching museum activities. The study demonstrates that during the war, the activities of the republic's first and only scientific research and cultural-educational art institution proceeded under strict optimization measures designed to reduce personnel costs and administrative expenses. This package of measures resulted in a significant reduction in staff, a redistribution and increase of workload for the remaining employees, the introduction of strict cost-saving measures, and altered working conditions. An additional burden stemmed from the loss of the gallery's dedicated building, which severely compromised the preservation of art objects and led to a deterioration across all exhibition, scientific, curatorial, and archival activities, forcing operations into poorly adapted spaces within schools and cinemas. Nevertheless, despite these restrictive wartime conditions, the center maintained its core social functions centered on education, preservation, and collection building. Exhibition management became the primary area of focus, marked by large-scale collaborative events such as "The Great Patriotic War," a solo exhibition dedicated to the 15th anniversary of A. Kasteev's career, and an exhibition by A.M. Cherkassky, alongside small traveling exhibitions in hospitals, schools, and evacuation centers, while permanent exhibition halls remained open. The preservation of the gallery's cultural heritage and its ongoing productivity during this challenging period are deeply indebted to the selfless dedication of its professional staff, including G.G. Kaurov, A.F. Duganeva, L. Sherberg, and Ya.P. Zatenatsky.
Keywords: Great Patriotic War, fine arts, T.G. Shevchenko Kazakh State Art Gallery, exhibitions, accounting and storage system, Ya P. Zatenatsky, A.F. Duganeva

***For citation*:** Rakhmatulina, E.Yu. (2026) T.G. Shevchenko Kazakh State Art Gallery during the Great Patriotic War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 527. pp. 150–157. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/527/17

© Рахматулина Е.Ю., 2026

В настоящее время, как отмечают исследователи, на фоне идеологического противостояния России и Запада усиливается интерес к советскому прошлому, в том числе к истории Великой Отечественной войны [1. С. 115]. Данная тенденция характерна и для исторических исследований суверенного Казахстана, где наиболее изученными темами указанного периода являются вопросы создания и развития военной экономики, эвакуация в Казахстан научной и художественной интеллигенции из центральных районов СССР, боевой и трудовой подвиги казахстанцев. Однако в республиканской историографии довольно слабо проработаны вопросы, характеризующие состояние учреждений культуры военного времени, в том числе такого значимого центра, как Казахская государственная художественная галерея им. Т.Г. Шевченко (далее – художественная галерея, музей). Тема представлена достаточно ограниченным количеством публикаций, преимущественно в сборниках научных конференций и периодических изданий: Г.А. Акишева [2], Ш.Н. Уайсова [3], Г.Н. Сырлыбаева [4]. Полноценные монографические издания по данной тематике отсутствуют. Как показал анализ работ, основным сюжетом исследований выступает выставочная деятельность галереи, творческие связи с Союзом художников и другими профильными организациями. Между тем вне освещения остаются вопросы кадровой политики и практики, научная, фондово-хранительская и культурно-массовая деятельность галереи и т.д. Таким образом, данная работа ставит целью восполнить ряд пробелов в вопросах изучения деятельности Казахской государственной художественной галереи им. Т.Г. Шевченко в годы Великой Отечественной войны.

Статья подготовлена на основе широкого круга источников. Привлечены также документы из фондов Центрального Государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК). Для исследования большую значимость приобрели Ф. 1792 «Казахской государственной художественной галереи им. Т.Г. Шевченко» и Ф. 1242 «Управление по делам искусств при СНК КазССР (1940–1953)», где представлены основные нормативно-правовые и делопроизводственные документы. Большей частью – это приказы, постановления, справки, заключения, планы и годовые отчеты организации, датируемые 1941–1945 гг. Архивные источники позволили выявить специфику работы галереи в военный период, особенности ее кадровой практики, четче определить проблемы технического характера, а также особенности ведения музейной деятельности.

Известно, что последний предвоенный год был отмечен рядом значительных достижений для республиканского изобразительного искусства. В 1940 г. в Алма-Ате с успехом был проведен Первый Всеказахстанский съезд Союза советских художников, в результате чего произошло окончательное оформление и укрепление творческой организации. Осуществлено участие казахстанских художников во Всесоюзных художественных выставках «Акварели» и «Достижений советского реалистического искусства за 23 года», частичное участие мастеров в оформлении казахского павильона на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве.

В Алма-Ате организована передвижная выставка изобразительного искусства из Москвы. В 1940 г. в Казахской государственной художественной галерее им. Т.Г. Шевченко основным направлением работы являлось формирование коллекции и сбор экспонатов с выставок, параллельно в сторону «социалистического и хронологического упорядочивания» была переработана ее постоянная экспозиция [5. Л. 23]. Однако начало 1941 г. стало складываться непросто для руководства первого и единственного на тот момент в республике научно-исследовательского и культурно-просветительского художественного учреждения, поскольку проведенная сотрудниками Наркомата государственного контроля Казахской ССР ревизия деятельности за 1940 г. показала ряд финансовых нарушений. Ревизией было установлено, что директором галереи Ф.И. Болкоевым, начальником ИЗО отдела Управления по делам искусств при СНК Казахской ССР Л.П. Леонтьевым систематически не проводилась проверка выполнения договоров с художниками. В результате чего в установленные сроки многие договоры не были выполнены, а 13 художников, получивших авансы в сумме 20 137 руб., не предоставили картин. Проверяющими наркомата также отмечались низкие плановые показатели работы учреждения, например план по организации экскурсий в 1940 г. был выполнен всего на 47,2%, выставки посетило 7 920 человек вместо 16 775 по плану [6. Л. 3]. В целях ликвидации отмеченных недостатков в работе художественной галереи предписывалось принять решения, обеспечивающие коренное улучшение ее работы, расторжение договоров с художниками не обеспеченных выполнением работ [6. Л. 4].

Можно только предполагать, насколько выявленные проверкой Наркомата государственного контроля нарушения, повлияли на последовавшую затем волну кадровых перестановок в отрасли. Фактически же после оглашения результатов проверки, 28 февраля 1941 г. от занимаемой должности был освобожден начальник Управления по делам искусств при СНК Казахской ССР Б.И. Косунов, в начале марта 1941 г. директор галереи Ф.И. Болкоев был переведен на должность старшего научного сотрудника. Новым руководителем музея стал местный уроженец – Георгий Гаврилович Кауров[1] [6. Л. 14]. Однако, как показала практика, в условиях военного времени решения кадровых вопросов не имели долговременного эффекта: Г.Г. Кауров, проработав чуть более пяти месяцев, в августе 1941 г. был призван в ряды РККА, временно исполняющим обязанности директора был назначен инспектор ИЗО отдела управления М.Ф. Божко [7. Л. 28]. С 15 августа 1941 г. новым руководителем музея был назначен Л.С. Шерберг [7. Л. 2]. В 1943 г. Л.С. Шерберга сменил эвакуированный в Алма-Ату известный украинский искусствовед, член Союза художников СССР Яков Павлович Затенацкий[2] [5. Л. 455].

Помимо управленческой нестабильности за военный период произошло серьезное сокращение штатов. Если в 1940 г. численность персонала составляла 22 человека, то за первый военный год последовало резкое сокращение, штат был доведен до 14 сотрудников (из

них 4 научных работника и управление, технический персонал – 10 человек) [8. Л. 19]. На этом волна сокращений не остановилась. По этому поводу директор музея А.П. Затенацкий в 1944 г. заявлял: «В 1942 и 1943 гг. сокращение дошло до того, что уже весь штат галереи составляет 8 человек, из которых остался 1 научный сотрудник, на котором лежит обязанность: учет и хранение больших фондов художественных ценностей, вся научно-исследовательская деятельность, связь с учреждениями, предприятиями, учебными заведениями, школами, госпиталями, обследование посетителей, построение научных экспозиций и т.п. Такой объем работ совершенно непосилен не только 1 научному сотруднику, но и 2 и даже 3, при условии, что это будут все сотрудники высокой квалификации музейной работы. Что касается научной работы, то в галерее нет ни ученого секретаря, ни даже секретаря-машинистки. Нет даже экскурсовода – этого основного и исключительно важного работника каждого, даже маленького музея – галерея не имеет в штате.…» [8. Л. 19–19 об.]. Стоит отметить, что данная тенденция – сокращение штатов коснулась не только художественной галереи, но и других организаций культуры республики. Процесс осуществлялся посредством слияния сходных по функционалу учреждений. Уже к октябрю 1941 г. в республике были объединены театральное и художественное училища, казахский и русский драмтеатры, хореографическое училище и музыкальная школа. В объединенных учреждениях убирались дублирующие должности: директора, заместителя директора, бухгалтера и т.д. [5. Л. 514]. Данное обстоятельство являлось прямым следствием исполнения директивного письма Всесоюзного комитета по делам искусств (далее- ВКИ), выпущенного в июле 1941 г., в котором предписывалось сокращение всех расходов на штаты и административно-хозяйственные нужды учреждений культуры [9. С. 22].

Безусловно, критическая нехватка персонала значительным образом повлияла на общую эффективность работы учреждения культуры. Во-первых, пострадало научно-исследовательское направление, слабо, с ошибками и недочетами, составлялись различные музейные сопроводительные материалы, в том числе этикетаж по залам постоянных экспозиций. Во-вторых, «отстала» лекционная работа при значительном перевыполнении плана по посещаемости. Например, только за первое полугодие 1942 г. галерею посетил 33 531 человек, что составило 330% к плану, было организовано 16 экскурсий с общим количеством 990 человек. При этом в 1941 г. прочитано 4 лекции, в 1942 и 1944 гг. не прочитано ни одной лекции и не проведено ни одной беседы на временных выставках [10. Л. 26]. В-третьих, нехватка и частая смена персонала обострила и без того хромавшее состояние системы учета и хранения фондовой коллекции. По состоянию на 1942 г. экспонаты учитывались лишь путем записи их номеров поступления в инвентарную книгу, акты поступлений и книга поступлений отсутствовали. Вместо них велись протоколы художественного совета, закупочных комиссий и др. [11. Л. 12 об.]. Также при одной из проверок в 1944 г. была выявлена довольно крупная недостача фондов [8. Л. 19].

Для лучшего понимания состояния коллекции указанного периода выделим ее основные особенности. С начала формирования музея, с 1935 г., начала складываться его энциклопедическая художественная коллекция, включавшая произведения западноевропейской школы XVI–XVIII вв., русской школы живописи XVIII–XIX вв. и произведения мастеров советского периода, значительная часть которых посвящена темам Казахстана. К 1 января 1943 г. общее количество экспонатов достигло 1792 единицы, из этого числа живопись – 637, графика – 544, скульптура – 135, прикладное искусство – 476. В разделе западноевропейской живописи наиболее масштабно была представлена голландская школа XVI в.: пейзажи, натюрморт, а также итальянская и французская живопись XVII–XVIII вв. (полотна Дюге, Ван-Лоо, Ж.Б. Греза, Ф. Хальса). Русская живопись была собрана значительно полнее западноевропейской – 307 экспонатов. Из художников первой половины XIX в. были представлены произведения А.А. Иванова, В.А. Тропинина, В.Л. Боровиковского, А.Г. Венецианова [11. Л. 12 об.]. Что касается помещения, то, как отмечают исследователи, в связи с нуждами фронта отдельно стоявшее здание галереи, располагавшееся глубоко внутри Дворца культуры с одной стороны и за техникумом физкультуры с другой, спешно передали формировавшейся Панфиловской дивизии. Для хранения коллекции и экспозиции выделили небольшие помещения в Краеведческом музее Казахстана и Государственном оперном театре им. Абая [4]. Данное обстоятельство стало фактором значительного снижения качества работ по сохранности предметов искусства, а также ухудшения всей экспозиционно-выставочной и научно-фондовой деятельности.

В целом общее состояние системы учета и хранения фондовой коллекции галереи довольно подробно освещается архивными материалами 1942–1943 гг. В этой связи обращает на себя внимание ряд документов, в том числе докладная записка научного сотрудника А.Ф. Дуганевой, принявшей коллекцию от Ф.И. Болкоева в 1942 г., заключение специальной комиссии и отчет по работе галереи за 1942 г. Так, в докладной записке А.Ф. Дуганевой отражено общее состояние коллекции к маю 1942 г. Автором было определено состояние многих фондовых картин как «неудовлетворительное». Также сотрудником было отмечено совершенное отсутствие систематизации и точного учета произведений в фондах: «Если не считать подсчета вещей, но этот подсчет приблизителен, не точен. Инвентарные книги ведутся, в общем, правильно, но содержат орфографические ошибки, ошибки в именах художников, названиях, даны неправильные переводы» [10. Л. 10]. Для исправления ситуации администрации было предложено осуществить хотя бы минимальное расширение помещения под хранилище, провести возможные реставрационные работы, осуществить укладку рисунков в папки, снятие пыли с вещей и рам, а также провести систематизацию коллекции по авторам, отделам и направлениям: живопись, графика, скульптура, керамика, ткани, бытовые вещи [10. Л. 10 об.].

С целью определения объективного состояния коллекции 25 ноября 1942 г. состоялось обследование помещения картинной галереи специальной комиссией Управления по делам искусств при СНК Казахской ССР. Комиссия включала художников, искусствоведов и музейных работников в составе председателя начальника ИЗО отдела Управления по делам искусств – искусствоведа Я.П. Затенацкого, секретаря, научного сотрудника галереи Л.П. Медведевой и членов комиссии: профессора живописи А.М. Черкасского, доцента живописи С.Ф. Беседина, искусствоведа А.Ф. Дуганевой. Результат обследования показал, что помещение, в котором размещена галерея, не удовлетворяет даже минимальным требованиям художественного музея. Экспонаты располагались в различных углах помещения, частично в ящиках, частично у стены и были завешены гобеленом. При этом одно произведение лежало на другом. Как отразила в отчетном документе комиссия, «в помещении нет отопления. Зимой температура достигает минус 20, виду чего пострадал целый ряд произведений: дал трещины покоробился красочный слой, осыпи лака и краски» [12. Л. 3 об.]. Таким образом, проверяющими были сделаны следующие выводы: «Комиссия считает абсолютно невозможным дальнейшее пребывание галереи в нынешнем помещении, так как это может привести к гибели картин. По приблизительным оценкам на миллион рублей золотом. Комиссия просит возбудить ходатайство перед правительством Казахской ССР и ЦК КП (б) Казахстана об обеспечении художественного музея соответствующим помещением»[12. Л. 3 об.].

Дополняет наши представления о состоянии коллекции и системе охраны годовой отчет по работе галереи за 1943 г., где прямо указывалось на отсутствие необходимых технических условий: «Помещение галереи нормальным условиям хранения в нем художественных ценностей не соответствует. Помещение очень мало. Экспозиция, хранилища, библиотека, канцелярия – она же кабинет директора и комната научных сотрудников занимают площадь 300 м^2. Здание изолировано, отопление не производится, вентиляции нет, вестибюль не имеется» [11. Л. 13]. Музей имел вооруженную наружную охрану совместно с Центральным краеведческим музеем Казахстана. Однако отсутствовала противопожарная и внутренняя охрана, не проводилось круглосуточное дежурство. Экспонаты занимали место в запаснике, представлявшем собой проходную комнату, которая была устроена в 1943 г. Площадь запасника составляла всего 15 м^2 [11. Л. 13]. Между тем в указанный период и первые годы после окончания войны значительного улучшения состояния художественной галереи не последовало. Как показала уже другая проверка, выполненная специалистами ВКИ в 1950 г., состояние дел по хранению художественных коллекций не изменилось и фактически противоречило музейным правилам, не обеспечивало надлежащую консервацию произведений искусства. В 1950 г. по результатам данной проверки директору галереи В.Н. Лапину был объявлен строгий выговор, начальнику управления С.А. Ахметову поставлено на вид [13. Л. 9].

Вместе с тем удручающее положение с хранением ценностей художественной галереи в Алма-Ате не попадало в разряд экстраординарного случая, поскольку в сложившихся условиях, когда огромная часть музеев РСФСР была эвакуирована и находилась во временных хранилищах, даже центральные музеи не могли полностью соблюдать инструкции. Известно, что в военный период художественные музеи и хранилища СССР в своей работе должны были руководствоваться «Инструкцией по хранению художественных музейных ценностей в условиях военного времени», утвержденной в феврале 1943 г. [14. С. 192]. Инструкция состояла из трех основных разделов, где были обозначены правила хранения музейных ценностей по материалам, правила пожарной и оборонной охраны, перевозки, а также требования по температурно-влажностному режиму. Документ раскрывал конкретные шаги музейных специалистов в чрезвычайных условиях. При этом допускался ряд послаблений. Например, при недостатке площадей разрешалось хранение предметов в ящиках, которые можно было ставить «в два и больше ярусов» [15. С. 7]. Инструкция одобряла и считала желательным проживание персонала в здании музейного хранилища [15. С. 6], при этом категорически запрещалось проводить капитальную реставрацию художественных произведений [15. С. 9]. Нормативный документ одновременно нацеливал сотрудников на исполнение регламента по учету и хранению музейных ценностей, а также давал возможность вариативности подходов по хранению в каждом конкретном случае. Таким образом, состояние фондов галереи 1942–1943 гг. обнажило две стороны проблемы: слабо поставленную музейную работу по учету и хранению, а также комплексные недоработки, связанные с техническими характеристиками приспособленного помещения. Как было указано выше, инициированные руководством многочисленные инспекции и проверки не привели к решению вопроса с помещением.

В тоже время, несмотря на серьезные ограничения, вызванные сокращением персонала и отсутствием функционального помещения, мы не можем говорить о полной консервации деятельности галереи. Наоборот выставочная деятельность стала ведущим направлением ее работы. В 1941 г. галерея была открыта 253 дня, ее посетило около 18 тыс. человек, было проведено 4 лекции [6. Л. 2]. В 1942 г., когда от страны требовалась максимальная помощь фронту, работа галереи не останавливалась, сотрудниками было проведено 5 художественных выставок, усилилась работа по организации передвижных выставок в военных госпиталях, в доме Красной армии. Общее количество посетителей составило 56 000 человек [11. Л. 13 об.]. В условиях хронической нехватки выставочных помещений было принято решение устраивать передвижные выставки вне стен музея на подходящих площадках: в школах, залах краеведческого музея, в эвакопунктах, госпиталях и т.д. В фойе кинотеатра разместились выставки «Героическое прошлое русского народа и Великая Отечественная война в изобразительном искусстве» и ставшая постоянной экспозиция «Живопись старых мастеров».

С учётом положительных итогов работы в октябре 1943 г. помещение малого фойе кинотеатра было передано во временное пользование музею [16. Л. 160]. Также проводилась активная работа со смежными художественными организациями: Союзом художников, казахским отделением Художественного фонда СССР, товариществом «Казизо». Лейтмотивом организованных коллективных показов являлась героическая тематика. Основным творческим мероприятием в области изобразительных искусств в 1942 г. стала подготовка и проведение коллективной выставки «Великая Отечественная война». В ее работе приняли участие все творческие организации республики, а также известные казахстанские и прибывшие из Москвы, Ленинграда, Украины, Белоруссии эвакуированные художники: И. Лизогуб, А.М. Черкасский, А. Кастеев, А. Риттих, Л. Леонтьев, С. Беседин. Для экспозиции, развернувшейся в школе, художниками было подготовлено 136 произведений живописи, графики и скульптуры, призванных отразить будни и героику войны и самоотверженный труд казахстанцев [2. С. 25].

В 1943 г. состоялось знаковое в художественной истории республики событие – первая выставка казахского художника Абылхана Кастеева [17. С. 6], годом ранее получившего звание заслуженного художника Казахской ССР. Как отметил в своей вводной статье искусствовед Я.П. Затенацкий, «выставка произведений Абылхана Кастеева является настоящим праздником не только в жизни и творчестве самого художника, но и праздником в художественной и культурной жизни всего Советского Казахстана» [17. С. 6]. Экспозиция состояла из 143 произведений живописи, рисунка и акварели, функционировала в течение 3 месяцев, была организована в основном на материалах галереи, а также их собственного собрания А. Кастеева, материалов краеведческого музея, Дома народного творчества и Союза советских художников Казахстана.

В 1943 г. в связи с коренным переломом положения дел на фронтах вышло распорядительное письмо ВКИ и Оргкомитета ССХ СССР «Об основных задачах и мероприятиях в области изобразительного искусства в 1943 г.». Художники страны получили задачу отражения темы наступательного прорыва Красной армии, демонстрации морального превосходства советского народа над врагом [18]. К освещению задачи широко подключились все культурные центры: республиканский союз художников, художественная галерея, а также историко-краеведческий музей. В основном помещении к 1 мая 1943 г. сотрудниками галереи была подготовлена коллективная художественная выставка «Наша Родина и ее героическая защита», где экспонировалось 140 произведений графики, живописи и скульптуры. Показ имел большой успех, особенно у военнослужащих РККА бойцов и командиров. Только за 52 рабочих дня ее посетило более 6 тыс. человек, для печати был подготовлен каталог-путеводитель [11. Л. 15]. В 1943 г. продолжила функционировать открытая в помещении кинотеатра художественная выставка «Живопись старых мастеров», получившая значительную популярность у горожан и эвакуированных граждан.

Только за первое полугодие общее число ее посетителей составило более 31 тыс. человек, основными посетителями помимо студентов и школьников стали рабочие, служащие, а также бойцы и командиры РККА. В первой половине 1943 г. галерея вновь организовала 6 передвижных выставок в передвижных частях Красной армии, а также в военных госпиталях Алма-Аты. В передвижных войсках частях экспонировалось 90 произведений, главным образом советских художников [11. Л. 15]. Из наиболее ярких событий 1944 г. назовем и персональную выставку профессора живописи А.М. Черкасского, организованную в 1944 г. в помещении краеведческого музея, где было показано 108 работ живописи и графики, с преобладанием пейзажного жанра [2. С. 29]. Также в 1944 г. был организован показ работ фоторепортера Невзорова «Казахстан в Отечественной войне» [8. Л. 14]. В 1944 г. галерея была открыта 302 дня [8. Л. 2].

Исследователи отмечают, что 1944 и 1945 гг. выдались наиболее плодотворными на персональные презентации, поскольку еще в 1942 г. в результате обращения к Союзу художников СССР было получено разрешение на выдачу творческих пособий художникам на создание произведений. Художникам, получившим пособие, следовало показать свои работы на отчетных выставках [19]. Также лепту внесло и персональное бронирование – освобождение художников от призыва. Ходатайства по брони поступали как по линии управления по делам искусств, так и по линии местного союза художников. «В 1944 и 1945 годах художники, получившие брони, по своему глубокому сознанию, по собственной инициативе и в благодарность устраивали выставки-отчеты» [19]. В первом полугодии 1945 г. галерея вновь организовала 6 передвижных выставок в частях РККА и военных госпиталях, а также выставляла экспонаты на специальной военной выставке «Трофеи Красной Армии», работавшей в Центральном музее до 5 августа 1945 г. За 217 дней ее посетило более 21 тыс. человек [3. С. 419].С конца ноября 1945 г. сотрудники галереи были перенаправлены на организацию нового выставочного проекта, действовавшего до января 1946 г. За 1946 г. галерею посетили более 22 тыс. человек [3. С. 419].

Архивные материалы свидетельствуют, что в годы войны не прекращалась работа, связанная с планово-учетной, реставрационной и фондово-закупочной деятельностью. Поскольку спецификой периода являлась многоуровневая структурная подчиненность учреждений культуры, вследствие чего галерея, как учреждение республиканского уровня, курировалась республиканским управлением и ВКИ. Отчеты музея по форме № 4 ежеквартально поступали в планово-финансовый отдел ВКИ. Более жёсткие требования действовали в отношении музеев союзного подчинения, им было необходимо сдавать отчет по утвержденной форме ежемесячно. В качестве основных показателей отмечались: количество дней, открытых в году; количество экскурсий; общее число экскурсантов, в том числе обслуживаемых бесплатно; число посетивших музей одиночек, а также сумма поступлений от входной платы в разрезе план/отчет и т.д. [20. С. 156–157].

К отчетным формам прилагались специально разработанные ВКИ инструкции по работе. На контроле Главного управления учреждениями изобразительных искусств ВКИ находились также годовые планы и отчеты галереи.

Реставрация произведений искусства в основном выражалась в усилении поврежденных холстов, их промывке и перетяжке. Своими силами за 1942–1943 гг. сотрудники привели в порядок более 20 произведений русской и западноевропейской живописи [10. Л. 26]. Даже в самые трудные годы продолжала работать художественно-закупочная комиссия музея. Известно, что в 1942 г. было приобретено 50 экспонатов, из них: живопись – 21, графика – 27, скульптура – 2. Куплено по постановлению художественно-закупочной комиссии 32 произведения, 18 работ поступило с выставки «Великая Отечественная Война». В 1943 г. по постановлению художественно-закупочной комиссии было приобретено 25 экспонатов: живопись – 5, графика – 19, скульптура – 1 [11. Л. 12]. Также отметим, что в связи с эвакуацией в Алма-Ату значительного числа художников и коллекционеров из центральных городов появилась возможность пополнения коллекции ценными произведениями дореволюционного искусства. Так, у Н. Добычиной, бывшей владелице художественного салона в Санкт-Петербурге, эвакуированной в город, в 1942 г. сотрудники приобрели пейзаж кисти А. Головина. В 1943 г. от нее поступила работа К. Петрова-Водкина, а также рисунки художника XIX в. К. Крыжицкого [4]. В 1943 г. среди закупленных картин значились следующие произведения дореволюционного периода:

1. И.Е. Репин «Портрет Неизвестной», х.м. – 5000 руб.

2. К.С. Петров-Водкин «Этюд девушки», х.м. – 3000 руб.

3. Е.А. Лансере «Охотничья собака», бронза – 1000 руб. [11. Л. 16].

Пополнялась коллекция и произведениями советского искусства:

1. Ходжиков, эскиз к картине «Джамбул» – 1500 руб.

2. Заслуженный деятель искусств КССР К.З. Левин – 2 эскиза к картине «Джамбул» – 1000 руб.

3. С. Беседин – 12 графических рисунков – 6000 руб., работа «Восьмая Гвардейская» – 500 руб., портрет Т.Г. Шевченко карандашом – 500 руб.

4. С.М. Бондарев «Заседание ГКО СССР», эстамп, литография – 100 руб. [11. Л. 17].

Как удалось установить Г.Н. Сырлыбаевой, в годы эвакуации галерее удалось приобрести еще одну работу Петрова-Водкина – «Девушка из племени кабиллов». «Лидия Ильина передала 8 рисунков русского художника XIX века Константина Крыжицкого. В годы войны коллекция пополнилась живописной работой Владимира Маковского “Привал охотников” (1917), пейзажем Ивана Айвазовского “Берег моря” (1878)» [4].

По штатному расписанию на 1943 г. заработная плата сотрудников галереи была небольшой: зарплата директора составляла 700 руб., старшего научного сотрудника – 600 руб., старшего бухгалтера – 400 руб., заведующего хозяйством – 350 руб., заведующего библиотекой – 350 руб., контролера – 150 руб., гардеробщицы – 120 руб., уборщицы – 100 руб. [11. Л. 10]. Что в целом коррелировалось со средними зарплатами рабочих в других отраслях и регионах страны. По данным С.А. Кускова, «рабочие прочих отраслей и на вспомогательных производствах получали 300–600 руб., машинисты локомотивов до 1 тыс. руб., врач в больнице – 600–800 руб. в зависимости от должности, машинистка в учреждении получала 200–250 руб., уборщица – 160 руб.» [21]. Отметим, что советская денежная система функционировала в условиях перестройки государственного розничного товарооборота и ведения нормированного снабжения (карточная система) на продовольственные и промышленные товары [22. С. 36]. В стране одновременно действовали свободный рынок и карточные цены, вследствие чего по карточкам цена на один продукт могла быть одной, а на рынке уже в 12 раз больше. Подстегивала инфляцию и массовая эвакуация населения и производства в регион (уже к 29 августа 1941 г. в г. Алма-Ату прибыли 1 379 эвакуированных, мужчин – 463, женщин – 916, по состоянию на 1 марта 1943 г. в городе значилось 26 304 прибывшего эвакуированного населения [23. С.100].). Эвакуация с ее мультипликативным эффектом привела также к проблемам в удовлетворении насущных потребностей жителей города в еде, крове и одежде, к повышению цен на рынках города [23. С. 103]. В этих условиях особое значение для работников галереи получило Постановление СНК СССР от 22 мая 1943 г. № 571 «О должностных окладах работников музеев», предусматривающее повышение окладов работникам музеев союзного и республиканского значения в зависимости от категории [24. С. 152]. В результате с 1 июля 1943 г. произошло увеличение должностных окладов для руководящих и научных работников галереи: оклад директора был увеличен с 700 до 1500 руб., оклад старшего научного сотрудника – с 600 до 1000 руб. [11. Л. 19][3].

В целом, изученные материалы свидетельствуют, что Казахская государственная художественная галерея им. Т.Г. Шевченко осуществляла свою деятельность в период 1941–1945 гг. в условиях жесткой оптимизации, направленной, прежде всего, на сокращение издержек на штаты и административно-хозяйственные нужды. Осуществленный комплекс мер выразился в значительном сокращении численности персонала, перераспределении и увеличении рабочей нагрузки на оставшихся сотрудников, внедрении мер по экономии затрат, изменении условий работы. Вместе с тем, несмотря на сопутствующие ограничительные условия, основные социальные функции художественного центра сохранились и были ориентированы на просвещение, хранение и собирательство.

Большая заслуга в сохранении культурного наследия и продуктивности работы галереи видится в самоотверженном труде ее сотрудников – профессионалов своего дела: Г.Г. Каурова, А.Ф. Дуганевой, Л. Шерберга, Я.П. Затенацкого. Благодаря профессионализму и инициативности сотрудников организовывались передвижные и стационарные выставки, галерея значи-

тельно перевыполняла планы по посещаемости, проводилась реставрация, учет и хранение картин. Все годы войны галерея была открыта и оставалась значимым духовным центром для бойцов и командиров РККА, школьников, рабочих, служащих, жителей Алма-Аты и эвакуированных граждан.

Примечания

[1] Георгий Гаврилович Кауров, 27.04.1899 г.р., уроженец г. Джаркента. В августе 1941 г. был призван в Красную армию, прослужил в звании старшего лейтенанта. Получил медаль «За боевые заслуги», медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [25].

[2] Яков Павлович Затенацкий (06.11.1902–27.05.1986, Киев). Украинский советский искусствовед, доктор искусствоведения, профессор; член Всеукраинской ассоциации пролетарских художников в 1930–1932 гг. и Союза художников Украины. Директор Государственного музея изобразительного искусства Украины. Лауреат Государственной премии РСФСР в области науки и техники [26].

[3] Как показали архивные материалы, за фактом начисления новых должностях окладов стояли прения между управлением по делам искусств и Наркомфином КССР, первоначально считающим возможным отнести галерею к 3-й категории с меньшими должностными окладами: директор – 1300 руб., научный сотрудник – 600 руб. [11. Л. 17]. Однако СНК Казахской ССР поддержал позицию республиканского управления по делам искусств.

Список источников

1. Гилевич Н.Д., Кулинский А.А. Историческая наука Урала и Великая Отечественная война: деятельность эвакуированных академических и образовательных учреждений центральной части СССР в 1941–1943 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 505. С. 114–124. doi: 10.17223/15617793/505/12
2. Акишева Г.А. Художественная жизнь Казахстана в Годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Из архива Н.С. Мухина // Труды ГМИ РК им. Кастеева. Т. 1. Алматы : Министерство культуры РК; Гос. музей искусств им. А. Кастеева, 2011.С. 20–31.
3. Уайсова Ш.Н. Изобразительное искусство Казахстана в годы Великой Отечественной войны // Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов. Чебоксары, 2014. С. 416–420.
4. Сырлыбаева Г.Н. Художественная сокровищница страны. URL: https://kazpravda.kz/n/hudozhestvennaya-sokrovishchnitsa-strany/ (дата обращения: 26.03.2025).
5. Центральный Государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 1242. Оп. 2. Д. 22.
6. ЦГА РК. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 55.
7. ЦГА РК. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 51.
8. ЦГА РК. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 81.
9. Директивное письмо КПДИ республиканским управлениям, краевым и областным отделам по делам искусств о перестройке работы в период Отечественной войны // Музы в шинелях: Советская интеллигенция в годы Великой Отечественной войны: Документы, тексты, воспоминания. М. : РОССПЭН, 2006. С. 19–23.
10. ЦГА РК. Ф. 1792. Оп. 1 Д. 65.
11. ЦГА РК. Ф. 1242. Оп. 2. Д. 305.
12. Российский Государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 962. Оп 6. Д. 1138.
13. РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 28. Д. 248.
14. Фатигарова Н.В. Музейное дело в РСФСР в годы Великой Отечественной войны (аспекты государственной политики) // Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела XVIII–XX вв. Ч. 1. М. : НИИ культуры, 1991. С. 173–226.
15. Инструкция по хранению художественных музейных ценностей в условиях военного времени: Настоящая инструкция является обязательной для всех художественных музеев и хранилищ Союза ССР. М. : Искусство, 1943. 57 с.
16. ЦГА РК. Ф. 1242. Оп. 2. Д. 267.
17. Затенацкий Я.П. Абылхан Кастеев // Каталог выставки произведений Абылхана Кастеева : (к 15-летию творческой деятельности). Алма-Ата : Туркснб, 1943. С. 6–20.
18. Леонычева Ю.В. Выставка «Урал – кузница оружия»: страницы истории. URL: http://greyish.ru/?p=2170 (дата обращения: 26.03.2025).
19. Акишева Г. Художники Казахстана в военные годы. Из архива Н.С. Мухина. URL: https://nomadmgz.kz/index.php/heritage/363-artist-during-the-war-years (дата обращения: 25.05.2025).
20. Отчет музея. Форма № 4 // Сборник основных руководящих материалов по вопросам деятельности учреждений культуры. М., Л. : Искусство, 1943. С. 156–157.
21. Кусков С.А. Цены военного времени // Объединенный государственный архив Челябинской области. URL: https://archive74.ru/tseny-voennogo-vremeni (дата обращения: 15.05.2025).
22. Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М. : Госполитиздат, 1948. 194 с.
23. Жаркынбаева Р.С., Дулина Н.В., Ануфриева Е.В. Военная повседневность в городах тыла в 1941–1945 гг. (на примере г. Алма-Аты) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 1. С. 97–108. doi: 10.15688/jvolsu4.2020.1.8
24. Постановление Совета народных комиссаров СССР № 571 «О должностных окладах работников музеев» от 22.05.1943 г. // Петергоф в Великой Отечественной войне. 1941–1945. Т. 1. СПб. : ГМЗ «Петергоф», 2019. С. 152.
25. Галерея памяти участников ВОВ // Музейный комплекс «Дорога Памяти». URL: https://1418museum.ru/heroes/48403478/ (дата обращения: 15.05.2025).
26. Яков Павлович Затенацкий // Энциклопедия Руниверсалис. URL: https://руни.рф/Затенацкий,_Яков_Павлович (дата обращения: 03.05.2025).

References

1. Gilevich, N.D. & Kulinskiy, A.A. (2024) Istoricheskaya nauka Urala i Velikaya Otechestvennaya voyna: deyatel'nost' evakuirovannykh akademicheskikh i obrazovatel'nykh uchrezhdeniy tsentral'noy chasti SSSR v 1941–1943 gg. [Historical science of the Urals and the Great Patriotic War: the activity of evacuated academic and educational institutions of the central part of the USSR in 1941–1943]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 505. pp. 114–124. doi: 10.17223/15617793/505/12
2. Akisheva, G.A. (2011) Khudozhestvennaya zhizn' Kazakhstana v Gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945. Iz arkhiva N.S. Mukhina [Artistic life of Kazakhstan during the Great Patriotic War 1941–1945. From the archive of N.S. Mukhin]. *Trudy GMI RK im. Kasteeva – Proceedings of the Kasteev State Museum of Arts of the Republic of Kazakhstan*. Vol. 1. Almaty: Ministry of Culture of the Republic of Kazakhstan; A. Kasteyev State Museum of Arts. pp. 20–31.

3. Uaysova, Sh.N. (2014) Izobrazitel'noe iskusstvo Kazakhstana v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Fine art of Kazakhstan during the Great Patriotic War]. In: *Rossiyskaya intelligentsiya v usloviyakh tsivilizatsionnykh vyzovov* [The Russian Intelligentsia in the Context of Civilisational Challenges]. Cheboksary. pp. 416–420.
4. Syrlybaeva, G.N. (n.d.) *Khudozhestvennaya sokrovishchnitsa strany* [The Artistic Treasury of the Country]. [Online] Available from: https://kazpravda.kz/n/hudozhestvennaya-sokrovishchnitsa-strany/ (Accessed: 26.03.2025).
5. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 1242. List 2. File 22.
6. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 1792. List 1. File 55.
7. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 1792. List 1. File 51.
8. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 1792. List 1. File 81.
9. *Direktivnoe pis'mo KPDI respublikanskim upravleniyam, kraevym i oblastnym otdelam po delam iskusstv o perestroyke raboty v period Otechestvennoy voyny* [Directive Letter of the KPDI to Republican Administrations, Regional and Oblast Departments for Arts on Restructuring Work during the Patriotic War]. (2006) In: *Muzy v shinelyakh: Sovetskaya intelligentsiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: Dokumenty, teksty, vospominaniya* [Muses in Greatcoats: The Soviet Intelligentsia during the Great Patriotic War: Documents, Texts, Memoirs]. Moscow: ROSSPEN. pp. 19–23.
10. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 1792. List 1. File 65.
11. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 1242. List 2. File 305.
12. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 962. List 6. File 1138.
13. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 962. List 28. File 248.
14. Fatigarova, N.V. (1991) Muzeynoe delo v RSFSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (aspekty gosudarstvennoy politiki) [Museum affairs in the RSFSR during the Great Patriotic War (aspects of state policy)]. In: *Muzey i vlast'. Gosudarstvennaya politika v oblasti muzeynogo dela XVIII–XX vv.* [Museum and Power. State Policy in the Field of Museum Affairs in the 18th–20th Centuries]. Part 1. Moscow: NII kul'tury. pp. 173–226.
15. *Instruktsiya po khraneniyu khudozhestvennykh muzeynykh tsennostey v usloviyakh voennogo vremeni: Nastoyashchaya instruktsiya yavlyaetsya obyazatel'noy dlya vsekh khudozhestvennykh muzeev i khranilishch Soyuza SSR* [Instruction on the Storage of Artistic Museum Valuables in Wartime Conditions: This Instruction Is Mandatory for All Art Museums and Repositories of the USSR]. (1943) Moscow: Iskusstvo. 57 p.
16. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 1242. List 2. File 267.
17. Zaténatskiy, Ya.P. (1943) Abylkhan Kasteev [Abilkhan Kasteev]. In: *Katalog vystavki proizvedeniy Abylkhana Kasteeva : (k 15-letiyu tvorcheskoy deyatel'nosti)* [Catalogue of the Exhibition of Works by Abilkhan Kasteev: (to the 15th anniversary of creative activity)]. Alma-Ata: Turksib. pp. 6–20.
18. Leon'eva, Yu.V. (n.d.) *Vystavka "Ural — kuznitsa oruzhiya": stranitsy istorii* [Exhibition 'The Urals — Forge of Weapons': pages of history]. [Online] Available from: http://greyish.ru/?p=2170 (Accessed: 26.03.2025).
19. Akisheva, G. (n.d.) *Khudozhniki Kazakhstana v voennye gody. Iz arkhiva N.S. Mukhina* [Artists of Kazakhstan in the War Years. From the Archive of N.S. Mukhin]. [Online] Available from: https://nomadmgz.kz/index.php/heritage/363-artist-during-the-war-years (Accessed: 25.05.2025).
20. *Otchet muzeya. Forma № 4* [Museum Report. Form No. 4]. (1943) In: *Sbornik osnovnykh rukovodyashchikh materialov po voprosam deyatel'nosti uchrezhdeniy kul'tury* [Collection of Basic Guiding Materials on the Activities of Cultural Institutions]. Moscow, Leningrad: Iskusstvo. pp. 156–157.
21. Kuskov, S.A. (n.d.) *Tseny voennogo vremeni* [Wartime Prices]. Ob"edinennyy gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti. [Online] Available from: https://archive74.ru/tseny-voennogo-vremeni (Accessed: 15.05.2025).
22. Voznesenskiy, N.A. (1948) *Voennaya ekonomika SSSR v period Otechestvennoy voyny* [The War Economy of the USSR during the Patriotic War]. Moscow: Gospolitizdat. 194 p.
23. Zharkynbaeva, R.S., Dulina, N.V. & Anufrieva, E.V. (2020) Voennaya povsednevnost' v gorodakh tyla v 1941–1945 gg. (na primere g. Alma-Aty) [Wartime everyday life in rear cities in 1941–1945 (on the example of Alma-Ata)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya – Bulletin of Volgograd State University. Series 4, History. Regional Studies. International Relations*. 25 (1). pp. 97–108. doi: 10.15688/jvolsu4.2020.1.8
24. *Postanovlenie Soveta narodnykh komissarov SSSR № 571 "O dolzhnostnykh okladakh rabotnikov muzeev" ot 22.05.1943 g.* [Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR No. 571 'On the Official Salaries of Museum Workers' of 22.05.1943]. (2019) In: *Petergof v Velikoy Otechestvennoy voyne. 1941–1945. T. I* [Peterhof in the Great Patriotic War. 1941–1945. Vol. I]. St. Petersburg: GMZ "Petergof". p. 152.
25. *Galereya pamyati uchastnikov VOV* [Gallery of Memory of Participants of the Great Patriotic War]. (n.d.) Muzeynyy kompleks "Doroga Pamyati". [Online] Available from: https://1418museum.ru/heroes/48403478/ (Accessed: 15.05.2025).
26. *Yakov Pavlovich Zaténatskiy* [Yakov Pavlovich Zatenatsky]. (n.d.) Entsiklopediya Runiversalis. [Online] Available from: https://руни.рф/Затенацкий,_Яков_Павлович (Accessed: 03.05.2025).

Информация об авторе:
Рахматулина Е.Ю. – канд. ист. наук, зам. директора Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника (Усть-Каменогорск, Казахстан). E-mail: kalina200778@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
E.Yu. Rakhmatulina, Cand. Sci. (History), deputy director, East Kazakhstan Regional Architectural, Ethnographic and Natural Landscape Museum-Reserve (Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan). E-mail: kalina200778@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.06.2025;
одобрена после рецензирования 01.05.2026; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 06.06.2025;
approved after reviewing 01.05.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 903'12
doi: 10.17223/15617793/527/18

Кулайская культура – общность – непрерывность?*

Юрий Петрович Чемякин[1]

[1] *Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, yury-che@yandex.ru*

Аннотация. Представлен обзор современных взглядов на кулайскую культуру. Рассмотрены ее локальные варианты. Утверждается, что, несмотря на достижения 1970–1980-х гг., появление монографических исследований, многие вопросы культурогенеза, характера кулайской общности, локальных вариантов остались дискуссионными. Один из путей их решения – выработка единой терминологии и критериев выделения общностей разного уровня. Другим являются полноценные публикации памятников кулайской культурно-исторической общности из разных регионов со сравнительным анализом материала.
Ключевые слова: кулайская культура, культурно-историческая общность, локальный вариант, кулайская триада

Источник финансирования: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ «Стратиграфия, хронология и изотопные исследования памятников эпохи бронзы – раннего железного века Сургутского Приобья», № 24-28-00650.

Для цитирования: Чемякин Ю.П. Кулайская культура – общность – непрерывность? // Вестник Томского государственного университета. 2026. № 527. С. 158–165. doi: 10.17223/15617793/527/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/527/18

Kulai culture – community – continuity?

Yury P. Chemyakin[1]

[1] *Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation, yury-che@yandex.ru*

Abstract. A little more than a century has passed since the discovery of the antiquities designated as "Kulai," which initially aroused widespread interest among archaeologists due to their distinctive cult casting. However, it was only the intensive fieldwork of the 1970s and 1980s in the Middle and Novosibirsk Ob regions that enabled a comprehensive characterization of the Kulai culture and the development of its chronology by T.N.Troitskaya and L.A.Chindina, leading to the hypothesis of a unified Kulai community. Despite this progress, no single consensus has emerged regarding the precise nature of this community, largely due to the absence of unified approaches for evaluating archaeological artifacts. This article aims to provide an overview of existing theoretical perspectives and to propose a refined interpretation of the Kulai community. Studies from the final third of the 20th century demonstrated that core attributes characteristic of the Kulai culture extend across nearly the entire taiga zone of Western Siberia, spanning from the Upper to the Lower Ob regions, resulting in the identification of the Novosibirsk, Surgut, Tomsk, and Altai local variants. Furthermore, the Ust-Poluy culture and the antiquities of the Speranovo stage of the Potchevash culture are frequently considered components of this broader entity. Consequently, concepts such as the "Kulai cultural-historical community" and the "Kulai historical-ethnographic region" emerged, along with the formulation of the "Kulai triad," which encompasses bronze weaponry, iconic cult casting, and pottery decorated with a figured duck stamp. The author proposes differentiating between the concepts of a "Kulai ethnocultural region"—which entails the formal study, classification, and spatial analysis of material artifacts—and a "Kulai cultural-historical community," which focuses on reconstructing the socio-cultural, economic, and political lifeways of the societies that produced these materials. Currently, two primary models explain the genesis of the Kulai culture: one posits an origin in the Narym Ob region resulting from interactions between the Elorskaya and Molchanovo cultural traditions (as argued by L.A.Chindina), while the other identifies a transitional Beloyarsk-Vasyugan period (as proposed by Yu.P.Chemyakin) bridging Late Bronze Age cultures with the Kulai antiquities of the Narym and Surgut Ob regions. While migration theories traditionally underpin the identification of local variants in peripheral regions, the author suggests focusing on the Kulai cultures of the Narym and Surgut Ob regions, where local genesis is empirically proven. To resolve the nature of other local variants and cultures, it is essential to expand the primary source base through comprehensive publications of

* Результаты исследования обсуждались в рамках XIX Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Исторический опыт этнокультурного освоения пространств Северной Евразии и сопредельных территорий», состоявшейся 16–18 мая 2024 г. на базе Томского государственного университета.

© Чемякин Ю.П., 2026

Kulai community sites across different regions paired with rigorous comparative material analyses. Ultimately, overcoming the current interpretive crisis requires the development of a standardized terminology and shared criteria for identifying archaeological communities at varying taxonomical levels.
Keywords: Kulai culture, cultural and historical community, local variant, Kulai triad

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-00650.

***For citation*:** Chemyakin, Yu.P. (2026) Kulai culture – community – continuity? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 527. pp. 158–165. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/527/18

Минуло чуть более 100 лет со времени, как крестьянин села Подгорного Чаинской волости Нарымского края Томского округа, распахивая возвышающуюся над р. Чаей гору Кулайка, выпахал большое количество предметов, сделанных из серебра и меди. В статье И.М. Мягкова, посвященной анализу этих находок и подобных им из других мест Нарымского края, впервые упоминается культура типа Кулайки. И.М. Мягков предполагал, что она сформировалась на основе местной культуры степного типа, под влиянием климатических изменений перешедшей к культуре леса, и датировал ее II в. до н.э. – IV в. н.э [1. С. 83–84]. Название «кулайская» для нее предложил В.Н. Чернецов [2. С. 223]. Он же высказал гипотезу о самодийском происхождении кулайской археологической культуры (АК), противопоставив ее одновременной усть-полуйской (угорской) АК. Объективный сравнительный анализ двух культур в то время нельзя было сделать, так как кулайская культура была представлена только культовым литьем и, в меньшей степени, оружием. Среди культур, родственных усть-полуйской, В.Н. Чернецов перечислил фоминскую в Верхнем Приобье и среднеиртышскую.

Активные работы 1970–1980-х гг. позволили всесторонне охарактеризовать кулайскую культуру, разработать ее хронологию, наметить локальные варианты, высказать гипотезу о существовании кулайской общности [3–5]. Если первоначально наблюдалось разнообразие мнений о кулайском культурогенезе, то впоследствии возобладала точка зрения Л.А. Чиндиной. Людмила Александровна задает вопрос, была ли это культурная общность, включавшая в себя своеобразные культуры, или единая огромная культура с локальными вариантами? По ее мнению, по ряду культурных показателей вся территория может быть объединена в культуру с локальными вариантами и соответствовать этнокультурной общности. Она перечисляет новосибирский, ярсалинский и среднеиртышский варианты [6. С. 18]. Чуть позже она пишет, что в саровское «время на обширной территории лесного Приобья сложилась кулайская общность с культурным центром в Среднем Приобье и локальными вариантами на юге и севере [5. С. 122].

Т.Н. Троицкая обосновала выделение новосибирского варианта кулайской АК [4. С. 45] с тремя этапами: каменномысским, ордынским и фоминским. Активные спасательные раскопки Уральской археологической экспедиции в Сургутском Приобье резко расширили источниковую базу и позволили включить этот регион в ареал формирования кулайской культуры, а также предложить иной взгляд на ее хронологию [7]. Конец XX – начало XXI в. ознаменовались активным интересом к кулайской культуре, дальнейшим увеличением источников, появлением многочисленных исследований по различным аспектам кулайской проблематики – генезису, хронологии, миграциям, социальным отношениям, верованиям и т.д.

Но в последние годы интерес к кулайской культуре (общности), как и к археологии раннего железного века западносибирской тайги в целом, заметно упал. Выходят статьи, посвященные отдельным сторонам кулайского общества, чаще связанным с керамическим производством и металлообработкой, анализу металлопластики. Последние попытки рассмотреть это явление в целом, выявить проблемы, связанные с ним, и определить задачи для их решения были предприняты на II Северном археологическом конгрессе (Ханты-Мансийск, 2006 г.) и XXI Международном научном симпозиуме «Интеграция археологических и этнографических исследований» (Барнаул, 2015 г.). В докладе Л.А. Чиндиной на Северном конгрессе среди предстоящих задач были упомянуты: «1. Договориться о понятиях “культура” и “общность” на разных этапах кулайской истории. 2. Обратить особое внимание на проблему миграций… 3. Принять решение по поводу усть-полуйской культуры… 4. Полностью опубликовать материалы Малгетского поселения, Саровского городища, Усть-Полуя и богатейшего Барсовского комплекса РЖВ… Необходимо перейти к системному обобщению сделанного, для чего сегодня требуется разработка научными центрами комплексной долгосрочной программы исследований по основным проблемам кулайской культуры» [8. С. 416]. По прошествии почти 20 лет практически ни одно из этих предложений не было реализовано.

Что можно констатировать на сегодняшний день? В литературе почти уравнялись понятия «кулайская археологическая культура (АК)» и «кулайская культурно-историческая общность (КИО)» = «историко-культурная общность (ИКО)», реже – «историко-этнографическая общность» или «область (ИЭО)». Широко используется понятие «локальный вариант культуры», часто без обоснования, в том числе как синоним (сургутский вариант кулайской АК = сургутская кулайская АК). Нередко в понятие «общность» вносится этнический элемент, отсюда дискуссии на тему: «кто же такие кулайцы?» Однако, на мой взгляд, КИО в первую очередь отражает **культурную общность** (общность культур), сложившуюся на определенной территории в определенный исторический период, а не этническую. При этом территориальные границы общности со временем могли меняться. Поскольку определений КИО,

как и АК, множество, и отношение к ним неоднозначное [9], Ю.В. Ширин относительно кулайской КИО предложил заменить термин «общность» на «непрерывность» [10]. К сожалению, Юрий Викторович еще не дал определения «кулайской культурной непрерывности (ККН)», подразумевая под ней, возможно, непрерывность распространения элементов кулайских «классических» (нарымской и сургутской) культур во времени и пространстве, независимо от его характера. Введение же нового термина пока не привело к решению существующих проблем.

При характеристике кулайских древностей необходимо различать задачи исследования. При изучении, классификации материальных остатков (посуды и ее орнаментации, цветной металлопластики, оружия и т.п., а также поселений, остатков построек, погребальных комплексов и т.п.) речь идет об археологических культурах и их локальных вариантах. Близость этих остатков позволяет объединить разные культуры в историко-этнографическую область (ИЭО) – область распространения схожих элементов материальной культуры на огромной территории, сложившуюся в результате длительных связей, взаимного влияния и общности исторических судеб народов, населявших ее [11]. В этом аспекте можно говорить о кулайской ИЭО, образовавшейся на огромной территории таежного Обь-Иртышья, включая районы северной лесостепи, ленточные боры Верхнего Приобья и лесотундровую зону Нижнего Приобья. Выделение ИЭО происходит на аналитическом уровне, уровне анализа археологического материала.

Реконструкция кулайского общества, его экономики, социальных отношений, верований [духовных представлений], основанных на этом материале, происходит уже на интерпретационном уровне. Оперируя термином «кулайская культурно-историческая общность», мы имеем в виду не только близость материальной культуры. Носители культур, входивших в КИО, имели близкий хозяйственный уклад, верования и социальную структуру, но не обязательно были связаны (или только отчасти связаны) с одним этносом. Изменение ареала КИО могло происходить в результате миграций разного характера или постепенной инфильтрации населения, культурных или торгово-обменных контактов. Среди причин «распространения стиля, моды, идей и товаров могла быть диффузия без масштабных переселений: торговля; “бродячие” мастера, работавшие на заказ; брачный обмен с соседями; выделение социальных групп, например, дружинников со своей системой ценностей и символикой» [12. С. 126].

Сегодня, наверное, можно говорить о двух основных точках зрения на возникновение кулайской культуры. Л.А. Чиндина полагает, что она сформировалась в Нарымском Приобье (позже она включила в первоначальную территорию и Сургутское Приобье) в результате взаимодействия традиций еловской и молчановской культур [5. С. 114; 13. С. 60] (замечу, что в Сургутском Приобье памятники еловской и молчановской культур отсутствуют). Л.А. Чиндина [5] выделила два этапа в развитии культуры: васюганский (VI – II–I вв. до н.э.) и саровский (II–I вв. до н.э. – V в. н.э.). В круг васюганских древностей она включила памятники Среднего Прииртышья и Барабы, которые сейчас относят к самостоятельным культурам – богочановской и новочекинской, и поселения раннего железного века Сургутского Приобья, ныне известные как памятники белоярской и калинкинской культур.

Я не раз отмечал, вслед за Людмилой Александровной, что посуда васюганского (да и саровского) этапа достаточно разнообразна. Л.А. Чиндина выделила пять групп васюганской керамики (без 1-й группы, сургутской, или территориальной) и три группы саровской [5. С. 84–94]. Поэтому, когда в литературе упоминается «васюганская» или «саровская» керамика, нельзя понять, о какой из восьми групп идет речь (с какой группой идет сравнение). А ведь они различаются и хронологически [5. С. 103–106]. Первые три группы по ряду признаков близки белоярской посуде Сургутского Приобья и, на мой взгляд, скорее, предкулайские.

С моей точки зрения, между поздним бронзовым веком и временем сложения кулайской культуры был переходный этап, представленный васюганской керамикой 2–4-й групп в Нарымском Приобье (по Л.А. Чиндиной [5]) и белоярской и калинкинской в Сургутском Приобье. В Сургутском Приобье обнаружены и исследованы десятки памятников эпох поздней бронзы и начала железа. Это позволило выявить непрерывную линию развития культуры в регионе и установить, что между эпохой бронзы и кулайским этапом существовал длительный период перестройки всей культуры, представленный белоярскими древностями [14, 15]. В это же время в Сургутском Приобье появляется новое население, вероятно, южнотаёжного происхождения – носители калинкинской культуры. Взаимодействие местных племен с пришлыми привело к формированию предположительно на рубеже IV/III вв. до н.э. сургутского варианта кулайской культуры, или сургутской кулайской АК.

В этой связи важно выяснить, какие же признаки позволяют археологам объединять разные археологические памятники в рамках кулайской культуры (общности)? Возникло понятие «кулайская триада»: бронзовые оружие и культовое литьё, а также глиняная посуда, украшенная фигурным штампом в виде уточки (следует отметить, что «уточка» встречается не только на глиняной посуде, но и на других изделиях из глины, кости и бронзы). Большинством исследователей хронологические и территориальные границы кулайской культурно-исторической общности определяются по наличию в археологических комплексах этих составляющих. Сегодня очевидно, что первые две составляющие триады имеют надкультурный характер, являясь своего рода социальными маркерами, отражающими субкультуру верхушки таежного общества (культуру субсоциума, по В.А. Шнирельману [16]). Возникая еще в белоярско-васюганское время, ярче всего они проявляются в кулайской культуре. Керамика, декорированная «уточкой» (5-я группа, по Л.А. Чиндиной), появляется в IV–III вв. до н.э. Тогда же прослеживаются первые признаки нивелировки культуры населения всего таёжного Обь-Иртышья. Этим временем, на наш взгляд, датируется начало кулайской культуры. В Нарымском Приобье кулайскими, соответственно, следует считать

комплексы с керамикой пятой и последующих групп. Истоки же кулайской КИО уходят в КИО культур гребенчато-ямочной керамики эпохи бронзы, в западной части ареала, трансформировавшейся в КИО культур крестово-струйчато-ямочной керамики. Граница между западной и восточной частями ареала КИО культур гребенчато-ямочной керамики проходила, как нам представляется, по устью р. Вах.

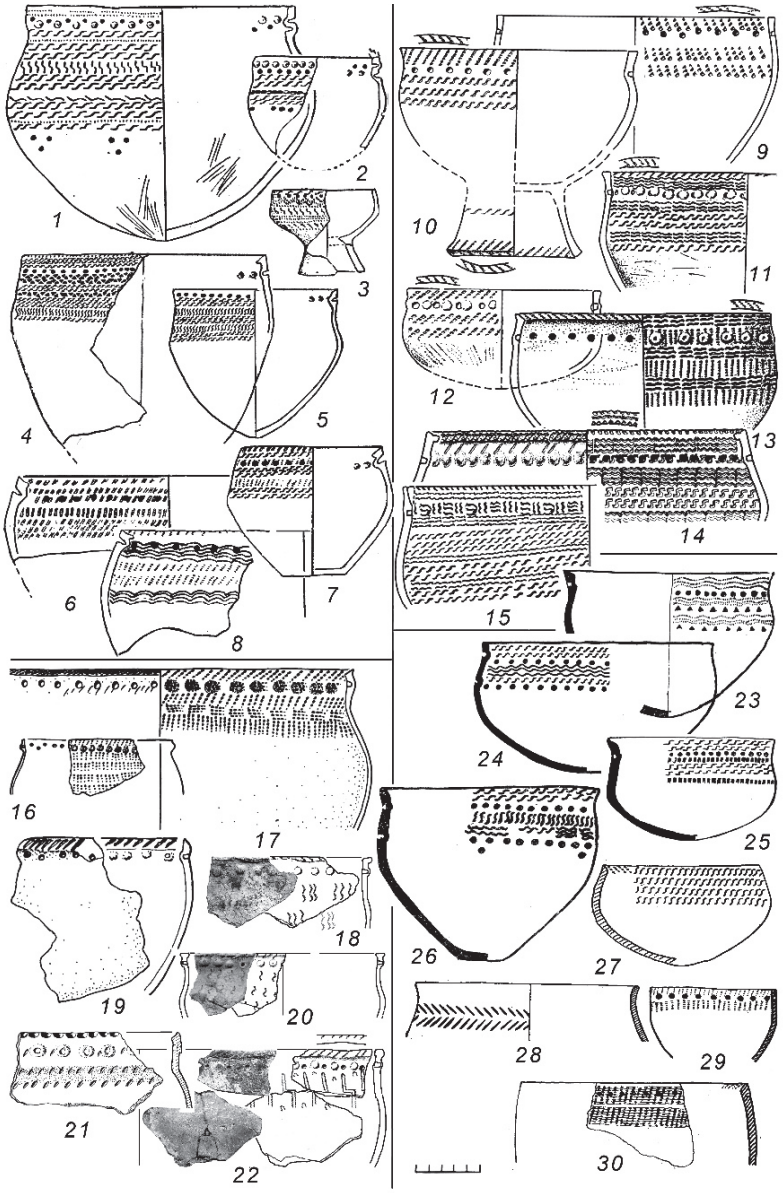

Рис. 1. Керамика кулайской КИО: 1–8 – нарымского варианта кулайской культуры:
1, *2* – Степановское I поселение; *3* – Степановское IV поселение; *4*, *6*, *7* – Саровское городище; *5* – Степановское городище; *8* – поселение Малгет 6; *9–15* – сургутского варианта кулайской культуры: *9* – селище Барсова гора I/22в; *10* – поселение Остяцкий Живец IV; *11*, *12* – селище Барсова гора III/10; *13* – селище Барсова гора IV/13; *14* – селище Барсова гора I/21; *15* – городище Барсов городок I/4; *16–22* – синдейского типа: 16, *17* – поселение Ендырское VIII; *18* – городище Большая Умытья 26; *19*, *20*, *22* – поселение Лева 22; *21* – городище Старый Катыш; *23–30* – новосибирского варианта кулайской культуры (каменномысской культуры): *23–26* – могильник Каменный Мыс; *27* – могильник Ордынское-1; *28*, *29* – городище Дубровинский Борок-3; *30* – городище Ивановка-4 (*1–8* – по Л.А. Чиндиной; *21* – по А.В. Расторопову; *23–30* – по Т.Н. Троицкой)

Представляется, что существовали два самостоятельных варианта кулайской культуры – нарымский (рис. 1, *1–8*) и сургутский (рис. 1, *9–15*), сформировавшиеся на Средней Оби и местный (но разный!) генезис которых кажется обоснованным. Граница между ними также проходила по устью Ваха. В этой связи корректнее говорить о двух близких, но разных культурах. Использование термина «сургутский вариант кулайской общности» объясняется, с одной стороны, схожестью материальной культуры двух регионов (сургутского и нарымского), позволившей в свое время рассматривать первые как кулайские, и недостатком топонимов на Барсовой горе, где впервые были выделены многие культурные типы и культуры Сургутского Приобья – с другой [7. С. 69–73].

Аганские древности этого времени тяготеют к сургутскому варианту, но детального сравнительного анализа материалов еще никто не делал [17].

На этой территории известны и ранние белоярские комплексы [18]. К сургутскому варианту близки материалы кулайской КИО из бассейна Конды, однако их происхождение пока неясно [19–21]. Они могли возникнуть как на местной основе (такие материалы есть в виде лозьвинской и атлымской культур эпохи поздней бронзы и кульминских древностей начала РЖВ), так и в результате миграций. В кулайскую КИО следует включать синдейскую АК из этого же региона и Нижнего Приобья (см. рис. 1, *16–22*), хотя полноценной характеристики этого образования до сих пор нет [22, 23].

Не прекращаются дискуссии о нижнеобском варианте кулая, или усть-полуйской культуре, в составе кулайской КИО. Взгляды на нее разнятся от миграционной теории, возможностей местного генезиса до представления о бесспорной «невозможности выделять особую усть-полуйскую культуру… на основании одного хорошо исследованного памятника» [24. С. 34]. Правда, возникает вопрос – если не было культуры, то кто тогда совершил «три революции Усть-Полуя» [25]? Отсутствие до сих пор публикаций сводного плана раскопов с обнаруженными объектами, стратиграфии городища, результатов обработки керамической коллекции, корреляции залегания разных типов посуды с выявленными комплексами не позволяет полноценно сравнивать усть-полуйскую культуру с кулайскими культурами Нарымского и Сургутского Приобья. Можно лишь констатировать своеобразие усть-полуйской металлопластики по сравнению с культовым литьем из указанных регионов.

Что касается других, более южных территорий распространения кулайских древностей, относительно них доминируют миграционные теории, правда, в различных представлениях. В Томском и Новосибирском Приобье исследователи отмечают несколько волн кулайских миграций, двухкомпонентность (оригинальность) памятников. В этой связи, возможно, целесообразно говорить не о новосибирском варианте кулайской культуры, а вернуть ей первоначальное название – каменномысская (см. рис. 1, *23–30*) [26. С. 159].

Ю.В. Ширим достаточно убедительно показана самостоятельность фоминской культуры, а не выделение фоминских памятников в качестве позднего этапа одного из локальных вариантов кулайской АК [27]. Предложенная им дискуссия о датировке и характере «позднекулайских» памятников Верхнего (Барнаульского) Приобья, к сожалению, не имела должного отклика у оппонентов. Выделение алтайского варианта с тремя этапами, из которых два первых представлены фактически малочисленными сборами с поверхности, часто с многослойных нестратифицированных памятников [28, 29], представляется необоснованным. Так, с ранним (бочанцевским) этапом связывают единственное из изучавшихся раскопками поселение. В раскоп попала лишь часть котлована постройки, а в собранной коллекции керамики фрагменты классического кулайского облика единичны и могли попасть туда без носителей кулайской культуры (например, в результате обмена). Нет ни одного раскопанного поселенческого комплекса с постройками саровского этапа, относительно крупная керамическая коллекция этого периода происходит только с поселения Ближние Елбаны IV. На таких материалах была сконструирована двучленная [30] и трехчленная [28] периодизация «алтайского варианта кулайской культуры. Обе схемы построены с ссылкой на периодизацию Л.А. Чиндиной, но без сравнительного анализа с собственно саровской или васюганской керамикой. К тому же саровский этап в Нарымском Приобье длился со II–I вв. до н.э. по V в. н.э. (по Л.А. Чиндиной [5. С. 122]), и в его рамках саровская керамика также эволюционировала. Аргументация Ю.В. Ширина мне кажется убедительней.

Разнообразны представления и о среднеиртышской культуре, выделенной В.Н. Чернецовым [2. С. 224]. Наиболее последовательно тезис о существовании этой культуры отстаивал В.А. Могильников, считавший ее дочерней от кулайской [31–33]. При этом в ранних статьях он отмечал, что памятники ее оставлены весьма небольшой группой населения, продвинувшегося со Средней Оби на Иртыш в последней трети I тыс. до н.э. и осевшего на правых притоках Иртыша – Оми и Тары. В дальнейшем она не сыграла существенной роли в этнической истории Прииртышья. Своеобразие среднеиртышских памятников он объяснял включением в них элементов местной культуры (смешанных угро-самоедских и угорских племен), близкой нижнеобской [31. С. 183–185]. В поздних же работах В.А. Могильников писал, что «носители среднеиртышской культуры и лесные племена Прииртышья» составили основу средневековой потчевашской культуры [33. С. 193].

В свое время материалы этих же памятников (городища Большой Лог, Потчевашское, Спериановское и др.) позволили свердловским археологам высказать гипотезу об их раннесредневековом возрасте и принадлежности к первому (спериановскому) этапу потчевашской культуры [34. С. 222–223]. Эта точка зрения была развита В.С. Елагиным и В.И. Молодиным, несколько удревнившим спериановский этап и синхронизировавшим его с саровским этапом кулайской культуры [35]. Ученые считали, что спериановский этап сложился в результате проникновения кулайских племен из Среднего Приобья в Прииртышье как части широкой миграции «кулайцев» на соседние территории – следствии экологического кризиса.

В то же время сравнительный анализ керамических комплексов Нарымского Приобья, Среднего Прииртышья и Барабы привел Е.М. Данченко к выводу об их культурном единстве и отсутствии оснований для выделения самостоятельной среднеиртышской культуры (1995). Такого же мнения придерживается Л.А. Чиндина [5. С. 164]. Если еще недавно доминировало представление о появлении «кулайцев» в регионе в результате миграций из Нарымского Приобья [32, 35], то сейчас появилась точка зрения о возможности местного генезиса культуры [36].

Интересно, что на первичной родине в Нарымском Приобье в развитии кулайской культуры видят два этапа – васюганский и саровский (я считаю, что ранние васюганские древности следует рассматривать как предкулайские). На территориях же, которые кулайское население или его потомки освоили в ходе миграций, в истории локальных вариантов при меньшем материале нередко выделяют по три этапа, два из которых синхронизируют с саровским [4, 29, 37].

Видимо, назрело время для более детальной, дробной периодизации кулайских культур Нарымского и Сургутского Приобья.

Подводя итоги краткого обзора современной ситуации в кулаеведении, отмечу, что многие исследователи фиксируют близость материальной культуры аборигенов западносибирской тайги, выделяя культурно-исторические общности по крайней мере с бронзового века. Кулайская КИО сформировалась на основе КИО культур гребенчато-ямочной керамики эпохи бронзы (через белоярско-васюганский этап) и, в свою очередь, переросла в обь-иртышскую КИО средневековья [26, 27]. Учитывая огромные площади, занимаемые этими общностями, вряд ли можно считать их этнокультурными. На мой взгляд, собственно кулайскими являются культуры, сложившиеся в Нарымском и Сургутском Приобье. Вопрос о происхождении кулайских материалов в бассейне Конды и Нижнем Приобье, их характере требует увеличения источниковой базы. Что касается усть-полуйской культуры, эту проблему трудно решить без анализа керамического комплекса, его планиграфии, стратиграфии и связи с объектами городища – сакрального центра. Но, безусловно, учитывая своеобразие металлопластики, наличие западных связей, она остается оригинальной культурой в рамках кулайской КИО. Обоснование южных культур и локальных вариантов нуждается в увеличении источниковой базы

Обзор показал, что ситуация далека от разрешения, и выработка единой терминологии – один из путей преодоления кризиса. Другим путем являются не просто монографические публикации памятников кулайской КИО (в том числе из Нарымского и Сургутского Приобья), но и качественный всесторонний сравнительный анализ материала из разных регионов.

Список источников

1. Мягков И.М. Древности Нарымского края в собрании Томского краевого музея // Труды ТКМ. Томск, 1929. Т. II. С. 51-88.
2. Чернецов В.Н. Усть-полуйское время в Приобье // Материалы и исследования по археологии СССР. М. : Изд-во АН СССР, 1953. № 35. С. 221–241.
3. Ранний железный век Западной Сибири. Томск : Изд-во ТГУ, 1978. 100 с.
4. Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Наука, 1979. 124 с.
5. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск : Изд-во ТГУ, 1984. 256 с.
6. Чиндина Л.А. Культурные особенности Приобья в эпоху железа // Археология и этнография Приобья. Томск : Изд-во ТГУ, 1982. С. 14–22.
7. Чемякин Ю.П. Сургутское Приобье в эпохи бронзы и раннего железа // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск : Изд-во НГПИ, 1989. С. 60–74.
8. Чиндина Л.А. Проблемы кулайской культуры: вчера и сегодня // II Северный археологический конгресс. Доклады. Екатеринбург ; Ханты-Мансийск : Чароид, 2006. С. 404–421.
9. Яблонский Л.Т. Осторожно: этническая археология! (Спички детям не игрушка) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология : материалы XVIII Уральского археологического совещания. Уфа : Изд-во БГПУ, 2010. С. 52–63.
10. Ширин Ю.В. Размещение и культурная специфика южных групп памятников кулайской культурной непрерывности // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул ; Омск : ИД «Наука», 2015. С. 145–148.
11. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Советская этнография. 1955. № 4. С. 3–17.
12. Данченко Е.М. Кулайский феномен: в плену методологии пятидесятых // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. Барнаул ; Омск : ИД «Наука», 2015. С. 124–126.
13. Чиндина Л.А. Кулайская культура в Нарымском Приобье // Ранний железный век Западной Сибири. Томск : Изд-во ТГУ, 1978. С. 59-65.
14. Чемякин Ю.П. К вопросу о белоярско-васюганском этапе в раннем железном веке таежного Обь-Иртышья // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург : Изд-во ИИА УрО РАН, 1993. С. 218–219.
15. Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут ; Омск : ОАО «Омский дом печати», 2008. 224 с.
16. Шнирельман В.А. У истоков доместикации // Вопросы истории. 1985. № 8. С. 183–187.
17. Данилова Е.Н. Комплекс раннего железного века селища Нёх-Урий 5.1 в бассейне р. Аган // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого : сб. ст. Томск ; Ханты-Мансийск : Изд-во Том. ун-та, 2015. Вып. 13. С. 167–191.
18. Данилова Е.Н., Бахарев П.С. Река Аган на заре железного века // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск ; Ханты-Мансийск : Изд-во Том. ун-та, 2016. Вып. 14. С. 259–275.
19. Расторопов А.В. Исследования комплекса археологических памятников в бассейне Конды у села Старый Катыш // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований : материалы VII науч.-практ. конф. «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», посвящ. 90-летию со дня рожд. В.Ф. Генинга. Екатеринбург : Магеллан, 2014. С. 146–154.
20. Чемякин Ю.П. Поселение Ахтымья 1 (комплексы эпохи раннего железа) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого : сб. ст. Томск ; Ханты-Мансийск : Изд-во Том. ун-та, 2015. Вып. 13. С. 139–166.
21. Селин Д.В., Стефанова Н.К., Чемякин Ю.П. Новый Катыш IVa и IVб – кулайские поселения в бассейне р. Конды (Западная Сибирь) // Уральский исторический вестник. 2024. № 1 (82). С. 157–167. doi: 10.30759/1728-9718-2024-1 (82)-157-167
22. Викторова В.Д. Синдея, городище; синдейская культура // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург : Екатеринбург, 1998. С. 478.
23. Чемякин Ю.П. Ранний железный век западносибирской тайги: синдейский тип памятников // «Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время» : материалы междунар. конф., посвящ. 80-летнему юбилею Л.А. Чиндиной. Томск : Д`Принт, 2017. С. 84–89.
24. Федорова Н.В., Гусев А.В. Кулайская проблема: история и современное состояние // Universum Humanitarium. 2019. № 1. С. 20–37. doi: 10.25205/2499-9997-2019-1-20-37
25. Федорова Н.В., Гусев А.В. Три революции Усть-Полуя // Кунсткамера. 2019. Вып. 1 (3). С. 196–204.
26. Троицкая Т.Н. О культурной принадлежности могильника Каменный Мыс // Из истории Сибири. Томск : Изд-во ТГУ, 1973. Вып. 7. С. 152–160.
27. Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.
28. Казаков А.А. Алтайский вариант кулайской археологической культуры // Евразия в энеолите – раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий) : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рожд. выдающ. исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии Михаила Петровича Грязнова (1902–1984). СПб. : ИИМК РАН, 2022. С. 239–241.

29. Казаков А.А. Культурогенетические и миграционные процессы на территории лесостепного Алтая в I в. до н.э. – VIII в. н.э. (по археологическим источникам) : дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2024. 906 с.
30. Горбунов В.В. Памятники кулайской культуры на юге Западной Сибири: вопросы датировки и периодизации // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. Барнаул ; Омск : ИД «Наука», 2015. С. 119–122.
31. Могильников В.А. К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1970. С. 172–190.
32. Могильников В.А. К вопросу о контактах населения Среднего Приобья и Прииртышья в раннем железном веке // Ранний железный век Западной Сибири. Томск : Изд-во ТГУ, 1978. С. 84–92.
33. Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР с древнейших времен до средневековья : в 20 т. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М. : Наука, 1987. С. 163–235.
34. Генинг В.Ф., Корякова Л.Н., Овчинникова Б.Б., Федорова Н.В. Памятники железного века в Омском Прииртышье // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск : Изд-во ТГУ, 1970. С. 203–228.
35. Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале I тысячелетия н.э. Новосибирск : Наука, 1991. 126 с.
36. Шерстобитова О.С. Кулайская культура в Среднем Прииртышье: некоторые вопросы генезиса и взаимодействия // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул ; Омск : ИД «Наука», 2015. С. 142–144.
37. Рыбаков Д.Ю. Локальные особенности томского варианта кулайской культурно-исторической общности конца IV в. до н.э. – IV в. н.э. // Universum Humanitarium. 2020. № 2. С. 132–160.

References

1. Myagkov, I.M. (1929) Drevnosti Narymskogo kraya v sobranii Tomskogo kraevogo muzeya [Antiquities of the Narym region in the collection of the Tomsk Regional Museum]. *Trudy TKM – Proceedings of the Tomsk Regional Museum*. Vol. II. Tomsk. pp. 51–88.
2. Chernetsov, V.N. (1953) Ust'-poluyskoe vremya v Priob'e [The Ust-Poluy period in the Ob region]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR – Materials and Research on the Archaeology of the USSR*. 35. Moscow: USSR AS. pp. 221–241.
3. *Ranniy zheleznyy vek Zapadnoy Sibiri* [The Early Iron Age of Western Siberia]. (1978) Tomsk: TSU. 100 p.
4. Troitskaya, T.N. (1979) *Kulayskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e* [The Kulai Culture in the Novosibirsk Ob Region]. Novosibirsk: Nauka. 124 p.
5. Chindina, L.A. (1984) *Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza / Kulayskaya kul'tura* [Ancient History of the Middle Ob Region in the Iron Age / The Kulai Culture]. Tomsk: TSU. 256 p.
6. Chindina, L.A. (1982) Kul'turnye osobennosti Priob'ya v epokhu zheleza [Cultural features of the Ob region in the Iron Age]. In: *Arkheologiya i etnografiya Priob'ya* [Archaeology and Ethnography of the Ob Region]. Tomsk: TSU. pp. 14–22.
7. Chemyakin, Yu.P. (1989) Surgutskoe Priob'e v epokhi bronzy i rannego zheleza [The Surgut Ob region in the Bronze and Early Iron Ages]. In: *Kul'turnye i khozyaystvennye traditsii narodov Zapadnoy Sibiri* [Cultural and Economic Traditions of the Peoples of Western Siberia]. Novosibirsk: NSPI. pp. 60–74.
8. Chindina, L.A. (2006) Problemy kulayskoy kul'tury: vchera i segodnya [Problems of the Kulai culture: yesterday and today]. In: *II Severnyy arkheologicheskiy kongress. Doklady* [II Northern Archaeological Congress. Reports]. Ekaterinburg; Khanty-Mansiysk: Charoid. pp. 404–421.
9. Yablonskiy, L.T. (2010) [Caution: ethnic archaeology! (Matches are not a toy for children)]. *XVIII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie: kul'turnye oblasti, arkheologicheskie kul'tury, khronologiya* [XVIII Ural Archaeological Meeting: Cultural Areas, Archaeological Cultures, Chronology]. Proceedings of the XVIII Ural Archaeological Meeting. Ufa: BSPI. pp. 52–63. (In Russian).
10. Shirin, Yu.V. (2015) Razmeshchenie i kul'turnaya spetsifika yuzhnykh grupp pamyatnikov kulayskoy kul'turnoy nepreryvnosti [Placement and cultural specificity of the southern groups of sites of the Kulai cultural continuity]. In: *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of Archaeological and Ethnographic Research]. Barnaul; Omsk: ID "Nauka". pp. 145–148.
11. Levin, M.G. & Cheboksarov, N.N. (1955) Khozyaystvenno-kul'turnye tipy i istoriko-etnograficheskie oblasti [Economic-cultural types and historical-ethnographic areas]. *Sovetskaya etnografiya – Soviet Ethnography*. 4. pp. 3–17.
12. Danchenko, E.M. (2015) Kulayskiy fenomen: v plenu metodologii pyatidesyatykh [The Kulai phenomenon: captive to the methodology of the fifties]. In: *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of Archaeological and Ethnographic Research]. Collection of scientific works. Barnaul; Omsk: ID "Nauka". pp. 124–126.
13. Chindina, L.A. (1978) Kulayskaya kul'tura v Narymskom Priob'e [The Kulai culture in the Narym Ob region]. In: *Ranniy zheleznyy vek Zapadnoy Sibiri* [The Early Iron Age of Western Siberia]. Tomsk: TSU. pp. 59–65.
14. Chemyakin, Yu.P. (1993) K voprosu o beloyarsko-vasyuganskom etape v rannem zheleznom veke taezhnogo Ob'-Irtysh'ya [On the question of the Beloyarsk-Vasyugan stage in the Early Iron Age of the taiga Ob-Irtysh region]. In: *Arkheologicheskie kul'tury i kul'turno-istoricheskie obshchnosti Bol'shogo Urala* [Archaeological Cultures and Cultural-Historical Communities of the Greater Urals]. Yekaterinburg: IIA UrB RAS. pp. 218–219.
15. Chemyakin, Yu.P. (2008) *Barsova Gora: ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. Drevnost'* [Barsova Gora: Essays on the Archaeology of the Surgut Ob Region. Antiquity]. Surgut; Omsk: OAO "Omskiy dom pechati". 224 p.
16. Shnirel'man, V.A. (1985) U istokov domestikatsii [At the origins of domestication]. *Voprosy istorii – Issues of History*. 8. pp. 183–187.
17. Danilova, E.N. (2015) Kompleks rannego zheleznogo veka selishcha Nëkh-Uriy 5.1 v basseyne r. Agan [The Early Iron Age complex of the Nëkh-Uriy 5.1 settlement in the Agan river basin]. In: *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo* [Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the Mirror of the Past]. Collection of articles. Issue 13. Tomsk; Khanty-Mansiysk: YSU. pp. 167–191.
18. Danilova, E.N. & Bakharev, P.S. (2016) Reka Agan na zare zheleznogo veka [The Agan River at the dawn of the Iron Age]. In: *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo* [Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the Mirror of the Past]. Issue 14. Tomsk; Khanty-Mansiysk: YSU. pp. 259–275.
19. Rastoropov, A.V. (2014) [Studies of a complex of archaeological sites in the Konda basin near the village of Stary Katysh]. *Problemy sokhraneniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya: istoriya, metody i problemy arkheologicheskikh issledovaniy* [Problems of Preservation and Use of Cultural Heritage: History, Methods and Problems of Archaeological Research]. Proceedings of the VII Conf. "Sokhranenie i izuchenie nedvizhimogo kul'turnogo naslediya Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga – Yugry" ["Preservation and study of the immovable cultural heritage of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Ugra"], dedicated to the 90th anniversary of V.F. Gening. Yekaterinburg: Magellan. pp. 146–154. (In Russian).
20. Chemyakin, Yu.P. (2015) Poselenie Akhtym'ya 1 (kompleksy epokhi rannego zheleza) [The Akhtymya 1 settlement (Early Iron Age complexes)]. In: *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo* [Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the Mirror of the Past]. Collection of articles. Issue 13. Tomsk; Khanty-Mansiysk: YSU. pp. 139–166.
21. Selin, D.V., Stefanova, N.K. & Chemyakin, Yu.P. (2024) Novyy Katysh IVa i IVb — kulayskie poseleniya v basseyne r. Kondy (Zapadnaya Sibir') [Novy Katysh IVa and IVb — Kulai settlements in the Konda river basin (Western Siberia)]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Bulletin*. 1 (82). pp. 157–167. doi: 10.30759/1728-9718-2024-1(82)-157-167
22. Viktorova, V.D. (1998) Sindeya, gorodishche; sindeyskskaya kul'tura [Sindeya, hillfort; the Sindeya culture]. In: *Ural'skaya istoricheskaya entsiklopediya* [Ural Historical Encyclopedia]. Yekaterinburg: Yekaterinburg. p. 478.
23. Chemyakin, Yu.P. (2017) [The Early Iron Age of the West Siberian taiga: the Sindeya type of sites]. *"Kul'tury i narody Severnoy Evrazii: vzglyad skvoz' vremya"* ['Cultures and Peoples of Northern Eurasia: A View through Time']. Proceedings of the International Conference dedicated to the 80th anniversary of L.A. Chindina. Tomsk: D'Print. pp. 84–89. (In Russian).

24. Fedorova, N.V. & Gusev, A.V. (2019) Kulayskaya problema: istoriya i sovremennoe sostoyanie [The Kulai problem: history and current state]. *Universum Humanitarium*. 1. pp. 20–37. doi: 10.25205/2499-9997-2019-1-20-37
25. Fedorova, N.V. & Gusev, A.V. (2019) Tri revolyutsii Ust'-Poluya [Three revolutions of Ust-Poluy]. *Kunstkamera*. 1 (3). pp. 196–204.
26. Troitskaya, T.N. (1973) O kul'turnoy prinadlezhnosti mogil'nika Kamennyy Mys [On the cultural affiliation of the Kamenny Mys burial ground]. In: *Iz istorii Sibiri* [From the History of Siberia]. Issue 7. Tomsk: TSU. pp. 152–160.
27. Shirin, Yu.V. (2003) *Verkhnee Priob'e i predgor'ya Kuznetskogo Alatau v nachale I tysyacheletiya n. e. (pogrebal'nye pamyatniki fominskoy kul'tury)* [The Upper Ob Region and the Foothills of the Kuznetsk Alatau at the Beginning of the 1st Millennium AD (Burial Sites of the Fominsk Culture)]. Novokuznetsk: Kuznetskaya krepost'. 288 p.
28. Kazakov, A.A. (2022) [The Altai variant of the Kulai archaeological culture]. *Evraziya v eneolite – rannem srednevekov'e (innovatsii, kontakty, translyatsii idey i tekhnologiy)* [Eurasia in the Eneolithic – Early Middle Ages (Innovations, Contacts, Translations of Ideas and Technologies)]. Proceedings of the International Conf. dedicated to the 120th anniversary of the birth of the outstanding researcher of antiquities of Southern Siberia and Central Asia Mikhail Petrovich Gryaznov (1902–1984). St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. pp. 239–241. (In Russian).
29. Kazakov, A.A. (2024) *Kul'turogeneticheskie i migratsionnye protsessy na territorii lesostepnogo Altaya v I v. do n. e. – VIII v. n. e. (po arkheologicheskim istochnikam)* [Cultural-Genetic and Migration Processes in the Territory of the Forest-Steppe Altai in the 1st Century BC – 8th Century AD (Based on Archaeological Sources)]. History Dr. Diss. Barnaul. 906 p.
30. Gorbunov, V.V. (2015) Pamyatniki kulayskoy kul'tury na yuge Zapadnoy Sibiri: voprosy datirovki i periodizatsii [Sites of the Kulai culture in the south of Western Siberia: questions of dating and periodisation]. In: *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of Archaeological and Ethnographic Research]. Collection of scientific works. Barnaul; Omsk: ID "Nauka". pp. 119–122.
31. Mogil'nikov, V.A. (1970) K voprosu ob etnokul'turnykh arealakh Srednego Priirtysh'ya i Priob'ya epokhi rannego zheleza [On the question of ethnocultural areas of the Middle Irtysh and Ob regions of the Early Iron Age]. In: *Problemy khronologii i kul'turnoy prinadlezhnosti arkheologicheskikh pamyatnikov Zapadnoy Sibiri* [Problems of Chronology and Cultural Attribution of Archaeological Sites of Western Siberia]. Tomsk: YSU. pp. 172–190.
32. Mogil'nikov, V.A. (1978) K voprosu o kontaktakh naseleniya Srednego Priob'ya i Priirtysh'ya v rannem zheleznom veke [On the question of contacts between the population of the Middle Ob and Irtysh regions in the Early Iron Age]. In: *Ranniy zheleznyy vek Zapadnoy Sibiri* [The Early Iron Age of Western Siberia]. Tomsk: TSU. pp. 84–92.
33. Mogil'nikov, V.A. (1987) Ugry i samodiitsy Urala i Zapadnoy Sibiri [Ugrians and Samoyeds of the Urals and Western Siberia]. In: *Arkheologiya SSSR s drevneyshikh vremen do srednevekov'ya : v 20 t. Finno-ugry i balty v epokhu srednevekov'ya* [Archaeology of the USSR from Ancient Times to the Middle Ages: in 20 vols. Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages]. Moscow: Nauka. pp. 163–235.
34. Gening, V.F., Koryakova, L.N., Ovchinnikova, B.B. & Fedorova, N.V. (1970) Pamyatniki zheleznogo veka v Omskom Priirtysh'e [Iron Age sites in the Omsk Irtysh region]. In: *Problemy khronologii i kul'turnoy prinadlezhnosti arkheologicheskikh pamyatnikov Zapadnoy Sibiri* [Problems of Chronology and Cultural Attribution of Archaeological Sites of Western Siberia]. Tomsk: TSU. pp. 203–228.
35. Elagin, V.S. & Molodin, V.I. (1991) *Baraba v nachale I tysyacheletiya n.e.* [Baraba at the Beginning of the 1st Millennium AD]. Novosibirsk: Nauka. 126 p.
36. Sherstobitova, O.S. (2015) Kulayskaya kul'tura v Srednem Priirtysh'e: nekotorye voprosy genezisa i vzaimodeystviya [The Kulai culture in the Middle Irtysh region: some questions of genesis and interaction]. In: *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of Archaeological and Ethnographic Research]. Barnaul; Omsk: ID "Nauka". pp. 142–144.
37. Rybakov, D.Yu. (2020) Lokal'nye osobennosti tomskogo varianta kulayskoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti kontsa IV v. do n.e. – IV v. n.e. [Local features of the Tomsk variant of the Kulai cultural-historical community of the late 4th century BC – 4th century AD]. *Universum Humanitarium*. 2. pp. 132–160.

Информация об авторе:
Чемякин Ю.П. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник НИИ русской культуры, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: yury-che@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
Yu.P. Chemyakin, Cand. Sci. (History), senior research fellow, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: yury-che@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.12.2024;
одобрена после рецензирования 01.05.2026; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 01.12.2024;
approved after reviewing 01.05.2026; accepted for publication 29.06.2026.

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 376.3
doi: 10.17223/15617793/527/19

Персонализированное сопровождение профессионального самоопределения старшеклассников с нарушением слуха в условиях вузовской профориентации

Светлана Александровна Городилова[1], Юлия Витальевна Красавина[2], Илья Анатольевич Охотников[3], Оксана Владимировна Шакирова[4]

[1, 4] Вятский государственный университет, Киров, Россия
[2] Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова, Ижевск, Россия
[3] Государственный университет им. МакНиса, Лэйк-Чарльз, США
[1] sa_gorodilova@vyatsy.ru
[2] juliadamask@yandex.ru
[3] iokhotnikov@mcneese.edu
[4] usr21466@vyatsu.ru

Аннотация. Обоснована эффективность персонализированного подхода при проектировании программы сопровождения профессионального самоопределения старшеклассников с нарушением слуха в условиях вузовской профориентации. Представлена разработанная программа, исследование эффективности реализации проведено с использованием методики «Профвозможности» (n = 89). Показаны статистически значимые сдвиги в формировании и конкретизации профессиональных планов участников по двум персонализированным маршрутам, по третьему маршруту у старшеклассников с уже определённой единственной профессиональной сферой отмечено отсутствие статистически значимого сдвига от одной доминирующей сферы к нескольким.
Ключевые слова: профориентация, профессиональное самоопределение, старшеклассники с нарушением слуха, индивидуальная профессионально-образовательная траектория, персонализированный подход

Для цитирования: Городилова С.А., Красавина Ю.В., Охотников И.А., Шакирова О.В. Персонализированное сопровождение профессионального самоопределения старшеклассников с нарушением слуха в условиях вузовской профориентации // Вестник Томского государственного университета. 2026. № 527. С. 166–177. doi: 10.17223/15617793/527/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/527/19

Personalized career guidance for deaf and hard-of-hearing high school students within university outreach programs

Svetlana A. Gorodilova[1], Yulia V. Krasavina[2], Ilya A. Okhotnikov[3], Oksana V. Shakirova[4]

[1, 4] Vyatka State University, Kirov, Russian Federation
[2] Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russian Federation
[3] McNeese State University, Lake Charles, USA
[1] sa_gorodilova@vyatsy.ru
[2] juliadamask@yandex.ru
[3] iokhotnikov@mcneese.edu
[4] usr21466@vyatsu.ru

Abstract. Although the right of individuals with disabilities to career guidance is internationally recognized, ensuring its effective implementation remains a key focus for researchers. Despite a growing number of career guidance initiatives in Russia, there remains a critical shortage of specialized programs addressing the unique barriers high school students face in their professional self-determination, particularly programs tailored to specific health conditions. This issue is highly relevant for deaf and hard-of-hearing (DHH) students, whose career choices are often constrained by communication barriers, limited information access, and insufficient individualized support. This study seeks to validate a personalized approach to designing and delivering career guidance for DHH high school students within a university-led framework. The program was developed based on the principles of personalized learning, including individualization, learner agency, and the adaptability of educational trajectories. Its effectiveness was evaluated using A.G.Shmelev's "Professional Opportunities" inventory to assess the vocational interests and personality traits of students with disabilities, with statistical significance determined using the McNemar test. The sample included

© Городилова С.А., Красавина Ю.В., Охотников И.А., Шакирова О.В., 2026

89 DHH high school students (grades 9–11/12) drawn from six schools across the Udmurt Republic, as well as the Kirov and Orenburg regions. Statistical analysis revealed significant shifts in the development and refinement of participants' career plans across three personalized tracks, particularly among students with initially unformed or unclear professional intentions. These pilot findings confirm that personalized support effectively facilitates professional self-determination for high school DHH students. The proposed personalized career guidance program—comprising diagnostic-consultative, informational-developmental, and engagement tracks—proved highly effective in supporting professional self-determination among DHH high school students. These results support the integration of personalized approaches within university-led career guidance frameworks and highlight their potential for broader application to other student populations with disabilities.

Keywords: career guidance, professional self-determination, deaf and hard-of-hearing students, individualized career and educational tracks, personalized approach

***For citation*:** Gorodilova, S.A., Krasavina, Yu.V., Okhotnikov, I.A. & Shakirova, O.V. (2026) Personalized career guidance for deaf and hard-of-hearing high school students within university outreach programs. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 527. pp. 166–177. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/527/19

Введение

Права инвалидов на получение профессиональной ориентации, профессионального обучения и помощи в трудоустройстве закреплены на международном уровне [1]. В Российской Федерации реализация данных прав обеспечивается, в том числе, через выделение особой квоты приема на бюджетные места в вузы [2], что актуализирует задачу повышения эффективности профориентационной работы с потенциальными абитуриентами, имеющими инвалидность.

Несмотря на значительное количество профориентационных программ для школьников в рамках национальных проектов, исследователи отмечают недостаточно системный характер профориентационной работы и дефицит индивидуального психолого-педагогического сопровождения [3]. В исследовании, в котором приняли участие 29 вузов Северо-Западного федерального округа РФ, отмечается, что актуальной остается проблема реализации вариативности сопровождения с учетом индивидуальных особенностей и интересов студентов [4]. При этом исследователи подчеркивают, что именно создание условий для позитивных проявлений индивидуальности и персональности и является основной целью педагогического и профессионального сопровождения на разных его этапах [5].

Особую актуальность данные вопросы приобретают в отношении старшеклассников с нарушением слуха, профессиональное самоопределение которых осложняется трудностями на всех этапах выбора – от формирования представлений о профессии до принятия решения [6]. Исследования указывают на проблемы в развитии академических и коммуникативных навыков у данной категории обучающихся [7, 8], что сужает спектр доступных образовательных и профессиональных траекторий. При этом именно качество профориентационных программ, а не степень нарушения слуховой функции, рассматривается как ключевой фактор успешного перехода к обучению и трудовой деятельности [9].

В современных исследованиях профориентации старшеклассников выделяются три ведущих теоретических подхода: теория конструирования карьеры (адаптивность как цель), социально-когнитивная карьерная теория (основана на уверенности в своих силах), теория когнитивной обработки информации (рациональное принятие решений) [10]. В качестве значимых результатов профориентационной работы рассматриваются сформированность профессионального выбора, навыки планирования и позитивное отношение к выбранной специальности [11], а также навык целеполагания [12]. Исследователями обоснованы комплексный подход организации профориентационной работы со старшеклассниками [13]; предложена идея и схема построения личной профессиональной перспективы [14], выявлены базовые факторы для изучения профессиональных планов старших школьников (личностные черты, осознанная саморегуляция и карьерная адаптивность) [15]. Эффективными признаются комбинированные формы работы: школа–вуз–работодатель [16] и школа–допобразование–колледж–вуз [17], перенос профориентации во внешкольное пространство [3], вовлечение родителей в совместную работу с педагогом-профориентатором [18]. Кроме того, даются рекомендации по комбинации разных форм (мастер-классы, индивидуальные консультации, групповые занятия) [19], изучается использование цифровых технологий и интеллектуальных систем [20].

Вместе с тем анализ литературы показывает, что большая часть исследований не учитывает особенности уязвимых групп обучающихся [11], при этом подчеркивается, что в психологическом сопровождении нуждаются люди, испытывающие потребность в помощи и поддержке, в том числе лица с ограниченными способностями, находящиеся в ситуации выбора профессии [21]. Для лиц с инвалидностью доказана необходимость системного сопровождения, включающего развитие самоуправления [22], адаптацию образовательной среды и тьюторскую поддержку [23]. Важную роль играет формирование субъектности как основы профессионального самоопределения [24].

Для лиц с нарушением слуха отмечаются трудности в профессиональном самоопределении [25], риски ограниченной занятости [26]. При анализе данной проблемы авторы выделяют для глухих и слабослышащих обучающихся затруднения, которые могут препятствовать их успешной профессиональной реализации. Традиционно отмечаются проблемы с навыками коммуникации [27], важными для занятости в социальной и предпринимательской сферах. Характерными для дан-

ной категории являются и проблемы с навыками чтения и письма [8], восприятием сложных текстов [7]. Отмечается, что старшеклассники с нарушением слуха чаще выбирают предметы и задания, которые способствуют получению практических, а не теоретико-академических знаний и навыков [28], что препятствует получению высшего образования в дальнейшем. Что касается трудностей, которые сами глухие и слабослышащие обучающиеся указывают в качестве барьеров для профессиональной реализации, помимо проблем с «академическими» навыками [29], старшеклассники с нарушением слуха выражают обеспокоенность недостаточной поддержкой от организации [30], отношением к ним будущих коллег, возможностью возникновения ситуаций недопонимания, необходимостью работать в группе (общаться с несколькими собеседниками), недоступностью для них некоторых профессий [26].

В этих условиях для реализации профориентационной работы перспективным представляется использование персонализированного подхода, ориентированного на развитие субъектной позиции обучающегося и учет его индивидуальных способностей [31].

Таким образом, несмотря на высокий интерес к проблеме профессионального сопровождения лиц с инвалидностью, наблюдается недостаток эмпирических исследований, особенно в отношении старшеклассников с нарушением слуха. Это определяет необходимость разработки и апробации персонализированных программ профориентационного сопровождения, учитывающих нозологические и индивидуальные особенности обучающихся.

Материалы и методы

В исследовании на основе добровольного информированного согласия родителей (законных представителей) приняли участие 89 старшеклассников (9–11/12-е классы) с нарушением слуха из 6 общеобразовательных организаций Удмуртской республики, Кировской и Оренбургской областей. Из них 53 мальчика (59,6%), 36 девочек (40,4%).

Для проведения исследования были использованы методы: теоретические (междисциплинарный теоретический анализ, синтез, обобщение научных данных по проблеме исследования, теоретическое моделирование); эмпирические (педагогический эксперимент, тестирование); методы обработки эмпирических данных (количественный и качественный анализ результатов исследования); методы математической статистики (критерий Мак-Немара).

Для обследования профессиональной направленности старшеклассников с нарушением слуха была использована методика «Профвозможности» [32]. Методика включает 47 вопросов, направленных на оценку интересов респондента к работе в сферах деятельности (технические устройства; художественное творчество; общение и взаимодействие; сервис и помощь; управление и организация; информация; природа). Каждая шкала теста позволяет выявить три уровня степени выраженности фактора: высокий (от 6,6 до 10 стенов), средний (от 4,5 до 6,5 стенов), низкий (от 1 до 4,4 стена). Анализ результатов позволяет оценить уровень выраженности принадлежности к определенной профессиональной сфере: низкий (интерес к 4–6 профсферам), средний (интерес к 2–3 профсферам), высокий – преобладание интереса к одной профессиональной сфере.

На первом этапе исследования была разработана программа профориентационного сопровождения старшеклассников с нарушением слуха.

На втором этапе работы программа была реализована на базе ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет» (Кировская область, г. Киров) и ФГБОУ ВО «Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова» (Удмуртская республика, г. Ижевск), при участии вузов трех субъектов Российской Федерации: Удмуртской республики, Кировской и Оренбургской областей. В апробации приняли участие 89 обучающихся старших классов с нарушением слуха из 6 общеобразовательных организаций Удмуртской республики, Кировской и Оренбургской областей.

На третьем этапе нами была проведена оценка эффективности реализованной программы персонализированного сопровождения профессионального самоопределения старшеклассников с нарушением слуха. Для проверки гипотезы о наличии системного (статистически значимого) сдвига между измерениями «до» и «после» по каждому персонализированному маршруту применялся точный биномиальный критерий Мак-Немара [33].

Результаты исследования

Была разработана программа, целью которой являлось персонализированное сопровождение профессионального самоопределения старшеклассников с нарушением слуха в условиях вузовской профориентации.

Целевая группа программы:

– абитуриенты с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) из числа обучающихся старших классов общеобразовательных школ и специальных общеобразовательных организаций;

– родители и (или) законные представители лиц с инвалидностью и ОВЗ;

– педагогический состав и учебно-вспомогательный персонал образовательных организаций.

Партнеры программы:

– представители общественных объединений лиц с инвалидностью;

– представители работодателей.

Программа персонализированного сопровождения профессионального самоопределения старшеклассников с нарушением слуха включила в себя три взаимосвязанных этапа, реализуемых в рамках вузовской профориентации, представленных в табл. 1.

Диагностико-консультативный этап включил индивидуальное тестирование в онлайн-формате по методике «Профвозможности», которое проводилось под руководством педагога (классного руководителя, школьного психолога, вузовского профориентолога). Результаты по показателю «Профессиональные интересы» среди слабослышащих обучающихся с инвалидностью и ОВЗ отражены на рис. 1.

Таблица 1

Программа персонализированного сопровождения профессионального самоопределения старшеклассников с нарушением слуха

Параметр	Диагностико-консультативный этап	Информационно-развивающий этап	Этап активизации профсамоопределения
Цель	Установление соответствия области профдеятельности путем сопоставления интересов, склонностей и особенностей личности старшеклассника с нарушением слуха и требований профессии	Обеспечение информацией о учебных заведениях, о рынке труда; формирование знаний, умений и навыков, необходимых для овладения той или иной профессией	Самостоятельное и осознанное построение своего профессионального пути
Компонент самоопределения	Мотивационный	Когнитивный	Операционально-деятельностный
	Оценочно-рефлексивный		
Процесс	Тестирование	Персонализированный маршрут: 1) несформированный профплан; 2) не конкретизированный профплан; 3) сформированный профплан	Обоснованный выбор профессии. Анализ и выбор образовательной организации (ВО/СПО). Анализ мест дальнейшего трудоустройства
Форма	Индивидуальная форма	Групповая, подгрупповая форма	Индивидуальная форма
Формат	Очный, дистанционный, смешанный		
Срок реализации	0,5–1 месяц	5–6 месяцев	1 месяц
Результат	Сформировано осознанное представление о собственных профессиональных интересах и личностных особенностях; определена профессиональная сфера	Сформировано осознанное представление о будущей профессии, профессионально-образовательном пространстве региона, о региональном рынке труда; сформированы знания, умения и навыки, необходимые для овладения конкретной профессией	Сформирован осознанный профплан: выбрана профессия, определены пути ее получения (уровень образования, направление подготовки / специальность СПО/ВО, конкретные образовательные организации); проанализированы возможные варианты дальнейшего трудоустройства выпускников

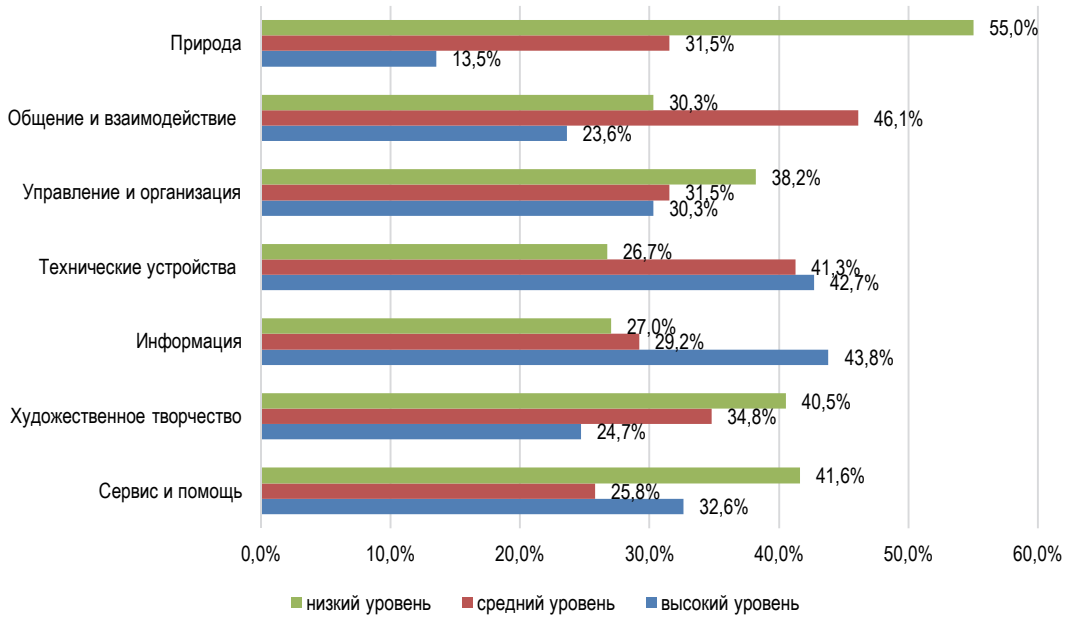

Рис. 1. Распределение старшеклассников с нарушением слуха по уровню выраженности профессиональных интересов, *n* = 89

Обобщив данные результаты с точки зрения преобладания профессиональных сфер деятельности у слабослышащих школьников, мы можем заключить, что у 19% респондентов профессиональные интересы не сформированы, поскольку ни одна из сфер не представлена на высоком уровне. У 19% испытуемых отмечается преобладание одной профессиональной сферы, что сужает поиск будущей профессии и является оптимальным для обучающихся с особенностями здоровья. Так, 45% слабослышащих старших классов выбирают 2–3 профессиональные сферы, каждая из которых, так и их сочетание может стать основой для профессионального самоопределения. У 17% участников с нарушением слуха выявлен разброс интересов между 4–6 профессиональными сферами, что, несомненно, затрудняет процесс выбора будущего направления профессиональной деятельности. Понимание структуры профинтересов слабослышащих респондентов явилось основой для планирования содержательной части профориентационной программы.

Результаты диагностики респонденты получали по электронной почте с приглашением к индивидуальной консультации со специалистом-профориентологом в очной форме, а также с применением дистанционных технологий (teams.microsoft.com, pruffme.com). В ходе консультирования потенциальный абитуриент получил персонализированный список профессий, учитывающий особенности нарушения слуха с опорой на Атлас профессий высшего образования для лиц с инвалидностью и ОВЗ, рекомендации индивидуальной программы реабилитации или абилитации, востребованности рекомендованных профессий на региональном рынке труда (информация сайта «Работа России»).

На втором этапе по результатам проведенных консультаций каждый школьник с нарушением слуха получил персонализированный маршрут, сформированный в зависимости от выявленных трудностей:

1. Профессиональный план не сформирован: обучающиеся мало мотивированы на выбор будущей профессии, не владеют информацией о спросе на рынке труда, профессиональные интересы не сформированы/не выражены либо присутствует разброс интересов среди 4–6 профессиональных сфер.

Для данной категории потенциальных абитуриентов персонализированный маршрут включил мероприятия информационно-справочного и просветительского направления, нацеленные на определение профессиональной сферы через изучение учебно-профессионального пространства не только региона проживания, но и близлежащих регионов, анализ востребованных профессий на региональном рынке труда, изучение профессиограмм, информирование о возможности трудоустройства лиц с инвалидностью и ОВЗ. Данный этап проходил в условиях активной работы самих участников: они на основе полученных (или уже имеющихся) знаний осуществляли поиск дополнительной информации (профили подготовки в вузе, проходной балл, календарь абитуриента, адрес приемной комиссии учебного заведения, анонсы вузовских мероприятий и т.д.).

Мероприятия были организованы на базе вузов: «День открытых дверей вузов региона» (4–6 раз в год с привлечением специалистов ведущих региональных вузов, участвующих в апробации), экскурсии в вузы (Всероссийская акция «Неделя без турникетов»); встречи со специалистами кадрового центра «Работа России» и общественных организаций инвалидов, региональными работодателями; мастер-классы специалистов вузов по профориентации («Основы промптинга», «Портрет профессии», «Основы поиска в Интернете», «Построение профтраектории», «Профессионально важные качества», «Путешествие по карте профессий»); мероприятия формата «Студент одного дня».

Специалисты приемной комиссии вузов знакомили участников мероприятий с особенностями приема лиц с инвалидностью, обращали внимание выпускников с инвалидностью на варианты прохождения вступительных испытаний в вуз, условия их проведения, условия обучения и проживания с демонстрацией видеопаспорта доступности.

2. Неконкретизированный профплан (средний уровень сформированности профессиональных интересов). Маршрут был нацелен на решение следующих проблем:

– Сомнения в правильности выбора будущей профессии: неумение правильно оценить свои возможности на основе соотнесения особенностей здоровья, способностей, индивидуальных личностных особенностей, профессиональных интересов и склонностей с выбранной профессией.

Персонализированный маршрут старшеклассников с нарушением слуха для подтверждения правильности выбранной профессии включил тренинги личностного роста; участие в профориентационных коуч-сессиях с участием студентов и выпускников с инвалидностью; профессиональных пробах по интересующей профессии на базе профильных кафедр вуза (например, «Педагог будущего», «Робототехника», «Мастерская инженера: создаем своими руками», «Твои возможности в мире техники», «IT для всех: профессии, которые доступны каждому»), деловых играх («Мы из будущего», «Портрет профессии»); тренингах («Я и профессия», «Твоя карьера»); профориентационных мастерских («Твои возможности в мире техники», «Программист, дизайнер, аналитик – найди себя в мире IT», «Инженерные профессии без барьеров», «Цифровые возможности: меняем мир с помощью технологий»), конкурсах (конкурс презентаций «Моя будущая профессия», конкурс видеороликов «Путь к успеху»);

– Затруднения с выбором образовательной организации: незнание требуемого уровня образования для выбранной профессии, неумение ориентироваться в образовательных организациях региона/страны, выбор направления/профиля получения высшего образования, сомнения в доступности получения высшего образования лицами с нарушением слуха, имеющими инвалидность и ОВЗ.

Для данной категории абитуриентов программа предусматривала мероприятия, реализуемые на базе вуза, нацеленные на информационную и морально-эмоциональную поддержку: знакомство с условиями обучения (доступность учебной среды, наличие специального оборудования аудиторий для лиц с нарушением слуха, возможность обучаться в инклюзивной группе или в отдельной группе при сопровождении сурдопереводчика), студенческой жизни, меры поддержки студентов с инвалидностью, со структурой образовательного сайта; ресурсами портала инклюзивноеобразование.рф; оказание помощи в выборе и принятии решения через участие в мастер-классах («Найди решение», «Шаги к успеху», «Три судьбы»), проектах и деловых играх («Вуз будущего», «Я – исследователь», «День из жизни»), что позволило окунуться в студенческую атмосферу; почувствовать поддержку со стороны вузовских специалистов и студентов, самостоятельно оценить доступность среды;

– Неуверенность в возможности поступить в вуз по выбранной профессии: недостаточная подготовленность к вступительным испытаниям, не знание правил и условий поступления в вуз, условий обучения в вузе, отношенческие барьеры.

Персонализированный маршрут для этой категории абитуриентов с нарушением слуха нацелен на морально-эмоциональную поддержку: информирование об условиях поступления в вуз лиц с инвалидностью, включение в тренинги уверенности в себе («Я умею», «Моя линия жизни», «Мои skillы», «Мой идеальный вуз»), демонстрация историй успеха студентов вуза с инвалидностью; информирование о наличии адаптационных курсов на подготовительных отделениях вузов для обучающихся с инвалидностью и ОВЗ; оказание ассистивной помощи и социально-психологическое сопровождение абитуриентов с нарушением слуха на этапе поступления в вуз (тьюторское сопровождение).

3. Профплан сформирован (высокий уровень сформированности профинтересов): наличие обоснованного представления о будущей профессии, выбрана образовательная организация для ее получения.

Данной категории старшеклассников с нарушением слуха рекомендовано участие в профориентационных и профильных олимпиадах в зависимости от профильности интересов («Будущее большой химии», «Педагог-профессия будущего», «Язык мира и созидания», «Первые шаги в психологии», «Мастерская инженера», «IT-универсариум») и конкурсах («Наука без границ», «Нобелевские Надежды», «Финансовая грамотность», «Абилимпикс»).

Мероприятия второго этапа проводились с октября по март 1 раз в неделю (формат «Профориентационные субботы») в подгрупповой и групповой форме в смешанном формате: школьники данного региона имели возможность очного участия, дистанционный формат профинформационных мероприятий выбирали участники из других регионов, а также старшеклассники, имеющие сложный дефект (например, нарушением слуха в сочетании с нарушением опорно-двигательного аппарата). Также специалисты вузов организовывали выездные профориентационные мероприятия на базе общеобразовательных организаций для обучающихся нарушением слуха.

К участию в информационных мероприятиях программы приглашались педагоги общеобразовательных организаций, родители / законные представители обучающихся с нарушением слуха. Для родителей слабослышащих школьников дополнительно организовались родительские собрания в онлайн-формате по вопросам поступления и обучения в вузе.

В рамках заключительного этапа, нацеленного на активизацию профсамоопределения, школьники с нарушением слуха в форме индивидуальной работы со специалистом по профориентации посредством цифровых сервисов пошагово заполняли чек-лист:

1) моя цель (наличие профплана и его обоснованность);

2) мои возможности (степень осознанности при выборе будущей профессии, наличие первоначальных умений в выбранной сфере);

3) востребованность профессии (ориентированность в социально-экономической ситуации регионального рынка труда и профессионально-образовательном пространстве региона/страны);

4) моя профессионально-образовательная траектория (осознание ближних профессиональных целей; возможных вариантов выбора; самостоятельное планирование траектории получения конкретной профессии; возможные варианты трудоустройства);

5) препятствия и ресурсы (осознание внутренних и внешних препятствий и возможностей, определение путей их преодоления через доступные ресурсы);

6) шаги по достижению цели (самостоятельное планирование конкретных шагов по практической реализации намеченной цели).

Ресурсами реализации третьего этапа являлись:

– результаты профориентационного тестирования по методике «Профвозможности»,

– информация портала инклюзивноеобразование.рф, позволяющая осуществить поиск вуза по региону, профессии, условиям обучения; познакомиться с видеопаспортами профессий для лиц с нарушением слуха, историями успеха;

– сервис «Банк вакансий для выпускников с инвалидностью», разработанный специалистами ВятГУ, включающий перечень вакансий по 11 регионам РФ, с определением направления подготовки, необходимого для получения образования по выбранной профессии.

По окончанию реализации программы была проведена повторная диагностика в индивидуальной форме, которая позволила оценить эффективность реализованной ПР. По результатам обследования профессиональной направленности старшеклассников были выделены три группы:

1. Профессиональный план не сформирован – количество выбранных профессиональные сфер 0, 4–6.

2. Профессиональный план не конкретизирован – выбраны 2–3 сферы.

3. Профессиональный план сформирован – выбрана одна профессиональная сфера.

Разделение на три подвыборки соответствует логике персонализированных маршрутов сопровождения профессионального самоопределения, которые качественно различаются по содержанию; поэтому эффективность всей программы оценивается по каждому маршруту отдельно. Для маршрутов 1 и 2 эффективность определяется наличием статистически значимого сдвига к формированию одной доминирующей профсферы (рост доли участников с ровно одной профсферой после прохождения маршрута). Для маршрута 3 (план сформирован) эффективность подтверждается «от обратного» – отсутствием статистически значимого сдвига от одной доминирующей сферы к нескольким или к отсутствию доминирования.

Все полученные статистические показатели (для совокупных выборок и по полу в каждом маршруте) сведены в табл. 2.

По результатам статистического анализа эффективности маршрутов персонализированного сопровождения профессионального самоопределения старшеклассников с нарушением слуха можно констатировать, что по маршрутам 1 и 2 выявлен статистически значимый сдвиг к формированию одной доминирующей профессиональной сферы. По маршруту 3 статистически значимого сдвига не выявлено, что соответствует целевой задаче данного маршрута, а именно сохранению уже сформированного профессионального плана.

Величина эффекта по маршрутам 1 и 2 указывает на выраженную практическую значимость полученных изменений, тогда как результаты по маршруту 3 свидетельствуют о стабильности исходно определённого профессионального выбора.

По маршруту 1 (М1, табл. 2), точный биномиальный тест Мак-Немара показал статистически значимый сдвиг от неопределившихся (было 0 или 4-6 доминирующих профсфер) к одной доминирующей профсфере, $p < 0{,}001$ (*mid-P*/точн., табл. 2).

Таблица 2

Статистическая динамика результативности программы персонализированного сопровождения профессионального самоопределения старшеклассников с нарушением слуха

Маршрут	Выборка	n	*b01* (до=0 --> после=1)	*b10* (до=1 --> после=0)	Дискорданты (*b*01+*b*10)	OR (с поправкой Халдейна–Энскомба)	95%ДИ *OR [L; U]*	*p*_точн.Holm (точный биномиальный)	*mid-P*/точн. (точный серединный)	*p_exact* (Холм, внутри маршрута)	*p_mid/Holm* (Холм, внутри маршрута)	Коэф. Коена *d*	ВП (вероятность превосходства)
М1	ВСЕ	33	15	0	15	31,00	[3,59; ∞]	0,0001	0,0000			1,8933	0,9097
	М	22	10	0	10	21,00	[2,24; ∞]	0,0020	0,0010	0,0039	0,0020	1,6785	0,8824
	Д	11	5	0	5	11,00	[0,92; ∞]	0,0625	0,0312	0,0625	0,0312	1,3220	0,8251
М2	ВСЕ	39	16	0	16	33,00	[3,86; ∞]	0,0000	0,0000			1,9277	0,9136
	М	20	10	0	10	21,00	[2,24; ∞]	0,0020	0,0010	0,0039	0,0020	1,6785	0,8824
	Д	19	6	0	6	13,00	[1,18; ∞]	0,0312	0,0156	0,0312	0,0156	1,4141	0,8413
М3	ВСЕ	17	0	1	1	0,33	[0,0; 39,00]	1,0000	0,5000			–0,6057	0,3342
	М	11	0	0	0	1,00				1,0000	1,0000	0,0000	0,5000
	Д	6	0	1	1	0,33	[0,0; 39,00]	1,0000	0,5000	1,0000	1,0000	–0,6057	0,3342

Парное отношение шансов (OR = 31,0, 95%-ый доверительный интервал (95% ДИ) [3,59; ∞]. Величина эффекта по лог-OR: $d = 1{,}8933$, что соответствует вероятности превосходства (ВП) = 0,9097. Иными словами, при парных сравнениях у одного и того же участника в 90,97% случаев происходит определение одной профсферы, поскольку выраженность «одной сферы» выше «после» чем «до» прохождения по маршруту – 90,97%, такой эффект является значительным. Эффект значим после поправки *Holm* внутри маршрута ($p = 0{,}0020$, *p_mid/Holm*; $p = 0{,}0039$, *p*_точн.*Holm*) для подвыборок мальчиков и девочек. Парное OR = 21,0; 95%ДИ [2,24; ∞]; $d = 1{,}6785$; ВП = 0,8824. Это означает, что в подвыборке мальчиков вероятность превосходства результата «после» над результатом «до» составляет 88,24%, т.е. изменения направлены к формированию одной доминирующей профессиональной сферы. У девочек направление сдвига также соответствует цели маршрута: OR = 11,0; 95%ДИ [0,92; ∞]; $d = 1{,}3220$, ВП = 0,8251. Значение *p*_mid/Holm = 0,0312 указывает на положительную динамику, однако точный 95%ДИ для OR включает 1, поэтому данный результат следует трактовать как положительную тенденцию к формированию одной доминирующей профессиональной сферы, а не как доказательство различий по полу. ВП = 0,8251 означает, что в подвыборке девочек вероятность превосходства результата «после» над результатом «до» составляет 82,51.

По маршруту 2 (М2, см. табл. 2) в совокупной выборке получен статистически значимый сдвиг от 2–3 профсфер к одной профсфере, $p < 0{,}001$, OR = 33,0, 95%ДИ [3,86; ∞]; d = 1,9277, ВП = 0,9136. Это означает, что вероятность превосходства результата «после» над результатом «до» составляет 91,36%, что указывает на крупный эффект конкретизации профессионального плана. В подвыборке мальчиков результат также статистически значим после поправки Холма: OR = 21,0; 95%ДИ [2,24; ∞]; $d = 1{,}6785$; ВП = 0,8824. В подвыборке девочек результат статистически значим после поправки Холма: OR = 13,0; 95%ДИ [1,18; ∞]; $d = 1{,}4141$; ВП = 0,8413. Таким образом, в каждой из подвыборок маршрут 2 сопровождался сдвигом к одной доминирующей профессиональной сфере.

По маршруту 3 (М3, см. табл. 2) статистически значимого системного сдвига не выявлено ни в совокупной выборке, ни в подвыборках мальчиков и девочек: двусторонние значения $p \geq 0{,}05$. В совокупной выборке OR = 0,33; 95%ДИ [0,00; 39,00]; $d = -0{,}6057$; ВП = 0,3342. В подвыборке мальчиков дискордантные пары отсутствовали, что указывает на сохранение исходного статуса одной доминирующей сферы у участников данной подвыборки. В подвыборке девочек OR = 0,33; 95%ДИ [0,00; 39,00]; $d = -0{,}6057$; ВП = 0,3342, однако результат статистически незначим.

Следовательно, у старшеклассников с уже определённой единственной профессиональной сферой сохраняется устойчивость профплана: программа не «размывает» исходную определённость ни в сторону множественных интересов, ни в сторону утраты единственного интереса к профессиональной сфере. Это соответствует целевой задаче маршрута, а именно: сохранить уже сформированную определённость и уточнить дальнейшую профессионально-образовательную траекторию.

Обсуждение результатов

Результаты диагностики на первом этапе программы подтверждают и уточняют выводы более ранних исследований по проблеме низкого уровня профессионального самоопределения у старшеклассников с инвалидностью по слуху [25, 34]. Так, в исследовании [34] авторы на основании анализа результатов опросника В.Б. Успенского делают вывод о том, что большинство участников с нарушением слуха (80%) не готовы сделать профессиональный выбор, а также имеют низкий уровень осознанности личностных особенностей и ограничений (согласно анкете «Ориентация» И.Л. Соломина). В исследовании [25] у 66% участников статус профессиональной идентичности определен как «недифференцированный» (по методике Vocational Identity Status Assessment), что характеризуется низкими показателями по уровню интереса к изучению профессий (exploration), отсутствию сформированного выбора какой-то профессиональной сферы (commitment) и отсутствию желания что-то менять (reconsideration). Результаты настоящей работы позволяют не только констатировать неопределённость профессионального выбора у 81% участников, но и более точно описать особенности их профессионального самоопределения с точки зрения интереса к профессиональным сферам.

Выводы, сделанные по результатам проведения всех этапов исследования, согласуются с выводами других авторов [17, 24] об эффективности формата взаимодействия «школа–вуз» и ключевой роли специалистов университета в сопровождении процесса профориентационного самоопределения старшеклассников с особенностями здоровья в силу обладания экспертными знаниями и организационно-методическими ресурсами.

В целом анализ результатов исследования подтверждает тезис о необходимости индивидуализации поддержки инклюзии и персонализации на этапе освоения профессионального становления инвалидов, озвученный рядом авторов [4, 5]. Персонализированный подход при профессиональном ориентировании позволяет учащимся находить новые, личностные смыслы в проектировании будущей карьеры, что полностью соответствует основным положениям теории самоопределения (самодетерминации), согласно которой удовлетворение потребностей в автономии, компетентности и установлении связей является необходимым условием для формирования внутренней мотивации и вовлеченности [35], в данном случае в процесс профессионального самоопределения. Таким образом, ключевыми механизмами эффективности персонализированных маршрутов, на наш взгляд, являются:

1) поддержка автономии – через учет индивидуальных особенностей при разработке персонализированного маршрута; рефлексивный анализ своих сильных сторон, интересов и ограничений, связанных с нарушением слуха для осознанного выбора профессии; свободу самоопределения и право выбора мероприятий по сложности и содержанию (профинформационная встреча, мастер-класс, конкурс, олимпиада); смещение акцентов с «готовых решений» на развитие навыков самостоятельного поиска и планирования;

2) поддержка компетентности (потребности ощущать способность справляться с решением задач [35]) – через постепенное погружение в профориентацию с учетом личного темпа и уровня готовности; адаптацию формы взаимодействия (очный/дистанционный) и формата общения (использование сурдоперевода, визуальных материалов);

3) поддержка в установлении связей (сопричастности) – через предоставление обратной связи в рамках индивидуальных консультаций с профориентологом, создание пространства для диалога для получения ответов и разъяснения, адаптации своего выбора; комплексную поддержку от этапа выбора профессии до сопровождения на этапе поступления в вуз.

Отдельного обсуждения требуют результаты, полученные по маршруту 1. Данный маршрут был ориентирован на обучающихся, у которых профессиональный план исходно не был сформирован: либо не выделялась ни одна доминирующая сфера, либо наблюдался широкий разброс интересов между несколькими сферами. В совокупной выборке результаты статистических анализов показали выраженный сдвиг к одной доминирующей профессиональной сфере, что указывает на результативность информационно-просветительских и ориентирующих мероприятий. Вместе с тем в подвыборке девочек нижняя граница 95%ДИ для OR оказалась близкой к 1 и включала 1, что не позволяет трактовать результат как столь же статистически устойчивый, как в совокупной выборке. Это может говорить о большей неоднородности профессионального самоопределения у девочек с нарушением слуха при исходно несформированном плане. Возможными факторами такой вариативности могут быть влияние личных предпочтений, семейных и социальных ожиданий, осторожность при выборе профессий, связанных с будущей коммуникационной нагрузкой, влияние подруг на выбор профориентации, а также стереотипные представления о доступности отдельных профессиональных сфер для девушек с нарушением слуха. Поэтому результат по девочкам следует рассматривать как положительную тенденцию к формированию профориентации, требующую дальнейшего изучения, а не как доказательство половых различий.

Что касается отсутствия статистически значимого сдвига у участников 3 маршрута, то это не отсутствие результата, а результат, соответствующий функции данного маршрута. Для обучающихся с уже сформиро-

ванным профессиональным планом программа выполняла не формирующую, а поддерживающую и уточняющую функцию, делая выбор более осознанным и конкретным.

Эти качественные изменения не фиксируются напрямую шкалой «Профвозможности», поскольку методика отражает выраженность интереса к профессиональным сферам, а не степень конкретизации индивидуального плана поступления. Поэтому отсутствие «размывания» выбора по маршруту 3 можно рассматривать как положительный результат: программа сохраняла уже сложившуюся профессиональную определённость и переводила её в более конкретную профессионально-образовательную траекторию. Помимо этого, подготовка и участие старшеклассников в профильных конкурсах и олимпиадах способствовали формированию компетенций для будущей профессии, в отдельных случаях давали возможность получить дополнительные баллы при поступлении на желаемое направление и в то же время знакомили абитуриентов с академическими стандартами высшего учебного заведения.

В процессе реализации программы были отмечены сложности, которые следует принимать во внимание при планировании программ профессиональной ориентации с персонализированными маршрутами в формате взаимодействия «школа–вуз». Необходимо учесть, что у отдельных обучающихся может не быть возможности участвовать в очных мероприятиях программы (например, если нарушение слуха сочетается с нарушением опорно-двигательного аппарата), также наблюдались трудности с участием в очных мероприятиях родителей, часто в связи с занятостью и работой. В связи с этим целесообразно сразу планировать программу в смешанном формате: аудиторном и онлайн. При этом, учитывая риски, связанные с техническими неполадками, проблемами со связью и невозможностью подключиться к трансляции, необходимо предусмотреть запись мероприятий и их рассылку. Кроме того, были зафиксированы сложности организационного характера. При реализации профессионально ориентированных маршрутов обучающимся коррекционных школ могут быть рекомендованы как программы высшего образования (ВО), так и среднего профессионального образования (СПО). Поэтому при организации мероприятий с абитуриентами коррекционных школ представителям вузов может потребоваться согласование не только на уровне руководства школ, но и на уровне регионального межведомственного взаимодействия между Минобрнауки и Минпросвещения. Еще одним, неожиданным для авторов фактором, затрудняющим проведение программ профориентации, стал скептицизм отдельных педагогов коррекционных школ относительно потенциальной профессиональной успешности их выпускников. Были сделаны выводы о необходимости системного информирования педагогов коррекционных школ о региональной инфраструктуре инклюзивного образования (ВО и СПО).

Заключение

Персонализированная профориентационная работа с особыми категориями оптантов помогает раскрыть личностный потенциал с учетом имеющихся психофизических, индивидуальных особенностей и образовательных потребностей, повышает активность и мотивацию к самостоятельному выбору и планированию своего будущего, построению профкарьеры.

Ограничениями для настоящего исследования являются отсутствие контрольной группы и краткосрочность отсроченных результатов (измерения проводились только сразу после программы). Дальнейшие исследования должны быть направлены на анализ устойчивости профессионального плана через 6 – 12 месяцев после окончания школы и оценку реального поступления в вуз по выбранной траектории.

Данная программа была апробирована на одной из категорий лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья в условиях вузовской профориентации и может быть применена как рамочная модель организации профориентационной работы с абитуриентами и других категорий. Предложенная программа может быть дополнена содержательно, исходя из запроса и готовности участников к планированию и реализации индивидуальной профессионально-образовательной траектории, а также требований работодателей к трудовым компетенциям.

Список источников

1. ILO Convention on Vocational Rehabilitation and Employment of Persons with Disabilities: принята в 1983. URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%201401/volume-1401-I-23439-English.pdf (дата обращения: 21.01.2026).
2. Об образовании в Российской Федерации (с изменениями и дополнениями) : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 21.01.2026).
3. Сергеев И.С. Образовательная профориентация и школьная профориентация: совпадение в пространстве, расхождение в смыслах // Инновационная научная современная академическая исследовательская траектория (ИНСАЙТ). 2023. № 3 (15). С. 11–48. doi: 10.17853/2686-8970-2023-3-11-48
4. Денисова О.А., Леханова О.Л., Михайлова А.В., Гудина Т.В. Анализ тенденций реализации вариативных траекторий сопровождения профессионализации лиц с инвалидностью в вузе // Science for Education Today. 2025. № 5 (15). С. 188–213. doi: 10.15293/2658-6762.2505.09
5. Чебровская С.В., Чебровский А.А. Педагогическое сопровождение как условие своевременного профессионального самоопределения обучающихся // Современные проблемы науки и образования. 2022. № 4. doi: 10.17513/spno.31923
6. Емельянова И.Д., Маркова С.В., Лошкарева О.Н., Федюшина У.И. Особенности готовности к профессиональному самоопределению лиц подросткового возраста с нарушениями слуха // Перспективы науки и образования. 2025. № 5. С. 454–468. doi: 10.32744/pse.2025.5.28
7. Kuntze M., Branum-Martin L., Scott J. Pandemic effects on the reading trajectories of deaf and hard of hearing students: a pilot analysis // Reading and Writing. 2023. Vol. 36, № 2. P. 429–448. doi: 10.1007/s11145-022-10365-4
8. Krasavina Y., Ponomarenko E., Shishkina A., Gareyev A. Digital Divide and Operational Digital Literacy in Deaf and Hard-of-Hearing Students // Specijalna edukacija i rehabilitacija. 2025. Vol. 24, № 1. P. 1–19. doi: 10.5937/specedreh24-51366
9. Danermark B., Antonson S., Lundström I. Social inclusion and career development – Transition from upper secondary school to work or post-secondary education among hard of hearing students // Scandinavian Audiology, Supplement. 2001. Vol. 30, № 53. P. 120–128. doi: 10.1080/010503901750166880

10. Wang D., Li Y., Wang G. A systematic review on career interventions for high school students // Frontiers in Psychology. 2024. doi: 10.3389/fpsyg.2024.1461503
11. Soares J., Carvalho C., Silva A.D. A systematic review on career interventions for university students: Framework, effectiveness, and outcomes // Australian Journal of Career Development. 2022. Vol. 31, № 2. P. 81–92. doi: 10.1177/10384162221100460
12. Shogren K.A., Long H., Hicks T.A., Ferreira H.R. Self-determination for students with disabilities during challenging times // Children and Youth Services Review. 2024. Vol. 166, № 1. doi: 10.1016/j.childyouth.2024.107944
13. Алтухов В.В., Кувшинова О.Л., Кузнецов К.Г. Комплексный подход в профориентации // Профессиональное образование и рынок труда. 2014. № 3. С. 13–15.
14. Пряжников Н.С. Профориентация в школе: игры, упражнения, опросники (8–11 класс). М. : ВАКО, 2005. 288 с.
15. Кондратюк Н.Г., Бурмистрова-Савенкова А.В., Моросанова В.И. От чего зависят профессиональные планы старших школьников // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 20, № 3. С. 500–522. doi: 10.17323/1813-8918-2023-3-500-522
16. Прохоров А.В. Современные подходы к профессиональной ориентации школьников // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27, № 2. С. 319–328. doi: 10.20310/1810-0201-2022-27-2-319-328
17. Бугров А.С. Профориентация в общем образовании: анализ ситуации, тенденции и перспективы развития // Профессиональное образование и рынок труда. 2024. Т. 12, № 1. С. 79–94. doi: 10.52944/PORT.2024.56.1.006
18. Сергеев И.С. Работа с родителями школьников в системе образовательной профориентации // Инновационная научная современная академическая исследовательская траектория (ИНСАЙТ). 2024. Т. 19, № 3. С. 9–40. doi: 10.17853/2686-8970-2024-3-9-40
19. Lindsay S., Varahra A. A systematic review of self-determination interventions for children and youth with disabilities // Disability and Rehabilitation. 2022. Vol. 44, № 19. P. 5341–5362. doi: 10.1080/09638288.2021.1928776
20. Букина И.А., Гудина Т.В., Денисова О.А., Леханова О.Л. Построение профессиональной траектории развития лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью в Вологодской области // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. Т. 111, № 6. С. 229–242. doi: 10.23859/1994-0637-2022-6-111-19
21. Зеер Э.Ф. Теоретико-прикладные основания психологии профессионального развития. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2015. 194 с.
22. Strnadová I., Danker J., Dowse L., Tso M. Supporting students with disability to improve academic, social and emotional, and self-determination and life-skills outcomes: umbrella review of evidence-based practices // International Journal of Inclusive Education. 2024. Vol. 28, № 14. P. 3606–3622. doi: 10.1080/13603116.2023.2221239
23. Магауова А.С., Касен Г.А., Кудайбергенова А.М., Махамбетова Ж.Т. Профессиональное самоопределение студентов с ООП в инклюзивной среде высшей школы: проблемы, опыт, перспективы // Journal of Educational Sciences. 2023. Vol. 74, № 1. P. 118–130. doi: 10.26577/JES.2023.v74.i1.011
24. Селезнева А.И., Любчиков М.Н., Грибанов И.Н. Профессиональное самоопределение личности: библиометрический анализ российских исследований // Психологическая наука и образование. 2025. Т. 30, № 5. С. 142–155. doi: 10.17759/pse.2025300509
25. Yuan W., Xu T., Liu M., Hu B. Vocational identity status in Chinese emerging adults with and without hearing impairment: Latent profiles and relationships with self-esteem and subjective well-being // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. Vol. 19, № 21. doi: 10.3390/ijerph192114473
26. Punch R., Creed P. A., Hyde M. B. Career barriers perceived by hard-of-hearing adolescents: Implications for practice from a mixed-methods study // Journal of Deaf Studies and Deaf Education. 2006. Vol. 11, № 2. P. 224–237. doi: 10.1093/deafed/enj023
27. Bieńkowska K.I., Domagała-Zysk E. Adaptive skills of deaf and hard-of-hearing children as assessed by their parents // International Journal of Inclusive Education. 2026. Vol. 30, Is. 8. P. 1–15. doi: 10.1080/13603116.2025.2554250
28. Nagle K., Newman L. A., Shaver D. M., Marschark M. College and career readiness: Course taking of deaf and hard of hearing secondary school students // American Annals of the Deaf. 2016. Vol. 160, № 5. P. 467–482. doi: 10.1353/aad.2016.0000
29. Michael R., Zakai-Mashiach M., Shavit P. Future career expectations of college students – the contribution of disability status, self-advocacy, self-efficacy, and support // European Journal of Special Needs Education. 2025. Т. 40, № 1. С. 69–86. doi: 10.1080/08856257.2024.2323251
30. Maciá-Andreu M.J., Vaquero-Cristóbal R., Meroño L. et al. Self-perception of dual career barriers and athletic identity in student-athletes with disabilities according to disability type and level of professionalization // Scientific Reports. 2023. Vol. 13, № 1. doi: 10.1038/s41598-023-47881-4
31. Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Теоретико-прикладные основания персонализированного образования: перспективы развития // Педагогическое образование в России. 2021. № 1. С. 17–25. doi: 10.12345/2079-8717_2021_01_02
32. Шмелев А.Г. Методическое пособие по комплексу «Профриентатор». М. : МГУ, 2020. 200 с.
33. Roldán-Nofuentes J.A., León-González J.L., de la Higuera-Gil-Moreno M.I. Hypothesis test to compare two paired binomial proportions: Assessment of 24 methods // Mathematics. 2024. Vol. 12, № 2. doi: 10.3390/math12020190
34. Голишникова Е.И., Санташова О.В. Особенности сформированности профессионального самоопределения у обучающихся с нарушениями слуха // Проблемы современного педагогического образования. 2020. Т. 67, № 4. С. 96–101.
35. Лабзова И.Ю. Теория самоопределения и её применение в зарубежной образовательной практике // Человек и образование. 2017. Т. 52, № 3. С. 152–156.

References

1. International Labour Organization. (1983) *ILO Convention on Vocational Rehabilitation and Employment of Persons with Disabilities*. [Online] Available from: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%201401/volume-1401-I-23439-English.pdf (Accessed: 21.01.2026).
2. Russian Federation. (2012) *Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii (s izmeneniyami i dopolneniyami): Federal'nyy zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ* [On Education in the Russian Federation (with amendments and additions): Federal Law No. 273-FZ of 29.12.2012]. Konsul'tantPlyus. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (Accessed: 21.01.2026).
3. Sergeev, I.S. (2023) Obrazovatel'naya proforientatsiya i shkol'naya proforientatsiya: sovpadenie v prostranstve, raskhozhdenie v smyslakh [Educational career guidance and school career guidance: coincidence in space, divergence in meanings]. *Innovatsionnaya nauchnaya sovremennaya akademicheskaya issledovatel'skaya traektoriya (INSAYT) – Innovative Scientific Modern Academic Research Trajectory (INSIGHT)*. 3 (15). pp. 11–48. doi: 10.17853/2686-8970-2023-3-11-48
4. Denisova, O.A., Lekhanova, O.L., Mikhaylova, A.V. & Gudina, T.V. (2025) Analiz tendentsiy realizatsii variativnykh traektoriy soprovozhdeniya professionalizatsii lits s invalidnost'yu v vuze [Analysis of trends in the implementation of variable trajectories of supporting the professionalisation of persons with disabilities at university]. *Science for Education Today*. 5 (15). pp. 188–213. doi: 10.15293/2658-6762.2505.09
5. Chebrovskaya, S.V. & Chebrovskiy, A.A. (2022) Pedagogicheskoe soprovozhdenie kak uslovie svoevremennogo professional'nogo samoopredeleniya obuchayushchikhsya [Pedagogical support as a condition for timely professional self-determination of students]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 4. doi: 10.17513/spno.31923
6. Emel'yanova, I.D., Markova, S.V., Loshkareva, O.N. & Fedyushina, U.I. (2025) Osobennosti gotovnosti k professional'nomu samoopredeleniyu lits podrostkovogo vozrasta s narusheniyami slukha [Features of readiness for professional self-determination of adolescents with hearing impairments]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya – Prospects of Science and Education*. 5. pp. 454–468. doi: 10.32744/pse.2025.5.28
7. Kuntze, M., Branum-Martin, L. & Scott, J. (2023) Pandemic effects on the reading trajectories of deaf and hard of hearing students: a pilot analysis. *Reading and Writing*. 36 (2). pp. 429–448. doi: 10.1007/s11145-022-10365-4

8. Krasavina, Y., Ponomarenko, E., Shishkina, A. & Gareyev, A. (2025) Digital Divide and Operational Digital Literacy in Deaf and Hard-of-Hearing Students. *Specjalna edukacja i rehabilitacja*. 24 (1). pp. 1–19. doi: 10.5937/specedreh24-51366
9. Danermark, B., Antonson, S. & Lundström, I. (2001) Social inclusion and career development — Transition from upper secondary school to work or post-secondary education among hard of hearing students. *Scandinavian Audiology, Supplement*. 30 (53). pp. 120–128. doi: 10.1080/010503901750166880
10. Wang, D., Li, Y. & Wang, G. (2024) A systematic review on career interventions for high school students. *Frontiers in Psychology*. doi: 10.3389/fpsyg.2024.1461503
11. Soares, J., Carvalho, C. & Silva, A.D. (2022) A systematic review on career interventions for university students: Framework, effectiveness, and outcomes. *Australian Journal of Career Development*. 31 (2). pp. 81–92. doi: 10.1177/10384162221100460
12. Shogren, K.A., Long, H., Hicks, T.A. & Ferreira, H.R. (2024) Self-determination for students with disabilities during challenging times. *Children and Youth Services Review*. 166 (1). doi: 10.1016/j.childyouth.2024.107944
13. Altukhov, V.V., Kuvshinova, O.L. & Kuznetsov, K.G. (2014) Kompleksnyy podkhod v proforientatsii [An integrated approach in career guidance]. *Professional'noe obrazovanie i rynok truda – Vocational Education and Labour Market*. 3. pp. 13–15.
14. Pryazhnikov, N.S. (2005) *Proforientatsiya v shkole: igry, uprazhneniya, oprosniki (8–11 klass)* [Career Guidance at School: Games, Exercises, Questionnaires (Grades 8–11)]. Moscow: VAKO. 288 p.
15. Kondratyuk, N.G., Burmistrova-Savenkova, A.V. & Morosanova, V.I. (2023) Ot chego zavisyat professional'nye plany starshikh shkol'nikov [What determines the professional plans of senior schoolchildren]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 20 (3). pp. 500–522. doi: 10.17323/1813-8918-2023-3-500-522
16. Prokhorov, A.V. (2022) Sovremennye podkhody k professional'noy orientatsii shkol'nikov [Modern approaches to the career guidance of schoolchildren]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki – Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*. 27 (2). pp. 319–328. doi: 10.20310/1810-0201-2022-27-2-319-328
17. Bugrov, A.S. (2024) Proforientatsiya v obshchem obrazovanii: analiz situatsii, tendentsii i perspektivy razvitiya [Career guidance in general education: situation analysis, trends and development prospects]. *Professional'noe obrazovanie i rynok truda – Vocational Education and Labour Market*. 12 (1). pp. 79–94. doi: 10.52944/PORT.2024.56.1.006
18. Sergeev, I.S. (2024) Rabota s roditelyami shkol'nikov v sisteme obrazovatel'noy proforientatsii [Work with parents of schoolchildren in the system of educational career guidance]. *Innovatsionnaya nauchnaya sovremennaya akademicheskaya issledovatel'skaya traektoriya (INSAYT) – Innovative Scientific Modern Academic Research Trajectory (INSIGHT)*. 19 (3). pp. 9–40. doi: 10.17853/2686-8970-2024-3-9-40
19. Lindsay, S. & Varahra, A. (2022) A systematic review of self-determination interventions for children and youth with disabilities. *Disability and Rehabilitation*. 44 (19). pp. 5341–5362. doi: 10.1080/09638288.2021.1928776
20. Bukina, I.A., Gudina, T.V., Denisova, O.A. & Lekhanova, O.L. (2022) Postroenie professional'noy traektorii razvitiya lits s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya i invalidnost'yu v Vologodskoy oblasti [Building a professional development trajectory for persons with limited health capabilities and disabilities in Vologda Oblast]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Cherepovets State University*. 111 (6). pp. 229–242. doi: 10.23859/1994-0637-2022-6-111-19
21. Zeer, E.F. (2015) *Teoretiko-prikladnye osnovaniya psikhologii professional'nogo razvitiya* [Theoretical and Applied Foundations of the Psychology of Professional Development]. Yekaterinburg: Russian State Vocational Pedagogical University. 194 p.
22. Strnadová, I., Danker, J., Dowse, L. & Tso, M. (2024) Supporting students with disability to improve academic, social and emotional, and self-determination and life-skills outcomes: umbrella review of evidence-based practices. *International Journal of Inclusive Education*. 28 (14). pp. 3606–3622. doi: 10.1080/13603116.2023.2221239
23. Magauova, A.S., Kasen, G.A., Kudaybergenova, A.M. & Makhambetova, Zh.T. (2023) Professional'noe samoopredelenie studentov s OOP v inklyuzivnoy srede vysshey shkoly: problemy, opyt, perspektivy [Professional self-determination of students with special educational needs in the inclusive environment of higher education: problems, experience, prospects]. *Journal of Educational Sciences*. 74 (1). pp. 118–130. doi: 10.26577/JES.2023.v74.i1.011
24. Selezneva, A.I., Lyubchikov, M.N. & Gribanov, I.N. (2025) Professional'noe samoopredelenie lichnosti: bibliometricheskiy analiz rossiyskikh issledovaniy [Professional self-determination of the personality: a bibliometric analysis of Russian research]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie – Psychological Science and Education*. 30 (5). pp. 142–155. doi: 10.17759/pse.2025300509
25. Yuan, W., Xu, T., Liu, M. & Hu, B. (2022) Vocational identity status in Chinese emerging adults with and without hearing impairment: Latent profiles and relationships with self-esteem and subjective well-being. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 19 (21). doi: 10.3390/ijerph192114473
26. Punch, R., Creed, P.A. & Hyde, M.B. (2006) Career barriers perceived by hard-of-hearing adolescents: Implications for practice from a mixed-methods study. *Journal of Deaf Studies and Deaf Education*. 11 (2). pp. 224–237. doi: 10.1093/deafed/enj023
27. Bieńkowska, K.I. & Domagała-Zysk, E. (2026) Adaptive skills of deaf and hard-of-hearing children as assessed by their parents. *International Journal of Inclusive Education*. 30 (8). pp. 1–15. doi: 10.1080/13603116.2025.2554250
28. Nagle, K., Newman, L.A., Shaver, D.M. & Marschark, M. (2016) College and career readiness: Course taking of deaf and hard of hearing secondary school students. *American Annals of the Deaf*. 160 (5). pp. 467–482. doi: 10.1353/aad.2016.0000
29. Michael, R., Zakai-Mashiach, M. & Shavit, P. (2025) Future career expectations of college students — the contribution of disability status, self-advocacy, self-efficacy, and support. *European Journal of Special Needs Education*. 40 (1). pp. 69–86. doi: 10.1080/08856257.2024.2323251
30. Maciá-Andreu, M.J., Vaquero-Cristóbal, R., Meroño, L. et al. (2023) Self-perception of dual career barriers and athletic identity in student-athletes with disabilities according to disability type and level of professionalization. *Scientific Reports*. 13 (1). doi: 10.1038/s41598-023-47881-4
31. Zeer, E.F. & Symanyuk, E.E. (2021) Teoretiko-prikladnye osnovaniya personalizirovannogo obrazovaniya: perspektivy razvitiya [Theoretical and applied foundations of personalised education: development prospects]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii – Pedagogical Education in Russia*. 1. pp. 17–25. doi: 10.12345/2079-8717_2021_01_02
32. Shmelev, A.G. (2020) *Metodicheskoe posobie po kompleksu "Proforientator"* [Methodological Guide for the 'Proforientator' Complex]. Moscow: MGU. 200 p.
33. Roldán-Nofuentes, J.A., León-González, J.L. & de la Higuera-Gil-Moreno, M.I. (2024) Hypothesis test to compare two paired binomial proportions: Assessment of 24 methods. *Mathematics*. 12 (2). doi: 10.3390/math12020190
34. Golishnikova, E.I. & Santashova, O.V. (2020) Osobennosti sformirovannosti professional'nogo samoopredeleniya u obuchayushchikhsya s narusheniyami slukha [Features of the formation of professional self-determination in students with hearing impairments]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya – Problems of Modern Pedagogical Education*. 67 (4). pp. 96–101.
35. Labzova, I.Yu. (2017) Teoriya samoopredeleniya i ee primenenie v zarubezhnoy obrazovatel'noy praktike [Self-determination theory and its application in foreign educational practice]. *Chelovek i obrazovanie – Man and Education*. 52 (3). pp. 152–156.

Информация об авторах:
Городилова С.А. – канд. психол. наук, доцент кафедры психологии, Вятский государственный университет (Киров, Россия). E-mail: sa_gorodilova@vyatsy.ru

Красавина Ю.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры «Инженерная графика, профессиональная педагогика и технология рекламы», директор Центра инклюзивного обучения, Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова (Ижевск, Россия). E-mail: juliadamask@yandex.ru
Охотников И.А. – канд. социол. наук, доцент кафедры социальных наук, Государственный университет им. МакНииса (Лэйк-Чарльз, США). E-mail: iokhotnikov@mcneese.edu
Шакирова О.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры педагогики, Вятский государственный университет (Киров, Россия). E-mail: usr21466@vyatsu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
S.A. Gorodilova, Cand. Sci. (Psychology), associate professor, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: sa_gorodilova@vyatsy.ru
Yu.V. Krasavina, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, director of the Center for Inclusive Education, Kalashnikov Izhevsk State Technical University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: juliadamask@yandex.ru
I.A. Okhotnikov, Cand. Sci. (Sociology), associate professor, McNeese State University (Lake Charles, USA). E-mail: iokhotnikov@mcneese.edu
O.V. Shakirova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: usr21466@vyatsu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.04.2026;
одобрена после рецензирования 01.06.2026; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 16.04.2026;
approved after reviewing 01.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Original article
UDC 372.881.111.1, 378
doi: 10.17223/15617793/527/20

Expressive syntax in English oral scientific speech: Teaching its features

Elena V. Guzheva[1]

[1] *Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation, ochidr@mail.ru*

Abstract. Modern teaching methods do not sufficiently emphasize the features of constructing scientific statements in spoken English, which causes difficulties for students in developing scientific communication skills. A survey of 142 students identified key issues related to a lack of syntactic knowledge and the ability to express ideas clearly, highlighting the need to develop specific tasks to improve the effectiveness of spoken scientific discourse. To foster skills in transforming written speech into oral form, a typology of exercises has been proposed.
Keywords: scientific oral speech, expressive syntax, features, training

For citation: Guzheva, E.V. (2026) Expressive syntax in English oral scientific speech: Teaching its features. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 527. pp. 178–187. doi: 10.17223/15617793/527/20

Introduction

English is currently the language of intercultural communication and a tool for knowledge exchange. It is also the working language of many conferences and scientific journals. English language learning is one of the world's biggest educational phenomena at present [1. P. 838]. Therefore, it is a significant means of integrating technical specialists into the international scientific community.

It is crucial for future specialists to possess not only professional, but also general competencies. These are necessary to achieve the desired level of efficiency in a particular field and ensure high-quality task performance. Unlike professional competencies, which are tied to a specific job, generic competencies are critical for success in various activities as they include communication, problem solving and conflict resolution skills [2. P. 1096].

According to the requirements of the Federal State Educational Standard, it is important for a specialist "to be able to apply modern communicative technologies, including in a foreign language(s), for academic and professional interaction" [3. P. 232].

The Federal State Educational Standard (FSES) states that the primary objective of foreign language instruction is to cultivate communicative proficiency, or the capacity to engage in interpersonal and intercultural communication in a foreign language [4]. In accordance with the federal educational standard for higher education, university graduates must possess the following general cultural competencies: 1) the ability to generalise, analyse information, and set goals; 2) the ability to construct speech logically, reasonably; and 3) the ability to cooperate with colleagues [5. P. 120].

Consequently, in accordance with the Federal State Educational Standard of Higher Education, a graduate with a Master's degree must possess cognitive and discursive skills aimed at perceiving and producing coherent monological and dialogical texts in oral form. This involves participating in scientific discussions, expressing their point of view, justifying, and defending it. They must also be prepared to compile reports and presentations on scientific research work in Russian and foreign languages within the framework of scientific research activities, and to participate in conferences, including international ones.

Students cannot passively receive theoretical knowledge 'discovered' by scientists and 'transmitted' by teachers. Scientific literacy is enhanced through oral and written communication. Science education implies the social and dialogical nature of knowledge [6. P. 966]. It is important for future professionals to be able to engage in academic and scientific dialogue with their peers in the global community, as well as produce their own work in English.

The role of an English teacher is not only to develop students' lexical and grammatical skills [7. P. 114], and to teach the terminology of a specific field, but also to help students understand the structural and compositional features of scientific texts and the diversity of genres [8. P. 408].

To manage the addressee's attention, it is important for the speaker to correctly structure the communicative elements of their speech [9. P. 560].

The syntax of oral scientific speech differs from that of written speech. Therefore, when teaching students oral speech, it is necessary to pay attention to the genre features of this discourse.

Consequently, the process of generating oral scientific speech and its components must be studied in order to apply the results to teaching this genre to students.

The study focuses on students' attitudes towards learning to construct statements correctly, taking into account their knowledge of the characteristics of expressive syntax in English academic speech and their skill level in this area.

The subject of the study is students' motivation to learn the syntactic features of English oral scientific speech, with the aim of organizing speech more effectively.

The study aims to develop recommendations for studying the syntax of oral scientific speech and the subsequent application of acquired skills in practice.

© Guzheva E.V., 2026

Literature Review

The concept of research competence is correlated with the concept of genre competence, which is defined as "skills and abilities to model scientific texts of different genres in accordance with the communicative task of intercultural scientific communication using appropriate linguistic and stylistic repertoires" [10. P. 290]. Genre competence is considered as the most important component of professional communicative competence [11. P. 227]. Speech genres have become the subject of research in the works of many scientists (M.M. Bakhtin, O.B. Sirotinina, I.A. Sotova). The following people paid attention to the formation of speech skills within the framework of the inter-genre learning model: V.A. Fedorova, N.I. Kolesnikova, Y.V. Ridnaya, V.A. Zavyalov.

Thanks to a wealth of research in modern linguistics, academic writing has been studied in detail. Today, a more in-depth investigation of the mechanisms of creating oral speech is still required. Therefore, it is also necessary to develop a training model to foster research competence by forming and improving genre competence in the field of scientific spoken communication.

To this end, it is important to study the mechanisms involved in generating scientific oral speech in English.

On the one hand, oral speech has the 'sign of scientificity' and the characteristic features of written speech. On the other hand, colloquial forms of communication influence the oral form of the scientific style of speech [12. P. 108].

Given that it is important for the speaker to attract the listener's attention while explaining difficult concepts in accessible language and conveying scientific information, oral speech is characterised by intimisation and dialogisation of the narrative, as well as by simplicity of syntax and the introduction of the speaker through self-commenting, semantic clarifications, repetitions and contact-establishing techniques [13. P. 19]. The use of colloquial vocabulary as well as possessive and personal pronouns creates a more relaxed and trusting atmosphere, which is important for facilitating the transmission and perception of information.

The dialogisation of narrative and question-and-answer complexes enables speakers to use language that is understandable to their audience. The work of P.L. Hsu and E.A. Popov draws attention to the role of dialogue between lecturers, teachers and students as a useful tool for optimising communicative skills due to its free and democratic nature. Hsu's article focuses on transforming scientists' discourse through the mediation of dialogues with students [14]. Popov highlights the role of dialogisation in the development of essential communicative skills that contribute to students' professional growth [15. P. 113].

In O.M. In Sherekhova's work, the emphasis is on the practical aspect, namely, building professional communication proficiency among undergraduate students, where the ability to correctly select speech tools is crucial for successful interaction in academic and professional settings [16. P. 157]. Expressive devices serve as such tools, facilitating understanding difficult concepts and strengthening the argument in oral speech.

The field of research describing oral speech and expressive syntax constructions for the accurate and expressive transmission of cognitive information is diverse and considers various types, styles and genres. Studies have analysed the syntactic features of spoken colloquial [17], monological [18] and dialogical speech [19]. Attention is paid to pragmatic markers, their semantics and their functions in spoken Russian [20].

An overview of the works of Russian linguists devoted to the issues of classification and features in the functioning of expressive constructions including fiction and scientific styles of English from the point of view of comparative analysis [21]. The implementation of speech strategies in detective novels [22], corporate press releases [23], and popular science media texts [24] is considered.

Works devoted to individual elements of expressive syntax include parenthetical constructions [25], apposition [26], ellipsis [27], chiasmus, antithesis, manifestations of synesthesia [28] and rhetorical questions [29].

Foreign studies have shown sustained interest in this topic. Key research areas include the syntax of historical English writing [30], English presentatives [31], exclamations analysed through a compositional approach [32], and the role of exclamations as reactive utterances [33]. Recent advances and trends in the study of speech act syntax are also documented [34].

Our research begins with the concept of expressiveness in scientific discourse. The most common classifications are G.N. Akimova's classification of expressive syntactic constructions [35. P. 89] and E. M. Galkina-Fedoruk's categorisation of figures of speech [36. P. 105].

O.V. Kotik and L.V. Tolstikova agree with I.A. Skripak's opinion that the most significant means of expression in scientific discourse are syntactic rather than lexical [37. P. 170], since the use of emotional and evaluative vocabulary is limited by discourse norms, as well as by clichés and stereotypes [38. P. 62]. The authors rightly note that speakers select linguistic means in accordance with the needs of their listeners to convey information as effectively as possible. After all, speakers' main intention is 'to convey scientific knowledge to the audience, convince them of the truth of the material and encourage them to take the necessary actions'. An important role is played by means of expressive syntax [38. P. 65].

Y.B. Zhidkova and N.V. Fedotova also consider the syntactic level of oral presentations, highlighting the 'strong' and 'weak' elements of scientific style, and emphasising the importance of teaching effective ways to express the meaning of a statement [39. P. 35].

A.A. Solomennikova examines figures of expressive syntax from linguistic and methodological perspectives. The author provides exercises to study syntactic rhetorical figures based on advertising texts, as well as tasks to consolidate the material [40. P. 222].

E.V. Ardatova and T.S. Vologova raise the issue of stylistic differences between spoken and written language, providing exercises that transform written text into spoken language [41. P. 100–102].

Current research shows that there are only a limited number of works on the methodology of teaching the modelling of spoken scientific statements using these forms.

A quantitative analysis of the data we conducted based on the materials from lectures presented in the British Academic Corpus of Spoken English [42] revealed stable syntactic structures that contribute to increased emotionality and expressiveness in this genre. These findings will inform recommendations for teaching students effective communication. These materials and the study's conclusions will be used to compile a teaching manual for English language teaching to non-native speakers in the future.

Materials and Methods

The tasks set have been completed through a combination of theoretical and empirical research. The following methods have been employed in the study:

1. The questionnaire method, which included a survey of students to determine the importance of studying English syntax and the ability to analyse expressive syntactic constructions for subsequent use in speech.
2. Theoretical analysis and generalisation of scientific literature related to the study of teaching syntax features in English oral scientific speech.
3. The analysis of the Federal State Educational Standards (FSES) requirements for Master's students at non-language universities (technical faculties).
4. Chat GPT resources were partially used in developing the survey and exercises.
5. The quantitative analysis method.
6. Observation and analysis method.

The research has been conducted in several stages:

a) A survey of students has been conducted;

b) Quantitative data have been processed;

c) A typology of exercises for converting written text into spoken language has been proposed, taking into account the mechanisms of spoken language production.

Results

A survey of 142 students from technical faculties at NSTU has been conducted to obtain results for the Master's programme.

In response to the first question: 'Is it important for students to know the syntax of spoken scientific English (word agreement in phrases, sentences and statements)?' - 89.4% (127 students (here and further, the number of respondents is given in brackets)) answered yes and 10.6% (15 respondents) answered no.

Moving on to the next question: 'If yes, at what level of language proficiency should this material be introduced?'

44.9% (64 respondents) said that intermediate is the most preferable level for this information.

21.6% (31 respondents) believe it should be introduced throughout the entire course.

17% (24) believe it should be introduced at beginner level, and 16.5% (23) at advanced level.

Question 3: 'Is it important for a modern specialist to be able to ask a speaker questions in English during a presentation on a topic related to their field of expertise?' 76.8% (109) answered 'Yes', 14.8% (21) answered 'I find it difficult to answer', and 8.5% (12) answered 'No'.

Question 4: 'Are you able to ask the speaker questions in English on a topic related to your specialty?' Rate your skill level from 0 (I am unable to do this) to 5 (I am very good at it)." The following answers have been received:

The students rate their skill level as follows: 0 – 14.8% (21); 1 – 18.3% (26); 2 – 21.8% (31); 3 – 30.3% (43); 4 – 9.9% (14); 5 – 4.9% (7).

114 respondents (80.3%) answered positively to question 5: "Do you encounter difficulties during oral presentations due to a lack of knowledge of the syntax of oral scientific speech in English, such as the agreement of words in phrases, sentences and statements?" 19.7% (28) answered negatively.

Question 6: 'How important is it for a modern specialist to be able to hold a conversation about a professional topic in English?' Respondents' answers are the following: 77.5% (110) agreed that this skill is important. 12% (17) found it difficult to answer; 10.6% (15) said no.

When answering question 7, "Are you able to conduct a conversation on a professional topic in English? Rate your skill level from 0 (unable) to 5 (very good)," the answers are given below. The level of this skill is assessed as follows): 0 – 12.7% (18); 1 – 21.1% (30); 2 – 26.8% (38); 3 – 26.1% (37); 4 – 9.2% (13); 5 – 4.2% (6).

The eighth question, "Is it important for a modern specialist to be able to clearly and accurately express their thoughts and ideas during an oral presentation in English?" received a positive response from 91.5% of students (130 respondents). Meanwhile, an equal number of respondents (4.2%, or 6 respondents) found the question difficult or did not consider it important.

Below are the answers to Question 9: "Are you able to express your thoughts and ideas clearly and accurately during an oral presentation in English? Rate your skill level from 0 to 5 points": 0 – 7.7% (11); 1 – 24.6% (35); 2 – 26.1% (37); 3 – 23.9% (34); 4: 14.8% (21); 5 – 2.8% (4).

The results to question 10 are seen below: "How important is it for a modern specialist to understand the characteristics of scientific speech and use linguistic tools to communicate more effectively and engage their audience?"

76.1% (108) answered yes, 14.1% (20) found it difficult to answer and 9.9% (14) said that it is not important.

In response to question 11, which asked whether they were able to take into account the characteristics of oral scientific speech and use linguistic tools to speak more effectively and attract the audience's attention during an oral presentation in English? "Rate your skill level from 0 to 5 points," the respondents answered as follows: 0 – 16.2% (23); 1 – 23.2% (33); 2 – 26.1% (37); 3 – 22.5% (32); 4 – 8.5% (12); 5 – 3.5% (5).

Regarding question 12, which asked whether it is important for modern professionals to use techniques to make their speech more vivid and expressive in order to attract the audience's attention during oral presentations in English, 69.7% (99) of respondents answered "yes", 16.2% (23) were unable to provide an accurate answer and the remaining 14.1% (20) answered "no".

The answers to the penultimate question: "Are you able to use techniques to make your speech more vivid and

expressive when speaking in English? Rate your skill level from 0 to 5 points," are as follows:

21.1% (30) believe that their level is zero;

20.4% (29) and 26.1% (37) rated themselves as 1 or 2, indicating that they consider their skill level to be very low; 19.7% (28) regard their skills as satisfactory;

9.2% (13) believe that they are good at using these techniques;

3.5% (5) consider their skills to be excellent.

The final question asked students to name the types of activities they found most useful and effective for learning the syntax of spoken academic English.

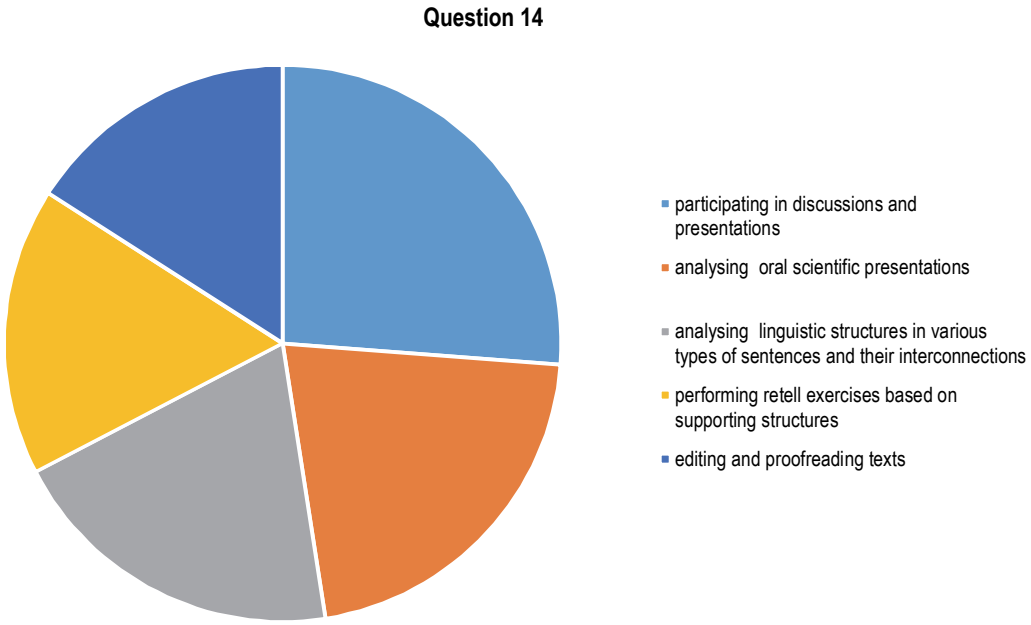

Fig. 1. Effective Activities for Learning Spoken Academic English Syntax

The results are depicted in the diagram above (see Fig. 1): 26,2% prefer participating in discussions and presentations; 21,3% would rather analyse oral scientific presentations; 19,8% choose analysing linguistic structures in various types of sentences and their interconnections; 16,7% consider performing retell exercises based on supporting structures to be efficient; 15.9% suggest editing and proofreading texts.

According to the survey, most students are interested in the syntactic structure of utterances in English and in finding ways to make their speech more vivid and expressive. This necessitated researching the expressive syntax of English academic speech and proposing exercises.

In accordance with the results of the study of the syntactic level of utterances using lecture materials, 46 units of expressive syntax have been identified. These units have been defined as word forms, lexemes, word combinations, and other components of a sentence.

The obtained data indicate that effective speech formation and manifestation mechanisms are those with pronounced communicative, contact-establishing and dialogisation functions. The core consists of preparatory phrases and sentences containing personal pronouns. The near-core zone comprises insertions and coordinate members, as well as lexical and lexical-syntactic repetitions. Repeating homogeneous members enhances expressiveness.

The near-peripheral zone comprises ellipses, excessive repetitions and self-interruptions. It should be noted that the latter can serve as a tool to help organise one's thoughts, allow time for reflection, and attract listeners' attention. This is followed by introductory constructions, special questions, imperatives and polysyndeton. A question's effectiveness lies in drawing attention to an important idea.

The far periphery zone includes object and possessive pronouns, introductory words and exclamations.

Some types of syntactic violation, such as inversion and anacoluthon, are considered isolated cases because they disrupt the fixed word order of sentences and utterances, which is atypical of the English language. Some types of question (e.g. choice and indirect questions), repetition and rhetorical figures (such as syntactic parallelism, gradation, anaphora, epiphora, symploke and anadiplosis) are rarely encountered.

However, speech can have individual characteristics, such as pronounced quantitative data that contrasts with each other.

Table 1 below presents generalised data. Six blocks have been identified, each of which includes a specific set of expressive syntax units.

1. Column 1 shows the rank (R) assigned to a block according to how frequently the units in that block are used. The blocks are ordered according to the number of unit occurrences in descending order.

2. Column 2: Name of the block (group).

3. Columns 3–5 show the absolute frequency of use of units in each lecture within each block.

4. Column 6 shows the total number of units in an individual block across all three lectures.

L1 – Lecture 1; L2 – Lecture 2; L3 – Lecture 3.

Table 1

Indicators of Expressive Syntax Units

	Name of the block	L1	L2	L3	Total
1	Interaction with the audience	307	594	393	1294
2	Insertions and introductory constructions	425	314	309	1048
3	Repetitions	325	359	311	995
4	Syntactic violations	129	145	33	307
5	Questions:	59	52	73	184
6	Expressive constructions	16	29	14	59
Total number of expressive means		1261	1493	1133	3887

The above-mentioned study revealed the relationship between the frequency of expressive syntax units and the number of words and printed characters used. One such unit is used for every five to six words, or 21 to 29 printed characters. A comparison of the research data shows that, in numerical terms, this indicator is approximately the same for all three lectures. This suggests that the observed patterns may represent trends, as no statistically significant differences have been found between the lectures.

When structuring information in oral scientific speech, it is important to consider other characteristic features in addition to using elements of expressive syntax.

1. It is recommended to first present the main idea or statement, and then add clarifying details. For example, rather than saying 'In the late 1980s, microgravity research in China started', it is better to say 'Microgravity research in China started in the late 1980s'. This enables the audience to grasp the main message immediately.

2. Temporal markers are often used to structure information. For instance, a researcher might say, 'First, we will look at...', 'Then, we will move on to...' to help listeners follow the presentation's logic. Sentences with personal pronouns can also help to structure information.

3. Temporal and spatial markers are usually placed at the end of a sentence or after the main idea. This helps listeners to focus on the key information before receiving additional details. For example: 'Investigations were launched in July 2009.'

4. Too many rhetorical devices being used monotonously can annoy listeners. Therefore, they should be used with caution.

The results of the literature and research analysis devoted to the peculiarities of expressive syntax corroborate Bubnova's assertion that spoken language is characterised by the speaker's active 'integration' into the communicative speech space, syntactic fluency weakening and a tendency toward parcelling, with syntax being supplanted by parataxis [13. P. 12].

For this reason, when preparing an oral presentation, it is important for students to transform the written text into a message that is understandable to the audience and characterised by conversational style, simple presentation and simplified syntax.

The following types of assignment can help students to differentiate between oral and written speech, and to acquire the skills needed to adapt written text for oral presentation.

1. Match the rhetorical devices and other forms of expressive syntax with their definitions.

1.	introductory word	a	something you put inside something else or something, especially words that you add to something else
2.	repetition	b	a word or phrase that begins a sentence, which expresses the speaker's attitude towards the statement
3.	inversion	c	a literary device that describes the repetition of conjunctions such as "and," "or," and "but".
4.	polysyndeton	d	a literary device that involves intentionally using the same word or phrase at least twice or more for effect
5.	insertion	e	a situation in which words are left out of a sentence but the sentence can still be understood
6.	coordinated elements	f	a reversal of the normal order of words in a sentence
7.	ellipsis	h	words or groups of words that perform the same syntactic function in a sentence and are connected by conjunctions such as "and," "or," and "but".
8.	synthetic parallelism	i	verbally expressed emotion of surprise
9.	exclamation	j	involves the use of parallel structures where the second part of a statement completes the idea presented in the first part

2. Match the names of the figures of expressive syntax with the examples from the lecture samples. Provide additional examples using the figures. Sometimes, there are several possible matches.

1.	preparatory marker of preparation mapping discourse markers	a	now as i've said we're not terribly interested in address registers
2.	we-sentence	b	we could store information as bytes words and long words and
3.	you-sentence	c	D-two i-, will er refer to a source operand and D-five (will refer to) a destination operand
4.	I-sentence	d	but all i have to do is to introduce a few more er assembler er instructions in order to create that
5.	parenthetical construction	e	okay so that what we'll look at first sequencer …is how can we describe that
6.	coordinate members	f	we introduced that last term and if *you want* to de-, describe precisely what thirty-two bit values are then *we use*
7.	lexical repetition	g	but always it's a lot easier if you have a notation
8.	ellipsis	h	we'll then look at addressing modes which we'll find
9.	lexical-syntactic repetition	i	then there are two things here which essentially this is our effective address

3. Analyse some part of a lecture, identify units of expressive syntax and explain how different structures affect the perception of the text.

we store information in the memory

now they that can be instructions or data er! but as far as the memory's concerned they are synonymous

they are equivalent and er!

we could store information as bytes words and long words and

to actually access that information we have to specify a memory address

the processor we started looking at the processor model and here looked at the data registers er address registers

although we're not terribly interested until the next phase of the course and some detailed er look at the user byte of the status register

now what we're going to do today, is to refine that model by looking at a typical instruction

i will use add as the er running example

4. Use the syntactic constructions in the box to fill in the fragment and make the speech more expressive.

all right	we want	you've got
probably	i'm doing	add
operations	let's	and

a) _____ draw a little diagram as to what the value of the registers data registers are

b) well in fact again _____ to replace the result in R

c) it's a mnemonic for the operations

and all the _____ of the machine had their own mnemonic

d) the addressing mode specifies how do i obtain the operand now

e) that's what _____ at the moment

f) come on and _____ it to D-nought

g) if you've got a list of items, _____ a pack you-sentence of playing cards

h) so we _____ should change that one to say result

i) so we go round our loop round _____ round _____ round

5. Syntactic changes. Here is a set of sentences. Change them using expressive syntactic constructions. Below (see table 2) are some examples of how to modify a single sentence using different expressive constructions:

Nuclear physics is the study of atomic nuclei, their constituents, and the interactions that hold them together.

Table 2

1	A sentence with an insertion of new elements.	Undoubtedly, nanotechnology is a very promising field, which studies and manipulates matter at dimensions ranging from 1 to 100 nanometers. These options provide additional meaning or emphasis by adding insertions to the sentence
2	Sentences with addition (extra information)	Nanotechnology is the study and manipulation of matter at dimensions ranging from 1 to 100 nanometers. It can be used in different industries, ranging from mining to life sciences. These options provide additional context or clarifying information, thereby making the sentence more informative
3	Sentences with clarification	Nanotechnology is the study and manipulation of matter at dimensions ranging from 1 to 100 nanometers. It can be used in various science fields, such as chemistry, biology, physics, materials science, and engineering
4	Sentences with introductory remarks (Opening comments)	In fact, nanotechnology is the study and manipulation of matter at dimensions ranging from 1 to 100 nanometers
5	Sentences with inversion	The study and manipulation of matter at dimensions ranging from 1 to 100 nanometers is what nanotechnology is
6	Sentences with ellipsis	Nanotechnology is the study and manipulation of matter at nanoscale
7	Sentences with variable repetitions	Nanotechnology is the study and manipulation of matter at dimensions ranging from 1 to 100 nanometers. It is also the study of creating materials, devices and systems with unique properties and functions
8	Sentences with do-intensifier	Nanotechnology does indeed encompass the study and manipulation of matter at dimensions ranging from 1 to 100 nanometers
9	A sentence with a question	What is nanotechnology? It is the study and manipulation of matter at dimen-sions ranging from 1 to 100 nanometers
10	Sentences with comparative structure	Unlike other branches of physics, nanotechnology is the study and manipulation of matter at dimensions ranging from 1 to 100 nanometers
11	Sentences with simplification	Nanotechnology is the study and manipulation of matter at the atomic and molecular level

6. Replace the original sentence with two or three simpler ones. One of these should be a question and the other an exclamation.

Fragment: "Nanotechnology is the study and manipulation of matter at dimensions ranging from 1 to 100 nanometers, where unique phenomena allow for novel applications. Nanomedicine is facilitating early diagnosis, smart drug delivery, and regenerative medicine..."

Example: "Nanotechnology is the study and manipulation of matter at nanoscale. What is the range of dimensions,

where unique phenomena allow for novel applications? They range from 1 to 100 nanometers. Nanomedicine is very important! It facilitates early diagnosis, smart drug delivery, and regenerative medicine". Now, create your own sentences based on the given fragment!

7. Creating dialogues:

Prepare and present short dialogues that use expressive language. Use emphatic questions, exclamatory sentences and direct address.

Below is a list of clichés and a sample dialogue on a scientific topic.

It's fascinating!	I hope so!
Absolutely!	Isn't that awe-inspiring?
Can you believe…?	It truly is!
I know, right? It's incredible!	But it is the key! If we can explain the science better, maybe we can…
Just think about the potential!	It's such an important field!
Remember…	

Exactly! Safety is paramount!
But, on the other hand…
Isn't it amazing how it works?
It really is!
But I wonder, do you think…
What do you think about…?

Definitely! Let's keep discussing this. Who knows, maybe we'll inspire someone to…
That would be amazing!
Let's keep…

Dialogue on Nanotechnology

Jane: Hey, Mike! Have you been following the latest developments in nanotechnology? They are amazing!

Mike: Hi, Jane! Absolutely! The advancements in nanoelectronics are mind-blowing! Can you believe they're getting closer to producing chips with node sizes up to 2 nanometers next year?

Jane: I know, right? It's incredible! Just think about the potential! Breakthroughs in photonic technologies! But, do you think we're ready for it?

Mike: That's a great question! While the science is advancing, there are still safety concerns. Just think about traffic Interception and electromagnetic side effects!

Jane: Exactly! Safety is paramount! [ˈpærəməʊnt] But, on the other hand, nanoelectronics will be actively used in medicine for early diagnosis of diseases. Isn't it fantastic how it works?

Mike: It really is! Smaller and more powerful microprocessors. They can be integrated into medical devices, such as pacemakers or insulin pumps. It is just mind-boggling! But I wonder, do you think we'll ever find the way to beat cancer?

8. Comparative analysis of syntactic changes (transformations): below is a written fragment:

a) Transform the written fragment into spoken language using various syntactic structures, such as changes in word order, inversion, ellipsis, repetition, questions, personal pronouns, parenthetical and introductory constructions, and replacement of verbal nouns with verbs;

b) Compare versions of the same idea written using different syntactic structures;

c) Identify the dominant expressive techniques;

d) Discuss how each structure affects perception, the intensity of the presentation and the emotional tone.

Nanotechnology is the study and manipulation of matter at dimensions ranging from 1 to 100 nanometers, where unique phenomena allow for novel applications. Nanomaterials enable lighter, stronger, and more functional materials while nanoelectronics power faster, smaller computing.

The version below uses repetition to emphasize key concepts, making it easier to follow and remember.

Nanotechnology is the study and manipulation of matter at dimensions ranging from one to 100 nanometers. It is within this nanoscale range unique phenomena occur. These phenomena enable new and innovative applications. These phenomena allow the development of nanomaterials. They are lighter, stronger, and more functional than traditional materials.

The versions below include expressive constructions, pronouns, questions, repetitions and coordinate parts, creating a more conversational and memorable style.

"Let's talk about nanotechnology. What is nanotechnology? It is the study of manipulation of matter at dimensions ranging from one to 100 nanometers. These dimensions, you know, contribute to unique phenomena. They allow novel applications. Nanomaterials enable lighter, stronger, and more functional materials. Nanoelectronics makes it possible power faster, smaller computing."

9. Underline any constructions in the following passage that need to be adapted for spoken delivery. Prepare the text for an oral presentation. Remember that the purpose of the presentation is to engage with the audience and win them over. Compare it with the suggested version.

Written text	Oral statement
"Good afternoon, everyone. Today, I want to talk about nuclear energy and the associated risks. To begin, let us first understand what nuclear energy is and why it is considered a powerful source of energy. Nuclear reactors harness the energy released during nuclear fission, making them an efficient op-tion for electricity generation. However, with this efficiency comes significant challenges, particularly in managing the waste pro-duced by these reactors. Next, we will focus on safety measures implemented at nuclear power plants. Safety is paramount in this industry because accidents can have severe consequences. Two major incidents that highlight these risks are Chernobyl and Fukushima. Additionally, we must consider the issue of radiation exposure. This is a serious concern for communities living near nuclear plants, as prolonged exposure can have health implications. It is important to understand how radiation levels are monitored and what measures are taken to protect nearby residents. In conclusion, while nuclear energy offers signifi-cant benefits in terms of efficiency and low greenhouse gas emissions, it also presents risks that must be carefully weighed. By understanding both the ad-vantages and challenges associated with nuclear energy, we can make informed decisions about its future use."	Hello everyone! Today, I want to talk about nuclear energy and the risks that come with it. First, let's figure out what nuclear energy is and why it's a powerful source of energy. Nuclear reac-tors use the energy released during nuclear fission. By means of this, they generate electricity. But due to this, we also face serious challenges! One big issue is managing nuclear waste. Now, let's talk about safety measures. Safety is the key in this industry! Accidents can lead to bad consequences. Remember about Chernobyl and Fukushima! The public was greatly concerned about these incidents. We also need to think about radiation exposure. This can seriously affect people's health living near-by. It's crucial to understand how radiation levels are monitored and what steps are taken to protect resi-dents. We can conclude that nuclear energy has not only significant benefits such as efficiency and low greenhouse gas emissions but also serious risks. We need to carefully consider them in order to make proper decisions about its future use.

10. Prepare an introduction to your presentation on your area of expertise. Remember that the purpose of the introduction is to engage with the audience and gain their approval.

11. Evaluate your classmates' presentations based on the following criteria: a) The structure and logic of the presentation; b) Clarity and accuracy; c) Adaptation to the audience; d) Communication skills; e) Emotional expressiveness; f) Answers to questions; g) Presentation time; h) Preparedness and confidence;

Studying expressive syntax by analyzing lectures and applying the knowledge gained can significantly improve students' scientific communication skills in various genres.

a) Improve the structure of their presentations.
b) Provide clarity and precision;
c) Add emotional and expressive weight;
d) Help the audience to adapt and maintain their interest.

Discussion

The results of our study are considered in the context of other studies in this field. By identifying the main units of expressive syntax in spoken scientific discourse using specific examples from lectures, we can illustrate more accurately how the classifications proposed by G. N. Anikina and E. M. Galina-Fedoruk are applied in practice. This approach clearly illustrates their role in conveying information and emotions.

The findings confirm the views of other scholars such as I.A. Votyakova, O. A. Chupryakova [22. P. 240, 241], L.V. Minaeva [23. P. 148], Yu.V. Gorokhova and A.V. Mikhalcheva [24. P. 191] that using expressive syntax structures improves the perception of information and influences the audience.

Our findings, which show that expressive syntax strengthens the emotional connection between speaker and audience thanks to its contact-establishing function and emotional tone, are consistent with the views of A.V. Mikhaleva, U.E. Chekmez [19. P. 30] and E.V. Erofeeva [20. P. 175]. Their results indicate that syntactic variations are used to attract listeners' attention and establish an interactive dialogue.

Learning how certain expressive syntax affects perception of material helps us to represent scientific ideas more effectively, improving interaction between speaker and audience.

From a practical point of view, the study's conclusions are consistent with the authors' opinions on the relevance of developing professional communication skills [43. P. 1], as well as the work of researchers who emphasize the value of selecting appropriate speech tools for communication [16. P. 158]. Analysis of N.I. Kolesnikova's work confirms that an awareness of the factors that shape scientific style, its stylistic features, sub-styles and genre diversity is essential for students to succeed in scientific and professional environments [11. P. 229].

Research by N.A. Kubrakova confirms the educational value of teaching students to structure their speech according to the conventions of spoken academic discourse, using authentic materials for this purpose [44. P. 270, 271].

However, the researcher primarily focuses on correctly structuring speech using metatextual links and does not provide recommendations on formatting syntactic constructions for better perception, memorisation and more convincing argumentation.

G.I. Bubnova draws attention to the specifics of prosody in oral communication, taking into account the characteristics of spoken language. These include stringing together parcels, introducing the speaker, the dominance of verbs and pronouns over noun phrases, and the use of key words, discursive regulators, repetitions, paraphrases, self-commentaries and linking words [13. P. 12].

Analysis of scientific and methodological literature reveals that the existing methods for teaching oral scientific speech are significantly limited. They do not consider the genre-specific features of spoken scientific English, nor do they pay sufficient attention to the syntax of sentences incorporating expressive elements. Additionally, resources and materials are needed to teach academic speech, including expressive syntax, in specific scientific fields.

Consequently, developing a model for teaching oral scientific speech that takes into account the specific features of this genre will be important for helping students on technical master's programmes to develop their spoken communication skills.

Additionally, resources and materials are needed to teach academic speech, including expressive syntax, in specific scientific fields.

Consequently, developing a model for teaching oral scientific speech that takes into account the specific features of this genre will be important for helping students on technical master's programmes to develop their academic communication skills.

A comprehensive programme for teaching oral proficiency in scientific discourse should combine several aspects. These include skills in using expressive syntax structures, as well as other language skills that consider the characteristics of oral scientific discourse at the lexical and thematic-rhematic levels.

A complete programme for teaching expressive syntax skills should combine several aspects, namely the skills of using expressive syntax constructions along with other language skills that take into account the peculiarities of expressive syntax at the lexical level and the level of thematic-rhematic division.

A key component of this model will be the creation of a methodological guide based on the results of the study, with one section devoted to expressive syntax, covering both theory and practice. A typology of exercises will help students identify expressive syntactic devices in finished texts and then use them in their own statements and texts for oral presentations. Understanding the characteristics of expressive syntax will enable students to produce unique and memorable speech.

Limitations of the Study

To gain a more complete picture of students' actual skills and ability to apply expressive syntax in practice, additional methods are needed, such as analyzing written work or oral presentations, since students' answers are subjective.

The study focuses only on the syntactic level of sentence construction. It should be noted that expressiveness can be conveyed through vocabulary, intonation, sentence structure organization, and contextual features.

The characteristics of English-language scientific discourse may vary depending on the specific field of science or cultural traditions, which limits the universality of the proposed exercises and typologies.

Surveying a limited number of students within a single educational institution does not reflect the situation in relation to a wider audience.

Despite these limitations, the study's results may be significant in developing teaching methods.

Conclusion

According to the survey results, most students encounter difficulties during oral presentations due to a lack of knowledge about how to construct statements correctly in English, including the syntax of scientific speech, given the differences between oral and written speech. The study confirmed that most students are interested in developing the ability to express their thoughts and ideas clearly and accurately during oral presentations.

Overall, our review of the material, conclusions and observations confirms researchers' views on the importance of developing students' professional communication skills and choosing the right speech tools. It is also important to draw students' attention to the differences between oral and written speech, and to emphasise the need for high-quality conversion of written text into spoken language.

Considering this fact, it is advisable to include the most active resources in the didactic material for teaching students spoken scientific English.

Using this language material, students can learn how expressive syntax works in speech. This will enable them to use it independently in their own statements, in accordance with the situation during scientific events, as well as when preparing monologues and reports, thereby improving their quality.

The study of this material should take place in two stages:

1) Students should recognize expressive syntactic constructions in finished texts;

2) Students will then incorporate expressive syntax into their own texts.

Based on the study's results, a typology of exercises for converting written text into spoken language has been proposed, considering the mechanisms of spoken language generation.

Based on the research findings, the planned manual will help master's students in technical specialties broaden their linguistic and professional horizons. It will also help them to gain a deeper understanding of scientific style, genres and communication in English, as well as master the skills of oral speech production. The methodological guide will encourage students to view the texts they produce from a new perspective and make them feel responsible for creating spoken texts as linguistic personalities.

References

1. Aizawa, I., Rose, H., Thompson, G. & Curle, S. (2023) Beyond the threshold: Exploring English language proficiency, linguistic challenges, and academic language skills of Japanese students in an English medium instruction programme. *Language Teaching Research*. 27 (4). pp. 837–861. doi: 10.1177/1362168820965510
2. Gawrycka, M., Kujawska, J. & Tomczak, M.T. (2020) Competencies of graduates as future labour market participants – preliminary study. *Economic Research. Ekonomska istraživanja*. 33 (1). pp. 1095–1107. doi: 10.1080/1331677X.2019.1631200
3. Kolesnikova, N.I. (2024) Development of scientific speech of master's students in architecture. *Perspectives of Science & Education*. 68 (2). pp. 230–248. doi: 10.32744/pse.2024.2.14. [Online] Available from: https://pnojournal.wordpress.com/2024-2/24-02/ (Accessed: 02.05.2024).
4. Russian Federation. Ministry of Education and Science. (2021) *Order No. 675 dated July 27, 2021*. [Online] Available from: https://rulaws.ru/acts/Prikaz-Minobrnauki-Rossii-ot-27.07.2021-N-675/ (Accessed: 16.10.2025). (In Russian).
5. Filippova, E.A. (2020) The Role of a Foreign Language in the Formation of General Cultural and Professional Competencies of University Graduates. In: *Current Issues of Science and Education Integration in the Region*. The All-Russian Conference (with International Participation). Buzuluk: Orenburg State University. pp. 119–126.
6. Casado-Ledesma, L., Cuevas, I. & Martín, E. (2023) Learning science through argumentative synthesis writing and deliberative dialogues: a comprehensive and effective methodology in secondary education. *Reading and Writing*. 36. pp. 965–996. doi: 10.1007/s11145-021-10191-0
7. Jahara, S.F. & Abdelrady, A.H. (2021) English Café: An Initiative to Encourage Undergraduate Learners of Al-Asyah Province to Showcase Their Spoken Proficiency in English. *Journal of Ethnic and Cultural Studies*. 8 (3). pp. 113–133.
8. Kolesnikova, N. & Ridnaya, Y. (2022) Linguo-Didactic Aspect of Integrated Courses Design. In: Anikina, Z. (ed.) *Integrating Engineering Education and Humanities for Global Intercultural Perspectives*. Lecture Notes in Networks and Systems. Springer, Cham. 131. pp. 408–415. doi: 10.1007/978-3-030-47415-7_43
9. Kolesnikova, N. & Ridnaya, Y. (2022) The Integrated Model as a Basis for Teaching Academic Writing in Context of Globalization. In: Rocha, A. & Isaeva, E. (eds) *Science and Global Challenges of the 21st Century – Science and Technology*. Perm Forum, 2021. Lecture Notes in Networks and Systems. Springer, Cham. 342. pp. 560–569. doi: 10.1007/978-3-030-89477-1_54
10. Ridnaya, Y. & Kolesnikova, N. (2022) Genre Competence as a Means of Developing Cognitive and Activity-Based Components of Research Competence of a Modern Engineer. In: Anikina, Z. (ed.) *Integration of Engineering Education and the Humanities: Global Intercultural Perspectives*. Lecture Notes in Networks and Systems. Springer, Cham. 499. pp. 287–295. doi: 10.1007/978-3-031-11435-9_31
11. Kolesnikova, N. & Ridnaya, Y. (2023) Genres of Professional Discourse in the Interdisciplinary and Methodological Context. In: Isaeva, E. & Rocha, Á. (eds) *Science and Global Challenges of the 21st Century – Innovations and Technologies in Interdisciplinary Applications*. Perm Forum, 2022. Lecture Notes in Networks and Systems. Springer, Cham. 622. pp. 227–234. doi: 10.1007/978-3-031-28086-3_18
12. Obdalova, O.A. & Harapudchenko, O.V. (2019) Kognitivnye pragmaticheskie i lingvisticheskie kharakteristiki angliyskogo nauchnogo akademicheskogo diskursa [Cognitive pragmatic and linguistic characteristics of English scientific academic discourse]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 46. pp. 102–125. doi: 10.17223/19996195/46/6
13. Bubnova, G.I. (2020) Yazykovo-kognitivnye strategii, opredelyayushchie transformatsii pis'mennogo teksta v situatsiyakh chteniya i govoreniya [Language-cognitive strategies determining transformations of written text in reading and speaking situations]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*. 4. pp. 9–20.
14. Hsu, P.L. (2021) Transforming authoritative discourse: mediating cogenerative dialogues between scientists and high school students. *Journal of Applied Communication Research*. 49 (5). pp. 551–568. doi: 10.1080/00909882.2021.1930102
15. Popov, E.A. (2023) Akademicheskaya kul'tura studentov v otsenkakh professorov klassicheskikh universitetov [Academic culture of students in the assessments of professors at classical universities]. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 32 (3). pp. 103–117. doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-3-103-117
16. Sherekhova, O.M. (2022) Formirovanie akademicheskoy gramotnosti magistrantov pri izuchenii inostrannogo yazyka v sfere professional'noy kommunikatsii [Formation of academic literacy among master's students during foreign language studies in the field of professional communication]. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 31 (5). pp. 150–166. doi: 10.31992/0869-3617-2022-31-5-150-166
17. Moskalyuk, L.I. et al. (2021) Syntactic Features of Russian Germans Recipe's Texts. *2021 ICEST/II International Conference on Economic and Social Trends for Sustainability of Modern Society*. Krasnoyarsk, Russia. pp. 1103–1109.

18. Pavlova, D.S. & Garanovich, M.V. (2019) Variativnost' semanticheskoy struktury ustnykh spontannykh monologov "O sebe" v zavisimosti ot faktora "gender" [Variability of semantic structure of oral spontaneous monologues 'About Myself depending on the 'Gender factor]. *Nauchnyi dialog – Scientific Dialogue*. 5. pp. 107–122. doi: 10.24224/2227-1295-2019-5-107-122
19. Mikhaleva, O.L. & Chekmez, U.E. (2021) Organizatsiya ustnogo dialogicheskogo diskursa: obratnaya svyaz' i sposoby ee eksplikatsii [Organization of oral dialogical discourse: feedback and ways of its explication]. *Nauchnyi dialog – Scientific Dialogue*. 1. pp. 29–47. doi: 10.24224/2227-1295-2021-1-29-47
20. Erofeeva, E.V. (2023) Znachenie i funktsii pragmaticheskikh markerov v russkoy ustnoy rechi [The meaning and functions of pragmatic markers in Russian oral speech]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 20 (1). pp. 170–182. doi: 10.21638/spbu09.2023.110
21. Podgayskaya, I.M. & Gerba, V.V. (2020) Osobennosti funktsionirovaniya ekspressivnykh sintaksicheskikh konstruktsiy v tekstakh khudozhestvennogo i nauchnogo stiley [Features of the functioning of expressive syntactic constructions in texts of artistic and scientific styles]. *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 16 (3(49)). pp. 35–47.
22. Chupryakova, O.A., Safonova, S.S. & Votyakova, I.A. (2020) Expressive Syntactic Constructions in The Space of Detective Genre (Based on B. Akunin's Novels). *Journal of Research in Applied Linguistics*. pp. 236–243. doi: 10.22055/rals.2020.16307
23. Minaeva, L.V. (2023) Funktsii ekspressivnosti v korporativnykh media [Functions of expressivity in corporate media]. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie – Bulletin of Volgograd State University. Series 2. Linguistics*. 22 (2). pp. 140–151. doi: 10.15688/jvolsu2.2023.2.11
24. Gorokhova, Yu.V. & Mikhaltcheva, A.V. (2023) Rol' ekspressivnogo sintaksisa v formirovanii obraza v angliyazychnykh nauchno-populyarnykh mediatekstakh [The role of expressive syntax in shaping the image in English-language popular science media texts]. *Current Problems of Philology and Pedagogical Linguistics*. 2. pp. 190–199. doi: 10.29025/2079-6021-2023-2-190-199 (In Russian).
25. Kazakov, V.P. (2020) The functions of parenthetical structures in the context of communicative registers of the language (in the novel *Aviator* by E.G. Vodolazkin). *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 17 (4). pp. 633–649. doi: 10.21638/spbu09.2020.409 (In Russian).
26. Seagal, K.Ya. (2021) Text-forming function of addition in the later stories of V.G. Lidin. *Nauchnyi dialog – Scientific Dialogue*. 4. pp. 129–147. doi: 10.24224/2227-1295-2021-4-129-147 (In Russian).
27. Kim, J.B. & Nykiel, J. (2020) The syntax and semantics of elliptical constructions: A direct interpretation perspective. *Linguistic Research*. 37 (2). pp. 327–358. doi: 10.17250/khisli.37.2.202006.0063
28. Razlogova, E.E. (2022) Linguistic synaesthesia through the prism of stylistic devices. *Tomsk State University Journal of Philology*. 77. pp. 66–84. doi: 10.17223/19986645/77/3 (In Russian).
29. Špago, D. (2024) When rhetorical questions receive answers: On different types of answers to rhetorical questions in US presidential debates. *Anuario de Estudios Filológicos*. 47. pp. 277–306. doi: 10.17398/2660-7301.47.277
30. Schiegg, M. (2022) [Review of Soldatenbriefe des 18. und 19. Jahrhunderts. Untersuchungen zu Syntax und Textstruktur in der Alltagsschriftlichkeit unterschiedlicher militärischer Dienstgrade (Germanistische Bibliothek. 68), by M. Neumann]. *Zeitschrift Für Dialektologie Und Linguistik*. 89 (1). pp. 130–134.
31. Wood, J. (2023) The syntax of English presentatives. *Language*. 99 (3). pp. 563–602. doi: 10.1353/lan.2023.a907012
32. Villalba, X. (2024) Romance exclamative markers at the syntax-pragmatics interface: A compositional approach to exclamativity. *Journal of Pragmatics*. 226. pp. 64–77. doi: 10.1016/j.pragma.2024.04.004
33. Trotzke, A. & Villalba, X. (2020) Exclamatives as responses at the syntax-pragmatics interface. *Journal of Pragmatics*. 168. pp. 139–171. doi: 10.1016/j.pragma.2020.06.01236
34. Trotzke, A. (2024) Recent advances in the syntax of speech acts. *Journal of Pragmatics*. 234. pp. 140–144. doi: 10.1016/j.pragma.2024.11.005
35. Akimova, G.N. (1990) *Novoe v sintaksise sovremennogo russkogo yazyka* [New Developments in the Syntax of Modern Russian Language]. Moscow: Vysshaya shkola. 166 p.
36. Galkina-Fedoruk, E.M. (1958) Ob ekspressivnosti i emotsional'nosti v yazyke [On Expressiveness and Emotionality in Language]. In: *Sbornik statey po yazykoznaniyu* [Collection of Articles on Linguistics]. Moscow: MSU. pp. 103–124.
37. Skripak, I.A. (2013) Ekspressivnyy sintaksis v tekstakh nauchnogo diskursa [Expressive syntax in scientific discourse texts]. *Filologicheskie nauki. Teoreticheskie i prakticheskie voprosy – Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*. 4 (22), part II. pp. 170–173.
38. Kotik, O.V. & Tolstikova, L.V. (2021) Ponyatie ekspressivnosti v nauchnom diskurse (na materiale angliyazychnykh nauchnykh statey) [The concept of expressiveness in scientific discourse (based on English-language scientific articles)]. *Vestnik AGU – Bulletin of ASU*. 1 (272). pp. 59–66.
39. Zhidkova, Yu.B. & Fedotova, N.V. (2014) Ustnaya forma nauchnoy rechi i ee mesto v sisteme obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu [Oral form of scientific speech and its place in the system of teaching Russian as a foreign language]. *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta arkhitektury i stroitel'stva. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Scientific Bulletin of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 15 (15). pp. 30–36.
40. Solomennikova, A.A. (2022) Rassmotrenie figur ekspressivnogo sintaksisa s lingvometodicheskoy pozitsii [Consideration of figures of expressive syntax from a linguo-methodological perspective]. *Linguistica Juvenis*. 24. pp. 219–224. (In Russian).
41. Ardatova, E.V. & Vologova, T.S. (2023) [Transformation of Written Speech into Spoken: A Practical Guide]. *Yazyk, kul'tura, mentalitet: problemy izucheniya v inostrannoy auditorii* [Language, Culture, Mentality: Problems of Study in a Foreign Audience]. 21st International Conference. Saint Petersburg. pp. 99–103. (In Russian).
42. *The British Academic Spoken English corpus (BASE)*. (n.d.) [Online] Available from: https://www.reading.ac.uk/AcaDepts/ll/base_corpus/ps/index.htm (Accessed: 09.04.2023).
43. Miller, C.T., Drewery, M., Waliczek, T.M., Contreras, R.N. & Kubota, C. (2023) Engaging Undergraduate Students in Research. *HortTechnology*. 33 (1). pp. 1–7. doi: 10.21273/HORTTECH05130-22
44. Kubrakova, N.A. (2018) [Teaching Oral Scientific Speech Within the Framework of Developing Skills in Foreign Academic Communication]. *Inostrannye yazyki v kontekste mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Foreign Languages in the Context of Intercultural Communication]. 10th International Conference. Saratov. pp. 270–277. (In Russian).

Information about the author:

E.V. Guzheva, senior lecturer, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: ochidr@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Информация об авторе:

Гужева Е.В. – старший преподаватель кафедры иностранных языков технического факультета, Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск, Россия). E-mail: orchidr@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 29.11.2025;
approved after reviewing 25.02.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Статья поступила в редакцию 29.11.2025;
одобрена после рецензирования 25.02.2026; принята к публикации 29.06.2026.

Научная статья
УДК 796.05
doi: 10.17223/15617793/527/21

Методические аспекты воспитания общей выносливости девочек 8–9 лет, занимающихся спортивной аэробикой

Елена Валерьевна Бондаренко[1], Диана Евгеньевна Нимира[2]

[1] Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, mev.io@yandex.ru
[2] Спортивная школа «Кедр» города Томска, Томск, Россия, diananimira@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования – оптимизировать подходы к тренировкам для развития аэробной выносливости у девочек младшего школьного возраста, занимающихся спортивной аэробикой в небольшой спортивной школе. Предложена круговая система применения специализированных комплексов упражнений, интегрированных в структурированный годичный цикл подготовки в малокомплектной спортивной школе. Исследование проводилось на базе спортивной школы в г. Томске.
Ключевые слова: спортивная аэробика, малокомплектная спортивная школа, воспитание общей выносливости, этап начальной подготовки, годичный цикл, круговая система применения комплексов средств

Для цитирования: Бондаренко Е.В., Нимира Д.Е. Методические аспекты воспитания общей выносливости девочек 8–9 лет, занимающихся спортивной аэробикой // Вестник Томского государственного университета. 2026. № 527. С. 188–196. doi: 10.17223/15617793/527/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/527/21

Methodological aspects of endurance training for girls aged 8–9 in aerobic gymnastics

Elena V. Bondarenko[1], Diana E. Nimira[2]

[1] Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, mev.io@yandex.ru
[2] Kedr Sports School of the City of Tomsk, Tomsk, Russian Federation, diananimira@yandex.ru

Abstract. Aerobic gymnastics imposes exceptional demands on athletes' physical fitness, as this discipline is characterized by the continuous execution of high-intensity, acyclic routines. It combines basic aerobic movements performed at high velocity with highly complex coordinative elements, a substantial volume of strength elements, maximal amplitude jumps, and rotations. A key factor for competitive success is the athlete's ability to maintain high dynamism and coordinative precision throughout the entire routine under conditions of pronounced physical fatigue. The initial preparation stage forms the necessary foundation for achieving top athletic results at subsequent training stages, as it is during this period that fundamental physical fitness is established—particularly aerobic endurance, which is recognized as one of the leading physical qualities in aerobic gymnastics. Aerobic endurance serves as the baseline for the later development of specific endurance types (strength, coordinative, and anaerobic) that are crucial for executing competitive routines. This study aims to optimize training approaches for developing aerobic endurance in primary school-age girls engaged in sports aerobics at a small-scale sports school. This aim was pursued through the implementation of a circuit training system utilizing specially designed exercise complexes within a structured annual training cycle. The study was conducted at a sports school in Tomsk, tracking young female athletes divided into a control group and an experimental group (8 individuals in each). The training process at this initial preparation stage was conducted four times per week, with the total annual training load amounting to 416 hours and the duration of each individual session being two hours. The structure of the annual training cycle for the girls in the experimental group included three macrocycles, which ensured the phased development of physical qualities and the systematic formation of competitive readiness. Each exercise complex used within the circuit training system possessed distinct functional characteristics. Ultimately, the effectiveness of the proposed methodological improvements was experimentally confirmed, as evidenced by a statistically significant improvement in aerobic endurance indicators across all applied tests within the experimental group. Statistically significant differences between the experimental and control groups were recorded in two out of three test trials, with the highest percentage increase in athletic performance observed in the experimental group.
Keywords: aerobic gymnastics, small-scale sports school, development of aerobic endurance, initial training stage, annual training cycle, circuit training system

***For citation*:** Bondarenko, E.V. & Nimira, D.E. (2026) Methodological aspects of endurance training for girls aged 8–9 in aerobic gymnastics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 527. pp. 188–196. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/527/21

© Бондаренко Е.В., Нимира Д.Е., 2026

Введение

Спортивная аэробика предъявляет исключительные требования к физической подготовленности спортсменов. Это вид спорта, характеризующийся выполнением непрерывных высокоинтенсивных ациклических композиций, сочетающих базовые аэробные движения, элементы высокой координационной сложности (из спортивной и художественной гимнастики, акробатики), а также хореографию различных танцевальных направлений под музыкальное сопровождение. Ключевым фактором успешного выступления является способность спортсмена демонстрировать высокую динамичность и координационную точность на протяжении всей композиции в условиях значительного физического утомления.

Фундаментом для достижения спортивных результатов на последующем учебно-тренировочном этапе является этап начальной подготовки. Именно в этот период закладывается база физической подготовленности, в особенности общая выносливость, признанная одним из ведущих физических качеств в спортивной аэробике [1. С. 16, 2. С. 183, 3. С. 3; 4. С. 45, 48]. Общая выносливость служит необходимой основой для последующего развития специальных видов выносливости (силовой, координационной, анаэробной), критически важных для исполнения соревновательных программ, которые характеризуются высоким темпом исполнения, большим объемом силовых элементов, прыжков с максимальной амплитудой, вращений и сложно-координационных связок.

Недостаточный уровень развития общей выносливости у юных спортсменок на этапе начальной подготовки влечет за собой ряд серьезных проблем:

– *Снижение соревновательной надежности*. Быстрое наступление утомления приводит к снижению качества исполнения элементов (особенно во второй половине программы), увеличению количества ошибок, снижению артистизма и, как следствие, низкой результативности.

– *Повышенный травматизм*. Дефицит адаптационных резервов для выполнения высокоинтенсивных физических нагрузок значительно увеличивает риск возникновения травм опорно-двигательного аппарата и снижение работоспособности.

– *Ограничение спортивного потенциала*. Без надежной базы общей выносливости становится невозможным полноценное освоение возрастающих по сложности и интенсивности тренировочных и соревновательных нагрузок в будущем.

Необходимо подчеркнуть, что уже на этапе начальной подготовки первого года обучения предусмотрено тестирование уровня развития общей выносливости [5].

Несмотря на признанную важность общей выносливости и наличие значительного количества исследований, посвященных ее развитию в спорте, остается недостаточно изученной проблема ее целенаправленного воспитания у детей младшего школьного возраста (8–9 лет) в условиях, детерминированных спецификой спортивной аэробики. Особую значимость данный аспект приобретает для девочек, учитывая их физиологические и психологические особенности развития в данном возрасте.

Дополнительным фактором, осложняющим процесс подготовки, является неоднородность состава тренировочных групп в малокомплектных спортивных школах по уровню физической подготовленности, что требует дифференцированного подхода. Ограниченное количество занимающихся затрудняет разделение на подгруппы с варьируемой нагрузкой. Кроме того, отсутствие специализированного оборудования (такого как велоэргометры или беговые дорожки с регулируемым сопротивлением) вынуждает тренеров применять стандартные средства (бег, прыжки, подвижные игры), что снижает точность дозирования нагрузки.

Ограниченная численность занимающихся в малокомплектной спортивной школе приводит к снижению уровня соревновательной конкуренции, что негативно влияет на мотивационный компонент тренировочного процесса. В условиях отсутствия достаточного количества равных по подготовленности соперников у спортсменов ослабевает стимул к максимальной мобилизации функциональных возможностей, что в долгосрочной перспективе может снижать динамику роста спортивных результатов. Данный фактор также ограничивает формирование психологической устойчивости, необходимой для соревновательной деятельности, поскольку слабая конкуренция не способствует развитию адаптивных механизмов преодоления стрессовых нагрузок.

Ещё одной проблемой выступает мотивационный аспект: монотонность циклических упражнений, необходимых для развития выносливости, подавляет вовлечённость детей, предпочитающих динамичные и игровые формы активности. Это требует методических решений, сочетающих аэробную нагрузку с элементами хореографии или комбинированных координационных упражнений. Эффективное воспитание общей выносливости у юных аэробисток 8–9 лет в условиях малокомплектной школы возможно лишь при условии рационального планирования нагрузок, творческого подхода к организации тренировок и постоянного мониторинга функционального состояния занимающихся.

Таким образом, актуальность настоящего исследования обусловлена:

1) критической значимостью высокого уровня развития общей выносливости для успешной соревновательной деятельности и долгосрочного спортивного совершенствования в спортивной аэробике;

2) повышением требований к интенсивности, сложности и надежности исполнения соревновательных программ;

3) недостаточной разработанностью научно обоснованных методик воспитания общей выносливости, специфически адаптированных для девочек 8–9 лет на этапе начальной подготовки в спортивной аэробике, в малокомплектной спортивной школе, что подтверждается дефицитом специализированных исследований в данной области.

Цель исследования: оптимизация подходов воспитания общей выносливости девочек младшего школьного возраста, занимающихся спортивной аэробикой в малокомплектной спортивной школе, посредством использования круговой системы применения комплексов средств воспитания общей выносливости с учётом специально выстроенной структуры годичного цикла тренировочных занятий в соответствии с календарем спортивных соревнований.

Организация исследования

Эксперимент по внедрению круговой системы применения комплексов средств воспитания общей выносливости проводился в Муниципальном автономном учреждении дополнительного образования «Спортивная школа «Кедр» Города Томска». В качестве испытуемых выступили юные спортсменки, разделённые на контрольную и экспериментальную группы (по 8 человек в каждой).

Годовой объём тренировочной нагрузки на данном этапе составляет 416 ч (8 ч в неделю) при продолжительности одного занятия 2 ч [5]. Распределение времени между видами подготовки регламентировано установленными нормативами.

При планировании тренировочного процесса экспериментальной группы (ЭГ) учитывался гетерохронный характер развития физических качеств у юных спортсменок, что предполагало дифференцированный подход к подбору тренировочных средств. В связи с наличием сензитивных периодов для отдельных двигательных способностей в программу занятий активно включались упражнения, направленные на развитие вестибулярной устойчивости, точности движений, элементарной координации двигательных действий, гибкости, выносливости умеренной интенсивности и частоты движений. При этом сохранялся комплексный подход к развитию всех физических качеств, включая те, которые в данный возрастной период не проявляют выраженной динамики роста.

В ЭГ годичный цикл спортивной подготовки девочек был организован по трёхцикловой структуре (рис. 1). Такое структурирование тренировочного процесса обеспечивало поэтапное развитие физических качеств и формирование соревновательной готовности юных спортсменок.

Разработанная система согласована с годичным циклом тренировочного процесса (рис. 1–4), при этом структура мезоциклов и макроциклов синхронизирована с календарём спортивных соревнований.

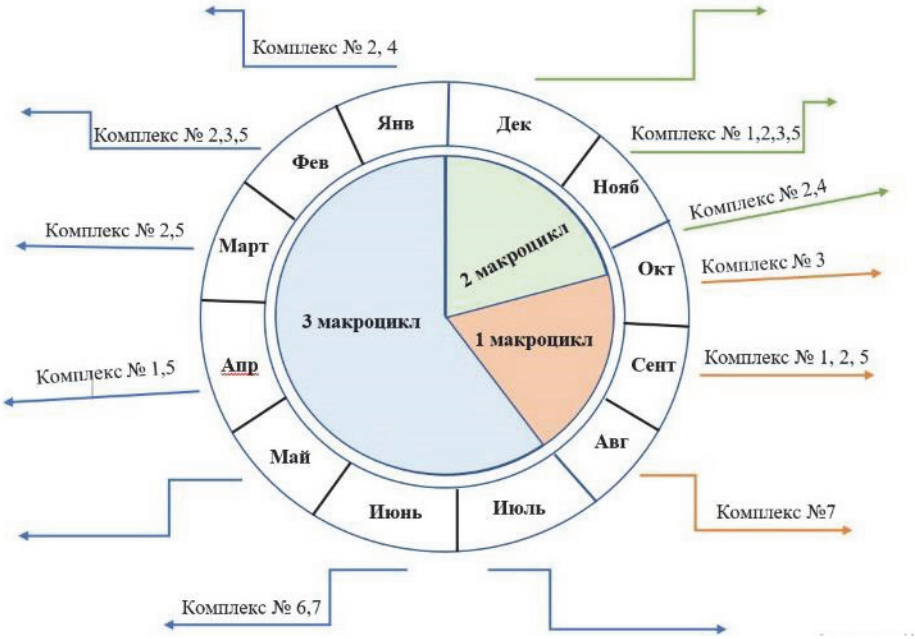

Рис. 1. Круговая система применения комплексов средств воспитания общей выносливости аэробисток 8–9 лет

Каждый из используемых в круговой системе комплексов упражнений обладал специфическими характеристиками.

Так, в рамках первого комплекса использовались бег умеренной интенсивности, а также высокоударные прыжковые упражнения, включающие 10 различных видов, которые выполнялись поточным и серийно-поточным методами. В процессе эксперимента указанные средства комбинировались в специальные серии аэробных движений (САД), что способствовало увеличению координационной сложности выполняемых упражнений.

Во втором комплексе упражнений были задействованы базовые шаговые движения, включающие march, jog, skip, knee lift, kick, jumping jack и lunge, с чередованием высокоударной и низкоударной (Hi/Lo impact) нагрузки. В процессе адаптации к физической нагрузке варьировались направление перемещений и комбинации шагов. Выполнение комплекса осуществлялось в непрерывном (нон-стоп) режиме.

Третий комплекс упражнений сочетал аэробные (бег, прыжковые элементы) и силовые компоненты, направленные на развитие силовой и аэробной выносливости. В силовую часть были включены: различные

вариации приседаний, подъемы ног и туловища из положения лежа, а также сгибание-разгибание рук в упоре лежа. Методической основой выполнения комплекса являлась круговая тренировка. По мере адаптации испытуемых к нагрузке осуществлялась модификация упражнений посредством изменения: 1) исходных положений; 2) амплитуды движений; 3) скорости выполнения двигательных действий. Прогрессия нагрузки достигалась за счет вариативности биомеханических параметров упражнений при сохранении циклической структуры тренировочного занятия. Таким же способом осуществлялся индивидуальный подход с учётом разного уровня подготовленности аэробистов в малокомплектной спортивной школе при одновременном выполнении однонаправленных заданий, но с разной величиной и сложностью нагрузки.

Четвертый комплекс упражнений был реализован с использованием гимнастических скамеек, что предусматривало выполнение двигательных действий на ограниченной площади опоры. Использование неустойчивой опоры способствовало интенсификации проприоцептивной афферентации и повышению требований к системе постурального контроля. В состав комплекса вошли прыжковые элементы, ходьба, бег, а также маховые упражнения, направленные на развитие координационной выносливости в условиях аэробного режима энергообеспечения. Применение данного методического подхода позволяло частично моделировать специфические условия соревновательной деятельности за счет создания искусственно усложненных условий поддержания динамического равновесия при выполнении циклических и ациклических движений.

Пятый комплекс упражнений включал элементы сложности, соответствующие подгруппам 4, 5, 6 и 7 согласно Правилам соревнований по спортивной аэробике [6, 7]. В состав комплекса вошли следующие технические элементы: air turn, axel, free fall airborn, butterfly, tuck jump, cossack jump, pike jump, straddle jump, switch split leap, split jump, turns и illusion. Реализация данного комплекса преследовала две основные цели: воспитание общей выносливости и совершенствование технического мастерства при выполнении элементов повышенной сложности. Акцентированная проработка данных элементов способствовала одновременному развитию координационных способностей, силовых параметров и пространственной ориентации, что является ключевым требованием соревновательной деятельности в спортивной аэробике.

Шестой комплекс проводился на стадионе с использованием циклического чередования режимов беговой нагрузки. Данная методика обеспечивала комплексное воздействие на аэробные и анаэробные механизмы энергообеспечения, а также способствовала совершенствованию экономичности беговых движений.

Седьмой тренировочный комплекс основывался на игровом методе с использованием спортивного инвентаря, включая скакалки и мячи, а также эстафетных упражнений, что позволяло эффективно развивать аэробную выносливость в процессе разнообразной двигательной активности. Применение подвижных игр и эстафет обеспечивало не только поддержание целевого диапазона частоты сердечных сокращений (65–80% от максимальной), но и способствовало совершенствованию координационных способностей и повышению мотивации занимающихся за счет эмоциональной насыщенности тренировочного процесса. Комплекс включал различные варианты игр со скакалкой, как индивидуальных, так и групповых, командные игры с мячом с непрерывной двигательной активностью, а также линейные и круговые эстафеты, сочетающие элементы бега и прыжков. Физиологическая эффективность данного подхода обеспечивалась за счет поддержания продолжительной циклической нагрузки в аэробном режиме энергообеспечения при постоянной вариативности двигательных действий. Особую ценность методика представляет в работе с юными спортсменами, поскольку игровая форма тренировки дополнительно развивает когнитивные функции и навыки командного взаимодействия, параллельно решая основные задачи по развитию общей выносливости.

Первый макроцикл включал два периода, состоял из пяти мезоциклов (рис. 2).

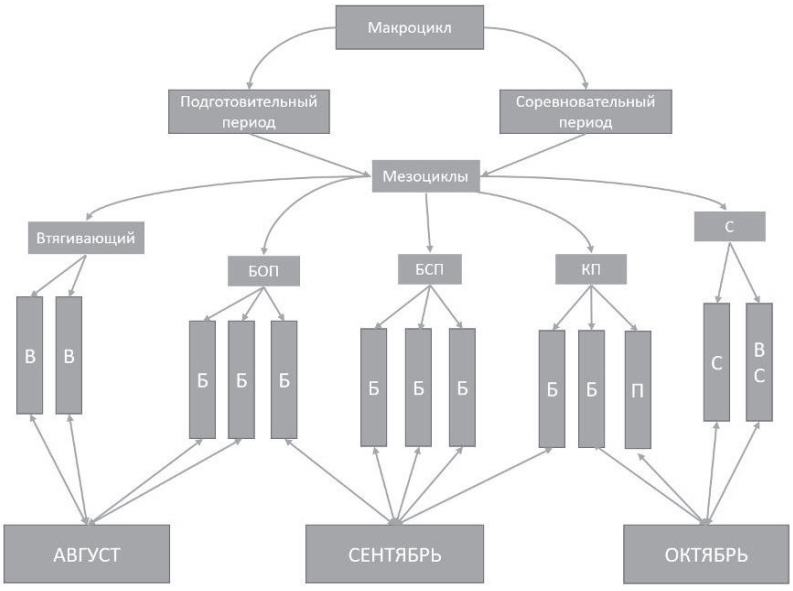

Рис. 2. План-схема первого макроцикла: БОП – базовый общеподготовительный; БСП – базовый специально-подготовительный; КП – контрольно-подготовительный; В – втягивающий; Б – базовый; П – подводящий; С – соревновательный; ВС – восстановительный

Для реализации задач втягивающего мезоцикла было запланировано два микроцикла. В рамках обоих микроциклов в заключительную часть тренировочного занятия интегрированы подвижные игры. Для спортсменов 8–9 лет применение подвижных игр с элементами развития выносливости является оптимальным, поскольку обеспечивает плавную адаптацию к тренировочному процессу после длительного перерыва без избыточной стрессовой нагрузки на организм.

Базовый общеподготовительный мезоцикл состял из трех микроциклов. В первом микроцикле сохранялось использование подвижных игр в заключительной части занятия. Во втором и третьем микроциклах в подготовительную часть тренировки включен комплекс базовых шагов спортивной аэробики, направленный на воспитание аэробной выносливости. Такой подход позволял не только совершенствовать общую выносливость, но и отрабатывать соревновательные комбинации, включающие обязательные базовые аэробные шаги.

Базовый специально-подготовительный мезоцикл состоял из трех микроциклов. В рамках первого микроцикла в подготовительную часть тренировочного процесса был интегрирован прыжковый комплекс аэробной направленности, впоследствии чередовавшийся с комплексом базовых шагов. Использование прыжкового комплекса обеспечивало подготовку опорно-двигательного аппарата спортсменок к последующим высокоинтенсивным прыжковым нагрузкам и техническим элементам спортивной аэробики (САД). Выполнение упражнений в аэробном режиме способствовало увеличению легочного объема и оптимизации адаптационных механизмов организма к специфическим соревновательным нагрузкам.

В контрольно-подготовительном мезоцикле, в рамках первого микроцикла в основную часть второй тренировки включен комплекс упражнений с прыжковыми элементами, направленный на воспитание выносливости. Продолжалось совершенствование выносливости, однако ключевое значение в данном мезоцикле приобретала техническая отработка элементов и их корректное выполнение. Во втором микроцикле перед заключительной частью занятия применялся комплекс упражнений для круговой тренировки. В третьем микроцикле специализированные комплексы не использовались, поскольку акцент смещался на силовую и координационную подготовку.

Второй макроцикл включал два периода, а также три мезоцикла (рис. 3).

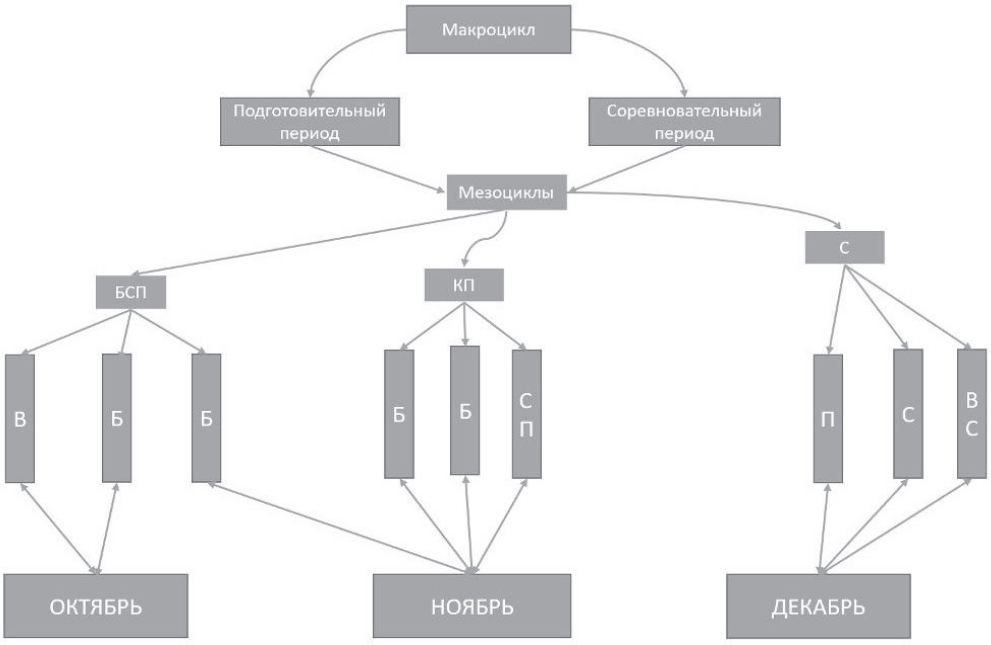

Рис. 3. План-схема макроцикла с октября по декабрь: БСП – базовый специально-подготовительный; КП – контрольно-подготовительный; С – соревновательный; В – втягивающий; Б – базовый; СП – специально-подготовительный; П – подводящий; С – соревновательный; ВС – восстановительный

Программа втягивающего микроцикла (в структуре БСП мезоцикла) предусматривала выполнение нагрузок умеренной интенсивности, завершающихся в каждой тренировке специализированным комплексом упражнений на скамье. Во втором микроцикле осуществлялась отработка базовых шагов. В третьем микроцикле применялась интенсивная нагрузка посредством комплекса круговой тренировки.

В оба микроцикла контрольно-подготовительного мезоцикла был включен комплекс базовых шагов.

На начальном этапе специально-подготовительного микроцикла использовался комплекс с прыжковыми элементами, а в завершающей части – специализированный прыжковый комплекс упражнений.

Учитывая, что данный макроцикл направлен на совершенствование физических качеств, технических навыков, отработку элементов и соревновательной программы, значительный объем тренировочной нагрузки был посвящен базовым шагам, прыжковым элементам и их комбинациям.

В результате проведенной подготовки спортсменки вышли на отборочные соревнования с отработанной соревновательной программой.

Третий макроцикл включал три периода, а также восемь мезоциклов (рис. 4).

Во втягивающем мезоцикле в первую неделю комплексы на воспитание выносливости не применялись, тогда как во вторую неделю использовался комплекс упражнений со скамьёй. Базовый микроцикл возобновлялся с отработки базовых шагов.

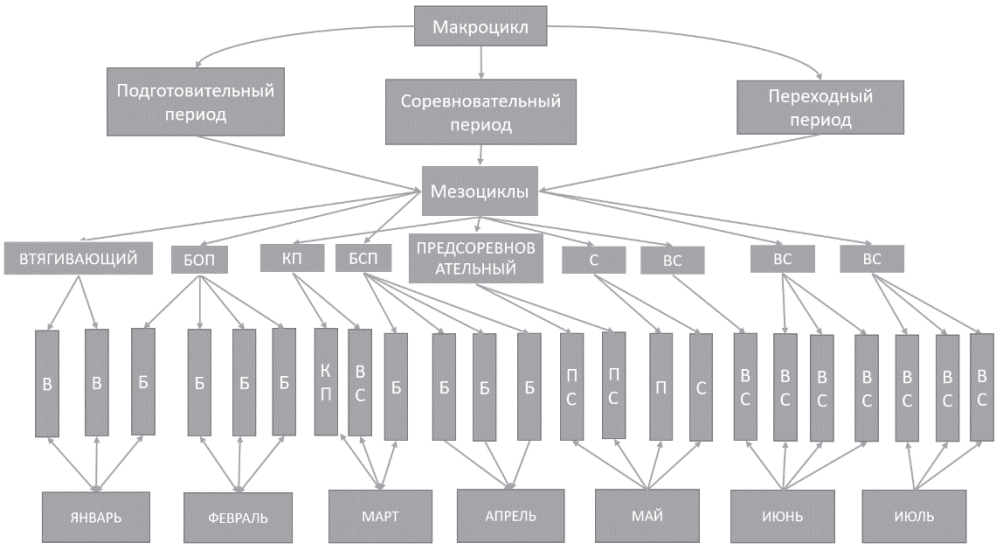

Рис. 4. План-схема макроцикла с января по июль: БОП – базовый общеподготовительный; КП – контрольно-подготовительный; БСП – базовый специально-подготовительный; С – соревновательный; ВС – восстановительный; В – втягивающий; Б – базовый; СП – специально-подготовительный; П – подводящий; С – соревновательный; ВС – восстановительный

В базовом общеподготовительном и контрольно-подготовительном мезоциклах основное внимание уделялось прыжковым упражнениям с применением метода круговой тренировки, при этом постепенно увеличивался объём нагрузки. Рекомендуется включать комплекс на развитие выносливости с прыжковыми элементами в середину основной части заключительного базового микроцикла, а комплекс круговой тренировки – в контрольно-подготовительный микроцикл.

В базовом специально-подготовительном мезоцикле продолжалась отработка техники прыжковых элементов сложности.

В предсоревновательном и соревновательном периодах специализированные комплексы не применялись во избежание перетренированности, поскольку тренировочная нагрузка в данных периодах у юных спортсменов и так достигала значительных величин.

В восстановительном мезоцикле в первую неделю использовались подвижные игры, а в начале и конце июня применяли шестой комплекс на стадионе.

Третий макроцикл направлен на подготовку к соревновательной деятельности и восстановление после учебно-тренировочных нагрузок. В завершение годичного цикла проводились контрольные испытания, позволившие оценить уровень подготовленности спортсмена.

Каждое тренировочное занятие имело стандартную структуру, включающую три части: подготовительную, основную и заключительную. Общая продолжительность занятия составляла 120 мин, из которых 30 мин отводилось на подготовительную часть, 70 мин – на основную и 20 мин – на заключительную.

Содержание основной части исследования определялось текущим этапом тренировочного процесса, будь то микро- или мезоцикл. Втягивающий микроцикл отличался применением умеренных нагрузок, ориентированных на общую физическую подготовку. В базовом микроцикле основной акцент делается на развитие и совершенствование физических качеств, особенно общей выносливости, для чего использовался комплекс круговой тренировки, построенный на принципах интервальной нагрузки. Восстановительные микроциклы включали комплекс упражнений с гимнастической скамьей, что позволяло снизить нагрузку, сохраняя при этом уровень тренированности координационных способностей и выносливости. На этапе специальной подготовки, который начинался за полтора месяца до соревнований, вводился комплекс с прыжковыми элементами, направленный на воспитание выносливости при условии сохранения технической точности выполнения движений. Дополнительно в ключевые периоды тренировочного процесса применялись подвижные игры, способствовавшие адаптации к нагрузкам без переутомления, базовые шаги в сочетании с бегом для закрепления техники и повышения выносливости, а также интервальная тренировка в завершающем периоде годичного цикла, позволяющая поддерживать уровень выносливости без значительных нагрузок.

Предложенная методика наиболее эффективна в подготовительный период, включая общеподготовительный и специально-подготовительный этапы, с постепенным увеличением нагрузки. Однако в соревновательный период дополнительное воспитание выносливости нецелесообразно из-за высокой нагрузки, а в

восстановительный период рекомендуется минимизировать интенсивность тренировок, делая акцент на релаксационные и восстановительные упражнения.

В контрольной группе (КГ) тренировочный процесс был организован в соответствии с традиционной методикой, включающей четыре занятия в неделю продолжительностью 2 ч каждое, что обеспечивало равенство общего объёма тренировочной нагрузки с экспериментальной группой. Распределение видов спортивной подготовки и вспомогательных мероприятий в контрольной группе полностью соответствовало таковому в ЭГ.

Результаты исследования

Качественный анализ полученных данных предварительного этапа тестирования свидетельствовал о том, что уровень развития общей выносливости у испытуемых в обеих группах соответствовал условным квалификационным категориям «средний» и «ниже среднего». Сравнительный анализ показателей выявил отсутствие существенных межгрупповых различий, однако следует отметить незначительное превосходство контрольной группы по результатам Гарвардского степ-теста (табл. 1).

Для верификации статистической значимости различий был применен непараметрический U-критерий Манна–Уитни, который не подтвердил наличие достоверных межгрупповых различий ($p > 0,05$ при $\alpha = 0,05$). Полученные результаты позволили констатировать статистическую однородность выборок по изучаемому параметру, что свидетельствовало о сопоставимом исходном уровне физической подготовленности испытуемых. Установленная эквивалентность групп по ключевым исследуемым параметрам создала необходимые методологические предпосылки для реализации запланированного педагогического эксперимента в условиях контролируемой выборки.

Таблица 1

Результаты тестирования до начала эксперимента

№	Тест	ЭГ (n=8)	КГ (n=8)	U Uгр (15)	p
		M±m			
1	Функциональная проба по Квергу, баллы	88,6 ± 10,8	86,5 ± 5,29	30,50	p > 0,05
2	Гарвардский степ-тест, баллы	58,5 ± 4,53	60,1 ± 6,33	29,50	p > 0,05
3	Бег на 1000 м, мин	5,6 ± 0,33	5,8 ± 0,29	24,0	p > 0,05

Таблица 2

Результаты тестирования ЭГ и КГ в конце эксперимента

№	Тест	Группа		% отклонения	p
		ЭГ (n=8) (M±m)	КГ (n=8) (M±m)		
1	Функциональная проба по Квергу, баллы	99,38 ±10,61	91,13 ± 5,69	9,05%	p > 0,05
2	Гарвардский степ-тест, баллы	78,75 ± 6,70	67,25 ± 5,14	17,1%	p < 0,05
3	Бег на 1000 м, мин	5,18 ± 0,096	5,50 ± 0,206	5,87%	p < 0,05

Заключительный этап предсоревновательного микроцикла характеризовался проведением контрольного тестирования показателей физической подготовленности в ЭГ и КГ с использованием идентичных методов, применявшихся на начальной стадии исследования. Итоги тестирования систематизированы в табл. 2–4.

Результаты проведенного исследования выявили статистически значимые различия ($p < 0,05$) между показателями ЭГ и КГ по ключевым параметрам физической подготовленности.

При оценке функционального состояния кардиореспираторной системы с помощью пробы Кверга межгрупповые различия не достигли уровня статистической значимости ($p > 0,05$). Тем не менее в ЭГ отмечена более положительная динамика, что может быть обусловлено комплексным характером применяемых тренировочных нагрузок, направленных на одновременное развитие аэробной и анаэробной производительности, силовой и координационной выносливости.

В ходе выполнения Гарвардского степ-теста зарегистрировано достоверное ($p < 0,05$) превышение результатов ЭГ над результатами КГ на 17,1%, что значительно превосходит аналогичные показатели в других тестовых испытаниях. Схожая закономерность выявлена в тесте «бег на 1 км», где также наблюдались статистически значимые различия ($p < 0,05$) в пользу экспериментальной группы.

Таким образом, анализ динамики исследуемых показателей позволяет констатировать, что в двух из трех контрольных тестов ЭГ показала статистически значимое улучшение результатов по сравнению с КГ.

Сравнительная оценка изменений уровня общей выносливости подтвердила достоверный прирост показателей в обеих группах (табл. 3, 4), что свидетельствует об эффективности применяемой методики тренировки. Однако наибольший прогресс зафиксирован именно в ЭГ, что подтверждает эффективность использования круговой системы применения комплексов средств воспитания общей выносливости.

Сравнительный анализ динамики исследуемых показателей в экспериментальной группе продемонстрировал наличие статистически значимых различий ($p < 0,05$) между исходными и конечными результатами во всех трех тестах, что подтверждено с помощью критерия Вилкоксона.

Таблица 3

Результаты тестирования ЭГ в начале и конце педагогического эксперимента

№	Тест	Группа (n = 8)		p	% прироста
		ЭГ начало (M±m)	ЭГ конец (M±m)		
1	Функциональная проба по Квергу, баллы	88,6 ± 10,8	99,38 ±10,61	p < 0,05	12,13%
2	Гарвардский степ-тест, баллы	58,5 ± 4,53	78,75 ± 6,70	p < 0,05	34,62%
3	Бег на 1000 м, мин	5,6 ± 0,33	5,18 ± 0,096	p < 0,05	8,85%

Таблица 4

Результаты тестирования КГ в начале и конце педагогического эксперимента

№	Тест	Группа (n=8)		p	% прироста
		КГ начало (M±m)	КГ конец (M±m)		
1	Функциональная проба по Квергу, баллы	86,5 ± 5,29	91,13 ± 5,69	p < 0,05	5,49%
2	Гарвардский степ-тест, баллы	60,1 ± 6,33	67,25 ± 5,14	p < 0,05	11,85%
3	Бег на 1000 м, мин	5,8 ± 0,29	5,50 ± 0,206	p < 0,05	5,34%

На начальном этапе эксперимента функциональное состояние сердечно-сосудистой системы участников оценивалось как «неудовлетворительное», а уровень аэробной выносливости соответствовал категории «ниже среднего». После проведения экспериментальных мероприятий зарегистрировано достоверное улучшение показателей: в пробе Кверга результаты повысились до уровня хороших значений, в Гарвардском степ-тесте достигнут «высокий» уровень, а в тесте «бег на 1000 м» – «средний».

Полученные результаты позволяют сделать вывод о положительной динамике исследуемых параметров физической подготовленности под влиянием примененной методики.

В контрольной группе статистически значимое улучшение результатов ($p < 0,05$, критерий Вилкоксона) было зафиксировано преимущественно в Гарвардском степ-тесте. Однако несмотря на достоверные положительные изменения всех показателей ($p < 0,05$), качественная оценка уровня развития общей выносливости по всем применяемым тестам осталась без существенной динамики: функциональная проба Кверга сохранила оценку «неудовлетворительно», Гарвардский степ-тест – «средний уровень», аналогичный результат продемонстрировал тест «бег на 1000 м».

Полученные данные свидетельствуют об ограниченном влиянии применяемого в КГ тренировочного воздействия на качественные характеристики общей выносливости.

Заключение

Вопросы методики физического воспитания девочек 8–9 лет, специализирующихся в спортивной аэробике в малокомплектной спортивной школе, требуют особого внимания в связи с активным развитием физиологических систем организма и созданием предпосылок для дальнейших спортивных достижений. В данный возрастной период ключевое значение приобретает научно обоснованный подбор тренировочных нагрузок, направленный на обеспечение гармоничного физического развития и минимизацию риска травматизма.

Спортивная аэробика как вид двигательной активности обеспечивает комплексное развитие физических качеств, включая выносливость, силу, гибкость, быстроту и координацию. При этом именно выносливость играет определяющую роль в успешности реализации соревновательных программ, требующих выполнения сложнокоординационных элементов в условиях высокой интенсивности и временных ограничений.

В результате проведённой работы осуществлён системный анализ методик развития общей выносливости в спортивной аэробике.

Эмпирические данные подтверждают, что ужесточение регламентирующих требований соревновательной деятельности, отражённое в федеральном стандарте спортивной подготовки и правилах вида спорта [5–7], детерминировало повышение значимости данного двигательного качества в тренировочном процессе.

Завершающим этапом работы стала интеграция разработанного методического обеспечения в тренировочный процесс круговой системы применения специализированных комплексов, направленных на воспитание общей выносливости у девочек 8–9 лет. Методика основана на структурированном годичном цикле подготовки, синхронизированном с календарём соревнований, с учётом условий малокомплектной спортивной школы.

Экспериментально подтверждена эффективность предложенных усовершенствований методики занятий, что выразилось в достоверном улучшении показателей общей выносливости в экспериментальной группе ($p < 0,05$) по всем применяемым тестам. Статистически значимые различия ($p < 0,05$) между экспериментальной и контрольной группами зафиксированы в двух из трёх тестовых испытаний, при этом наибольший процентный прирост результатов отмечен в экспериментальной группе.

Таким образом, результаты исследования подтверждают гипотезу о том, что применение круговой системы развития общей выносливости в рамках структурированного годичного цикла подготовки является эффективным средством оптимизации тренировочного процесса девочек 8–9 лет, занимающихся спортивной аэробикой.

Практическая значимость исследования заключается в возможности внедрения разработанной системы в программы малокомплектных спортивных школ и секций. Полученные данные могут быть использованы

тренерами, работающими с детьми младшего школьного возраста.

Направления для дальнейших научных изысканий предполагают исследование долгосрочного воздействия разработанных усовершенствований методики на спортивные достижения, возможность её адаптации для различных возрастных категорий, а также создание персонализированных программ повышения выносливости с учётом индивидуальных антропометрических и функциональных характеристик спортсменов.

Список источников

1. Аэробика. Теория и методика проведения занятий : учеб. пособие для студентов вузов физической культуры / под ред. Е.Б. Мякинченко, М.П. Шестакова. М. : ТВТ Дивизион, 2006. 304 с.
2. Пармузина Ю.В., Парамонов В.В., Мартынова Н.В. Методика развития выносливости у спортсменов, занимающихся спортивной аэробикой на этапе начальной специализации // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2017. № 10 (152). С. 182–185.
3. Рябухина Т.И. Методика тренировки специальной выносливости на этапе начальной специализации в спортивной аэробике : автореф. дис. … канд. пед. наук. Волгоград, 2006. 25 с.
4. Цыбикова А.П., Воробьева Е.В. Повышение общефизической подготовленности спортсменов, занимающихся спортивной аэробикой // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2018. Т. 3, № 1. С. 45–49.
5. Приказ Минспорта РФ от 23 ноября 2022 г. № 1060 «Об утверждении федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта «спортивная аэробика» (зарегистрировано в Минюсте РФ 20 декабря 2022 г. № 71692). URL: https://minjust.consultant.ru/special/documents/document/33970 (дата обращения: 26.01.2026).
6. Правила вида спорта «спортивная аэробика» (утв. приказом Минспорта РФ от 07 апреля 2025 г. № 268) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_502836/ (дата обращения: 26.01.2026).6.
7. Правила вида спорта «спортивная аэробика» (утв. приказом Минспорта РФ от 24 августа 2023 г. № 609) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_457117/ (дата обращения: 26.01.2026).

References

1. Myakinchenko, E.B. & Shestakov, M.P. (eds) (2006) *Aerobika. Teoriya i metodika provedeniya zanyatiy* [Aerobics. Theory and Methodology of Conducting Classes]. Moscow: TVT Divizion. 304 p.
2. Parmuzina, Yu.V., Paramonov, V.V. & Martynova, N.V. (2017) Metodika razvitiya vynoslivosti u sportsmenov, zanimayushchikhsya sportivnoy aerobikoy na etape nachal'noy spetsializatsii [Methodology for developing endurance in athletes engaged in sports aerobics at the stage of initial specialisation]. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta – Scientific Notes of the University named after P.F. Lesgaft*. 152 (10). pp. 182–185.
3. Ryabukhina, T.I. (2006) *Metodika trenirovki spetsial'noy vynoslivosti na etape nachal'noy spetsializatsii v sportivnoy aerobike* [Methodology for Training Special Endurance at the Stage of Initial Specialisation in Sports Aerobics]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Volgograd. 25 p.
4. Tsybikova, A.P. & Vorob'eva, E.V. (2018) Povyshenie obshchefizicheskoy podgotovlennosti sportsmenov, zanimayushchikhsya sportivnoy aerobikoy [Improving the general physical fitness of athletes engaged in sports aerobics]. *Fizicheskaya kul'tura. Sport. Turizm. Dvigatel'naya rekreatsiya – Physical Culture. Sport. Tourism. Motor Recreation*. 3 (1). pp. 45–49.
5. Russian Federation. Ministry of Sport. (2022) *Prikaz Minsporta RF ot 23 noyabrya 2022 g. № 1060 "Ob utverzhdenii federal'nogo standarta sportivnoy podgotovki po vidu sporta "sportivnaya aerobika""* [Order of the Ministry of Sport of the Russian Federation No. 1060 of 23 November 2022 'On approval of the federal standard of sports training for the sport "sports aerobics"']. [Online] Available from: https://minjust.consultant.ru/special/documents/document/33970 (Accessed: 26.01.2026).
6. Russian Federation. Ministry of Sport. (2025) *Pravila vida sporta "sportivnaya aerobika" (utv. prikazom Minsporta RF ot 07 aprelya 2025 g. № 268)* [Rules of the sport 'sports aerobics' (approved by Order of the Ministry of Sport of the Russian Federation No. 268 of 07 April 2025)]. Konsul'tantPlyus. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_502836/ (Accessed: 26.01.2026).
7. Russian Federation. Ministry of Sport. (2023) *Pravila vida sporta "sportivnaya aerobika" (utv. prikazom Minsporta RF ot 24 avgusta 2023 g. № 609)* [Rules of the sport 'sports aerobics' (approved by Order of the Ministry of Sport of the Russian Federation No. 609 of 24 August 2023)]. Konsul'tantPlyus. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_457117/ (Accessed: 26.01.2026)

.

Информация об авторах:

Бондаренко Е.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры физкультурно-спортивных дисциплин, Томский государственный педагогический университет (Томск, Россия). E-mail: mev.io@yandex.ru

Нимира Д.Е. – тренер-преподаватель, Спортивная школа «Кедр» города Томска (Томск, Россия). E-mail: diananimira@yandex.ru

Information about the authors:

E.V. Bondarenko, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mev.io@yandex.ru

D.E. Nimira, coach-instructor, Kedr Sports School of the City of Tomsk (Tomsk, Russian Federation). E-mail: diananimira@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.02.2026;
одобрена после рецензирования 24.03.2026; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 09.02.2026;
approved after reviewing 24.03.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 37.02
doi: 10.17223/15617793/527/22

Анализ лингводидактических возможностей корпусных технологий для формирования лексического компонента иноязычной предметной компетенции

Людмила Петровна Халяпина[1], Анна Юрьевна Сенько[2]

[1, 2] *Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия*
[1] *halyapina_lp@spbstu.ru*
[2] *anna.kolotaeva@mail.ru*

Аннотация. Отмечается, что для достижения двойной образовательной цели в условиях реализации предметно-языкового интегрированного обучения (обучение иностранному языку и профессиональному предмету), необходимо внедрение современных педагогических средств, способствующих формированию познавательного интереса студентов как к изучаемой дисциплине, так и к иностранному языку в неразрывной связи, на базе аутентичных материалов, представленных в интересном, интерактивном, цифровом формате и соответствующих современным потребностям обучающихся. Делается вывод о том, что именно корпусные технологии наилучшим образом соответствуют данному запросу.
Ключевые слова: иноязычная предметная компетенция, лексический компонент, корпусные технологии, корпусный менеджер

Для цитирования: Халяпина Л.П., Сенько А.Ю. Анализ лингводидактических возможностей корпусных технологий для формирования лексического компонента иноязычной предметной компетенции // Вестник Томского государственного университета. 2026. № 527. С. 197–204. doi: 10.17223/15617793/527/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/527/22

Analysis of the linguodidactic potential of corpus technologies for the formation of the lexical component of foreign language subject competence

Liudmila P. Khalyapina, Anna Yu. Senko

[1, 2] *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation*
[1] *halyapina_lp@spbstu.ru*
[2] *anna.kolotaeva@mail.ru*

Abstract. The article presents an analysis of the linguodidactic potential of corpus technologies for the formation of the lexical component of foreign language subject competence. The authors note that achieving the dual educational goal in the context of subject-language integrated learning (teaching a foreign language and a professional subject) requires the introduction of modern pedagogical tools that foster students' sustained motivation and cognitive interest in both the subject being studied and the foreign language in an inextricable connection, based on authentic materials presented in an engaging, interactive, digital format and corresponding to the modern needs of students. It is concluded that corpus-based technologies best meet this requirement. In accordance with current educational standards, the information and educational environment encompasses digital resources aimed at improving the effectiveness of the educational process through the introduction of modern pedagogical technologies. In the context of the rapid development of IT and big data processing technologies, the use of corpus-based technologies is becoming increasingly popular, representing an effective tool for both linguistic research and linguodidactics.The main emphasis is placed on analyzing the didactic capabilities of modern corpus managers and substantiating their effectiveness in the educational process. The following are attributed to the didactic capabilities of corpus-based technologies in developing the lexical component of foreign-language subject competence: identifying typical word-formation patterns (affixation, compounding, conversion) in a specific subject area; identifying and analyzing complex words (composites) characteristic of subject-specific discourse; automatically constructing a thesaurus for a given word; extracting data on the frequency of word forms and lexemes through concordance; extracting data on the compatibility and contextual use of lexical units; access to authentic professional texts in a foreign language; analyzing the structure and characteristics of professional discourse; and access to authentic written language samples reflecting a variety of communicative situations. It has also been proven that a representative corpus size guarantees the typicality of the data and the completeness of the presentation of new subject knowledge.
Keywords: foreign-language subject competence, lexical component, corpus-based technologies, corpus manager

***For citation*:** Khalyapina, L.P. & Senko, A.Yu. (2026) Analysis of the linguodidactic potential of corpus technologies for the formation of the lexical component of foreign language subject competence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 527. pp. 197–204. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/527/22

© Халяпина Л.П., Сенько А.Ю., 2026

Введение

В настоящее время в научных трудах таких исследователей, как Н.И. Алмазова, Е.К. Вдовина, Э.Г. Крылов, Л.Л. Салехова, Л.П. Халяпина, D. Coyle, P. Hood, D. Marsh и др., подчёркивается ключевая особенность предметно-языкового интегрированного подхода – ориентация на двойную цель обучения: освоение содержания профильной дисциплины с одновременным развитием иноязычной компетенции. В этом контексте иностранный язык рассматривается не только как предмет изучения, но и как инструмент освоения профессионального знания. Применение данного подхода трансформирует учебный процесс, акцентируя внимание на использовании иностранного языка в рамках познавательной деятельности, связанной с содержанием нелингвистических дисциплин.

В качестве ожидаемого результата обучения в рамках интегративной модели различными авторами предложены концепции специфических компетенций: *билингвальная предметная компетенция* (Л.Л. Салехова), *интегрированная предметно-языковая компетентность* (А.А. Сиротова), *предметная иноязычная компетенция* (Р.Р. Зарипова), *иноязычная медиакомпетенция* (О.В. Кузнецова).

Несмотря на частичную разработанность данной тематики в методической науке, теория формирования иноязычной предметной компетенции, которую можно обозначить в качестве компетенции интегративного характера, остается открытой для дальнейшего исследования.

Анализ иноязычной предметной компетенции предполагает рассмотрение её как многокомпонентной структуры. В данном контексте лексический компонент становится интегративной составляющей, отражающей как лингвистические, так и предметно-профессиональные аспекты, где особое значение приобретает овладение специализированной профессиональной терминологией. Эффективное функционирование и целостность иноязычной предметной компетенции в значительной степени детерминированы уровнем развития лексического компонента, его недостаточность существенно ограничивает функциональность других компонентов. Лексический компонент иноязычной предметной компетенции играет ключевую роль в профессиональной деловой коммуникации, поскольку именно лексика обеспечивает основу для точного выражения мыслей, передачи специализированной информации и взаимодействия в профессиональной сфере. Вместе с тем в настоящее время данный вопрос детально не исследован в научных трудах. Особо выделим тот факт, что целенаправленное формирование лексического компонента иноязычной предметной компетенции требует обоснованного выбора эффективных средств обучения, которые обладают значительным потенциалом для исследования и использования языковых средств профессиональной направленности на уровне лексем, устойчивых словосочетаний и контекстов, представленных в системах электронных ресурсов. Указанными характеристиками в полной мере обладают корпусные технологии, предоставляющие широкий доступ к электронным лингвистическим корпусам.

Корпусные технологии содержат большой объём аутентичных материалов по различным профессиональным сферам и значительный дидактический потенциал для целей обучения иностранному языку. Несмотря на это, в теории предметно-языкового интегрированного обучения их применение по-прежнему остается недостаточно разработанным и теоретически осмысленным, хотя находит достаточно широкое отражение в лингвистических исследованиях и частично описано в лингводидактических трудах.

Корпусные технологии в лингвистике и лингводидактике

Значительный вклад в освещение теоретических основ корпусной лингвистики и её применения в системе высшего образования внесли такие отечественные исследователи, как В.П. Захаров, П.Ю. Золотов, С.Ю. Богданова, П.В. Сысоев, М.С. Коган, Ф.Д. Кенжаев, К.П. Чилингарян, Э.А. Мелконян и А. Шунейко. К числу наиболее значимых зарубежных исследователей, занимающихся изучением корпусных технологий и их применением в образовательной практике, относятся L. Anthony [1], T. McEnergy, A. Hardie [2], A. Boulton, T. Cobb [3], C. Flinz [4], R. Perkuhn, H. Keibel и M. Kupietz [5].

К основным методам корпусной лингвистики отечественные исследователи относят: «автоматизированное извлечение информации» [6. С. 158]; «обучение на основе данных» [7. С. 64]; текстовые поиски в крупномасштабных корпусах с использованием «методов обработки естественного языка» [8. С. 54]; методы сопоставительного анализа при работе с параллельными корпусами [9].

Обратимся к определению ключевых понятий корпусной лингвистики, а именно к понятиям *корпус, корпусный менеджер, корпусный инструментарий, корпусные технологии*, которые играют важную роль для лингвистических и лингводидактических исследований в целом и для нашего исследования в частности. В.П. Захаров и С.Ю. Богданова определяют лингвистический или языковой **корпус** как «большой, представленный в машиночитаемом виде, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых данных, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач» [10. С. 15]. Структура корпуса текстов определяется задачами, для которых он создаётся, и может содержать материалы разного жанрового, тематического, хронологического и языкового характера. В типологии, предложенной Е.П. Сосниной, выделяются «исследовательские, иллюстративные, мониторные, статистические, мультимедийные и сопоставительные, специализированные и параллельные корпуса» [11. С. 56].

Н.В. Козлова [12] предлагает несколько иную типологическую модель языковых корпусов: устные, письменные, смешанные; одноязычные, дву- и многоязычные; охватывающие полный текст; ориентированные на язык для специальных целей; соизмеримые, параллельные, синхронные, диахронные; размеченные и неразмеченные.

Можно сделать вывод, что приведенное разнообразие типов корпусов позволяет исследователю подбирать репрезентативный материал для решения конкретных задач, что и делает корпус основной эмпирической базой современной лингвистики. В связи с этим возникают следующие вопросы: каким образом, с помощью каких конкретных систем возможно проведение исследования и последующее обучение с использованием корпусов? В научной литературе «специализированные поисковые системы, включающие программные средства для поиска данных в корпусе, получения статистической информации и предоставления пользователю результатов в удобной форме» [10. С. 110] принято называть **корпусными менеджерами.** Их также можно охарактеризовать как интерфейсный инструмент для работы с корпусом, который в совокупности с встроенными функциями выполняет задачи *корпусного анализа.*

В настоящее время в открытом доступе представлено значительное количество электронных языковых корпусов на иностранных языках. Также существуют корпусные системы LIMAS, COSMAS, Sketch Engine, которые предоставляют возможность генерирования собственного корпуса.

Обратимся далее к анализу существующей литературы в области применения корпусных технологий в лингводидактике. Как отмечалось ранее, корпусы являются инструментом не только в рамках лингвистических исследований. В последние десятилетия в отечественных исследованиях прослеживается устойчивый интерес к использованию языковых корпусов в образовательных целях, в частности для преподавания иностранных языков, что отражено в работах О.Г. Гориной [9], А.В. Дмитриева, М.С. Коган [13, 14], П.Ю. Золотова [15, 16], Е.П. Ковальской [17], В.В. Ключихина [18], А.Ф. Мухамадьяровой [19], Ю.И. Сёмич [20, 21], П.И. Сысоева [22–25], Л.П. Тарнаевой [26], Л.П. Халяпиной [27]. Корпусы «способствуют разработке новых лингвометодических материалов благодаря возможности визуализировать лингвистические данные по заданным параметрам, что обеспечивается современными поисковыми средствами и корпусными менеджерами» [28. С. 257]. Под воздействием корпусных технологий классический методический «принцип наглядности трансформируется в принцип статистической визуализации» [9. С. 78], что влечёт за собой изменения в способах подачи языкового материала в учебных пособиях. Однако функционирование корпусных технологий невозможно без методологии их интеграции в процесс обучения. М.С. Коган относит корпусы к категории «открытых образовательных ресурсов», что представляет собой большой интерес для лингводидактики [7].

Внедрение корпусных технологий в образовательный процесс является одним из примеров практической реализации идей *компьютерной лингводидактики*, которая, в свою очередь, предлагает теоретические и методические основания для использования компьютерных инструментов в обучении языкам.

Доступные корпусы и инструменты корпусного анализа, такие как коллокационный и идеоматический поиск, частотный анализ, коркондансе, N-граммный анализ, тематическое моделирование, визуализация данных, «безусловно можно отнести к сфере компьютерной лингводидактики» [28. С. 258]. М.С. Коган и А.В. Дмитриев указывают, что использование корпусных инструментов значительно расширяет и углубляет возможности методики преподавания иностранных языков. «На данный момент корпусная лингвистика достигла такого уровня развития, что активно интегрируется в междисциплинарные области, в том числе способствует формированию таких направлений, как корпусная педагогика и корпусная лингводидактика» [13. С. 70], а овладение методами корпусной лингвистики способствует развитию и становлению лингвистической/иноязычной компетенции.

Корпусная лингводидактика представляет собой междисциплинарную область, в которой сочетаются идеи корпусной лингвистики, методики преподавания и современные образовательные технологии. Мы приходим к выводу, что в настоящее время в лингводидактике формируется корпусный подход, представляющий собой совокупность методов лингвистического исследования. Корпусные технологии рассматриваются как инструменты анализа данных электронных лингвистических корпусов, предоставляющих доступ к обширным языковым ресурсам, включая профессионально ориентированную информацию на иностранных языках.

Возможности применения корпусных технологий для формирования лексического компонента иноязычной предметной компетенции

Мы рассматриваем корпусные технологии как мощный инструмент для целенаправленного формирования лексического компонента иноязычной предметной компетенции. Основной целью их применения является работа с учебным корпусом, составленным из аутентичных профессиональных текстов, отражающих современные вызовы в области экономики, менеджмента и управления предприятием, отражающие важные аспекты бизнес-процессов в российском и зарубежном контекстах.

Работа с таким корпусом обеспечивает прямой доступ к предметному содержанию на иностранном языке, способствуя развитию лексического компонента через:

– сбор и анализ данных (корпусный менеджер позволяет выявлять актуальную профессиональную лексику из различных источников);

– создание визуальных информационных структур (информационные диаграммы помогают более глубоко понять предметную лексику);

– проведение корпусных исследований (выявляет частоту использования и связи ключевых терминов);

– проведение кросс-культурных исследований (доступ к текстам на разных языках способствует расширению профессионального словарного запаса с учетом культурных особенностей);

– выявление трендов и коллокаций (позволяет выявить актуальные концепции через понятийный анализ).

Организацию работы с корпусными технологиями, в частности с корпусным менеджером, мы видим во взаимодействии следующих возможностей корпусных технологий (рис. 1).

Проанализируем обозначенные выше лингводидактические возможности корпусных технологий в работе с лексическими единицами:

1. **Погружение в проблематику предметной области** является отправной точкой при выстраивании работы с корпусными технологиями. Корпусный менеджер облегчает работу с аутентичными материалами в рамках созданного корпуса текстов по тематическим блокам, давая возможность студентам изучать реальные профессиональные тексты.

2. **Выстраивание логической иерархии контента – это** следующий шаг в процессе работы с предметным материалом. Студенты учатся дифференцировать информацию по уровням важности, выявлять ключевые термины и идеи, а также структурировать материал таким образом, чтобы он был удобен для анализа и дальнейшего использования в письменной деловой коммуникации, отражающей коммуникативную составляющую лексического компонента. Этот процесс напрямую связан с предметно-терминологической и когнитивно-цифровой составляющими лексического компонента, так как выявление ключевых терминов укрепляет знание предметной лексики, а структурирование материала способствует глубинному пониманию концепций и их взаимосвязей. Это помогает студентам лучше осмысливать изучаемый материал и развивать аналитическое мышление.

3. **Визуализация предметного контента** играет важную роль в усвоении предметных знаний. Студенты могут использовать графики, схемы и ментальные карты, чтобы наглядно представить связи между различными терминами и предметным контентом. Такой способ представления информации облегчает её когнитивную обработку и способствует более глубокому осмыслению логических связей между компонентами учебного содержания. В частности, визуализация активно работает на лексико-словообразовательную, когнитивно-цифровую и предметно-терминологическую составляющие лексического компонента, помогая студентам концептуализировать языковые и предметные знания, устанавливать связи между терминами, а также формировать четкое понимание иерархии и взаимозависимостей в рамках предметной области.

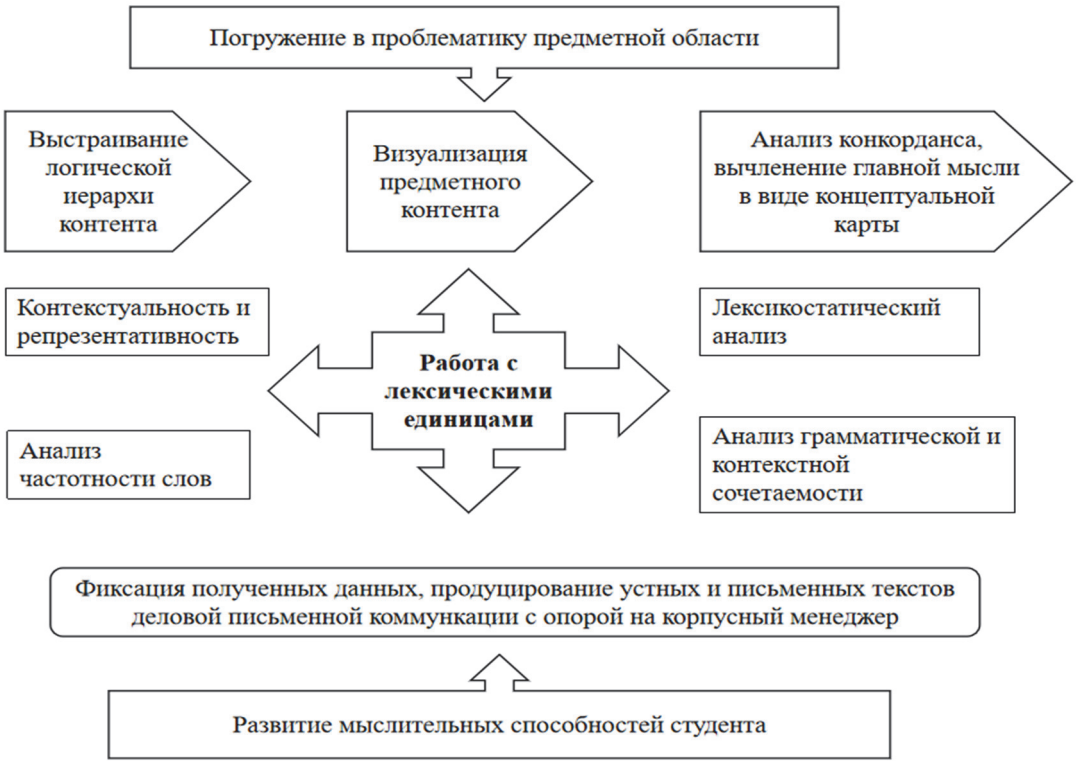

Рис. 1. Работа с корпусными технологиями

4. **Анализ конкорданса** позволяет студентам не только изучать частотность употребления слов и фраз, но и вычленять главные мысли и концептуальные идеи, которые они могут использовать в собственной письменной или устной речи, что дает возможность более точного и осмысленного использования профессиональной лексики в соответствующем контексте. Следовательно, анализ конкорданса способствует развитию сразу нескольких составляющих лексического компонента: лексико-словообразовательной (понимание морфологической структуры слов, их сочетаемости и способности образовывать новые слова), предметно-терминологической (расширение словарного запаса и понимание терминологии), когнитивно-цифровой (понимание концепций и связей между ними) и коммуникативной (способность контекстуально корректного использования лексических единиц).

5. **Развитие мыслительных способностей студентов**. Анализ учебного корпуса текстов, выстраивание логических связей, фиксация и интерпретация данных через письмо и обсуждение помогают студентам развивать критическое и аналитическое мышление, что значительно повышает их способность решать сложные задачи в профессиональной сфере.

При грамотной дидактической интеграции корпусных технологий в учебный процесс можно достичь цели двойного целеполагания: **изучения предмета и ИЯ в интегративном формате.** Корпусный инструментарий позволяет нам при четко сформулированной задаче получить дидактический/учебный материал, способный решить поставленные исследовательские задачи.

Корпусный менеджер – это программное обеспечение, предназначенное для создания, управления и анализа языковых корпусов, представляющих собой структурированные коллекции текстов. Одним из примеров удобного корпусного менеджера является Sketch Engine (https://www.sketchengine.eu/). Sketch Engine является устойчивой образовательной онлайн-платформой, предоставляющей широкие возможности для анализа языковых данных, включая поиск слов и фраз в контексте, анализ грамматических конструкций, выявление коллокаций и многое другое. Данный корпусный менеджер обладает набором функций, которые позволяют извлекать иноязычные предметные данные.

Обобщая вышесказанное, необходимо отметить, что для раскрытия дидактического потенциала корпусных технологий в учебных целях, необходимо предпринять несколько шагов при планировании учебного процесса:

1) сформировать учебный корпус, ориентированный на конкретные образовательные цели и тематическое направление, что позволит работать с аутентичными текстами, отвечающими специфическим запросам учебного процесса;

2) изучить возможности специализированных программных инструментов – корпусных менеджеров, которые обеспечивают широкий спектр функций для извлечения нужной информации из корпуса данных.

Перечисленные выше особенности работы с корпусными технологиями – работа с аутентичным языковым материалом, анализ языковых данных, анализ профессиональной лексики в контексте, – предоставляют большие дидактические возможности для формирования лексического компонента иноязычной предметной компетенции. Таблица содержит детализированное описание возможностей использования корпусных технологий при работе с лексическим материалом, включая их лингводидактический потенциал, сферы практического применения и конкретные примеры реализации в данном контексте.

Использование корпусных технологий для формирования лексического компонента ИПК

Область применения	Лингводидактические возможности	Практическое применение	Примеры использования
Изучение аутентичной лексики	Доступ к *аутентичным примерам использования лексики* в реальных ситуациях, соответствующих профессиональной области	*Изучение корпусов позволяет студентам наблюдать, как термины и устойчивые выражения используются в различных контекстах, что способствует лучшему пониманию нюансов их употребления*	Поиск в немецкоязычном корпусе текстов терминов, связанных с «управлением качеством» (*Qualitätsmanagement*), покажет реальные контексты использования, коллокации и частотность, что полезно для расширения словарного запаса
Анализ коллокаций и устойчивых выражений	Корпусы позволяют выявлять типичные сочетания слов (коллокации) и устойчивые выражения, характерные для сферы экономики и управления предприятием	Изучение коллокаций помогает обучающимся освоить *идиомы, характерные для предметного дискурса*	Корпусный поиск словосочетания «производственный процесс» (*Produktionsprozess*) покажет, с какими прилагательными, глаголами и существительными это словосочетание чаще всего используется (например, *effizienter Produktionsprozess*, *einen Prozess optimieren*)
Исследование терминологии	Корпусы являются ценным инструментом для *изучения и систематизации терминологии* в предметной области	Анализ использования терминов в реальных текстах позволяет обучающимся выявлять синонимы и антонимы, а также понимать различия в их значениях и употреблении	Поиск в корпусе различных терминов, связанных с «бережливым производством» (*Lean Production*), позволит студентам увидеть, как эти термины употребляются в профессиональных текстах, как соотносятся друг с другом
Изучение семантических полей	Корпусы помогают выявлять *семантические связи* между словами и формировать *семантические поля* в предметной области	Изучение семантических полей позволяет обучающимся лучше понимать смысловые оттенки и связи между различными терминами и словами	Поиск в корпусе слов, связанных с «управлением персоналом» (*Personalmanagement*), позволит выявить все слова, которые описывают различные аспекты этой сферы, включая роли, задачи, методы управления и т.д.
Контекстуальное изучение лексики	Корпусы предоставляют контекст для изучения значения слов и их употребления, что особенно важно для понимания многозначных слов и терминов	Анализ ситуаций, в которых используется определённая лексема, позволяет студентам увидеть, как меняется его значение в зависимости от контекста	При выполнении корпусного запроса по лексеме Lager (склад) становится очевидным, что данное слово функционирует в различных профессиональных контекстах – как в логистической сфере, так и в производственной. Учет контекстуального окружения является ключевым для корректного толкования его значения

Область применения	Лингводидактические возможности	Практическое применение	Примеры использования
Развитие продуктивных видов речевой деятельности	Корпусы служат моделью для построения собственных текстов на иностранном языке.	Использование корпусов для поиска выражений, терминов и коллокаций	Анализ структуры деловых писем на немецком языке с использованием корпусов позволяет студентам выявлять типичные речевые шаблоны и модели, которые они могут применять в собственной письменной практике

Заключение

Таким образом, с применением корпусных технологий может быть создан комплекс следующих педагогических условий:

– применение корпусных технологий с целью разработки аутентичных учебных материалов, репрезентирующих реальные образцы употребления профессиональной терминологии в области экономики, менеджмента и управления, с акцентом на типичных коллокациях, фразеологических структурах и их контекстно обусловленном применении;

– создание и развитие специализированного корпуса текстов, отражающего специфику дискурса в области управления предприятием на иностранном языке, доступного для многократного использования в различных образовательных и исследовательских целях;

– применение корпусных инструментов для самостоятельного исследования студентами особенностей употребления терминологии в профессиональном дискурсе, организации проектной деятельности;

– создание заданий, направленных на анализ корпусных данных и выявление закономерностей использования лексики, релевантной для формирования профессионального тезауруса.

Исходя из представленных условий, можно заключить, что наличие широкого спектра «онлайн-корпусов и функциональных корпусных менеджеров, адаптируемых под конкретные цели обучения, способствует построению дидактической модели, ориентированной на формирование лексического компонента иноязычной предметной компетенции студентов» [26. С. 255]. Эффективность такой модели обусловлена гибкостью корпуса как инструмента, возможностью индивидуализации учебного контента и его интегративной направленностью. Таким образом, работа с корпусом и корпусными технологиями обеспечивает высокую эффективность в формировании лексического компонента, поскольку позволяет извлекать, анализировать и усваивать актуальные предметные знания, развивая языковые навыки и речевые умения в профессиональной сфере на иностранном языке.

Список источников

1. Anthony L. A critical look at software tools in corpus linguistics // Linguistic Research. 2013. № 2. P. 141–161. doi: 10.17250/khisli.30.2.201308.001
2. McEnery T., Hardie A. Corpus linguistics: Method, theory and practice. Cambridge University Press, 2011. 292 p. doi: 10.1017/CBO9780511981395
3. Boulton A., Cobb T., Classroom applications of corpus analysis // Cambridge Handbook of English Corpus Linguistics / eds. by D. Biber, R. Reppen. Cambridge : Cambridge University Press, 2015. P. 478–497. doi: 10.1017/CBO9781139764377.027
4. Flinz C. et al. Korpora als Grundlage für das Lehren und Lernen von Deutsch als Fremdsprache // Zeitschrift Korpora Deutsch als Fremdsprache. 2021. Vol. 1, № 3. P. 1–14.
5. Perkuhn R., Keibel H., Kupietz M. Korpuslinguistik. utb GmbH, 2012. 150 p. doi: 10.36198/9783838534336
6. Захаров В.П. Пролегомены к корпусной лингвистике // Вопросы психолингвистики. 2016. № 2 (28). С. 150–161.
7. Коган М.С. Корпусная лингводидактика в контексте парадигмы открытых образовательных ресурсов // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. 2022. № 6. С. 63–75. doi: 10.17586/2541-9781-2022-6-63-75
8. Нагель О.В. Корпусная лингвистика и ее использование в компьютеризированном языковом обучении // Язык и культура. 2008. № 4. С. 53–59.
9. Горина О.Г. Использование технологий корпусной лингвистики для развития лексических навыков студентов-регионоведов : дис. … канд. пед. наук. М., 2014. 325 с.
10. Захаров В.П., Богданова С.Ю. Корпусная лингвистика. 3-е изд., перераб. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2020. 234 с.
11. Соснина Е.П. Корпусная лингвистика и корпусный подход в обучении иностранному языку. URL: http://ling.ulstu.ru/linguistics/resourses/literature/articles/corpus_linguistics_language_teaching/ (дата обращения 04.01. 2023).
12. Козлова Н.В. Лингвистические корпуса: определение основных понятий и типология // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. Т. 11, № 1. С. 79–89.
13. Дмитриев А.В., Коган М.С. Потенциал корпусной лингвистики в подготовке специалистов в области компьютерной лингводидактики // Terra Linguistica. 2019. Т. 10, № 4. С. 69–85. doi: 10.18721/JHSS.10407
14. Дмитриев А.В., Коган М.С., Вдовина Е.К. Теоретико-прикладное значение корпусов в компьютерной лингводидактике // Litera. 2020. № 1. С. 200–216. doi: 10.25136/2409-8698.2020.1.32219
15. Золотов П.Ю. Лингводидактические свойства корпусных технологий // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25, № 185. С. 75–82. doi: 10.20310/1810-0201-2020-25-185-75-82
16. Золотов П.Ю. Методика формирования прагматической компетенции студентов на основе корпусных технологий : дис. … канд. пед. наук. Тамбов, 2020. 184 с.
17. Ковальская Е.П. Использование технологий корпусной лингвистики в языковом обучении // Ответственный редактор. 2024. С. 129.
18. Клочихин В.В. Психолого-педагогические условия формирования коллокационной компетенции студентов на основе корпусных технологий // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28, № 2. С. 395–404. doi: 10.20310/1810-0201-2023-28-2-395-404
19. Мухамадьярова А.Ф. Формирование навыков немецкой устной речи у студентов языковых вузов на основе корпусных технологий // Педагогика и просвещение. 2024. № 1. С. 147–158. doi: 10.7256/2454-0676.2024.1.70085
20. Сёмич Ю.И. Дидактические свойства и методические функции корпусных технологий // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 23, № 7 (177). С. 39–49. doi: 10.20310/1810-0201-2018-23-177-39-49
21. Семич Ю.И. Методика обучения студентов направления подготовки «Журналистика» иноязычному письменному высказыванию на основе корпусных технологий : дис. … канд. пед. наук. Тамбов, 2019. 194 с.

22. Сысоев П.В. Лингвистический корпус в методике обучения иностранным языкам // Язык и культура. 2010. № 1 (9). С. 99–111.
23. Сысоев П.В. Лингвистический корпус, корпусная лингвистика и методика обучения иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 2010. № 5. С. 12–21.
24. Сысоев П.В., Золотов П.Ю. Формирование прагматической компетенции студентов на основе корпусных технологий // Язык и культура. 2020. № 51. С. 229–246. doi: 10.17223/19996195/51/12
25. Сысоев П.В., Кокорева А.А. Обучение студентов профессиональной лексике на основе корпуса параллельных текстов // Язык и культура. 2013. № 1 (21). С. 114–124.
26. Тарнаева Л.П. Ресурсы корпусной лингвистики в профессионально-ориентированном обучении иностранному языку // Шатиловские чтения. Цифровизация иноязычного образования. Сборник научных трудов. СПб., 2020. С. 294–299. doi: 10.18720/SPBPU/2/id20-323
27. Khalyapina L.P., Senko A.Y., Shostak E.V. Corpus Technologies for the Creation of Scenarios in Foreign Language Education // Scenarios, Fictions, and Imagined Possibilities in Science, Engineering, and Education. PCSF 2024. Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 1204. Springer, Cham. P. 71–83. doi: 10.1007/978-3-031-76800-2_5
28. Сенько А.Ю. Корпусные технологии и их применение в предметно-языковом интегрированном обучении // Наука и школа. 2023. № 3. С. 253–265. doi: 10.31862/1819-463X-2023-3-253-265

References

1. Anthony, L. (2013) A critical look at software tools in corpus linguistics. *Linguistic Research*. 2. pp. 141–161. doi: 10.17250/khisli.30.2.201308.001
2. McEnery, T. & Hardie, A. (2011) *Corpus linguistics: Method, theory and practice*. Cambridge University Press. 292 p. doi: 10.1017/CBO9780511981395
3. Boulton, A. & Cobb, T. (2015) Classroom applications of corpus analysis. In: Biber, D. & Reppen, R. (eds) *Cambridge Handbook of English Corpus Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 478–497. doi: 10.1017/CBO9781139764377.027
4. Flinz, C. et al. (2021) Corpora als Grundlage für das Lehren und Lernen von Deutsch als Fremdsprache. *Zeitschrift Korpora Deutsch als Fremdsprache*. 1 (3). pp. 1–14.
5. Perkuhn, R., Keibel, H. & Kupietz, M. (2012) *Korpuslinguistik*. utb GmbH. 150 p. doi: 10.36198/9783838534336
6. Zakharov, V.P. (2016) Prolegomena k korpusnoy lingvistike [Prolegomena to corpus linguistics]. *Voprosy psikholingvistiki – Issues of Psycholinguistics*. 2 (28). pp. 150–161.
7. Kogan, M.S. (2022) Korpusnaya lingvodidaktika v kontekste paradigmy otkrytykh obrazovatel'nykh resursov [Corpus linguodidactics in the context of the paradigm of open educational resources]. *Komp'yuternaya lingvistika i vychislitel'nye ontologii – Computational Linguistics and Computational Ontologies*. 6. pp. 63–75. doi: 10.17586/2541-9781-2022-6-63-75
8. Nagel', O.V. (2008) Korpusnaya lingvistika i ee ispol'zovanie v komp'yuterizirovannom yazykovom obuchenii [Corpus linguistics and its use in computerised language teaching]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 4. pp. 53–59.
9. Gorina, O.G. (2014) *Ispol'zovanie tekhnologiy korpusnoy lingvistiki dlya razvitiya leksicheskikh navykov studentov-regionovedov* [The Use of Corpus Linguistics Technologies for Developing Lexical Skills of Students in Regional Studies]. Pedagogics Cand. Diss. Moscow. 325 p.
10. Zakharov, V.P. & Bogdanova, S.Yu. (2020) *Korpusnaya lingvistika* [Corpus Linguistics]. 3rd ed. St. Petersburg: Izd-vo SPb un-ta. 234 p.
11. Sosnina, E.P. (n.d.) *Korpusnaya lingvistika i korpusnyy podkhod v obuchenii inostrannomu yazyku* [Corpus Linguistics and the Corpus Approach in Foreign Language Teaching]. [Online] Available from: http://ling.ulstu.ru/linguistics/resources/literature/articles/corpus_linguistics_language_teaching/ (Accessed: 04.01.2023).
12. Kozlova, N.V. (2013) Lingvisticheskie korpusa: opredelenie osnovnykh ponyatiy i tipologiya [Linguistic corpora: definition of basic concepts and typology]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 11 (1). pp. 79–89.
13. Dmitriev, A.V. & Kogan, M.S. (2019) Potentsial korpusnoy lingvistiki v podgotovke spetsialistov v oblasti komp'yuternoy lingvodidaktiki [The potential of corpus linguistics in training specialists in the field of computer linguodidactics]. *Terra Linguistica*. 10 (4). pp. 69–85. doi: 10.18721/JHSS.10407
14. Dmitriev, A.V., Kogan, M.S. & Vdovina, E.K. (2020) Teoretiko-prikladnoe znachenie korpusov v komp'yuternoy lingvodidaktike [Theoretical and applied significance of corpora in computer linguodidactics]. *Litera – Litera*. 1. pp. 200–216. doi: 10.25136/2409-8698.2020.1.32219
15. Zolotov, P.Yu. (2020) Lingvodidakticheskie svoystva korpusnykh tekhnologiy [Linguodidactic properties of corpus technologies]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*. 25 (185). pp. 75–82. doi: 10.20310/1810-0201-2020-25-185-75-82
16. Zolotov, P.Yu. (2020) *Metodika formirovaniya pragmaticheskoy kompetentsii studentov na osnove korpusnykh tekhnologiy* [Methodology for Forming Students' Pragmatic Competence on the Basis of Corpus Technologies]. Pedagogics Cand. Diss. Tambov. 184 p.
17. Koval'skaya, E.P. (2024) Ispol'zovanie tekhnologiy korpusnoy lingvistiki v yazykovom obuchenii [The use of corpus linguistics technologies in language teaching]. *Otvetstvennyy redaktor – Responsible Editor*. p. 129.
18. Klochikhin, V.V. (2023) Psikhologo-pedagogicheskie usloviya formirovaniya kollokatsionnoy kompetentsii studentov na osnove korpusnykh tekhnologiy [Psychological and pedagogical conditions for forming students' collocational competence on the basis of corpus technologies]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*. 28 (2). pp. 395–404. doi: 10.20310/1810-0201-2023-28-2-395-404
19. Mukhamad'yarova, A.F. (2024) Formirovanie navykov nemetskoy ustnoy rechi u studentov yazykovykh vuzov na osnove korpusnykh tekhnologiy [Formation of German oral speech skills among students of language universities on the basis of corpus technologies]. *Pedagogika i prosveshchenie – Pedagogy and Education*. 1. pp. 147–158. doi: 10.7256/2454-0676.2024.1.70085
20. Semich, Yu.I. (2018) Didakticheskie svoystva i metodicheskie funktsii korpusnykh tekhnologiy [Didactic properties and methodological functions of corpus technologies]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*. 23 (7) 177. pp. 39–49. doi: 10.20310/1810-0201-2018-23-177-39-49
21. Semich, Yu.I. (2019) *Metodika obucheniya studentov napravleniya podgotovki "Zhurnalistika" inoyazychnomu pis'mennomu vyskazyvaniyu na osnove korpusnykh tekhnologiy* [Methodology for Teaching Students of the 'Journalism' Training Direction Foreign Language Written Utterance on the Basis of Corpus Technologies]. Pedagogics Cand. Diss. Tambov. 194 p.
22. Sysoev, P.V. (2010) Lingvisticheskiy korpus v metodike obucheniya inostrannym yazykam [Linguistic corpus in the methodology of teaching foreign languages]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 1 (9). pp. 99–111.
23. Sysoev, P.V. (2010) Lingvisticheskiy korpus, korpusnaya lingvistika i metodika obucheniya inostrannym yazykam [Linguistic corpus, corpus linguistics and methodology of teaching foreign languages]. *Inostrannye yazyki v shkole – Foreign Languages at School*. 5. pp. 12–21.
24. Sysoev, P.V. & Zolotov, P.Yu. (2020) Formirovanie pragmaticheskoy kompetentsii studentov na osnove korpusnykh tekhnologiy [Formation of students' pragmatic competence on the basis of corpus technologies]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 51. pp. 229–246. doi: 10.17223/19996195/51/12
25. Sysoev, P.V. & Kokoreva, A.A. (2013) Obuchenie studentov professional'noy leksike na osnove korpusa parallel'nykh tekstov [Teaching students professional vocabulary on the basis of a parallel text corpus]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 1 (21). pp. 114–124.
26. Tarnaeva, L.P. (2020) Resursy korpusnoy lingvistiki v professional'no-orientirovannom obuchenii inostrannomu yazyku [Resources of corpus linguistics in professionally oriented foreign language teaching]. In: *Shatilovskie chteniya. Tsifrovizatsiya inoyazychnogo obrazovaniya* [Shatilov

Readings. Digitalisation of Foreign Language Education]. Collection of scientific works. St. Petersburg. pp. 294–299. doi: 10.18720/SPBPU/2/id20-323
27. Khalyapina, L.P., Senko, A.Y. & Shostak, E.V. (2024) Corpus Technologies for the Creation of Scenarios in Foreign Language Education. In: *Scenarios, Fictions, and Imagined Possibilities in Science, Engineering, and Education. PCSF 2024. Lecture Notes in Networks and Systems*. Vol. 1204. Springer, Cham. pp. 71–83. doi: 10.1007/978-3-031-76800-2_5
28. Senko, A.Yu. (2023) Korpusnye tekhnologii i ikh primenenie v predmetno-yazykovom integrirovannom obuchenii [Corpus technologies and their application in content and language integrated learning]. *Nauka i shkola – Science and School*. 3. pp. 253–265. doi: 10.31862/1819-463X-2023-3-253-265

Информация об авторах:
Халяпина Л.П. – д-р пед. наук, профессор Высшей школы лингвистики и педагогики, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: halyapina_lp@spbstu.ru
Сенько А.Ю. – канд. пед. наук, старший преподаватель Высшей школы лингвистики и педагогики, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: anna.kolotaeva@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
L.P. Khalyapina, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: halyapina_lp@spbstu.ru
A.Yu. Senko, Cand. Sci. (Pedagogics), senior lecturer, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: anna.kolotaeva@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.12.2025;
одобрена после рецензирования 05.03.2026; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 10.12.2025;
approved after reviewing 05.03.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 378+37.0
doi: 10.17223/15617793/527/23

Воспитание патриотизма будущих педагогов: тенденции, научные подходы и этические ориентиры в контексте семейной социализации

Галина Сергеевна Чеснокова[1], Рубен Оганесович Агавелян[2], Татьяна Владимировна Рюмина[3], Виктория Вячеславовна Абрамова[4], Гулзат Качканаковна Казиева[5]

[1, 2, 3, 4] Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия
[5] Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева, Бишкек, Кыргызская Республика
[1] g.chesnokova2@gmail.com
[2] ruben_h_ag@mail.ru
[3] abtngs@yandex.ru
[4] virtal.abramova@yandex.ru
[5] kazieva.gulzat@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема поиска эффективных ресурсов воспитания патриотического сознания студенческой молодежи в условиях трансформации системы высшего образования. Цель исследования заключается в выявлении, изучении и обобщении современных тенденций, научных подходов и определении границ и этических ориентиров в воспитании традиционных духовно-нравственных ценностей у будущих педагогов на основе сформированных семейных ценностей.
Ключевые слова: традиционные духовно-нравственные ценности, патриотическое сознание, воспитание, этические ориентиры, семейная социализация

Источник финансирования: исследование выполнено в рамках реализации государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации от 23.01.2026 № 073-03-2026-052 «Традиции семейного воспитания – основа патриотического воспитания студентов».

Для цитирования: Чеснокова Г.С., Агавелян Р.О., Рюмина Т.В., Абрамова В.В., Казиева Г.К. Воспитание патриотизма будущих педагогов: тенденции, научные подходы и этические ориентиры в контексте семейной социализации // Вестник Томского государственного университета. 2026. № 527. С. 205–214. doi: 10.17223/15617793/527/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/527/23

Fostering patriotism in future teachers: Trends, scientific approaches, and ethical guidelines in the context of family socialization

Galina S. Chesnokova[1], Ruben O. Agavelyan[2], Tatiana V. Ryumina[3], Victoria V. Abramova[4], Gulzat K. Kazieva[5]

[1, 2, 3, 4] Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation
[5] Kyrgyz State University named after I. Arabayev, Bishkek, Kyrgyz Republic
[1] g.chesnokova2@gmail.com
[2] ruben_h_ag@mail.ru
[3] abtngs@yandex.ru
[4] virtal.abramova@yandex.ru
[5] kazieva.gulzat@mail.ru

Abstract. The article discusses the problem of finding effective resources for fostering the patriotic consciousness of students in the context of the transformation of the higher education system. The study aims to identify, analyze, and summarize current trends, scientific approaches, and define the boundaries and ethical guidelines for fostering traditional spiritual and moral values in future teachers based on their family values. The study is based on a systematic, personal-activity, axiological, hermeneutical, humanistic, and sociocultural approach. The analysis and generalization of Russian and foreign scientific concepts in the field of personality education have been conducted. The empirical part includes a quantitative and qualitative analysis of survey data from 93 students at Novosibirsk State Pedagogical University, using an author's online questionnaire that allowed for the identification of the relationship between key traditional values such as "strong family," "patriotism," "citizenship," "service to the Fatherland," and "historical memory and continuity of generations." The leading trends in the education of patriotic consciousness in the modern educational space have been identified: the humanization of educational relations, the strengthening of the family's role as the primary agent of socialization, the digital transformation of educational processes, and the diffusion of value

© Чеснокова Г.С., Агавелян Р.О., Рюмина Т.В., Абрамова В.В., Казиева Г.К., 2026

orientations. The main scientific approaches to the education of patriotism (formative, cultural, systemic-synergetic, personal-activity, axiological, hermeneutic, and sociocultural) have been analyzed and systematized. The system of ethical guidelines is substantiated, including the ethical-humanistic principle, the principle of pedagogical support, and the principle of non-violence and respect for the student's personality. The high significance of the family in shaping patriotic attitudes is empirically confirmed: 84.9% of respondents positively assess the family atmosphere, 89.3% indicate the significant role of older relatives in upbringing, and more than half of the respondents demonstrate their readiness for civic participation. A correlation has been identified between trusting family relationships and the formation of a patriotic identity. Based on theoretical analysis and empirical data, the article substantiates the need for a "seamless" educational process that combines the resources of the family and higher education in shaping the patriotic consciousness of future teachers as bearers and translators of traditional spiritual and moral values. The article also defines the ethical boundaries of pedagogical influence that ensure a balance between the formation of civic consciousness and the development of personal autonomy.

Keywords: traditional spiritual and moral values, patriotic consciousness, education, ethical guidelines, and family socialization

Financial support: The study was supported by the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation dated January 23, 2026 No. 073-03-2026-052 "Traditions of family education – the basis of patriotic education of students".

***For citation*:** Chesnokova, G.S., Agavelyan, R.O., Ryumina, T.V., Abramova, V.V. & Kazieva, G.K. (2026) Fostering patriotism in future teachers: Trends, scientific approaches, and ethical guidelines in the context of family socialization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 527. pp. 205–214. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/527/23

Постановка проблемы

На современном этапе развития российского общества значительное место уделяется дискуссии о путях и формах воспитания молодежи в контексте преемственности традиций и духовно-нравственных ценностей. Проблема, длительное время остававшаяся преимущественно в академической плоскости, в настоящее время перешла в законотворческую, получив нормативное закрепление в документах стратегического планирования, включая Указ Президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Данный документ определяет патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, крепкую семью, историческую память и преемственность поколений в качестве основополагающих ценностей, подлежащих сохранению и трансляции [1].

Особая роль в системе воспитания будущего поколения граждан страны принадлежит педагогу. Будущий учитель, начиная с вузовской скамьи, формируется как субъект и проводник государственной политики в сфере обучения и воспитания в опоре на ориентиры и ценности как общества, так и современной молодежи [2]. Именно педагог становится ключевой фигурой, опосредующей трансляцию ценностей от общества к подрастающему поколению, что налагает на систему педагогического образования особую ответственность за формирование ценностно-смысловой сферы будущих учителей.

Существенные преобразования в сфере государственной политики управления процессом профессиональной подготовки будущих учителей, наиболее сензитивном для формирования личности, требуют разработки педагогических моделей и технологий нового поколения. Следовательно, необходим поиск нестандартных путей, способов обоснования методологических подходов и дидактических принципов, способствующих решению прагматической задачи формирования системы ценностей, качеств личности и черт характера, необходимых современному педагогу для достижения целей современной системы образования через формирование универсальных умений и действий у личности, качества которой формируются в процессе обучения в педагогическом вузе [3].

Ключевая проблема формирования личностной позиции будущего педагога как профессионального патриота заключается в определении путей совершенствования механизмов самораскрытия личности студентов педагогического вуза как будущих воспитателей, носителей педагогической культуры и формирование у них опыта привития духовно-нравственных ценностей обучающимся и воспитанникам в процессе профессиональной подготовки [4].

Поиск ресурса воспитания патриотического сознания в опоре на структуры собственного опыта личности, которые были сформированы и сосредоточены в семье, актуализирует необходимость работы с ценностями и смыслами в ходе профессионального обучения, придает осмысленность и личностную направленность данному процессу [5]. Именно семья выступает первичным пространством формирования ценностных ориентаций, эмоционального отношения к Родине, исторической памяти и гражданской идентичности. Между тем наблюдается недостаточный уровень сформированности гражданско-патриотических ценностей современных студентов, что свидетельствует о необходимости совершенствования путей развития ценностного компонента и обосновывает необходимость поиска вариативных моделей воспитания гражданственности в студенческой среде. Методологическую основу исследования составляют системный, личностно-деятельностный, аксиологический, герменевтический, гуманистический и социокультурный подходы. Проведен анализ и обобщение российских и зарубежных научных концепций в сфере воспитания личности. Эмпирическая часть включает количественный и качественный анализ данных опроса 93 студентов Новосибирского государственного педагогического университета с использованием авторского онлайн-опросника, позволив-

шего выявить взаимосвязь таких ключевых традиционных ценностей, как «крепкая семья», «патриотизм», «гражданственность», «служение Отечеству», «историческая память и преемственность поколений».

Актуальность исследования

Значимость исследования для теории и практики воспитания студенческой молодежи заключается прежде всего в выявлении тенденций, соединяющих семейные традиции и ценности с патриотизмом как предметом воспитания патриотического сознания. Исследуется влияние наиболее значимых педагогических и психологических подходов в воспитании, осуществляется научный поиск наиболее эффективных из них в данных средовых и социокультурных условиях. Обосновываются этические нормы и ориентиры для студентов педагогических вузов. Подобный научный поиск особо актуален в связи с существенным интересом общества к современным тенденциям и подходам к патриотическому воспитанию студентов, поиском путей по усилению встраивания гражданско-патриотического воспитания в образовательный процесс современного университета [6]. Во-первых, современная педагогика воспитания нуждается в обновлении содержания не только методов и приемов патриотического воспитания, но и в переосмыслении содержания дидактических принципов и компетенций студентов и академической профессуры. Во-вторых, во главу угла теоретико-методологического обоснования изменений в подходах к воспитанию духовно-нравственных ориентиров будущего педагога необходимо поставить опору на устойчивые образования, каковыми являются семейные традиции и устои, сформированные поколениями. Между тем механизмы этой трансформации во взаимосвязи с традициями семейного воспитания в ходе формирования патриотического сознания остаются недостаточно изученными.

В-третьих, проблематика гармонизации процессов воспитания в высшей школе, рассматривающих воспитательный компонент образования в качестве необходимого условия эффективного педагогического взаимодействия как важного звена в формировании профессионального сознания личности, отмечается многими исследователями и обобщается в работах Е.Ю. Лаврик, Е.А. Курносова [7]. В исследованиях Е.А. Казаевой, Н.С. Чхетиани, Л.И. Пономаревой изучены современные тенденции и подходы к патриотическому воспитанию студентов вузов, выявлены механизмы формирования гражданской идентичности учащейся молодежи [8].

Цель настоящего исследования заключается в выявлении, изучении и обобщении тенденций, научных подходов и определении границ и этических ориентиров в воспитании традиционных духовно-нравственных ценностей у будущих педагогов на основе сформированных семейных ценностей.

Воспитание студентов – будущих педагогов играет ключевую роль для будущего общества. Между тем современные подходы к воспитанию претерпевают существенные девиации, обусловленные сложным комплексом социокультурных, экономических и технологических факторов. Анализ научной литературы позволяет выделить ряд ведущих тенденций, определяющих развитие воспитательных практик в высшей школе.

Первая тенденция связана с гуманизацией воспитательных отношений. Педагогика, вслед за Аристотелем, изначально воспринимается как искусство воспитания [9]. В последние годы наблюдается дрейф процессов воспитания в семье и школе в сторону гуманистической парадигмы [10]. Индикатором трансформации парадигмы воспитания является появление современной, применительно к данному процессу терминологии. М.А. Гусаковский выделяет такие категории, как педагогическая поддержка, самоопределение, самореализация, самореабилитация, свободоспособность [11]. Тем самым мы обнаруживаем первую и ведущую тенденцию – ориентацию на гуманистические ценности в воспитании личности будущего педагога.

Гуманистическая парадигма предполагает признание самоценности личности студента, его права на автономию, свободу выбора и ответственность. В контексте патриотического воспитания это означает отказ от жесткого директивного воздействия в пользу создания условий для осмысленного принятия ценностей, их интернализации на основе рефлексии и личностного выбора. Как справедливо отмечает В.В. Сериков, личностно ориентированное образование создает пространство для самореализации и саморазвития личности, где воспитание выступает не как внешнее формирование заданных качеств, а как создание условий для ценностного самоопределения [12].

Вторая тенденция определяется существенно влияющим на процесс формирования ценностно-нравственной картины мира у молодежи характером семейных отношений. Исследователи подчеркивают, что стили воспитания, преобладающие в семье, во многом предопределяют особенности ценностной сферы формирующейся личности [13]. В современной семье происходят сложные трансформации: изменение структуры семейных отношений, перераспределение ролей, трансформация функций расширенной семьи. Вместе с тем, как показывают исследования, именно семья остается наиболее значимым институтом первичной социализации, формирующим базовые ценностные ориентации, в том числе отношение к Родине, истории, культуре.

Третья тенденция связана с цифровой трансформацией общества и образования. Молодежь взрослеет в условиях цифровой среды, где информация становится доступной и избыточной, границы реального и виртуального размываются, формируется клиповое мышление. Мировоззрение молодежи приобретает диффузный характер, становится мозаичным и фрагментарным. Эти особенности современности стали ключевым звеном современной педагогики, нуждающейся в трансформации и обновлении посредством введения новых дидактических принципов. В этих условиях традиционные методы патриотического воспитания, ос-

нованные на трансляции готового знания и формировании «правильных» представлений, оказываются недостаточно эффективными [14].

Четвертая тенденция заключается в изменении самого понимания патриотизма как социально-психологического явления. В современной системе воспитания, по мнению Ю.П. Антоновой, Л.П. Крившенко и Л.В. Юркиной, патриотизм рассматривается в качестве нравственного и политического принципа, содержательное наполнение которого определяется безусловной любовью к Отечеству [15]. Однако это понимание дополняется представлениями о «рефлексивном патриотизме», «критическом патриотизме», «конструктивном патриотизме», предполагающих не только любовь к Родине, но и готовность к активному участию в ее совершенствовании, критическому осмыслению ее истории и современности.

Зарубежные исследователи (J.B. Straughn, A.L. Andriot) также обращают внимание на необходимость различения «слепого» и «конструктивного» патриотизма. Если первый характеризуется безусловной лояльностью и некритическим принятием всего, что связано с родиной, то второй предполагает сочетание любви к своей стране с готовностью к критической оценке ее недостатков и активному участию в их исправлении. В контексте подготовки будущих педагогов особую значимость приобретает формирование именно конструктивного патриотизма, основанного на рефлексии, критическом мышлении и гражданской ответственности [16].

Научные подходы к воспитанию патриотизма: систематизация и анализ

В поисках ресурсов воспитания патриотического сознания и ценностных ориентаций личности студентов педагогического вуза необходимо проанализировать ведущие подходы в педагогике и психологии на предмет их потенциала в формировании патриотического компонента. Множественность подходов определяется сложной структурой изучаемого предмета, что само по себе формирует представление о воспитании патриотизма как о сложной и нетривиальной задаче для современной высшей школы. В.Ф. Голованова проведена систематизация подходов и представлена в формате дайджеста [17]. В контексте нашего исследования данные подходы переосмыслены и приобретают новое содержание. Перечислим наиболее значимые для формирования патриотического сознания.

Формирующий подход (И.З. Гликман) предполагает наличие целенаправленного воспитательного воздействия на человека при помощи ведущих методов воспитания с целью выработки у него устойчивых качеств в контексте специально организованных педагогических воздействий, которые вызывают определенную систему реакций и формируют установки личности на операциональном уровне [18]. Данный подход ориентирован на систему устойчивых мотивов и формирование качеств личности, не противоречащих общественным запросам, основан на соблюдении норм, правил, порядка и дисциплине.

В контексте формирования патриотического сознания данный подход может быть реализован через систему специально организованных воспитательных мероприятий, направленных на выработку таких качеств, как гражданственность, ответственность, готовность к защите Отечества. Сильной стороной подхода является его целенаправленность и технологичность, возможность планировать и контролировать результаты воспитательной деятельности. Однако ограниченность формирующего подхода заключается в том, что он не в полной мере учитывает внутреннюю активность личности, ее субъектность, способность к самостоятельному ценностному выбору.

Культурологический подход (О.С. Газман) предполагает реализацию гуманистической модели педагогики, основанной на идеях педагогической поддержки, что перекликается с идеями педагогической фасилитации процессов воспитания. Ориентация на концепции гуманизма формирует современный процесс воспитания как субъектные ценностные отношения. Во главу угла ставится общение, а воспитание происходит на фоне продуктивного общения со взрослыми и сверстниками. Студент становится в данном контексте свободным от авторитаризма субъектом, обладающим самостоятельностью, ответственностью и волей [19].

В рамках культурологического подхода патриотизм понимается как элемент культуры личности, формирующийся в процессе приобщения к культурному наследию, традициям, ценностям. Особое значение приобретает освоение студентами культурных кодов, символов, смыслов, связанных с национальной историей и культурой. Культурологический подход создает основу для формирования «чувства глубокой связи с народом, его традициями и судьбой», что является важнейшим компонентом патриотического сознания.

Системно-синергетический подход рассматривает воспитание как пространство неопределенности, приобретающее диффузный характер. К.Д. Ушинский и А.С. Макаренко, который характеризовал его как метод взрыва или перековки, особо выделяли значение данного подхода. Воспитательный момент способен преобразовать личность как последовательно, так и скачкообразно, через череду переживаний и потрясений [20].

В связи с реализацией данного подхода особая значимость уделяется внутреннему потенциалу активности личности. Процесс воспитания может характеризоваться спонтанностью и импульсивностью. Любая реальная ситуация воспитания всегда связана с проблемой выбора, для решения которой недостаточно выученных правил поведения. Краеугольные тенденции изменения личности возникают в области ценностей студента и его нравственных установок [21].

Личностно-деятельностный подход (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн) акцентирует внимание на том, что личность формируется и проявляется в деятельности. Патриотические качества не могут быть сформированы только на вербальном уровне – они требуют включения студента в реальную социально значимую деятельность, где он может реализовать свою гражданскую позицию.

В рамках аксиологического подхода (В.А. Караковский, Е.А. Ямбург) воспитание патриотического сознания личности выражается как процесс освоения личностью ценностей культуры, превращения их в личностные смыслы и ориентиры жизнедеятельности. Патриотическое мировоззрение в рамках аксиологического подхода выступает как одна из базовых ценностей, определяющих отношение к народу и Отечеству [22].

Существенное значение данный подход приобретает в контексте решения проблемы преемственности поколений и формирования межпоколенческих традиций. Именно ценностная парадигма выступает связующим звеном между поколениями, обеспечивая, тем самым, передачу культурного опыта. С данной точки зрения, семейноцентрический подход к патриотической социализации студентов педагогического вуза представляет научный интерес. Проводимое исследование способствует определению фундаментальных условий для развития патриотического сознания учащейся молодежи в опоре на традиции семьи с учетом современных реалий развивающегося общества и меняющейся парадигмальной концепции построения высшей школы.

Социализирующий подход (А.В. Мудрик) дает возможность систематизировано формировать взаимодействие будущих учителей с социальной средой современной школы. Патриотическое сознание в процессе реализации социализирующего подхода способствует укреплению представлений личности будущего педагога о своей созидающей роли воспитателя. Данный подход позволяет сформировать патриотическое мировоззрение при участии многочисленных социальных и общественных институтов, интегрируя культурные традиции, и способствовует развитию личности студента с учетом современных вызовов обществу, создавая, тем самым, условия для включения личности в систему непротиворечивых социальных отношений, позволяющих выработать собственную ценностную позицию будущего педагога [23].

В рамках данного подхода, который мы считаем одним из ключевых, особую роль приобретают этические ориентиры в воспитании духовно-нравственных ценностей и патриотизма современной студенческой молодежи. Значимым результатом применения данного подхода можно считать формирование культуры отношений личности к профессиональной деятельности, где отношения личности становятся ключевым звеном взаимодействия с участниками образовательного процесса. Проблема баланса этических ориентиров и правового сознания является существенным компонентом формирования патриотического настроя личности. Этика, восходящая к Аристотелю, рассматривается как учение о нравственности, о должном поведении человека. В педагогическом контексте этические ориентиры определяют границы допустимого воздействия на личность, принципы взаимодействия педагога и воспитанника.

Принцип педагогической поддержки (О.С. Газман) ориентирует на помощь студенту в самоопределении, в решении его личностных проблем. В контексте патриотического воспитания это означает, что педагог помогает студенту осмыслить свой семейный опыт, связать его с более широким историческим и культурным контекстом, найти личностные смыслы в гражданской идентичности.

Принцип диалогичности (М.М. Бахтин, В.С. Библер) предполагает, что воспитание осуществляется в пространстве диалога равноправных сознаний. Педагог не транслирует истину в последней инстанции, но вступает со студентом в диалог о ценностях, смыслах, жизненных ориентирах. Подобные диалоги показали свою эффективность еще со времен Сократа и имеют существенное значение при обучении взрослых [24, 25].

Изученные подходы, их содержание и методы в нашем исследовании адаптируются с точки зрения не только значимости патриотического воспитания, но и соответствия уровню развития личности, ее интересов, потребностей. Для студенческого возраста характерно стремление к самоопределению, поиску пути формирования идентичности, критическому переосмыслению полученных ранее знаний. Патриотическое воспитание в семейноцентрической модели как раз и отвечает возрастным задачам, помогая студенту найти свое место в системе социальных связей и отношений.

Особое внимание в исследовании уделено проблематике установления этических границ при использовании семейных традиций в воспитательных целях, в системе высшего образования. Применяемый нами этический подход предполагает уважительное отношение к семейному опыту студента.

Методология и дизайн эмпирического исследования

Эмпирическое исследование, результаты которого представлены в данной работе, было реализовано с применением количественной стратегии сбора первичной социологической информации. Основным методом выступил онлайн-опрос (анкетирование) с использованием формализованного инструментария. Данный метод был избран в силу его эффективности для сбора стандартизированной информации от относительно большого числа респондентов за короткий промежуток времени, а также благодаря возможности обеспечить анонимность, что потенциально способствует большей искренности при ответах на чувствительные вопросы, касающиеся семейных отношений и личных убеждений.

Сбор данных проводился в период с января по февраль 2026 г. Целевую аудиторию анкетирования составили студенты высших учебных заведений, что позволило сфокусироваться на изучении ценностных ориентаций и социальных установок современной молодежи в контексте их первичной социализации. Основным каналом распространения анкеты выступили цифровые платформы и социальные сети, преимущественно ориентированные на студенческое сообщество ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет». Такой подход, при всей своей эффективности для достижения целевой аудитории, накладывает определенные ограничения на репрезентативность выборки, что будет подробно рассмотрено далее.

В опросе приняли участие 93 респондента. Объем выборки достаточен для проведения количественной оценки и качественного анализа с использованием методов описательной и аналитической математической статистики, включая выявление статистически значимых корреляционных связей и межгрупповых различий.

В выборке преобладают женщины – 88 человек. Средний возраст участников исследования составляет 21,8 года, что соответствует молодежному характеру выборки.

Большинство участников из числа студентов НГПУ, а именно 91,4% находятся в возрастном интервале от 18 до 26 лет. Из них: выходцев из крупных городов – 39,8%; поселков городского типа – 30,1%; средних и малых городов – 11,8%; жителей сел и деревень – 10,8%; городов федерального подчинения – 7,5%.

Данный фактор позволяет оценить влияние базовых средовых условий на становление патриотического сознания в процессе обучения в высшей школе.

Более половины участников (53 человека, 57,0%) не состоят в официальном браке. В незарегистрированных отношениях находятся 24 респондента (25,8%). Женаты и замужем 14 человек (15,1%). Двое участников (2,1%) не дали ответа. Более четверти опрошенных находится в незарегистрированных отношениях, что отражает современную тенденцию к распространению альтернативных форм семейного союза.

Распределение ответов на вопрос о характере атмосферы в родительской семье является важным индикатором эмоционального фона взросления. Категорию «Очень теплые, доверительные, поддерживающие» выбрали 43 респондента (46,2%). Это свидетельствует о том, что почти половина выборки воспитывалась в атмосфере эмоциональной близости и безопасности. Вариант «Скорее доброжелательные и ровные» выбрали 36 респондентов (38,7%). В сумме позитивно оценивают климат в своей семье 84,9% респондентов. Нейтральные оценки («каждый живет своей жизнью») дали 8 респондентов (8,6%). Негативные оценки («холодные, отстраненные» и «скорее напряженные, с частыми конфликтами») выбрали 2 (2,2%) и 4 (4,3%) респондента соответственно.

Такое распределение создает благоприятный фон для исследования трансляции ценностей, так как позитивная семейная атмосфера является важнейшим условием эффективности воспитательных воздействий.

На вопрос о роли других старших родственников в семье были получены следующие ответы: «Очень значительная, их влияние сопоставимо с родительским» выбрали 49 респондентов (52,7%). Более половины опрошенных выросли в тесном контакте с прародителями, которые играли активную роль в их социализации. Это указывает на сохранение в значительной части семей элементов традиционной расширенной семейной структуры и подчеркивает потенциал для межпоколенческой передачи опыта и исторической памяти. Вариант «Скорее вспомогательная, дополняющая» выбрали 34 респондента (36,6%), «минимальная, эпизодическая роль» – 8 опрошенных (8,6%). Вариант «Никакая» – 2 респондента (2,1%). Совокупная доля тех, кто указал на значительную или вспомогательную роль старших родственников, составляет 89,3%, что подтверждает наличие каналов прямой трансляции семейных нарративов и исторической памяти из поколения в поколение.

Анализ ответов на вопрос о принципах, характеризовавших стиль воспитания в семье, позволяет выявить доминирующие воспитательные установки. Наиболее часто респонденты выбирали следующие принципы: «Открытость и доверительность в общении» (67,7% от общего числа выбравших данный вариант), «Активная помощь в развитии и решении проблем» (59,1%), «Вовлечение детей в обсуждение семейных дел как равных» (52,7%), «Гуманизм и милосердие» (48,4%). Значительно реже отмечались «Последовательность и справедливость требований» (30,1%), «Жесткий контроль и требование беспрекословного послушания» (11,8%), «Предоставление полной свободы, невмешательство» (9,7%).

Полученные данные свидетельствуют о преобладании демократического стиля воспитания в семьях респондентов, характеризующегося доверительностью, открытостью, вовлеченностью детей в обсуждение семейных дел и активной поддержкой со стороны родителей. Авторитарные тенденции (жесткий контроль) и попустительство (невмешательство) представлены незначительно.

Оценка частоты использования конкретных методов воспитания по 5-балльной шкале показала следующие средние значения: «Личный пример» – 4,2; «Поощрение» – 4,1; «Обсуждение, разъяснение, беседа» – 4,0; «Совместная деятельность» – 3,9; «Опора на семейные традиции» – 3,7; «Наказание» – 2,8.

Качественный анализ результатов показал, что у современного студента преобладают такие значимые качества, как ответственность – 89,2%, честность и справедливость – 84,9%, уважение к старшим, забота о младших – 76,3%, трудолюбие – 72,0%, сила воли, умение преодолевать трудности – 68,8%, милосердие и сострадание – 64,5%, любовь к знаниям, стремление к саморазвитию – 62,4%.

Оценка важности различных тем для обсуждения в семье по 5-балльной шкале показала следующие средние значения: «Значение честного слова и личной ответственности» – 4,5; «История нашей семьи, предков, рода» – 4,1; «Бережное отношение к природе и малой родине» – 4,0; «Уважение к культуре и традициям народов России» – 3,8; «История России, ее герои и переломные события» – 3,7; «Важность выполнения своего гражданского долга» – 3,5.

Анализ ответов о наличии семейных традиций показал, что наиболее распространены традиции, связанные с семейными датами (дни рождения, годовщины, память об ушедших родственниках) – их отметили 87,1% респондентов. Традиции, связанные с отечественными праздниками, присутствуют в 76,3% семей. Религиозные праздники отмечают 52,7% респондентов, профессиональные и локальные праздники – 31,2%.

Формы празднования Дня Победы и других памятных дат распределились следующим образом: праздничный семейный ужин, застолье – 48,4%; просмотр телетрансляций, парада, фильмов вместе – 41,9%; посещение мемориалов, возложение цветов – 38,7%;

встреча с ветеранами, семейные воспоминания – 21,5%; не отмечали особым образом – 16,1%.

Анализ содержания семейных повествований показал, что наиболее распространены истории из детства и молодости (72,0%). Далее следуют: жизнь в советский период (быт, ценности, события) – 41,9%; трудовая биография, профессиональные достижения – 38,7%; опыт участия в Великой Отечественной войне или работе в тылу – 25,8%; об отсутствии таких рассказов или их фрагментарности заявили 10,8% респондентов.

Ответы студентов на вопрос о ключевых определениях патриотизма распределились следующим образом: «Гордость за историю, культуру и достижения своей страны» – 71,0%; «Любовь к природе, малой родине, месту, где родился» – 64,5%; «Готовность защищать свою страну в случае угрозы» – 51,6%; «Чувство глубокой связи с народом, его традициями и судьбой» – 41,9%; «Конструктивная критическая позиция, желание работать на улучшение своей страны» – 23,7%; «Уважение к государственным символам» – 19,4%.

Определение уровня патриотических чувств и гражданской ответственности осуществлялось с помощью согласия с утверждениями по 5-балльной шкале и показало следующие средние значения:

– «Я испытываю чувство гордости, когда слышу о значимых достижениях России в науке, спорте, культуре» – 4,7;

– «Я считаю, что каждый гражданин обязан как минимум быть законопослушным и добросовестно трудиться на благо общества» – 4,6;

– «Существуют вещи, ради защиты которых я готов на серьезные жертвы (семья, близкие, Родина)» – 4,5;

– «История России, со всеми ее победами и трагедиями, вызывает у меня живой эмоциональный отклик» – 4,4;

– «Я считаю необходимым для себя лично способствовать развитию и процветанию своего региона и страны в будущем» – 4,4;

– «Я верю, что будущее России зависит в том числе и от моих личных действий» – 4,2.

Полученные данные свидетельствуют о высоком уровне патриотических чувств и гражданской ответственности у респондентов. Наиболее высокие оценки получили утверждения, связанные с эмоциональным принятием страны и признанием гражданского долга.

На вопрос о степени влияния семейного воспитания на формирование отношения к Родине ответы распределились следующим образом: «Решающая степень, основные взгляды сформированы в семье» – 38,7%; «Значительная степень, наравне со школой и вузом» – 41,9%; «Определенная степень, но в большей мере повлияли другие факторы» – 12,9%; «Практически не повлияло» – 4,3%; затруднились оценить – 2,2%.

Совокупная доля признающих решающее или значительное влияние семьи составляет 80,6%, что подтверждает центральную роль семьи в формировании патриотических установок.

На открытый вопрос о конкретных аспектах семейного воспитания, оказавших наибольшее влияние, наиболее часто назывались: беседы и рассказы об истории семьи и страны (34,4%), личный пример родителей (31,2%), семейные традиции (28,0%), совместный просмотр фильмов и чтение книг (15,1%).

На вопрос о наличии в учебной программе содержания, направленного на патриотическое воспитание, 73,1% респондентов ответили утвердительно. Среди форм такой работы назывались: лекции и курсы по истории (58,1%), встречи с ветеранами и героями (44,1%), волонтерские проекты (36,6%), классные часы и «Разговоры о важном» (32,3%), военно-патриотические клубы (18,3%).

Для выявления взаимосвязей между характеристиками семейного воспитания и сформированностью патриотических установок был проведен корреляционный анализ с использованием критерия Пирсона.

Выявлены следующие значимые результаты:

1. Позитивная семейная атмосфера положительно коррелирует:

– с уровнем патриотических чувств ($r = 0,41$);

– готовностью к гражданскому участию ($r = 0,38$);

– признанием влияния семьи на формирование патриотических установок ($r = 0,52$).

2. Частота использования методов «личный пример» и «беседа» положительно коррелирует:

– с пониманием патриотизма как любви к малой родине ($r = 0,35$);

– участием в мероприятиях исторической памяти ($r = 0,33$);

– интересом к истории семьи ($r = 0,47$).

3. Наличие семейных традиций, связанных с историческими датами, положительно коррелирует:

– с участием в акциях памяти ($r = 0,44$);

– эмоциональным откликом на историю страны ($r = 0,39$);

– сохранением семейных реликвий ($r = 0,51$).

4. Частота рассказов старших родственников положительно коррелирует:

– с знанием истории семьи ($r = 0,58$);

– интересом к истории России ($r = 0,36$);

– готовностью к изучению истории края ($r = 0,42$).

5. Субъективная значимость тем истории семьи в семейном дискурсе положительно коррелирует с:

– интересом к истории России ($r = 0,53$);

– участием в мероприятиях исторической памяти ($r = 0,37$);

– пониманием патриотизма как связи с народом и его судьбой ($r = 0,45$).

Полученные корреляции подтверждают наличие устойчивой связи между семейными традициями трансляции ценностей и исторической памяти и формированием патриотических установок у студентов. Особенно значимой представляется связь между коммуникацией поколений. Рассказы старших, семейные традиции и эмоционально-ценностные отношения к истории и культуре формируют основу патриотического сознания у студентов педагогического вуза.

Заключение

В результате исследования подтверждена гипотеза о центральной роли семьи в формировании патриотического сознания студентов педагогических вузов. Высо-

кий уровень влияния семьи (80,6%), значимые корреляции между семейными ценностями и патриотическими установками свидетельствуют о том, что семья выступает не только как институт социализации, но фундамент формирования ценностно-смысловой сферы личности.

Особого внимания заслуживает выявленный межпоколенческий переход в трансляции семейной истории. Более половины респондентов (52,7%) указали на значительную роль дедов и бабушек в их воспитании, а частота их рассказов получила наиболее высокие оценки. Это подтверждает тезис Д.С. Лихачева о том, что любовь к большому Отечеству начинается с любви к своему дому, семье и малой родине.

В рамках нашего исследования необходимо подчеркнуть, что формирование патриотических качеств у студенческой молодежи наиболее эффективно происходит при согласованном взаимодействии семьи, высшей школы в опоре на вызовы современному обществу. Данные исследования позволяют сделать вывод, что большинство респондентов оценивают влияние школы и вуза как дополняющее и усиливающее семейные установки, что свидетельствует о наличии «бесшовного» воспитательного пространства для значительной части студентов.

Выявленная значимость повествований родственников с целью формирования интереса к истории семьи имеет важное значение для формирования патриотического сознания будущих педагогов и подтверждает значение устной истории как механизма передачи ценностей от поколения к поколению. К сожалению, носителей подобных семейных историй становится меньше, в связи с этим проблема сохранения и передачи военно-исторической памяти через поколение становится значимой задачей и во многом зависит от того, насколько в семьях сохраняются ордена, медали, фотографии, документы.

В результате исследования представлен ряд выводов, имеющих существенное значение для понимания проблемы воспитания патриотического сознания будущих педагогов в контексте семейной социализации.

Теоретический анализ показал многообразие подходов и концепций воспитания патриотического сознания, многие из которых оказались разрозненными и недостаточно систематизированными в контексте современных вызовов и в основном ограничивались догматизмом. Это создает риски для процесса патриотического воспитания и требует переосмысления традиционных подходов, формирования новых научных подходов, базирующихся на семейных традициях и ценностях, индивидуализации воспитательной деятельности, в том числе в ее этических аспектах, задающих границы и обеспечивающих баланс личности и общества.

Эмпирическое исследование на выборке из 93 студентов Новосибирского государственного педагогического университета подтвердило центральную роль семьи в формировании патриотических установок. Выявлены: высокая оценка семейной атмосферы как позитивной (84,9%); значительная роль старшего поколения в воспитании (89,3%); преобладание демократического стиля воспитания; приоритет традиционных нравственных ценностей в семейном воспитании. Установлены значимые корреляции между семейными практиками (личный пример родителей, беседы, семейные традиции, рассказы старших) и сформированностью патриотических установок у студентов.

В заключение подчеркнем, что без объединения ценностей семьи и высшей школы в формировании патриотического сознания личности будущего учителя – носителя и транслятора нравственности и традиционных духовно-нравственных ценностей – возникают существенные трудности. Только создание единого воспитательного пространства, где семейные ценности находят продолжение и развитие в образовательной среде, может обеспечить формирование подлинного патриотизма, основанного не на внешних требованиях, а на внутреннем принятии и личностном смысле.

На основе теоретического анализа и эмпирических данных обоснована необходимость «бесшовного» воспитательного процесса, объединяющего ресурсы семьи и высшей школы в формировании патриотического сознания будущего учителя как носителя и транслятора традиционных духовно-нравственных ценностей. Определены этические границы педагогического воздействия, обеспечивающие баланс между формированием гражданской позиции и развитием автономии личности.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/77839.html?ysclid=m6yzotz169239630843 (дата обращения: 09.04.2026).
2. Ценности молодёжи. Топ-3 жизненных ориентиров российской молодёжи: высокий уровень благополучия, спокойная жизнь и возможность приносить пользу своему народу // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi (дата обращения 05.04.2026).
3. Туленкова Л.А. Личностно-ориентированный подход в формировании личностных универсальных учебных действий // Научное обозрение. Педагогические науки. 2019. № 5-1. С. 15–19.
4. Бондаревская Е.В. Теория и практика личностно ориентированного образования. Ростов н/Д : Булат, 2000. 351 с.
5. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М. : Смысл, 2019. 582 с.
6. Фролова К.А. Тенденции патриотического воспитания в современном вузе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2022. Вып. 4 (845). С. 56–60. doi: 10.52070/2500-3488_2022_4_845_56
7. Лаврик Е.Ю., Курносова Е.А. Современные проблемы высшего образования в Российской Федерации и мире // Цивилизационные перемены в России. 2024. С. 148–155.
8. Казаева Е.А., Чхетиани Н.С., Пономарева Л.И. Патриотизм как инструмент формирования гражданской идентичности: анализ представлений студентов // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11, № 2. URL: https://mir-nauki.com/PDF/23PDMN223.pdf (дата обращения: 20.04.2026).
9. Аристотель. Политика. М. : Юрайт, 2025. 297 с.
10. Газман О.С. Неклассическое воспитание: от авторитарной педагогики к педагогике свободы. М. : Мирос, 2002. 296 с.
11. Гусаковский М.А. Попытка рефлексии опыта детского и молодёжного движения 60-х годов // Социальная педагогика. 2023. № 4. С. 16–20.

12. Сериков В.В. Педагогическое исследование: в поисках путей повышения качества // Образование и наука. 2015. № 7. С. 4–23.
13. Караковский В.А., Новикова Л.И., Селиванова Н.Л. Воспитание? Воспитание... Воспитание! Теория и практика школьных воспитательных систем. М. : Педагогическое общество России, 2000. 252 с.
14. Saidkasimovich U.M. Principles of Improving the Methodology of Patriotic Education // International Journal of Pedagogics. 2025. Vol. 5 (04). P. 230–233. doi: 10.37547/ijp/Volume05Issue04-60
15. Антонова Ю.П. Патриотическое воспитание в общеобразовательных учреждениях и его практические аспекты // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5, № 4. С. 483–488. doi: 10.33619/2414-2948/41/72
16. Straughn J.B., Andriot A.L. Education, civic patriotism, and democratic citizenship: Unpacking the education effect on political involvement // Sociological Forum. 2011. Vol. 26, № 3. P. 556–580. doi: 10.1111/j.1573-7861.2011.01262.x.
17. Голованова Н.Ф. Подходы к воспитанию в современной отечественной педагогике // Педагогика: научно-теоретический журнал. 2007. № 10. С. 38–47.
18. Гликман И.З. Воспитание или формирование? // Педагогика. 2000. № 5. С. 20–23.
19. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология : учеб. для студ. высш. учеб. заведений, обучающихся по педагогическим специальностям. М. : Academia, 2002. 500 с.
20. Ушинский К.Д. Педагогические сочинения : в 6 т. Т. 5. М. : Педагогика, 1990. 526 с.
21. Игнатова В.А. Педагогические аспекты синергетики // Педагогика. 2001. № 8. С. 26–31.
22. Ямбург Е.А. «С умным – хлопотно, с дураком – плохо. Надо б что-то среднее. Да где ж его взять?» // Народное образование. 2024. № 3 (1506). С. 23–28.
23. Мудрик А.В. Социализация человека. М. : МПСИ, 2011. 624 с.
24. Кан-Калик В.А. Учителю о педагогическом общении. М. : Просвещение, 1987. 190 с.
25. Bandura A. Social Learning Theory. Englewood Cliffs, NJ : Prentice Hall, 1977. 247 p.

References

1. Russian Federation. President. (2022) *Ukaz Prezidenta RF ot 09.11.2022 g. № 809 "Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiyskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostey"* [Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of 09.11.2022 'On approval of the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values']. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/77839.html (Accessed: 09.04.2026).
2. WCIOM. (n.d.) *Tsennosti molodezhi. Top-3 zhiznennykh orientirov rossiyskoy molodezhi: vysokiy uroven' blagopoluchiya, spokoynaya zhizn' i vozmozhnost' prinosit' pol'zu svoyu narodu* [Values of Youth. Top-3 Life Guidelines of Russian Youth: A High Level of Well-Being, a Calm Life and the Opportunity to Benefit One's People]. [Online] Available from: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi (Accessed: 05.04.2026).
3. Tulenkova, L.A. (2019) Lichnostno-orientirovannyy podkhod v formirovanii lichnostnykh universal'nykh uchebnykh deystviy [Personality-oriented approach in the formation of personal universal learning actions]. *Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki – Scientific Review. Pedagogical Sciences*. 5-1. pp. 15–19.
4. Bondarevskaya, E.V. (2000) *Teoriya i praktika lichnostno orientirovannogo obrazovaniya* [Theory and Practice of Personality-Oriented Education]. Rostov-on-Don: Bulat. 351 p.
5. Leont'ev, D.A. (2019) *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy real'nosti* [The Psychology of Meaning: Nature, Structure and Dynamics of Meaning Reality]. Moscow: Smysl. 582 p.
6. Frolova, K.A. (2022) Tendentsii patrioticheskogo vospitaniya v sovremennom vuze [Trends of patriotic education in the modern university]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki – Bulletin of Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Sciences*. 4 (845). pp. 56–60. doi: 10.52070/2500-3488_2022_4_845_56
7. Lavrik, E.Yu. & Kurnosova, E.A. (2024) Sovremennye problemy vysshego obrazovaniya v Rossiyskoy Federatsii i mire [Modern problems of higher education in the Russian Federation and the world]. *Tsivilizatsionnye peremeny v Rossii – Civilisational Changes in Russia*. pp. 148–155.
8. Kazaeva, E.A., Chkhetiani, N.S. & Ponomareva, L.I. (2023) Patriotizm kak instrument formirovaniya grazhdanskoy identichnosti: analiz predstavleniy studentov [Patriotism as a tool for forming civic identity: an analysis of students' perceptions]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya – World of Science. Pedagogy and Psychology*. 11 (2). [Online] Available from: https://mir-nauki.com/PDF/23PDMN223.pdf (Accessed: 20.04.2026).
9. Aristotle. (2025) *Politika* [Politics]. Moscow: Yurayt. 297 p.
10. Gazman, O.S. (2002) *Neklassicheskoe vospitanie: ot avtoritarnoy pedagogiki k pedagogike svobody* [Non-Classical Upbringing: From Authoritarian Pedagogy to the Pedagogy of Freedom]. Moscow: Miros. 296 p.
11. Gusakovskiy, M.A. (2023) Popytka refleksii opyta detskogo i molodezhnogo dvizheniya 60-kh godov [An attempt at reflecting on the experience of the children's and youth movement of the 1960s]. *Sotsial'naya pedagogika – Social Pedagogy*. 4. pp. 16–20.
12. Serikov, V.V. (2015) Pedagogicheskoe issledovanie: v poiskakh putey povysheniya kachestva [Pedagogical research: in search of ways to improve quality]. *Obrazovanie i nauka – Education and Science*. 7. pp. 4–23.
13. Karakovskiy, V.A., Novikova, L.I. & Selivanova, N.L. (2000) *Vospitanie? Vospitanie... Vospitanie! Teoriya i praktika shkol'nykh vospitatel'nykh system* [Upbringing? Upbringing… Upbringing! Theory and Practice of School Upbringing Systems]. Moscow: Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii. 252 p.
14. Saidkasimovich, U.M. (2025) Principles of Improving the Methodology of Patriotic Education. *International Journal of Pedagogics*. 5 (04). pp. 230–233. doi: 10.37547/ijp/Volume05Issue04-60
15. Antonova, Yu.P. (2019) Patrioticheskoe vospitanie v obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh i ego prakticheskie aspekty [Patriotic education in general educational institutions and its practical aspects]. *Byulleten' nauki i praktiki – Bulletin of Science and Practice*. 5 (4). pp. 483–488. doi: 10.33619/2414-2948/41/72
16. Straughn, J.B. & Andriot, A.L. (2011) Education, civic patriotism, and democratic citizenship: Unpacking the education effect on political involvement. *Sociological Forum*. 26 (3). pp. 556–580. doi: 10.1111/j.1573-7861.2011.01262.x
17. Golovanova, N.F. (2007) Podkhody k vospitaniyu v sovremennoy otechestvennoy pedagogike [Approaches to upbringing in modern Russian pedagogy]. *Pedagogika: nauchno-teoreticheskiy zhurnal – Pedagogy: Scientific and Theoretical Journal*. 10. pp. 38–47.
18. Glikman, I.Z. (2000) Vospitanie ili formirovanie? [Upbringing or formation?]. *Pedagogika – Pedagogy*. 5. pp. 20–23.
19. Petrovskiy, A.V. & Yaroshevskiy, M.G. (2002) *Psikhologiya* [Psychology]. Moscow: Academia. 500 p.
20. Ushinskiy, K.D. (1990) *Pedagogicheskie sochineniya : v 6 t. T. 5* [Pedagogical Works: in 6 vols. Vol. 5]. Moscow: Pedagogika. 526 p.
21. Ignatova, V.A. (2001) Pedagogicheskie aspekty sinergetiki [Pedagogical aspects of synergetics]. *Pedagogika – Pedagogy*. 8. pp. 26–31.
22. Yamburg, E.A. (2024) "S umnym — khlopotno, s durakom — plokho. Nado b chto-to srednee. Da gde zh ego vzyat'?" ['With a smart one it's troublesome, with a fool it's bad. We need something in between. But where can we find it?']. *Narodnoe obrazovanie – Public Education*. 3 (1506). pp. 23–28.
23. Mudrik, A.V. (2011) *Sotsializatsiya cheloveka* [Human Socialisation]. Moscow: MPSI. 624 p.
24. Kan-Kalik, V.A. (1987) *Uchitelyu o pedagogicheskom obshchenii* [To the Teacher about Pedagogical Communication]. Moscow: Prosveshchenie. 190 p.

25. Bandura, A. (1977) *Social Learning Theory*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall. 247 p.

Информация об авторах:
Чеснокова Г.С. – канд. пед. наук, доцент кафедры теории и методики дошкольного образования, Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия). E-mail: g.chesnokova2@gmail.com
Агавелян Р.О. – д-р психол. наук, профессор кафедры коррекционной педагогики и психологии, Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия). E-mail: ruben_h_ag@mail.ru
Рюмина Т.В. – канд. психол. наук, доцент кафедры психологии и педагогики, Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия). E-mail: abtngs@yandex.ru
Абрамова В.В. – старший преподаватель кафедры коррекционной педагогики и психологии, Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия). E-mail: virtal.abramova@yandex.ru
Казиева Г.К. – канд. пед. наук, директор Института педагогики и психологии, Кыргызский государственный университет имени И. Арабаева (Бишкек, Кыргызская Республика). E-mail: kazieva.gulzat@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
G.S. Chesnokova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: g.chesnokova2@gmail.com
R.O. Agavelyan, Dr. Sci. (Psychology), professor, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: ruben_h_ag@mail.ru
T.V. Ryumina, Cand, Sci. (Psychology), associate professor, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: abtngs@yandex.ru
V.V. Abramova, senior lecturer, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: virtal.abramova@yandex.ru
G.K. Kazieva, Cand. Sci. (Pedagogics), director of the Institute of Pedagogy and Psychology, Kyrgyz State University named after I. Arabayev (Bishkek, Kyrgyz Republic). E-mail: kazieva.gulzat@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.05.2026;
одобрена после рецензирования 05.06.2026; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 11.05.2026;
approved after reviewing 05.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 796.01:378.172
doi: 10.17223/15617793/527/24

О физической и функциональной подготовленности студенток поколения Z: результаты пятилетнего мониторинга

Евгения Александровна Широкова[1], Вера Степановна Макеева[2], Марина Анатольевна Щеголева[3]

[1, 3] Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия
[2] Российский университет спорта, Москва, Россия
[1] kaktus86@mail.ru
[2] vera_191@mail.ru
[3] aerolama@yandex.ru

Аннотация. Произведен мониторинг физической и функциональной подготовленности студенток 17–18 лет за период с 2020 по 2025 учебный год, общий объём выборки оставил 246 человек. Установлено статистически значимое снижение результативности следующих контрольных нормативов: подъем туловища из положения лёжа, наклоны вперёд из положения стоя на гимнастической скамье, количество прыжков на скакалке. При исследовании функционального состояния сердечно-сосудистой системы было выявлено статистически значимое увеличение частоты сердечных сокращений, не выходящее за пределы нормы для данной возрастной категории.
Ключевые слова: студенты, девушки, поколение зумеров, физическая подготовленность, функциональная подготовленность, кардиореспираторная система, физическая культура, двигательная активность, адаптация нагрузок

Для цитирования: Широкова Е.А., Макеева В.С., Щеголева М.А. О физической и функциональной подготовленности студенток поколения Z: результаты пятилетнего мониторинга // Вестник Томского государственного университета. 2026. № 527. С. 215–223. doi: 10.17223/15617793/527/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/527/24

About the physical and functional preparedness of Generation Z female students: Results of a five-year monitoring

Evgeniya A. Shirokova[1], Vera S. Makeeva[2], Marina A. Shchegoleva[3]

[1, 3] Kaluga State University, Kaluga, Russian Federation
[2] Russian University of Sport GTSOLIFK, Moscow, Russian Federation
[1] kaktus86@mail.ru
[2] vera_191@mail.ru
[3] aerolama@yandex.ru

Abstract. The decline in physical and functional health among student youth raises significant concerns among contemporary researchers. The habits being formed in Generation Z youth, coupled with current trends aimed at optimizing physical education hours, exacerbate these changes. Such trends negatively influence the functioning of mental processes and impair the ability to assimilate and process external information, thereby making the investigation of these dynamics and the development of effective interventions highly relevant. The objective of this study is to analyze the physical fitness and the functional condition of the cardio-respiratory system in female students aged 17–18. Assessment of physical preparedness involved compliance with established standards: trunk lift from a supine position, flexion and extension of arms in a prone push-up position, forward bending from a standing position on a gymnastics bench, jumping rope, and the Romberg-2 test. Evaluation of the cardio-respiratory system included: resting and post-load heart rate measurement, blood pressure assessment (systolic and diastolic), the Stange test, and the Genchi test. Calculated indices based on standard formulas included: pulse arterial pressure, circulatory efficiency coefficient, Kvass coefficient, and the Kerdo vegetative index. The study sample consisted of full-time female students at K.E.Tsiolkovsky Kaluga State University, who opted for the "Fitness" elective course in physical education. The inclusion criteria were females aged 17–18 without restrictions on physical activity. The total sample size was 246 students. The data analysis was conducted using IBM SPSS Statistics 26. For each indicator, the mean value and standard deviation were calculated. To determine differences between indicators, Student's t-test for independent samples was used. The Shapiro-Wilk test was employed to assess the normality of the distribution. Over the five-year period, statistically significant declines were observed in the performance of standardized tests: trunk lifts from the lying position decreased by 22.4%, forward bend from standing on a bench decreased by 13.33%, and the number of rope jumps decreased by 10.71%. Assessment of the cardio-respiratory system revealed a statistically significant increase in resting heart rate within normal physiological limits, along with a negative cardiac response to exertion in most participants. Furthermore, there was a statistically significant increase in the circulatory efficiency coefficient and

© Широкова Е.А., Макеева В.С., Щеголева М.А., 2026

the Kerdo vegetative index, indicative of sympathetic nervous system predominance and suboptimal cardiovascular functioning. These trends highlight the need to adapt existing physical education programs to the capabilities of students: it is necessary to influence not only the physical condition by creating a "basis" of physical fitness but also to pay attention to the psychological aspect, relieving mental tension that results from established habits and trends that develop in the educational process.
Keywords: students, girls, Generation Z, physical fitness, functional fitness, cardio-respiratory system, physical culture, motor activity, load adaptation

***For citation*:** Shirokova, E.A., Makeeva, V.S. & Shchegoleva, M.A. (2026) About the physical and functional preparedness of Generation Z female students: Results of a five-year monitoring. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 527. pp. 215–223. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/527/24

Актуальность

Состояние учащейся молодежи вызывает определенные опасения у современных исследователей. Сложившиеся привычки современной молодёжи связаны с цифровым взаимодействием в сети Интернет, что ведет к перегруженности информацией; смене режима жизни (несоблюдение традиционных правил работы и отдыха, нарушение сна); внедрению компьютерных игр в процесс развития и образования [1]. В соответствии с теорией поколений, сложившейся в социологии, современных юношей и девушек 17–18 лет относят к поколению Z (поколению зумеров). Новые условия, в которых развивалось данное поколение, связаны с массовым распространением смартфонов, социальных сетей и онлайн-платформ [2]. Исследователи отмечают, что наряду с положительной перестройкой психических качеств (высокая скорость работы мозга, интерактивность, многозадачность, развитое пространственное мышление, умение обращаться с цифровыми технологиями) отмечаются и негативные влияния, проявляющиеся в клиповом мышлении, ослаблении понимания причинно-следственных связей, отсутствии мотивации думать самостоятельно и в часто возникающем желании доверять решение задач интернету и искусственному интеллекту [2, 3]. Деятельность в интернете далеко не лучшим образом влияет на уровень двигательной активности, физическую и функциональную подготовленность, а некоторые авторы отмечают, что на протяжении последнего десятилетия увеличивается количество студентов, отнесенных по состоянию здоровья к подготовительной и специальной медицинским группам [4]. В связи с происходящими процессами актуальным полем для исследований является поиск средств физического воспитания, способствующих не только улучшению физических качеств и функциональных возможностей в «мягком» режиме, но и снижению нервно-психического напряжения, а также оптимизации когнитивных процессов, поскольку большое количество информации, поступающей «извне», ведет к серьезным перегрузкам [5].

Современные исследования указывают на тот факт, что ухудшение физической подготовленности начинается уже в дошкольном возрасте [6]. В школьный период складывающиеся тенденции усугубляются: постепенно увеличивается учебная нагрузка (за счет не только основных, но и дополнительных секций и кружков), при этом школьники далеко не всегда ставят физкультуру в список ведущих ценностей, что отражается на мотивации к ней и на общем уровне двигательной активности [7]. В высших учебных заведениях также присутствуют факторы, влияющие на снижение уровня подготовленности: Т.А. Мартиросова причисляет к ним содержание ФГОС 3++, согласно которому программа по физической культуре в технических вузах сокращена с 400 до 328 ч [8].

Тенденции последнего времени связаны с вынесением практических часов по физической культуре на самостоятельное изучение, в результате чего очные практические занятия проходят всего лишь один раз в неделю. В то же самое время результаты исследования Т.А. Рудевой с соавторами подтверждают тот факт, что занятия физической культурой один раз в неделю далеко не лучшим образом сказываются на состоянии здоровья студентов и приводят к ухудшению функциональных резервов сердечно-сосудистой системы на протяжении времени обучения в университете [9]. Среди негативных факторов важную роль играют и приоритеты руководящего звена: первокурсники часто освобождаются от занятий физической культурой из-за необходимости участвовать во внеучебных мероприятиях, а в отдельных учреждениях дисциплина вообще вынесена за сетку расписания [10].

Складывавшиеся в образовательном процессе тенденции и привычки поколения Z обусловили выбор **цели исследования**: оценить динамику физической подготовленности и состояние кардиореспираторной системы девушек 17–18 лет за период наблюдений с 2020 по 2025 г. и определить наиболее уязвимые показатели, связанные с образом жизни студентов вуза.

Материалы и методы

Общий объём выборки за время исследования составил 246 человек, обучающихся на 1-м курсе очного отделения КГУ им. К. Э. Циолковского (гуманитарные специальности): 52 респондента – в 2020/21 уч. г., 45 респондентов – в 2021/22, 50 респондентов – в 2022/23, 51 респондент – в 2023/24, 48 респондентов – в 2024/25 уч. г. Ежегодное тестирование проводилось в 1-м семестре, через 3 недели после начала учебного процесса (в конце сентября). В рамках практических занятий физической культурой в дневное время (на 4–5-й парах) у респондентов последовательно собирали замеры функционального состояния кардиореспираторной системы, а затем они выполняли контрольные нормативы.

Для оценки уровня физической подготовленности и исходя из возможностей материально-технической базы КГУ им. К.Э. Циолковского, нами были подобраны общепринятые нормативы: подъем туловища из

положения лежа (для оценки силы мышц брюшного пресса и выносливости), сгибание-разгибание рук в упоре лёжа (для оценки силы мышц рук и верхнего плечевого пояса), наклон из положения стоя на гимнастической скамье (для оценки гибкости), прыжки на скакалке (для оценки аэробной выносливости и координации).

Для оценки координации движений и равновесия нами использовался усложненный вариант пробы Ромберга (с закрытыми глазами; стопы на одной линии, пятка к носку, руки разведены в стороны). В координационной пробе оценивалось время сохранения устойчивости: при наличии сильных покачиваний / при потере равновесия секундомер останавливался.

Для оценки функционального состояния кардиореспираторной системы применялись следующие тесты: подсчёт частоты сердечных сокращений (далее – ЧСС) в покое и после нагрузки (20 приседаний за 30 с), измерение систолического и диастолического давления, проба Штанге, проба Генчи. Пробы с задержкой дыхания выполнялись в начале батареи тестов. Протокол пробы Штанге выглядел следующим образом: после небольшого отдыха в положении сидя респондент выполнял несколько дыхательных циклов, затем глубокий вдох, после которого задерживал дыхание (в этот момент запускался секундомер, который останавливался в момент выдоха). Аналогичным образом выполнялась проба Генчи (задержка дыхания на выдохе): фиксировалось время от задержки дыхания до вынужденного вдоха. По общепринятым формулам подсчитывалось пульсовое артериальное давление, коэффициент экономизации кровообращения (КЭК), коэффициент Квааса (КВ) и вегетативный индекс Кердо (ВИК). Данные показатели и коэффициенты позволяют наиболее точно определить функциональное состояние кардиореспираторной системы, вследствие чего они были включены в общую батарею тестов.

Применяемое оборудование: секундомеры, тонометр Omron M2 Basic ARU, гимнастическая скамья для наклонов с нанесенной разметкой, платформа для отжиманий со счётчиком, скакалки различной длины.

Обработка результатов производилась в программном пакете IBM SPSS Statistics 26. По каждому из показателей рассчитывалось среднее значение, стандартное отклонение. Для проверки нормальности распределения был использован критерий Шапиро–Уилка. Для установления различий между показателями использовался параметрический Т-критерий Стьюдента для независимых выборок (данные сравнивались с результатами, полученными в 2020/21 уч. г.).

Результаты и их обсуждение

Проверка исследуемых показателей критерием Шапиро–Уилка подтвердила нормальность распределения и правомерность дальнейшего использования параметрических критериев в статистической обработке. В табл. 1 представлены средние значения и стандартные отклонения показателей контрольных нормативов, эмпирические значения Т-критерия Стьюдента и значимость различий каждого последующего года обучения по сравнению с данными, полученными за 2020/21 уч. г.

Таблица 1

Результаты исследования физической подготовленности студенток 1-го курса в период с 2020 по 2025 г.

Показатель	2020/21 N=52	2021/22 N=45	2022/23 N=50	2023/24 N=51	2024/25 N=48
Подъем туловища из положения лёжа (кол-во раз за 30 с)	24,7± 4,9	23,7± 4,5	22± 3	19,3± 3,3	19,2± 3,7
Эмпирические значения Т-критерия / достоверность различий		1,102/ >0,05	**3,055/ <0,01**	**6,537/ <0,01**	**6,354/ <0,01**
Сгибание–разгибание рук в упоре лёжа (кол-во раз)	10,4± 6,0	9,6± 6,0	8,8± 4,3	8,7± 4,9	8,7± 6,3
Эмпирические значения Т-критерия / достоверность различий		0,654/ >0,05	1,598/ >0,05	1,585/ >0,05	1,372/ >0,05
Наклон из положения стоя на гимнастической скамье (см)	15± 4,49	15,18± 5,15	13,6± 4,49	12,98± 5,23	13± 4,91
Эмпирические значения Т-критерия / достоверность различий		–0,182/ >0,05	1,573/ >0,05	**2,103/ <0,05**	**2,126/ <0,05**
Прыжки на скакалке (кол-во раз за 60 с)	123± 14,6	120,8± 11,7	115,7± 10,6	113,9± 14,3	109,8± 20
Эмпирические значения Т-критерия / достоверность различий		0,805 />0,05	**2,860/ < 0,01**	**3,199/ <0,01**	**3,778/ <0,01**

Отмечается прогрессивное снижение силы мышц пресса (средние значения составили 24,7 подъема в 2020/21 уч. г., в 2022/23 уч. г. различия стали статистически значимыми и продолжили снижаться, в 2024/25 уч. г. году они составили 19,2 подъема (различия с первоначальными замерами составили 22,3%, $p < 0,01$)). Показатель силы мышц рук (сгибания–разгибания рук в упоре лёжа) составил 10,4 в 2020/21 уч. г., к 2024/25 уч. г. данный показатель снизился на 16,34%, а среднее значение составило 8,7 (различия не подтвердились статистически). Необходимо отметить, что разброс значений на протяжении всего времени исследования очень высок, а из сдающих нормативы студенток порядка 25% показывали крайне низкие результаты (5 отжиманий и менее). Наклон из положения стоя на гимнастической скамье, отражающий гибкость позвоночного столба, снизился с 15 сантиметров до 13 (13,33%, $p < 0,05$), при этом в 2023/24 и в 2024/25 уч. г. различия с первоначальными показателями оказались статистически значимыми. Количество прыжков на скакалке, характеризующее аэробную выносливость и показатели координации, снизилось со 123 до 109,8 (на 10,73%), статистические различия по сравнению с первоначальными данными были выявлены уже в 2022/23 уч. г., в последующем они усиливались, о чем свидетельствуют эмпирические значения Т-критерия Стьюдента. Необходимо отметить, что в 2024/25 уч. г. сильно увеличился разброс значений, при этом у 25% респондентов количество прыжков на скакалке оказалось ниже 90 раз в минуту, что соответствует показателям «ниже среднего». Более наглядно динамика изменений представлена на рис. 1.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что у студенток 1-го курса очного отделения университета уровень физической подготовленности по ряду показателей снижается, что подтверждается статистически. Необходимо отметить, что не было обнаружено статистических различий результатах теста «сгибание–азгибание рук в упоре лёжа».

В табл. 2 представлены результаты исследования функциональной подготовленности студенток 1-го курса.

Представленные данные позволяют сделать вывод о том, что от 2020 к 2025 г. средние значения ЧСС увеличились с 72,34 до 75,14 (3,87%), статистические различия по сравнению с первоначальными данными появляются уже в 2022/23 уч. г., при этом данный показатель всё еще находится в пределах возрастной нормы.

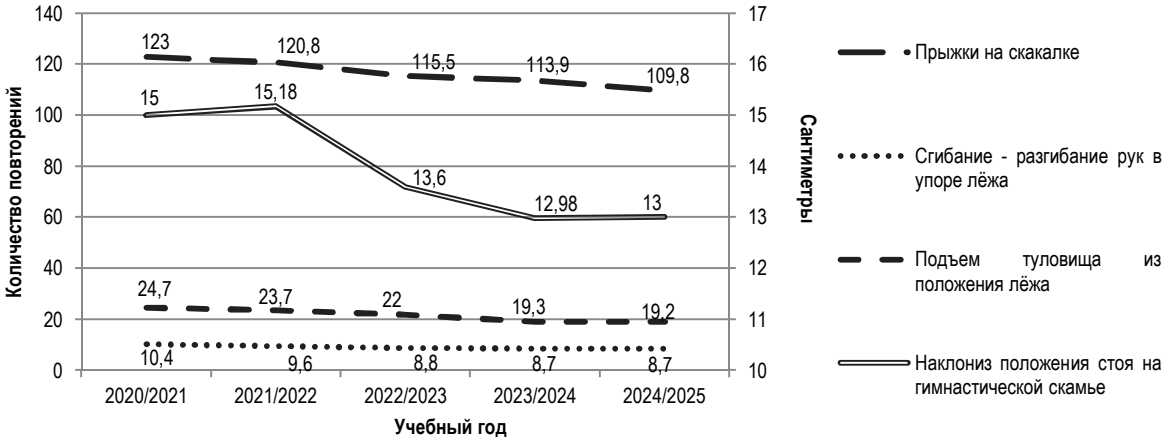

Рис. 1. Динамика контрольных нормативов студенток 1-го курса очного отделения с 2020 по 2025 г.

Таблица 2

Результаты исследования функционального состояния сердечно-сосудистой системы студенток 1-го курса с 2020 по 2025 г.

Функциональные пробы	2020/21 N=52	2021/22 N=45	2022/23 N=50	2023/24 N=51	2024/25 N=48
ЧСС в покое, уд/мин	72,34±4,9	73,78±4,27	75,82±4,73	75,43±3,95	75,14±4,12
Эмпирические значения Т-критерия/ достоверность различий		–1,521/>0,05	**–2,778/<0,01**	**–3,511/<0,01**	**–3,078/<0,01**
ЧСС после нагрузки, уд./мин	111,4±7,77	111,07±7,6	112,86±7,95	115,01±7,82	115,00±8,03
Эмпирические значения Т-критерия/ достоверность различий		0,215/>0,05	–0,935/>0,05	–1,102/>0,05	–1,009/>0,05
Систолическое артериальное давление, мм рт. ст.	115,11±8,48	116±8,51	117,02±8,18	116,8±8,09	116,67±8,34
Эмпирические значения Т-критерия/ достоверность различий		–0,511/>0,05	–0,935/>0,05	–1,033/>0,05	–0,921/>0,05
Диастолическое артериальное давление, мм рт. ст.	68,21±5,23	67,82±5,11	69,02±5,23	68,05±4,85	68,00±4,88
Эмпирические значения Т-критерия/ достоверность различий		0,370/>0,05	–0,780/>0,05	0,154/>0,05	0,209/>0,05
Пульсовое артериальное давление, мм рт. ст.	46,05±7,93	47,69±8,32	47,58±8,2	48,45±8,64	47,85±8,41
Эмпирические значения Т-критерия/ достоверность различий		–0,987/>0,05	–0,728/>0,05	–1,465/>0,05	–1,099/>0,05

Отмечается тенденция к увеличению ЧСС после нагрузки (от 111,4 до 115 уд./мин, на 3,23%), однако она не подтвердилась статистически. Необходимо отметить тот факт, что учащение пульса после нагрузки в среднем составляет более чем 50% от его значений в состоянии покоя у большей части протестированных студенток на протяжении всего времени исследования. Данный факт свидетельствует о снижении функциональных возможностей сердца и как результат – о низкой адаптации к нагрузкам, что требует особого внимания при подборе средств физического воспитания для неподготовленных занимающихся.

Показатели артериального давления не выявляют ярко выраженной динамики и характеризуются значениями, близкими к нижней границе нормы для данного контингента, что соответствует данным, полученным А.М. Сатаркуловой с соавторами [11]. При этом пульсовое давление находится около верхней границы нормы, что может являться фактором неблагоприятного состояния сердечно-сосудистой системы, а также свидетельствовать о наличии стресса [12].

Более наглядно динамика функционального состояния сердечно-сосудистой системы респондентов представлена на рис. 2.

Исследование функционального состояния сердечно-сосудистой системы выявляет тенденцию к ухудшению. Несмотря на статистически значимые изменения, отмеченные в показателях ЧСС в состоянии покоя, определенные опасения вызывает реакция сердечно-сосудистой системы студенток на нагрузку, что является свидетельством неоптимальной адаптации к стрессовым факторам и требует дальнейшего изучения.

В табл. 3 представлены результаты функциональных проб с задержкой дыхания и координационной пробы среди респондентов, участвующих в исследовании.

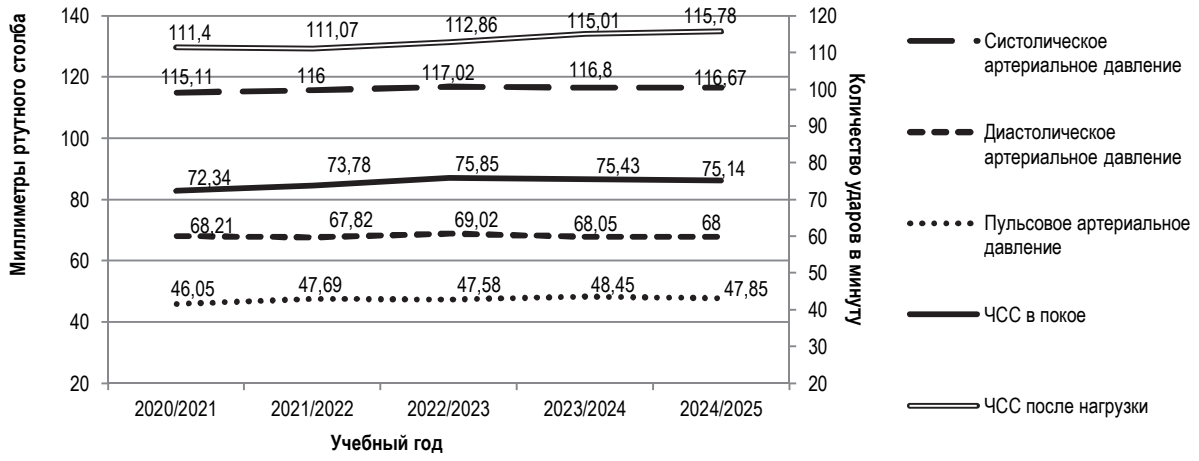

Рис. 2. Динамика показателей функционального состояния сердечно-сосудистой системы студенток 1-го курса с 2020 по 2025 г.

Таблица 3

Результаты исследования функциональных возможностей дыхательной системы и пробы Ромберга среди студенток 1-го курса с 2020 по 2025 г.

Функциональные пробы	2020/21 N=52	2021/22 N=45	2022/23 N=50	2023/24 N=51	2024/25 N=48
Проба Штанге, с	47,52±12,02	46,33±11,72	44,24±10,13	43,86±9,43	44,11±10,09
Эмпирические значения Т-критерия/ достоверность различий		0,490/>0,05	1,491/>0,05	1,718/>0,05	1,531/>0,05
Проба Генчи, с	31,28±6,26	30,61±6,52	28,89±5,15	29,40±5,84	29,15±5,47
Эмпирические значения Т-критерия/ достоверность различий		0,513/>0,05	**2,098/<0,05**	1,574/>0,05	1,803/>0,05
Проба Ромберга-2, с	18,69± 9,98	19,29 ± 5,76	17,34 ± 6,92	16,19 ± 7,16	16,18 ± 7,18
Эмпирические значения Т-критерия/ достоверность различий		-0,455/>0,05	0,982/>0,05	1,791/>0,05	1,768/>0,05

Результаты проб с задержкой дыхания, отражающие устойчивость организма к гипоксии, снижаются. Так в пробе Штанге снижение составило с 47,52 в 2020/21 уч. г. до 44,11 в 2024/25 уч. г. (7,17%), однако данная динамика не подтвердилась в ходе статистической обработки.

В пробе Генчи выявлена тенденция к ухудшению на статистически значимом уровне только в 2022/23 уч. г.

Средние значения пробы Ромберга с закрытыми глазами, свидетельствующие о координации движений и равновесии, выявляют тенденцию к снижению с 18,69 с до 16,18 (13,42%), однако различия не подтвердились статистически, что может быть связано с большим разбросом значений.

Более наглядно динамика изменений представлена на рис. 3. На основе полученных данных нами были высчитаны значения коэффициентов, отражающих функциональное состояние сердечно-сосудистой системы. Результаты представлены в табл. 3.

Средние значения коэффициента экономизации кровообращения, отражающего выброс крови в минуту, на протяжении исследования имеют тенденцию к повышению (от 3397,86 до 3678,25), что свидетельствует о затруднениях в работе сердечной мышцы. Статистические различия по сравнению с первоначальными данными были получены в 2024/25 уч. г. На протяжении всего времени исследования средние значения КЭК выше нормы, что свидетельствует о неэкономном функционировании сердечно-сосудистой системы. Кроме того, данный факт может быть связан с недостаточной тренированностью сердца: в этом случае показатель КЭК увеличивается за счет учащения пульса, а не за счет силы сокращения сердечной мышцы. Сходные значения КЭК у студенток медицинского колледжа, превышающие норму в 1,6 раза, были выявлены в исследовании Е.С. Артищевой [13].

Коэффициент Квааса, показатель, отражающий резервные возможности сердца и сосудов, находится в границах 15–16 условных единиц, что соответствует хорошей и удовлетворительной адаптации сердечно-сосудистой системы к нагрузкам. На протяжении времени исследования он не показывает ярко выраженной динамики. В совокупности значения КЭК и КВ могут указывать на следующий факт: сердце работает менее экономно, но при этом сохраняет общую выносливость.

Средние значения вегетативного индекса Кердо, отражающего общее состояние вегетативного баланса, направленного на регулирование деятельности всех органов в целях поддержания жизни и уравновешивания внешних воздействий, увеличиваются с 5,26 в 2020/21 уч. г. до 9,27 в 2024/25 уч. г. (76,23%), что свидетельствует о преобладании деятельности симпатической нервной системы и повышенной трате энергии. Это может быть обусловлено стрессовой реакцией на новые условия деятельности, а также продолжающимся процессом адаптации [14]. Различия по сравнению с первоначальными показателями становятся статистически значимыми в 2023/24 уч. г. и сохраняются далее, что свидетельствует о высоком напряжении регуляторных систем.

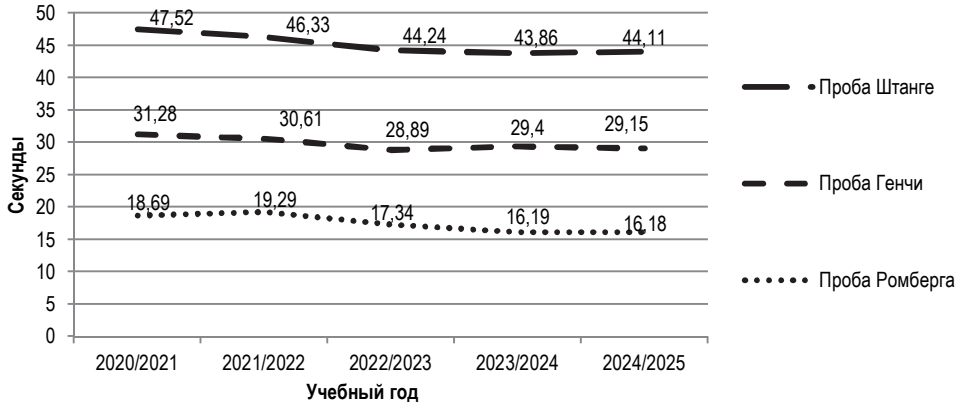

Рис. 3. Динамика показателей функциональных возможностей дыхательной системы и пробы Ромберга студенток 1-го курсав период с 2020 по 2025 г.

Таблица 3

Результаты вычисления коэффициентов, отражающих функциональное состояние сердечно-сосудистой системы студенток 1-го курса с 2020 по 2025 г.

Показатель	2020/21 N=52	2021/22 N=45	2022/23 N=50	2023/24 N=51	2024/25 N=48
Коэффициент экономизации кровообращения	3397,86±721,41	3549,11±677,92	3563,76±633,81	3637,16±673,63	3678,25±709,86
Эмпирические значения Т-критерия/достоверность различий		–1,059/>0,05	–1,232/>0,05	–1,711/>0,05	**–1,988/ <0,05**
Коэффициент Квааса	15,94±2,91	15,84 ± 3,03	16,26±3,18	15,96±2,88	16,01±3,25
Эмпирические значения Т-критерия/достоверность различий		0,164/>0,05	–0,530/>0,05	–0,042/>0,05	–0,117/>0,05
Вегетативный индекс Кердо	5,26±9,94	7,83±7,96	7,66±8,59	9,52±8,01	9,27±7,92
Эмпирические значения Т-критерия/достоверность различий		–1,391/>0,05	–1,302/>0,05	**–2,392/<0,05**	**–2,217/<0,05**

Таким образом, мы можем констатировать, что с каждым новым учебным годом у студенток, зачисленных на 1-й курс, всё хуже сформированы базовые умения и навыки; это отражается на результативности контрольных нормативов: статистически значимо снижаются показатели подъёма туловища из положения лёжа, наклона из положения стоя на гимнастической скамье, количества прыжков на скакалке за 1 мин. Количество сгибаний–разгибаний рук из упора лёжа не выявило значимой динамики на протяжении времени исследования, однако выполнение этого норматива всегда вызывало сложности (в 2024/25 уч. г. около 25% обследованных показали низкую результативность в данном нормативе).

Динамика ЧСС после 20 приседаний не выявила статистически значимых изменений на протяжении времени исследования, однако у большей части обследованных респондентов выявлена негативная реакция сердечно-сосудистой системы на нагрузку (учащение пульса составляло 50% и более от значений в состоянии покоя).

Повышенная ЧСС и преобладание симпатикотонической регуляции среди обследованных девушек ведет к повышенной активности органов, обеспечивающих связь индивидуума с внешним миром (органов чувств, головного мозга, двигательного аппарата) и снижению порога раздражимости. В повседневной жизни это проявляется в повышенной трате энергии даже в состоянии покоя, ориентации на других, а не на свои мысли и чувства [15].

Анализ современных исследований подтверждает ухудшение состояния здоровья каждого следующего поколения: индекс хронических заболеваний и субъективное ощущение плохого здоровья постепенно увеличиваются от поколения Бэби-Бумеров к более молодым поколениям (поколению X и миллениалам) [16]. Указанные тенденции связаны, прежде всего, с изменениями социальных и экономических условий, появлением новых вызовов, изменением привычек и образа жизни людей. Они могут быть обусловлены следующими факторами: цифровизация общества, высокий уровень стресса, чувствительность и эмоциональная реактивность.

Повсеместная *цифровизация общества*. Малоподвижный образ жизни стал одной из ведущих проблем, которая в период пандемии Covid-19 значительно усилилась: рабочий и учебный процесс стали переводить в удаленный формат, все покупки и общение было перемещено в «онлайн» режим. Происходящие изменения отразились и на поколении зумеров, которые ещё больше стали зависимы от цифровых сервисов, виртуального взаимодействия и онлайн-коммуникаций, что создало новые вызовы для их здоровья и благополучия, а также в новом свете раскрыло необходимость поиска баланса между цифровой средой и реальной жизнью [17].

Высокий уровень стресса, который отражается на ментальном и физическом самочувствии. Согласно отчету Deloitte Global's 2025 Gen Z and Millennial Surve 52% представителей поколения Z оценивают свое ментальное благополучие как «хорошее» (у миллинеалов этот показатель около 58%).

Около 40% поколения Z сообщают о том, что чувствуют напряжение и тревожность большую часть времени (среди миллениалов этот показатель порядка 34%) [18]. Вероятно, складывающиеся тенденции обусловлены тем, что поколение Z столкнулось с рядом политических и экономических потрясений, завышенными социальными ожиданиями и необходимостью

соответствовать картинке в социальных сетях, вследствие чего их взросление было сопряжено с определенными страхами.

Усиление чувствительности и эмоциональной реактивности. На фоне малоподвижного образа жизни и распространенных цифровых привычек у представителей поколения зумеров появляется страх осуждения, при этом они часто испытывают тревожность и дискомфорт при посещении тренажерных залов и программ группового формата. Зачастую это связано с боязнью попасть на чужие видеозаписи, стать объектом насмешек со стороны других посетителей, а также страх не найти общего языка с тренером [19]. Неуверенность и страх неудачи, в свою очередь, становятся причиной избегания физической активности и ещё больше усугубляет текущую ситуацию.

Постепенное снижение функциональных возможностей сердечно-сосудистой системы по ряду признаков может являться следствием воздействия указанных факторов. Невысокая двигательная активность в связи с цифровизацией основных сфер жизнедеятельности, высокий уровень стресса и вытекающая из этого эмоциональность и реактивность на стрессогенные факторы приводят к ухудшению физиологической реакции организма на стресс, что проявляется учащением ЧСС и снижением показателей функционального здоровья сердечно-сосудистой системы. Малоподвижный образ жизни, в свою очередь, негативно сказывается на мотивации, что ведёт к ухудшению физической подготовленности, а также к утрате базовых умений и навыков, связанных с физической подготовкой, что и было подтверждено в нашем исследовании.

Происходящие процессы приводят к смещению интересов поколения Z в сторону онлайн тренировок, спокойных и размеренных занятий (йоги, пилатеса и пр.), где главным трендом становится «осознанность», забота не только о физическом, но и о ментальном состоянии. Популярными становятся фитнес-трекеры, позволяющие отслеживать основные показатели (уровень двигательной активности, ЧСС, уровень сатурации, качество сна и др.) и формировать при этом полезные привычки [20, 21].

Складывающиеся тенденции делают актуальным полем для исследований адаптацию методик и технологий физического воспитания в соответствии с возможностями и потребностями студентов. Преподаватели физического воспитания должны учитывать их и подбирать средства физического воспитания таким образом, чтобы не причинить вреда и максимально замотивировать обучающихся к поддержанию необходимого уровня двигательной активности. Возникает необходимость создания «базы» физической подготовленности, необходимой для нормальной жизнедеятельности и выполнения профессиональных обязанностей, на основе которой в будущем студентки смогут самостоятельно поддерживать себя в форме. Безусловно, важную роль в этом должны играть и цифровые сервисы, которые смогут индивидуализировать процесс занятий, а также осуществлять мониторинг прогресса и анализ полученных результатов.

Заключение

Проведённое исследование подтверждает негативную динамику по ряду контрольных нормативов: статистически значимые ухудшения выявлены в количестве подъёмов туловища из положения лёжа, в наклоне вперед из положения стоя на гимнастической скамье, а также в количестве прыжков на скакалке. Необходимо отметить, что не все исследуемые показатели ухудшаются: не обнаружено статистических различий по сравнению с 2020/21 уч. г. в сгибании–разгибании рук в упоре лёжа и в пробе Ромберга, хотя прослеживается некоторая тенденции к снижению средних значений.

Большая часть замеров функционального состояния не показывает ярко выраженной динамики: различия в показателях артериального давления, в пробе Штанге, в ЧСС после нагрузки, в значениях коэффициента Квааса не подтвердились статистически.

В результате исследования было выявлено постепенное ухудшение функционального состояния сердечно-сосудистой системы девушек поколения Z по ряду признаков: в 2024/25 уч. г. среди респондентов статистически значимо увеличился коэффициент экономизации кровообращения, с 2023/24 уч. г. аналогичные тенденции прослеживаются в показателях вегетативного индекса Кердо, с 2022/23 уч. г. года наблюдается постепенное увеличение ЧСС в состоянии покоя.

Выявленная негативная динамика в показателях физической и функциональной подготовленности молодого поколения обусловливает учет их индивидуальных особенностей и требует внимательного подбора средств физической культуры, которые воздействовали бы не только на физическое состояние, создавая «базу» физической подготовленности, но также и оказывали бы позитивное влияние на психологический аспект, снимая нервно-психическое напряжение, являющееся следствием сложившихся привычек и тенденций, складывающихся в образовательном процессе.

Практические рекомендации

1. При разработке программ необходимо учитывать индивидуальные особенности и уровень физической подготовленности, поэтому на начальном этапе необходимо отдавать предпочтения оздоровительным программам низкой или средней интенсивности для того, чтобы создать «базу» физической подготовленности и поддержать мотивацию к самостоятельной двигательной активности. Для этих целей подходят программы «мягкого» фитнеса: пилатес, стретчинг, джирокинезис, йога.

2. Необходимо внедрять в программы физической активности элементы когнитивной тренировки, направленной на восстановление психических функций, поскольку складывающиеся привычки поколения Z приводят к клиповости мышления и снижению способности запоминать информацию. Например, выполнение стандартных упражнений нестандартным образом, совмещение физических и когнитивных задач может позитивно сказаться на укреплении нейронных связей, а также на оптимизации психических процессов, что подтверждается современными исследованиями

[22]. В качестве примера можно привести следующее упражнение: в положении лёжа на животе можно поднять правую руку и левую ногу и выполнять круговые движения рукой по часовой стрелке, а ногой – против часовой стрелки с последующей сменой направления. Первоначально подобные упражнения вызывают сложности, поскольку уже сформирована привычка двигаться определённым образом (в соответствии со стереотипом), внедрение же нестандартных вариаций позволяет воздействовать не только на физический, но и на ментальный компонент, благодаря чему в работу включаются мозговые структуры, тем самым обеспечивается комплексное воздействие.

3. Необходимо внедрять в процесс физического воспитания приемы саморегуляции для управления эмоциями, вниманием и физическим состоянием. Для этих целей может быть использован миофасциальный релиз (самомассаж теннисными мячами и роллерами), а также приёмы концентрации и релаксации. Поскольку физическое и психологическое состояние тесно взаимосвязаны между собой, они оказывают взаимное влияние: физическая релаксация повлечет за собой умственную и наоборот. Грамотное их внедрение позволит снизить уровень нервно-психического стресса и нормализовать эмоциональное реагирование на стрессовые факторы.

4. Необходимо организовать мониторинг с результатов с помощью цифровых сервисов. Привычки поколения Z, их включенность в «цифровое» пространство привело к постоянному взаимодействию с технологиями. Их использование для отслеживания прогресса и индивидуализации тренировок будет способствовать увеличению мотивации к самосовершенствованию и закреплению привычки к двигательной активности.

Список источников

1. Джура Г.С., Иванченко В.Я. Особенности влияние цифровизации на психику личности молодого человека // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. № 4. С. 543–555. doi: 10.17072/2078-7898/2024-4-543-555
2. Богачёва Н.В., Сивак Е.В. Мифы о поколении Z. М. : НИУ ВШЭ, 2019. 64 с.
3. Никитина Д. О. Поколение Z: особенности и характеристики // Социология. 2021. № 3. С. 136–140.
4. Широкова Е.А., Бакурова О.Н. Психолого-педагогические особенности применения средств мягкого фитнеса в занятиях физической культурой со студентами высших учебных заведений // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. Т. 12, № 5. Ст. 33PSMN524.
5. Краморенко Н.С. Проблемы «цифровой потребности» и информационной перегруженности обучающихся поколения Z // Педагогика. 2020. № 4. С. 37–42.
6. Сосуновский В.С. Анализ мониторинга физической подготовленности детей дошкольного возраста за период с 2013 по 2022 год // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 191–196. doi: 10.17223/15617793/513/22
7. Пискова Д.М., Богатикова М.В. Проблемы сохранения мотивации школьников к урокам физической культуры на этапе перехода из начальной школы в основную // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Т. 9, № 5. Ст. 25. doi: 10.15862/25PSMN521
8. Мартиросова Т.А., Поборончук Т.Н., Трифоненкова Т.А., Кадомцева Е.М. Анализ причин снижения уровня физической подготовленности студентов технических вузов // Теория и практика физической культуры. 2023. № 1. 65–66.
9. Рудева Т.В., Порубайко Л.Н., Проскурякова И.П., Доронцев А.В, Лашевич С.А. Динамика изменения физической работоспособности и подготовленности студентов-медиков в процессе обучения в вузе // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2024. № 8 (234). С. 58–62.
10. Широкова Е.А., Щеголева М.А. Гиподинамия как фактор, ухудшающий качество жизни студентов университета // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2021. № 4. С. 74–80. doi: 10.24412/2305-8404-2021-4-74-80
11. Сатаркулова А.М. Функциональное состояние и адаптационный потенциал у иностранных студентов с различным типом вегетативной регуляции в процессе обучения // Ульяновский медико-биологический журнал. 2020. № 1. С. 118–126. doi: 10.34014/2227-1848-2020-1-118-126
12. Рагимов Р.М., Сулейманов Р.Г., Магомедова У.А., Нурмагомедова Д.К., Муслимов М.О. Состояние функциональных систем студентов в условиях эмоционального стресса // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 12 (138). doi: 10.23670/IRJ.2023.138.88
13. Артищева Е.С. Оценка состояния системы кровообращения студенток медицинского колледжа в процессе обучения // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана. 2024. № 260 (4). С. 41–45. doi: 10.31588/2413_4201_1883_4_260_41
14. Виталёва Я.В., Басалаева Н.В., Шелкунова Т.В. Проблема стресса у первокурсников в период адаптации к обучению в вузе // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 87-3. С. 354–357.
15. Kérdö I. Ein aus Daten der Blutzirkulation kalkulierter Index zur Beurteilung der vegetativen Tonuslage // Acta neurovegetativa. 1966. Bd. 29, № 2. P. 250–268.
16. Zheng H., Dirlam J., Choi Y., George L. Understanding the health decline of Americans in boomers to millennials // Social Science & Medicine Journal. 2023. № 337.Art. № 116282. doi: 10.1016/j.socscimed.2023.116282
17. Возпивоварова О.А., Куликов Д.А., Коняева О.Е., Борщев Г.Г., Олейникова В.С. Глобальный фактор риска заболеваемости студентов – малоподвижный образ жизни // Вестник Национального медико-хирургического Центра им. Н. И. Пирогова. 2024. № 19 (2). С. 128–136. doi: 10.25881/20728255_2024_19_2_128
18. Deloitte. Deloitte Global's 2025 Gen Z and Millennial Survey // Deloitte. URL: https://www.deloitte.com/global/en/about/people/social-responsibility/genzmillennialsurvey (дата обращения: 10.01.2026).
19. Tsartsapakis I., Zafeiroudi A. Social Physique Anxiety in College Students: The Role of Study Field, Physical Activity, Physical Self-Perception, and Self-Esteem // Sports. 2025. № 13 (4). Art. № 119. doi: 10.3390/sports13040119
20. Рожнов А.А., Белевский В.Н., Амелина В.М. Особенности мотивации студентов вузов к занятиям физической культурой // Вестник Калужского университета. 2020. № 2 (47). С. 124–126.
21. Котуранова И.Д., Коровёнкова С.В., Гришина Г.В. Формирование здорового образа жизни студенческой молодёжи в условиях цифровизации общества // Актуальные вопросы физического воспитания молодежи и студенческого спорт: всероссийская научно-практическая конференция. Саратов, 2019. С. 105–109.
22. Пальцин А.А., Свиркина Н.В. Метод двойных задач в сохранении когнитивного и физического здоровья // Патогенез. 2022. Т. 20, № 2. С. 78–82. doi: 10.25557/2310-0435.2022.02.78-82

References

1. Dzhura, G.S. & Ivanchenko, V.Ya. (2024) Osobennosti vliyanie tsifrovizatsii na psikhiku lichnosti molodogo cheloveka [Features of the influence of digitalisation on the psyche of a young person's personality]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya – Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*. 4. pp. 543–555. doi: 10.17072/2078-7898/2024-4-543-555
2. Bogachëva, N.V. & Sivak, E.V. (2019) *Mify o pokolenii Z* [Myths about Generation Z]. Moscow: NIU VShE. 64 p.
3. Nikitina, D.O. (2021) Pokolenie Z: osobennosti i kharakteristiki [Generation Z: features and characteristics]. *Sotsiologiya – Sociology*. 3. pp. 136–140.
4. Shirokova, E.A. & Bakurova, O.N. (2024) Psikhologo-pedagogicheskie osobennosti primeneniya sredstv myagkogo fitnesa v zanyatiyakh fizicheskoy kul'turoy so studentami vysshikh uchebnykh zavedeniy [Psychological and pedagogical features of the use of soft fitness means in physical education classes with students of higher educational institutions]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya – World of Science. Pedagogy and Psychology*. 12 (5). Art. 33PSMN524.

5. Kramorenko, N.S. (2020) Problemy "tsifrovoy potrebnosti" i informatsionnoy peregruzhennosti obuchayushchikhsya pokoleniya Z [Problems of 'digital need' and information overload of Generation Z students]. *Pedagogika – Pedagogy*. 4. pp. 37–42.
6. Sosunovskiy, V.S. (2025) Analiz monitoringa fizicheskoy podgotovlennosti detey doshkol'nogo vozrasta za period s 2013 po 2022 god [Analysis of monitoring the physical fitness of preschool children for the period from 2013 to 2022]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 513. pp. 191–196. doi: 10.17223/15617793/513/22
7. Piskova, D.M. & Bogatikova, M.V. (2021) Problemy sokhraneniya motivatsii shkol'nikov k urokam fizicheskoy kul'tury na etape perekhoda iz nachal'noy shkoly v osnovnuyu [Problems of maintaining schoolchildren's motivation for physical education lessons at the stage of transition from primary to secondary school]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya – World of Science. Pedagogy and Psychology*. 9 (5). Art. 25. doi: 10.15862/25PSMN521
8. Martirosova, T.A., Poboronchuk, T.N., Trifonenkova, T.A. & Kadomtseva, E.M. (2023) Analiz prichin snizheniya urovnya fizicheskoy podgotovlennosti studentov tekhnicheskikh vuzov [Analysis of the reasons for the decline in the level of physical fitness of students of technical universities]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 1. pp. 65–66.
9. Rudeva, T.V., Porubayko, L.N., Proskuryakova, I.P., Dorontsev, A.V. & Lashevich, S.A. (2024) Dinamika izmeneniya fizicheskoy rabotosposobnosti i podgotovlennosti studentov-medikov v protsesse obucheniya v vuze [Dynamics of changes in physical performance and fitness of medical students during university studies]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta – Scientific Notes of the University named after P.F. Lesgaft*. 234 (8). pp. 58–62.
10. Shirokova, E.A. & Shchegoleva, M.A. (2021) Gipodynamiya kak faktor, ukhudshayushchiy kachestvo zhizni studentov universiteta [Hypodynamia as a factor worsening the quality of life of university students]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Fizicheskaya kul'tura. Sport – Proceedings of Tula State University. Physical Culture. Sport*. 4. pp. 74–80. doi: 10.24412/2305-8404-2021-4-74-80
11. Satarkulova, A.M. (2020) Funktsional'noe sostoyanie i adaptatsionnyy potentsial u inostrannykh studentov s razlichnym tipom vegetativnoy regulyatsii v protsesse obucheniya [Functional state and adaptive potential in foreign students with different types of autonomic regulation during the learning process]. *Ul'yanovskiy mediko-biologicheskiy zhurnal – Ulyanovsk Medical and Biological Journal*. 1. pp. 118–126. doi: 10.34014/2227-1848-2020-1-118-126
12. Ragimov, R.M., Suleymanov, R.G., Magomedova, U.A., Nurmagomedova, D.K. & Muslimov, M.O. (2023) Sostoyanie funktsional'nykh sistem studentov v usloviyakh emotsional'nogo stressa [The state of functional systems of students under conditions of emotional stress]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal – International Research Journal*. 138 (12). doi: 10.23670/IRJ.2023.138.88
13. Artishcheva, E.S. (2024) Otsenka sostoyaniya sistemy krovoobrashcheniya studentov meditsinskogo kolledzha v protsesse obucheniya [Assessment of the state of the circulatory system of medical college students during the learning process]. *Uchenye zapiski Kazanskoy gosudarstvennoy akademii veterinarnoy meditsiny im. N.E. Baumana – Scientific Notes of the Kazan State Academy of Veterinary Medicine named after N.E. Bauman*. 260 (4). pp. 41–45. doi: 10.31588/2413_4201_1883_4_260_41
14. Vitalëva, Ya.V., Basalaeva, N.V. & Shelkunova, T.V. (2025) Problema stressa u pervokursnikov v period adaptatsii k obucheniyu v vuze [The problem of stress among first-year students during the period of adaptation to university studies]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya – Problems of Modern Pedagogical Education*. 87-3. pp. 354–357.
15. Kérdő, I. (1966) Ein aus Daten der Blutzirkulation kalkulierter Index zur Beurteilung der vegetativen Tonuslage. *Acta Neurovegetativa*. Bd. 29 (2). pp. 250–268.
16. Zheng, H., Dirlam, J., Choi, Y. & George, L. (2023) Understanding the health decline of Americans in boomers to millennials. *Social Science & Medicine Journal*. 337. Art. 116282. doi: 10.1016/j.socscimed.2023.116282
17. Vozpivovarova, O.A., Kulikov, D.A., Konyaeva, O.E., Borshchev, G.G. & Oleynikova, V.S. (2024) Global'nyy faktor riska zabolevaemosti studentov — malopodvizhnyy obraz zhizni [The global risk factor for student morbidity — a sedentary lifestyle]. *Vestnik Natsional'nogo mediko-khirurgicheskogo Tsentra im. N.I. Pirogova – Bulletin of the National Medical and Surgical Centre named after N.I. Pirogov*. 19 (2). pp. 128–136. doi: 10.25881/20728255_2024_19_2_128
18. Deloitte. (2025) *Deloitte Global's 2025 Gen Z and Millennial Survey*. [Online] Available from: https://www.deloitte.com/global/en/about/people/social-responsibility/genzmillennialsurvey (Accessed: 10.01.2026).
19. Tsartsapakis, I. & Zafeiroudi, A. (2025) Social Physique Anxiety in College Students: The Role of Study Field, Physical Activity, Physical Self-Perception, and Self-Esteem. *Sports*. 13 (4). Art. 119. doi: 10.3390/sports13040119
20. Rozhnov, A.A., Belevskiy, V.N. & Amelina, V.M. (2020) Osobennosti motivatsii studentov vuzov k zanyatiyam fizicheskoy kul'turoy [Features of motivation of university students for physical education classes]. *Vestnik Kaluzhskogo universiteta – Bulletin of Kaluga University*. 2 (47). pp. 124–126.
21. Koturanova, I.D., Korovënkova, S.V. & Grishina, G.V. (2019) Formirovanie zdorovogo obraza zhizni studencheskoy molodëzhi v usloviyakh tsifrovizatsii obshchestva [Formation of a healthy lifestyle of student youth in the context of digitalisation of society]. In: *Aktual'nye voprosy fizicheskogo vospitaniya molodezhi i studencheskogo sport* [Current Issues of Physical Education of Youth and Student Sports]. All-Russian Conference. Saratov. pp. 105–109.
22. Pal'tsin, A.A. & Svirkina, N.V. (2022) Metod dvoynykh zadach v sokhranenii kognitivnogo i fizicheskogo zdorov'ya [The dual-task method in maintaining cognitive and physical health]. *Patogenez – Pathogenesis*. 20 (2). pp. 78–82. doi: 10.25557/2310-0435.2022.02.78-82

Информация об авторах:

Широкова Е.А. – канд. пед. наук, доцент кафедры методики физического воспитания и оздоровительных технологий, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского (Калуга, Россия). E-mail: kaktus86@mail.ru

Макеева В.С. – д-р пед. наук, профессор кафедры теории и методики баскетбола, Российский университет спорта (Москва, Россия). E-mail: vera_191@mail.ru

Щеголева М.А. – доцент кафедры методики физического воспитания и оздоровительных технологий, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского (Калуга, Россия). E-mail: aerolama@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.A. Shirokova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski (Kaluga, Russian Federation). E-mail: kaktus86@mail.ru

V.S. Makeeva, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Russian University of Sport GTSOLIFK (Moscow, Russian Federation). E-mail: vera_191@mail.ru

M.A. Shchegoleva, associate professor, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski (Kaluga, Russian Federation). E-mail: aerolama@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.01.2026;
одобрена после рецензирования 12.04.2026; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 19.01.2026;
approved after reviewing 12.04.2026; accepted for publication 29.06.2026.

ПРАВО

Научная статья
УДК 342.731
doi: 10.17223/15617793/527/25

Содержание свободы совести и свободы вероисповедания: пути определения в России и зарубежных странах

Анастасия Александровна Акобирова[1]

[1] *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, tess@mail2000.ru*

Аннотация. Проанализирована проблема содержания свободы совести и свободы вероисповедания. На основе анализа судебной практики выявлены возможные методики определения сферы защиты указанных свобод. Проведена оценка рисков от использования той или иной методики правоприменительной практикой России. Сделан вывод о том, что более приемлемым с точки зрения определения пределов свободы совести выступает подход, при котором раскрываются правомочия свободы совести и свободы вероисповедания.
Ключевые слова: права и свободы, свобода совести, свобода вероисповедания, конституционный нормоконтроль, пределы свобод, содержание прав и свобод человека

Для цитирования: Акобирова А.А. Содержание свободы совести и свободы вероисповедания: пути определения в России и зарубежных странах // Вестник Томского государственного университета. 2026. № 527. С. 224–235. doi: 10.17223/15617793/527/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/527/25

The content of freedom of conscience and freedom of religion: Ways of definition in Russia and foreign countries

Anastasia A. Akobirova[1]

[1] *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, tess@mail2000.ru*

Abstract. This study addresses the methodological problems of defining the content of freedom of conscience and freedom of religion, alongside the primary approaches developed by national and international courts. It is noted that constituent documents often do not exhaustively list the specific powers and scope of these freedoms, in some cases only providing a general guarantee of freedom of conscience, religion, and belief for everyone. This lack of specificity necessitates that law enforcement agencies and judiciaries independently determine in each disputed case whether a violation of spiritual freedoms has occurred or whether the contested action falls within the protective scope of another right. Given the absence of a unified definition of religion in legal science, it seems unacceptable to base the resolution of this issue primarily on an individual's subjective religious motivation, as is frequently seen in the jurisprudence of the European Court of Human Rights. The purpose of this article is to identify the optimal approach for the Russian legal system in defining the limits of freedom of conscience and the specific rights that comprise it. The study is based on theoretical material from the works of foreign (M. Cohen-Elia, J. Christoffersen, I. Porat) and Russian (A.A. Abashidze, N.V. Vitruk, S.N.Bratus, A.V. Dolzhikov, I.A. Konyukhova (Umnova), A.M. Solntsev, V.E. Chirkin, et al.) scholars. The texts of the founding constitutional documents of more than 47 countries and the judicial decisions of both national (USA, Germany, South Africa, etc.) and international courts (ECHR) were also examined. The methodological basis of the study comprises dialectical, comparative-legal, and formal-legal methods. In particular, the dialectical method facilitated the study of the evolutionary development of normative recognition regarding freedom of conscience and religious freedom across various historical periods. The application of comparative-legal and formal-legal methods helped identify the content of specific trends in the constitutional recognition of freedom of conscience and religious freedom in foreign countries and Russia, allowing for a structured mutual comparison. As a result, the author concludes that no unified methodology for determining the limits of rights and freedoms has yet been firmly established; even within a single judicial body, differing approaches may be deployed. The most promising approach appears to be the systematic use of judicial interpretation regarding specific legal powers to determine the precise content of spiritual freedoms, thereby avoiding contradictory judicial practice and ensuring consistent protection of human rights. From this perspective, the German proportionality test, which ultimately determines whether a disputed right has been violated on an all-or-nothing basis, fails to achieve these goals because it does not inherently provide a mechanism for a compromise or a mutually acceptable solution.
Keywords: rights and freedoms, freedom of conscience, freedom of religion, constitutional normative review, limits of freedom,content of human rights and freedoms

***For citation*:** Akobirova, A.A. (2026) The content of freedom of conscience and freedom of religion: Ways of definition in Russia and foreign countries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 527. pp. 224–235. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/527/25

© Акобирова А.А., 2026

Постановка вопроса

В современном бурно меняющемся мире с появлением новых технологий и развитием искусственного интеллекта все чаще возникают вопросы о том, что делает человека таковым, о его сущности как субъекта права и о фундаментальных вопросах мироздания. Так как религиозные учения пытаются дать ответы на эти вопросы, то в правоприменительных органах зачастую возникают ситуации, когда стороны обращаются к религии для аргументации своей позиции. Кроме того, судебная практика последнего времени также отмечена ростом числа дел, где стороны заявляют о религиозных мотивах своих, казалось бы, очень далеких от духовной сферы деяний. Поэтому правоприменительным органам приходится оценивать обоснованность подобной аргументации. Например, Верховный суд США рассматривал дело, в котором пекарня отказала в изготовлении свадебного торта на заказ для однополой пары, ссылаясь на религиозные убеждения владельца организации [1]. В разных государствах возникали споры о религиозном значении элементов внешнего облика человека: от сережек в носу [2] и нательных крестов [3] до причесок в виде дредов [4].

В связи с этим все более актуальным становится вопрос о границах свободы совести и свободы вероисповедания и тех правомочиях, которые охватываются сферой их защиты. Всегда ли обращение к религиозным мотивам деяний отдельных лиц является обоснованным? В основу ответа на эти вопросы ложится понимание тех правомочий, которые составляют содержание указанных свобод. Это тем более важно в странах, где учредительные акты лишь закрепляют свободу совести и (или) свободу вероисповедания, но не раскрывают их содержания, что актуализирует вопрос о методиках его установления. Эти непреходящие с практической точки зрения аспекты предлагается рассмотреть в настоящей статье. В первой части работы автор останавливается на понятиях свободы совести, свободы вероисповедания, свободы религии и их соотношении друг с другом, эволюции их конституционного правового регулирования. Во второй части оцениваются современные подходы к определению содержания свободы совести и свободы вероисповедания, в том числе в решениях национальных и международных судебных органах. В заключение предпринята попытка определения структуры рассматриваемых свобод и систематизации выделенных на сегодняшний день в законодательстве и судебной практике правомочий, подпадающих в сферу защиты свободы совести и свободы вероисповедания.

К вопросу о понятиях свободы совести, свободы вероисповедания и свободы религии, их конституционно-правовой регламентации

Многие годы продолжаются исследования отдельных аспектов правового положения личности в России и зарубежных странах, но по-прежнему эта тема остается одной из наиболее спорных. С одной стороны, среди авторов можно выделить разные точки зрения на понятия, содержание и соотношение следующих дефиниций: правовой статус и правовое положение личности, права и свободы и т.д. С другой стороны, сейчас, ввиду бурного развития новых технологий, и ученым, и государственным деятелям приходится анализировать место этих дефиниций и их роль в жизни человека, предавать этим новеллам нормативное закрепление.

В учредительных документах XXI в. меняются подходы в регулировании правового положения личности: появляются новые и меняется содержание традиционно закрепляемых прав и свобод. Например, сейчас в учредительных документах можно встретить: право на личность, право на личную идентичность (ст. 32 Конституции Анголы 2010 г.), право на культурную самоидентификацию (ст. 21 Конституции Боливии 2009 г.), право на здоровье и физическое благополучие (ст. 15 Конституции Гвинеи 2010 г.). С развитием современных технологий в текстах учредительных документов свое осмысление находят информационные права, а государство стремится гарантировать право доступа к сетям связи (ст. 38 Конституции Туниса 2022 г.). Расширяется перечень и содержание соматических прав человека [5]. На конституционном уровне гарантируются: права личности и достоинство человека в отношении применения достижений биологии и медицины (Черногория), неприкосновенность тела человека (Египет), охрана жизнь плода с момента зачатия (Венгрия).

На этом фоне закрепление в учредительных документах свободы совести, свободы вероисповедания, свободы религии[1] представляется весьма традиционным и устоявшимся. Рассматриваемые свободы не являются новыми для современной конституционной действительности и прошли довольно длительную историю развития своего нормативного закрепления, в том числе в конституциях разных поколений.

Можно согласиться с мнением И.А. Конюховой (Умновой) и выделить по меньшей мере четыре поколения конституций. Это конституции: первого, или старого, поколения (до Первой мировой войны); второго поколения, или межвоенного двадцатилетия (между Первой и Второй мировыми войнами); третьего поколения (после Второй мировой войны вплоть до последнего десятилетия XX в.); современного (четвертого) поколения – новейшего времени (последнее десятилетие XX – начало XXI в.) [6].

В учредительных документах первого поколения рассматриваемые свободы только указывались без уточнения их содержательного наполнения. Так, в Конституции США 1787 г. используется формулировка «от противного» и говорится о том, что Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению религии либо запрещающего свободное ее исповедание. В ст. 10 Декларации прав человека и гражданина Франции 1789 г. тоже приводится негативная формулировка измерения свободы религии. Там закреплено, что никто не должен быть притесняем за свои взгляды, даже религиозные, при условии, что их выражение не нарушает общественный порядок, установленный законом. Но есть и иные примеры. Пункт I Конституции Польши 1791 г. закреплял в качестве господствующей польской религией святую римскую католическую церковь со всеми ее законами. Однако в то

же время гарантировалась государственная опека всех людей любых вероисповеданий, свобода всех обрядов и религий в польских землях в соответствии с местными уставами [7].

В учредительных документах второго поколения могли только закрепляться права и свободы (как на предыдущем этапе) либо детализировалось их содержание, перечислялись отдельные правомочия. Примером первого подход может служить Конституция Латвийской Республики 1922 г., где в п. 99 закреплено, что каждый имеет право на свободу мысли, совести и религиозного убеждения, а также Конституция Лихтенштейна 1921 г., гарантирующая свободу вероисповедания и совести (ст. 37).

Для иллюстрации второго подхода рассмотрим Конституцию Мексики 1917 г. В первоначальной своей редакции по времени своего принятия она может быть отнесена к учредительным актам второго поколения, хотя и является действующим на сегодняшний день документом. Последняя конституционная реформа здесь прошла в 2018 г. С момента принятия акта изменения претерпела и ст. 24, предусматривающая религиозные свободы. В первоначально принятом тексте она гласила, что каждый человек имеет право исповедовать религиозные убеждения по своему выбору и совершать обряды, богослужения или ритуалы в своих церквях или в своих частных домах при условии, что они не являются преступлением или правонарушением, караемым законом. Все религиозные обряды публичного богослужения должны совершаться в церквях, которые всегда находятся под надзором властей [8]. По сути, в статье закреплены свобода вероисповедания и ее отдельные правомочия. Последние же изменения в ст. 24 были внесены 19.07.2013, и сейчас она расширена в своем содержании за счет увеличения перечня включаемых в нее правомочий.

Аналогичная ситуация в Ливане и Ирландии. В первом из названных государств ст. 9 Конституции 1926 г. признает свободу совести как абсолютную и гарантирует свободное отправление всех религиозных обрядов при условии соблюдения общественного порядка (ст. 9). Государство также гарантирует уважение личного статуса и религиозных интересов населения, к какой бы религиозной секте оно ни принадлежало. Конституция Ирландии 1937 г. гарантирует каждому гражданину свободу совести и свободное исповедание религии при условии соблюдения общественного порядка и морали.

Раздел VI Конституции Исландии 1944 г. определяет Евангелическо-лютеранскую церковь как государственную церковь и устанавливает, что все лица имеют право создавать религиозные объединения и исповедовать свою религию в соответствии с личными убеждениями, т.е. по сути, свободу вероисповедания.

В учредительных документах третьего поколения так же не сформировался единообразный подход к закреплению свободы совести и свободы вероисповедания. В ряде учредительных документов они только упоминаются. Например, в Конституции Японии 1946 г. ст. 19 и 20 закрепляют, что свобода мысли и совести не должны нарушаться. Свобода религии гарантируется для всех.

В некоторых учредительных актах правомочия духовных свобод описаны весьма лаконично. В ст. 4 Основного закона ФРГ 1949 г. закреплено, что свобода вероисповедания, совести и свобода религиозного и идеологического самовыражения неприкосновенны. Гарантируется беспрепятственное исповедание религии. Никто не может быть принуждён к ношению оружия вопреки своей совести при исполнении служебных обязанностей. Не менее лаконично правомочия духовных свобод закреплены в ст. 25 Конституции Индии 1949 г., которая преимущественно характеризует роль государства в их регулировании. Она устанавливает, что все лица имеют равное право на свободу совести и право свободно исповедовать религию, отправлять религиозные обряды и вести религиозную пропаганду.

В свою очередь, есть примеры закрепления не только самих свобод, но и элементов их содержания. Например, ст. 19 Конституции Италии 1947 г. устанавливает, что каждый человек имеет право свободно исповедовать свою религиозную веру в любой форме, единолично или сообща, распространять ее и отправлять религиозные обряды частным образом или публично, при условии, что эти обряды не противоречат добрым нравам. Очевидно, что данная формулировка перекликается в своем содержании со ст. 18 Всеобщей декларация прав человека 1948 г.

Если обратиться к конституционным текстам, принятым в 1990-е гг. до настоящего времени, т.е. *конституциям четвертого поколения*, то можно отметить, что различный подход к закреплению духовных свобод сохраняется. Во-первых, можно выделить следующие варианты их конституционного оформления: *закрепление духовных свобод без уточнения включаемых в них правомочий* (например, в Конституциях Бурунди 2018 г., Марокко 2011 г., Сенегала 2001 г., Чада 2021 г. и т.д.); *закрепление духовных свобод и раскрытие включаемых в них правомочий* (например, например, в Конституциях Бахрейна 2002 г., Боливии 2009 г., Венгрии 2011 г., Египта 2014 г., Демократической Республики Конго 2006 г. и т.д.); *закрепление духовных свобод и определение их специальных гарантий* (например, например, в Конституциях Анголы 2010 г., Бутана 2008 г., Восточного Тимора 2002 г. и т.д.); *закрепление духовных свобод, а также раскрытие включаемых в них правомочий и гарантий* (например, в Конституциях Зимбабве 2013 г., Кении 2010 г.); *закрепление только правомочий(я)* (например, в Конституциях Афганистана 2004 г., Катара 2003 г., Киргизстана 2021 г. и т.д.). Кроме того, есть примеры стран, в которых духовные свободы на конституционном уровне вообще не предусмотрены. Например, Союз Коморских Островов, Мальдивы, Ливия.

Можно отметить, что устоявшаяся в международном праве формулировка ст. 18 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и схожая с ней, но все же более широкая в своем содержании норма ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. довольно редко целиком или частично воспроизводится в конституциях последнего поколения. Это сделано, например, в ст. 28 Конституции России 1993 г., ст. 22

Конституции Демократической Республики Конго 2006 г., ч. 2 ст. 32 Конституции Кении 2010 г. Но, в целом, это более исключение, нежели правило.

Во-вторых, в учредительных документах используются различные наименования духовных свобод. Наиболее часто можно встретить такие термины, как «свобода совести», «свобода вероисповедания» и «свобода религии». Реже – «свобода убеждений». И совсем единично встречаются: «свобода отправления культа», «свобода духовных убеждений», «свобода религиозных убеждений» и т.д.

Позиция относительно содержания этих категорий была сформирована в современной научной литературе. С субъективной стороны свобода совести – это возможность индивида самостоятельно определять свои мировоззренческие позиции, делать нравственный выбор [9. С. 8]. В этом отношении право на свободу совести рассматривается как неотъемлемый атрибут нравственного самоопределения личности [10. С. 425]. Можно согласиться с мнением Н.Ю. Розенбаума о том, что под свободой совести следует понимать «разрешенное и гарантированное законами государства право граждан свободно и самостоятельно определять свое отношение к религии, осуществлять вытекающие из этого отношения, действия при условии соблюдения законности и установленного в стране правопорядка» [11. С. 34].

О.В. Челнокова рассматривает свободу вероисповедания как индивидуальное право, каждый свободно и самостоятельно выбирает и исповедует любую религию, участвует в периодических обрядах и т.д., в то время как свобода совести, по ее мнению, – это право человека выбирать мировоззренческие убеждения и добиться их в своей жизни [12. С. 77]. Соответственно, под свободой вероисповедания можно понимать возможность человека, в том случае, если он решил исповедовать ту или иную религию, на свободный ее выбор.

Следует отметить, что свобода совести и свобода вероисповедания тесно взаимосвязаны, но первая категория все же шире по своему содержанию. Можно согласиться с мнением Л.А. Королевой и О.В. Мельниченко, которые рассматривают свободу вероисповедания как структурный элемент свободы совести [13].

Однако как в учредительных текстах разных стран, так и в международных документах часто используется термин «свобода религии». Соответственно, важно соотнести его с вышеуказанными дефинициями. Управление ООН по правам человека предлагает под свободой религии понимать право выбирать свою религию и практиковать религиозное поклонение без необоснованного вмешательства. В Замечаниях общего порядка № 22 Пакта о гражданских и политических правах 1961 г.: Статья 18 (Свобода мысли, совести и религии) отмечено, что свобода «иметь или принимать» религию или убеждения обязательно влечет за собой свободу выбора религии или убеждений, включая право заменить свою нынешнюю религию или убеждения на другие или принять атеистические взгляды, а также право сохранять свою религию или убеждения [14]. Отсюда, исходя из, по сути, тождественности определений, можно заключить, что понятие свободы совести включает в себя свободу вероисповедания и свободу религии как тождественные понятия.

К вопросу о содержании прав и свобод

С точки зрения практики, чтобы определить, подпадает ли спорное правомочие в сферу защиты свободы совести или свободы вероисповедания, необходимо уяснить, что понимается под содержанием прав и свобод. Однако следует оговориться. В литературе можно встретить различные дефиниции: права человека, субъективные права, основные права. Право человека можно понимать как его возможность, которая имеет общественный источник [15. С. 33]. Как отмечал И.Е. Фарбер, права человека существуют независимо от их государственного признания как результат общественного развития, как социальные возможности человека пользоваться элементарными благами жизни и культуры [16. С. 35-40]. Под субъективным правом чаще всего понимается право лица, закрепленное правовой нормой (например, право собственности, право жалобы, право наследования и т.д.) [17. С. 229]. В теории конституционного права понятия «основные права» и «конституционные права» часто используются как идентичные [18. С. 131–140]. К такому выводу подталкивает и текст Конституции РФ, например, ч. 1 ст. 55 и ч. 4 ст. 125.

Но далеко не все субъективные права следует именовать или относить к правам человека. Соотношение между ними иное. Права человека становятся субъективными правами, если они нормативно закрепляются [19. С. 52]. Ввиду того, что в настоящей статье рассматриваются только права человека, нашедшие закрепление в текстах учредительных документов стран, далее речь пойдет о свободе совести и о свободе вероисповедания как о субъективных правах человека.

В российской юридической науке было распространено определение субъективного права, данное С.Н. Братусем. Он определял его как обеспеченную законом меру поведения или, точнее, как принадлежащую данному лицу определенную возможность и обеспеченность известного поведения [20. С. 11]. Данное определение, с незначительными редакционными поправками, использовалось многими теоретиками. Его ядром неизменно оставалось понимание права как вида возможного поведения, формальные границы которого закреплены в законе.

Впоследствии содержание субъективного права было дополнено через указание на конкретные виды правомочий. Так, Н.Г. Александров указывал, что каждое субъективное право представляет собой единство трех возможностей: вид (и меру) возможного поведения самого обладателя субъективного права; возможность требовать соответствующего поведения (совершения известных действий или, напротив, воздержания от действия) от других (обязанных) лиц; возможность прибегнуть в необходимых случаях к содействию не только общественности, но и государственного аппарата [21. С. 225].

Однако возможное поведение представляет ценность не само по себе, а лишь постольку, поскольку оно направлено на удовлетворение соответствующих потребностей, обеспечение законных интересов личности. Поэтому некоторые авторы обоснованно содержание субъективного права раскрывают через возможность пользования материальными и духовными благами. Этот момент вводится в определение понятия субъективного права индивида в работах М.С. Строговича [22. С. 168] и Н.В. Витрука [17. С. 231–233]. С точки зрения последнего, основой в содержании субъективного права во всех его проявлениях является возможность пользования определенным социальным благом. Поэтому, с его точки зрения, более точна характеристика субъективного права как меры поведения, а потому и меры обладания определенным социальным благом. Пользование благом – это цель и вместе с тем содержательная сторона субъективного права [17. С. 233].

Характеристика содержания субъективного права личности связана с еще одним важным его качеством – социальной обусловленностью содержания и гарантированностью в реализации, поэтому обоснованным видится определение субъективного права, данное Н.В. Витруком. Под ним он понимает социально обусловленную и гарантированную меру возможного поведения личности, которая определена нормами объективного права (конституцией, законами), в целях пользования материальными, духовными и личными благами и ценностями для удовлетворения собственных потребностей и интересов [17. С. 233].

Понятие субъективного права можно распространить и на свободы личности. Права и свободы есть однопорядковые категории. В большинстве своем авторы рассматривают категории прав и свобод личности как тождественные (свобода религии есть право на свободу религии и т.п.). Различаться же эти категории могут по возможности лишения, нормативному закреплению форм реализации и в целом по характеру участия публичной власти в их удовлетворении, что не относится к их содержанию.

Таким образом, содержание субъективного права составляют правомочия различного характера. И если изложенное выше приложить к свободе совести, то можно отметить, что она содержит некоторый объем правомочий в сфере выбора человеком системы убеждений для оценки своих поступков, мыслей, явлений действительности и т.п., детерминирующих поступки и деятельность личности. Эти правомочия неодинаковы по своему значению. Одни из них объединены в «ядро» свободы совести как неотъемлемую часть сферы свободы лица, без которой она теряет смысл. «Ядро» определяется целью признания и закрепления свободы, т.е. возможность каждого иметь ту систему убеждений и (или) верований, какую он сам для себя выберет, и действовать в соответствии с ней. Такие правомочия, составляющие саму суть закрепляемой свободы, и не должны подвергаться ограничениям [23. С. 226].

Остальные правомочия могут подвергаться ограничениям со стороны государства. Однако, относительно понятия ограничений прав и свобод в литературе не сложилось однозначной позиции [24]. Наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой ограничения понимаются как сужение объема прав и свобод [25. С. 6].

Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал в своих решениях, что вводимые государством меры, относящиеся к регулированию свободы совести и свободы вероисповедания в России, не должны искажать само ее существо, а возможные ограничения, затрагивающие эти и иные конституционные права, должны быть оправданными и соразмерными конституционно значимым целям [26, 27].

В свою очередь, ограничения прав и свобод следует отличать от их пределов. Объем конкретного права или свободы не бесконечен и не все правомочия подпадают в сферу его защиты. Предел свободы совести – это объективные онтологические внешние границы, устанавливающие ее максимальный объем. Все правомочия, которые находятся вне этих границ, не подлежат защите с точки зрения сферы действия свободы совести, но могут быть защищены в рамках действия других прав и свобод. Поэтому в правоприменительной практике вопрос об установлении пределов приобретает первоочередную значимость, например, при решении вопросов о допустимости тех или иных ограничений свободы совести со стороны государства или защите отдельных правомочий лица, которые предположительно были нарушены.

Определение сферы защиты свободы совести

Для определения пределов прав и свобод в практике органов конституционного нормоконтроля используются различные подходы: тест на пропорциональность (ФРГ, Австрия), метод взвешивания интересов (США, Израиль) или система принципов (критериев) ограничений (Россия). Если обратиться к практике международных судебных органов, можно отметить, что широкое распространение получил тест на пропорциональность (соразмерность), который активно используется при разрешении споров в Европейском суде по правам человека (ЕСПЧ) (для оценки соблюдения баланса между правами человека и законными целями государства), а также международными третейскими судами по инвестиционным спорам и органами Всемирной торговой организации.

На первом этапе теста на пропорциональность устанавливаются пределы защиты права. Как отмечают Коэн-Элия Моше и Порат Иддо, в начале «следует установить, что действиями правительства оказалось ограничено некоторое право. На втором этапе правительство должно показать, что оно преследовало некоторую легитимную цель и что ограничение было пропорционально этой цели» [28]. Поэтому на первом этапе применения теста на пропорциональность решается, будет ли конкретное правомочие включено в содержание и сферу защиты свободы совести и свободы вероисповедания.

ЕСПЧ в своей практике не раз сталкивался с необходимостью оценки правомерности вводимых государством ограничений, для чего использовался рассматриваемый метод.

Хотя, как утверждают некоторые авторы, этот суд имеет собственное представление о принципе пропорциональности, применение которого осуществляется не всегда последовательно и нередко расходится с устоявшимися подходами в конституционной доктрине [29, 30]. В работе датского юриста Й. Кристофферсена, прямо посвящённой данной теме, утверждается, что принцип пропорциональности по Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, 1950 г. (далее – ЕКПЧ) не совпадает с немецким правом, а германская доктрина конституционного права не может быть перенесена на ЕКПЧ [31. P. 34–35].

В России в связи с прекращением действия ряда международных договоров и в свете решений Конституционного Суда РФ [32] и Верховного Суда РФ [33] не могут применяться нормы ЕКПЧ и правовые позиции ЕСПЧ, однако с историографической точки зрения допустимо учитывать методологию определения пределов свободы совести и религии, используемую этим международным органом.

В решениях ЕСПЧ по делам, где заявители ссылались на нарушение ст. 9 ЕКПЧ («Свобода мысли, совести и религии»), выделяют три подхода в определении того, было ли в принципе нарушено конкретное право, т.е. три подхода к определению пределов свободы совести. Во-первых, *ЕСПЧ может сослаться на то, что то или иное действие было религиозно мотивированно или вдохновлено религией или верой.* Если реализация человеком того или иного правомочия, совершение им того или иного деяния религиозно мотивированно, то суд делает вывод, что оно подпадает под сферу защиты ст. 9 ЕКПЧ. Во-вторых, в ряде случаев ЕСПЧ идет по пути *раскрытия или толкования правомочий, которые охватываются свободой совести*, и если в деле одно из них подвергается нарушениям со стороны правительства, то констатируется вмешательство в свободу совести. При таком подходе важным оказывается вопрос о нормативно закрепленном перечне правомочий и их толковании правоприменительным органом. В-третьих, в ряде случаев ЕСПЧ может лишь согласиться с заявителем или правительством в том, что нарушение свободы совести имело место [23].

В последнем случае представляется, что молчаливое соглашение суда с позицией одной из сторон нарушает логику теста на пропорциональность, при котором выводы правоприменительного органа по каждому из его этапов должны быть сделаны самостоятельно и находить отражение в решении. Кроме того, при таком подходе не обеспечивается единообразие правоприменительной практики одного и того же органа, так как одна часть решений содержит анализ этого этапа, а другая – нет.

Ссылка суда на то, что то или иное действие было религиозно мотивированно или вдохновлено религией или верой, тоже представляется весьма сомнительной. Использование такого подхода видится нецелесообразным, так как он не имеет четкого дефинитивного основания. Для его использования важным становится определение термина «религия». Но можно констатировать, что он до сих пор не определен ни в национальном, ни международном праве [34].

Существуют разные подходы к определению религии. В практике Федерального конституционного суда ФРГ вера определяется как «убеждённость в отношении положения человечества в мире и его связи с высшими силами и более глубокими уровнями бытия» [35]. Это определение учитывает тот факт, что вера –глубоко личное и неуловимое явление, не поддающееся объективации.

Более того, в рамках правоприменительной практики одного органа он может меняться. Например, который в разное время придерживался различных подходов, от теоцентрических и весьма ортодоксальных до крайне либеральных, с признанием в качестве религии широкого круга убеждений [36].

В доктрине вопрос об определении религии также не решен. Одни авторы толкуют его очень расширительно [37. С. 4], другие сужают [38, 39], третьи – предлагают вообще отказаться от применения этого термина в системе права [40. С. 45–55]. Так как «правового определения “религии” не существует и создать его пока не представляется невозможным, то данный термин в юриспруденции должен быть заменен на более широкий (например, мировоззрение) и применяться единообразно в соответствии с требованиями современной юридической техники» [41].

Думается, что в данном вопросе формальная замена термина ничего не изменит. В действующих конституциях уже используются синонимичные понятия, например, убеждения. Как один из возможных вариантов выхода из ситуации можно предложить разработку критериев, которым должна соответствовать религия, чтобы признаваться таковой и получить защиту в соответствии со свободой совести и свободой вероисповедания.

Опыт работы в этом направлении можно встретить в рамках практики Верховного суда США, где был разработан тест, содержащий критерии для определения того, выступает ли система взглядов человека в роли религии. Судья А. Арлин первым предпринял попытку выработать такие критерии в своем совпадающем мнении по делу «Малнак против Йоги» [42]. Ими выступают следующие: во-первых, природа рассматриваемых идей, поскольку религиозные идеи – это идеи, затрагивающие «конечные вопросы», такие как «смысл жизни и смерти, роль человека во Вселенной, надлежащий моральный кодекс добра и зла». Во-вторых, «всеобъемлющесть» преподаваемых теорий: по мнению судьи, «религия, как правило, не ограничивается одним вопросом или одним моральным учением; она имеет более широкую сферу применения. Она претендует на конечную и всеобъемлющую «истину». Таким образом, отдельные идеи, затрагивающие «конечные вопросы», но не образующие целостной системы верований, не могут быть отнесены к религиозным». Третьим признаком были внешние признаки, такие как «формальные службы, церемониальные функции, наличие духовенства, структура и организация, усилия по распространению веры, соблюдение праздников и другие подобные проявления». Наличие или отсутствие этих признаков указывало бы на то, является ли что-либо религией.

В 1982 г. эти критерии были официально закреплены в деле «Африка против Пенсильвании» [43], решение по которому вынес Третий окружной апелляционный суд США.

Там не воспроизводятся сами критерии, но делается отсылка к решению по делу «Малнак против Йоги» и совпадающему мнению судьи Адамса. В совокупности эти критерии получили условное название «тест Африки».

В 1996 г. Десятый окружной апелляционный суд США в деле «Соединенные Штаты против Мейерса» продолжил работу над критериями и расширил «тест Африка». В анализе системы убеждений и определении того, являются ли они религиозными, суд выделил пять этапов. Во-первых, религиозные убеждения должны затрагивать фундаментальные вопросы жизни, предназначения человека и его смерти. Религия затрагивает фундаментальные и высшие вопросы, связанные с глубокими и непреложными вещами». К таким вопросам могут относиться экзистенциальные вопросы, такие как восприятие жизни человеком; онтологические вопросы, такие как чувство бытия человеком; телеологические вопросы, такие как предназначение человека в жизни; и космологические вопросы, такие как место человека во Вселенной. Во-вторых, религиозные убеждения должны быть «метафизическими», т.е. обращаться к реальности, выходящей за рамки физического и непосредственно видимого мира. Приверженцы многих религий верят в существование иного измерения, места, состояния или временности и верят в то, что эти места населены духами, душами, силами, божествами и другими видами нематериальных или нематериальных сущностей. В-третьих, религиозные убеждения предписывают определённый образ действий или жизни, который является «моральным» или «этическим». Религия описывает определённые действия в таких терминах, как «правильное и неправильное», «добро и зло» или «справедливое и несправедливое». Соответственно, эти убеждения запрещают те или иные действия как «неправильные» или «несправедливые». Структура моральных или этических убеждений также может создавать обязанности, часто налагаемые некой высшей силой, силой или духом, которые требуют от верующего отказа от элементарных личных интересов. В-четвертых, религиозные идеи имеют всеобъемлющий характер и дают верующему ответы на многие, если не на большинство, проблем и вопросов, с которыми сталкивается человечество. В-пятых, у религии есть следующие внешние признаки, которые указывают на то, что определенный набор убеждений является «религиозным»: основатель, пророк или учитель, который считается божественным, просветлённым, одарённым или благословенным; фундаментальные или священные писания; места сбора (определённые сооружения и священные, святые или значимые места); священнослужители; церемонии, ритуалы, литургии, таинства и прочие действия, предписанные религией и наделенные трансцендентным значением; структура или организация; праздники (священные или важные дни, недели или месяцы); диета или пост; внешний вид и одежда; распространение веры («миссионерская работа», обращение, или прозелитизм).

Возвращаясь к вопросу о подходах в определении пределов свободы совести, нужно отметить, что с точки зрения теории права представляется сомнительной попытка ЕСПЧ ввести мотив поведения субъекта, в качестве фактора определяющего структуру субъективного права. В противном случае для каждого субъекта пределы свободы совести будут варьироваться, объем правомочий, подпадающий в сферу защиты свободы совести, будет разным, а норма учредительного документа будет применяться или нет с учетом личностных качеств субъекта, что недопустимо. Так, если два субъекта находятся в схожей ситуации, но один утверждает, что его действия религиозно мотивированы, а второй этого не заявляет, то правоприменитель может поставить действия первого в сферу защиты свободы совести, а второго – нет.

В этом свете более приемлемым с точки зрения определения пределов свободы совести видится подход, при котором раскрываются правомочия свободы совести и свободы вероисповедания. В большинстве стран, где учредительные актыбыли приняты в XXI в., духовные права и свободы не просто закреплены, но перечислены составляющие их правомочия. Это делает возможным их толкование и формирование вывода о том, подпадает ли в сферу защиты свободы совести и свободы вероисповедания оспариваемое правомочие. Именно по такому пути, как представляется, и нужно идти при формировании текста соответствующих норм в учредительных актах государств, чтобы у правоприменительных органов была основа, от которой они могут оттолкнуться в своем анализе. Однако, стоит отметить, что есть страны, в том числе и с конституциями последнего поколения, в которых духовные свободы закреплены без уточнения их содержания и гарантий. В этом случае, исходя из уровня власти правоприменительного органа, он может основывать свою аргументацию на законодательно определяемом содержании свободы совести и свободы вероисповедания, а для высших инстанций и органов конституционного нормоконтроля – в том числе и на международных источниках права, к которым присоединилось государство.

Обзор правомочий, подпадающих в сферу защиты свободы совести

Содержание свободы совести, вне зависимости от того зафиксированы ли в учредительном акте отдельные ее правомочия или нет, одинаковое. Но в каждом государстве могут вводиться различные ее ограничения и по-разному решаться вопрос об их допустимости, исходя из исторических и культурных особенностей конкретной страны и сложившейся там системе взаимоотношений с религиозными объединениями, зачастую весьма хрупкой и основанной на взаимных компромиссах. Соответственно, в каждом государстве будет складываться неодинаковая практика отражения духовных прав и свобод в конституциях и правоприменительных актах.

Анализ текстов учредительных документов, принятых в XXI в., позволяет выделить следующие правомочия, подпадающие в сферу защиты свободы совести: *право на исповедание любой религии/убеждений* (Кения, Кыргызстан, Косово, Мозамбик, Сербия, Сомали, Центральноафриканская Республика); *право выбирать*

и менять свою религию или убеждения (Венгрия, Киргизия, Кот-д'Ивуар, Сербия, Черногория, Эсвантини); *право не исповедовать никакой религии* (Венгрия, Мозамбик); *свобода создания и деятельности религиозных объединений* (Ангола, Гвинея, Южный Судан); *право принимать или отказываться от членства в религиозном объединении* (Косово); *право на организацию мест и объектов культа* (Ангола, Египет, Южный Судан); *свобода в отправлении и исполнении своих религиозных обрядов, ритуалов* (Афганистан, Бахрейн, Венгрия, Восточный Тимор, Гвинея, Египет, Зимбабве, Ирак, Демократическая Республика Конго, Нигер, Сирия, Судан, Таиланд, Тунис, Фиджи); *свобода шествий и религиозных обрядов* (Бахрейн, Фиджи, Южный Судан); *право на отказ от военной службы по убеждениям совести* (Восточный Тимор, Мозамбик); *свобода проповедовать религию и распространять свои идеи и мнения* (Восточный Тимор, Гвинея); *свобода религиозного обучения* (Гвинея, Фиджи, Южный Судан); *свобода принесения присяги* (Зимбабве, Фиджи); *право родителей определять в соответствии со своими убеждениями моральное и религиозное воспитание своих детей* (Зимбабве, Сербия); *право на религиозные праздники/дни* (Кения, Южный Судан); *право приобретать, владеть и владеть движимым и (или) недвижимым имуществом, а также изготавливать, приобретать и использовать необходимые предметы и материалы, связанные с обрядами или обычаями религии или убеждений* (Южный Судан); *право писать, выпускать и распространять религиозную литературу* (Южный Судан); *право обучать, назначать, выбирать или передавать по наследству позиции религиозных лидеров, соответствующих требованиям и стандартам любой религии или убеждений* (Южный Судан).

Однако анализ текстов решений национальных судов также позволяет выделить некоторые правомочия, составляющие содержание свободы совести. Например, в практике Конституционного суда ЮАР можно встретить дела, в которых рассматривались следующие правомочия, включаемые в свободу совести: *право открыто и без страха препятствий или репрессий заявлять о своих религиозных убеждениях, а также право исповедовать религиозные убеждения путем богослужения и практики или путем обучения и распространения* [44]; *право носить религиозные украшения* [45]; *право на заключение полигинного мусульманского брака* [46].

Федеральный конституционный суд ФРГ неоднократно называл свободу совести «основополагающей нормой, определяющей ценности» высшего конституционного ранга. В его практике можно встретить такие правомочия свободы совести, как: *право на отказ от военной службы по убеждениям* [47]; *право на ношение хиджаба учителями-мусульманами, работающими на государственной службе* [48]; *право на демонстрацию религиозных символов* [49]; *отказ от участия в определенных государственных действиях, которые считаются морально предосудительными; отказ от соблюдения определенных государственных постановлений по религиозным или идеологическим мотивам* [50].

В практике Верховного суда США в качестве правомочий свободы совести были рассмотрены: *на сбор пожертвований в религиозных целях* [51]; *право не раскрывать свои убеждения* [52]; *право на религиозный образ жизни* [53]; *право на размещение религиозных объектов в общественных местах* [54] и т.д.

Конституционный Суд РФ в своих решениях обосновывал включение в свободу совести и свободу вероисповедания таких правомочий, как *свобода создания религиозных объединений и свобода их деятельности на основе принципа юридического равенства* [26]; *право на проведение совместных молитв, религиозных обрядов и других мероприятий* [27]; *право на осуществление миссионерской деятельности* [55]; *право на распространение религиозной литературы* [56]; *право на проведение публичных религиозных мероприятий* [57] и т.д.

Анализ решений международных судов, таких как ЕСПЧ, или Межамериканский суд по правам человека позволяет выделить некоторые правомочия, подпадающие в сферу защиты свободы совести. В частности, в практике ЕСПЧ были дела, в которых рассматривали следующие оспариваемые правомочия: *право глубоко придерживаться любых убеждений (будь то религиозных или нет) и менять свою религию или убеждения*; *право не исповедовать религию и не раскрывать свои убеждения*; *отказ от военной службы по убеждениям*; *соблюдение определенной диеты, предписанной религией или философской системой*; *ношение религиозной одежды и символов; право на религиозный брак*; *право на религиозный образ жизни*; *право родителей обеспечивать образование и обучение в соответствии с их религиозными и философскими убеждениями*; *свобода поклонения*; *право верующих мирно собираться для отправления религиозных обрядов*; *право предоставлять, открывать и содержать места или здания, предназначенные для отправления религиозных обрядов*, и т.д.[2]

В практике Межамериканского суда по правам человека были подвергнуты защите: *право на альтернативную гражданскую службу по соображениям совести* [58]; *право писать, выпускать и распространять религиозные произведения* [59]; *право назначать людей, подходящих для преподавания религии* [60].

Некоторые выводы

Права и свободы человека и гражданина в развитии своего содержания прошли долгий путь: от закрепления их в текстах первых учредительных документов до детального регулирования в современных конституциях. Сегодня в конституционной практике можно выделить несколько моделей закрепления духовных свобод. В одних текстах они только поименованы, в других – они не только закрепляются, но также раскрыты включаемые в них правомочия. В ряде конституционных текстов, например, Анголы, Бутана и т.д., закреплены специальные гарантии духовных свобод. Кроме того, есть примеры стран, в которых духовные свободы на конституционном уровне вообще не предусмотрены (Союз Коморских Островов, Мальдивы, Ливия и т.д.). Однако сегодня на практике возникают ситуации, обращающие внимание правоприменителя на содержание свободы совести и свободы вероисповедания, на сферу их действия и пределы защиты. Единой методики определения пределов прав и

свобод на сегодняшний день не сложилось, даже в практике одного органа могут использоваться разные подходы. Наиболее перспективным видится использование судебного толкования правомочий для установления содержания духовных свобод, что позволяет избежать противоречивой судебной практики и обеспечить последовательную защиту прав человека.

С этой точки зрения немецкий тест на пропорциональность, в качестве итога своего применения позволяющий сделать вывод о том, было ли нарушено спорное право, не обеспечивает достижения указанных целей, так как не предполагает компромиссного и приемлемого для обеих сторон решения.

Уже сегодня правоприменительная практика выделила ряд правомочий, которые включаются в сферу защиты свободы совести и свободы вероисповедания, углубляя их содержание и делая устойчивыми к вызовам времени.

Примечания

[1] Далее, при необходимости использования обещающего термина для свободы совести, свободы вероисповедания, свободы религии, будет использоваться словосочетание «духовные свободы».

[2] Обзор подготовлен на основе Guide on Article 9 of the European Convention on Human Rights. Freedom of thought, conscience and religion. Updated on 31 August 2025. URL: https://ks.echr.coe.int/documents/d/echr-ks/guide_art_9_eng (дата обращения: 20.11.2025).

Список источников

1. Supreme Court of the United States. Masterpiece Cakeshop v. Colorado Civil Rights Commission, 584 U.S. 617 (2018). URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/17pdf/16-111_j4el.pdf (дата обращения: 11.12.2025).
2. Constitutional Court of South Africa. MEC for Education KwaZulu-Natal and Others v Pillay. CASE: CCT 51/06. 5 October 2007. URL: https://collections.concourt.org.za/handle/20.500.12144/3050 (дата обращения: 11.12.2025).
3. European Court of Human Rights. Eweida and Others v. the United Kingdom : Application nos. 48420/10, 59842/10, 51671/10 and 36516/10 : Judgment of 15 January 2013. URL: https://hudoc.echr.coe.int/fre-press?i=003-4221189-5014359 (дата обращения: 11.12.2025).
4. High Court of South Africa. D.A v Governing Body, The Settlers High School and Others (3791/00) [2002] ZAWCHC 4 (8 February 2002). Case No 3791/00. JUDGMENT: 8 FEBRUARY 2002. https://www.saflii.org/za/cases/ZAWCHC/2002/4.pdf (дата обращения: 11.12.2025).
5. Абашидзе А.А., Солнцев А.М. Новое поколение прав человека: соматические права // Московский журнал международного права. 2009. № 1. С. 69–82.
6. Конюхова (Умнова) И.А. Конституции нового поколения: состояние и перспективы развития // Современное конституционное право : сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В. Алферова. М. : ИНИОН, 2010. С. 29–52.
7. Konstytucja 3 maja / The Constitution of May 3 / Die Verfassung vom 3. Mai (1791) / La Constitution du 3 mai (1791). URL: https://agad.gov.pl/?page_id=1675 (дата обращения: 11.12.2025).
8. Versión original de la Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos, publicada el 5 de febrero de 1917 en el Diario Oficial de la Federación: https://www.constitucionpolitica.mx/versiones-anteriores/1917 (дата обращения: 11.12.2025).
9. Белявский Д.С. Проблемы реализации права на свободу совести в субъектах Российской Федерации, находящихся в пределах Южного федерального округа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004.
10. Арутюнян Г.Г., Баглай М.В. Конституционное право : энциклопедический словарь. М., 2006.
11. Розенбаум Ю.А. Советское государство и церковь. М. : Наука, 1985.
12. Челнокова О.В. Юридическая природа и содержание прав осужденных на свободу совести и вероисповедания // Вестник Российской правовой академии. 2017. № 1. С. 75–78.
13. Королева Л.А., Мельниченко О.В. Свобода совести и свобода вероисповедания: к вопросу о терминах // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5 (11) : в 4 ч. Ч. I. С. 106–108.
14. Office of the High Commissioner for human rights. CCPR General Comment No. 22: Article 18 (Freedom of Thought, Conscience or Religion). URL: https://www.refworld.org/legal/general/hrc/1993/en/13375 (дата обращения: 11.12.2025).
15. Самощенко И.С. О нормативно-правовых средствах регулирования поведения людей // Правоведение. 1967. № 1. С. 29–38.
16. Фарбер И.Е. Свобода и права человека в Советском государстве. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1974.
17. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М. : Норма, 2008.
18. Чиркин В.Е. Конституционное право России : учебник. М., 2003.
19. Глухарева Л.И. Субъективные права, основные права, права человека: единство и различия // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2009. № 11. С. 50–61.
20. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1950.
21. Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1961.
22. Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. М. : Наука, 1966.
23. Исаева А.А. Пределы свободы совести в практике Европейского суда по правам человека и Конституционного суда Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 226–231. doi: 10.17223/15617793/448/28
24. Кондрашев А.А. Ограничения конституционных прав в Российской Федерации: теоретические подходы и политико-правовая практика // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 40–47.
25. Беломестных Л.Л. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: Теоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
26. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.11.1999 № 16-П «По делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого пункта 3 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 года “О свободе совести и о религиозных объединениях” в связи с жалобами Религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения “Христианская церковь Прославления”» // РГ. 16.12.1999.
27. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.12.2012 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 16 Федерального закона “О свободе совести и о религиозных объединениях” и пункта 5 статьи 19 Закона Республики Татарстан “О свободе совести и о религиозных объединениях” в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102074277&backlink=1&nd=102161498 (дата обращения: 11.12.2025).
28. Коэн-Элия М., Порат И. Американский метод взвешивания интересов и немецкий тест на пропорциональность: исторические корни // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 3 (82). С. 59–81.
29. Dolzhikov A. The European Court of Human Rights on the Principle of Proportionality in "Russian" Cases // TEISE [Law]. 2012. Vol. 82. P. 215–224.
30. Должиков А.В. Основные права и принцип пропорциональности в праве Европейского Союза // Российский ежегодник международного права. 2008. СПб., 2009. С.228–233.
31. Christoffersen J. Fair Balance: Proportionality, Subsidiarity and Primarity in the European Convention on Human Rights. Leiden ; Boston, 2009.
32. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”, пунктов 1 и 2 статьи 32

Федерального закона “О международных договорах Российской Федерации”, частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // РГ. № 163. 27.07.2015.

33. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2025 № 33 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 21 “О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней”» // РГ. № 289. 19.12.2025.
34. Маркова Е.Н. Проблема правового определения «религии» // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 11. С. 34–45.
35. BVerfGE 24, 236 (236)1. Das Grundrecht aus Art. 4 Abs. 1 und 2 GG steht nicht nur Kirchen, Religions- und Weltanschauungsgemeinschaften zu, sondern auch Vereinigungen, die sich nicht die allseitige, sondern nur die partielle Pflege des religiösen oder weltanschaulichen Lebens. URL: https://www.servat.unibe.ch/dfr/bv024236.html (дата обращения: 11.12.2025).
36. Sommerville John C. Defining Religion and the Present Surpreme Court Defining Religion and the Present Surpreme Court // University of Florida Journal of Law & Public Policy. 1994. Vol. 6, Is. 2. P. 167–180.
37. Кислюк К.В., Кучер Щ.Н. Религиоведение. Ростов-на-Дону ; Харьков : Феникс – Торсинг, 2003.
38. Данильян О.Г., Тараненко В.М. Религиоведение : учебник. М. : Эксмо, 2007.
39. Лобазова О.Ф. Религиоведение : учебник / под общ. ред. проф. В.И. Жукова. 2-е изд., испр. и доп. М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2003.
40. Подопригора Р.А. Государство и религиозные организации (административно-правовые вопросы). Алматы : Аркаим, 2002.
41. Бурьянов С.А. Проблема правового определения религии как ключевой вопрос поиска современного определения и содержания свободы совести // Свобода совести: проблемы теории и практики / под ред. Ф.М. Рудинского, С.А. Бурьянова. М. : Мир, 2012. С. 1039–1041.
42. The Supreme Court of the United States. Malnak v. Yogi, 440 F. Supp. 1284 (D.N.J. 1977). URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/440/1284/1817490/ (дата обращения: 11.12.2025).
43. The Supreme Court of the United States. Com. v. Africa. 524 Pa. 118 (1990). URL: https://case-law.vlex.com/vid/africa-v-com-of-891131794 (дата обращения: 11.12.2025).
44. The Constitutional Court of South Africa. Judgment of 6 October 1997. S v. Lawrence; S v. Negal; S v. Solberg. URL: https://collections.concourt.org.za/handle/20.500.12144/2019 (дата обращения: 20.11.2025).
45. The Constitutional Court of South Africa. Judgment of 5 October 2007. MEC for Education: Kwazulu-Natal and Others v. Pillay. URL: https://collections.concourt.org.za/bitstream/handle/20.500.12144/3050/Full%20judgment%20Official%20version%20%28564%20Kb%29-10986.pdf?sequence=34&isAllowed=y (дата обращения: 20.11.2025).
46. The Constitutional Court of South Africa. Judgment 15 July 2009. Hassam v. Jacobs NO and Others. URL: https://collections.concourt.org.za/bitstream/handle/20.500.12144/3566/Full%20judgment%20Official%20verison%20%28131%20Kb%29-13665.pdf?sequence=16&isAllowed=y (дата обращения: 20.11.2025).
47. BVerfG, 20.12.1960 - 1 BvL 21/60. URL: http://opinioiuris.de/entscheidung/1107 (дата обращения: 20.11.2025).
48. BVerfG, Urteil des Zweiten Senats vom 24. September 2003 - 2 BvR 1436/02-, Rn. 1-138. URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/2003/09/rs20030924_2bvr143602.html (дата обращения: 20.11.2025).
49. BVerfG, Beschluss des Ersten Senats vom 16. Mai 1995 - 1 BvR 1087/91-, Rn. 1-98. URL: https://www.bverfg.de/e/rs19950516_1bvr108791 (дата обращения: 20.11.2025).
50. BVerwG 6 C 25.12, Judgment of 11 September 2013. URL: https://www.bverwg.de/en/110913U6C25.12.0 (дата обращения: 20.11.2025).
51. The Supreme Court of the United States. Cantwell v. Connecticut | 310 U.S. 296 (1940). URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/367/488/ (дата обращения: 20.11.2025).
52. The Supreme Court of the United States. Torcaso v. Watkins, 367 U.S. 488 (1961). URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/367/488/ (дата обращения: 20.11.2025).
53. The Supreme Court of the United States. Sherbert v. Verner, 374 U.S. 398 (1963). URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/374/398/ (дата обращения: 20.11.2025).
54. The Supreme Court of the United States. Capitol Square Review & Advisory Bd. v. Pinette (1995). URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/515/753/ (дата обращения: 11.12.2025).
55. Определение от 13 марта 2018 года № 579-О/2018 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Степанова Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 241, пунктом 2 статьи 242 Федерального закона “О свободе совести и о религиозных объединениях” и частью 4 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». URL: https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision323481.pdf (дата обращения: 20.11.2025).
56. Определение от 7 декабря 2017 года № 2793-О/2017 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы религиозной организации “Религиозная христианская организация “Армия спасения” в городе Владивостоке” на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 3 статьи 17 Федерального закона “О свободе совести и о религиозных объединениях” и частью 3 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». URL: https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision305725.pdf (дата обращения: 20.11.2025).
57. Определение от 11 февраля 2021 года № 179-О/2021 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Князева Дмитрия Алексеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 статьи 241 Федерального закона “О свободе совести и о религиозных объединениях”». URL: https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision517729.pdf (дата обращения: 20.11.2025).
58. Inter-American Commission on Human Rights. (2004) Report №52/04 of 13 October 2004. Admissibility Petition 14/04. Alfredo Díaz Bustos v. Bolivia. URL: http://www.cidh.oas.org/annualrep/2004eng/Bolivia.14.04eng.htm (дата обращения: 20.11.2025).
59. Corte Interamericana de Derechos Humanos. Sentencia de 5 de febrero de 2001. «The Last Temptation of Christ» (Olmedo-Bustos et al.) v. Chile. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_73_ing.pdf (дата обращения: 20.11.2025).
60. Corte Interamericana de Derechos Humanos. Sentencia de 4 de febrero de 2022. Pavez Pavez vs. Chile. Fondo, Reparaciones y Costas. URL: https://corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_449_esp.pdf (дата обращения: 20.11.2025).

References

1. Supreme Court of the United States. (2018) *Masterpiece Cakeshop v. Colorado Civil Rights Commission*, 584 U.S. 617. [Online] Available from: https://www.supremecourt.gov/opinions/17pdf/16-111_j4el.pdf (Accessed: 11.12.2025).
2. Constitutional Court of South Africa. (2007) *MEC for Education KwaZulu-Natal and Others v Pillay*. CASE: CCT 51/06. 5 October. [Online] Available from: https://collections.concourt.org.za/handle/20.500.12144/3050 (Accessed: 11.12.2025).
3. European Court of Human Rights. (2013) *Eweida and Others v. The United Kingdom*: Application nos. 48420/10, 59842/10, 51671/10 and 36516/10: Judgment of 15 January. [Online] Available from: https://hudoc.echr.coe.int/fre-press?i=003-4221189-5014359 (Accessed: 11.12.2025).
4. High Court of South Africa. (2002) *D.A v Governing Body, The Settlers High School and Others* (3791/00) [2002] ZAWCCHC 4 (8 February 2002). Case No 3791/00. JUDGMENT: 8 FEBRUARY 2002. [Online] Available from: https://www.saflii.org/za/cases/ZAWCCHC/2002/4.pdf (Accessed: 11.12.2025).

5. Abashidze, A.A. & Solntsev, A.M. (2009) Novoe pokolenie prav cheloveka: somaticheskie prava [A new generation of human rights: somatic rights]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava – Moscow Journal of International Law*. 1. pp. 69–82.
6. Konyukhova (Umnova), I.A. (2010) Konstitutsii novogo pokoleniya: sostoyanie i perspektivy razvitiya [Constitutions of a new generation: state and development prospects]. In: Alferova, E.V. (ed.) *Sovremennoe konstitutsionnoe pravo: sbornik nauchnykh trudov* [Modern Constitutional Law: Collection of Scientific Works]. Moscow: INION. pp. 29–52.
7. *Konstytucja 3 maja / The Constitution of May 3 / Die Verfassung vom 3. Mai (1791) / La Constitution du 3 mai (1791)*. (n.d.) [Online] Available from: https://agad.gov.pl/?page_id=1675 (Accessed: 11.12.2025).
8. *Version original de la Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos, publicada el 5 de febrero de 1917 en el Diario Oficial de la Federación*. (n.d.) [Online] Available from: https://www.constitucionpolitica.mx/versiones-anteriores/1917 (Accessed: 11.12.2025).
9. Belyavskiy, D.S. (2004) *Problemy realizatsii prava na svobodu sovesti v sub"ektakh Rossiyskoy Federatsii, nakhodyashchikhsya v predelakh Yuzhnogo federal'nogo okruga* [Problems of Realising the Right to Freedom of Conscience in the Subjects of the Russian Federation within the Southern Federal District]. Abstract of Law Cand. Diss. Stavropol.
10. Arutyunyan, G.G. & Baglay, M.V. (2006) *Konstitutsionnoe pravo : entsiklopedicheskiy slovar'* [Constitutional Law: Encyclopaedic Dictionary]. Moscow.
11. Rozenbaum, Yu.A. (1985) *Sovetskoe gosudarstvo i tserkov'* [The Soviet State and the Church]. Moscow: Nauka.
12. Chelnokova, O.V. (2017) Yuridicheskaya priroda i soderzhanie prav osuzhdennykh na svobodu sovesti i veroispovedaniya [The legal nature and content of the rights of convicts to freedom of conscience and religion]. *Vestnik Rossiyskoy pravovoy akademii – Bulletin of the Russian Law Academy*. 1. pp. 75–78.
13. Koroleva, L.A. & Mel'nichenko, O.V. (2011) Svoboda sovesti i svoboda veroispovedaniya: k voprosu o terminakh [Freedom of conscience and freedom of religion: on the question of terms]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice*. 5 (11), in 4 parts, part I. pp. 106–108.
14. Office of the High Commissioner for Human Rights. (1993) *CCPR General Comment No. 22: Article 18 (Freedom of Thought, Conscience or Religion)*. [Online] Available from: https://www.refworld.org/legal/general/hrc/1993/en/13375 (Accessed: 11.12.2025).
15. Samoshchenko, I.S. (1967) O normativno-pravovykh sredstvakh regulirovaniya povedeniya lyudey [On normative-legal means of regulating people's behaviour]. *Pravovedenie – Jurisprudence*. 1. pp. 29–38.
16. Farber, I.E. (1974) *Svoboda i prava cheloveka v Sovetskom gosudarstve* [Freedom and Human Rights in the Soviet State]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta.
17. Vitruk, N.V. (2008) *Obshchaya teoriya pravovogo polozheniya lichnosti* [General Theory of the Legal Status of the Individual]. Moscow: Norma.
18. Chirkin, V.E. (2003) *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Constitutional Law of Russia]. Moscow.
19. Glukhareva, L.I. (2009) Sub"ektivnye prava, osnovnye prava, prava cheloveka: edinstvo i razlichiya [Subjective rights, fundamental rights, human rights: unity and differences]. *Vestnik RGGU. Seriya "Ekonomika. Upravlenie. Pravo" – Bulletin of RSUH. Series 'Economics. Management. Law'*. 11. pp. 50–61.
20. Bratus', S.N. (1950) *Sub"ekty grazhdanskogo prava* [Subjects of Civil Law]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury.
21. Aleksandrov, N.G. (1961) *Pravo i zakonnost' v period razvernutogo stroitel'stva kommunizma* [Law and Legality in the Period of Full-Scale Construction of Communism]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury.
22. Strogovich, M.S. (1966) *Osnovnye voprosy sovetskoy sotsialisticheskoy zakonnosti* [Main Issues of Soviet Socialist Legality]. Moscow: Nauka.
23. Isaeva, A.A. (2019) Predely svobody sovesti v praktike Evropeyskogo suda po pravam cheloveka i Konstitutsionnogo suda Rossiyskoy Federatsii [The limits of freedom of conscience in the practice of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 448. pp. 226–231. doi: 10.17223/15617793/448/28
24. Kondrashev, A.A. (2014) Ogranicheniya konstitutsionnykh prav v Rossiyskoy Federatsii: teoreticheskie podkhody i politiko-pravovaya praktika [Restrictions of constitutional rights in the Russian Federation: theoretical approaches and political-legal practice]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 7. pp. 40–47.
25. Belomestnykh, L.L. (2008) *Ogranichenie prav i svobod cheloveka i grazhdanina: Teoreticheskiy aspekt* [Restriction of Human and Civil Rights and Freedoms: Theoretical Aspect]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
26. Russian Federation. Constitutional Court. (1999) *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 23.11.1999 № 16-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti abzatsev tret'ego i chetvertogo punkta 3 stat'i 27 Federal'nogo zakona ot 26 sentyabrya 1997 goda "O svobode sovesti i o religioznykh ob"edineniyakh" v svyazi s zhalobami Religioznogo obshchestva Svideteley Iegovy v gorode Yaroslavle i religioznogo ob"edineniya "Khristianskaya tserkov' Proslavleniya""* [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 16-P of 23.11.1999 'On the case concerning the verification of the constitutionality of paragraphs three and four of point 3 of Article 27 of the Federal Law of 26 September 1997 "On Freedom of Conscience and on Religious Associations" in connection with the complaints of the Religious Society of Jehovah's Witnesses in the city of Yaroslavl and the religious association "Christian Church of Glorification"']. *RG – Rossiyskaya Gazeta*. 16.12.1999.
27. Russian Federation. Constitutional Court. (2012) *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 05.12.2012 № 30-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy punkta 5 stat'i 16 Federal'nogo zakona "O svobode sovesti i o religioznykh ob"edineniyakh" i punkta 5 stat'i 19 Zakona Respubliki Tatarstan "O svobode sovesti i o religioznykh ob"edineniyakh" v svyazi s zhaloboy Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiyskoy Federatsii"* [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 30-P of 05.12.2012 'On the case concerning the verification of the constitutionality of the provisions of point 5 of Article 16 of the Federal Law "On Freedom of Conscience and on Religious Associations" and point 5 of Article 19 of the Law of the Republic of Tatarstan "On Freedom of Conscience and on Religious Associations" in connection with the complaint of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation']. [Online] Available from: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102074277&backlink=1&nd=102161498 (Accessed: 11.12.2025).
28. Cohen-Eliya, M. & Porat, I. (2011) Amerikanskiy metod vzveshivaniya interesov i nemetskiy test na proportsional'nost': istoricheskie korni [The American method of balancing interests and the German proportionality test: historical roots]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review*. 3 (82). pp. 59–81.
29. Dolzhikov, A. (2012) The European Court of Human Rights on the Principle of Proportionality in "Russian" Cases. *TEISE [Law]*. 82. pp. 215–224.
30. Dolzhikov, A.V. (2009) Osnovnye prava i printsip proportsional'nosti v prave Evropeyskogo Soyuza [Fundamental rights and the principle of proportionality in European Union law]. In: *Rossiyskiy ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. 2008* [Russian Yearbook of International Law. 2008]. St. Petersburg. pp. 228–233.
31. Christoffersen, J. (2009) *Fair Balance: Proportionality, Subsidiarity and Primarity in the European Convention on Human Rights*. Leiden; Boston.
32. Russian Federation. Constitutional Court. (2015) Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 21-P of 14.07.2015 'On the case concerning the verification of the constitutionality of the provisions of Article 1 of the Federal Law "On the Ratification of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and the Protocols thereto", points 1 and 2 of Article 32 of the Federal Law "On International Treaties of the Russian Federation", parts one and four of Article 11, point 4 of part four of Article 392 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, parts 1 and 4 of Article 13, point 4 of part 3 of Article 311 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, parts 1 and 4 of Article 15, point 4 of part 1 of Article 350 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and point 2 of part four of Article 413 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the request of a group of deputies of the State Duma'. *RG – Rossiyskaya Gazeta*. No. 163. 27.07.2015. (In Russian).
33. Russian Federation. Supreme Court. (2025) Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 33 of 09.12.2025 'On amendments to certain resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and on repealing the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27 June 2013 No. 21 "On the application by courts of general jurisdiction of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 4 November 1950 and the Protocols thereto"'. *RG – Rossiyskaya Gazeta*. No. 289. 19.12.2025. (In Russian).

34. Markova, E.N. (2018) Problema pravovogo opredeleniya "religii" [The problem of the legal definition of 'religion']. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 11. pp. 34–45.
35. *BVerfGE 24, 236 (236)1. Das Grundrecht aus Art. 4 Abs. 1 und 2 G6 steht nicht nur Kirchen, Religions- und Weltanschauungsgemeinschaften zu, sondern auch Vereinigungen, die sich nicht die allseitige, sondern nur die partielle Pflege des religiösen oder weltanschaulichen Lebens*. (n.d.) [Online] Available from: https://www.servat.unibe.ch/dfr/bv024236.html (Accessed: 11.12.2025).
36. Sommerville, John C. (1994) Defining Religion and the Present Supreme Court. *University of Florida Journal of Law & Public Policy*. 6 (2). pp. 167–180.
37. Kislyuk, K.V. & Kucher, Shch.N. (2003) *Religiovedenie* [Religious Studies]. Rostov-on-Don; Kharkov: Feniks – Torsing.
38. Danil'yan, O.G. & Taranenko, V.M. (2007) *Religiovedenie* [Religious Studies]. Moscow: Eksmo.
39. Lobazova, O.F. (2003) *Religiovedenie* [Religious Studies], ed. by V.I. Zhukov. 2nd ed. Moscow: Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya "Dashkov i Ko".
40. Podoprigora, R.A. (2002) *Gosudarstvo i religioznye organizatsii (administrativno-pravovye voprosy)* [The State and Religious Organisations (Administrative-Legal Issues)]. Almaty: Arkaim.
41. Bur'yanov, S.A. (2012) Problema pravovogo opredeleniya religii kak klyuchevoy vopros poiska sovremennogo opredeleniya i soderzhaniya svobody sovesti [The problem of the legal definition of religion as a key question in the search for a modern definition and content of freedom of conscience]. In: Rudinskiy, F.M. & Bur'yanov, S.A. (eds) *Svoboda sovesti: problemy teorii i praktiki* [Freedom of Conscience: Problems of Theory and Practice]. Moscow: Mir. pp. 1039–1041.
42. Supreme Court of the United States. (1977) *Malnak v. Yogi*, 440 F. Supp. 1284 (D.N.J. 1977). [Online] Available from: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/440/1284/1817490/ (Accessed: 11.12.2025).
43. Supreme Court of the United States. (1990) *Com. v. Africa*. 524 Pa. 118 (1990). [Online] Available from: https://case-law.vlex.com/vid/africa-v-com-of-891131794 (Accessed: 11.12.2025).
44. Constitutional Court of South Africa. (1997) *S v. Lawrence; S v. Negal; S v. Solberg*. Judgment of 6 October. [Online] Available from: https://collections.concourt.org.za/handle/20.500.12144/2019 (Accessed: 20.11.2025).
45. Constitutional Court of South Africa. (2007) *MEC for Education: Kwazulu-Natal and Others v. Pillay*. Judgment of 5 October. [Online] Available from: https://collections.concourt.org.za/bitstream/handle/20.500.12144/3050/Full%20judgment%20Official%20version%20%28564%20Kb%29-10986.pdf?sequence=34&isAllowed=y (Accessed: 20.11.2025).
46. Constitutional Court of South Africa. (2009) *Hassam v. Jacobs NO and Others*. Judgment 15 July. [Online] Available from: https://collections.concourt.org.za/bitstream/handle/20.500.12144/3566/Full%20judgment%20Official%20version%20%28131%20Kb%29-13665.pdf?sequence=16&isAllowed=y (Accessed: 20.11.2025).
47. *BVerfG, 20.12.1960 - 1 BvL 21/60*. (n.d.) [Online] Available from: http://opinioiuris.de/entscheidung/1107 (Accessed: 20.11.2025).
48. *BVerfG, Urteil des Zweiten Senats vom 24. September 2003 - 2 BvR 1436/02-, Rn. 1-138*. (n.d.) [Online] Available from: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/2003/09/rs20030924_2bvr143602.html (Accessed: 20.11.2025).
49. *BVerfG, Beschluss des Ersten Senats vom 16. Mai 1995 - 1 BvR 1087/91-, Rn. 1-98*. (n.d.) [Online] Available from: https://www.bverfg.de/e/rs19950516_1bvr108791 (Accessed: 20.11.2025).
50. *BVerwG 6 C 25.12, Judgment of 11 September 2013*. (n.d.) [Online] Available from: https://www.bverwg.de/en/110913U6C25.12.0 (Accessed: 20.11.2025).
51. Supreme Court of the United States. (1940) *Cantwell v. Connecticut* | 310 U.S. 296. [Online] Available from: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/367/488/ (Accessed: 20.11.2025).
52. Supreme Court of the United States. (1961) *Torcaso v. Watkins*, 367 U.S. 488. [Online] Available from: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/367/488/ (Accessed: 20.11.2025).
53. Supreme Court of the United States. (1963) *Sherbert v. Verner*, 374 U.S. 398. [Online] Available from: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/374/398/ (Accessed: 20.11.2025).
54. Supreme Court of the United States. (1995) *Capitol Square Review & Advisory Bd. v. Pinette*. [Online] Available from: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/515/753/ (Accessed: 11.12.2025).
55. Russian Federation. Constitutional Court. (2018) *Ruling of 13 March 2018 No. 579-O/2018 'On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Sergey Nikolaevich Stepanov about the violation of his constitutional rights by point 1 of Article 241, point 2 of Article 242 of the Federal Law "On Freedom of Conscience and on Religious Associations" and part 4 of Article 5.26 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offences'*. [Online] Available from: https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision/323481.pdf (Accessed: 20.11.2025). (In Russian).
56. Russian Federation. Constitutional Court. (2017) *Ruling of 7 December 2017 No. 2793-O/2017 'On the refusal to accept for consideration the complaint of the religious organisation "Religious Christian Organisation 'The Salvation Army' in the city of Vladivostok" about the violation of constitutional rights and freedoms by point 3 of Article 17 of the Federal Law "On Freedom of Conscience and on Religious Associations" and part 3 of Article 5.26 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offences'*. [Online] Available from: https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision/305725.pdf (Accessed: 20.11.2025).
57. Russian Federation. Constitutional Court. (2021) *Ruling of 11 February 2021 No. 179-O/2021 'On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Dmitry Alekseevich Knyazev about the violation of his constitutional rights by point 2 of Article 241 of the Federal Law "On Freedom of Conscience and on Religious Associations"'*. [Online] Available from: https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision/517729.pdf (Accessed: 20.11.2025).
58. Inter-American Commission on Human Rights. (2004) *Report No 52/04 of 13 October 2004. Admissibility Petition 14/04. Alfredo Díaz Bustos v. Bolivia*. [Online] Available from: http://www.cidh.ois.org/annualrep/2004eng/Bolivia.14.04eng.htm (Accessed: 20.11.2025).
59. Corte Interamericana de Derechos Humanos. (2001) *Sentencia de 5 de febrero de 2001. "The Last Temptation of Christ" (Olmedo-Bustos et al.) v. Chile*. [Online] Available from: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_73_ing.pdf (Accessed: 20.11.2025).
60. Corte Interamericana de Derechos Humanos. (2022) *Sentencia de 4 de febrero de 2022. Pavez Pavez vs. Chile. Fondo, Reparaciones y Costas*. [Online] Available from: https://corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_449_esp.pdf (Accessed: 20.11.2025).

Информация об авторе:

Акобирова А.А. – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и международного права, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: tess@mail2000.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Akobirova, Cand. Sci. (Law), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tess@mail2000.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.12.2025;
одобрена после рецензирования 23.02.2026; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 21.12.2025;
approved after reviewing 23.02.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 343
doi: 10.17223/15617793/527/26

Место, время, способ незаконной охоты по материалам судебной практики Дальневосточного и Сибирского федеральных округов

Алла Васильевна Верещагина[1]

[1] *Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия, vereschagina_alla@mail.ru*

Аннотация. Представлены результаты обобщения судебной практики Дальневосточного и Сибирского федеральных округов, конкретизирующие содержание некоторых признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 258 УК РФ, – место, время и способ совершения, обусловленного географическими и социально-экономическими особенностями субъектов Дальневосточного и Сибирского федеральных округов.
Ключевые слова: незаконная охота, место незаконной охоты, время незаконной охоты, способ совершения незаконной охоты, Дальневосточный федеральный округ, Сибирский федеральный округ

Для цитирования: Верещагина А.В. Место, время, способ незаконной охоты по материалам судебной практики Дальневосточного и Сибирского федеральных округов // Вестник Томского государственного университета. 2026. № 527. С. 236–246. doi: 10.17223/15617793/527/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/527/26

Location, timing, and method of illegal hunting based on the judicial practice of the Far Eastern and Siberian Federal Districts

Alla V. Vereshchagina[1]

[1] *Vladivostok State University, Vladivostok, Russian Federation, vereschagina_alla@mail.ru*

Abstract. This study examines the location, timing, and methods of illegal hunting within the constituent entities of the Far Eastern and Siberian Federal Districts through the prism of judicial practice, utilizing a sample selected via the main array method based on availability criteria. An analysis of 465 court decisions across the Far Eastern and Siberian Federal Districts and a generalization of the obtained results regarding these parameters revealed both shared and distinct characteristics inherent to this crime's objective elements in these regions. In general, the majority of offenses under Article 258 of the Criminal Code of the Russian Federation in both districts are committed in publicly accessible hunting grounds, occurring year-round, at any time of day, and involving a variety of motorized vehicles. In both federal districts, illegal hunters predominantly rely on firearms—including modern, recently manufactured models—while also employing various traps, some of which fail to meet humane animal capture standards. However, several distinct regional peculiarities emerge due to specific environmental factors (geographical location, topography, climate, and fauna) and socio-economic characteristics (transport accessibility, population density, and local employment patterns). For instance, in the Far East, unlike Siberia, illegal hunting is more prevalent within specially protected natural territories, a trend explained by the significantly higher proportion of this land category within the Far Eastern Federal District. Furthermore, landscape and climatic diversity directly influence the monthly and daily frequency of illegal hunting across both territories. Poachers in the Far Eastern Federal District more frequently use Japanese-made vehicles during their hunts, which is a direct consequence of geographical proximity to Japan and local employment patterns tied to the import and dealership of Japanese automobiles. Conversely, illegal hunters in Siberia more actively deploy foreign-made firearms. These findings demonstrate how regional natural and socio-economic factors shape the specific objective signs of illegal hunting, a correlation that must be prioritized by law enforcement agencies when designing and implementing targeted preventive measures.
Keywords: illegal hunting, location of illegal hunting, timing of illegal hunting, method of illegal hunting, Far Eastern Federal District, Siberian Federal District

***For citation*:** Vereshchagina, A.V. (2026) :Location, timing, and method of illegal hunting based on the judicial practice of the Far Eastern and Siberian Federal Districts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 527. pp. 236–246. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/527/26

Введение

Защита природной окружающей среды осуществляется различными способами, в том числе установлением уголовной ответственности за совершение экологических преступлений, к которым отнесена незаконная охота (ст. 258 УК РФ)[1].

В публикациях излагаются криминологические, криминалистические и уголовно-правовые аспекты охраны природной окружающей среды (О.Л. Дубовик, Р.А. Забавко, А.С. Курманов, Е.В. Рогова и др.) [1–3]. Однако работ, посвящённых изучению отдельных аспектов незаконной охоты (ст. 258 УК РФ) сквозь призму судебной практики Дальневосточного

© Верещагина А.В., 2026

и Сибирского федеральных округов, до настоящего времени не опубликовано (далее в тексте ДФО и СФО).

Цель исследования – выявление содержания некоторых признаков преступления, предусмотренного ст. 258 УК РФ, изложенных в решениях судов Дальневосточного (204 акта) и Сибирского (261 акт) федеральных округов, размещённых на сайтах «Судебные и нормативные акты РФ», «АКТОФАКТ. Архив судебных дел и решений» и «Судебные решения РФ», отобранных методом основного массива по критерию доступности.

При проведении исследования автор руководствовался принципами всесторонности, объективности, плюрализма, определяющей роли практики в процессе познания и использовал статистический, формально-логический методы и анализа документов.

Место совершения незаконной охоты

В соответствии с Федеральным законом «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее в тексте ФЗ «Об охоте»)[2] охота допускается только на специально предназначенных для этого территориях, называемых охотничьими угодьями, подразделяемых на общедоступные и закреплённые (п. 15 ст. 1, ч. 2 ст. 7 ФЗ «Об охоте»). При этом, поскольку лучшие охотничьи угодья (около 810 млн га), на которых находилось примерно 75% диких копытных, «переданы в пользование 4,5 тыс. юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», в основном представителям российского истеблишмента [4. С. 143], в означенном законе квотирован минимальный размер общедоступных охотничьих угодий – не менее 20% от их общей площади в субъекте России.

Размер общедоступных охотничьих угодий в субъектах ДФО и СФО представлен на рис. 1, 2[3].

Данные, представленные на рис. 1, 2, позволяют сформулировать следующие суждения: 1) медиана удельного веса общедоступных охотничьих угодий в ДФО и СФО составляет 43,29 и 53,04% соответственно; 2) общедоступные охотничьи угодья меньше медианных значений находятся в субъектах южной части Дальневосточного (Амурская и Еврейская автономная области, Приморский край) и Сибирского (Алтайский край, Иркутская, Кемеровская и Новосибирская области) федеральных округов; 3) наименьший размер общедоступных охотничьих угодий зафиксирован в Еврейской автономной области (4,22%) и Приморском крае (14,02%); 4) доля общедоступных охотничьих угодий превышает 80% в Магаданской и Сахалинских областях и Республике Тыва, а в Чукотском автономном округе тяготеет к 100% (97,61%).

Отмеченные особенности, на наш взгляд, обусловлены географическими, климатическими, ландшафтными, демографическими и другими особенностями отдельных территорий Дальнего Востока и Сибири. Так, в регионах, расположенных на юге федеральных округов, более благоприятные климатические условия (особенно в Приморском крае – среднегодовая температура составляет 3,2°[4]), более высокая плотность населения (Кемеровская – 26,61, Новосибирская – 15,68 области, Алтайский – 12,5 и Приморский – 10,93 человека на 1 кв. км[5]), развито автомобильное, авиа и железнодорожное сообщение, что делает привлекательным использование закреплённых охотничьих угодий в этих субъектах в коммерческих целях. Кроме того, в земельном фонде Приморского края высока доля земель особо охраняемых природных территорий (16,55%) и земель Минобороны (1,1%) [5. С. 86].

Напротив, Магаданская область и Чукотский автономный округ – это территории Крайнего Севера, сообщение с которыми ограничено авиа- и «неустойчивым» морским (период навигации апрель – ноябрь) и автомобильным (одна федеральная трасса Р504 «Колыма», которая почти не асфальтирована, соединяющая Магадан и Нижний Бестях (Республика Саха (Якутия)) сообщением, с субарктическим, переходящему к арктическому, климатом с длительной зимой до 300 дней (Чукотский автономный округ), с температурами, достигающими зимой –50° и ниже, с крайне низкой плотностью населения – 0,29 (Магаданская область) и 0,07 человека (Чукотский автономный округ) на 1 кв. км.

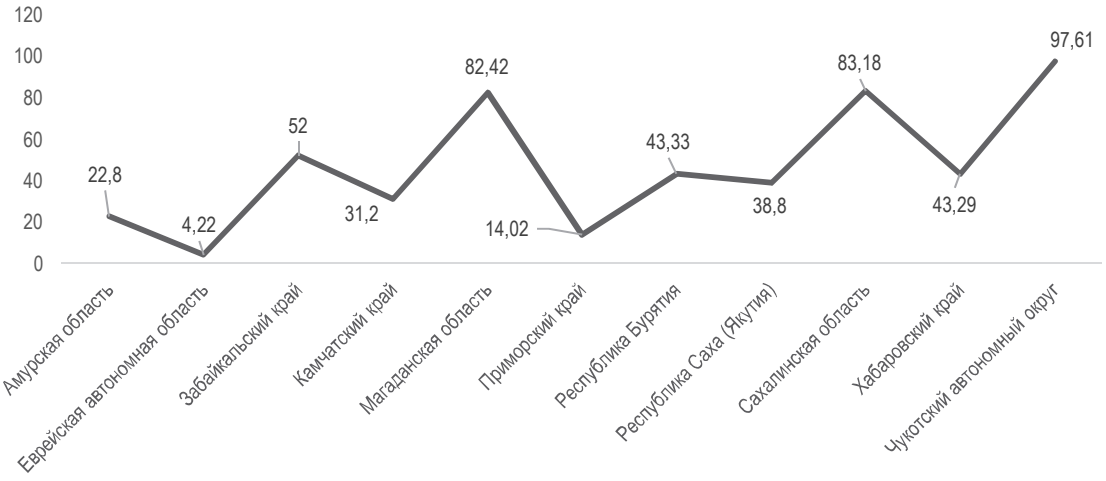

Рис. 1. Площадь общедоступных охотничьих угодий в субъектах ДФО, % от общей площади охотничьих угодий субъекта

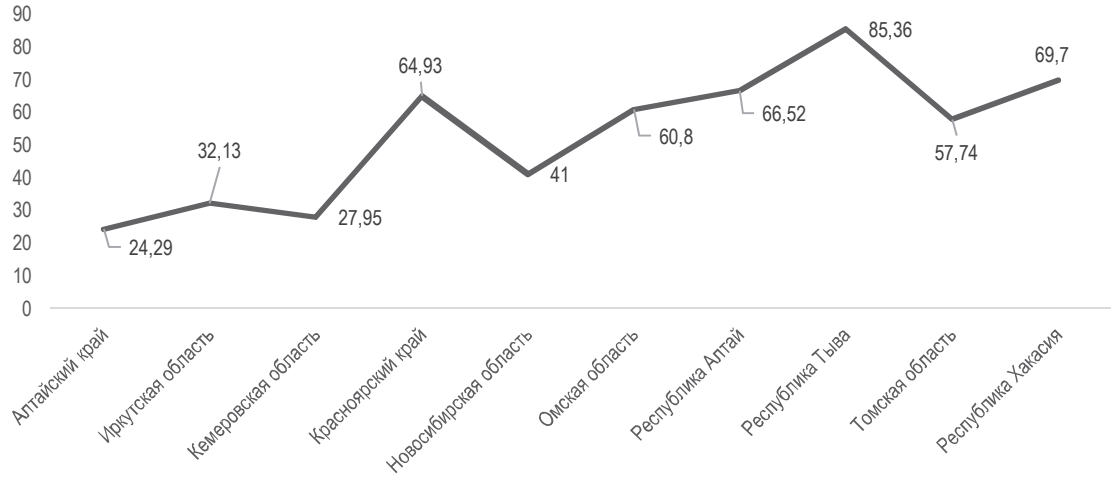

Рис. 2. Общедоступные охотничьи угодья в субъектах СФО, % от общей площади охотничьих угодий субъекта

Республика Тыва и Сахалинская область, хотя и не относятся к районам Крайнего Севера, но сообщение с ними также затруднено – авиа, автомобильное (Республика Тыва) и морское (Сахалинской область) сообщение; низкая плотность населения 2,01 человека на 1 кв. км в Республике Тыва и 5,25 в Сахалинской области. Указанные моменты позволяют предположить, что затраты на содержание закреплённых охотничьих угодий в соответствии с охотхозяйственными соглашениями сложно окупить.

Доминирование общедоступных охотничьих угодий в подавляющей части субъектов ДФО и СФО, а также имеющиеся сложности с их охраной (о чём ниже) сказываются на частоте встречаемости совершения незаконной охоты именно в этих угодьях (более 50% в обоих округах) (рис. 3). Хотя медианное значение общедоступных охотничьих угодий в ДФО почти на 10% ниже в сравнении с СФО и составляет 43,29% (рис. 1, 2 и текст выше).

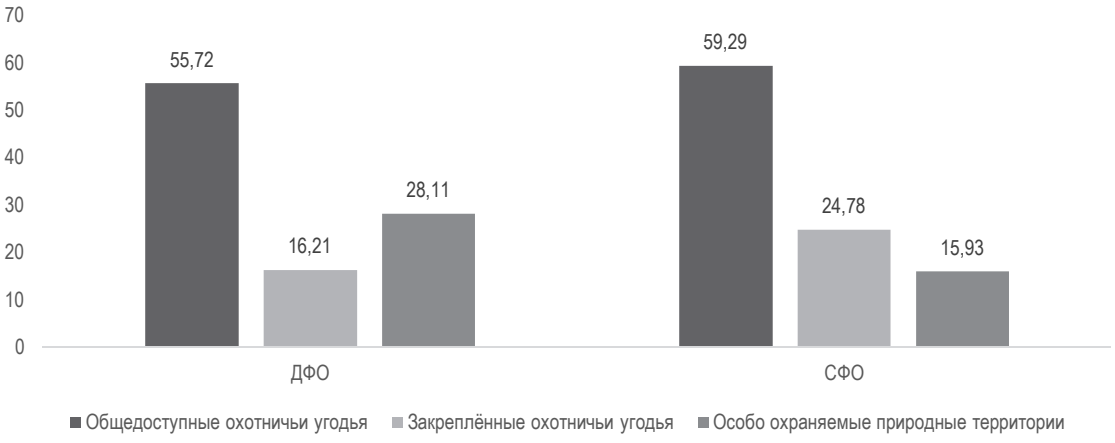

Рис. 3. Место совершения незаконной охоты, % от общего количества указанных мест преступления в изученных судебных актах по округам

Превышение на 3,57% количества совершённых актов незаконной охоты в общедоступных охотничьих угодьях СФО в сравнении с ДФО (см. рис. 3) соответствует допустимой погрешности для прикладных исследований. Далее в ДФО в порядке убывания местом незаконной охоты являются особо охраняемые природные территории и закреплённые охотничьи угодья. В СФО последовательность распределения мест совершения незаконной охоты от большего к меньшему (помимо общедоступных охотничьих угодий) иная: закреплённые охотничьи угодья и особо охраняемые природные территории.

Различия в ранжировании, думается, объяснимы большим удельным весом особо охраняемых природных территорий федерального, регионального и местного значения в ДФО 46% против 29,2% в СФО[6]. Что касается превалирования незаконной охоты в закреплённых охотничьих угодьях в СФО, удельный вес которых меньше, чем в ДФО, то отметим, что приращение изученной судебной практики, хотя и влияло на цифровые показатели незаконной охоты в этом виде угодий, но распределение по месту совершения незаконной охоты оставалось для ДФО и СФО неизменным, в последовательности, отражённой на рис. 3.

В исследованиях встречаются позитивные (способ обеспечения реализации права граждан на охоту – Д.Б. Горохов, Д.Д. Шунаев) и негативные (бесхозное использование природных ресурсов – Г.И. Сухомиров) оценки института общедоступных охотничьих угодий [6. С. 123; 7. С. 160]. На наш взгляд, доминирование общедоступных охотничьих угодий как места совершения незаконной охоты подтверждает обоснованность позиции Г.И. Сухомирова.

Исследователи обращают внимание на сложности охраны общедоступных охотничьих угодий, в том числе обусловленные недофинансированием федеральным центром реализации делегированных региональным органам полномочий по охране и использованию объектов животного мира. К примеру, в 2014 г. доля федеральных субвенций на эти цели в регионах ДФО в среднем, без учёта Забайкальского края и Республики Бурятия, составила 11,1% и варьировалась от 2% в Еврейской автономной области до 26,2% в Республике Саха (Якутия) [8. С. 116]. Ситуация, по сути, не изменилась. Расчётный объём субвенций федерального бюджета на исполнение полномочий субъектами Российской Федерации в области охраны и использования охотничьих ресурсов в 2024 г. составил 9,2 млрд руб., а выделили только 1,6 млрд руб., т.е. 17,39% от расчётного объёма. Частично дефицит восполнили субъекты РФ, которые в 2024 г. ассигновали дополнительные средства в размере 3,6 млрд руб. для реализации этих полномочий[7]. Как результат, штатная численность осуществляющих федеральный государственный охотничий надзор (контроль) государственных охотничьих инспекторов «символическая» из-за огромных площадей и их недокомплекта [9. С. 180]. С 1990 г. количество государственных охотничьих инспекторов сократилось в 20 раз, а их функционал расширился, например, посредством введения должностей межрайонных инспекторов, обслуживающих как минимум два района [10. С. 17]. В Республике Бурятия в 2024 г. было всего 59 государственных охотинспекторов, а площадь общедоступных охотничьих угодий составляла 10,7 млн га [11], т.е. на одну штатную единицу приходилось 181355,9 га подконтрольных охотничьих угодий. В Красноярском крае в 2025 г. штатная численность уполномоченных осуществлять федеральный государственный охотничий контроль составила 73 единицы, но фактически охрану охотничьих угодий вели 63 государственных охотничьих инспектора. На одного инспектора приходилось до 1,6 млн га подконтрольной территории, в северных районах края – до 6,9 млн га [12].

Дополнительным аргументом обоснованности сформулированного предположения о сложности охраны общедоступных охотничьих угодий является соотношение охотничьих угодий по видам в Республике Бурятия и Красноярском крае и их «встречаемости» как места совершения незаконной охоты в изученных судебных актах.

Рис. 4. Красноярский край и Республика Бурятия: распределение охотничьих угодий по видам и частоте их «встречаемости» как места незаконной охоты в изученной судебной практике, %

Как видно из приведённых на рис. 4 данных, в Бурятии общедоступные охотничьи угодья составляют менее 50%, при этом более половины случаев незаконной охоты (56%) выявлены именно в этих угодьях.

Закреплённые охотничьи угодья как место незаконной охоты в Республике Бурятия и Красноярском крае указаны в 8 и 15% судебных актов, хотя удельный вес закреплённых охотничьих угодий в Республики Бурятия и Красноярском крае составляет 56,67 и 35,07% соответственно. Отмеченное, думается, обусловлено «двойной охраной» закреплённых охотничьих угодий – государственными охотничьими[8] и производственными охотничьими инспекторами, являющимися работниками по найму у охотпользователей и осуществляющих производственный охотничий контроль в границах охотничьих угодий, указанных в охотхозяйственных соглашениях[9]. Появление института производственного охотничьего контроля – следствие, повторимся, постоянной трансформации государственного управления охраной и использованием животного мира и уменьшения финансирования, которые ослабили государственный охотничий надзор и увеличили риски истощения биоразнообразия и т.п. [13. С. 165]. Наделение производственных охотничьих инспекторов правами по проверке соблюдения правил охоты, осмотру транспортных средств с применением фото- и видеофиксации, составлению актов о признаках совершения правонарушений, информированию о готовящемся или совершённом правонарушении органов государственного надзора или внутренних дел (ч. 7 ст. 41 ФЗ

«Об охоте»), вероятно, улучшает ситуацию с охраной объектов животного мира. Во всяком случае, несмотря на значительные площади закреплённых охотничьих угодий в Бурятии и Красноярском крае, упоминание в судебных актах этого вида угодий как места совершения незаконной охоты значительно ниже (см. рис. 4).

Меньшее количества случаев незаконной охоты на особо охраняемых природных территориях в Красноярском крае (20%) в сравнении с Республикой Бурятия (36%) (рис. 4), на наш взгляд, объяснимо несколькими обстоятельствами: 1) удельный вес особо охраняемых природных территорий от общей площади Красноярского края по сравнению с Республикой Бурятия почти на ⅓ меньше – 6,28 и 9,18% соответственно; 2) сосредоточение ¾ (74,72%) особо охраняемых природных территорий в Таймырском Долгано-Ненецком, Туруханском и Эвенкийском районах Красноярского края, которые расположены в арктической и субарктической зонах, с суровым климатом, высоким снежным покровом в течение 9 месяцев (со второй половины сентября по первую половину июня), низкой плотностью населения (в Таймырском Долгано-Ненецком 0,04 человека на 1 кв. км, а в Эвенкийском – 0,02 человека на 1 кв. км[10]), что усложняет не только процесс охоты, но и выявление фактов незаконной охоты.

Помимо введения производственного охотничьего контроля положительно сказывается на противодействии браконьерству проведение рейдов с участием представителей других ведомств. Чаще всего «рейдовые» группы состоят из государственных охотничьих инспекторов и сотрудников полиции.

Львиную долю преступлений, предусмотренных ст. 258 УК РФ, выявляют государственные охотничьи инспекторы и сотрудники полиции, хотя в ДФО и СФО их удельный вес от общего числа лиц, задержавших незаконных охотников, различен: государственные инспекторы 40,94% (ДФО) и 37,4% (СФО) и сотрудники полиции 33,86% (ДФО) и 51,82% (СФО) (рис. 5). В ДФО больше фактов уголовно-наказуемого браконьерства обнаружено сотрудниками особо охраняемых природных территорий – 19,69% (СФО 9,76%) и военнослужащими – 5,51% (СФО 1,69%)[11] (рис. 5).

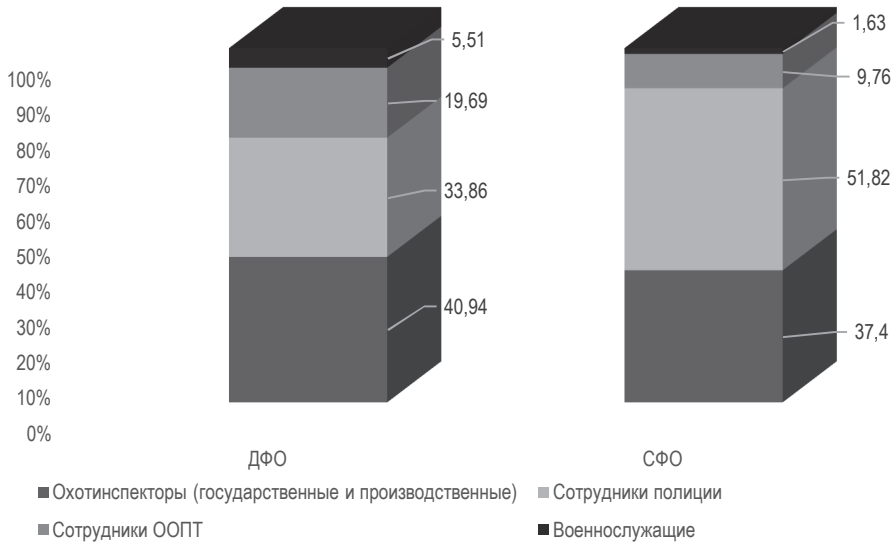

Рис. 5. Ведомственная принадлежность субъектов, задержавших незаконных охотников, согласно изученным судебным решениям, %

Месяц и время совершения незаконной охоты

Выделяется весенне-летняя и осенне-зимняя охота, осуществляемая в предусмотренные региональными нормативными правовыми актами сроки. Устанавливаемые сроки охоты зависят от климатических особенностей, состояния охотничьих ресурсов и т.п. Например, добыча бурого медведя в ДФО и СФО в зависимости от региона во время весенне-летней охоты может начинаться 21 марта, 1, 10, 11, 15, 20 апреля и завершаться 30 апреля, 15, 20, 30, 31 мая, 10 июня; а осенне-зимняя охота с 1 августа (исключение Сахалинская область – 10 августа) по 30 ноября и 31 декабря[12]. В январе, феврале и июле охота на бурого медведя запрещена.

Результаты обобщения судебной практики (рис. 6) свидетельствуют о круглогодичной незаконной добыче объектов животного мира (на это также указывают некоторые исследователи [14. С. 129]), но с разной степенью интенсивности по месяцам.

Помесячное распределение фактов незаконной охоты в обоих округах в целом сопоставимо, хотя есть различия (рис. 6). В ДФО максимальные значения приходятся на февраль, октябрь, минимальные – на июль, август. В СФО максимальные значения в феврале, декабре, минимальные в мае, июне, июле. Выскажем предположение о влиянии ландшафтных особенной ДФО на помесячное распределение фактов браконьерства. В частности, около 75% территории Дальнего Востока имеет сложный горный рельеф и высокий снежный покров (исключение со-

ставляют некоторые территории Республики Бурятия, Забайкальского и Приморского краёв), что затрудняет охоту в зимнее время, даже с применением снегоходов.

Наряду с «круглогодичностью» незаконная охота в ДФО и СФО характеризуется «круглосуточностью» (рис. 7).

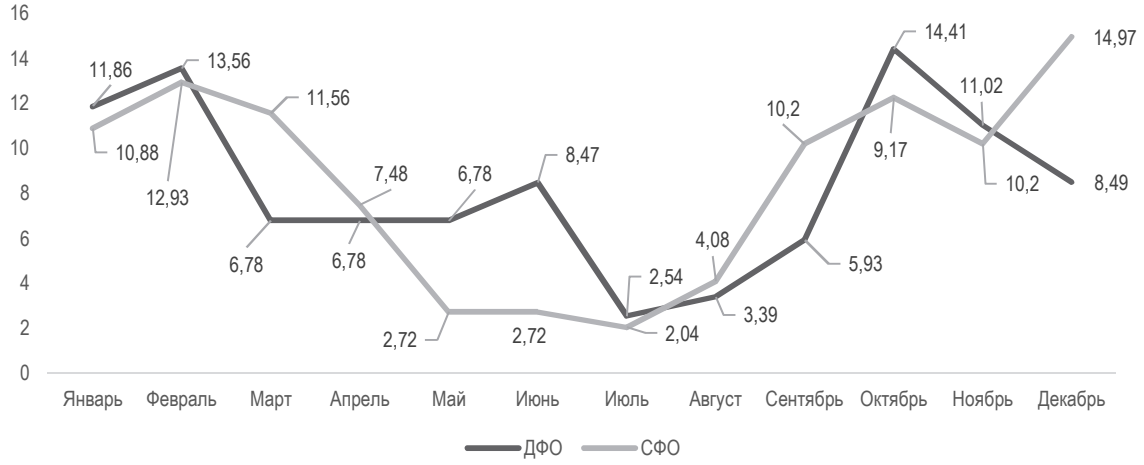

Рис. 6. Совершение незаконной охоты по месяцам, % от указанных в изученных судебных решениях

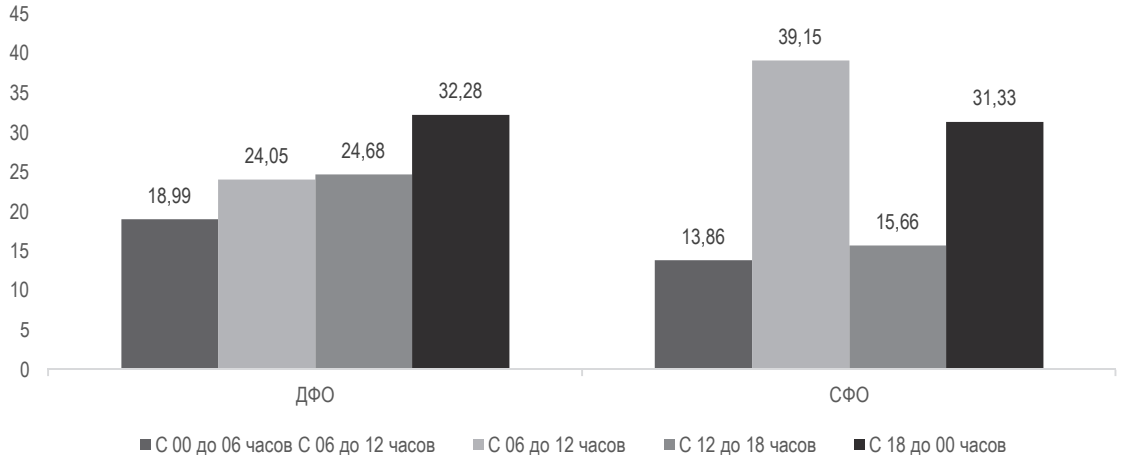

Рис. 7. Временной период совершения незаконной охоты в течение суток, % от указанного времени в судебных решениях

В субъектах ДФО распределение значений совершения незаконной охоты в течение суток колеблется в интервале от 18,99% (00.00–06.00) и до 32,28% (18.00–00.00), в СФО с 13,86% (00.00–06.00) до 39,15% (06.00–12.00). То есть минимальное количество случаев незаконной охоты совершается в обоих округах в период с 00 до 06 часов утра, а максимальное в ДФО приходится на период с 18.00 до 00.00 и в СФО с 12.00 до 18.00.

При оценке полученных результатов следует учитывать длящийся характер охоты, что влияет на конкретизацию времени совершения преступления в судебных актах – момент начала поиска, отстрел объекта добычи, иногда период, в течение которого происходила охота, и т.п. «Круглосуточность» совершения незаконной охоты, на наш взгляд, следствие хорошей оснащённости охотников, использующих разнообразные транспортные средства (автомобили, снегоходы, вездеходы и т.п.), оружие с оптическими прицелами; приборы ночного видения, включая тепловизоры, и т.п., что позволяет добывать животных в различных, включая плохую видимость, условиях. Одним из «популярных» приёмов незаконной охоты является ослепление животных (фарами, прожекторами, луч-фарами и т.п.), которым пользуются во всех субъектах обоих округов. Так, приговором Москаленского районного суда Омской области осуждена группа лиц, добывшая примерно в 03.00 3 особи косули сибирской, ослепив их фароискателем[13]; Еравнинский районный суд Республики Бурятия признал виновными трёх лиц за отстрел обнаруженного примерно в 01.30 с использованием луч-фары самца косули сибирской[14] и т.д.

Способы совершения незаконной охоты

Под способами охоты понимаются «методы и приёмы, применяемые при осуществлении охоты, в том числе с использованием охотничьих сооружений, собак охотничьих пород, ловчих птиц» (п. 7 ст. 1 ФЗ «Об охоте»). К незаконным способам охоты законодатель относит использование механических транспортных

средств; воздушных судов; взрывчатых веществ; газов; иных способов массового уничтожения птиц и зверей (п. «б» ч. 1 ст. 258 УК РФ). При этом во время незаконной охоты могут использоваться как законные, так и незаконные приёмы [15. С. 80].

В изученной судебной практике ДФО и СФО из числа запрещённых уголовным законом способов браконьеры применяли только механические транспортные средства, перечень которых достаточно разнообразен (рис. 8).

Виды и частота встречаемости этих средств в ДФО и СФО практически совпадают, некоторые различия в показателях соответствуют допустимой погрешности для прикладных исследований. Общим является преобладание автомобилей и снегоходов (рис. 8) с несколько большим перевесом в ДФО: 73,07% (ДФО) и 66,49% (СФО) соответственно, и меньшей востребованностью снегоходов 17,36% (ДФО) и 24,24% (СФО).

При этом в ДФО во время незаконной охоты фактически в равной степени пользуются отечественными (49,15%) и японскими (50,85%) автомобилями, что отражает своеобразие автомобилизации населения ДФО в постсоветский период, а в СФО больше распространены российские автомобили (62,5%).

Рис. 8. Виды применённых во время незаконной охоты механических транспортных средств, % от указанных в судебных решениях

Кроме того, при анализе судебной практики и размещённой в интернет-ресурсах информации в ДФО выявлены единичные случаи использования во время незаконной охоты квадроцикла[15] и вертолёта[16].

Орудия охоты

К орудиям охоты закон относит различные виды оружия (огнестрельное, пневматическое, охотничье метательное стрелковое и холодное); боеприпасы и метаемые снаряды к охотничьему метательному стрелковому оружию; капканы и другие устройства, приборы, оборудование, используемые во время охоты (п. 6 ст. 1 ФЗ «Об охоте»). Иными словами, законодатель под орудиями охоты понимает 1) собственно орудия незаконной добычи объектов животного мира, к коим следует отнести огнестрельное и холодное оружие, боеприпасы и метаемые снаряды к ним, капканы и т.п. и 2) вспомогательные приспособления – другие устройства, приборы, оборудование, облегчающие процесс добычи (оптические прицелы, тепловизоры, реактивные дульные тормозы, фары для ослепления животных и т.п.), первичной обработки (ножи, топоры и т.п.) и транспортировки (баки, мешки, веревки, волокуши, сани и т.п.) отстреленных объектов. Такое понимание термина «орудия охоты» соответствует понятию «охота», охватывающему поиск, выслеживание, преследование, добычу, первичную переработку и транспортировку объектов охоты (п. 5 ст. 1 ФЗ «Об охоте»).

Ниже мы касаемся только орудий охоты.

В изученной судебной практике доминирующее орудие охоты – огнестрельное оружие, в основном отечественного производства (рис. 9). Это различные модификации карабинов Вепрь, СКС, Тигр, Сайга, ТОЗ и ружей ИЖ/МП, предназначенные для добычи крупной и средней дичи, удельный вес отстрела которой по результатам изучения судебных актов составляет 74,66% в ДФО и 82,52% в СФО.

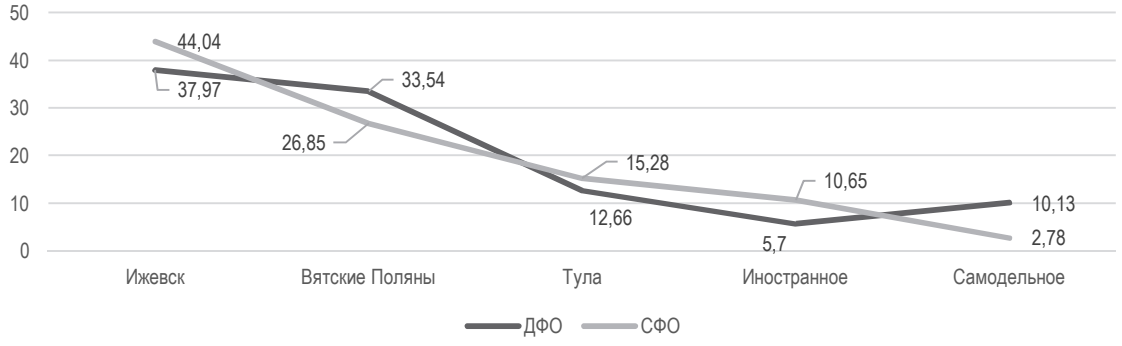

Рис. 9. Место производства огнестрельного оружия, % от указанных в судебных решениях

Реже в судебных актах упоминается иностранное оружие Fabarm Elos, CZ Canvasback, Simson Suhl, Remington, Tikka T3x Hunter и др., рассчитанное на все виды объектов охоты. Причём на Дальнем Востоке иностранное оружие у браконьеров изымается реже, чем в Сибири (см. рис. 9). Превалирование применяемого во время незаконной охоты отечественного оружия не означает, что оно обладает более качественными характеристиками. Эксперты отмечают технологичность, использование композитных материалов, числового программного управления и др. при производстве оружия за рубежом. Достоинствами российского охотничьего оружия являются неприхотливость, надёжность, стоимость и др. [16]. На выбор охотничьего огнестрельного оружия влияют индивидуальные особенности охотника (физиологические и антропометрические данные), характеристики оружия, его пригодность (или непригодность) для избираемого стиля, типа, способа охоты, вида дичи и т.п. Неслучайно у профессиональных охотников и «завзятых» любителей порой изымают по несколько единиц различных моделей огнестрельного охотничьего оружия[17], иногда произведённого достаточно давно (1907, 1943, 1952, 1957 гг.)[18], пристрелянного, передающегося из поколения в поколение, порой самодельного с использованием, к примеру, основных частей и механизмов охотничьих нарезных огнестрельных карабинов системы Мосина (рис. 9)[19]. В связи с этим согласимся с утверждением М. Кречмара, что лучшее оружие – это то, к которому охотник привык и умеет им хорошо пользоваться [16].

Реже во время незаконной охоты применяются ловушки. В основном металлические петли, ногозахватывающие удерживающие капканы, пружинные механизмы с прикрепленным металлическим тросом и т.п.[20] Иногда отловленных с применением ловушек животных добивают ножами и другими подручными средствами, например палками, камнями[21]. Добываемые с применением различных ловушек животные калечатся и мучительно гибнут, порой в течение нескольких суток. Проиллюстрировать сказанное можно извлечением из описательно-мотивировочной части приговора Чемальского районного суда Республики Алтай. Осуждённый установил металлические петли на кабаргу в период с 8 по 12 декабря, а проверил их только 23 декабря, т.е. животное в зависимости от его физиологического состояния погибало как минимум от нескольких часов и до 11 суток[22]. В 1987 г. начался процесс разработки стандартов гуманного отлова млекопитающих. Россия обязалась ускорить упразднение негуманных ловушек, в том числе отказаться от ногозахватывающих удерживающих капканов[23], ратифицировала соглашение о гуманном отлове диких животных, которое не выполнила [17. С. 159]. В 2012 г. в Правила охоты 2010 г. внесли положения о запрете отлова и отстрела животных способами, допускающими жестокое обращение с ними (п. 51, пп. 52.1.1, 52.2, 52.8, 52.9 п. 52), которые затем включили в Правила охоты 2020 г. (п. 61, пп. 62.3, 62.23, 62.24, 62.27 п. 62)[24]. Несмотря на признание ногозахватывающих удерживающих капканов со стальными дугами, самоловов и пр. способами, допускающим жестокое обращение с животными, применяющим такие орудия лова лицам не инкриминируют жестокое обращение с животными (ст. 245 УК РФ). Из числа изученных судебных решений лишь одним приговором два соучастника осуждены за незаконную охоту и жестокое обращение с животными в связи с добычей двух самцов косули сибирской с применением металлических петель как «запрещённого», «негуманного», повлекшего «мучительную смерть» животных способа[25].

Встречаются в судебных актах иные, отнесённые законодателем к незаконным, приёмы охоты, скажем, на переправах через водные объекты (пп. 62.1 п. 62 Правил охоты 2020 г.). Образчиком может служить добыча переплывавшего Ангару лося с использованием двух моторных лодок, весла и молотка. Смерть животного наступила в результате «асфиксии при утоплении…» из-за «потери сознания от оглушения»[26]. Очевидная жестокость умерщвления животного на квалификацию не повлияла, органы предварительного расследования и суд ограничились вменением ч. 2 ст. 258 УК РФ. Уголовное дело прекратили в порядке ст. 25.1 УПК РФ с назначением соучастникам судебного штрафа в размере 15 тыс. руб. каждому.

Согласно изученной судебной практике, ножи браконьерами используются как вспомогательное средство: для добивания раненых и первичной обработки добытых животных, подобно ситуации, изложенной в приговоре Большереченского районного суда Омской области, когда осуждённый отстрелял 5 особей косули сибирской, «часть из которых добил и дорезал, так как они были ранены»[27]. Следует также отметить, что изымаемые у браконьеров ножи, за редким исключением[28], не являются холодным оружием, относятся к охотничьим, изготовленным как фабричным, так и самодельным способами. Обычно это специальные шкуросъемные ножи[29].

Заключение

Результаты обобщения судебной практики Дальневосточного и Сибирского федеральных округов позволяют сформулировать несколько выводов.

1. В целом ранжирование и содержание таких признаков совершения незаконной охоты, как место, время, способ и орудия охоты, отражённых в изученных решениях судов Дальневосточного и Сибирского федеральных округов, подобны.

2. В обоих округах более пятидесяти процентов фактов незаконной охоты выявлены в общедоступных охотничьих угодьях; незаконная охота характеризуется круглогодичностью и круглосуточностью; основным способом совершения незаконной охоты является применение механических транспортных средств; преобладает использование огнестрельного оружия для добычи животных.

3. К числу выявленных особенностей содержания исследованных признаков совершения незаконной охоты можно отнести большее число выявленных случаев незаконной охоты на особо охраняемых природных территориях в Дальневосточном федеральном

округе; некоторые различия в помесячном и посуточном распределении фактов незаконной охоты; превалирование при совершении незаконной охоты использования автомобилей японского производства в Дальневосточном федеральном округе и иностранного оружия в Сибирском федеральном округе.

4. Отмеченные особенности содержания рассмотренных в публикации признаков незаконной охоты, по нашему мнению, обусловлены природными и социальными характеристиками субъектов Дальневосточного и Сибирского федеральных округов, которые желательно учитывать правоохранительным органам при проведении профилактической деятельности.

Примечания

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.2009 № 209-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс». В тексте ФЗ «Об охоте».

[3] Данные приведены по: Общедоступные охотничьи угодья. URL: https://odou.ru (дата обращения: 04.02.2026).

[4] SIAIEBASE. URL: https://statbase.ru/data/rus2042547-average-mean-monthly-surface-air-temperature-by-region/ (дата обращения: 21.01.2026).

[5] Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (дата обращения: 07.02.2026).

[6] Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2024 году. URL: https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/informatsiya/Национальный%20доклад%202024.pdf (дата обращения: 05.02.2026).

[7] Изменения, которые вносятся в Стратегию развития охотничьего хозяйства в Российской Федерации до 2030 года : проект. URL: https://mnr.gov.ru (дата обращения: 17.11.2025).

[8] Пункты 2, 6, 7 и др. Положения о федеральном государственном охотничьем контроле (надзоре) (ред. от 09.03.2023). Утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 30.06.2021. URL: https://rpn.gov.ru/upload/iblock/984/a460r4xlajh4n477q7zrvnr81er13ddc/PP_RF-ot-30_06_2021-N-1065.pdf (дата обращения: 05.02.3026).

[9] Пункт 10 ч. 3 ст. 33, 41 ФЗ «Об охоте», пункты 3–5 Приложения 1. Порядок осуществления производственного охотничьего контроля. Утв. приказом Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 30.08.2023 № 558 «Об утверждении порядка осуществления производственного охотничьего контроля и о внесении изменений в некоторые приказы Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации по вопросам осуществления производственного охотничьего контроля». URL: https://base.garant.ru/408080337/ (дата обращения: 06.02.2026).

[10] Численность постоянного населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 07.02.2026); Особо охраняемые природные территории // Республика Бурятия. Официальный портал. URL: https://egov-buryatia.ru/about_republic/geografic-and-weather/osobo-okhranyaemye-prirodnye-territorii/ (дата обращения: 07.02.2026); Государственный доклад о состоянии и охране окружающей среды в Красноярском крае в 2024 году. URL: Государственный доклад за 2024.pdf (дата обращения: 07.02.2026).

[11] Приговор Кяхтинского районного суда Республики Бурятия от 15.08.2022 по делу № 1-138/2022. URL: https://судебныерешения.рф/70864558/extended (дата обращения: 07.02.2026); приговор Кош-Агачского районного суда Республики Алтай от 30.05.2023 по делу № 1-51/2023. URL: https://судебныерешения.рф/75528668/extended (дата обращения: 22.02.2026).

[12] Русский охотничий портал. URL: https://huntportal.ru/blogs/oxotnichi-vidyi/sroki-oxotyi-na-medvedya (дата обращения: 04.02.2026). См. также: постановление Губернатора Амурской области от 25.07.2022 № 158 «Об определении видов разрешенной охоты и ограничений охоты на территории Амурской области и о признании утратившими силу некоторых постановлений Губернатора Амурской области»; Указ Главы Республики Бурятия от 21.06.2022 № 134 (ред. от 29.11.2025) «Об определении видов разрешенной охоты и ограничений охоты в охотничьих угодьях на территории Республики Бурятия, за исключением особо охраняемых природных территорий федерального значения» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/406176202; https://docs.cntd.ru/document/406113087 (дата обращения: 04.02.2026) и др.

[13] Приговор Москаленского районного суда Омской области от 24.05.2021 по делу № 1-13/2021. URL: https://судебныерешения.рф/71530656/extended (дата обращения: 08.02.2026).

[14] Приговор Еравнинского районного суда Республики Бурятия от 10.03.2021 по делу № 1-34/2021 URL: https://actofact.ru/case-04RS0006-1-34-2021-2021-01-28-2-0/ (дата обращения: 02.02.2026).

[15] Приговор Усть-Большерецкого районного суда Камчатского края от 15.04.2014 по делу № 1-21/2014. URL: https://actofact.ru/case-41RS0008-1-21-2014-2014-03-20-2-0/ (дата обращения: 0202.2026).

[16] Семёнов С. Зверская забава. Чем закончится расследование незаконной охоты на медведей в камчатском заказнике? // Камчатский край – единая Камчатка. 05.06.2024. URL: https://kam-kray.ru/news/35790-zverskaja-zabava-chem-zakonchitsja-rassledovanie-nezakonnoi-ohoty-na-medvedei-v-kamchatskom-za.html?ysclid=mjxkfyv3wh99336961 (дата обращения: 02.02.2026).

[17] Приговор Заринского районного суда Алтайского края от 16.07.2021 по делу № 1-16/2021. URL: https://судебныерешения.рф/61291848/extended и др. (дата обращения: 08.02.2026).

[18] Приговор Оймяконского районного суда Республики Саха (Якутия) от 29.05.2019 по делу № 1-МО-8/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/eRFHAvS7L55x/?page=2&regular-txt=незаконная+охота&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Статья+258.+Незаконная+охота%28УК+РФ (дата обращения: 04.02.2026) и др.

[19] Постановление Шимановского районного суда Амурской области о прекращении дела за деятельным раскаянием от 14.09.2020 по делу № 1-128/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/X8EhW9anYgN/?regular-txt=незаконная+охота+&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo; приговор Лазовского районного суда Приморского края от 08.07.2020 по делу № 1-34\2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/e4iBlNASfQgu/?ysclid=mejuiddb96965350175 (дата обращения: 08.02.2026) и др.

[20] Приговор Алданского районного суда Республики Саха (Якутия) от 27.05.2020 по делу № 1-100/2020 URL: https://sudact.ru/regular/doc/A174L3p368UX/?ysclid=mewslh76t0664427337 (дата обращения: 08.02.2026) и др.

[21] Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Тыва от 06.08.2019 по делу № 22-1171/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ZaDDUVXvQ9Ya/?ysclid=men8absfix851813832 (дата обращения: 08.02.2026) и др.

[22] Приговор Чемальского районного суда Республики Алтай от 25.07.2016 по делу № 1-104/16. URL: https://actofact.ru/case-02RS0009-1-104-2016-2016-04-27-2-0/?ysclid=men7kluqa9558423297 (дата обращения: 08.02.2026).

[23] О международных стандартах на гуманный отлов диких животных между Европейским сообществом, Канадой и Российской Федерацией: соглашение от 15.12.1997. Ратифицировано Федеральным законом РФ от 26.04.2008 № 52-ФЗ URL: https://docs.cntd.ru/document/902112083?ysclid=meuoyyjfvu369777415 (дата обращения: 08.02.2026).

[24] Об утверждении Правил охоты: приказ Минприроды России от 16.11.2010 № 512 (ред. от 21.03.2018). URL: https://legalacts.ru/doc/prikaz-minprirody-rf-ot-16112010-n-512/?ysclid=mevzsv5jis34532528; Об утверждении Правил охоты: приказ Минприроды России от 24.07.2020 № 477 (ред. от 28.03.2024) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_361066/ (дата обращения: 07.02.2026).

[25] Приговор Усть-Удинского районного суда Иркутской области от 28.06.2018 по делу № 1-51/2018. URL: https://www.судебныерешения.рф/33638843/extended (дата обращения: 08.02.2026).
[26] Постановление Кежемского районного суда Красноярского края от 13.08.2019 по делу № 1-80/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/VPmpuoiWb7LD/ (дата обращения: 21.08.2025).
[27] Приговор Большереченского районного суда Омской области от 15.01.2021 по делу № 1-7/2021 URL: https://www.судебныерешения.рф/71175145/extended (дата обращения: 18.08.2025).
[28] Приговор Яйского районного суда Кемеровской области от 18.01.2021 по делу № 1-7/2021 (1-105/2020). URL: https://actofact.ru/case-42RS0029-1-7-2021-1-105-2020-2020-10-05-2-0/?ysclid=mej213x1ys691194185 (дата обращения: 09.02.2026).
[29] Приговор Чернышевского районного суда Забайкальского края по делу №1-107/2023 от 04.07.2023 URL: https://судебныерешения.рф/76273428/extended (дата обращения: 09.02.2026) и др.

Список источников

1. Дубовик О.Л. Экологическая конфликтология (предупреждение и разрешение эколого-правовых конфликтов. М. : Норма, ИНФРА-М, 2019. 280 с.
2. Забавко Р.А., Рогова Е.В. Дифференциация уголовной ответственности за экологические преступления. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2019. 119 с.
3. Курманов А.С. Предмет преступления, предусмотренного ст. 258 УК РФ // Евразийский юридический журнал. 2019. № 5 (132). С. 248–250.
4. Данилкин А.А. О необходимости иной стратегии развития охотничьего хозяйства // Вестник охотоведения. 2025. Т. 22, № 2. С. 142–150.
5. Скрипова К.В. Особенности территориального охотустройства Приморского края // Охотоведение и охотничье хозяйство России и ближнего зарубежья. Современное состояние и перспективы (Чтения памяти А.А. Силантьева) : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 4 июня 2020 г. / под ред. В.В. Масайтиса, М.А. Николаевой. СПб. : СПбГЛТУ, 2020. С. 86–90.
6. Горохов Д.Б., Шунаева Д.Д. Охотничьи угодья: соотношение правового регулирования и фактического положения // Журнал российского права. 2019. № 5. С. 119–132.
7. Сухомиров Г.И. Об охране охотничьих животных и угодий: обязанности и права // Вестник охотоведения. 2025. Т. 22, № 2. С. 158–165.
8. Антонова Н.Е., Лощилов К.С. Финансово-экономические аспекты государственного управления в сфере охраны и использования объектов животного мира на региональном уровне // Вестник ЗабГУ. 2015. № 4 (119). С. 110–119.
9. Кривенко В.Г., Валенцев А.С., Герасимов Ю.Н., Кириченко В.Е., Кузнецов А.В., Слодкевич В.Я., Ткаченко Е.Э. Охотничьи животные Камчатского края (состояние ресурсов, охрана и рациональное использование). Камчатский филиал Тихоокеанского института географии ДВО РАН. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2019. 227 с.
10. Вайсман А. Браконьеры, браконьеры… а он маленький такой! // Русский охотничий журнал. 2017. № 5. С. 16–22.
11. Республика Бурятия и ее охотничье хозяйство // Русский охотничий журнал. 2024. № 10. URL: https://rhm-magazine.ru/magazine/2024/10_145_2024/respublika_buryatiya_i_eye_okh/ (дата обращения: 20.10.2025).
12. Красноярский край. Охотничье хозяйство // Русский охотничий журнал. 2025. № 10. URL: https://huntportal.ru/journal-online/rhm-2025-10/tema-nomera/krasnoyarskij-kraj (дата обращения: 20.10.2025).
13. Гребнев И.А., Андреев М.Н. Особенности производственного охотничьего контроля в России и принципы его развития // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. 2019. Т. 20, № 2. С. 163–171. doi: 10.30766/2072-9081. 2019.20.2.163-171
14. Данилкин А.А. Динамика населения диких копытных России: трофоклиматические прогнозы и реальность // Вестник охотоведения. 2024. Т. 21,№ 2. С. 125–134.
15. Егошин В.В. Способы совершения незаконной охоты // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2008. № 3. С. 79–81.
16. Кречмар М. Современное охотничье оружие в России и в мире: тенденции и перспективы развития. URL: https://www.bing.com/videos/search?q=Современное+охотничье+оружие+в+России+и+в+мире%3a+тенденции+и+перспективы+развития&view=detail&mid=50CDAC58DDE08781045A50CDAC58DDE08781045A&ru (дата обращения: 04.02.2026).
17. Сергеев А.А., Домский И.А., Ширяев В.В., Дворников М.Г., Перевозчикова М.А., Миньков С.И., Панкратов А.П., Плотников И.А., Соловьёв В.А. Проблемы и перспективы охотничьего хозяйства России // Вестник охотоведения. 2024. Т. 21, № 2. С. 150–163.

References

1. Dubovik, O.L. (2019) *Ekologicheskaya konfliktologiya (preduprezhdenie i razreshenie ekologo-pravovykh konfliktov)* [Ecological Conflictology (Prevention and Resolution of Ecological-Legal Conflicts)]. Moscow: Norma, INFRA-M. 280 p.
2. Zabavko, R.A. & Rogova, E.V. (2019) *Differentsiatsiya ugolovnoy otvetstvennosti za ekologicheskie prestupleniya* [Differentiation of Criminal Liability for Environmental Crimes]. Irkutsk: East Siberian Institute of the Russian Interior Ministry. 119 p.
3. Kurmanov, A.S. (2019) Predmet prestupleniya, predusmotrennogo st. 258 UK RF [The subject of the crime provided for by Article 258 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal – Eurasian Law Journal*. 5 (132). pp. 248–250.
4. Danilkin, A.A. (2025) O neobkhodimosti inoy strategii razvitiya okhotnich'ego khozyaystva [On the need for a different strategy for the development of the hunting economy]. *Vestnik okhotovedeniya – Bulletin of Hunting Studies*. 22 (2). pp. 142–150.
5. Skripova, K.V. (2020) [Features of territorial hunting management of Primorsky Krai]. In: Masaytis, V.V. & Nikolaeva, M.A. (eds) *Okhotovedenie i okhotnich'e khozyaystvo Rossii i blizhnego zarubezh'ya. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy (Chteniya pamyati A.A. Silant'eva)* [Hunting Studies and Hunting Economy of Russia and the Near Abroad. Current State and Prospects (Readings in Memory of A.A. Silantiev)]. Proceedings of the All-Russian Conference, St. Petersburg, 4 June 2020. St. Petersburg: SPbSLTU. pp. 86–90. (In Russian).
6. Gorokhov, D.B. & Shunaeva, D.D. (2019) Okhotnich'i ugod'ya: sootnoshenie pravovogo regulirovaniya i fakticheskogo polozheniya [Hunting grounds: correlation of legal regulation and actual situation]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 5. pp. 119–132.
7. Sukhomirov, G.I. (2025) Ob okhrane okhotnich'ikh zhivotnykh i ugodiy: obyazannosti i prava [On the protection of hunting animals and grounds: duties and rights]. *Vestnik okhotovedeniya – Bulletin of Hunting Studies*. 22 (2). pp. 158–165.
8. Antonova, N.E. & Loshchilov, K.S. (2015) Finansovo-ekonomicheskie aspekty gosudarstvennogo upravleniya v sfere okhrany i ispol'zovaniya ob"ektov zhivotnogo mira na regional'nom urovne [Financial and economic aspects of state management in the sphere of protection and use of wildlife objects at the regional level]. *Vestnik ZabGU – Bulletin of Transbaikal State University*. 4 (119). pp. 110–119.
9. Krivenko, V.G., Valentsev, A.S., Gerasimov, Yu.N., Kirichenko, V.E., Kuznetsov, A.V., Slodkevich, V.Ya. & Tkachenko, E.E. (2019) *Okhotnich'i zhivotnye Kamchatskogo kraya (sostoyanie resursov, okhrana i ratsional'noe ispol'zovanie)* [Hunting Animals of Kamchatka Krai (State of Resources, Protection and Rational Use)]. Petropavlovsk-Kamchatsky: Kamchatpress. 227 p.
10. Vaysman, A. (2017) Brakon'ery, brakon'ery… a on malen'kiy takoy! [Poachers, poachers… but he's so small!]. *Russkiy okhotnichiy zhurnal – Russian Hunting Journal*. 5. pp. 16–22.
11. *Respublika Buryatiya i ee okhotnich'e khozyaystvo* [The Republic of Buryatia and Its Hunting Economy]. (2024) *Russkiy okhotnichiy zhurnal – Russian Hunting Journal*. 10. [Online] Available from: https://rhm-magazine.ru/magazine/2024/10_145_2024/respublika_buryatiya_i_eye_okh/ (Accessed: 20.10.2025).
12. Krasnoyarskiy kray. Okhotnich'e khozyaystvo [Krasnoyarsk Krai. Hunting Economy]. (2025) *Russkiy okhotnichiy zhurnal – Russian Hunting Journal*. 10. [Online] Available from: https://hunportal.ru/journal-online/rhm-2025-10/tema-nomera/krasnoyarski-jkraj (Accessed: 20.10.2025).

13. Grebnev, I.A. & Andreev, M.N. (2019) Osobennosti proizvodstvennogo okhotnich'ego kontrolya v Rossii i printsipy ego razvitiya [Features of industrial hunting control in Russia and principles of its development]. *Agrarnaya nauka Evro-Severo-Vostoka – Agrarian Science of the Euro-North-East*. 20 (2). pp. 163–171. doi: 10.30766/2072-9081.2019.20.2.163-171
14. Danilkin, A.A. (2024) Dinamika naseleniya dikikh kopytnykh Rossii: trofoklimaticheskie prognozy i real'nost' [Dynamics of the population of wild ungulates in Russia: trophoclimatic forecasts and reality]. *Vestnik okhotovedeniya – Bulletin of Hunting Studies*. 21 (2). pp. 125–134.
15. Egoshin, V.V. (2008) Sposoby sovershеniya nezakonnoy okhoty [Methods of committing illegal hunting]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*. 3. pp. 79–81.
16. Krechmar, M. (n.d.) *Sovremennoe okhotnich'e oruzhie v Rossii i v mire: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Modern Hunting Weapons in Russia and in the World: Trends and Development Prospects]. [Online] Available from: https://www.bing.com/videos/search?q=Современное+охотничье+оружие+в+России+и+в+мире%3a+тенденции+и+перспективы+развития&view=detail&mid=50DAC58DDE08781045A50CDAC58DDE08781045A&ru (Accessed: 04.02.2026).
17. Sergeev, A.A., Domskiy, I.A., Shiryaev, V.V., Dvornikov, M.G., Perevozchikova, M.A., Min'kov, S.I., Pankratov, A.P., Plotnikov, I.A. & Solov'ev, V.A. (2024) Problemy i perspektivy okhotnich'ego khozyaystva Rossii [Problems and prospects of the hunting economy of Russia]. *Vestnik okhotovedeniya – Bulletin of Hunting Studies*. 21 (2). pp. 150–163.

Информация об авторе:
Верещагина А.В. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Владивостокский государственный университет (Владивосток, Россия). E-mail: vereschagina_alla@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2243-0007

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
A.V. Vereshchagina, Cand. Sci. (Law), associate professor, Vladivostok State University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: vereschagina_alla@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2243-0007

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.02.2026;
одобрена после рецензирования 05.04.2026; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 27.02.2026;
approved after reviewing 05.04.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 340
doi: 10.17223/15617793/527/27

Проблема определения формы государственно-территориального устройства РСФСР в советской юридической науке и современной правовой доктрине

Игорь Борисович Данилов [1]

[1] *Сибирский государственный университет геосистем и технологий, Новосибирск, Россия, 0615222@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается проблема определения формы государственно-территориального устройства РСФСР в первые послереволюционные годы. Исследуются подходы, представленные в советской доктрине, анализируется их аргументация. Устанавливаются основные проблемы, связанные с буржуазным наполнением теории федерации. Отдельно выделяется проблема несовершенства научной терминологии, в частности, неразработанность понятия «субъект федерации». Анализируется концепция «регионалистского государства», оцениваются перспективы построение единой теоретической модели федерации и её применения к Советскому государству.
Ключевые слова: федерация, федерализм, субъект федерации, союзное государство, унитарное государство, регионалистское государство, РСФСР

Для цитирования: Данилов И.Б. Проблема определения формы государственно-территориального устройства РСФСР в советской юридической науке и современной правовой доктрине // Вестник Томского государственного университета. 2026. № 527. С. 247–258. doi: 10.17223/15617793/527/27

Original article
doi: 10.17223/15617793/527/27

The problem of determining the form of the state-territorial structure of the RSFSR in Soviet legal science and modern legal doctrine

Igor B. Danilov[1]

[1] *Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation, 0615222@mail.ru*

Abstract. This historical and legal study examines the problem of determining the form of state-territorial structure of the RSFSR in the first post-revolutionary years. A series of constituent acts in 1917, and later the 1918 Constitution, proclaimed the state a federation without specifying the procedures for its organization and structure. The practice of state-building in the early years of Soviet power led to the formation of a complex state that in many respects did not correspond to the classical federal model developed in theoretical legal science. This circumstance gave rise to intense debates within Soviet legal doctrine, where various approaches to defining the nature of the state unity of the RSFSR were presented. The aim of this work is to comprehensively analyze the scientific provisions on federation developed in Soviet legal science, correlate them with modern doctrinal concepts, identify the reasons why a clear solution regarding the nature of the RSFSR was impossible, and, on this basis, determine a method for perceiving the federation as a legal and political phenomenon that allows for a consistent determination of the character and form of the Soviet state. The methodological basis of the study comprises the dialectical method of general cognition, general logical methods (analysis, synthesis, abstraction, comparison), general scientific methods (systemic, structural-functional), and specialized scientific methods (formal-legal, historical-legal). In particular, the dialectical method as the basis of general cognition allowed us to identify the phenomenon of constructing a unified political space for the state in the early 20th century, isolate the problems associated with the formation of a federation, and determine their nature. General scientific methods ensured a reliable and comprehensive study of the processes of federal construction, as well as the identification of objectively existing patterns. General logical methods ensured the consistent, coherent, and comprehensive nature of the study. As a result of the investigation, the author formulates several key conclusions. First, it is determined that a satisfactory solution to this specific scientific problem could not have been found in principle within the context of traditional theoretical concepts and developments of European legal science. Second, the research potential of Soviet legal scholarship was significantly limited by the imperfections of its conceptual and categorical apparatus; for example, the concept of a "federal subject" was not adequately developed, preventing a comprehensive study of the various state entities within the federation and a uniform assessment of their status. Third, the theoretical concept of a federation itself appears extremely ambiguous and vague. Due to the multivariate nature of federal ties and relations within various states, a federation as a political phenomenon cannot be reduced to a formally expressed legal formula. In this regard, the scientific task of legally qualifying the Soviet form of state unification by classifying it strictly as a federation or a unitary state is fundamentally unsolvable and inappropriate in its formulation.
Keywords: federation, federalism, subject of federation, union state, unitary state, regionalist state, RSFSR

© Данилов И.Б., 2026

***For citation*:** Danilov, I.B. (2026) The problem of determining the form of the state-territorial structure of the RSFSR in Soviet legal science and modern legal doctrine. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 527. pp. 247–258. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/527/27

Одним из наиболее значимых результатов Октябрьской революции 1917 г. явилось радикальное преобразование формы Российского государства. Изменения коснулись как формы правления, так и способа организации государственного единства. В юридической науке в настоящее время установился консенсус относительно определения формы национально-государственного устройства Российской империи до революции, однако вопрос о форме Советского государства в первые послереволюционные годы до сих пор порождает острые научные дискуссии. Примечательно, что проблема определения национально-государственного устройства РСФСР хорошо осознавалась и широко обсуждалась уже в советской правовой доктрине. Одновременно с провозглашением федерации в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» [1] возникли аргументированные сомнения в подлинно федеративной природе государства. Начиная с 1918 г. в науке не снижается интерес к осмыслению федеративных принципов организации власти применительно к Советскому государству. Конец этим дискуссиям фактически был положен лишь в 1930-х гг. и был связан с формированием тоталитарного государства и ограничением свободы в научной интерпретации политических реалий. После распада СССР востребованность научного анализа советского правового наследия оказалась как никогда высокой. Примечательно, что и в современной юридической науке споры о природе советской федерации и о действительной форме организации государственного единства в 1917–1920-х гг. не утихают. Это обусловливает необходимость комплексного анализа реального характера связей между государственными образованиями в составе РСФСР, содержания научных подходов, представленных в советской и современной правовой доктрине, соотнесения их с положениями о федеративных государствах, выработанных в юридической науке советского и современного периода.

Федеративное строительство в Советском государстве началось сразу с момента установления советской власти. Юридически федерацией оно было провозглашено в январе 1918 г. с принятием ленинской «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», отказ от рассмотрения которой стал формальным поводом к прекращению работы делегации большевиков на единственном заседании Учредительного собрания и к его дальнейшему разгону 5–6 (18–19) января 1918 г. III Всероссийский съезд Советов утвердил Декларацию, установив, что Советская Российская Республика учреждается как федерация советских национальных республик [1].

Непосредственная реализация этого положения выразилась в образовании первых советских республик в январе–апреле 1918 г. К их числу относились Ставропольская советская республика (21 января), Донецко-Криворожская (12 февраля), Терская (1 марта), Таврическая (19 марта), Донская (23 марта), Кубанская (13 апреля) и Туркестанская Автономная Социалистическая Советская Республика (30 апреля).

Учреждение национальных образований в составе федерации требовало проведения активной работы по национально-территориальному размежеванию, что осуществлялось параллельно объективным процессам нациестроительства, интенсивно развивающимся в пределах всей страны. Длящаяся Гражданская война также вносила свой вклад в нестабильность территориальных решений. В своей совокупности данные обстоятельства обусловили короткий срок существования многих республик.

Так, например, Кубанская советская республика просуществовала чуть больше месяца, 30 мая 1918 г. войдя в состав Кубано-Черноморской советской республики. Последняя, в свою очередь, 6 июля 1918 г. была объединена с Терской и Ставропольской республиками, в результате чего была образована Северо-Кавказская советская республика. Донецко-Криворожская советская республика спустя месяц после своего провозглашения вошла в состав Украинской советской республики. Таврическая советская республика была ликвидирована 30 апреля 1918 г. в связи с оккупацией её территории немцами.

В целом федеративное строительство РСФСР на практике пошло по пути формирования автономных республик как формы государственных образований в составе федерации, что объективно отражало волю её народов и тем самым определяло будущее направление развития всего советского федерализма.

После принятия Конституции РСФСР в июле 1918 г. федеративное строительство вышло на новый уровень и обрело более упорядоченный и последовательный характер. 20 марта 1919 г. была учреждена Автономная Башкирская Советская Республика, которая после присоединения к ней в 1922 г. Уфимской губернии просуществовала в статусе Башкирской АССР до самого распада СССР.

23 апреля 1919 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) было принято решение «признать желательным создание Крымской советской республики» [2. С. 91]. Уже 28 апреля 1919 г. Крымская областная конференция РКП(б) в Симферополе приняла решение об образовании Крымской Советской Социалистической Республики (КССР) в составе РСФСР и издала соответствующее постановление [3]. Крымская АССР в 1945 г. была преобразована в Крымскую область, однако впоследствии была восстановлена в статусе АССР и прекратила своё существование также лишь вместе с Советским государством.

27 мая 1920 г. была образована Автономная Татарская Социалистическая Советская Республика (позднее – Татарская АССР). 8 июня 1920 г. – Автономная Чувашская область (с 1925 г. – Чувашская АССР), 26 августа 1920 г. – Автономная Киргизская Социалистическая Советская Республика (позднее – Казахская АССР), 4 ноября 1920 г. – Марийская автономная область (позднее – Марийская АССР).

Все указанные автономии имели стабильный характер, отражали последовательный и продуманный подход к образованию членов советской федерации и существовали в течение длительного периода времени.

В этот же период, в 1920 г., образуются две весьма своеобразные республики – Хорезмская и Бухарская, которые выдающийся историк отечественного государства и права О.И. Чистяков наделял специфическим статусом, характеризуя как советские, но не социалистические. Согласно его определению, в них в силу значительной экономической и социальной отсталости ещё не могла быть реально обеспечена диктатура пролетариата, что не давало возможности отнести их к подлинно социалистическим. Именно по этой причине они были образованы как народные советские республики [4. С. 90].

В целом после принятия Конституции 1918 г. в России на практике сложилась своеобразная форма государственного объединения, основывающаяся на автономиях и не в полной мере укладывающаяся в стандартную модель федерации. Причинами этого обычно называют два фактора: недостаточная конкретизация положений о федерации в законе и объективная обстановка в стране, не позволяющая в полной мере воплотить в жизнь федеративные начала. Следует отметить, что формы автономий в составе РСФСР были различны. Если изначально в момент образования советской федерации существовала только одна форма – автономная республика, то уже ко второй половине 1918 г. появляется автономная трудовая коммуна, а с 1920 г. – автономная область.

Автономная республика представляла собой высшую форму автономии, наделённую наибольшим объёмом самостоятельности и отличающуюся значительным числом признаков государственности. «Советская национальная республика» была отдельно названа в Конституции РСФСР 1918 г. как полноправный член федерации, вступающий в добровольный свободный союз. Помимо республики Конституция прямо называла ещё лишь один вид автономий: «автономные областные союзы». Фактически республика имела собственную правовую систему и систему права, основанную на высшем учредительном акте (чаще всего – собственной Конституции), особый государственный аппарат, обширную сферу исключительной компетенции и различные правовые формы связи с центральным правительством. В 1918 г. некоторые автономные республики даже имели свои вооружённые силы, что прямо допускалось советской властью. Наркомнац в письме во ВЦИК от 11 мая 1918 г. указывал, что «считает допустимым образование национальных отрядов Советской Армии лишь на территории данной национальности (напр.: Украина, Башкирия, Армения и т.д.)» [5]. Подобная практика способствовала успехам большевиков в Гражданской войне, однако явно угрожала единству Советского государства, поэтому постепенно сворачивалась и была окончательно ликвидирована к 1920 г. Вместе с тем степень административной и политической самостоятельности автономных республик всё ещё была очень велика, что позволяло некоторым исследователям наделять автономные республики статусом государства [4. С. 107].

Другой отличительной чертой автономных республик, фактически обозначившейся с начала федеративного строительства, являлась численность населения, значительно превосходящая аналогичную в автономных трудовых коммунах и автономных областях. Республика изначально была предназначена для крупных этнических общностей, что во многом обусловливало широту её полномочий и степень автономии.

Автономная трудовая коммуна не имела собственной правовой системы и высших органов власти аналогичных республике. В качестве характеристик, отличающих её от губерний, следует назвать национальный характер образования, наличие национального представительства в центре и особый характер действия ряда законодательных актов. Устанавливалось также право на использование национального языка, включая его применение в делопроизводстве. О.Н. Баркова и Ю.С. Кукушкин утверждают, что «на практике трудовые коммуны по своим полномочиям приравнивались к областям и губерниям, но, в отличие от областей и губерний, имели право направлять своих представителей в федеральные государственные органы» [6. С. 88].

В советской юридической науке была представлена точка зрения, согласно которой трудовая коммуна представляла собой форму автономии, переходную от административной к политической, и ей были присущи черты как автономной республики, так и автономной области [7. С. 53]. Коммуна была вправе сама определять организацию своих органов власти, пределы её автономии устанавливались по соглашению с РСФСР.

Учреждение автономий в статусе трудовых коммун в определённой мере отражало специфику региона и исторического момента. Создание Трудовой коммуны немцев Поволжья явилось следствием борьбы российских немцев, поселившихся на Волге в 1760-х гг. в соответствии с Манифестом Екатерины II [8], за политические права и национальное самоопределение. Первая мировая война привела к полной изоляции поселенцев и окончательной утрате ими культурных связей с Германией, что требовало организации новой формы обретения ими национальной идентичности, при этом с обеспечением особого контроля со стороны государства. Создание Карельской трудовой коммуны было связано с длящимся военным противостоянием России и Финляндии. Обе стороны оспаривали покровительство карелам и стремились обрести контроль над этими территориями.

В целом можно отметить, что данный вид автономий не был востребован в практике национально-государственного строительства и просуществовал относительно недолго. Всего было учреждено лишь две коммуны: Карельская трудовая коммуна и Трудовая коммуна немцев Поволжья. Последняя из них перестала существовать в декабре 1923 г.

Автономные области по своему статусу практически не отличались от автономных трудовых коммун. Они имели равные возможности в сфере правотворчества и учреждения местных органов власти. Как и трудовые коммуны, они имели национальный характер образования и консолидировали в себе определённые

народности и нации, представляя для них форму автономизации. Как отмечал известный советский правовед В.Н. Дурденевский «различие между коммунами и областями, по признанию самих советских юристов, только словесное» [9. С. 31].

Основной идеей областей являлось создание условий для устойчивого развития культуры конкретного народа в условиях его некоторой обособленности и выделенности из общего этнического ландшафта РСФСР. Как автономные области, так и автономные трудовые коммуны, согласно п. 11 Конституции РСФСР 1918 г., относились к «автономным областным союзам», учреждаемым в местностях, «отличающихся особым бытом и национальным составом» [10].

Следует особо отметить, что, несмотря на проведённое разграничение, правовые статусы различных автономных единиц внутри одного вида могли значительно отличаться друг от друга. Ясное представление о правовом положении каждого конкретного образования можно было получить только путём анализа Положений о них, а также специальных общероссийских и местных законодательных актов.

Несмотря на это, в советской юридической науке неоднократно предпринимались попытки комплексного осмысления и разграничения правового статуса каждого из видов автономных образований. Основным вопросом являлось соотношение положения автономной республики и двух других видом автономий (практически тождественных по своему положению). Единства мнений на этот счёт не сложилось. Так, по утверждению теоретика права Н.И. Палиенко, автономные республики – это те же автономные области, только с законодательными полномочиями [11. С. 47]. Конституционалист, доктор юридических наук А.М. Турубинер считал автономные республики местными административными образованиями наряду с автономными областями и трудовыми коммунами, принципиальным образом не разграничивая их статус [12. С. 52].

Своеобразный итог спорам о природе различных видов автономий в составе советской федерации был подведен в 1980-е гг. коллективом авторитетных специалистов в сфере государственного права и изложен в широко известном учебном издании «Советское государственное право». Утверждалось, что советская автономия осуществляется в двух формах: политической и административной. Политическая автономия была представлена советским национальным государством – автономной республикой, а административная автономия, обозначенная как национальное государственное образование, выражалась в виде автономной области и автономного округа (который появился позднее рассматриваемого периода) [13. С. 237].

Помимо автономных образований в составе РСФСР также присутствовала большая неавтономная часть, населённая преимущественно русским народом. Она составляла основу государства как по площади, так и по численности населения. При этом, если желание и намерение автономии вступить в состав федерации фиксировались определённым актом, то неавтономные единицы считались находящимися в составе Российской Республики автоматически, без какого-либо отдельного волеизъявления.

Анализируя процесс становления федерации в РСФСР, можно заметить, что одной из основных его целей являлось формирование нового социально-политического пространства, представляющего прогрессивные возможности для эффективной интеграции в свой состав народов и этносов, переживающих становление национального самосознания. Наибольшим риском при этом, если не принимать во внимание длящуюся Гражданскую войну и угрозу контрреволюции, являлась именно утрата единой государственности вследствие дезинтеграции на национальной почве. Выраженный сепаратизм в ряде регионов, общее ослабление страны, иностранное влияние и непростые внешнеполитические условия продиктовали необходимость обращения к федерации именно как к способу решения национального вопроса, обретению новой государственной идентичности и конструированию единой политической нации.

В.И. Ленин отмечал, что несмотря на отрицание идеи федерации в классических трудах Маркса и Энгельса, они всё же признавали её как «шаг вперёд» именно в деле разрешения национального вопроса [14. С. 72]. Исходя из этого, национальный фактор не мог быть отвергнут при учреждении советской федерации. Во многом именно по названным причинам формирование автономных республик пошло по национальному пути.

Вместе с тем в науке не сложилось единства мнений относительно определения национально-государственного устройства советского государства и оценки его фактически сложившейся формы. Прежде всего, необходимо отметить, что не все исследователи в принципе согласны с тем, что РСФСР в первые годы своего существования являлась федерацией. О.Н. Баркова и Ю.С. Кукушкин, детально исследуя фактический ход федеративного строительства в первые годы советской власти и анализируя правовой статус автономий в составе государства, ставят концептуальный вопрос: «Не была ли Советская Россия унитарным государством сама?» [6. С. 83].

Следует отметить, что раскол по этому поводу наметился уже в советской юридической науке в ранние годы её становления. Так, например, профессор Б.Д. Плетнев в своей работе «Государственная структура Р.С.Ф.С.Р», анализируя вопрос о юридической природе Советской Республики, формулирует следующее общее определение федерации как формы национально-государственного устройства: «…сложное государственное образование, которое составляется из ряда мелких государств путём их объединения под одним федеративным куполом» [15. С. 27]. Типичным путём создания федеративных государств исследователь называет заключение договора между ранее независимыми государствами. Оценивая РСФСР с этой точки зрения, он отмечает иной характер учреждения государства, при котором автономии выделились из её состава, были наделены самостоятельностью центральным правительством, что предопределяет некоторую октроированность их автономии и отрицает договорный характер союза. Вместе с тем само по себе отсутствие договора он не называет достаточным основанием для отказа в признании РСФСР федерацией.

Существенно же большим значением Плетнев наделяет такой признак федерации, как равноправие её составных частей и их равное участие в осуществлении государственной власти. Здесь исследователь опирается на классические работы русского правоведа Ф.Ф. Кокошкина, в которых тот указывает, что федерация характеризуется если не полным равенством составных частей, то, во всяком случае, их сравнимостью и соизмеримостью [16. С. 7]. В случае советской федерации такого равенства субъектов явно не наблюдается. Помимо различия в статусах самих автономий, территория государства продолжала включать в себя ядро Российской империи, состоящее из неавтономных образований, управляемых напрямую из центра. Речь идёт о губерниях, уездах и волостях, которые, очевидно, не могли считаться составными частями федерации.

Недостаток усматривает Плетнев и в полномочиях местных органов автономных республик. Многие местные наркоматы имели непосредственное подчинение центральным с обязанностью выполнением всех их требований, включая ведомственные инструкции и циркуляры. Компетенция республик также была значительно ограничена в финансовой, военной и правоохранительной сферах, что свидетельствует о явных признаках централизма в управлении данными территориями и исключает их автономию.

Наконец, последний аргумент исследователя обращён к организации центрального аппарата советской власти. В нём отсутствует особый орган, осуществляющий представительство составных частей федерации, защищающий их права и отстаивающий интересы. Это противоречит практике, типично свойственной федеративным союзам.

Резюмируя, Плетнев заключает, что «Советская Россия не может быть признана федеративным государством». Однако не усматривает он в ней и простой унитарный характер. Анализируя совокупность фактических особенностей и характеристик национально-государственного устройства РСФСР, исследователь указывает, что Российское государство правильнее всего по аналогии с Великобританией признать «сложным унитарным государством с рядом автономных областных образований» [15. С. 30].

Не признаёт реальный федеративный характер РСФСР и известный советский правовед-конституционалист Н.Н. Алексеев. Исследуя главным образом идеологический аспект учреждения советской федерации, он отмечает, что обращение к федеративным тезисам носило вынужденный характер, поскольку советское правительство столкнулось со сложным историческим вызовом – повторным объединением российского государства, фактически разрушенного революцией. Большевистская партия неизбежно должна была поддерживать самоопределение, чтобы не допустить окончательного отделения национальных территорий России. Вместе с тем главным её стремлением всегда было и оставалось объединение всего народа в одно целое – интернациональный пролетариат. Учёный утверждает: «Отсюда виден весь внутренний смысл идеологии советского федерализма. Федерация – это простое тактическое средство воздействия на население, заманчивый и обольстительный лозунг. Использовав его действие, можно будет уже перейти к централизму» [17. С. 65]. При этом, анализируя реальный характер отношений между частями государства и его центром, он выделяет три принципиальных несоответствия реальной федеративной модели.

Во-первых, обращает на себя внимание дисбаланс в распределении полномочий между центральной и местной властью. Статья 49 Конституции РСФСР 1918 г. необоснованно относит к ведению ВЦИК крайне широкий спектр вопросов, включая общее руководство всей внутренней политикой, общегосударственное законодательство, судоустройство, судопроизводство, гражданское и уголовное законодательство и прочее. Кроме того, согласно ст. 50, ведению ВЦИК подлежат все вопросы, которые он признает «подлежащими его разрешению». Таким образом, центральная власть может непосредственно управлять делами на территории автономных образований, что противоречит принципу децентрализации в управлении.

Во-вторых, советская система не знает разделения властей, по причине чего правотворчеством занимается очень широкий круг как центральных, так и местных органов власти без реального установления его границ и пределов. Активная законотворческая деятельность автономных Наркоматов может на практике порождать множественные противоречия и несоответствия нормативных актов, которые нуждаются в разрешении и устранении. В условиях диктатуры коммунистической партии ВЦИК вынужденно осуществляет фактический надзор за правотворчеством автономных органов власти. Таким образом осуществляется ограничение их реального полновластия в пределах собственных территорий.

Наконец, в-третьих, центральная власть в РСФСР обладает так называемой «компетенцией над компетенцией», т.е. правом в одностороннем порядке пересматривать и изменять распределение полномочий между центром и автономными образованиями. Пункт «г» ст. 49 Конституции РСФСР гласит: «Установление границ и компетенции областных советских союзов, входящих в состав РСФСР, а также разрешение споров между ними, входит в круг ведения Всероссийского Съезда Советов и ВЦИК». К ведению центра относится также «общее административное разделение территории и утверждение областных объединений; принятие в состав РСФСР новых сочленов Советской Республики и признание выхода из Российской Федерации отдельных частей ее» [10]. Само установление конституций автономных республик также осуществляется актом центральной власти, что в совокупности отрицает реальную самостоятельность автономий и федеративный характер их отношений с государством.

Советский государствовед и конституционалист А.Ф. Югай утверждал, что РСФСР и не должна была являться федерацией, поскольку изначально учреждалась как государство с автономными включениями. По его мнению, это стало прямым следствием реализации плана Ленина по формированию РСФСР на основе автономизации национальных территорий [18. С. 10].

Федерализм выступал лишь в качестве декларативного принципа и не был фактически реализован в процессе государственного строительства. Основой государства должен был выступать принцип демократического централизма.

Другой известный советский юрист Д.А. Магеровский в целом выражал солидарность с точкой зрения о том, что РСФСР к началу 1920-х гг. не являлась федерацией в полном смысле этого слова. Однако он наделял это состояние временных характером и связывал с общей неразвитостью национального самосознания советских народов: «Россия еще не стала федерацией, ибо нации, получившие свой суверенитет, еще экономически и культурно не доросли до той стадии, когда они самоорганизуются в полном смысле этого слова и смогут свой суверенитет воплотить в живые формы. Но эти нации растут и развиваются, вызывая преобразование своей государственной структуры, а вместе с ростом зарождается и растет Российская Федерация» [19. С. 13]. Таким образом, он констатировал переходное состояние российского государства к началу 1920-х гг.: от унитарного к федеративному посредством национально-культурного развития и становления этнической идентичности.

Другая группа авторитетных специалистов не считала допустимым переосмысление законодательных установлений о федерации П.И. Стучка, например, признавая сложный и нетипичный характер советского государства, всё же не отрицал его федеративного характера: «Вполне естественно, что мы, рассматривая вопрос о федерации, также исходим из того фактического материала, какой представляет нам наша российская действительность. Что нашего государство – федеративное, об этом свидетельствует его название» [20. С. 89]. Сходную позицию занимали Я.М. Магазинер, В.Н. Дурденевский [9, 21].

Отдельно следует отметить точу зрения, представляемую историком и правоведом, профессором Московского университета С.А. Котляревским. Исследуя форму государственного устройства в первую очередь с позиции политической морфологии, нежели юриспруденции, учёный делает вывод о том, что унитарное и федеративное государство не могут и не должны противопоставляться друг другу как противоположности или совершенно различные типы, смешение которых недопустимо. Как унитарное государство может характеризоваться разным уровнем автономии территорий и децентрализации власти, так и федерация может демонстрировать ту или иную степень федерализации. Тяготение федераций к централизму, а унитарных государств к высокой автономизации порождает множество переходных форм, которые уже нельзя уверенно и однозначно отнести к федерациям либо унитарным государствам. Таким образом, с политико-морфологической точки зрения «децентрализация и федерализация суть явления, отличающиеся количественно, а не качественно. Всё зависит от степени распределения власти между центром и отдельными частями» [22. С. 58]. Именно анализ политических реалий, освобождённый от окаменелых юридических конструкций и форм, представляется исследователю рациональным и перспективным в контексте государственных преобразований начала XX в.

Наконец, следует упомянуть и позицию О.И. Чистякова, который также подвергал сомнению чисто федеративную (классическую) природу РСФСР и выдвигал тезис о том, что она представляла собой качественно иной тип государства, основывающийся на новом типе объединения. В своих работах он называл его «государство с автономными образованиями» [4]. Такое государство представляло собой «федерацию нового типа» и характеризовалось следующими отличительными чертами:

– социалистический характер (советская федерация основана на диктатуре пролетариата);

– национально-территориальный характер (федерация важна не как самоцель, а как средство разрешения национального вопроса);

– добровольность объединения (народы России объединялись исключительно добровольно, на основе принципа самоопределения);

– демократический централизм (учёный отвергал дихотомию федерализма и централизации, отмечая, что советский централизм не только не отрицает автономии областей, но и прямо строится на ней. Советская федерация основывается на гармоничном сочетании интересов государства в целом с интересами отдельных членов федерации как её составных частей).

Не умаляя выдающихся заслуг О.И. Чистякова в исследовании феномена советской федеративной модели и его значительного вклада в развитие государственно-правовой науки того периода, следует, однако, заметить, что названные особенности характеризуют РСФСР в целом, не фокусируясь на особенностях федеративных связей, статуса автономий, распределения властных полномочий и специфики управленческой конструкции «центр – регионы». Вместе с тем именно это являлось основным предметом споров и дискуссий среди учёных. Называя РСФСР «федерацией нового типа», исследователь, как представляется, не описывает эту теоретическую модель исчерпывающим образом, констатируя лишь её несовместимость с классическими представлениями о федерации.

Исследуя проблему советского федерализма, ряд советских учёных и юристов справедливо отмечали, что её удовлетворительное решение принципиально не может быть найдено в условиях следования традиционным теоретическим представлениям и наработкам буржуазной правовой науки. На это обстоятельство указывал П.И. Стучка, отмечая: «РСФСР имеет в своём составе более 25 независимых союзных республик, автономных областей, трудовых коммун и т.д., и условия связи их с РСФСР весьма различны. Нелегко к ним применять терминологию и теорию буржуазной науки государственного права» [20. С. 83].

Необходимость выхода за пределы понятийно-категориального аппарата и терминологической базы устоявшейся бурзжуазной правовой доктрины подчёркивал и Г.С. Гурвич, указывая на несоответствие советской модели национально-государственного устройства классическим признакам федерации, к числу которых он относил наличие учредительной власти в автономных образованиях, исключительное

право автономий на правотворчество по вопросам собственного ведения, участие образований в учреждении органов федеральной власти. Гурвич в связи с этим писал: «…если учинить Автономным республикам буржуазный экзамен на звание федеративных частей, то они на этом экзамене непременно провалятся» [23. С. 36]. Примечательно, что по этой причине учёный предпочитал вообще избегать термина «федерация», заменяя его понятием «федерализм» [24. С. 8].

Несовершенство устоявшейся терминологии отмечал и В.Н. Дурденевский. Не отрицая в общем федеративный характер РСФСР, он указывал на некорректность именования республик «автономными», поскольку это предопределяет производный, делегированный характер власти в них и не соответствует принципу добровольности объединения народов и их равноправия. Понятие «автономная республика», по мнению исследователя, уместно лишь в отношении унитарных государств. Вместо этого он предлагал использовать понятие «федерирующие» [9. С. 31], что позволяло подчеркнуть их активное участие в формировании федерации как равноправных государственных образований, интегрированных в общее федеративное устройство.

Следует отметить, что советские юристы очень точно определяли саму проблему, лежащую в основе споров о природе национально-государственного устройства РСФСР. Несовершенство понятийно-категориального аппарата юридической науки, основывающейся на классических представлениях о государствах, выработанных в рамках буржуазного права, не давало возможности заключить советскую федерацию в какую-либо теоретическую модель, позволяющую произвести её комплексный анализ. Положения западноевропейской правовой доктрины не были приспособлены для оценки государства принципиально иного типа и происхождения, коим являлась Советская Республика. Теория федерации была в большей части сформирована анализом государственно-правового бытия таких стран, как США, Швейцария, Германская империя, Канада и Австралия.

Кроме того, как отмечал С.А. Котляревский, основные положения государственно-правовой науки создавались ещё в ту эпоху, когда господствовал унитарный тип государства, помимо него выделялись лишь союзы государств, основанные на международно-правовом начале. При этом, как это обычно бывает, «впечатления от политической действительности возводились в рациональные нормы, признававшиеся необходимыми для политических соединений всех типов» [22. С. 56]. Федерации появляются лишь с конца XVIII в. и с самого начала не укладываются в классические доктринальные представления о государствах и суверенитете.

К началу XX в. западноевропейская наука, построенная, главным образом, на трудах немецких юристов Г. Еллинека, П. Лабанда, О. Майера, М. Зейделя, А. Генеля и других, в общих чертах выстраивала следующую систему политико-территориальных форм государственных объединений.

На вершине пирамиды, организованной по принципу снижения степени единства и централизации власти, располагался «союз государств» как наименее прочное объединение. В немецкой науке эта форма именовалась «Staatenbund» и с политической точки представляла собой постоянное объединение самостоятельных государств, основанное на общей совместной воле. Примечательно, что Еллинек указывал, что при этой форме, реализованной в чистом виде, для изменения устройства такого союза, равно как и для выхода из него одного конкретного члена, требуется единогласие всех входящих в союз государств [25. С. 256]. С позиции современной правовой науки не в полной мере ясно, как это положение соотносится с представлениями об абсолютности суверенитета государств и их равном свободном праве на участие в международных отношениях.

Союз государств не является государством и с юридической точки зрения представляет собой вид правового отношения. Данное отношение при этом целиком находится в сфере действия международного, а не государственного права.

На следующем уровне находилась «реальная уния» – постоянный союз двух или нескольких государств, во главе которых стоит один монарх. В отличии от личной унии, которая складывается в результате восхождения на престол одного монарха в разных государствах и носит временный характер, реальная уния представляет собой постоянный союз и характеризуется наличием общих органов государственного управления, общими законодательными актами (при сохранении отдельных самостоятельных систем права внутри каждого из государств), общей армией и т. д. Унии порождаются династическим единством и также относятся к явлениям международного права. В европейской правовой доктрине единство уний усматривалось преимущественно во внешней политике и во взаимоотношениях с другими государствами.

Принципиально иным видом политического объединения государств, основанным на общем суверенитете и единстве государственной власти, является «союзное государство». Именуемое в немецких исследованиях как «Bundesstaat», оно определяется как «государство, составленное из нескольких государств, которые все участвуют в его державной воле» [26. С. 86]. В отличие от союза государств оно является субъектом права, а не правоотношением [27. С. 54]. Примечательно, что в качестве его составных частей рассматривались изначально самостоятельные государства. К числу признаков, отличающих союзное государство от союза государств, относятся: единое гражданство, непосредственные отношения граждан государств-членов между собой, прямое взаимодействие граждан и союзной власти, единое социально-политическое пространство. Основополагающее значение при этом имеет субъектный состав властных отношений центра с союзными единицами.

Если в союзе государств центральная власть взаимодействует с правительствами государств-членов, то в союзном государстве она адресует свои веления непосредственно населению, всем гражданам государств-членов.

Вместе с тем не все учёные принимали такую форму государств. Например, немецкий правовед

Макс фон Зейдель отвергал концепцию союзных государств и даже Германскую империю рассматривал лишь как союз государств [28. С. 1–4].

Наконец, в основании пирамиды находятся унитарные государства, которые характеризуются безусловным единством государственной власти. Передача властных полномочий на места часто представляет собой приём административной техники, призванный облегчить государственное управление. В чисто унитарных государствах местная власть носит агентский характер и не воплощает реальных принципов самоуправления. Центр и периферия при этом не противопоставляются, поскольку представляют собой единое целое. Однако может иметь место и другая форма унитаризма, при которой децентрализация имеет политическое значение и реализуется в форме реальной автономии. В этом случае часть государственной власти действительно передаётся местным органам для организации самоуправления.

Фокусируясь на федеративных моделях, следует отметить, что историческая закономерность начала XX в. объективно состояла в переходе от союзов государств к государственным союзам. Союзное устройство уступает государственному единству, а будущее усматривается в крупных политических объединениях. Это ставит перед европейской наукой актуальную задачу осмысления форм таких государственных объединений и разработки комплексной концепции федерации. Эмпирическим материалом при этом выступают сами европейские государства, политическое бытие которых определяет содержание научных обобщений. Важной особенностью при этом является то, что союзные государства здесь возникают преимущественно «снизу», в результате объединения ранее независимых государственных образований. Именно это обусловливает сам подход к восприятию федераций, тот набор признаков и характеристик, который ложится в основу научного описания федеративного устройства. Возникновение федеративного государства из союза ранее независимых государств предопределяет высокую степень его децентрализации, большой объем прав и полномочий субъектов, их существенную политическую самостоятельность, координирующую роль центра.

Российское государствоведение в начале XX в. в значительной степени опиралось на данные представления, которые и были положены в основу рассуждений о природе советской федерации. Вместе с тем советская республика возникла принципиально иным путём: «сверху», образовавшись из ранее единого унитарного государства за счёт наделения национальных регионов политической автономией. Это порождало иной характер связи между частями федерации и центром. Несовместимость федеративной модели, выработанной в рамках европейской науки, с российскими политическими реалиями 1917 – начала 1920-х гг. не позволяла «вписать» РСФСР в классические юридические формулы и конструкции, а сам устоявшийся понятийно-категориальный аппарат существенно ограничивал область научного поиска.

Представляется, что для точной и непротиворечивой юридической квалификации советской формы государства, его природы, устройства и способа обретения единства суверенитета требовалось введение в научный оборот новых понятий, позволяющих определить и описать реальный характер связей между государственными образованиями, специфику их взаимоотношений с центром. Несмотря на осознание этого измерения научной проблемы в правовой доктрине раннего периода РСФСР, советским юристам так и не удалось существенно обогатить понятийный аппарат государственно-правовой науки. Как отмечает Т.Ф. Ящук, они либо продолжали использовать уже известный терминологический арсенал, либо вводили весьма спорные понятия, которые не находили поддержки и применения у коллег [24. С. 11].

Так, совершенно неразработанной оказалась категория «субъекта федерации». О необходимости создания комплексной теории «государственных фрагментов» ещё до образования РСФСР говорил Котляревский, критикуя доктрину известного немецкого юриста Г. Еллинека, который настаивал на чётком разграничении унитарных государств и федераций на основе их генерического различия [26. С. 418–427]. Эта теория должна была охватить всё многообразие связей различных государственных образований внутри сложных государств, объяснив, в том числе характер отношений между Россией и Финляндией, а также Венгрией и Кроацией [22. С. 58]. Подобной теории, однако, не сложилось ни в дореволюционной науке, ни в советской правовой доктрине.

Для обозначения составной единицы государства советские юристы часто использовались понятия, производные от характеристики «автономная». Это было связано с прямым указанием в Конституции 1918 г. на существование в структуре государства «национальных республик» и «автономных областных союзов». И первые, и вторые, согласно Конституции, входили в РСФСР «на началах федерации», что определяло их роль именно как субъектов. По этой причине в советской юридической науке в 1920-х гг. часто использовались обобщённые понятия «автономные объединения», «автономные образования», «автономные части», «автономные единицы». Вместе с тем автономии в юридической науке традиционно рассматривались как спутники именно унитарного государства. Соответствующие научные разработки имелись как в западноевропейской правовой доктрине, так и в отечественной науке в связи с наличием обширной практики автономизма в Российской империи, где автономизация национально-регионального управления выступала одним из начал государственной политики обеспечения национального единства [29. С. 27].

Для разрешения этого терминологического противоречия в научный оборот были введены и иные понятия. Так, О.И. Чистяков, например, называет участников федеративных отношений «членами федерации», что подчёркивает их активное участие в построении единого государства. В обоснование рациональности и применимости данного термина он отмечает, что федерация – это не правоотношение, а правовой институт. По этой причине сообразно институтам, например партии, семьи и общества, он состоит из именно из членов («член партии», «член семьи», «член общества», «член федерации») [30. С. 49].

Однако, следуя логике исследователя, такими членами следует признавать лишь автономные образования: республики, области и коммуны. Неавтономная часть Российского государства, представленная губерниями, уездами и волостями фактически оставалась за пределами федеративных связей.

В.Н. Дурденевский, как отмечалось выше, настаивал на применении другого понятия – «федерирующие республики» – с той же целью: отразить динамичный характер связей и отношений внутри федерации, а также активное участие республик в них. При этом в качестве таковых он рассматривал не только автономные республики, но и неавтономную часть РСФСР, называя её Великороссией [31. С. 25]. Несмотря на то, что учёному удалось разработать целостную концепцию, описывающую РСФСР как федерацию, объединяющую Великороссию, национальные провинции (автономные области и автономные трудовые коммуны) и автономные республики, назвать его работы безупречными и последовательными с точки зрения терминологии также не представляется возможным. Помимо собственного термина в отношении автономных республик исследователь зачастую применял и другие наименования, например «государственные образования». При этом автономным областям и трудовым коммунам в этом статусе он отказывал [9. С. 31].

П.И. Стучка называл субъекты федерации «федеральными частями», охватывая этим единым понятием все части советского государства. К их числу он относил более широкий круг единиц: основное государство РСФСР, независимые союзные республики, автономные республики, автономные области, трудовые коммуны. Союзные республики учёный именовал «государствами» и выделял у них две главные особенности: наличие чисто договорных отношений с РСФСР и право непосредственного сношения с иностранными державами [20. С. 259, 261].

Конец научным дискуссиям о советской федерации был положен в 1930-е гг., когда все доктринальные полемики по этому поводу были фактически прекращены по причине формирования тоталитарного режима и общего снижения научной активности. Партийное руководство провозглашало единые идеологические постулаты, которые предполагали лишь ограниченные научные комментарии и исключали возможность переосмысления и новой интерпретации. Проблема национально-государственного устройства и статуса РСФСР, таким образом, полностью ушла из исследовательского поля.

Современная юридическая наука значительно обогатила теорию федерации, определив понятие и статус «субъекта федерации», проведя научную классификацию федераций, сформировав систему признаков федерации. В работе М.В. Глигич-Золотаревой, например, приводится один из наиболее развернутых перечней таких признаков, где их выделятся двадцать четыре [32. С. 51–64]. Вообще, как справедливо замечает В.Е. Чиркин, преумножение различных характеристик федерации зачастую приводит к тому, что часть из них, по существу, дублируется, отдельные не имеют принципиального значения [33. С. 98]. Дополнительно следует отметить, что очень часто авторы следуют по пути юридической формализации определённых свойств федерации, не имеющих имманентного характера и концептуального значения. При этом такие органические черты, как, например, заинтересованность и воля государственных объединений к соучастию в осуществлении государственной власти, а также наличие и сформированность в пределах государства единой политической нации остаются без внимания. Отсутствие в науке единой общепризнанной комплексной модели федеративного устройства, таким образом, не позволяет проводить ретроспективный анализ форм государственного устройства России надлежащего теоретического уровня.

Таким образом, несмотря на многочисленность научных работ в данной сфере и множественность теоретических моделей федерации, представленных в доктрине, единого подхода к определению природы советской федерации в юридической науке так и не сложилось.

Сообразно изысканиям советских правоведов современные авторы либо солидаризируются с декларируемыми законодательными положениями о федерации в советских актах [34. С. 89–90; 35. С. 82–84], все остальные противоречия сводя к «особенностям советской формы», либо прямо отрицают федеративный характер советского государства, относя его к унитарным [36. С. 49–75; 37. С. 7–10; 38. С. 81]. При этом каждый из представленных подходов имеет известные уязвимости, не позволяющие ему в полной мере выдерживать научную критику.

Определённые научные перспективы может заключать в себе концепция «регионального» или «регионалистского» государства, которое представляется как третья форма государственно-территориального устройства. Регионалистское государство целиком состоит из автономных территориальных образований, обладающих широкими правами в сфере самоуправления и некоторой долей политической самостоятельности. А.А. Троицкая отмечает, что их ключевое отличие от субъектов федерации усматривается в ограниченности права на участие в организации и функционировании общегосударственной власти и, в том числе, их влияния на решение вопроса об изменении конституции [39. С. 35]. И.В. Лексин указывает, что регионалистские государства, в отличие от федераций, не ориентированы на установление отношений союзного характера «по горизонтали» (между политико-территориальными единицами), либо «по вертикали» (между политико-территориальными образованиями и общегосударственным уровнем власти) [40. С. 483].

Регионалистское государство занимает условно срединное положение между унитарным и федеративным, во многом соответствуя реалиям, сложившимся в Российском государстве в первые послереволюционные годы. В специфику этой формы, например, укладывается наличие у центральной власти «компетенции над компетенцией», централизация власти и право всероссийских органов непосредственно управлять делами на территории автономных образований, отсутствие особого органа, осуществляющего представительство составных частей федерации, ограничение полновластия автономий в законодательной сфере.

Однако нельзя не отметить, что взаимоотношения между советскими автономными республиками в РСФСР носили именно союзный характер, были основаны на стремлении к политическому взаимодействию и совместной государственной жизни. Республики активно взаимодействовали друг с другом, осуществляли многообразные связи, что противоречит концептуальному признаку регионалистского государства, выделяемому И.В. Лексиным. Отношения между автономными территориальными образованиями в регионалистском государстве не носят активного характера.

Таким образом, идеально уложить советскую форму государственного объединения в модель регионалистского государство тоже едва ли удастся.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что уникальность советской формы государственно-территориального устройства не позволяет свести её к какой-либо из известных конструкций, разработанных в науке теории государства и права. Разнообразный характер связей между государственными образованиями и многовариантность их реальных правовых статусов, включая особенности взаимодействия с управляющим центром, делают такие попытки обречёнными на неудачу.

Следует признать, что само понятие федерации в науке является многозначным и носит очень размытый характер. Дихотомия федеративного и унитарного государства представляется ложной. Каждое государство уникально и в разные моменты времени может демонстрировать различное соотношение централизации и децентрализации, единства и автономизма. Задача теоретической науки, безусловно, состоит в выработке моделей, однако зачастую эти модели лишь описывают ту политическую реальность, с которой взаимодействует исследователь, и не отражают всю поливариантность форм. Разграничение унитарных и федеративных устройств зачастую вообще основывается лишь на субъективных предпочтениях учёного.

Следует признать состоятельность научного подхода С. А. Котляревского, который изучал государства с позиции «политической морфологии», призывая исследовать политическую действительность в её реальном выражении, а не пытаться познать её посредством застывших юридических форм. Правы те учёные, которые подвергают сомнению всесилие и самодостаточность теоретико-правовой науки в отрыве от других научных дисциплин. Историко-правовой анализ в совокупности с политическим исследованием позволяет получить достоверные данные, которые должны корректировать и дополнять теоретико-правовые обобщения. Доктринальные положения о федерации как о форме государственного устройства, таким образом, не самоценны, а представляют собой лишь юридическую проекцию политической реальности, которая должна оставаться подвижной и предполагать множество различных вариантов реального воплощения федеративных принципов.

Некоторые авторы идут ещё дальше и утверждают, что федеративное или регионалистское государство не следует представлять как самостоятельные юридические явления в отличие, например, от государства как такового: государственной власти, государственного органа, органа государственной власти и т.п. (поскольку все эти явления обладают формально-юридическими признаками, достаточными для их отграничения от смежных явлений) [40. С. 484]. С таким подходом также сложно согласиться, поскольку невозможность уместить весь диапазон реальных явлений в рамки теоретических моделей говорит лишь о необходимости дальнейшего совершенствования данных конструкций, а не отказа от них.

Однозначно следует признать лишь невозможность сведения федерация как явления политической действительности к формально выраженной юридической формуле. В силу многообразия форм и вариантов признаки и характеристики федерации не поддаются строгой формализации.

Подводя итого сказанному выше, следует отметить, что научная задача юридической квалификации советской формы государственного объединения путём её отнесения к федерациям или унитарным государствам принципиально нерешаема и вряд ли целесообразна в своей постановке. Исследование советского государства должно осуществляться на основе признания его самобытности и уникальности, которая положила основу современному российскому федерализму и определила вектор развития национальной политики на долгие годы вперёд.

Список источников

1. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа (принята III Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов 25.01.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 15. Ст. 215.
2. Чирва И. Крым революционный (историко-партийный очерк). Киев : Госполитиздат УССР, 1963. 172 с.
3. Постановление 3-й Крымской областной конференции РКП(б) «Об образовании Крымской Советской Социалистической Республики» // Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК). Ф. П-1: Крымский областной комитет РКП(б). Оп. 1. Д. 19. Л. 6.
4. Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 года. М., 2025. 224 с.
5. Отчеты и доклады Белорусского, Чувашского и других комиссариатов, Центрального Комитета коммунистической партии Армении; Комиссара по Латышским национальным делам Наркомнацу об экономическом и культурном развитии национальных республик, политическом положении Закавказья и Армении, работе Главной ликвидационной комиссии при Комиссариате торговли и промышленности и по др. вопросам 15 ноября 1917 г. – 25 ноября 1918 г. // ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 26. Л. 30.
6. Баркова О.Н., Кукушкин Ю.С. Правовая основа создания и развития РСФСР в 1920-е годы // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2012. № 2. С. 80–108.
7. Митюков М.А. О правовом положении трудовой коммуны как формы автономии // Актуальные проблемы правоведения в период совершенствования социалистического общества. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1989. С. 52–53.
8. Манифест Екатерины II «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых Губерниях они пожелают и о дарованных им правах» от 22 июля 1963 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XVI. С. 313–316.
9. Дурденевский В. На путях к русскому федеральному праву // Советское право. 1923. № 1. С. 20–35.
10. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

11. Палиенко Н.И. Конфедерации. Федерации и Союз Советских Социалистических Республик. Одесса, 1923. 72 с.
12. Турубинер А.М. Государственный строй РСФСР. М., 1923. 87 с.
13. Советское государственное право : учебник / Авакьян С.А., Барабашев Г.В., Васильев Р.Ф., Воеводин Л.Д., и др. ; под ред. С.С. Кравчук. 2-е изд., испр. и доп. М., 1985. 464 с.
14. Ленин В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 33. М., 1969. 463 с.
15. Плетнев Б.Д. Государственная структура РСФСР // Право и жизнь. 1922. Кн. 1. С. 26–30.
16. Кокошкин Ф.Ф. Автономия и федерация. Петроград, 1917. 30 с.
17. Алексеев Н.Н. Государственный строй // Право Советской России: сборник статей. Вып. 1: Источники права. Государственный строй. Административное право. Публично-хозяйственное право / сост. Н.Н. Алексеев, С.В. Завадский, А.В. Маклецов, Н.С. Тимашев. Прага : Пламя, 1925. С. 63–82.
18. Югай А.Ф. Провозглашение Российской Советской Социалистической Федерации и образование ее субъектов в первой половине 1918 года // Учёные записки Саратовского юридического института. 1960. Вып. 9. С. 3–41.
19. Магеровский Д. Союз ССР // Советское право. 1923. № 1 (4). С. 13–16.
20. Стучка П.И. Учение о государстве и о Конституции РСФСР. Курск, 1922. 288 с.
21. Магазинер Я.М. Общее учение о государстве : курс лекций, читанных в Петроградском ун-те в 1918–1922 гг. 2-е изд., перераб. Пг, 1922. 491 с.
22. Котляревский С.А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического разбора. СПб., 1907. 250 с.
23. Гурвич Г. Принципы автономизма и федерализма в советской системе // Советское право. 1924. № 3. С. 3–39.
24. Ящук Т.Ф. Государственно-правовой статус РСФСР: проблемы определения // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 1. С. 6–13. doi: 10.24147/1990-5173.2017.1.6-13
25. Jellinek G. Die Lehre von den Staatenverbindungen. Wien : Alfred Hölder, 1882. 319 S.
26. Jellinek G. Allgemeine Staatslehre. Berlin : O. Häring, 1914. 837 S.
27. Laband P. Das Staatsrecht des Deutschen Reiches. 5., umgearbeitete Auflage. Tübingen : J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1911. Bd. 1. XXXII. 748 S.
28. Seydel Max von. Staatsrechtliche und politische Abhandlungen. Freiburg i. Br./Leipzig: Herder & Müller, 1893. 256 S.
29. Красняков Н.И. Российская империя: опыт управления национальными регионами (середина XVII – начало XX в.). Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2023. 460 с.
30. Чистяков О.И. Конституция СССР 1924 года. М., 2004. 224 с.
31. Ящук Т.Ф. Форма государства в историко-правовых исследованиях советского периода // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 3. С. 20–33. doi: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).20-33
32. Глигич-Золотарева М.В. Теория и практика федерализма: системный подход. Новосибирск : Наука, 2009. 640 с.
33. Чиркин В.Е. М.В. Глигич-Золотарева. Теория и практика федерализма: системный подход // Государство и право. 2011. № 2. С. 98–99.
34. Какителашвили М.М. Идеи российского федерализма в конституции РСФСР 1918 года в контексте современных проблем // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2018. № 3. С. 87–102.
35. Ромашова М.Р. Конституционное правопонимание как системный элемент российского федерализма // Ленинградский юридический журнал. 2024. № 3 (77). С. 69–91. doi: 10.35231/18136230_2024_3_69
36. Булатов Ю.А Федеративное устройство Российского государства: модели прошлого и настоящего // Международная жизнь. 2019. № 1. С. 49–75.
37. Бурбина Ю.В. Истоки федеративной государственности России // История государства и права. 2009. № 4. С. 7–10.
38. Мартьянов В.С. Российская Федерация: между постимперией и отложенной нацией // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2025. № 2 (117). С. 71–101. doi: 10.30570/2078-5089-2025-117-2-71-101
39. Троицкая А.А. Федерация и региональное государство: где проходит граница? // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 6 (73). С. 27–37.
40. Лексин И.В. Соотношение федеративной и регионалистской формы государственного устройства: проблемы и решения // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. № 12. С. 476–486.

References

1. *Deklaratsiya prav trudyashchegosya i ekspluatiruemogo naroda (prinyata III Vserossiyskim s"ezdom Sovetov rabochikh i soldatskikh deputatov 25.01.1918)* [Declaration of the Rights of the Working and Exploited People (adopted by the III All-Russian Congress of Soviets of Workers' and Soldiers' Deputies on 25.01.1918)]. (1918) *SU RSFSR – Collection of Laws of the RSFSR*. No. 15. Art. 215.
2. Chirva, I. (1963) *Krym revolyutsionnyy (istoriko-partiynyy ocherk)* [Revolutionary Crimea (Historical-Party Essay)]. Kiev: Gospolitizdat USSR. 172 p.
3. State Archive of the Autonomous Republic of Crimea (GAARK). Fund P-1: Krymskiy oblastnoy komitet RKP(b). List 1. File 19. Page 6. *Postanovlenie 3-y Krymskoy oblastnoy konferentsii RKP(b) "Ob obrazovanii Krymskoy Sovetskoy Sotsialisticheskoy Respubliki"* [Resolution of the 3rd Crimean Oblast Conference of the RCP(b) 'On the Formation of the Crimean Soviet Socialist Republic'].
4. Chistyakov, O.I. (2025) *Konstitutsiya RSFSR 1918 goda* [The Constitution of the RSFSR of 1918]. Moscow. 224 p.
5. State Archive of the Russian Federation GARF. Fund R-1318. List 1. File 26. Page 30. *Otchety i doklady Belorusskogo, Chuvashskogo i drugikh komissariatov, Tsentral'nogo Komiteta kommunisticheskoy partii Armenii; Komissara po Latyshskim natsional'nym delam Narkomnatsu ob ekonomicheskom i kul'turnom razvitii natsional'nykh respublik, politicheskom polozhenii Zakavkaz'ya i Armenii, rabote Glavnoy likvidatsionnoy komissii pri Komissariate torgovli i promyshlennosti i po dr. voprosam 15 noyabrya 1917 g. – 25 noyabrya 1918 g.* [Reports and Communications of the Belarusian, Chuvash and Other Commissariats, the Central Committee of the Communist Party of Armenia; the Commissar for Latvian National Affairs to the People's Commissariat for Nationalities on the Economic and Cultural Development of the National Republics, the Political Situation of Transcaucasia and Armenia, the Work of the Main Liquidation Commission under the Commissariat for Trade and Industry and on Other Issues, 15 November 1917 – 25 November 1918].
6. Barkova, O.N. & Kukushkin, Yu.S. (2012) Pravovaya osnova sozdaniya i razvitiya RSFSR v 1920-e gody [The legal basis for the creation and development of the RSFSR in the 1920s]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya – Bulletin of Moscow University. Series 8: History*. 2. pp. 80–108.
7. Mityukov, M.A. (1989) O pravovom polozhenii trudovoy kommuny kak formy avtonomii [On the legal status of the labour commune as a form of autonomy]. In: *Aktual'nye problemy pravovedeniya v period sovershenstvovaniya sotsialisticheskogo obshchestva* [Current Problems of Jurisprudence in the Period of Improving Socialist Society]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta. pp. 52–53.
8. Russian Empire. (n.d.) *Manifest Ekateriny II "O dozvolenii vsem inostrantsam, v Rossiyu v"ezzhayushchim, poselyat'sya v kotorykh Guberniyakh oni pozhelayut i o darovannykh im pravakh" ot 22 iyulya 1763 g.* [Manifesto of Catherine II 'On Permitting All Foreigners Entering Russia to Settle in Which Governorates They Wish and on the Rights Granted to Them' of 22 July 1763]. *PSZRI – Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. Collection 1. Vol. XVI. pp. 313–316.
9. Durdenevskiy, V. (1923) Na putyakh k russkomu federal'nomu pravu [On the paths to Russian federal law]. *Sovetskoe pravo – Soviet Law*. 1. pp. 20–35.

10. RSFSR. (1918) *Konstitutsiya (Osnovnoy Zakon) Rossiyskoy Sotsialisticheskoy Federativnoy Sovetskoy Respubliki (prinyata V Vserossiyskim s"ezdom Sovetov 10.07.1918)* [Constitution (Fundamental Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (adopted by the V All-Russian Congress of Soviets on 10.07.1918)]. *SU RSFSR – Collection of Laws of the RSFSR*. No. 51. Art. 582.
11. Palienko, N.I. (1923) *Konfederatsii. Federatsii i Soyuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik* [Confederations. Federations and the Union of Soviet Socialist Republics]. Odessa. 72 p.
12. Turubiner, A.M. (1923) *Gosudarstvennyy stroy RSFSR* [The State System of the RSFSR]. Moscow. 87 p.
13. Avak'yan, S.A., Barabashev, G.V., Vasil'ev, R.F., Voevodin, L.D. et al. (1985) *Sovetskoe gosudarstvennoe pravo* [Soviet State Law], ed. by S.S. Kravchuk. 2nd ed. Moscow. 464 p.
14. Lenin, V.I. (1969) *Polnoe sobranie sochineniy : v 55 t.* [Complete Works: in 55 vols]. Vol. 33. Moscow. 463 p.
15. Pletnev, B.D. (1922) Gosudarstvennaya struktura RSFSR [The state structure of the RSFSR]. *Pravo i zhizn' – Law and Life*. Book 1. pp. 26–30.
16. Kokoshkin, F.F. (1917) *Avtonomiya i federatsiya* [Autonomy and Federation]. Petrograd. 30 p.
17. Alekseev, N.N. (1925) Gosudarstvennyy stroy [The state system]. In: Alekseev, N.N., Zavadskiy, S.V., Makletsov, A.V. & Timashev, N.S. (comps) *Pravo Sovetskoy Rossii: sbornik statey. Vyp. 1: Istochniki prava. Gosudarstvennyy stroy. Administrativnoe pravo. Publichno-khozyaystvennoe pravo* [Law of Soviet Russia: Collection of Articles. Issue 1: Sources of Law. State System. Administrative Law. Public-Economic Law]. Prague: Plamya. pp. 63–82.
18. Yugay, A.F. (1960) Provozglashenie Rossiyskoy Sovetskoy Sotsialisticheskoy Federatsii i obrazovanie ee sub"ektov v pervoy polovine 1918 goda [Proclamation of the Russian Soviet Socialist Federation and the formation of its subjects in the first half of 1918]. *Uchënye zapiski Saratovskogo yuridicheskogo instituta – Scientific Notes of the Saratov Law Institute*. Issue 9. pp. 3–41.
19. Magerovskiy, D. (1923) Soyuz SSR [The Union of SSR]. *Sovetskoe pravo – Soviet Law*. 1 (4). pp. 13–16.
20. Stuchka, P.I. (1922) *Uchenie o gosudarstve i o Konstitutsii RSFSR* [The Doctrine of the State and the Constitution of the RSFSR]. Kursk. 288 p.
21. Magaziner, Ya.M. (1922) *Obshchee uchenie o gosudarstve : kurs lektsiy, chitannykh v Petrogradskom un-te v 1918–1922 gg.* [General Doctrine of the State: A Course of Lectures Delivered at Petrograd University in 1918–1922]. 2nd ed. Petersburg. 491 p.
22. Kotlyarevskiy, S.A. (1907) *Konstitutsionnoe gosudarstvo. Opyt politiko-morfologicheskogo razbora* [The Constitutional State. An Attempt at a Political-Morphological Analysis]. St. Petersburg. 250 p.
23. Gurvich, G. (1924) Printsipy avtonomizma i federalizma v sovetskoy sisteme [Principles of autonomism and federalism in the Soviet system]. *Sovetskoe pravo – Soviet Law*. 3. pp. 3–39.
24. Yashchuk, T.F. (2017) Gosudarstvenno-pravovoy status RSFSR: problemy opredeleniya [The state-legal status of the RSFSR: problems of definition]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" – Bulletin of Omsk University. Series 'Law'*. 1. pp. 6–13. doi: 10.24147/1990-5173.2017.1.6-13
25. Jellinek, G. (1882) *Die Lehre von den Staatenverbindungen*. Wien: Alfred Hölder. 319 S.
26. Jellinek, G. (1914) *Allgemeine Staatslehre*. Berlin: O. Häring. 837 S.
27. Laband, P. (1911) *Das Staatsrecht des Deutschen Reiches*. 5., umgearbeitete Auflage. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck). Bd. 1. XXXII. 748 S.
28. Seydel, Max von. (1893) *Staatsrechtliche und politische Abhandlungen*. Freiburg i. Br./Leipzig: Herder & Müller. 256 S.
29. Krasnyakov, N.I. (2023) *Rossiyskaya imperiya: opyt upravleniya natsional'nymi regionami (seredina XVII – nachalo XX v.)* [The Russian Empire: Experience of Managing National Regions (Mid-17th – Early 20th C.)]. Novosibirsk: NSU. 460 p.
30. Chistyakov, O.I. (2004) *Konstitutsiya SSSR 1924 goda* [The Constitution of the USSR of 1924]. Moscow. 224 p.
31. Yashchuk, T.F. (2021) Forma gosudarstva v istoriko-pravovykh issledovaniyakh sovetskogo perioda [The form of the state in historical-legal studies of the Soviet period]. *Pravoprimenenie – Law Enforcement*. 5 (3). pp. 20–33. doi: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).20-33
32. Gligich-Zolotareva, M.V. (2009) *Teoriya i praktika federalizma: sistemnyy podkhod* [Theory and Practice of Federalism: A Systemic Approach]. Novosibirsk: Nauka. 640 p.
33. Chirkin, V.E. (2011) M.V. Gligich-Zolotareva. Teoriya i praktika federalizma: sistemnyy podkhod [M.V. Gligich-Zolotareva. Theory and Practice of Federalism: A Systemic Approach]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 2. pp. 98–99.
34. Kakitelashvili, M.M. (2018) Idei rossiyskogo federalizma v konstitutsii RSFSR 1918 goda v kontekste sovremennykh problem [Ideas of Russian federalism in the Constitution of the RSFSR of 1918 in the context of contemporary problems]. *Istoriko-pravovye problemy: novyy rakurs – Historical and Legal Problems: A New Perspective*. 3. pp. 87–102.
35. Romashova, M.R. (2024) Konstitutsionnoe pravoponimanie kak sistemnyy element rossiyskogo federalizma [Constitutional legal understanding as a systemic element of Russian federalism]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal – Leningrad Law Journal*. 3 (77). pp. 69–91. doi: 10.35231/18136230_2024_3_69
36. Bulatov, Yu.A. (2019) Federativnoe ustroystvo Rossiyskogo gosudarstva: modeli proshlogo i nastoyashchego [The federal structure of the Russian state: models of the past and present]. *Mezhdunarodnaya zhizn' – International Life*. 1. pp. 49–75.
37. Burbina, Yu.V. (2009) Istoki federativnoy gosudarstvennosti Rossii [The origins of Russia's federal statehood]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*. 4. pp. 7–10.
38. Mart'yanov, V.S. (2025) Rossiyskaya Federatsiya: mezhdu postimperiy i otlozhennoy natsiey [The Russian Federation: between post-empire and a deferred nation]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki) – Politia: Analysis. Chronicle. Forecast (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics)*. 2 (117). pp. 71–101. doi: 10.30570/2078-5089-2025-117-2-71-101
39. Troitskaya, A.A. (2009) Federatsiya i regional'noe gosudarstvo: gde prokhodit granitsa? [Federation and regional state: where is the boundary?]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review*. 6 (73). pp. 27–37.
40. Leksin, I.V. (2012) Sootnoshenie federativnoy i regionalistskoy formy gosudarstvennogo ustroystva: problemy i resheniya [The correlation of federal and regionalist forms of state structure: problems and solutions]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk – Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 12. pp. 476–486.

Информация об авторе:

Данилов И.Б. – канд. юрид. наук, зав. кафедрой юриспруденции, Сибирский государственный университет геосистем и технологий (Новосибирск, Россия). E-mail: 0615222@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.B. Danilov, Cand. Sci. (Law), head of the Department of Law, Siberian State University of Geosystems and Technologies (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: 0615222@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.02.2026;
одобрена после рецензирования 28.04.2026; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 06.02.2026;
approved after reviewing 28.04.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 343.98
doi: 10.17223/15617793/527/28

Некоторые аспекты совершенствования законодательного регулирования и криминалистических рекомендаций по расследованию преступлений в сфере использования электронных средств платежа организованными преступными формированиями, специализирующимися на нелегальном игорном бизнесе

Евгений Николаевич Ламанов[1], Анна Сергеевна Воротникова[2], Константин Геннадьевич Балашов[3]

[1, 2] Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия
[3] Адвокатская контора Краснoперекопского района г. Ярославля (Ярославская областная коллегия адвокатов), Ярославль, Россия
[1] lamanovf1@gmail.com
[2] seamni46@mail.ru
[3] balashoffkonstantin@yandex.ru

Аннотация. Обоснована необходимость совершенствования механизмов уголовно-правового противодействия деятельности организованных преступных формирований в сфере незаконного игорного бизнеса, использующих электронные средства платежа. Проведен анализ правоприменительной практики по ст. 171.2, 187 УК РФ за период 2019–2024 гг. в контексте вступивших в силу с 5 июля 2025 г. изменений законодательства. Выявлены ключевые проблемы правоприменения. Предложены конкретные изменения в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство.
Ключевые слова: незаконный игорный бизнес, электронные средства платежа, неправомерный оборот средств платежей, организованная преступная группа, цифровые следы, лингвистическая экспертиза, квалификация преступлений, процессинговые центры, транснациональные киберпреступления

Источник финансирования: работа выполнена в рамках государственного задания «Правовые меры обеспечения стратегических приоритетов по противодействию угрозам национальной безопасности» (FENM-2025-0010), № 1024031900131-7-5.5.1.

Для цитирования: Ламанов Е.Н., Воротникова А.С., Балашов К.Г. Некоторые аспекты совершенствования законодательного регулирования и криминалистических рекомендаций по расследованию преступлений в сфере использования электронных средств платежа организованными преступными формированиями, специализирующимися на нелегальном игорном бизнесе // Вестник Томского государственного университета. 2026. № 527. С. 259–265. doi: 10.17223/15617793/527/28

Original article
doi: 10.17223/15617793/527/28

Some aspects of improving legislative regulation and criminalistic recommendations for investigating crimes involving the use of electronic means of payment by organized criminal groups specializing in illegal gambling

Evgeniy N. Lamanov[1], Anna S. Vorotnikova[2], Konstantin G. Balashov[3]

[1, 2] Southwest State University, Kursk, Russian Federation
[3] Law Office of Krasnoperekopsky District of Yaroslavl, Yaroslavl, Russian Federation
[1] lamanovf1@gmail.com
[2] seamni46@mail.ru
[3] balashoffkonstantin@yandex.ru

Abstract. This article examines the law enforcement challenges involved in investigating crimes committed by organized criminal groups specializing in illegal gambling via electronic payment methods. The primary focus rests on analyzing the mechanisms of criminal qualification regarding processing centers that service illegal gambling platforms, while isolating the difficulties of distinguishing related offenses when they converge within a single technological process of the digital economy. The study is based on an analysis of current criminal legislation (Articles 171.2, 187, 33, 210, 172.1, and 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation), criminal procedural norms, and judicial practice materials in cases of illegal gambling and the illicit turnover of payment funds spanning 2019–2024, alongside legislative amendments that entered into force on July 5, 2025. The methodological framework relies on system analysis to investigate the interrelationship of criminal activity elements in the digital environment, a comparative-legal method to evaluate the qualification of related crimes, a formal-legal method to interpret criminal law norms, an analysis of law enforcement practice to identify typical qualification errors, and forensic linguistic analysis to evaluate digital communications as evidence of organizational activity. Based on the findings, the authors

© Ламанов Е.Н., Воротникова А.С., Балашов К.Г., 2026

conclude that existing criminal law mechanisms for countering organized gambling groups suffer from systemic shortcomings, identifying three key problem areas: first, the problem of procedurally proving the organizational role of a criminal group leader when dealing exclusively with digital traces, forcing investigative authorities to reconstruct hierarchical structures from fragmentary, encrypted, or anonymized electronic correspondence via specialized forensic linguistic expertise; second, the challenge of distinguishing offenses under Articles 171.2 (illegal gambling), 187 (illegal circulation of payment tools), and 174.1 (money laundering) of the Criminal Code of the Russian Federation given their convergence within a single technological workflow; and third, the difficulty of establishing causal relationships between the actions of geographically distributed participants in the criminal chain—including software developers, processing center operators, transit account holders, and player-interaction agents—where territorial dispersion, offshore jurisdictions, and multi-stage financial schemes impede proof of unified intent, necessitating specialized expert competencies within investigative units to evaluate technical specialists' involvement.
Keywords: illegal gambling, electronic means of payment, illegal circulation of means of payment, organized criminal group, digital footprints, linguistic expertise, crime qualification, processing centers, transnational cybercrimes

Financial support: The work was carried out within the framework of the State Assignment "Legal Measures to Ensure Strategic Priorities for Countering Threats to National Security" (FENM-2025-0010), No. 1024031900131-7-5.5.1.

***For citation*:** Lamanov, E.N., Vorotnikova, A.S. & Balashov, K.G. (2026) Some aspects of improving legislative regulation and criminalistic recommendations for investigating crimes involving the use of electronic means of payment by organized criminal groups specializing in illegal gambling. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 527. pp. 259–265. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/527/28

Современный этап развития цифровой экономики характеризуется стремительной трансформацией платежной инфраструктуры и повсеместным внедрением электронных средств платежа в гражданский оборот, что одновременно создает благоприятную среду для криминализации финансовых потоков и формирования устойчивых организованных преступных структур, специализирующихся на извлечении противоправных доходов [1. С. 60]. Особую общественную опасность представляет симбиоз незаконного игорного бизнеса и неправомерного оборота средств платежей, при котором организованные преступные группы используют сложные схемы легализации денежных средств посредством создания теневой платежной инфраструктуры. Актуальность исследования правоприменительной практики в данной сфере обусловлена не только высокой латентностью указанных преступлений и значительным материальным ущербом, причиняемым экономической безопасности государства и правам граждан, но и недостаточной эффективностью существующих механизмов уголовно-правового противодействия данному криминальному феномену.

Изучение материалов уголовных дел по ст. 171.2 УК РФ за период 2019–2024 гг. выявило системную проблему разграничения преступлений, связанных с незаконной организацией азартных игр, от смежных составов, предусмотренных ст. 172.1 УК РФ (незаконная банковская деятельность) и ст. 210 УК РФ (организация преступного сообщества). Показательным является приговор Кирово-Чепецкого районного суда Кировской области от 23.12.2021 по делу № 1-109/2021, где подсудимые Вотинцева С.С., Воронцов К.С. и Ахмедов Ф.А.о. осуществляли организацию и проведение азартных игр с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», вне установленной игорной зоны на территории Кировской области. Органы следствия квалифицировали действия Вотинцевой С.С. и Воронцова К.С. по ч. 2 ст. 171.2 УК РФ как совершенные группой лиц по предварительному сговору, в то время как действия Ахмедова Ф.А.о. были квалифицированы по совокупности преступлений: ч. 2 ст. 171.2 УК РФ и ч. 1 ст. 171.2 УК РФ, что свидетельствует о его участии в нескольких эпизодах преступной деятельности различной степени тяжести. Судебная коллегия, руководствуясь положениями ст. 1, 4 и 9 Федерального закона от 29.12.2006 № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр», установила отсутствие игорной зоны на территории Кировской области, что явилось основанием для признания деятельности подсудимых незаконной [2]. Данное судебное решение демонстрирует типичную проблему разграничения форм соучастия и определения индивидуальной роли каждого участника преступной группы при организации многоуровневой структуры незаконного игорного бизнеса с использованием цифровых технологий.

В одном из судебных решений указывается: «…Козеровой была создана структурно оформленная преступная группа, имевшая иерархическую структуру построения, с наличием руководящего состава, структурных подразделений, с распределением функций и обязанностей среди ее участников, где соблюдались правила конспирации, дисциплина, которая обладала признаками устойчивости и сплоченности, имела стабильный состав и тесные связи между ее участниками, объединенными единым умыслом, направленным на совершение в течение длительного периода времени особо тяжких преступлений…». Действия были квалифицированы по совокупности по ч. 1 ст. 210 УК РФ, но ВС РФ отменил постановления нижестоящих судов в этой части, посчитав структуру организации недостаточно сложной для сообщества [3].

Применительно к незаконному игорному бизнесу, осложненному использованием процессинговых систем, проблема разграничения организованной группы и преступного сообщества приобретает особую остроту, поскольку технологическая архитектура онлайн-казино объективно предполагает многоуровневую структуру взаимодействия участников (операторы платежных шлюзов, администраторы серверного оборудования, модераторы игровых платформ, агенты по

привлечению клиентов), что создает видимость иерархической организации, хотя фактически может представлять собой лишь функциональное распределение ролей, обусловленное спецификой цифровых технологий, а не признаками устойчивости и сплоченности преступного сообщества [4. С. 322]. В этой связи для надлежащей квалификации необходимо применение специфических критериев оценки, учитывающих не только формальное наличие структурных подразделений и распределения обязанностей, но и степень централизации управления денежными потоками, наличие единого центра принятия решений о модификации схемы деятельности, системность финансирования технической инфраструктуры из общего преступного капитала, а также устойчивость личных связей между участниками, выходящую за рамки чисто технологического взаимодействия [5. С. 60], что позволит избежать необоснованного завышения квалификации действий лиц, участвующих лишь в предоставлении технических услуг без вхождения в руководящее ядро организации.

С 5 июля 2025 г. вступили в силу изменения ст. 187 Уголовного кодекса Российской Федерации «Неправомерный оборот средств платежей», направленные на усиление уголовной ответственности за деятельность процессинговых центров по обработке платежей онлайн-казино и иных незаконных игорных операторов, что знаменует качественно новый этап в развитии отечественного уголовного законодательства в области противодействия киберпреступности. Данные законодательные новеллы обусловливают необходимость комплексного научного осмысления складывающейся правоприменительной практики, выработки единообразных подходов к толкованию новых уголовно-правовых норм и разработки методических рекомендаций для правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений данной категории. Совершенствование механизмов уголовно-правового реагирования на противоправную деятельность организованных преступных структур в сфере нелегального игорного бизнеса приобретает особую значимость в контексте защиты национальной платежной системы и обеспечения экономической безопасности Российской Федерации.

Предмет преступления в рассматриваемой категории уголовно наказуемых деяний характеризуется комплексной природой своего содержания. В качестве непосредственного предмета преступного посягательства выступают денежные средства в безналичной форме, находящиеся в электронном обороте и зачисляемые на счета членов организованных преступных формирований посредством использования платежных систем, банковских карт, электронных кошельков и иных инструментов дистанционного банковского обслуживания [6. С. 15]. Особую криминалистическую значимость приобретает тот факт, что предметом преступления одновременно выступают и сами электронные средства платежа как материальные носители конфиденциальной финансовой информации (платежные карты, токены, ключи доступа к системам электронных платежей), незаконное использование которых организованными преступными группами обеспечивает латентность финансовых потоков нелегального игорного бизнеса и создает существенные препятствия для правоохранительных органов при реализации мероприятий финансового мониторинга.

Специфика предмета преступления в анализируемой сфере детерминируется технологическими особенностями функционирования электронных платежных систем и способами их интеграции в механизм осуществления незаконной игорной деятельности. Предметом преступного посягательства также являются информационные массивы, содержащие персональные данные держателей платежных инструментов, реквизиты банковских счетов и идентификационные сведения, необходимые для проведения электронных транзакций в пользу нелегальных игорных операторов [7. С. 31]. Множественность предмета преступления обусловливает необходимость дифференцированного подхода при квалификации деяний по совокупности составов преступлений, предусмотренных различными статьями Особенной части УК РФ, включая нормы о незаконном игорном бизнесе, мошенничестве с использованием электронных средств платежа, неправомерном обороте средств платежей и противоправном доступе к компьютерной информации.

Состав преступления, связанного с использованием электронных средств платежа организованными преступными формированиями, специализирующимися на нелегальном игорном бизнесе, характеризуется сложной конструкцией элементов и их взаимообусловленностью. Объектом преступного посягательства выступают общественные отношения в сфере законного предпринимательства, установленного порядка осуществления игорной деятельности, безопасности функционирования электронных платежных систем и экономической безопасности государства в целом [8. С. 374]. Объективная сторона преступления проявляется в совокупности противоправных деяний, включающих организацию и проведение азартных игр с использованием информационно-телекоммуникационных сетей вне игорных зон, прием денежных средств от участников через электронные платежные системы, создание технической инфраструктуры для обеспечения финансовых транзакций и вывод полученных доходов с применением схем их легализации [9. С. 154]. Субъектом данного преступления являются вменяемые физические лица, достигшие возраста уголовной ответственности и входящие в состав организованной преступной группы или преступного сообщества, при этом специальным признаком субъекта может выступать наличие полномочий по руководству противоправной деятельностью либо осуществление организационно-управленческих или финансово-технических функций. Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом, при котором виновные лица осознают общественную опасность своих действий, связанных с ведением нелегального игорного бизнеса посредством электронных средств платежа, предвидят неизбежность или возможность наступления общественно опасных последствий в виде причинения ущерба установленному порядку экономиче-

ской деятельности и желают их наступления, а мотивом преступления выступает корыстная заинтересованность в систематическом извлечении незаконных доходов от запрещенной игорной деятельности.

Существующие криминалистические рекомендации по расследованию рассматриваемой категории преступлений не в полной мере учитывают специфику следообразования и особенности установления иерархических связей в киберпространстве и проблемы разграничения смежных составов преступлений при симбиозе различных форм противоправной деятельности в едином технологическом процессе. Авторы предлагают решение следующих выявленных проблемных аспектов.

1. Принципиальную сложность в правоприменительной практике представляет процессуальная проблема доказывания роли лидера организованной преступной группы при наличии исключительно цифровых следов преступной деятельности [10. С. 181]. В условиях использования зашифрованных каналов коммуникации, мессенджеров с функцией автоматического уничтожения сообщений и анонимизирующих технологий следственные органы сталкиваются с необходимостью установления иерархической структуры преступного формирования на основании фрагментарной электронной переписки.

Особую сложность представляет лингвистический анализ сохранившихся цифровых коммуникаций с точки зрения определения характера властных отношений между участниками переписки. Так, например, сообщение «Завтра в 15:00 на точке быть всем, Серега привезет товар, остальные разбирайте по своим» может быть квалифицировано как организаторская директива с четким распределением ролей, однако защита может интерпретировать идентичный текст как простую координацию действий между равноправными участниками без признаков субординации. Аналогичная проблема возникает при анализе сообщения «Вопрос решен, завтра деньги придут, сразу всем раскидаю» – данная фраза может свидетельствовать как о контроле лидера над финансовыми потоками преступной группы, так и об исполнении технической роли посредника в расчетах между независимыми участниками.

Лингвистическая экспертиза должна выявлять специфические речевые маркеры организующего влияния: императивные конструкции без модальности просьбы, использование местоимений, указывающих на иерархическую дистанцию («вам», «они», «мои люди»), наличие отчетных формулировок от других участников («сделал, как сказал», «выполнено»), а также систематическое использование дисциплинарной лексики. Исследование электронной корреспонденции требует разработки отдельных положений частной криминалистической методики, включающей выявление с помощью специальных знаний маркеров организующего влияния, включая характер распоряжений, периодичность координационных контактов и содержание директивных указаний по распределению ролевых функций между соучастниками противоправной деятельности в киберпространстве.

Представляется целесообразным разработка межведомственной Инструкции МВД, СК и Генеральной прокуратуры РФ «О порядке производства судебной лингвистической экспертизы цифровой коммуникации при расследовании преступлений, совершенных организованными группами», которая определила бы процессуальный статус исследования электронной переписки как самостоятельного вида криминалистической экспертизы с установлением обязательных компонентов экспертного заключения. Данный ведомственный нормативный акт должен регламентировать квалификационные требования к экспертам-лингвистам, специализирующимся на анализе цифровых коммуникаций, закрепить научно обоснованную типологию речевых конструкций, индицирующих признаки организаторской деятельности, и определить минимальный объем исследуемого корпуса сообщений, достаточный для формулирования категорических выводов относительно иерархических отношений между участниками переписки.

Параллельно необходимо утверждение Методических рекомендаций Следственного комитета РФ «Об особенностях доказывания организующей роли лица в преступном формировании на основании цифровых следов», содержащих алгоритм комплексного исследования электронной корреспонденции с указанием на обязательность проведения лингвистической экспертизы при отсутствии иных доказательств организаторских функций обвиняемого. В рамках данного документа следует закрепить перечень обстоятельств, подлежащих установлению при назначении экспертизы: наличие императивно-директивной модальности высказываний, систематичность отчетной коммуникации от иных участников, использование лексики финансового контроля и распределения материальных благ, наличие дисциплинарно-санкционного дискурса в отношении нарушителей установленных правил, что в совокупности формирует доказательственную базу устойчивости преступного объединения и централизованного управления его деятельностью.

2. Существенной проблемой квалификации рассматриваемой категории преступлений выступает отсутствие единообразной судебной практики при разграничении составов незаконного игорного бизнеса, неправомерного оборота средств платежей и легализации денежных средств, добытых преступным путем. Сложность дифференциации составов обусловлена конвергенцией объективных признаков указанных преступлений в рамках единого технологического процесса функционирования нелегальных игорных платформ, где деятельность процессинговых центров по обработке электронных платежей органически интегрирована в механизм осуществления азартных игр и последующего распределения криминальных доходов. Правоприменительная практика демонстрирует противоречивые подходы при определении момента окончания преступления, установлении крупного и особо крупного размера извлеченного дохода, а также при квалификации действий технических специалистов, администраторов и финансовых операторов, обеспечивающих функционирование платежной инфраструктуры без непосредственного участия в организации игорного процесса. Дискуссионным остается вопрос о возможности применения норм о совокупности преступлений либо необходимости квалификации деяния

по специальной норме, поглощающей признаки сопутствующих противоправных действий в сфере электронного документооборота и денежного обращения [11. С. 187].

Для устранения правоприменительных противоречий при квалификации рассматриваемой категории деяний целесообразно внести изменения в ст. 171.2 УК РФ, дополнив её примечанием, устанавливающим, что организация и проведение азартных игр с использованием информационно-телекоммуникационных сетей охватывают собой действия по обеспечению приема и перевода денежных средств участников игорного процесса, если такая деятельность осуществляется специально созданной или адаптированной платежной инфраструктурой, функционально интегрированной в технологический процесс нелегальной игорной платформы, что исключает дополнительную квалификацию по ст. 187 УК РФ. Одновременно представляется необходимым дополнить постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации разъяснениями о том, что преступление считается оконченным с момента приема первой ставки от участника азартной игры с зачислением денежных средств на технические счета организаторов, при этом крупный размер извлеченного дохода исчисляется как совокупность всех принятых ставок за вычетом выплаченных выигрышей за период преступной деятельности; действия технических специалистов и операторов, осведомленных о незаконном характере игорного бизнеса и обеспечивающих функционирование платежной инфраструктуры, подлежат квалификации как пособничество по ч. 5 ст. 33 и соответствующей части ст. 171.2 УК РФ. Квалификация по ст. 174.1 УК РФ применяется самостоятельно лишь в случаях, когда действия по легализации преступных доходов выходят за рамки обычного функционирования игорной платформы и направлены на придание правомерного вида денежным средствам путем их включения в легальный финансовый оборот через создание фиктивных хозяйственных операций, не связанных с технологией проведения азартных игр.

3. Также проблемой является установление причинно-следственной связи между действиями различных звеньев преступной цепи, охватывающей разработчиков программного обеспечения игорных платформ, операторов процессинговых центров, владельцев транзитных счетов и лиц, осуществляющих непосредственное взаимодействие с игроками. Территориальная распределенность участников организованной преступной структуры, использование офшорных юрисдикций для регистрации технических компаний и применение многоступенчатых схем движения денежных потоков создают объективные препятствия для комплексного доказывания единства умысла и согласованности действий всех соучастников преступления. Особую сложность представляет определение юридически значимых критериев вовлеченности в преступную деятельность лиц, формально выполняющих легитимные функции в области информационных технологий или финансовых услуг, но фактически обеспечивающих техническую возможность функционирования нелегального игорного бизнеса. Недостаточная разработанность положений частной криминалистической методики расследования преступлений, совершенных организованными преступными формированиями, в части установления соучастия в преступлениях, совершаемых с использованием цифровых технологий, обусловливает необходимость формирования специализированных экспертных компетенций следственных подразделений и создания межведомственных механизмов координации при расследовании транснациональных преступных схем в киберпространстве.

Для разрешения обозначенной проблемы целесообразно дополнить УК РФ специальной нормой, устанавливающей презумпцию осведомленности о противоправном характере деятельности для лиц, оказывающих специализированные технические или финансовые услуги операторам игорных платформ, не имеющим соответствующей лицензии, при наличии совокупности объективных признаков (систематичность оказания услуг, нетипичность технических решений, использование средств анонимизации, аномальные финансовые потоки). Одновременно необходимо внести изменения в ст. 33 УК РФ, расширив понятие пособничества применительно к преступлениям в цифровой среде путем указания на то, что создание программного обеспечения, предоставление хостинга, процессинговых услуг и иной технической инфраструктуры признается содействием преступлению при установлении осведомленности лица о конечной цели использования предоставляемых ресурсов. Параллельно следует дополнить УПК РФ нормами, регламентирующими особый порядок международного сотрудничества при расследовании транснациональных киберпреступлений, предусматривающий упрощенный механизм направления запросов о правовой помощи, возможность проведения совместных следственных действий и создание единой межведомственной базы данных о технических и финансовых посредниках, вовлеченных в нелегальную игорную деятельность.

Итак, проведенное исследование свидетельствует о необходимости комплексной модернизации уголовно-правовых и процессуальных механизмов, криминалистических рекомендаций по преодолению противодействия расследованию экономических преступлений, в том числе незаконного игорного бизнеса, интегрированного в теневой оборот электронных средств платежа. Предложенные законодательные новеллы, включающие дополнение ст. 33, 171.2, 187 УК РФ, и разработка межведомственной Инструкции МВД, СК и Генеральной прокуратуры РФ «О порядке производства судебной лингвистической экспертизы цифровой коммуникации при расследовании преступлений, совершенных организованными группами», позволят повысить эффективность выявления, раскрытия и расследования преступлений данной категории, обеспечат единообразие правоприменительной практики и создадут необходимые правовые предпосылки для противодействия криминализации цифровой экономики. Установление единообразных критериев разграничения смежных составов преступлений, определение

момента окончания противоправных деяний и совершенствование положений частной криминалистической методики расследования преступлений, совершенных организованными преступными формированиями, в части доказывания причинно-следственных связей между территориально распределенными их членами обеспечат повышение результативности деятельности правоохранительных органов при защите экономической безопасности государства и законных интересов граждан. Дальнейшее развитие доктринальных подходов к квалификации преступлений и криминалистической методике рассматриваемой категории в киберпространстве требует междисциплинарного взаимодействия юридической науки, криминалистики и информационных технологий для адекватного реагирования на трансформацию криминальных практик в условиях стремительного технологического прогресса.

Список источников

1. Молчанова Т.В. Будущее организованной преступности в виртуальной среде // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2020. № 3. С. 60–61.
2. Приговор Кирово-Чепецкого районного суда Кировской области от 23.12.2021 по делу № 1-109/2021. URL: https://reputation.su/sudrf/246928164 (дата обращения: 12.12.2025).
3. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 25.11.2015 № 127П15. URL: https://legalacts.ru/doc/obzor-sudebnoi-praktiki-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-n-3/ (дата обращения: 12.12.2025).
4. Стукаленко С.М. Арбитраж криптовалют и процессинг платежей: риски уголовного преследования // Вопросы российской юстиции. 2025. № 37. С. 319–327.
5. Яцеленко Б.В., Шадрихина И.С. Противодействие использованию цифровой валюты в легализации (отмывании) денежных средств // Лоббирование в законодательстве. 2024. Т. 3, № 3. С. 59–63. doi: 10.33693/2782-7372-2024-3-3-59-63
6. Быкова Е.Г., Казаков А.А. Дискуссионные аспекты признания электронных средств и электронных носителей информации предметом преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ // Российский судья. 2024. № 4. С. 13–18. doi: 10.18572/1812-3791-2024-4-13-18
7. Нудель С.Л., Печегин Д.А. Вопросы квалификации неправомерного оборота средств платежей (по признаку предмета) // Уголовное право. 2020. № 3. С. 27–38.
8. Ступина С.А., Долгушина Л.В. Уголовно-правовая характеристика неправомерных операций с электронными средствами платежа: сквозь призму законодательных новелл // Евразийский юридический журнал. 2025. № 7 (206). С. 373–375.
9. Простякова Д.П. Неправомерный оборот средств платежей как объект критического уголовно-правового исследования // Ius Publicum et Privatum. 2024. № 2 (26). С. 152–157. doi: 10.46741/2713-2811.2024.26.2.018
10. Аккаева Х.А. Формы проявления организованной преступной деятельности // Право и управление. 2024. № 3. С. 180–186. doi: 10.24412/2224-9133-2024-3-180-186
11. Алымов Д.В., Балашов К.Г., Дериглазова А.Ю. Криминалистическая характеристика типовых следов преступника, осуществляющего криминальную деятельность в виртуальном пространстве (на примере дроповодов) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 506. С. 185–192. doi: 10.17223/15617793/506/23

References

1. Molchanova, T.V. (2020) Budushchee organizovannoy prestupnosti v virtual'noy srede [The future of organised crime in the virtual environment]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: problemy teorii i praktiki – Criminal Proceedings: Problems of Theory and Practice*. 3. pp. 60–61.
2. *Prigovor Kirovo-Chepetskogo rayonnogo suda Kirovskoy oblasti ot 23.12.2021 g. po delu № 1-109/2021* [Judgment of the Kirovo-Chepetsk District Court of Kirov Oblast of 23.12.2021 in case No. 1-109/2021]. [Online] Available from: https://reputation.su/sudrf/246928164 (Accessed: 12.12.2025).
3. Russian Federation. Supreme Court. (2015) *Postanovlenie Prezidiuma Verkhovnogo Suda RF ot 25.11.2015 N 127P15* [Ruling of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation No. 127P15 of 25.11.2015]. [Online] Available from: https://legalscts.ru/doc/obzor-sudebnoi-praktiki-verkhovnogosuda-rossiiskoi-federatsii-n-3/ (Accessed: 12.12.2025).
4. Stukalenko, S.M. (2025) Arbitrazh kriptovalyut i protsessing platezhey: riski ugolovnogo presledovaniya [Cryptocurrency arbitration and payment processing: risks of criminal prosecution]. *Voprosy rossiyskoy yustitsii – Issues of Russian Justice*. 37. pp. 319–327.
5. Yatselenko, B.V. & Shadrikhina, I.S. (2024) Protivodeystvie ispol'zovaniyu tsifrovoy valyuty v legalizatsii (otmyvanii) denezhnykh sredstv [Countering the use of digital currency in the legalisation (laundering) of money]. *Lobbirovanie v zakonodatel'stve – Lobbying in Legislation*. 3 (3). pp. 59–63. doi: 10.33693/2782-7372-2024-3-3-59-63
6. Bykova, E.G. & Kazakov, A.A. (2024) Diskussionnye aspekty priznaniya elektronnykh sredstv i elektronnykh nositeley informatsii predmetom prestupleniya, predusmotrennogo st. 187 UK RF [Debatable aspects of recognising electronic means and electronic information media as the subject of the crime provided for by Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*. 4. pp. 13–18. doi: 10.18572/1812-3791-2024-4-13-18
7. Nudel', S.L. & Pechegin, D.A. (2020) Voprosy kvalifikatsii nepravomernogo oborota sredstv platezhey (po priznaku predmeta) [Questions of qualification of unlawful circulation of means of payment (on the basis of the subject)]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*. 3. pp. 27–38.
8. Stupina, S.A. & Dolgushina, L.V. (2025) Ugolovno-pravovaya kharakteristika nepravomernykh operatsiy s elektronnymi sredstvami platezha: skvoz' prizmu zakonodatel'nykh novell [Criminal-legal characteristics of unlawful transactions with electronic means of payment: through the prism of legislative novelties]. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal – Eurasian Law Journal*. 7 (206). pp. 373–375.
9. Prostyakova, D.P. (2024) Nepravomernyy oborot sredstv platezhey kak ob"ekt kriticheskogo ugolovno-pravovogo issledovaniya [Unlawful circulation of means of payment as an object of critical criminal-legal research]. *Ius Publicum et Privatum*. 2 (26). pp. 152–157. doi: 10.46741/2713-2811.2024.26.2.018
10. Akkaeva, Kh.A. (2024) Formy proyavleniya organizovannoy prestupnoy deyatel'nosti [Forms of manifestation of organised criminal activity]. *Pravo i upravlenie – Law and Management*. 3. pp. 180–186. doi: 10.24412/2224-9133-2024-3-180-186
11. Alymov, D.V., Balashov, K.G. & Deriglazova, A.Yu. (2024) Kriminalisticheskaya kharakteristika tipovykh sledov prestupnika, osushchestvlyayushchego kriminal'nuyu deyatel'nost' v virtual'nom prostranstve (na primere doprovodov) [Forensic characteristics of typical traces of a criminal carrying out criminal activity in virtual space (on the example of drop-leaders)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 506. pp. 185–192. doi: 10.17223/15617793/506/23

Информация об авторах:

Ламанов Е.Н. – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия). E-mail: lamanovf1@gmail.com

Воротникова А.С. – преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия). E-mail: seamni46@mail.ru
Балашов К.Г. – помощник адвоката, Адвокатская контора Красноперекопского района г. Ярославля (Ярославская областная коллегия адвокатов) (Ярославль, Россия). E-mail: balashoffkonstantin@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
E.N. Lamanov, Cand. Sci. (Law), associate professor, Southwest State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: lamanovf1@gmail.com
A.S. Vorotnikova, lecturer, Southwest State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: seamni46@mail.ru
K.G. Balashov, lawyer's assistant, Law Office of Krasnoperekopsky District of Yaroslavl (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: balashoffkonstantin@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.02.2026;
одобрена после рецензирования 28.04.2026; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 09.02.2026;
approved after reviewing 28.04.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 341.6
doi: 10.17223/15617793/527/29

Динамическое толкование конвенционных норм в практике Европейского суда по правам человека: ретроспективный анализ

Тигран Давидович Оганесян[1]

[1] *Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия, t.oganesian@mail.ru*

Аннотация. В центре внимания статьи находится правовая природа динамического (эволютивного) метода толкования в практике Европейского суда по правам человека сквозь призму ряда ключевых дел и проблем. Динамическое толкование в свете современных условий трансформировалось: из возможности (права) оно превратилось в обязательство. Несмотря на сложности и противоречия, данный метод толкования вносит огромный вклад в развитие прав человека и становится необходимым условием для эффективного функционирования конвенционной системы.
Ключевые слова: Европейский суд по правам человека, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, толкование международных договоров, динамическое толкование, доктрина живого инструмента

Для цитирования: Оганесян Т.Д. Динамическое толкование конвенционных норм в практике Европейского суда по правам человека: ретроспективный анализ // Вестник Томского государственного университета. 2026. № 527. С. 266–274. doi: 10.17223/15617793/527/29

Original article
doi: 10.17223/15617793/527/29

Dynamic interpretation of convention norms in the case law of the European Court of Human Rights: A retrospective analysis

Tigran D. Oganesian[1]

[1] *Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, t.oganesian@mail.ru*

Abstract. The article focuses on the development and legal nature of the dynamic (evolutionary) method of interpretation in the practice of the ECHR through the prism of a number of key cases and problems that determined the future of the method of interpretation in question. Particular attention is paid to the analysis of early cases in which the ECHR began to apply an evolutionary interpretation on morally sensitive issues for States. It is noted that the subsequent development of the case law of the ECHR indicates that the evolutionary interpretation has become one of the main elements of the Strasbourg Court since the 2000s. Using article 31 of the Vienna Convention on the Law of Treaties, the ECHR was able to legitimize the method of interpretation in question. However, the opinions of judges of international courts who support or criticize the evolutionary interpretation seem ambiguous. It is pointed out that when arguing for the use of an evolutionary interpretation, the ECHR allows itself to refer to other acts of international law, even if these acts have not been ratified by the majority of the Council of Europe member States. As part of the harmonization of consensus and evolutionary interpretation, the ECHR expands the limits of the latter, referring to "international trends" to legitimize a number of rulings. The position also lies in the fact that the evolutionary interpretation in the light of modern conditions is perceived by the Court as an "obligation": from the possibility (right) it has become a commitment. Despite the difficulties and contradictions, the moral interpretation of the Convention through evolutionary interpretation has made a huge contribution to the development of international human rights law and has become a prerequisite for the existence of the ECHR and the effective functioning of the convention system. It is noted that only through consensus and discretion can the doctrine of the living instrument and how this doctrine works be fully understood and revealed. The expansion of the margin of appreciation of States lays the foundation for the progressive development of consensus in European States. The ECHR constantly specifies evolving minimum standards for the protection of human rights. This element of dynamic interpretation is particularly relevant in relation to rights that are affected by the results of technological progress, bioethics, social change, or changes in moral or ethical beliefs. In conclusion, it is noted that in the practice of the ECHR, one can find many rulings and decisions that have provoked criticism from the point of view of moral interpretation and dynamic interpretation. Nevertheless, the moral interpretation of the Convention through the evolutionary interpretation by the Strasbourg Court has made a huge contribution to the development of international human rights law and has become a prerequisite for the existence of the Court and the effective functioning of the convention system.
Keywords: European Court of Human Rights, European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, interpretation of international treaties, dynamic interpretation, doctrine of the living instrument

© Оганесян Т.Д., 2026

For citation: Oganesian, T.D. (2026) Dynamic interpretation of convention norms in the case law of the European Court of Human Rights: A retrospective analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 527. pp. 266–274. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/527/29

Введение

Идея о «живом» характере Европейской конвенции о защите прав человека (далее – Конвенция) стала центральной частью прецедентной практики Европейского суда по правам человека (далее – Суд, ЕСПЧ) с самых первых дней его существования и деятельности. Развитие динамического метода толкования в практике Суда можно проследить по некоторым важным делам и проблемам, которые стали ключевыми и определили его будущее. С этой точки зрения эволютивное толкование стало неотъемлемым элементом «конвенционной системы Страсбурга». Однако вопросы, связанные с «новым» прочтением конвенционных норм, до сих пор вызывают дискуссии не только среди ученых, но самих судей ЕСПЧ.

Под эволютивным толкованием понимается право судей ЕСПЧ в рамках конкретных обстоятельств дела интерпретировать Конвенцию в соответствии с современными реалиями и ценностями в целях защиты конвенционных прав. При этом соответствующие стандарты должны находить подтверждение у большинства государств – членов Совета Европы (консенсус) или же если такое не случается, то Суд должен аргументировать свое «новое» прочтение другими возможными способами. Например, Суд неоднократно ссылался на «международную тенденцию» [1] для легитимации ряда эволютивных постановлений. Список имеющихся инструментов при аргументации своего «нового» прочтения Конвенции у Суда не исчерпывающий. Анализируя как ранние, так и более поздние постановления Суда, мы видим, что Суд стал ссылаться и на иные основания, позволяющие ему убедить государство-ответчика в необходимость эволютивного толкования в конкретном деле. Ради справедливости следует отметить, что последнее вызывает значительное количество разногласий среди государств-членов. Социальные перемены и технический прогресс также являются одним из факторов, обусловливающих эволютивное толкование Конвенции, и «со временем “живой” подход к Конвенции восторжествовал» [2. С. 53].

Первые эволютивные постановления

Ранние дела, в которых Суд применял эволютивное толкование, касались преимущественно морально чувствительных вопросов. В этих делах Суд придает значение именно «моральному прочтению» Конвенции, обращаясь иногда к международным стандартам и стандартам государств – членов Совета Европы. Согласно «моральному прочтению», судьи не должны искать в тексте только «оригинальный замысел» (*original intent*) авторов, а должны интерпретировать абстрактные понятия в свете современных моральных принципов и лучшего понимания справедливости. «Моральное прочтение» в практике ЕСПЧ означает, что Конвенция для судей – это не просто исторический договор, а инструмент интерпретации, целью которого является продвижение общих ценностей, даже если эти ценности не прописаны в тексте явно, но выводятся из него логически и морально.

Стремление Суда быть новатором в моральном прочтении Конвенции настолько сильное, что Суд в качестве аргументации находит именно те стандарты, которые способны полностью оправдать применение им эволютивного толкования. Мы видим большое желание Суда в ранних делах применить доктрину «живого инструмента». Например, в деле *Tyrer v. UK* Суд не только установил новый применимый критерий, но и расширил сферу действия ст. 3 Конвенции, признав телесные наказания формой унижающего достоинство обращения. Другим ранним примером эволютивного толкования является постановление Суда по делу *Christine Goodwin v. United Kingdom*, в котором отмечено, что ЕСПЧ должен учитывать «изменяющиеся условия в государстве-ответчике и в договаривающихся государствах в целом» и реагировать на любое «развивающееся сближение в отношении стандартов, которые должны быть достигнуты» [3]. В упомянутых делах, когда Суд использовал эволютивное толкование, он не придавал особое значение консенсусу, если мнение большинства государств – членов Совета Европы вступало в противоречие с мнением Суда.

Как отмечает Джордж Летсас, между двумя группами ранних эволютивных дел: 1) *Tyrer v. United Kingdom*, *Marckx v. Belgium*, *Dudgeon v. The United Kingdom* и 2) *Handyside v. the United Kingdom*, *Sheffield and Horsham v. the United Kingdom*), есть нормативное противоречие в аргументации Суда. Он, в частности, отмечает, что если в деле *Marckx v. Belgium* Суд обозначил некий абстрактный общий стандарт, о чем свидетельствуют упоминания ряда международных конвенций, которые не были ратифицированы большинством государств – членов Совета Европы [4], то в деле *Sheffield and Horsham v.UK* «Суд поднял планку относительно того, что такое общий стандарт» [5. P. 115] и указал, что для эволютивного толкования требуется «общий подход среди Договаривающихся государств» [6]. В последнем деле мы видим, что Суд не только прикрывается доктриной свободы усмотрения, отказываясь от эволютивного толкования, но действительно указывает, что теперь для эволютивного толкования необходимо наличие консенсуса. Последующее развитие прецедентной практики ЕСПЧ все же свидетельствует о том, что он постепенно отказывается от подхода, примененного в деле *Sheffield and Horsham v.UK*, превращая эволютивное толкование в один главных элементов своей практики и иногда пренебрегая консенсусом, если это препятствует эволютивному толкованию Конвенции.

Что касается российских дел с элементами эволютивного толкования, то ярким примером может служить постановление Суда по делу *Rantsev v. Cyprus and Russia*, в котором Суд включил торговлю людьми в сферу применения ст. 4 Конвенции. В этом деле Суд отметил: «…отсутствие прямой ссылки на торговлю

людьми в Конвенции неудивительно. Конвенция была вдохновлена Всеобщей декларацией прав человека, провозглашенной Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций в 1948 году, в котором само по себе прямо не упоминалось о торговле людьми… Однако при оценке сферы применения статьи 4 Конвенции не следует упускать из виду особенности Конвенции или тот факт, что она является живым документом, который должен толковаться в свете современных условий. Все более высокие стандарты, требуемые в области защиты прав человека и основных свобод, соответственно и неизбежно требуют большей твердости в оценке нарушений основополагающих ценностей демократических обществ. Не может быть никаких сомнений в том, что торговля людьми угрожает человеческому достоинству и основным свободам ее жертв и не может считаться совместимой с демократическим обществом и ценностями, изложенными в Конвенции. Принимая во внимание свое обязательство толковать Конвенцию в свете современных условий, Европейский Суд считает ненужным определять, представляет ли обращение, на которое жалуется заявитель, “рабство”, “подневольное состояние” или “принудительный и обязательный труд”. Вместо этого Суд приходит к выводу, что сама торговля людьми по смыслу пункта “a” статьи 3 Палермского протокола и пункта “a” статьи 4 Конвенции о борьбе с торговлей людьми подпадает под действие статьи 4 Конвенции» [7]. Ю.А. Гаврилова подчеркивает, что при использовании результатов эволютивного толкования ЕСПЧ в отечественной правовой системе важно соблюдение «преемственности развития отечественной юридической науки и национальных правовых традиций» [8. С. 54].

В приведенной аргументации можно проследить две важные позиции Суда. Первое, при аргументации использования эволютивного толкования ЕСПЧ позволил себе ссылаться на иные источники международного права, даже если эти документы не ратифицированы большинством государств – членов Совета Европы. Иногда Суд также ссылается на дух Конвенции: любое толкование гарантированных прав и свобод должно соответствовать «общему духу Конвенции» [9]. При этом в соответствующих международных актах Суду достаточно выявить лишь «международную тенденцию». Второе, не менее важное, позиция о том, что эволютивное толкование в свете современных условий воспринимается Судом как *«obligation»*. По сути, данный вид толкования из возможности (права) Суда превратилось в обязательство, которое сегодня воспринимается как условие существования Суда по сохранению живого характера Конвенции, адаптированной к современным реалиям. По мнению Я. Джерардс, Суд подкрепил свое новое толкование, используя сложную комбинацию понятия Конвенции как живого инструмента, принципа эффективности и ряда контекстуальных принципов толкования, предусмотренных Венской конвенцией, таких как объект и цель Конвенции и международный консенсус [10. P. 53].

Сравнительный анализ в настоящее время используется для легитимации осуществления Судом расширительного толкования Конвенции. Об этом свидетельствуют дела, в которых Суд не находит общеевропейский консенсус, но все равно принимает эволютивное толкование. Можно предположить также, что Суд в рамках сравнительного анализа способен использовать лишь те материалы, которые выгодны Суду и желательны для применения или неприменения эволютивного толкования. Профессор Университета Нотр-Дам Паоло Карочца верно отмечает, что то, как Европейский суд опирается на сравнительные ссылки для обоснования результатов своих решений, по сути, является «злоупотреблением сравнительным правом» [11. P. 1223].

Современные стандарты применения эволютивного толкования и дело *KlimaSeniorinnen*

Обобщенные стандарты применения эволютивного толкования на современном этапе в некотором роде систематизированы ЕСПЧ в постановлениях по делам *Magyar Helsinki Bizottság v. Hungary* [12] *и Slovenia v. Croatia* [13]:

– Как международный договор, Конвенция должна интерпретироваться в свете правил толкования, предусмотренных в ст. 31–33 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. В соответствии с этими положениями Суд должен установить обычное значение, которое следует придавать терминам в их контексте, а также в свете объекта и цели положения, из которого они взяты.

– Необходимо также учитывать тот факт, что Конвенция представляет собой договор об эффективной защите индивидуальных прав человека и ее следует также читать как единое целое и толковать таким образом, чтобы способствовать внутренней согласованности и гармонии между ее различными положениями [14].

– Объект и цель Конвенции как инструмента защиты прав человека требуют, чтобы ее положения толковались и применялись таким образом, чтобы ее права были практическими и эффективными, а не теоретическими и иллюзорными. Более того, как инструмент защиты прав человека, Конвенция включает в себя нечто большее, чем просто взаимные обязательства между Договаривающимися государствами.

– При толковании Конвенции можно также прибегать к дополнительным средствам толкования, включая подготовительные материалы к договору.

Немаловажную роль в последующем развитии эволютивного толкования в практике ЕСПЧ будет играть постановление по делу *Verein KlimaSeniorinnen Schweiz and Others v. Switzerland* [15], в котором в 2024 г. Суд обозначил ряд значимых выводов по вопросам защиты климатических прав. Заявители (четыре женщины и швейцарская ассоциация *Verein KlimaSeniorinnen Schweiz*), обеспокоенные последствиями глобального потепления, считали, что швейцарские власти, несмотря на свои обязательства по Конвенции, не предпринимают достаточных действий для смягчения последствий изменения климата. В данном деле ЕСПЧ, приступив к эволютивному толкованию

ст. 8 Конвенции, в очередной раз напомнил, что «Конвенция является живым инструментом, который должен толковаться в свете современных условий и в соответствии с изменениями в международном праве, с тем чтобы отражать все более высокие стандарты, предъявляемые в области защиты прав человека, что требует большей твердость в оценке нарушений фундаментальных ценностей демократических обществ» (§ 434). Кроме того, подход Суда «учитывал существующие и постоянно совершенствующиеся научные данные о необходимости борьбы с изменением климата и срочности устранения его неблагоприятных последствий» (§ 434).

Суд отметил, что «в последнее время наблюдается эволюция научных знаний, социальных и политических взглядов и правовых норм, касающихся необходимости защиты окружающей среды, в том числе в контексте изменения климата» (§ 431). В этой связи страсбургские судьи также не забыли упомянуть консенсус по рассматриваемому вопросу, «вытекающий из международно-правовых механизмов, к которым государства-члены добровольно присоединились» (§ 456). Еще одной мотивацией необходимости эволютивного толкования экологических прав послужило «антропогенное изменение климата», представляющее «серьезную угрозу для осуществления прав человека в настоящее время и в будущем» (§ 435). В данном деле Суд также обращается к неконвенционным и неевропейским нормам, в частности, усиливая свой анализ нормами Рамочной конвенции ООН об изменении климата и Парижского соглашения 2015 г. При этом, как ранее признавал сам Суд в деле *Caamaño Valle v. Spain,* он не имеет полномочий обеспечивать соблюдение международных договоров или обязательств, помимо Конвенции [16].

Швейцарское правительство, в свою очередь, не согласилось с тем, что «принципы гармоничного и эволютивного толкования Конвенции» должны использоваться для толкования Конвенции как механизма международного судебного принуждения в области изменения климата и для включения в конвенционные права посредством толкования «права на борьбу с изменением климата» (§ 366, 368, 371–373, 375). По сути ЕСПЧ подтверждает тот факт, что эволютивное толкование стало необходимостью: «…неспособность Суда придерживаться динамичного и эволютивного подхода может привести к тому, что это станет препятствием для реформ или улучшений» (§ 455). Исходя из формулировок, заметно, что ЕСПЧ осознавал, что данное решение подвергнется критике и, возможно, осознанно ЕСПЧ в самом постановлении рассуждает о последствиях предложенного эволютивного толкования: «…результат судебного разбирательства… неизбежно будет ориентирован на будущее с точки зрения того, что требуется для обеспечения эффективного смягчения неблагоприятных последствий изменения климата» (§ 479).

Что касается расширительного толкования понятия «жертвы» в свете ст. 34 Конвенции, Суд ранее признавал в экологическом контексте, что «любое чрезмерно формальное толкование этой концепции сделает защиту прав, гарантированных Конвенцией, неэффективной и иллюзорной» [17]. В данном деле ЕСПЧ расширил концепцию статуса жертвы, чтобы позволить НПО иметь возможность обращаться в Страсбург даже в тех случаях, когда их члены не имеют статуса жертвы по смыслу ст. 34 Конвенции.

Оазисом среди пустыни выглядит позиция британского судьи Т. Эйке, который в особом мнении характеризует данное решение «попыткой бежать, прежде чем научиться ходить» (§ 69). По его мнению, разделяющего «вполне реальный смысл и необходимость срочной борьбы с антропогенным изменением климата», большинство судей ЕСПЧ вышло за рамки законности и допустимого и добились противоположного эффекта» (§ 70). Данное особое мнение заслуживает тщательного анализа, поскольку предостерегает Суд и иные международные органы от ряда последствий в вопросе расширения климатических прав частных лиц и обязанностей государств. Судья ЕСПЧ не возражает против эволютивного толкования в целом, однако выступает за более «осторожный, осмотрительный и постепенный подход Суда к эволютивному толкованию Конвенции»: «…большинство в этом деле вышло далеко за рамки того, что я считаю допустимыми пределами эволютивного толкования с точки зрения международного права» (§ 3).

Особую ценность в мнении судьи Т. Эйке представляет мысль о том, что «избрав такой подход и придя к такому выводу, большинство судей, по сути, дают (ложную) надежду на то, что судебные разбирательства и суды смогут дать “ответ”, не имея, по сути, никакой перспективы судебного разбирательства» по вопросам принятия необходимых мер по борьбе с антропогенным изменением климата: «фактически, существует значительный риск того, что новое право/обязанность… станут нежелательным и ненужным отвлекающим фактором для национальных и международных органов власти… поскольку это отвлечет внимание от текущих проблем» (§ 69). В этом контексте отмечается также бремя, которое ложится на плечи Комитета министров Совета Европы, ответственного за надзор за исполнением постановлений ЕСПЧ со стороны государств-ответчиков.

Одним из последствий эволютивного толкования стало расширение содержания ст. 8 Конвенции и появления права на «эффективную защиту со стороны государственных органов от серьезных неблагоприятных последствий для их жизни, здоровья, благополучия и качества жизни, возникающих в результате вредных последствий и рисков, вызванных изменением климата» (§§ 519, 544). И, наконец, данным постановлением Суд наложил на государства новую «основную» обязанность «принимать и эффективно применять на практике правила и меры, способные смягчить существующие и потенциально необратимые будущие последствия изменения климата» (§ 545). Как верно подчеркивает Т. Эйке, ни одно из этих «новых» прав и обязательств не имеет под собой никакой основы в ст. 8 или каком-либо другом положении Конвенции или Протокола к ней.

Решение ЕСПЧ, несомненно, имеет далеко идущие последствия, поскольку оно создает прецедент для всех 46 государств – членов Совета Европы. Граждане этих государств теперь могут потребовать пересмотра национальной политики в области климата для обеспечения защиты прав человека на основе принципов, установленных ЕСПЧ. Хотя можно утверждать, что это нововведение нормативно оправдано на основании особенностей изменения климата (§ 489) и «эволюции в современном обществе в отношении признания важности объединений» (§ 497), очевидно, что данное постановление не выглядит последовательным и выведенным из сложившейся практики Суда.

Данное дело предоставило ЕСПЧ не просто важную возможность уточнить свои стандарты в отношении климатических прав, но стало новым периодом развития эволютивного толкования в практике ЕСПЧ. Одним из наиболее ярких элементов этого постановления ЕСПЧ является то, что Суд стал трактовать ст. 8 Конвенции как охватывающую «право отдельных лиц на эффективную защиту со стороны государственных органов от серьезных неблагоприятных последствий изменения климата для их жизни, здоровья, благополучия и качества жизни».

Наконец, постановление по делу *Verein KlimaSeniorinnen Schweiz and Others v. Switzerland* имеет последствия, выходящие за рамки европейского контекста. С ростом влияния сравнительного права в судебных разбирательствах по климату и перекрестных ссылок между судами в разных юрисдикциях в знаковых делах, вполне вероятно, что рассматриваемое постановление окажет влияние на текущие и предстоящие судебные разбирательства в других юрисдикциях. Международный Суд ООН, Межамериканский суд по правам человека и иные международные суды или органы, возможно, будут рассматривать это решение для вдохновения при применении эволютивного толкования в экологических делах.

Венская конвенция о праве международных договоров и эволютивное толкование

Несмотря на то, что Венская конвенция о праве международных договоров (далее – ВКПМД) не содержит прямое упоминание эволютивного толкования, тем не менее ст. 31 данного документа предусматривает возможность интерпретации договора в свете его объекта и цели (п. 1), а также толкования посредством ссылок на другие нормы международного права, применимые в отношениях между сторонами (пп. «с» п. 3) [18]. На основе принципа добросовестности, закрепленного в п. 1 ст. 31 ВКПМД, эволютивное толкование Конвенции не может изменять содержание договора и, соответственно, выходить за пределы объекта и цели Конвенции. Если какое-либо положение должно толковаться в соответствии с объектом и целью Конвенции, эволютивное толкование должно привести его в соответствие с современной реальностью. При этом ст. 32 ВКПМД также предоставляет возможность обращаться к дополнительным средствам толкования. Из этого следует, что эволютивное толкование не было полностью исключено из ВКПМД.

В докладе Комиссии международного права на 65-й сессии в 2013 г. было отмечено, что «последующие соглашения и последующая практика в соответствии со ст. 31 и 32 ВКПМД могут помочь определить, состояло ли предполагаемое намерение сторон при заключении договора в том, чтобы придать используемому термину значение, которое может изменяться с течением времени» [19].

Правила ВКПМД о толковании служат руководящей основой для толкования Конвенции. Если каждый из 17 судей, заседающих в Большой Палате ЕСПЧ, будет по-разному толковать конвенционные права, обстоятельства дела и сами правила толкования, то число возможных результатов процесса толкования может быть различным. По мнению Фан Ювена, попытка унифицировать процесс толкования кажется «нереалистичной» [20]. С этой точки зрения попытка определить и прояснить правила толкования – это принятие желаемого за действительное. Существует мнение, что ЕСПЧ ввел в свою практику новые методы толкования, которые фактически приводят к фрагментации толковательных норм в международном праве. Критика также касается того, что ЕСПЧ пренебрегает оригинализмом и текстуализмом, делая выбор в пользу «морального прочтения» конвенционных прав, поэтому нормы ВКПМД о толковании играют ограниченную роль при интерпретации Судом Конвенции [21. P. 515]. С помощью данного метода толкования ЕСПЧ выполнил свою функцию по постепенному развитию первичных норм конвенционного права, что позволило Суду обеспечить определенную согласованность конвенционной системы.

Эволютивное толкование: взгляд судей

Мнения судей ЕСПЧ и иных международных судов, поддерживающих эволютивное толкование или критикующих, выглядят неоднозначными. Эта неоднозначность коренится в фундаментальном напряжении между стабильностью права и его способностью отвечать вызовам современности. Например, бывший российский судья ЕСПЧ А.И. Ковлер отмечает, что эволютивное толкование придает Суду «определенные функции нормотворчества» [22. С. 97]. Член Постоянной палаты третейского суда М. Боссайт заявил в своей речи, что доктрина «живого инструмента» – это «троянский конь для судейского активизма, дающий страсбургским судьям свободу находить то, что они хотят найти в рамках конвенционных прав» [23. P. 7]. Другая группа юристов-международников считает, что приоритет должен отдаваться первоначальным намерениям и пониманию конвенционных норм, которое существовало в 1950 г. По мнению К. Дегтярева, применение Судом эволютивного толкования противоречит первоначальному согласию договаривающихся сторон [24. P. 209]. Г. Раймонди, бывший председатель ЕСПЧ, напротив, отметил, что, реализуя динамичный подход, Суд превратил Конвенцию в живой инструмент, предоставив ей возможность идти в ногу с событиями, происходящими в национальном и европейском обществе [25. С. 17].

В деле *Marckx v. Belgium* судья П. Фаринья в своем особом мнении отметил, что роль судебной власти заключается в применении конвенционных прав, а не в изменении текста Конвенции [4. § 4]. Бывший судья ЕСПЧ Франсуаза Тюлькенс в свою очередь заявляет, что эволютивное толкование необходимо для достижения баланса между правовой определенностью и гибкостью [26. P. 6]. Бывший председатель Верховного суда Соединенного Королевства Бренда Хейл признала, что значение отдельных терминов в Европейской конвенции, таких как «семейная жизнь», обязательно будет развиваться с течением времени [27. P. 538], ссылаясь на ряд дел, в которых ЕСПЧ в последнее время подтвердил существование «права на семейную жизнь» у детей, рожденных вне брака. Это примеры применения формулировок Конвенции к ситуациям, которые, возможно, не были предусмотрены первоначальными составителями, но которые полностью могут быть охвачены используемым контекстом и согласуются с её основополагающими принципами и целью.

Дж. Лоус, судья Апелляционного суда Великобритании, согласен с этим подходом: «Я не думаю, что вы можете принять буквалистский взгляд на международный документ, который применяется с течением времени к различным ситуациям. Я не думаю, что подход “отцов-основателей” очень полезен. Эволютивный подход должен действовать и преобладать в отношении многих различных государственных юрисдикций. То, что может показаться чрезмерно навязчивым в одном государстве, может и не быть таковым в другом» [28]. В.Д. Зорькин, председатель Конституционного Суда РФ, подчеркивает, что «так называемое эволютивное толкование Конвенции Европейским Судом, по сути дела, направлено на создание нового унифицированного европейского правопорядка» [29].

Как справедливо отмечает К. Драгичи, сама Конвенция знает несколько механизмов для того, чтобы государства высказывали свою обеспокоенность по поводу применения Судом эволютивного толкования Конвенции [30. P. 165]. При этом игнорирование и неисполнение постановлений ЕСПЧ не служат эффективной реакцией и влечет за собой международно-правовую ответственность. В некотором смысле эволютивное толкование противоречит предсказуемости права или правовой определенности, что является одной из важнейших ценностей Конвенции. В деле *Mamatkulov and Askarov v. Turkey* Суд отметил, что хотя он «формально не обязан следовать своим предыдущим решениям, в интересах правовой определенности и предсказуемости, он не должен без уважительной причины отступать от своих собственных прецедентов» [31]. В этом смысле эволютивное толкование противоречит таким принципам, как последовательность и правовая определенность.

Консенсус и свобода усмотрения

Европейский консенсус, как правило, служит для Суда средством обоснования применения эволютивного толкования в конкретном деле. В то же время отсутствие консенсуса между государствами позволяет ЕСПЧ ссылаться на национальную свободу усмотрения. При анализе консенсуса в рамках эволютивного толкования В.Д. Зорькин отмечает: «Прежде всего, необходимо подчеркнуть: я вовсе не считаю, что конструкция европейского консенсуса является, как пишут некоторые критически настроенные авторы, опасным рычагом судейского активизма. На мой взгляд, ориентация на европейский консенсус – это наиболее эффективный, из имеющихся в распоряжении ЕСПЧ, способ демократической легитимации его решений. Он позволяет Страсбургскому Суду опереться на такие объективные основания, как сложившаяся законодательная и правоприменительная практика демократических государств» [32].

Как отмечает К. Дегтярев, европейский консенсус действует на грани усмотрения и эволютивного толкования: оба они необходимы для поддержания стабильности страсбургской системы, причем первое не позволяет ЕСПЧ заходить слишком далеко в разработке стандартов в области прав человека, а второе гарантирует, что ЕСПЧ не превратится в бессмысленный инструмент сохранения взглядов 60-летней давности, когда Конвенция была разработана, подписана и ратифицирована первоначальными Договаривающимися сторонами [24. P. 129]. Российский исследователь С.И. Коваленко подчеркивает, что «несмотря на имеющиеся методологические недостатки выявления консенсуса, данный метод важен для повышения легитимности постановлений ЕСПЧ» [33. С. 14].

Т. Кляйнляйн, рассматривая европейский консенсус сквозь призму процедурной рациональности (или как сам автор называет «*proceduralization*»), отмечает, что ЕСПЧ может рассматривать отсутствие европейского консенсуса «в качестве причины для дополнительного рассмотрения процедурных критериев с целью определения пределов усмотрения» [34. P. 105]. По мнению немецкого профессора, для того, чтобы Суд мог основывать европейский консенсус на глубоком сравнительном анализе, государства-члены должны активно реализовывать конвенционные права. Это позволяет ЕСПЧ легче обнаружить, подтвердить и консолидировать любой консенсус.

Доктрина свободы усмотрения предусматривает, что национальные власти находятся в лучшем положении и играют первостепенную роль в защите прав человека. Суд предоставляет широкую свободу усмотрения государству-ответчику в случаях, если не обнаруживает консенсуса среди государств членов по морально чувствительным вопросам. Однако, например, в таких делах, как *Rees v. United Kingdom* (1986), *Sheffield and Horsham v.UK* (1998), Суд, не найдя консенсуса среди договаривающихся государств, в итоге признал нарушение прав заявителей [35].

ЕСПЧ может ограничить сферу действия свободы усмотрения, предоставляемого договаривающимся государствам, если существует европейский консенсус по какому-либо вопросу, и следовать толкованию определенного права, которое предпочитают большинство государств. Доктрины консенсуса и свободы усмотрения тесно связаны с эволютивным толкованием Конвенции, которое позволяет Суду постепенно

обновлять свое понимание прав, в то же время поддерживая субсидиарность наднациональной защиты прав человека, когда договаривающиеся стороны не сходятся во мнениях по определенному вопросу прав человека.

Протокол № 15 к Конвенции прямо включает доктрину свободу усмотрения в преамбулу Конвенции [36], делая эту доктрину одной из ключевых в конвенционной системе. Суд считает, что национальные власти лучше информированы о местных условиях, местных потребностей о надлежащем балансе между защитой интересов человека и статусом и цели общества, о котором идет речь. При эволютивном толковании ключевую роль играет также принцип субсидиарности, означающий, что что государства несут главную ответственность за защиту прав, предусмотренных Конвенцией, в то время как Суд выполняет вспомогательную и надзорную роль. С одной стороны, Суд должен сохранять эффективность конвенционной системы и не отставать от времени, с другой – государства должны обладать достаточной свободой усмотрения и иметь особые полномочия при выборе способов исполнения эволютивных решений. В постановлении по делу *S. and Marper v. the United Kingdom* Суд отметил: «Свобода усмотрения должна быть оставлена за компетентными национальными органами... Ширина этой границы варьируется и зависит от ряда факторов, включая характер права, о котором идет речь в Конвенции, его важность для отдельного лица, характер вмешательства и цель, преследуемую вмешательством. Граница, как правило, будет более узкой, когда право, о котором идет речь, имеет решающее значение для эффективного осуществления индивидом интимных или ключевых прав… Однако там, где в государствах – членах Совета Европы нет консенсуса ни относительно относительной важности интересов, о которых идет речь, ни относительно того, как наилучшим образом их защитить, разница будет больше» [37].

Лишь посредством консенсуса и свободы усмотрения можно полностью понять и раскрыть доктрину живого инструмента и то, как эта доктрина работает. Расширение пределов усмотрения государств закладывает основу для прогрессивного развития консенсуса в европейских государствах. ЕСПЧ постоянно конкретизирует эволюционирующие минимальные стандарты защиты прав человека. Этот элемент динамической интерпретации особенно актуален в отношении прав, на которые влияют результаты технологического прогресса, биоэтики, социальные изменения или изменения моральных или этических убеждений.

Заключение

Международные договоры – «громоздкие механизмы», которые не могут быстро изменяться и, следовательно, могут все меньше соответствовать современным реалиям [38. P. 88]. Нельзя не согласиться с тем, что Конвенция, принятая 75 лет назад, во многих отношениях «демонстрируют свой возраст, и, следовательно, мы вступаем в период, когда требуется большая гибкость в толковании международных договоров» [38. P. 88]. В практике ЕСПЧ можно встретить немало постановлений, вызвавших критику с точки зрения эволютивного толкования. Тем не менее моральное прочтение Конвенции посредством эволютивного толкования Страсбургским судом внесло огромный вклад в развитие международного права прав человека и стало необходимым условием существования Суда и эффективного функционирования конвенционной системы. Неоднозначность мнений судей и ученых по поводу эволютивного толкования – это не признак слабости конвенционной системы, а отражение ее сложности и динамичности. Это постоянный диалог между гибкостью (эффективностью) и стабильностью (предсказуемостью) права, между наднациональным регулированием и национальным суверенитетом. Идеального баланса не существует, и каждое новое эволютивное постановление ЕСПЧ неизбежно будет порождать споры о том, где проходит грань между развитием права и вторжением в компетенцию государств. Исследование эволютивного толкования в контексте российской правовой доктрины и практики важно не только с академической точки зрения, но и имеет вполне практическое, прикладное значение, несмотря на текущие политические сложности в отношениях с Советом Европы. Даже в условиях, когда Россия больше не является участником Конвенции, знание эволютивного толкования дает новые инструменты для толкования Конституции и законов Российской Федерации. Изучение эволютивного толкования позволяет также не просто копировать западный опыт, но и вырабатывать аргументированную критическую позицию. Понимая плюсы и минусы этого метода (судейский активизм, угроза правовой определенности, о чем говорилось выше), российская доктрина может предлагать свои пути решения схожих проблем (например, защита новых социальных или климатических права), не повторяя чужих ошибок.

По сути, динамическое толкование выступает в качестве средства разработки прогрессивных решений в прецедентной практике международных судов в соответствии с современной социальной реальностью и консенсусом, достигнутым государствами. В некотором смысле соотношение времени и международного права – это попытка международных судов найти необходимый баланс между расширительным толкованием и первоначальным намерением разработчиков международных норм. На наш взгляд, опыт ЕСПЧ может быть использован для эволютивного толкования не только в рамках конвенционной системы, но и отдельных европейских стран, в том числе и России.

Список источников

1. ECtHR. Christine Goodwin v. United Kingdom [GC], № 28957/95, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 11 July 2002, § 74. ECtHR. Glass v. United Kingdom, № 61827/00, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 9 March 2004. ECtHR. Bekos and Koutropoulos v. Greece, № 15250/02, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 13 December 2005. ECtHR. Demir and Baykara v. Turkey, No 34503/97, Merits and Just Satisfaction, 12 November 2008, § 146.

2. Сыченко Е.В. Некоторые аспекты эволюции Европейской конвенции по правам человека // Трудовое право в России и за рубежом. 2014. № 4. С. 53–58.
3. ECtHR. Christine Goodwin v. United Kingdom [GC], № 28957/95, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 11 July 2002, § 74.
4. ECtHR. Marckx v. Belgium, № 6833/74. Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 13 June 1979, § 41, 58.
5. Letsas G. The ECHR as a Living Instrument: Its Meaning and Legitimacy // Føllesdal A., Peters B., Ulfstein G. (Eds), Constituting Europe: The European Court of Human Rights in a National, European, and Global Context. Cambridge, Cambridge University Press, 2013. P. 106–141.
6. ECtHR. Sheffield and Horsham v. the United Kingdom [GC], № 22985/93, 23390/94. Judgment (Merits) of 30 July 1998, § 58.
7. ECtHR. Rantsev v. Cyprus and Russia, № 25965/04. Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 7 January 2010, § 282.
8. Гаврилова Ю.А. Об эволютивном толковании в российском праве // Legal Concept = Правовая парадигма. 2021. Т. 20, № 1. С. 50–55. doi: 10.15688/lc.jvolsu.2021.1.7
9. ECtHR. Soering v. United Kingdom, no. 14038/88. Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 7 July 1989, § 87.
10. Gerards J. General Principles of the European Convention on Human Rights. Cambridge University Press. 2019. 274 p. doi: 10.1017/9781108652926
11. Carozza P.G. Uses and Misuses of Comparative Law in International Human Rights: Some Reflections on the Jurisprudence of the European Court of Human Rights // Notre Dame Law Review. 1998. Vol. 73 (5). P. 1217–1238.
12. ECtHR. Magyar Helsinki Bizottság v. Hungary [GC], № 18030/11, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 8 November 2016, §§ 118-122.
13. ECtHR. Slovenia v. Croatia [GC], Decision, № 54155/16, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 18 November 2020, § 60.
14. ECtHR. Güzelyurtlu and Others v. Cyprus and Turkey [GC], № 36925/07, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 29 January 2019, § 235.
15. ECtHR. Verein KlimaSeniorinnen Schweiz and Others v. Switzerland [GC], № 53600/20, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 9 April 2024.
16. ECtHR. Caamaño Valle v. Spain, № 43564/17, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 11 May 2021, § 53.
17. ECtHR. Gorraiz Lizarraga and Others v. Spain, № 62543/00, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 27 April 2004, § 38.
18. Венская конвенция о праве международных договоров. Принята 23 мая 1969 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения 05.04.2026).
19. Report of the International Law Commission on the work of its Sixty-fifth session (6 May to 7 June and 8 July to 9 August 2013), General Assembly, Official Records, Sixty-eighth session, Supplement No 10 (A/68/10) 24–30.
20. Yuwen F. Revisiting ECtHR Interpretation of the ECHR: Living Up to a Living Instrument // FISCAL Policy Brief Series. 2016. No. 65. URL: https://www.fichl.org/fileadmin/fichl/documents/FICHL_Policy_Brief_Series/160624_PBS_No._65__2016___FAN_Yuwen_.pdf (дата обращения: 05.04.2026).
21. Letsas G. Strasbourg's Interpretive Ethic: Lessons for the International Lawyer // European Journal of International Law, 2010. Vol. 21(3). P. 509–541. doi: 10.1093/ejil/chq056
22. Ковлер А.И. Эволютивное толкование европейской Конвенции по правам человека: возможности и пределы. Европейский Суд по правам человека как субъект толкования права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3 (58). С. 92–100. doi: 10.12737/20582
23. Bossuyt M. Judicial activism in Europe: the case of the European Court of Human Rights (speech). 2013. P. 7. URL: http://archive.openeurope.org.uk/Content/Documents/speechmarcbossuytopeneuropesept2013.pdf (дата обращения: 05.04.2026).
24. Dzehtsiarou K. European Consensus and the Legitimacy of the European Court of Human Rights. Cambridge : Cambridge University Press, 2015. 229 p. doi: 10.1017/CBO9781139644471
25. Энциклопедия Европейского суда по правам человека. Т. 1 / Гл. ред. В. Портнов. М. : Издательство «Ирга 5», 2018. 470 с.
26. Tulkens F. Introduction. Dialogue Between Judges, European Court of Human Rights: What Are the Limits to the Evolutive Interpretation of the Convention? 2011. Council of Europe, p. 6. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Dialogue_2011_ENG.pdf (дата обращения: 05.04.2026).
27. Hale B. Common Law and Convention Law: The Limits to Interpretation // European Human Rights Law Review. 2011. Vol. 5. P. 534–542.
28. Laws J. Interview, 16 January 2012. URL: https://www.equalityhumanrights.com/sites/default/files/83._european_court_of_human_rights.pdf (дата обращения: 05.04.2026).
29. Зорькин В.Д. Недостатки в Конституции можно устранить точечными изменениями // Российская газета. 2018. Федеральный выпуск: № 226(7689). URL: https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniiami.html (дата обращения: 05.04.2026).
30. Draghici C. The Human Rights Act in the Shadow of the European Convention: Are copyist's Errors Allowed? // European Human Rights Law Review. 2014. No. 2. P. 154–169.
31. ECtHR. Mamatkulov and Askarov v. Turkey [GC], № 46827/99, 46951/99. Judgment (Merits) of 4 February 2005, § 121.
32. Зорькин В.Д. Проблемы реализации конвенции о правах человека. Выступление Председателя КС РФ. URL: https://naukaru.ru/ru/nauka/article/9524/view (дата обращения: 05.04.2026).
33. Коваленко С.И. Теоретико-практические аспекты эволюционного толкования Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в практике Европейского Суда по правам человека : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2019.
34. Kleinlein T. The procedural approach of the European Court of Human Rights: between subsidiarity and dynamic evolution // International & Comparative Law Quarterly. 2019. Vol. 68, Is. 1. P. 91–110. doi: 10.1017/S0020589318000416
35. ECtHR, Rees v. United Kingdom, № 9532/81), Judgment (Plenary) of 17 October 1986, Series A, No. 106; ECtHR, Sheffield and Horsham v. UK, № 22985/93 and 23390/94), Judgment (Grand Chamber) of 30 July 1998, Reports 1998-V.
36. Protocol No 15 amending the Convention on the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, 24 June 2013, part 1, ETS 213 (entered into force on 1 August 2021).
37. ECtHR. S. and Marper v. the United Kingdom, № 30562/04, 30566/04. Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 4 December 2008, § 102.
38. Murphy D. Sean. The Relevance of Subsequent Agreement and Subsequent Practice for the Interpretation of Treaties // Treaties and Subsequent Practice / Nolte G. (Ed.). Oxford University Press, 2013. P. 82–94. doi: 10.1093/law/9780199679195.003.0133

References

1. ECtHR. *Christine Goodwin v. United Kingdom* [GC], No. 28957/95, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 11 July 2002, § 74. ECtHR. *Glass v. United Kingdom*, No. 61827/00, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 9 March 2004. ECtHR. *Bekos and Koutropoulos v. Greece*, No. 15250/02, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 13 December 2005. ECtHR. *Demir and Baykara v. Turkey*, No. 34503/97, Merits and Just Satisfaction, 12 November 2008, § 146.
2. Sychenko, E.V. (2014) Nekotorye aspekty evolyutsii Evropeyskoy konventsii po pravam cheloveka [Some aspects of the evolution of the European Convention on Human Rights]. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom – Labour Law in Russia and Abroad*. 4. pp. 53–58.
3. ECtHR. *Christine Goodwin v. United Kingdom* [GC], No. 28957/95, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 11 July 2002, § 74.
4. ECtHR. *Marckx v. Belgium*, No. 6833/74. Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 13 June 1979, § 41, 58.
5. Letsas, G. (2013) The ECHR as a Living Instrument: Its Meaning and Legitimacy. In: Follesdal, A., Peters, B. & Ulfstein, G. (eds) *Constituting Europe: The European Court of Human Rights in a National, European, and Global Context*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 106–141.
6. ECtHR. *Sheffield and Horsham v. the United Kingdom* [GC], No. 22985/93, 23390/94. Judgment (Merits) of 30 July 1998, § 58.
7. ECtHR. *Rantsev v. Cyprus and Russia*, No. 25965/04. Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 7 January 2010, § 282.

8. Gavrilova, Yu.A. (2021) Ob evolyutivnom tolkovanii v rossiyskom prave [On evolutive interpretation in Russian law]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma – Legal Concept = Legal Paradigm*. 20 (1). pp. 50–55. doi: 10.15688/lc.jvolsu.2021.1.7
9. ECtHR. *Soering v. United Kingdom*, no. 14038/88. Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 7 July 1989, § 87.
10. Gerards, J. (2019) *General Principles of the European Convention on Human Rights*. Cambridge University Press. 274 p. doi: 10.1017/9781108652966
11. Carozza, P.G. (1998) Uses and Misuses of Comparative Law in International Human Rights: Some Reflections on the Jurisprudence of the European Court of Human Rights. *Notre Dame Law Review*. 73 (5). pp. 1217–1238.
12. ECtHR. *Magyar Helsinki Bizottság v. Hungary* [GC], No. 18030/11, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 8 November 2016, §§ 118-122.
13. ECtHR. *Slovenia v. Croatia* [GC], Decision, No. 54155/16, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 18 November 2020, § 60.
14. ECtHR. *Güzelyurtlu and Others v. Cyprus and Turkey* [GC], No. 36925/07, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 29 January 2019, § 235.
15. ECtHR. *Verein KlimaSeniorinnen Schweiz and Others v. Switzerland* [GC], No. 53600/20, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 9 April 2024.
16. ECtHR. *Caamaño Valle v. Spain*, No. 43564/17, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 11 May 2021, § 53.
17. ECtHR. *Gorraiz Lizarraga and Others v. Spain*, No. 62543/00, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 27 April 2004, § 38.
18. UN. (2026) *Venskaya konventsiya o prave mezhdunarodnykh dogovorov. Prinyata 23 maya 1969 goda* [Vienna Convention on the Law of Treaties. Adopted 23 May 1969]. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (Accessed: 05.04.2026).
19. UN General Assembly. (2013) *Report of the International Law Commission on the work of its Sixty-fifth session (6 May to 7 June and 8 July to 9 August 2013)*, General Assembly, Official Records, Sixty-eighth session, Supplement No 10 (A/68/10) 24–30.
20. Yuwen, F. (2016) Revisiting ECtHR Interpretation of the ECHR: Living Up to a Living Instrument. *FISCAL Policy Brief Series*. No. 65. [Online] Available from: https://www.fichl.org/fileadmin/fichl/documents/FICHL_Policy_Brief_Series/160624_PBS_No._65__2016___FAN_Yuwen_.pdf (Accessed: 05.04.2026).
21. Letsas, G. (2010) Strasbourg's Interpretive Ethic: Lessons for the International Lawyer. *European Journal of International Law*. 21 (3). pp. 509–541.
22. Kovler, A.I. (2016) Evolyutivnoe tolkovanie evropeyskoy Konventsii po pravam cheloveka: vozmozhnosti i predely. Evropeyskiy Sud po pravam cheloveka kak sub"ekt tolkovaniya prava [Evolutive interpretation of the European Convention on Human Rights: possibilities and limits. The European Court of Human Rights as a subject of legal interpretation]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya – Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 3 (58). pp. 92–100. doi: 10.12737/20582
23. Bossuyt, M. (2013) *Judicial activism in Europe: the case of the European Court of Human Rights (speech)*. p. 7. [Online] Available from: http://archive.openeurope.org.uk/Content/Documents/speechmarcbossuytopeneuropeesp2013.pdf (Accessed: 05.04.2026).
24. Dzehtsiarou, K. (2015) *European Consensus and the Legitimacy of the European Court of Human Rights*. Cambridge: Cambridge University Press. 229 p. doi: 10.1017/CBO9781139644471
25. Portnov, V. (ed.) (2018) *Entsiklopediya Evropeyskogo suda po pravam cheloveka. T. 1* [Encyclopedia of the European Court of Human Rights. Vol. 1]. Moscow: Izdatel'stvo "Igra 5". 470 p.
26. Tulkens, F. (2011) Introduction. Dialogue Between Judges. European Court of Human Rights: What Are the Limits to the Evolutive Interpretation of the Convention? Council of Europe, p. 6. [Online] Available from: https://www.echr.coe.int/Documents/Dialogue_2011_ENG.pdf (Accessed: 05.04.2026).
27. Hale, B. (2011) Common Law and Convention Law: The Limits to Interpretation. *European Human Rights Law Review*. 5. pp. 534–542.
28. Laws, J. (2012) *Interview, 16 January 2012*. [Online] Available from: https://www.equalityhumanrights.com/sites/default/files/83._european_court_of_human_rights.pdf (Accessed: 05.04.2026).
29. Zor'kin, V.D. (2018) Nedostatki v Konstitutsii mozhno ustranit' tochechnymi izmeneniyami [Shortcomings in the Constitution can be eliminated by pinpoint amendments]. *Rossiyskaya gazeta – Russian Gazette*. Federal issue: No. 226(7689). [Online] Available from: https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniiami.html (Accessed: 05.04.2026).
30. Draghici, C. (2014) The Human Rights Act in the Shadow of the European Convention: Are copyist's Errors Allowed? *European Human Rights Law Review*. 2. pp. 154–169.
31. ECtHR. *Mamatkulov and Askarov v. Turkey* [GC], No. 46827/99, 46951/99. Judgment (Merits) of 4 February 2005, § 121.
32. Zor'kin, V.D. (n.d.) *Problemy realizatsii konventsii o pravakh cheloveka. Vystuplenie Predsedatelya KS RF* [Problems of Implementing the Convention on Human Rights. Speech of the Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation]. [Online] Available from: https://naukaru.ru/ru/nauka/article/9524/view (Accessed: 05.04.2026).
33. Kovalenko, S.I. (2019) *Teoretiko-prakticheskie aspekty evolyutsionnogo tolkovaniya Evropeyskoy konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod v praktike Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka* [Theoretical and Practical Aspects of the Evolutionary Interpretation of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms in the Practice of the European Court of Human Rights]. Law Cand. Diss. St. Petersburg.
34. Kleinlein, T. (2019) The procedural approach of the European Court of Human Rights: between subsidiarity and dynamic evolution. *International & Comparative Law Quarterly*. 68 (1). pp. 91–110. doi: 10.1017/S0020589318000416
35. ECtHR, *Rees v. United Kingdom*, No. 9532/81, Judgment (Plenary) of 17 October 1986, Series A, No. 106; ECtHR, *Sheffield and Horsham v. UK*, No. 22985/93 and 23390/94, Judgment (Grand Chamber) of 30 July 1998, Reports 1998-V.
36. *Protocol No 15 amending the Convention on the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms*, 24 June 2013, part 1, ETS 213 (entered into force on 1 August 2021).
37. ECtHR. *S. and Marper v. the United Kingdom*, No. 30562/04, 30566/04. Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 4 December 2008, § 102.
38. Murphy, D. Sean. (2013) The Relevance of Subsequent Agreement and Subsequent Practice for the Interpretation of Treaties. In: Nolte, G. (ed.) *Treaties and Subsequent Practice*. Oxford University Press. pp. 82–94. doi: 10.1093/law/9780199679195.003.0133

Информация об авторе

Оганесян Т.Д. – канд. юрид. наук, доцент кафедры международного права, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: t.oganesian@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.D. Oganesian, Cand. Sci. (Law), associate professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: t.oganesian@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.12.2025;
одобрена после рецензирования 05.04.2026; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 10.12.2025;
approved after reviewing 05.04.2026; accepted for publication 29.06.2026.